

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2020

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Т. Г. Иванова. Трансформации былинного типического места «расспросы о роде-племени» в исторической песне о Степане Разине	5
ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ	
М. Г. Сальман. Два ученика профессора С. А. Венгерова (по архивным источникам).	21
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
С. А. Семячко. Почитание преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери: метаморфозы исторической памяти	41
Т. А. Исаченко. Затерявшийся автограф Второго Послания к архимандриту Феодосию преподобного Паисия (Величковского)	52
А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова	65
В. С. Полилова. Два мавританских романа в переводе Р. Т. Гонорского	75
А. В. Курочкин. «...Племянник был молод, а дядя кроток...» (А. С. Пушкин и его дядя в письмах современников к графу Д. И. Хвостову)	79
М. Ю. Коренева, Е. О. Ларионова. А. И. Тургенев и Ф. В. Шеллинг. Дополнение к теме	92
Л. А. Трахтенберг. Басня И. А. Крылова «Лещи» и ее французский источник	99
А. А. Панченко. О каких духоборцах писал А. И. Герцен в «Былом и думах»?	102
В. А. Лукина. Новонайденный беловой автограф рассказа И. С. Тургенева «Бригадир»: хронология и текстология	112
К. М. Азадовский. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик	122
Приложение. Александр Браунер. Письма Федору Сологубу 1897–1912 годов (подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	145
Из материалов к биографии Вадима Баяна: письма к Федору Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Крусанова и Т. В. Мисникевич)	161
Т. А. Пахарева (Украина). Несколько предположений о стихотворении О. Э. Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии...»	182

М. Э. Баскина (Маликова). К описанию «филологического перевода» 1930-х годов: как сделан перевод «Жизни» Бенвенуто Челлини М. Л. Лозинским	189
Е. И. Ляпушкина. «Карусель истины» (смысл эпиграфа в романе В. В. Набокова «Дар»).	205

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Г. Н. Боева. Ключи к цветочному шифру в мировой литературе XIX — начала XX века	211
Е. Г. Маслова, Е. В. Чернецова. Монография о смеховом слове в творчестве русских писателей первой трети XIX века	214
В. П. Киржаева, О. Е. Осовский. «В нашей боевой и напряженной идеологической жизни...»: двухтомник П. Н. Медведева как документ эпохи	215

ХРОНИКА

О. А. Линдеберг. Научный семинар «Русская словесность в 1919 году: текст и контекст»	217
Е. Д. Конусова. XLIII Мальшевские чтения	218
Н. А. Прозорова. Третий научный семинар «Русская литература в советскую эпоху»	222
Д. М. Буланин. Международная конференция в Сеговии «От скриптории к библиотеке» и образованность древних славян	223
С. А. Кибальник. XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского в США	225
Л. В. Хачатурян. Четвертый круглый стол «Текст как DATA: рукопись в цифровом пространстве»	228
Памяти Вадима Дмитриевича Рака	231
Summaries	233

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ,
А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН,
А. А. ПАНЧЕНКО, В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2020
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2020
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2020

RUSSKAYA LITERATURA

№ 1

Historical and Literary Studies

2020

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
T. G. Ivanova. «Questioning about the Clan-Tribe»: Transformations of the Bylina's <i>Locus Communis</i> in a Historical Song about Stepan Razin	5
HISTORY OF THE RUSSIAN SCHOLARSHIP	
M. G. Sal'man. Two Students of Professor S. A. Vengerov (Archival Sources)	21
RELEASES AND REPORTS	
S. A. Semiachko. The Cults of St. Paisius of Galich and of the Ovinovskaya Icon of the Mother of God: Metamorphoses of Historical Memory	41
T. A. Isachenko. The Lost Autograph of the Second Epistle of St. Paisius Velichkovsky to Theodosius	52
A. Iu. Veselova, M. P. Miliutin. Regarding the Composition of the Corps of Memoirs of A. T. Bolotov	65
V. S. Polilova. Two Moorish <i>Romances</i> Translated by R. T. Gonorsky	75
A. V. Kurochkin. «...The Nephew Was Young, and the Uncle Was Gentle...» (A. S. Pushkin and his Uncle in the Letters of the Contemporaries to Count D. I. Khvostov)	79
M. Iu. Koreneva, E. O. Larionova. A. I. Turgenev and F. W. Schelling. Addition to the Topic	92
L. A. Trakhtenberg. «The Breams», a Fable by I. A. Krylov, and its French Source	99
A. A. Panchenko. Who Were the <i>Doukhobors</i> Discussed by Herzen in <i>My Past and Thoughts?</i>	102
V. A. Lukina. The Newly Discovered Fair Copy of I. S. Turgenev's Short Story <i>The Brigadier</i> : Chronology and Textology	112
K. M. Azadovsky. The Vienna Accent: Fyodor Sologub and His Translator	122
Appendix. Alexander Brauner. Letters to Fyodor Sologub, 1897–1912 (Editing and Comments by M. M. Pavlova)	145
Sources for Vadim Bayan's Biography: Letters to Fyodor Sologub and An. N. Chebotarevskaya (Introduction, Editing and Comments by A. V. Krusanov, T. V. Misnikevich)	161

T. A. Pakhareva (<i>Ukraine</i>). A Few Insights into the Poem by O. E. Mandelstam <i>On the Stone Spurs of Pieria</i>	182
M. E. Baskina (Malikova) . Towards the Definition of «Philological Translation» of the 1930s: How M. L. Lozinsky's Translation of Benvenuto Cellini's <i>La Vita Is Made</i>	189
E. I. Liapushkina . «Carousel of Truth» (The Meaning of the Epigraph in V. V. Nabokov's Novel <i>The Gift</i>)	205

REVIEWS

G. N. Boeva . Keys to the Flower Code in the World Literature of the 19th — Early 20th Centuries	211
E. G. Maslova, E. V. Chernitsova . Monograph on Laughter in the Works of the Russian Writers of the First Third of the 19th Century	214
V. P. Kirzhaeva, O. E. Osovsky . «In Our Life Full of Ideological Combat and Suspense...»: P. N. Medvedev's Two-Volume Edition as a Document of the Epoch	215

NEWSREEL

O. A. Lindeberg . <i>Russian Literature in 1919: Text and Context</i> Research Seminar	217
E. D. Konusova . XLIIIth Malyshev Readings	218
N. A. Prozorova . <i>Russian Literature in the Soviet Era</i> Third Research Seminar	222
D. M. Bulanin . <i>From the Scriptorium to the Library</i> International Conference in Segovia and the Education of Ancient Slavs	223
S. A. Kibal'nik . XVII Symposium of the International Society of F. M. Dostoevsky in the USA	225
L. V. Khachaturian . <i>Text as DATA: Manuscripts in the Digital Space</i> Fourth Round Table Discussion	228
In Memoriam Vadim Dmitrievich Rak	231
Summaries	233

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

N. A. BOGOMOLOV, M. GARZANITI, S. GARZONIO, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, V. SCHMIDT, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKY, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

© Russian Academy of Sciences, 2020
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2020
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2020

ТРАНСФОРМАЦИИ БЫЛИННОГО ТИПИЧЕСКОГО МЕСТА «РАССПРОСЫ О РОДЕ-ПЛЕМЕНИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Наследие былинной поэтики в исторических песнях XVI–XVII веков представлено на разных уровнях. Так, в «Кострюке» прочитывается эпический закон «предварительной недооценки богатыря»: Потанюшка Хроменький (хромота и есть его недооценка) побеждает чужеземного нахвальщика Кострюка (ср. былинный сюжет «Илья Муромец и Идолище»: русский богатырь, съедающий за один раз лишь корочку хлеба и выпивающий чарочку пива, побивает обжору-богатыря Идолище).¹ «Старшие» исторические песни наследуют от былин и типические места (*loci communes*). Например, типические места «пир у князя Владимира» и «хвастовство на пиру» сложились в эпической традиции: чуть ли не половина былинных текстов начинаются с пира. Пир является зачином и популярнейшей песни XVI века «Гнев Ивана Грозного на сына». Равным образом «старшие» исторические песни заимствуют от былин и такое типическое место, как «седлание коня» (см., к примеру, это *locus communis* в некоторых вариантах исторической песни начала XVII века о Михаиле Скопине-Шуйском).

Однако подчеркнем, былинные типические места «пир» и «седлание коня» в исторических песнях не претерпевают по сравнению с былинами практические никакие изменений. Типическое же место «расспросы о роде-племени» в песне разинского цикла «Сынок» (Крестьянская война под руководством Степана Разина разворачивалась в Поволжье в 1670–1671 годах), которое является предметом нашего исследования, напротив, демонстрирует множество вариаций. Названное былинное *locus communis* в исторической песне трансформируется, расширяется, изменяется, наполняется другим, относительно былины, содержанием, что мы и постараемся показать.

Классическая ситуация реализации темы «расспросы о роде-племени» в былинах связана со столкновением богатырей в чистом поле: бой Ильи Муромца и Сокольника; поединок Добрыни и Дуная; битва Добрыни Никитича и Ильи Муромца; поединок Дуная с Настасьей-богатыршей (в составе былины «Дунай-сват») и подобный же бой Добрыни Никитича с Настасьей Никуличной (в составе былины «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»). В былинах, в эпизоде, когда победивший расспрашивает побежденного, формула предельно лаконична:

¹ О законе предварительной недооценки богатыря см.: Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.

А ты какого роду-племени,
А ты какого отца-матери...²

(«Илья Муромец и Сокольник»)

Очевидно, что былины, созданные в X–XIII веках, на заре русской государственности, отражают ту эпоху, когда родо-племенные отношения еще не были изжиты до конца и в чем-то оставались актуальными. Именно поэтому былинная формула знакомства богатырей (часто в результате поединка) включает понятия о роде и племени. В то же время обратим внимание на то, что типическое место помимо формулы «род-племя» содержит формулу «какого отца-матери», что свидетельствует об определенном «сдвиге» (слово Б. Н. Путилова,³ давшего фундаментальное описание историко-типологического метода) в общественных отношениях: на первое место выдвигается уже не род, а семья и, следовательно, отец и мать, стоящие во главе семьи.

В былинах сложилась и другая версия расспросов героя при первой встрече с противником — с лексемами «земля», «страна», «орда». Так, киевский богатырь Чурила задает приезжему из Галича Дюку Степановичу такой вопрос:

Ты с какой-де страны, да ты какой земли,
Ты какой-де земли, ище какой Орды...⁴

(«Дюк Степанович и Чурила Пленкович»)

Подобного рода формула встречается в былинных сюжетах «Илья Муромец и Соловей Разбойник» (вопрос князя Владимира к приехавшему в Киев Илье Муромцу), «Ставр Годинович» (обращение князя Владимира к жене Ставра, прибывшей в Киев в мужском образе) и т. д. Полагаем, что данная версия типического места сложилась много позднее по сравнению с формулой «род-племя». Формула отражает эпоху, когда для личности становится актуальна причастность к тому или иному государству. Более того, приведенная формула явно сложилась в XIII–XIV веках, — во времена монголо-татарского нашествия, когда в русский язык вошло слово «орда». Два государственных образования — Русь и Золотая Орда — в этот период притовстали друг другу. Предваряя ход дальнейшего исследования, подчеркнем, что былинное типическое место, даже в версии «какой страны, какой земли», никогда не строится вокруг какого-либо конкретного географического названия. В этой маленькой детали проявляются принципы обобщенного историзма, который характерен для былин.

В исторической песне разинского цикла «Сынок» (№ 163–294),⁵ отражающей совсем другое время (вторая половина XVII века), мы также встречаем тему расспросов: разудалый молодец гуляет по Астрахани, губернатор (воевода) требует его к себе на допрос, молодец отвечает, что он сын Разина, губернатор велит посадить его в тюрьму; Разин, плывущий на судне, призывает своих товарищей разобрать по камешкам тюрьму. Традиционно в фольклористике

² Былины Мезени / Корпус текстов и комм. подг. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.; М., 2003. № 89, ст. 178–179 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 3).

³ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

⁴ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 150, ст. 80–81 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1).

⁵ Исторические песни XVII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966. Далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием номера текста и стиха.

считается, что «сын» — это разинский разведчик. Подавляющее большинство текстов записаны в Поволжье (Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская губернии), но в целом география бытования этого сюжета очень обширна: центральные губернии (Орловская, Московская, Тульская, Тамбовская, Пензенская, Владимирская), южный Урал (Оренбургская, Уфимская губернии), юг России (Екатеринославская губерния и Северный Кавказ), Сибирь. Довольно большое количество вариантов зафиксировано в былинных губерниях — в Олонецкой и Архангельской, а также в соседних севернорусских регионах (Вологодская, Пермская, Вятская губернии) и на Северо-Западе (Новгородская и Псковская губернии).

Отметим разные ситуации расспросов в былинах и в разинской исторической песне. Если в былинах богатырь-победитель спрашивает победенного, к какому роду-племени (какой земле) тот принадлежит, или же местный (киевский) герой задает подобный вопрос приезжему, то в песне «Сынок» рисуется допрос. Однако несмотря на разницу ситуаций, историческая песня совершенно определенно следует за былиной. Многочисленные варианты песни позволяют выявить многообразие трансформаций типического места «расспросы о роде-племени» и одновременно проследить закономерности в развитии этого *locus communis*.

Формулы «род-племя» и «какой земли, какой орды». Прежде всего отметим, что в исторической песне о «сынке» Разина можно найти примеры былинной формулы «род-племя»: «Ты скажи-ка, чей детина, чьего *роду-племени*?»⁶ (№ 240, ст. 12); «Ой, да ты откуда, молодец, / *Роду-племени* ты чей?» (№ 241, ст. 55–56). Знает историческая песня и сопряженную былинную формулу «какого отца-матери»:

Уж и чей такой детина,
Чей удалый молодец?
Ты какого поведенья,
Чьего *матери-отца*?

(№ 175, ст. 33–36; см. также № 176)

В следующем варианте рассматриваемого типического места, как и в былинном тексте, слиты воедино формулы «чьего рода-племени» и «чьего отца-матери»:

Ты скажи, скажи, детина,
Чьего *роду, чьего племя,*
Чьего *роду, чьего племя,*
Чьего *матери-отца,*
Как по имени зовут?

(№ 257, ст. 32–36)

См. также: «Ты чьего *роду, детинка, / Чьего племя* молодец» (№ 190, ст. 33–34); «Ты какого *роду-племени, кто родители твои?*» (№ 196, ст. 17); «Ты скажи-ка, добрый молодец, чьего *роду-племени. / И чьего матери-отца?*» (№ 248, ст. 18–19); «Да ты скажи, скажи, молодчик, чьего *роду-племени?*» (№ 260, ст. 29).

Единично в разинской песне встретилось типическое место с формулой «какой земли, какой орды»: «Да ты какой *орды, какой земли, / Да* какого отца, да чьею матери?» (№ 192, ст. 25–26). Древнерусское «орда» («стан», «кочевье») восходит к монгольскому ‘*ordu*’, ‘*orda*’ («двор, лагерь, стоянка»)⁷.

⁶ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — Т. И.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 150.

В процессе бытования в русском языке слово стало синонимом к слову «земля», «страна», что сказало уже в былинах. В XVII веке эпоха завоевания Руси Золотой Ордой осталась далеко позади, и фольклорная традиция явно демонстрирует, что слово «орда» должно оставаться в былинном эпосе, но неуместно в цикле, посвященном Степану Разину. Именно поэтому, повторим еще раз, лишь в одном тексте мы отметили это слово.

Былинная формула «род-племя» в песне XVII века может трансформироваться: «Чьего *дому*, чьего *роду*» (№ 165, ст. 20), где «род» (кровное родство) в формуле сопрягается с «домом» — с локусом, который в сознании и в языке часто определяется формулой «родной дом». См. также: «Ты скажи-ка, молодец, чьего *роду*, чьего *дому*, чьего *матери-отца*?» (№ 170, ст. 12); «Чьего *роду*, чьего *дому*, чьего *матери-отца*» (№ 268, ст. 10); «Чьего *роду*, чьего *дому*, / Как по имени назвать?» (№ 173, ст. 30–31); «Чьего *дома*, чьего *рода*, как по имени назвать?» (№ 263, ст. 15).

В результате дальнейшей трансформации рассматриваемое *locus communis* включает, помимо формулы «род-племя», лексемы «село» и «город», т. е. типическое место все более отдаляется от родо-племенного сознания: «Ай, ты откуда, молодец, / *Роду-племени, села*?» (№ 289, ст. 83–84); «Чьего *городу-села*, чьего *матери-отца*?» (№ 203, ст. 15); «Чьего ты *городу и села*, / Чьего *рода ты отца*?» (№ 224, ст. 14–15).

Укажем на формулу «Уж каких ты *родов*, / Из каких *городов*?» (№ 186, ст. 23–24); «Да чьего *рода*, из которого *города*» (№ 197, ст. 52). Этот вид формулы оказывается общим для севернорусской былины и южнорусской исторической песни. См., например, в печорской былине: «Ты коих же ты родов, да коих городов? / А ты коёй ище земли, коёй Орды?»⁸

Имеются и версии, в которых исчезают слова «род» и «племя», но суть формулы сохраняется; она латентно скрывается в единственном слове «чей»: «Чей же ты, вор-дегинушка, / Чей ты, незнамый человек?» (№ 216, ст. 26–27; см. также: № 217, ст. 43–44; № 237, ст. 11–12; № 238, ст. 12; № 243, ст. 42–43; № 247, ст. 28–29; № 249, ст. 12; № 251, ст. 41–42; № 252, ст. 23; № 253, ст. 12).

Таким образом, первые шаги в исследовании типического места «род-племя» обнаруживают, что это *locus communis*, как и другие, является общим для русского эпоса и историко-песенного фольклора. Однако гораздо более интересны примеры, где наличествует «сдвиг», т. е. типическое место подвергается существенным и сущностным трансформациям.

Расширение типического места. Социальный аспект. Дальнейшая принципиальная трансформация былинного типического места «род-племя» в песне о «сынке» Разина имеет два направления: социальное и географическое. *Locus communis* нередко сохраняет формулу «род-племя», при этом губернатор задается вопросом или о социальном статусе «сынка», или о локусе, откуда тот родом. Специально подчеркнем, что в былинах богатыри никогда не спрашивают, к какому социальному слою принадлежит их противник или из какого города он родом.

В разинской песне о «сынке» социальное и географическое начала чаще всего сплетаются воедино:

Ты скажи, скажи, молодчик, чье... чьего *роду ты племя* <...>, /
Иль ты *царской*, или *барской*, или га... *гастрыханской* <...>, /
Или с *Дону казачок*, да иль казачий ты сынок...

(№ 167, ст. 16–20)

⁸ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 176, ст. 194–195 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 2).

Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сын?
Иль из нашего городу, из Астр<ахани>?

(№ 183, ст. 17–18)

В предполагаемом социальном статусе героя чаще всего называют «казак» («казацкий сын»): «Не казак ли ты, добрый молодец, и не казачий ли ты сын?» (№ 245, ст. 23); «Чьего дому, чьего роду, как по имени зовут: / Или с Дону казак, или казачий сын?» (№ 246, ст. 16–17).

Социальный статус в вопросе астраханского губернатора расширяется за счет двух социальных групп — «купец» и «бурлак», причем, как правило, с обязательным локальным приурочением:

Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?

(№ 163, ст. 21–22)

Или с Дону ты казак, или с низу бурлак,
Или с матушки Москвы ты купеческий сын?

(№ 223, ст. 10–11)

Появление названных социальных статусов в песне разинского цикла вполне логично. Вся деятельность Степана Разина так или иначе происходила на воде — на реке и на море, а «профессии» купца, перевозившего товары по рекам (караваны торговых судов на Волге грабил Разин), и бурлака тесно связаны и с Волгой, и с Доном, бывшими торговыми артериями России XVII века. Следует заметить, что бурлаки появились в России уже в XVI веке. Ко второй половине XVII века фигура бурлака стала привычной для Поволжья.

Весьма интересны редкие формулы, где «сынок» наделяется принципиально низким социальным статусом — «беглый человек»: «Не беглец ли ты, не беглый ли прохожий человек?» (№ 171, ст. 11). Напомним, что одной из причин, почему Крестьянская война под руководством Степана Разина получила такой размах, стало регулярное исполнение царского указа о бессрочном сыске беглых (1649 год). До 1649 года существовало правило «урочных лет», в течение которых Сыскные приказы искали того или иного беглого крестьянина, а затем поиск прекращали. Тогда же, после 1649 года, начало разрушаться и казачье кредо «С Дона выдачи нет». Приведем еще один пример типического места с предполагаемым низким статусом «сынка»:

Ты скажи, скажи, бродяга, ты откыда, чей такой?
Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?

(№ 163, ст. 20–22)

Сюда же примыкает формула со словом «мужичок»: «Ты отколь, отколь будешь, мужичок?» (№ 254, ст. 23).

В ряду формул, конструируемых рассматриваемое типическое место, появляются лексемы «вор», «вор-разбойник», «плут», «каторжный», явственно отражающие позицию власти по отношению к разинцам:

Ты откудова, детина,
Из какову городу?

Али *плут* ты,
Али *вор*,
Али *каторжной*?

(№ 221, ст. 32–36)

Ты скажи-ка, *вор-разбойник*,
Чей ты будешь-ка сынок?

(№ 234, ст. 28–29)

Напомним, что слово «вор» в языке позднего Средневековья и XVIII века означало «смутьян, бунтовщик, нарушитель закона, преступник». ⁹ В документах начала XVIII века «ворами» называются Кондратий Булавин и Мазепа. В. И. Даль фиксирует еще одно значение слова «вор» — «изменник». ¹⁰ Если слова «вор» и «вор-разбойник» полностью соответствуют эпохе Степана Разина, то лексема «каторжный» явно отражает более позднее время. Каторга, бессрочная и урочная, как вид наказания, — обязательный подневольный труд на пользу государства — в России появилась в самом конце XVII века, в эпоху молодого Петра I, а окончательно сформировалась в XVIII веке. Включение в рассматриваемое типическое место лексем позднейшего времени (каторжный и губернатор) свидетельствует о развитии данного *locus communis* и за пределами эпохи Степана Разина.

Интересны версии анализируемого типического места, где обозначено повышение социального статуса героя. Поведение «сынка» (пьет, гуляет — расчет деньгам не дает) заставляет губернатора задать ему вопрос, в формуле которого имеются указания на высокий статус героя (князь, боярин, посол): «...из каких ты из земель, / Иль ты *князь* какой, иль *боярин*, иль купеческий *сын*, / Иль из иных городочков не скорой ли ты посол?» (№ 179, ст. 28–30); «Ты ли *княжеский*, иль *барский*, иль купеческий *сынок*» (№ 187, ст. 20).

Имеются примеры, когда губернатор даже предполагает, не царским ли сыном является «сынок»:

Ты чьего роду, детинка,
Чьего племя молодец:
Может *царский сын*,
Аль *барский*,
Али со Дону казак,
Али со Дону казак,
Али низовый бурлак,
Али с матушки Москвы
Торговый человек?

(№ 190, ст. 33–41)

Ты чьего городу-села, чьего матери-отца,
Иль ты *царский*, иль боярский, иль купеческий *сынок*?

(№ 250, ст. 15–16)

См. также: «Или *царский*, иль боярский, иль купеческий *сынок*?» (№ 195, ст. 15); «Аль ты *царский*, / Аль боярский, / Иль купеческий *сынок*?» (№ 256, ст. 23–25); «Или *царский*, или *барский*, / Иль купеческий *сынок*?» (№ 267, ст. 12–13); «Чьего ты рода-племя: / Или *царского колена*, / Иль купеческой *сынок*» (№ 218, ст. 30–32).

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 28; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 68.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 243.

Весьма выразителен вариант формулы из песни, записанной в г. Сызрани Симбирской губернии А. М. Языковым во второй четверти XIX века. Здесь в вопросе имеется предположение, не царь ли разинский «сынок»: «Ты не *царь* ли, не *царевич* ли, не *царской* ли *сынок*» (№ 258, ст. 20). Похожая формула зарегистрирована в Сибири на Колыме в самом конце XIX века В. Г. Богоразом:

Царь ли ты, *царевич*, или *царской* сын,
Король ли ты, *королевич*, *королевской* сын?
(№ 279, ст. 37–38)

Ср. в Пензенской губернии: «...или *царь* какой, / *Аль* *царевский* сын, *аль* из иной земли *король* какой» (№ 280, ст. 13–14).

Возможно, эта версия типического места родилась вследствие известного факта: Степан Разин объявил, что в его войске скрывается царевич Алексей Алексеевич (1654–1670). Напомним, что старший сын царя Алексея Михайловича (от Марии Милославской) скончался 17 января 1670 года, причем сразу же в народе поползли слухи, что царевич был убит злодеями боярами; очень быстро сформировалась и «легенда об избавителе»: царевич спасся, скоро явится и даст облегчение положению народа. Этой социально-утопической легендой и воспользовался Степан Разин, объявив, что на одном из его стругов находится царевич Алексей Алексеевич, поддерживающий восставших.¹¹

Расширение типического места. Географический аспект. Как уже было сказано, второе направление трансформации формулы «род-племя» связано с вопросом о локусе, откуда «сынок» родом. Очевидно, что это направление в расширении рассматриваемого *locus communis* развивается не из начальной былинной версии «род-племя», а из формулы «какой земли, какой орды». Однако, повторим еще раз, если в былинах географическая конкретика не получает развития, то в разинской исторической песне в задаваемом вопросе пространство расцвечено большим кругом легко узнаваемых топонимов.

На первом месте, естественно, находится Дон: «Ты не с *Дона* ли казак, / Не казачий ли *сынок*?» (№ 198, ст. 27–28); «Али ты с *Дону* казак, али казачей сын?» (№ 244, ст. 20); «Чи ти з *Дону* козак, чи ти козацкий син?» (№ 293, полупрозаический текст). Этот гидроним в исследуемом типическом месте встречается почти в каждом тексте. Как правило, Дон в формуле сочетается с другими топонимами. В формуле может наличествовать Волга, что вполне логично для построения пространства песни о Разине: «Ты не с *Дону* ли козак, / Или с *Волги* бурлак?» (№ 165, ст. 22–23); «Али с *Волги* ты бурлак, али из *Дону* ты казак, али купецкий *сынок*?» (№ 231, ст. 17); «Или с *Дону* казачок, / Или с *Волги* бурлачок?» (№ 236, ст. 21–22).

Обратим внимание на то, что в вопросе может быть заключено и название самой Астрахани, где происходит допрос «сынка» (Астрахань была взята разинцами в 1670 году): «Из тиху ли ты *Дону* казак, *аль* казачей сын, / *Аль* ты с нашего крепкого города из *Вастракани*» (№ 166, ст. 15–16); «Незнам чело-век, / *Астраханский* ли, или с *Дону* ты казак разудаленький?» (№ 230, ст. 25–26).

Песня свободно оперирует названиями как волжских (Казань, Астрахань), так и городов, отстоящих далеко от Волги (Рязань): «Которого ты города урожденье: / *Казанского*, или *Рязанского*, или *Астраханского*?» (№ 261, ст. 15–16); «Ты которых родов, которых городов: / с *Казани* ль ты,

¹¹ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 108–120.

с *Рязани* ль, али с *Астрахани*?» (№ 262, ст. 13–14); «Ты *казанец*, аль *рязанец*, или *астраханец*, / Ты из-за моря купец иль купеческий сынок?» (№ 168, ст. 20–21). См. также: № 184, ст. 29–30; № 185, ст. 35–36; № 188, ст. 47–48; № 189, ст. 48–49; № 193, ст. 16; № 194, ст. 12; № 200, ст. 21; № 201, ст. 77–78; № 202, ст. 36; № 204, ст. 15; № 205, ст. 21; № 229, ст. 16.

Рязань и рязанец, без сомнения, в этом поволжском ряду появились в результате стремления поэтического текста к рифме. Как известно, и в былинах, и в исторических песнях XIII века («Авдотья Рязаночка») Казань заменила собой исконную Рязань именно в силу заложенной в этих географических названиях рифмы.¹²

В вопросе, уходящем корнями в формулу о роде-племени, возникает и Москва:

Аль со здешней стороны,
Аль со *матушки Москвы*?
(№ 191, ст. 31–32)

Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из *матушки каменной Москвы*!
(№ 290, ст. 16–17)

Или с низу ты бурлак, или с тиха Дона казак,
Или с тиха Дону казак, иль казачей сын,
Или *славной ты Москвы* удалой молодец,
Или нашего городу Астрахани?
(№ 174, ст. 18–21)

Али со Дону казак,
Али низовьской бурлак,
Али *матушки Москвы*
Ты купеческой сынок,
Али нашего ты городу
Из Астрахани?
(№ 178, ст. 37–42)

Другие примеры: «Аль *московский*, аль казанский, али наш ты астраханский, / Аль ты с Дону казак, аль казачий ты сын?» (№ 169, ст. 20–21); «Ты казанский, иль *московский*, или астраханский?» (№ 264, ст. 11); «Со Дону ли ты казак, или казачий сын, / Или с *матушки Москвы* разудалый молодец?» (№ 181, ст. 14–15); «Иль со *матушки каменной Москвы*, / Ты ли со Дону казак» (№ 206, ст. 30–31). См. также: № 182, ст. 35; № 187, ст. 21; № 208, ст. 36; № 211, ст. 27; № 223, ст. 11; № 225, ст. 17; № 287, ст. 52.

Топоним Москва в разинских песнях, как следует из приведенных примеров, имеет давно сложившиеся в фольклорной традиции эпитеты «каменна» и «славная»; наделяется он и закрепившейся еще в XVI веке родительской семей «матушка». Обратим внимание на другой атрибут: самый ценностный город русского мира в песенном языке может именоваться «городочек». Форма «городочек» с очевидностью не заключает в себе сему «маленький город». Напротив, в песне подчеркивается величина Москвы: «Из Казани ты молодчик или с Астрахани, / Иль *большого городочка* — каменнóй славной

¹² Иванова Т. Г. Топоним *Рязань* в севернорусских былинах // Народная культура в слове и тексте: Сб. исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 80–89.

Москвы?» (№ 219, ст. 15–16). Укажем, что форма «городочек» по отношению к поволжским городам наличествует в песнях о Ермаке.¹³ Преемственность ермаковского и разинского циклов бесспорна: один тип героя (человек из народа), одни и те же сюжеты («Ермак в казачьем кругу» → «Разин и казачий круг»). Естественно, что разинские песни наследуют и какие-то черты поэтической лексики песен ермакова цикла.

В целом ряде песен о «сынке» сопрягаются три топонима: Дон (родина Разина), Казань (поволжский город, занимавший со времени покорения Казанского ханства в 1552 году важное место в историко-песенном фольклоре) и Москва (географический и исторический центр страны). Песня, таким образом, являла представления народа в XVII веке о пространстве Московской Руси, включившей в предшествующее столетие земли Дикого поля (Дон) и Казанского ханства. Называя эти локусы, песня обозначала «свое», «освоенное» пространство:

Ты скажи, скажи, молодец, коего роду удалец:
С *Москвы* ли ты купец, или с *Казани* удалец,
С тиха ли *Дону* казак или казачий сынок?

(№ 172, ст.16–18)

Чьего матери-отца?
Не со города ль *Казани*,
С каменной *Москвы*,
Или со *Дона* казак,
Иль купецкий сын?

(№ 175, ст. 36–40)

См. также: № 176, ст. 38–40; № 287, ст. 51–53.

Отметим, что рассматриваемое типическое место в песнях о «сынке» активно развивалось, втягивая в себя различные географические названия, далекие от биографии Степана Разина. Так, в одном из текстов появляется Ока-река:

Чиего ты рода-племя:
Или царского колена,
Иль купеческой сынок,
Иль с *Оки-реки* молодчик,
Иль с тихого *Дона* казак?

(№ 218, ст. 30–34)

В другом тексте встречаем имя Петербурга — города, возникшего несколькими десятилетиями позднее казни Степана Разина:

Уж ты чей ты, чей такой,
Чей удалой молодец,
Ли из *Питера* купец,
Ли купеческой сын,
Из *Москвы* ли дворянин,
Ли дворянской сын,
Или с *Дону* ты казак,
Или с *Волги* бурлак?

(№ 242, ст. 29–36)

¹³ Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, В. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 308–387.

Имеется даже вариант с топонимом Польша — явный отголосок Смутного времени:

Ты не с Дону ли козак, иль не с *Польши* ли поляк,
Или со матушки Москвы ты купеческий сынок?

(№ 220, ст. 15–16)

Заметим, что в целом трансформированные версии рассматриваемого типического места, исконной формулой которого мы считаем «род-племя», свидетельствуют о достаточно хорошем знании историко-песенной традицией географии России. Тем не менее укажем и на примеры, где память изменяет песне и в текстах возникают или очевидные искажения («Уж не *бранец* ли, *арханец*, ты купечкой ли сынок?» — № 214, ст. 33), или полное исчезновение реально-географических примет («Иль из-за моря купец, / Иль купеческий сынок?» — № 227, ст. 29–30; «Ты откуль, откуль, детина, / Откуль, добрый человек» — № 228, ст. 16–17; «Ты откуда, испрокуда, из которого села?» — № 232, ст. 19; «Ты откедова, детина, / Где-ка родина твоя?» — № 265, ст. 15–16; «И не знаю, чей откуль?» — № 285, ст. 21; «Ты откуль такой, детина, / Откуль родина твоя?» — № 286, ст. 17–18). Формула развивается после XVII века и втягивает в себя, что вполне ожидаемо, лексику петровского времени: «Уж ты чей, откуль, детина, чьих *губерень*, городов?» (№ 255, ст. 12).

Однако, повторим еще раз, включение топонимов в вопрос губернатора (воеводы) отмечено в большинстве полных текстов. Выдвинем важный для нас тезис: трансформации былинного типического места «род-племя» в фольклорной форме, принадлежащей иному (по сравнению с былинами) этапу развития историзма в песенном фольклоре (т. е. в исторической песне XVII века), полностью отвечают законам конкретного историзма. География (топонимы), включаясь в исторический фольклор, формирует новое понимание истории фольклорным сознанием.

Географические названия занимают значимое место и в ответе «сынка».

Ответ «сынка». Этот эпизод в песне, как правило, строится по модели: отрицание героем предполагаемых в вопросе социальных статусов и локусов — (выбор одного из локусов)¹⁴ — называние себя «сынком» Разина. Вполне ожидаем ответ, в котором в утвердительной фразе звучит река Дон:

Эх, не казанец я, парень, не рязанец,
Я да не астраханец,
Эх, я то ли с *Дону*, парень, казак,
Да Стеньки Разина сынок...

(№ 185, ст. 39–42)

См. также: «Я не с Волги бурлачок, / А с *Дону* казачок» (№ 254, ст. 24–25); «Я с *Дону* казачок, Стеньки Разина сынок» (№ 224, ст. 18); «Не здешний я, не московский я, / Я из *донских степей* казачок» (№ 216, ст. 28–29). Правда, следует сказать, что варианты с Доном весьма немногочисленны (мы привели все тексты). В большинстве записей причастность героя к Дону отрицается. См., например:

Я не с низу бурлак, не с *тиха Дона* казак,
Не с *тиха Дону* казак, и не казачей сын,

¹⁴ Это звено модели может отсутствовать.

Не из славной я Москвы удалой молодец,
И не вашего я городу астраханец,
Я со матушки со Камы Стеньки Разина сын.

(№ 174, ст. 23–27)

Скорее всего, первоначальный замысел песни предполагал, что «сын» дает губернатору ложный ответ (поэтому и отрицает свою причастность к Дону), и лишь со временем Дон был включен в контекст утвердительного ответа.

Укажем, что в разинском фольклоре сохранились рудименты противопоставления Дона и России. Напомним, что в позднее Средневековье на протяжении долгого времени Дон не был подчинен центральной власти в Москве. Ко времени Крестьянской войны Степана Разина Москва уже достаточно твердо закрепила на Дону (недаром донской атаман Корнила Яковлев оставался верен царю и в конце концов выдал Разина властям). В единичном же варианте песни Дон осмысливается как самостоятельное пространство, противопоставленное России: «Я не с Дону казак и не казачей сын, / Я со матушки с Рассеи, Стеньки Разина сын» (№ 244, ст. 21–22).

Второй (после Дона) ожидаемый гидроним в ответе «сын» — Волга, где разворачивались главные события Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Волга в песне устойчиво имеет родительскую сему «матушка»:

Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынок.

(№ 180, ст. 17–18)

Я не с городу Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не со Дона казак,
Не купецкий сын,
Я со матушки со Волги
Стеньки Разина сынок.

(№ 175, ст. 41–46)

Я не с города Казани,
Не со каменной Москвы,
Я не со Дону казак,
Не купецкий сын,
Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынок.

(№ 176, ст. 42–47)

См. также: № 187, ст. 24; № 199, ст. 12; № 213, ст. 18; № 227, ст. 33; № 241, ст. 59; № 258, ст. 22; № 285, ст. 24; № 286, ст. 19; № 287, ст. 58; № 290, ст. 20.

Однако, как и в случае с Доном, песня может и отрицать связь героя с Волгой:

Я не с барки, не с бударки,
Я не с Волги бурлачок,
Я не с Волги бурлачище —
Стеньки Разина сынок.

(№ 237, ст. 13–16; см. также № 238, ст. 13)

Неожиданно частотным в ответе «сынка» оказался гидроним Кама:

Да я ни царский, ни боярский, ни купеческий сынок,
Да я со Камы, с Камы-матушки со реченьки молоденький казачок...
(№ 195, ст. 16–17)

В ответе последовательно отрицаются Дон, Астрахань, Казань, Москва и даже Петербург и настойчиво говорится, что герой родом с Камы:

Из тиху-то я Дону не казак, не казачей сын,
Я не с вашего крепкого города а из Вастракани, —
Я со Камы-то со реки, Сеньки Разина сын.
(№ 166, ст. 18–20)

Я не с низу бурлак, не с тиха Дона казак,
Не с тиха Дону казак, и не казачей сын,
Не из славной я Москвы удалой молодец,
И не вашего я городу астраханец,
Я со матушки со Камы Стенки Разина сын.
(№ 174, ст. 23–27)

Я не питерский, не казанский и не астраханский,
Я со матушки реки Камы Сеньки Разина сынок.
(№ 164, ст. 22–23)

См. также: № 167, ст. 25–26; № 169, ст. 23–26; № 172, ст. 20–22; № 173, ст. 33–36; № 178, ст. 45–49; № 179, ст. 34–35; № 183, ст. 20–22; № 186, ст. 25–28; № 188, ст. 51–55; № 190, ст. 46–53; № 191, ст. 33–35; № 192, ст. 29–31; № 193, ст. 18–20; № 194, ст. 14–15; № 201, ст. 79–83; № 203, ст. 16–17; № 214, ст. 34–35; № 219, ст. 17–19; № 242, ст. 37–43; № 250, ст. 17; № 251, ст. 43–45; № 259, ст. 32–33; № 260, ст. 30; № 292, ст. 19. Не абсолютно устойчиво, но достаточно частотно Кама в песне получает ценностную родительскую сему «матушка» (№ 198, ст. 31; № 204, ст. 18; № 206, ст. 36; № 264, ст. 12).

Популярность Камы в разинском цикле песен явно вступает в противоречие с реальной биографией Разина и с географией Крестьянского восстания. События, напомним, разворачивались на правом берегу Волги, а на левом притоке реки, на Каме, Разин, кажется, никогда не бывал. За частотностью Камы, по нашему мнению, лежит трансформация имени речки Камышинки в Каму. Камышинка, длина которой всего 10 км, в XVI–XVII веках занимала принципиальное место в реальной географии Волги. Дело в том, что Камышинка (правый приток Волги) находится в районе сближения бассейнов Волги и Дона, в связи с чем вместе с речкой Иловля (левый приток Дона) она служила в XVI веке местом перехода с одной реки, воплощавшей собой вольность (Волга), в другую реку, имевшую то же значение (Дон).

В некоторых вариантах ответа «сынка» мы находим Камышинку:

Я не с Дону козак
И не с Волги бурлак.
Я уж с матушки Оки,
Со Камышенки реки,
Стеньки Разина сын!

(№ 165, ст. 24–28; см. также: № 230, ст. 29)

В одном из вариантов Камышинка как родина «сынка» явлена в скрытом виде:

Я не с Дону казак и не казачий сын,
И не из матушки вашей каменной Москвы разудалый молодец.
По Камышинке-реке красна лодочка плывет,
На этой на лодочке пятьсот гребцов,
Пятьсот гребцов, все удалых молодцов —
Надо всеми-то я атаманщик был.

(№ 246, ст. 19–24)

Географическое имя Камышинка может в песне, как это нередко бывает, искажаться: Камышевка-река (№ 231, ст. 19); река Камышка (№ 163, ст. 25). Гидроним Камышинка может превращаться в название города: «Уж я *города Камышенки*, Степана Разина сынок» (№ 263, ст. 16).

В соответствии с поэтикой фольклора, в языке которого парное употребление видовых именовании переводит семантическое значение в таксон рода (гуси-лебеди = птицы), в песне ответ «сынка» в утвердительном смысле может одновременно включать и Каму, и Волгу:

Ох, не с Москвы ли я купец,
Не купеческой я сын,
А я с Дону не казак,
Не казаческой я сын,
Я со матушки со Волги,
Я со Камы со реки,
Стеньки Разина сынок.

(№ 182, ст. 39–45)

См. также: № 168, ст. 24; № 200, ст. 25; № 215, ст. 29; № 221, ст. 40–42.

Обратим внимание, что родиной «сынка» в большинстве вариантов называются водные объекты: Дон, Волга, Камышинка, Кама. Единично встрети-лась Ока — правый приток Волги: «Я не царской и не барской, / Я со той *Оки-реки*, Стеньки Разина сынок» (№ 248, ст. 20–21). Не исключаем, что появление Оки стало инициативой кого-то из певцов, решивших найти некую альтернативу популярной Каме.

В одном из вариантов упоминается Алканка-река:

И не с Дону я козак, и не с Польши я поляк,
И не с матушки Москвы не купеческий сынок,
А я с *матушки с Алканки* Стеньки Разина сынок.

(№ 220, ст. 17–19)

Алканка — это реальная маленькая речка, протекающая в Кикнурском районе Кировской области. Текст № 220 записан далеко от этого региона — в с. Коломенском Московской губернии. Объяснение, почему имя этой незначительной речки попало в разинский фольклор, найти невозможно.

Очевидное преобладание гидронимов (по сравнению с названиями городов) в утвердительной части ответа «сынка», без сомнения, отвечает историческому содержанию разинского цикла: передвижение участников Крестьянской войны происходило по воде на стругах. Тем не менее единично в песне о «сынке» называются города, что, вероятно, можно рассматривать как вторичные версии. Астрахань:

Я не со Дону казак, не казачий сын,
Я не с матушки Москвы не разудалый молодец,
Я из Астрахани Стеньки Разина сын.

(№ 181, ст. 16–18)

Москва и Нижний Новгород:

Уж я родиной москвич,
Жизнью — Нижний городок,
Оттого я не боюся,
Что я Стеньки Разина сынок.

(№ 228, ст. 20–23)

В некоторых текстах, явно конструируя насмешливый, вызывающий тон «сынка», песня в качестве утвердительного ответа дает целый ряд топонимов:

Из Казани я, ведь из Рязани,
Из самой Астрахани,
По прозванью, господин,
Да Стеньке Разину сын.

(№ 247, ст. 30–33; см. также: № 252, ст. 24–26)

Я из дому, я из Дону,
Я из матушки Москвы.

(№ 265, ст. 17–18)

Ай, я со матушки со Волги,
Я со каменной Москвы...

(№ 289, ст. 87–88)

Укажем также, что во многих вариантах песни о «сынке» исчезают какие-либо топонимы. В ответе героя астраханскому губернатору присутствует только признание того, что он является «сыном» Степана Разина:

Я не помню, я не знаю,
Чьего рода, племени,
Только знаю я фамилию —
Стеньки Разина сынок.

(№ 243, ст. 44–47)

См. также: № 170, 171, 177, 189, 196, 207, 218, 222, 223, 225, 226, 229, 232–234, 236, 237, 240, 243, 245, 249, 253, 255–257, 261, 266, 267, 288, 293.

Полагаем, что исчезновение топонимов из ответа «сынка» — это позднейшая версия, отражающая начавшееся выхолащивание историко-географического содержания из песни. Интересно, что в ходе этого процесса в песне актуализируются мифологические образы, в целом отсутствующие в песне XVII века. Так, вместо географически точного топонима в утвердительном ответе «сынка» появляется «огненная река»:

Ни питерский, ни московский,
Ни асрыханский я купец,
Не тебе, губернатор,
Меня спрашивать, молодца.

Я купец, только из огненной я реки,
Стеньки Разина я сынок.

(№ 197, ст. 56–61)

Попадает в песню XVII века и мифологический «остров Буян»:

Не московский я купец, (2)
Эх да, со Буянского ли я со острова, Стеньки Ра...
Стеньки Разина сынок...

(№ 217, ст. 46–48)

В некоторых вариантах сочетаются в одном тексте реально географические топонимы и мифологический локус («серый камешек»):

Я со ма... я со матушки Волги-реки,
Со сера́, со сера́ камешка́.

(№ 202, ст. 46–47)

Кроме того, вместо географически точного топонима может фигурировать общефольклорное «синее море»:

Я не со́ Дону-Дону́ казачёк,
Не купеческой сынок,
Я со синего того моря,
С легкой лодочки косной, (2)
Я того-то, того удалого
Стеньки Разина сынок.

(№ 211, ст. 29–34)

Исчезновение топонима из ответа «сынка», как мы уже сказали, — это одно из проявлений выхолащивания исторического содержания из песни. Помимо этого процесса в связи с рассматриваемым типическим местом прочитывается и перекодировка исторического содержания: в некоторые варианты разинской песни включаются персонажи, не соответствующие XVII веку. В одном из текстов «сынко» называет себя Емельяном Пугачевым: «Я не царь, не царевский сын и не король, / Уж я добрый молодец Емельян Пугач» (№ 280, ст. 17–18).

Любопытен вариант песни о «сынке», записанный на Колыме В. Г. Богоразом от казака Ф. Даурова. Исполнитель называет имя «родового казака» Петра Алексеича, а его товарищ Кулдарь Петра Алексеича определяет как «православный царь»:

Пришел к тебе не царь, не царевич и не царской сын,
Не король, не королевич, королевской сын,
По всей нашей Руси родовой казак [*православной царь*]
Под названием Петр Алексеич!

(№ 279, ст. 41–44)

Не исключено, что первоначально в сибирском варианте исконным было не имя Петра Алексеича (Петра I), а имя Петра Федоровича, т. е. имя императора Петра III. В таком случае версию с Петром Алексеичем можно рассматривать в прямой связи с Емельяном Пугачевым, который, как известно, объявил себя спасшимся от покушения мужем Екатерины II.

Приспособление песни о «сынке» Разина к эпохе второй Крестьянской войны (1773–1775) под руководством Емельяна Пугачева вполне логично и оправданно. Историко-песенный фольклор, как известно, демонстрирует нам примеры того, как сюжет, созданный в один период, затем прикрепляется к историческим лицам, жившим совсем в другое время. Например, сюжет «Часовой плачет у гроба правителя» формируется в связи с именем Ивана Грозного,¹⁵ а затем складывается по поводу смерти и Петра I,¹⁶ и Александра I,¹⁷ и даже императрицы Елизаветы Алексеевны (жены Александра I).¹⁸ Схожим путем тема «неузнанный герой в гостях у неприятеля» разворачивается в песнях о Петре I в шведском городе,¹⁹ о Краснощекове в гостях у прусского короля,²⁰ о казачьем атамане Платове в гостях у Наполеона.²¹ Песня о «сынке», созданная во времена Степана Разина, таким образом, через век перекодируется в песню о Емельяне Пугачеве.

Исследование трансформаций в эпоху XVII века типического места «род-племя», сформированного внутри былинного эпоса, в очередной раз позволяет осмыслить механизмы преемственности внутри фольклорной традиции. Данный материал, очень ограниченный по своему объему, наглядно являет «сдвиги», которые происходят в песенно-эпических формах: обобщенный историзм былин сменяется конкретным историзмом исторических песен.

В былинах главный герой может иметь только один социальный статус: он — богатырь. Былина не рисует нам многообразия социальных слоев древнерусского общества. Историческая песня предлагает статусы казака, бурлака, купца, беглого, мужика и даже князя, боярина, царя и царского сына.

География былин в рассмотренном типическом месте обобщенно определяется «какой земли, какой орды». Топонимы в исторической песне обозначают освоенное пространство, знакомое исполнителям: Дон, Волга, Камышинка, Кама, Ока, Астрахань, Нижний Новгород, Москва. Географические названия, которые играют столь большую роль в данном *locus communis*, подчеркнем, являясь не только пространственными приметами, но и историческими. (Здесь мы хотим напомнить известное высказывание французского географа Жана-Жака Реклю: «История есть география во времени, а география — история в пространстве».) География песен о «сынке» Разина свидетельствует о формировании исторического сознания русского народа, в котором в XVI–XVII веках складывается качественно новое представление о России, о ее столичном городе Москве, о могучих реках Волге, Доне и Каме, связывающих огромную территорию в единое государственное пространство.

¹⁵ Исторические песни XIII–XVI веков. № 278–285.

¹⁶ Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 240–262.

¹⁷ Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973. № 202–207.

¹⁸ Там же. № 234.

¹⁹ Исторические песни XVIII века. № 207.

²⁰ Там же. № 396–402.

²¹ Исторические песни XIX века. № 131–170.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-21-40

© М. Г. САЛЬМАН

ДВА УЧЕНИКА ПРОФЕССОРА С. А. ВЕНГЕРОВА (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Учениками профессора С. А. Венгерова¹ принято называть участников Пушкинского семинария в Петербургском университете, ставших известными историками литературы, таких как С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, Ю. Н. Тынянов. Их имена, а также имена других студентов, часто посещавших просеминарий, можно найти в списках, помещенных в двух сборниках «Пушкинист».²

Однако Венгеров преподавал не только в университете, но и на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Психоневрологическом институте, где также вел Пушкинский семинарий. О его участниках обычно не помнят, хотя перечни (неполные) их имен были опубликованы во втором выпуске сборника «Пушкинист».³ Что касается студентов, не вошедших в списки, и курсисток, которые записывались в просеминарии профессора по А. И. Герцену, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, то о них, за редким исключением, нет никаких сведений. Между тем информация об их контактах с Венгеровым дала бы возможность взглянуть на него под не вполне обычным углом зрения, привлекла бы внимание к его довольно приблизительно известной биографии.

¹ О Семене Афанасьевиче Венгерове (1855–1920) см.: *Поляков А. С.* Труды профессора Семена Афанасьевича Венгерова: Библиографический перечень. М., 1916; *Венгеров С. А.* Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920; *Азадовский М. К.* Памяти С. А. Венгерова (Венгеров — библиограф). Чита, 1922; *Фомин А. Г.* 1) С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. С. X–XXXIII (Пушкинист; [вып.] IV); 2) С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной Палаты (ныне института книговедения). (К пятилетию со дня его смерти). Л., 1925; *Панченко Н. С.* Венгеров о встрече с Л. Толстым в 1882 году // Русская литература. 1961. № 1. С. 211–213; *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855–1920). М., 1964; Письма С. А. Толстой и П. И. Бирюкова к С. А. Венгерову / Публ. И. М. Юдиной; Письма С. А. Венгерова к родным / Публ. Л. П. Архиповой // Русская литература. 1978. № 3. С. 144–152 (в составе публикации: Из писем о Льве Николаевиче Толстом); *Баскаков В. Н.* Венгеров Семен Афанасьевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 411–412; *Родюкова М. В.* 1) О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 373–383; 2) Обзор фонда С. А. Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 5–35; *Городецкий Б. М.* Профессор С. А. Венгеров / Публ. и комм. И. Д. Золотаревой // Библиография. 2014. № 2. С. 101–106; *Золотарева И. Д.* «Незабвенные друзья книги»: С. А. Венгеров и Б. М. Городецкий // Там же. С. 95–100. См. также очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова, написанный в 1967 году учительницей М. Ф. Щербаковой (1893 — начало 1980-х), бестужевкой в 1911–1915 годах: РНБ. Ф. 1000. Оп. 6. Ед. хр. 56. Даты ее жизни указываем по: *Востриков А. В., Страхова Я. А.* М. Ф. Щербакова. «Революция в Петрограде» (воспоминания о событиях февраля–марта 1917 г.) // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 233, 234.

² См.: Пушкинист. Историко-литературный сб. СПб., 1914. [Вып.] I. С. 233–239; Пг., 1916. [Вып.] II. С. 290–292.

³ См.: Там же. С. 271–279. Для студентов Психоневрологического института лишь выборочно, см.: Там же: С. 283–285.

Венгеров оказывал помощь своим студентам не только в академических делах, когда, отчисленные из университета, они благодаря ему могли туда вернуться. Как вспоминал А. Г. Фомин, профессор «принимал самое близкое и теплое участие в их частной жизни, в их жизненных неудачах и несчастиях», помогал в поисках работы, оказывал нередко и материальную поддержку.⁴ Бывшие ученики помнили, что всегда могут на него рассчитывать в трудных ситуациях.

Судьбе двух таких учеников Венгерова и посвящена наша статья.

Их имена присутствуют в списках жертв политического террора, составленных «Мемориалом». Об Александре Александровне Мартыновой там сказано, что она родилась в 1890 году в Архангельске, работала инструктором в губпросвете, была арестована в октябре 1920 года и обвинена архангельской губернской ЧК в контрреволюционной деятельности. Решения по делу и данных о дальнейшей судьбе нет, реабилитирована 7 июня 1999 года.⁵ Еще несколько сведений — о ее членстве в партии левых эсеров (здесь путаница с ее младшей сестрой Марией⁶), об аресте 7 марта 1921 года и содержании в Бутырской тюрьме в апреле, о том, что у нее было двое детей, — добавляет другая «мемориальская» справка.⁷

О другом ученике Венгерова, Михаиле Николаевиче Мартынове, говорится, что он родился в 1889 году в Архангельске, служил в губернском статбюро, был арестован 26 апреля 1920 года и 10 мая приговорен Комиссией М. С. Кедрова⁸ при ВЧК к лишению свободы на 1 год без права на амнистию. Реабилитирован 6 января 1992 года.⁹

⁴ См.: Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария. С. XXXI. Александр Григорьевич Фомин (1887–1939) — книговед, автор многих библиографических справочников. Сын полковника, он в 1906 году окончил петербургскую гимназию императора Александра I (бывшую Вторую гимназию), в 1906–1910 годах учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, откуда был отчислен 29 февраля 1912 года согласно прошению «и как не внесший платы за осен <нее> пол <угодие> 1911 года» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47074. Л. 26). Одной из причин ухода из университета могла послужить смерть отца в 1910 году. Сам он в автобиографии сообщил, что его университетские занятия мешала литературная работа, см.: Берков П. Н. А. Г. Фомин (1887–1939). Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949. С. 6. В 1908–1911 годах был секретарем Венгерова. С 1917 года служил в петроградской Книжной палате (в 1920 году она была переименована в Институт книговедения), где после смерти Венгерова хранился его архив. В начале 1920-х годов преподавал русскую литературу в Петроградском институте внешкольного образования (ныне Санкт-Петербургском государственном институте культуры). См. также: Фомин А. Г. Избранное / Сост., вступ. статья и прим. М. Д. Эльзона. М., 1975.

⁵ См.: <https://base.memo.ru/person/show/1104632>; дата обращения: 31.10.2019.

⁶ Фере Мария Александровна (или Ферре; урожд. Йог (Йог по старой орфографии), в первом браке Трутовская; 1895–1938) — учительница, член партии левых эсеров, о ней см.: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/26498-agenturnoe-donesenie-o-pohoronah-p-p-proshyana-23-dekabrya-1918-g>; дата обращения: 31.10.2019. Ее имя вошло в сталинские расстрельные списки, см.: <http://stalin.memo.ru/names/p386.htm>; дата обращения: 31.10.2019.

⁷ См.: <http://socialist.memo.ru/lists/slovník/index.htm>; дата обращения: 31.10.2019. Сыновей звали Юрий (1910–?) и Николай (1912–?), см.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 8 об.

⁸ Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941) — сын нотариуса. В 1918–1923 годах член коллегии ВЧК–ОГПУ, с марта 1920 года член специальной правительственной комиссии по расследованию деятельности интервентов и белогвардейцев на Севере, в 1921 году представитель ВЧК в Закавказье. В 1926–1928 годах младший помощник прокурора Отдельной военной прокуратуры Верховного суда СССР, в 1928–1934 годах член президиума Спортинтерна и Госплана РСФСР, в 1934–1936 годах начальник спецотдела Госплана РСФСР. Персональный пенсионер и одновременно, по свидетельству его сына Б. М. Кедрова, внештатный партследователь Комиссии партконтроля, см.: Политбюро и дело Берия: Сб. документов / Под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2012. С. 560.

⁹ См.: <https://base.memo.ru/person/show/1104627>; дата обращения: 31.10.2019.

Михаил Николаевич Мартынов (1 октября 1889 — 5 апреля 1970¹⁰) — сын архангельского мещанина Николая Адриановича Мартынова и его жены Анастасии Васильевны.¹¹ Отец умер рано, мать и шестеро старших братьев занимались торговлей,¹² он стал историком, краткая информация о нем содержится в печатных источниках.¹³

Александра Мартынова, урожденная Йог (Iog), родилась 13 марта 1890 года от русского подданного Альберта Августиновича Йога и его жены Фани Францевны, католического вероисповедания.¹⁴ Спустя несколько дней, 4 апреля, отец дал подписку «воспитывать дочь свою Александру по учению Православной Церкви». ¹⁵ В анкете 1922 года Мартынова указывала, что ее отец был музыкантом, а мать — садовницей. Здесь же она писала, что стала жить самостоятельно с четырнадцати лет,¹⁶ т. е., как многие гимназисты, по-видимому, занималась репетиторством. Архангельский исследователь Ю. В. Дойков сообщает, что ее мать служила домоправительницей в богатом архангельском доме Десфонтейнес в Немецкой слободе,¹⁷ вероятно, это произошло уже после смерти отца, случившейся не позднее 1915 года.¹⁸ Возможно, отец был чехом, во всяком случае, дочь, занимаясь в университете, получила необязательный зачет (следовательно, слушала лекции) по чешской литературе.¹⁹

В 1901 году Александра поступила в 1-ю женскую Мариинскую гимназию,²⁰ где ее соученицей в старших классах оказалась печально известная впоследствии Лидия Васильевна Коноплева (1891–1940), ставшая анархисткой-коммунисткой, затем эсеркой, сотрудничавшей с Реввоенсоветом Юго-западного фронта, членом РКП(б) с февраля 1921 года и агентом-провокатором ГПУ.²¹

В 1908 году Александра окончила седьмой класс, получила аттестат и была удостоена серебряной медали. После чего начала слушать курс восьмого педагогического класса, но в апреле 1909 года оказалась в архангельской тюрьме. В упомянутой выше анкете она писала, что попала в тюрьму «за Социалистический Союз учащихся».²²

Дело было в том, что осенью 1908 года в Архангельск приехал сосланный под гласный надзор полиции двадцатитрехлетний недоучившийся гимназист М. Н. Иванов, анархист-коммунист.²³ В беллетризованных воспоминаниях

¹⁰ Все даты до 1918 года приводятся по старому стилю. Дату смерти см.: Поморская энциклопедия: В 5 т. Архангельск, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера. С. 239.

¹¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 46 об., 66.

¹² См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10.

¹³ См.: Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 239; На сайте «Биографика» СПбГУ размещено не соответствующее действительности сообщение, что он до 1922 года был видным деятелем эсеровской партии в Вологодской губернии, см.: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1015-martynov-mikhail-nikolayevich.html>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 21. Копия выписки из метрической книги.

¹⁵ См.: Там же. Документы публикуются по правилам современной орфографии и пунктуации, сохраняется, однако, архаичное написание прописных букв.

¹⁶ См.: Там же. Л. 26 об., 26.

¹⁷ См.: <http://doikov.com/2012/08/page/2/>; дата обращения: 31.10.2019. О роде Десфонтейнес см.: Дойков Ю. В. Свеча горит... Немецкие тени в архангельском ГУЛАГе (1920–2010). Архангельск, 2010. С. 71–92. См.: <http://doikov.com/books/Arkhteni.pdf>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 26 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 7 об.

²⁰ См.: Там же. Л. 13 (копия).

²¹ Подробнее см.: Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 94.

²² См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 13, 13 об. (копия), 26.

²³ Иванов Михаил Николаевич (1885–1967) — сын оstashковского столяра, учился в духовном училище, затем в гимназии; входил в молодежную организацию РСДРП, в 1907 году примкнул к анархистам-коммунистам, в 1908 году арестован в Твери и сослан в Архангельск.

он писал, что быстро познакомился с семиклассником Михаилом Мартыновым, участником школьного кружка, где собирались изучать политэкономия. В него входили несколько гимназистов и две восьмиклассницы: «грустная, робкая Шура Йог и пышущая здоровьем красавица Лида Коноплева...». Иванов вспоминал, что Шура «была некрасивой девушкой с большим вытянутым лицом. Но ее улыбка, ее глаза заставляли забыть этот природный недостаток».²⁴

Под влиянием Иванова кружковцы начали вести социалистическую пропаганду в своих школах и вместе с ним выпустили номер журнала «Юный ручей». Гимназисток Вильгельмину и Дагмару Десфонтейнес знакомила с социалистическими идеями Шура Йог.²⁵ К концу 1908 года за подростками началась слежка.²⁶ В начале 1909 года Иванов успел познакомить Шуру с жившей в Архангельске старой народницей, ставшей эсеркой, П. Н. Шавердо,²⁷ и вскоре был переведен из Архангельска в Холмогоры. Там его арестовали, а в апреле перевезли в архангельскую тюрьму, где он узнал об аресте всех кружковцев. Впрочем, как он вспоминал, подростков освободили довольно скоро, до наступления лета.²⁸

Экзамены за восьмой класс Шура выдержала лишь в мае следующего года. Звание домашней наставницы по русскому языку и свидетельство об окончании она получила 7 июня 1910 года,²⁹ а через четыре дня, 11 июня, «Александра Альбертова»³⁰ Йог вступила в законный брак <...> с мещанином города Архангельска Михаилом Николаевичем Мартыновым»,³¹ который поступил в гимназию в августе 1903 года и при отличном поведении окончил полный восьмиклассный курс 1 июня 1910 года.³²

Не позднее середины августа 1910 года молодые были в столице,³³ где Михаил записался на историко-филологический факультет Петербургского университета. Его занятия прервались в начале 1911 года, когда Совет министров принял постановление о запрещении публичных и частных собраний в высших учебных заведениях (разрешенных в 1907 году³⁴). Студенты забастовали, и по распоряжению министра народного просвещения Л. А. Кассо начались исклю-

В 1916–1928 годах работал в коммуне толстовцев в Геленджике, в 1934–1938 годах — главный бухгалтер Курской биофабрики, в 1938–1944 годах в Усольяге, подробнее см.: *Салтык Г. А. Ивановы-Фонтейнесы: история рода* // *Вестник архивиста*. 2006. № 2/3. С. 325–338.

²⁴ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного / Сост. Г. А. Салтык. Курск, 2002. С. 248–251.

²⁵ См.: Там же. С. 314.

²⁶ См.: Там же. С. 253.

²⁷ См.: Там же. С. 303. Паулина Наполеоновна Шавердо (урожд. Вузенковская; 1861–1937), по профессии акушерка, была участницей подпольных организаций 1880-х годов, после 1905 года член эсеровской партии, после 1917 года жила в Курске, работала в детском доме, занималась краеведением. Расстреляна в 1937 году, см.: <https://www.mke.su/doc/ShAVERDO%20PN.html>; дата обращения: 31.10.2019. См. ее мемуары об архангельской ссылке: «Боролась за землю, за волю, за свободу народа». Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо / Вступ. статья, комм. и подг. текста Г. А. Салтык // *Отечественные архивы*. 2002. № 6. С. 71–90.

²⁸ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 268, 270, 274.

²⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 13 об., 19.

³⁰ «Альбертовна — она же Александровна» (прим. в документе). В дальнейших документах будет именоваться только «Александровной».

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 21 об.

³² См.: Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 19 (копия).

³³ Дата известна из свидетельства, выданного в управлении петербургского градоначальника, где сказано, что неблагоприятных в политическом отношении сведений о Мартыновой за время проживания в Петербурге с 20 августа 1910 по февраль 1911 года не имеется, см.: Там же. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 20.

³⁴ См.: *Высшая школа Санкт-Петербурга, XIX — начало XX века: Сб. документов*. СПб., 2007. С. 267–269.

чения, аресты и бессудные высылки из столицы.³⁵ Среди отчисленных был Михаил Мартынов, среди арестованных — сын профессора Венгерова Всеволод.³⁶

Профессор хлопотал об освобождении сына, но 8 февраля 1911 года получил отказ от начальника петербургского охранного отделения. По постановлению Особого совещания Всеволод Венгерov был сослан в Вологодскую губернию.³⁷ Осенью 1911 года профессор возобновил хлопоты о сыне. В письме к министру внутренних дел он писал, что Всеволод «не принадлежал к составу организаций, руководивших забастовкой, не участвовал и в проведении обструкции. <...> был задержан только потому, что находился в университетском коридоре 31 января 1911 г. в тот момент, когда полицейский наряд оцепил значительную часть коридора и арестовал всех присутствующих студентов в количестве 410 человек. Почти все арестованные были отпущены на свободу через несколько дней, и петербургским уроженцам не было даже запрещено дальнейшее пребывание в столице. На моего же сына была наложена суровая кара единственно потому, что он ранее привлекался к ответственности по политическому делу. <...> со дня ареста (31 января) по 27 марта мой сын содержался под стражей, был отправлен в Вологду этапным порядком, и еще целый месяц провел в Вологодской тюрьме. Таким образом, сверх ссылки он подвергся трехмесячному тюремному заключению <...> Г. Министр Народного Просвещения разрешил моему сыну сдать экстерном в 1911/1912 году экзамены в государственной комиссии. <...> покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, разрешить моему сыну в ближайшем будущем возвратиться в Петербург».³⁸ На прошение был получен отказ.

Мартынова исключили 5 февраля 1911 года, но в сентябре он был принят обратно в университет и сразу же записался в совсем необязательный для историков Пушкинский семинарий.³⁹ Александра на историко-филологическом факультете Бестужевских курсов выбрала группу русской филологии, подгруппу русской литературы.⁴⁰

Тогда же в Петербурге появился М. Н. Иванов, принятый в Психоневрологический институт,⁴¹ и революционная работа закипела. 12 или 13 апреля 1912 года арестовали Иванова, супругов Мартыновых,⁴² курсисток Десфонтейнес и еще несколько человек. В анкете 1922 года Мартынова писала, что около года просидела в Доме предварительного заключения по делу анархистов-коммунистов.⁴³ Иванов вспоминал, что к октябрю 1912 года Шуру освободили

³⁵ Подробнее см. в письмах филолога-классика И. И. Толстого к отцу: *Ананьич Б. В., Толстая Л. И.* Петербургский университет в январе–феврале 1911 г. (Власть и профессура) // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали.* СПб., 2007. С. 93–117.

³⁶ Венгерov Всеволод Семенович (1887–1938) — журналист, меньшевик. Окончив с золотой медалью царское сельскую Николаевскую гимназию, поступил в 1905 году на естественное отделение физико-математического факультета, в 1907 году перешел на юридический факультет, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44186. Л. 2, 4, 14, 45. В марте 1906 года приговором Судебной палаты был «присужден к заключению в крепость на восемь месяцев с зачетом предварительного заключения с 4-го декабря 1905 года...» (Там же. Л. 43). В 1921 году служил в Петроградском институте внешкольного образования, см.: РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Ед. хр. 48. И до 1917 года, и после неоднократно арестовывался и ссылался, расстрелян в 1938 году, см.: <https://base.memo.ru/person/show/2954077>; дата обращения: 31.10.2019.

³⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 5. Ед. хр. 223. Л. 1–1 об., 3.

³⁸ Там же. Л. 3–3 об.

³⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 14, 11, 38 об.

⁴⁰ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 49.

⁴¹ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 330.

⁴² Мемуарист называет днем своего ареста и ареста Мартыновых 12 апреля, см.: Там же. С. 341, 343. Сам Мартынов также пишет о 12 апреля, см.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 42 об. Из отделения по охранению общественной безопасности и порядка сообщали ректору, что Мартынова арестовали 13 апреля 1912 года, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 60 (копия).

⁴³ См.: Там же. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 1.

и она приехала в Архангельск.⁴⁴ Прося уволить ее из числа слушательниц Бестужевских курсов, Мартынова сообщала, что «не могла продолжать занятия на курсах, т<ак> к<ак> лишена права выезда в Петербург».⁴⁵ Живя в Архангельске, Александра находилась под следствием и судом,⁴⁶ и лучше было уйти самой, чем ожидать официального исключения.

В конце сентября 1912 года Михаил был переведен в архангельскую тюрьму, так как дознание о нем продолжилось в архангельском губернском жандармском управлении.⁴⁷ На запрос ректора⁴⁸ от 2 мая 1913 года прокурор окружного суда ответил, что формальное дознание еще не закончено и к нему, прокурору, не поступало.⁴⁹

Наконец 17 июня 1913 года дознание закончилось, и дело перешло к прокурору.⁵⁰ По утверждению Иванова, только тогда Мартынова под залог освободили из архангельской тюрьмы.⁵¹ Ожидающий суда студент 9 июля написал ректору, что он просит принять оплату в 50 рублей за прошедший 1912–1913 учебный год, и прибавлял: «Мое настоящее положение дает мне возможность исправно вносить плату и гонорар⁵² и сдавать нужные экзамены».⁵³

Дело было в том, что Правление университета еще 25 июня приняло решение уволить Мартынова за неуплату.⁵⁴ 5 августа датирована справка к заседанию правления, в ней отмечалось, что июньское постановление об увольнении Мартынова не исполнено, тем не менее на его прошение последовал отказ (особо оговаривалось отчисление в 1911 году и тот факт, что дело находится у прокурора).⁵⁵

За помощью студент обратился к Венгеру: «Причина, вызвавшая исключение меня из университета, следующая: в 1911–1912 учебный год я успел сдать поверочные экзамены по латыни и греческому и получил весной зачет пушкинского спецсеминария. Но для получения зачета I курса необходима была сдача еще одного экзамена. Я готовился по двум и их приготовил. <...> но я был арестован 12-го апреля. Весь 1912–1913 уч<ебный> г<од> я был в тюрьме, и вот в июне с<его> г<ода> меня исключают за неуспешность. Надеюсь, что Вы поможете. <...> М. Н. М.».⁵⁶

Профессор не замедлил откликнуться, 6 сентября 1913 года он писал ректору:

«Многоуважаемый Эрвин Давидович!

Считаю своею обязанностью горячо ходатайствовать перед Вами об удовлетворении просьбы бывшего студента Михаила Мартынова. Он был у меня в Пушкинском Семинарии и зарекомендовал себя прямо блестяще. Арест прервал его занятия, а теперь надо ему дать возможность продолжать науч-

⁴⁴ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 349.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 14.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 1.

⁴⁷ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 67.

⁴⁸ Гримм Эрвин Давидович (1870–1940) — доктор всеобщей истории, ректор Петербургского университета в 1911–1918 годах, кадет. Арестовывался в 1938 году.

⁴⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 70, 71.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 77.

⁵¹ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 356.

⁵² Плата за право учения в университете составляла 25 рублей в полугодие, гонораром называлась плата за лекции.

⁵³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 76. Дата на л. 76 об.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 9. На том же заседании было решено отчислить за недоимку и О. Э. Мандельштама, подробнее см.: *Сальман М. Г.* Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // *Russian Literature*. 2010. Vol. LXVIII. № III/IV. С. 461–462.

⁵⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 78.

⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 42–42 об.

ные занятия. Не сомневаюсь, что из него выйдет отличный работник. Человек он очень вдумчивый и владеющий пером.

С искренним уважением
С. Венгероv». ⁵⁷

Последовала резолюция: «Восстановить в списках по внесении недоимки». ⁵⁸
10 сентября студент писал Венгероvу:

«Многоуважаемый профессор!
Шлю Вам большое спасибо за Ваше содействие. Теперь я снова в университете и надеюсь принимать участие в работах Вашего семинария, если мне позволят обстоятельства.

Уважающий Вас Мих. Мартынов». ⁵⁹

Осенью 1913-го и весной 1914 года Мартынов слушал лекции ⁶⁰ и работал в трех просеминариях, вместо положенных одного-двух. Одновременно с Оксманом он посещал просеминарий М. В. Клочкова «Общественный быт второй половины XVIII ст<олетия> по запискам и мемуарам современников» ⁶¹ и Пушкинский семинарий, а также просеминарий по новой истории у Н. И. Кареева. ⁶² Зачеты он получил в двух: у Кареева 26 марта 1914 года и у Венгерова 19 мая. ⁶³

Вероятно, сразу после зачета у Венгерова Мартынов подал прошение об увольнении, документы и свидетельство получил 21 мая 1914 года его товарищ Назаретянц. ⁶⁴ Причина была в том, что 22 мая в Архангельске начался суд. ⁶⁵ Можно предположить, что студент заранее предупредил профессора, что на суде понадобится его помощь, так как несколькими днями ранее, 16 мая, Михаил отправил Венгероvу телеграмму из Архангельска: «Прошу ваши показания отправить Архангельск присяжному поверенному Жемчугоvу Мартынов». ⁶⁶

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 86.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 40. Дата почтового штемпеля.

⁶⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 20.

⁶¹ См.: Сальман М. Г. К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Slavica Revalensia. 2016. Vol. III. С. 141. Клочков Михаил Васильевич (1877–1952) — магистр истории, окончил историко-филологический факультет Дерптского университета, был приват-доцентом в Петербургском университете, преподавал на Бестужевских курсах, в 1934 году сослан в Среднюю Азию на три года, см.: Чухлий С. А. Историк в переломную эпоху: перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М. В. Клочкова // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С. 271.

⁶² Кареев Николай Иванович (1850–1931) — доктор всеобщей истории, профессор. Депутат I Государственной Думы, кадет. Чл.-корр. АН (1910).

⁶³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 35 об. — 37.

⁶⁴ См.: Там же. Л. 93. Впоследствии фамилия товарища писалась без буквы «ц» в конце. Гмаяк Маркарович Назаретян (1889–1937) — сын купца 2-й гильдии Маркара Микиртчян Назаретянца и Осанны Казарян (см.: Там же. Д. 54157. Л. 27 (копия)). В 1909 году окончил с серебряной медалью 3-ю тифлискую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета (см.: Там же. Л. 4). Отчислен из университета в один день с Мартыновым (см.: Там же. Л. 3), принят вновь в мае 1912 года, окончил в марте 1916 года (см.: Там же. Л. 10). Член РСДРП(б) с 1905 года, в 1918–1921 годах занимал крупные партийные должности на Кавказе (подробнее см.: <http://www.knowbysight.info/NNN/05211.asp>; дата обращения: 31.10.2019). С 1922 года помощник Сталина в секретариате ЦК (подробнее см.: Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992 (по указ.)). Член ЦКК ВКП(б), в 1934–1937 годах член Комиссии советского контроля при СНК. Расстрелян в 1937 году (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2649673>; дата обращения: 31.10.2019; имя на сайте указано неточно).

⁶⁵ См.: Иванов М. Н. Из дневника политзаключенного. С. 364.

⁶⁶ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 44.

Мартынов и его сопроцессники обвинялись по 102-й статье Уголовного уложения,⁶⁷ в частности в принадлежности к организации анархо-синдикалистов. Во всяком случае, так писал сам Мартынов в 1934 году, сообщая, что с 1909 по 1916 год был членом центральной группы анархистов-синдикалистов.⁶⁸ Суд приговорил его к ссылке на вечное поселение в Сибирь, но адвокат добился отмены приговора и назначения нового суда.⁶⁹

Не медля, 16 сентября 1914 года, Мартынов обратился к ректору с прошением восстановить его в списках студентов.⁷⁰

Годом раньше, 28 августа 1913 года, Александра Мартынова просила принять ее на Бестужевские курсы,⁷¹ расписался за нее муж, недавно освобожденный из тюрьмы. Вот их адрес в это время: Архангельск, Соломбала,⁷² Любская ул., 5.⁷³ Однако и в 1913 году с учением ничего не вышло, это следует из прошения, поданного в июне 1914 года.⁷⁴ Осенью 1914 года Мартынова, наконец, начала заниматься, хотя, как отмечала она в анкете, «все это время мне приходилось учиться урывками, приезжая в Петроград нелегально».⁷⁵ Приезжала Александра нелегально не из Архангельска, а из Шувалова, где супруги поселились на Варваринской ул., 35.⁷⁶ Едва начав посещать Курсы, Мартынова 10 сентября обратилась к Венгеру — анархистку-коммунистку интересовал Лев Толстой: «Очень прошу принять меня в ваш семинарий, так как мне хочется серьезно работать именно над Толстым».⁷⁷ Впоследствии Мартынова стала секретарем Толстовского семинария.⁷⁸

В марте 1915 года прошел второй суд, на котором Михаила приговорили к трем годам крепости.⁷⁹ Однако Сенат не утвердил приговор, и третий суд должен был состояться в октябре 1915 года.⁸⁰ 17 сентября Венгеру пришла открытка из Шувалова: «...не беспокойтесь, если Вы получите повестку, вызывающую Вас на суд по делу Мартынова и др<угих> в качестве свидетеля в г. Архангельск 12 ок<тября> с<его> г<ода>...».⁸¹

Вскоре Венгер получил письмо и от Михаила:

«Многоуважаемый профессор!

Вы наверно очень удивляетесь, что получили повестку о вызове на суд в Архангельск в качестве свидетеля по делу Мартынова и других. Дело вот в чем. Когда мой защитник, прис<яжный> поверенный Муравьев,⁸² узнал от меня,

⁶⁷ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 58. В Уголовном уложении в статье 102 сказано: «Винновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, статьею 100 предусмотренного, наказывается каторгою». Статья 100 гласила: «Винновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами основными образа правления или порядка наследия престола, или на отторжение от России какой-либо ее части наказывается смертною казнию» (Новое уголовное уложение, выс<очайше> утв<ержденное> 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 43).

⁶⁸ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 8.

⁶⁹ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 364.

⁷⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 101.

⁷¹ См.: Там же. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 10.

⁷² Предместье Архангельска на острове Соломбала.

⁷³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 10.

⁷⁴ См.: Там же. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Л. 1.

⁷⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 49. Шувалово — дачный поселок в 11 км от столицы.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Там же. Л. 48.

⁷⁹ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 364.

⁸⁰ См.: Там же. С. 365.

⁸¹ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 47. Дата почтового штемпеля.

⁸² Муравьев Николай Константинович (1870–1936) — московский адвокат, в 1917 году председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, председатель Комитета Политического Красного Креста, подробнее о нем см.: «Стой в завете своем...». Нико-

что Вы знаете меня и можете дать обо мне благоприятный отзыв, то он <...> без моего ведома назначил Вас моим свидетелем. Ему кажется, что только одного отзыва будет недостаточно.⁸³ Кроме того, вполне возможно, что отзыв, раз он сделан письменно, а не лично перед судом, может быть не оглашен.

С моей же стороны свидетелей почти нет, а обвинение очень тяжелое и улики сильные.

Принимая все это во внимание, мой защитник, не дожидаясь Вашего согласия выступить свидетелем, решил Вас от моего имени пригласить свидетелем, вполне уверенный, что это не особенно затруднит Вас. <...> Если Вам повестка уже вручена, то не откажите, пожалуйста, моей *глубокой просьбе* приехать сюда на суд».⁸⁴

Надо полагать, что Венгеров, сам побывавший под судом за несколько лет перед тем,⁸⁵ не мог отказать своему ученику и приехал в Архангельск.

Муравьеву и не менее известному присяжному поверенному В. А. Маклакову⁸⁶ удалось добиться смягчения приговора, так как двое свидетелей на суде отказались от показаний, данных под угрозами на следствии.⁸⁷ Муравьев оставил впоследствии краткую запись об этом процессе: «22 мая 1914 г. — дело Дес-Фонтейнес, Бечина⁸⁸ и др <угих>, обв <иненных> в принадлежности к револ <юционной> орган <изации> в г. Архангельске; Моск <овская> суд <ебная> палата с сосл <овными> предст <авителями>⁸⁹ в г. Архангельске (дело разбиралось по существу трижды, будучи дважды кассировано Сенатом)».⁹⁰

В письме к Сталину, написанном из лагеря 12 февраля 1951 года, Мартынов сообщал, что был приговорен «по кассации, на 1 г <од> 2 мес <яца> крепости».⁹¹ По всей вероятности, ему зачли месяцы, отсиженные с апреля 1912 года по июль 1913 года.

В перерывах между судами Мартынов сдавал зачеты и экзамены по введению в языковедение, немецкому языку, истории русской словесности и западноевропейской литературы, истории искусств, участвовал в просеминарии по истории церкви.⁹² Предельный срок пребывания в университете ограничивался шестью с половиной годами, но при особых обстоятельствах мог быть продлен. 27 апреля 1916 года Мартынов обратился к ректору с просьбой отсрочить выдачу выпускного свидетельств до 1 января 1917 года: «...мне необходимо сдать очень трудный полукурсовой экзамен по методологии и философии истории, написать зачетное сочинение и, кроме того, мне хотелось

лай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы / Подг. текста и публ. Т. А. Угримовой и А. Г. Волкова; сост., авт. некоторых разделов и прим. Т. А. Угримовой. М., 2004.

⁸³ См. выше телеграмму Мартынова к Венгеру от 16 мая 1914 года с просьбой отправить письменные показания адвокату.

⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 45–46.

⁸⁵ См.: *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. С. 16–17.

⁸⁶ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — московский адвокат, член Государственной Думы II–IV созывов, кадет, один из защитников на процессе Бейлиса.

⁸⁷ См.: *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного. С. 366.

⁸⁸ Бечин Михаил Иванович (1888–1938) — до революции рабочий лесопильного завода (см.: Там же. С. 315–316), меньшевик. После 1917 года член РКП(б), председатель архангельского губернского совета профсоюзов (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 9 об.). С 1922 года — помощник управляющего трестом «Северолес», см.: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92968; его имя вошло в сталинские расстрельные списки, см.: <http://stalin.memo.ru/names/p40.htm>. Дата обращения: 31.10.2019.

⁸⁹ То есть с присяжными заседателями.

⁹⁰ «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. С. 198.

⁹¹ См.: НИА СПб ИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 3.

⁹² См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 32 об. — 33, 32–33 об., 34 об. — 35, 36, 35 об. — 37.

принять участие в семинарии проф<ессора> Рождественского⁹³ по рус<ской> истории».⁹⁴

Зачет в просеминарии у Рождественского Мартынов получил в этот же день, 27 апреля.⁹⁵

Ректор дал разрешение только до 1 октября 1916 года. Тогда 5 мая к нему обратился сам Рождественский:

«Многоуважаемый Эрвин Давидович!

Сегодня в Правлении будет заслушано, вторично, прошение студента нашего факультета Мартынова о разрешении ему остаться в университете до 1 января. Подробностей этого дела я не знаю и не смею судить, насколько законно прошение Мартынова, особенно по нынешним обстоятельствам.⁹⁶ Могу только удостоверить, что Мартынов очень серьезный и дельный студент <...> из него выйдет настоящий научный работник.

Преданный Вам
С. Рождественский».⁹⁷

Ответ Гримма неизвестен, но, видимо, отрицательный, так как 20 октября Мартынов подает еще одно прошение, в котором речь идет о продлении срока до 1917 года: «Тяжелые материальные обстоятельства принудили меня в течение лета уделять много времени занятиям для обеспечения существования меня лично и моей семьи, продолжительная болезнь, заставившая меня слечь в постель в самое нужное время для подготовки к государственным экзаменам — в сентябре месяце — очень изнурила меня и лишила возможности почти в течение целого месяца работать усиленно...».⁹⁸

В 1916 году Мартынов устраивается на службу статистиком по вольному найму в Министерстве финансов.⁹⁹ Семинарские занятия у Рождественского он усердно посещает всю осень¹⁰⁰ и 22 декабря просит проректора продлить срок пребывания в университете до 1 июня 1917 года. В январе об этом же ходатайствует у попечителя учебного округа университетское правление.¹⁰¹ Наконец 23 февраля 1917 года, еще не зная о начавшейся революции, Министерство народного просвещения разрешает ректору «в виде последней льготы, всех поименованных ниже студентов, в количестве 25 чел<овек> оставить в университете <...> до 1 июня 1917 г.».¹⁰²

Зачетное сочинение «Боярское землевладение в 1-ой половине XVII в.» Мартынов защитил у Рождественского «весьма удовлетворительно», в выпускном свидетельстве сказано, что у него восемь зачетных полугодий. Свидетельство получила по доверенности жена 18 мая 1917 года.¹⁰³ Она также, несмотря

⁹³ Сергей Васильевич Рождественский (1868–1934) в 1891 году окончил университет, с 1897 года приват-доцент, в 1912 году опубликовал докторскую диссертацию «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII и XIX вв.». Чл.-корр. АН с 1920 года. Арестовывался по «Академическому делу», был сослан в Томск. См. о нем: *Груздева Е. Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб., 2008.

⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 106.

⁹⁵ См.: Там же. Л. 35 об. — 37.

⁹⁶ То есть в военное время.

⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 107–107 об.

⁹⁸ Там же. Л. 113–113 об.

⁹⁹ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 7 об.

¹⁰⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 42 об. В мемуарах Мартынов писал: «Я долго у него работал в семинарах, много беседовал с ним на исторические темы» (*Мартынов М. Н.* Экзаменуется жизнь // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971. С. 62).

¹⁰¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 121, 126.

¹⁰² Там же. Л. 2 (копия).

¹⁰³ См.: Там же. Л. 32–33 об., 21, 21 об. В этот же день получил выпускное свидетельство и О. Э. Мандельштам.

на тюрьму и суды, сдала девять экзаменов, получила зачеты всех практических работ и имела восемь зачетных полугодий,¹⁰⁴ т. е. право на выпускное свидетельство. Зачет в просеминарии по Льву Толстому она получила у Венгерова в апреле 1916 года, русскую литературу и зачетное сочинение «Тургенев в критике» сдала профессору «весьма удовлетворительно» 3 мая 1917 года.¹⁰⁵

О государственных экзаменах и получении диплома речи не было. Вернувшись в Архангельск, Александра работала в культурно-просветительском отделе союза кооперативов.¹⁰⁶ Михаил после окончания университета был, вероятно, мобилизован, в анкете он указывал, что прослужил в армии два три месяца солдатом¹⁰⁷ — вещь невозможная для человека с высшим образованием, но писать «офицером» в 1934 году было опасно. Оба супруга вступили в партию эсеров, Михаил сообщил об этом в анкете,¹⁰⁸ Александра умолчала. О ее новой политической ориентации известно из показаний писателя Т. П. Сеницына,¹⁰⁹ который на допросе 7 декабря 1937 года в г. Нарьян-Мар сообщил, что Мартынова в Архангельске была членом эсеровского губкома: «Я рассказал ей, как бывшему члену эсеровского Губкома (1917–1918 гг.), что эсеровской организации больше не существует и что я лично решил честно работать на советской службе...».¹¹⁰

Вначале Александра,¹¹¹ а в октябре 1918 года и Михаил были избраны гласными архангельской городской думы.¹¹² Мартынов привел этот факт в анкете, назвав, правда, себя членом президиума городского совета,¹¹³ Александра в официальных документах писать об этом не стала.

Первой при советской власти арестовали жену; по утверждению Т. П. Сеницына, это случилось за несколько дней до интервенции, то есть до 2 августа 1918 года, когда в Архангельске высадился британский десант и произошел антибольшевистский переворот.¹¹⁴ Мартынову привезли в Москву, в Бутырскую тюрьму, из которой скоро выпустили, запретив возвращаться в Архангельск.¹¹⁵ В Москве она несколько месяцев работала помощником секретаря¹¹⁶ в редакции газеты «Северная область».¹¹⁷ Между тем последний московский номер газеты вышел 28 августа 1918 года, и если ее арестовали в конце июля, то в газете она могла работать лишь несколько дней, а не месяцев.

Что касается мужа, то он был мобилизован белыми и служил четыре-пять месяцев нестроевым солдатом, во всяком случае, так он представил дело

¹⁰⁴ См.: Там же. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 9.

¹⁰⁵ См.: Там же. Л. 35 об. — 36, 34 об. — 35.

¹⁰⁶ См.: Там же. Л. 1.

¹⁰⁷ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 8 об.

¹⁰⁸ См.: Там же. Л. 7.

¹⁰⁹ Тимофей Петрович Сеницын (1894–1971) в 1913 году окончил учительскую семинарию, преподавал в сельской школе, в 1917 году вступил в партию эсеров, занялся партийной работой, был журналистом. С 1925 года преподавал в ненецкой школе на Новой Земле. С 1929 года публиковал рассказы и повести для детей под псевдонимом Пэля Пунух. Член Союза писателей СССР. Арестовывался в 1920, 1921 и 1937 годах. С весны 1938 года жил в Архангельске, в годы войны работал корреспондентом и корректором, подробнее см.: <http://writers.aonb.ru/punux-p.html>; дата обращения: 31.10.2019.

¹¹⁰ Сеницына П. Т. Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы (1917–1920 гг.) в показаниях очевидца (по документам Нарьян-Марского УНКВД 1937 г.) // Каторга и ссылка на Севере России: Сб. статей. Архангельск, 2006. Т. 2. С. 305.

¹¹¹ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 51 об.

¹¹² См.: Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 239.

¹¹³ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 8.

¹¹⁴ См.: Сеницына П. Т. Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы... С. 305.

¹¹⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 51 об.

¹¹⁶ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 1.

¹¹⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 51 об. Газета «Северная область» — ежедневный листок комитета продовольствия и снабжения Северной области.

в анкете.¹¹⁸ В начале 1950-х годов он писал из Дубравлага в МГБ: «Меня нельзя обвинять в том, что я принимал „деятельное участие в работе белогвардейского правительства“, да еще второго, кадетского, состава. В качестве представителя губернского земства я присутствовал на заседаниях земельной комиссии, созданной отделом земледелия белогвардейского правительства из представителей общественных организаций. Комиссия носила временный характер, имела несколько заседаний в январе 1919 года и вскоре была распущена».¹¹⁹ Одновременно он продолжал работать в губернском статбюро помощником заведующего.¹²⁰

РККА пришла в Архангельск в феврале 1920 года, так что встретились супруги несоро. После перевода газеты в Петроград Мартынова осталась в Москве, она утверждала, что в 1919–1920 годах служила в информационном отделе Наркомата труда.¹²¹ На самом деле в 1919 году Александра уехала на юг, жила в Полтаве и Киеве. По ее словам, была «в Киеве при всех переменах власти, из которых предпоследней был <a> — власть поляков».¹²² Польская армия (вместе с дивизией петлюровцев) вошла в Киев в начале мая 1920 года и пробыла там месяц, 12 июня город был занят РККА. О своей работе в эти годы Мартынова упоминает в двух словах: «главным образом, в области внешкольного образования».¹²³ Комментарием к этому месту служат показания Синицына, который вспомнил о встрече с Александрой в Архангельске в конце августа 1920 года: «...на юге она работала против белых и чисто случайно избежала расстрела».¹²⁴

По-видимому, сразу после прихода красных она уехала из Киева. Сначала, вероятно, в Архангельск, где узнала об аресте мужа, затем в Москву, чтобы получить право жить в родном городе на законных основаниях. В анкете 1922 года она сообщает, что получила в столице командировку от Наркомпроса в Архангельскую губернию для собирания музейных материалов.¹²⁵

28 августа 1920 года Мартынова пишет из Архангельска Венгеру большое письмо, в нем упоминаются два участника Пушкинского семинария. Это, во-первых, будущий литературовед и мемуарист¹²⁶ Николай Васильевич Яковлев (1891–1981). Сын горного инженера, окончивший петербургское 1-е реальное училище, в юности он участвовал в работе социал-демократической молодежной организации.¹²⁷ В 1915 году закончил историко-филологический факультет и был оставлен при университете. С февраля по июль 1917 года «работал в Литературном отделе Исполнительного комитета Петроградского Совета», затем по приглашению Венгерова перешел в Книжную палату.¹²⁸ В марте 1918 года приехал в Самару, где служил в Комиссии по охране архивных материалов. В письме к Венгеру от 24 августа он писал: «Дорогой Семен Афанасьевич, ничего бы я так не хотел, как того, чтобы Вы

¹¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 8 об.

¹¹⁹ НИА СПбИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 10.

¹²⁰ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 7 об.

¹²¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 1.

¹²² ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 52.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Синицына П. Т. Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы... С. 305.

¹²⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 1.

¹²⁶ См., например: Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском доме // Звезда. 1969. № 8. С. 165–174.

¹²⁷ См.: Яковлев Н. В. К истории петербургского среднешкольного движения 1904–1909 годов: Из воспоминаний реалиста // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб. 1. Из истории революционного движения учащихся среднее учебных заведений Петербурга 1905–1917 гг. С. 9–51. Републикацию фрагментов см.: Мец А. Г. Осип Манделштам и его время. СПб., 2005. С. 193–209.

¹²⁸ См.: Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб., 2006. С. 84.

и все наши могли приехать сюда отдохнуть от всех ужасов, которые, как мы слышали, творятся у вас в Петрограде. <...> у нас от Самары и Казани до Иркутска уже воскресла новая Россия». ¹²⁹ Затем служил при уфимской Директории в Омске, где в конце ноября 1918 года была создана Книжная палата. ¹³⁰ С января 1921 года работал в Пушкинском Доме, возможно, привлекался по «Академическому делу»; во всяком случае, он находился в Крестах в январе–феврале 1931 года. ¹³¹

Второй упомянутый участник — София Исааковна Гальперин <sic!> (?–1922). Дочь врача, в 1906 году она окончила симбирскую гимназию, в августе 1907 года поступила на петербургские Стебутовские женские сельскохозяйственные курсы. ¹³² Учась на Бестужевских курсах, София 15 октября 1912 года выступила в Пушкинском семинарии с докладом «„Евгений Онегин“ как первый бытовой роман». ¹³³ Яковлев писал о ней: «Воспоминания о С. А. Венгерове, как профессоре на Петербургских Высших Женских (Бестужевских) Курсах, по первоначальному предположению, должна была дать, ныне также покойная, София Исааковна Гальперин — его ближайшая помощница в течение ряда лет по руководству Пушкинским семинарием на курсах, одна из инициаторов настоящего издания». ¹³⁴

Вот письмо Мартыновой:

«Многоуважаемый Семен Афанасьевич, в начале июля, в Москве, я встретила Николая Васильевича Яковлева, который собирался ехать на юг от Книжной Палаты. ¹³⁵ Он рассказывал о работе Книжной Палаты и предложил принять участие в собирании материалов в Архангельске моему мужу и мне, предварительного сговорившись с Вами.

Мой муж — Михаил Николаевич Мартынов, когда-то бывший вашим учеником, в настоящее время находится в Соловецком монастыре на принудительных работах. В конце апреля ¹³⁶ он был приговорен в Архангельске без предъявления какого-либо обвинения и даже без допроса к году принудительных работ. В настоящее время он отбыл уже свыше 3-х месяцев, и если какое-либо учреждение будет хлопотать об откомандировании его для работы данного учреждения, его освободят. Что касается его виновности — то, видимо, ему ставится в вину принадлежность в 1917-м году и 18-м к партии с.-р. Что касается дальнейшего времени — он с 1918-го года занимался исключительно академической работой, о чем великолепно осведомлена Советская власть. Работал он по земельной статистике. В последние годы он специализировался в этой области.

¹²⁹ Михеева Г. В. Николай Васильевич Яковлев: малоизвестные страницы биографии // Книга. Культура. Общество. Сб. трудов по материалам 11-х Смирдинских чтений. СПб., 2000. С. 154, 155.

¹³⁰ См.: Там же. С. 155, 156.

¹³¹ См. письмо Оксмана к Н. К. Пиксанову от 5 февраля 1931 года (ИРЛИ. Ф. 496). Сообщение Н. Г. Охотиным. «Кресты» — обиходное название петербургской тюрьмы, построенной в 1884–1892 годах. Камеры в ней располагаются в двух корпусах, которые пересекаются в виде креста.

¹³² См.: ЦГИА СПб. Ф. 450. Оп. 1. Д. 657. Л. 1. На Бестужевских курсах в это время училась ее старшая сестра Раиса (см.: Там же. Л. 3).

¹³³ См.: Пушкинист. Историко-литературный сборник. [Вып.] II. С. 280. Третья сестра Надежда также фигурирует в списке участниц Пушкинского семинария, см.: Там же. С. 272.

¹³⁴ Яковлев Н. В. [Предисловие] // Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. С. VIII.

¹³⁵ Экземпляры печатных изданий, выходящих в Москве, почти не поступали в Книжную Палату, которая находилась в Петрограде. Поэтому президиум Палаты 16 апреля 1920 года учредил должность особого представителя и избрал на нее Яковлева, поручив ему «войти в сношение с московским отделом печати...» (Фомин А. Г. С. А. Венгерова как организатор и первый директор Российской Книжной Палаты... С. 32).

¹³⁶ Дату 26 апреля 1920 года см.: <https://base.memo.ru/person/show/1104627>; дата обращения: 31.10.2019.

Николай Васильевич советовал мне обратиться к вам с просьбой ходатайствовать за моего мужа от имени Книжной Палаты или Музея Революции. Участь его зависит главным образом от Кедрова — представителя Контрольной Комиссии в Архангельске.

Я очень извиняюсь, Семен Афанасьевич, что беспокою вас, но вы знаете Михаила Николаевича, к *а* к способного работника и, может быть, не отказались бы его рекомендовать с этой стороны.

Условия, в которых живет в Соловецком монастыре¹³⁷ Михаил Николаевич, довольно скверные: работает он по постройке моста с 7 ч. утра до 6 ч. вечера. Питание скверное. Заключенные Концентрационного лагеря живут впроголодь. В настоящее время он слег в больницу. Несмотря на это, он не бросает научную работу.

Я думала обо всем подробнее лично поговорить с вами и ехала уже в Петроград из Москвы, но на полдороге наш вагон (Луначарского) сгорел и пришлось вернуться обратно в Москву, т *а* к к *а* к я не запаслась соответствующим пропуском, а оттуда я проехала прямо в Архангельск.

На севере я не была более 2-х лет. В 18-м году я была вывезена большевиками из Архангельска к *а* к гласная Арханг<ельской> Городской Думы и посажена в Бутырскую тюрьму, из которой скоро выпустили, но был запрещен въезд в Архангельск.

В Москве я работала несколько месяцев вместе с Софьей Исаковной Гальперин в редакции газеты „Северная Область“, затем работала в Комиссариате труда (литературная обработка материалов).

С 1919-го года по 20-й я жила на юге — в Полтаве и Киеве. Здесь работала главным образом в области внешкольного образования.

Была в Киеве при всех переменах власти, из которых предпоследней был *а* — власть поляков. Теперь собираюсь остаться в Архангельске, где и находится моя семья. Еще раз извиняюсь, Семен Афанасьевич, что затрудняю вас просьбой сделать что-либо для освобождения моего мужа.

Адрес мой: Архангельск, Вологодская ул., д. 14, к. 1. Александре Александровне Мартыновой.

Уважающая Вас А. М. ».¹³⁸

О своем аресте Михаил Мартынов упомянул, заполняя в 1934 году личный листок по учету кадров: «В 1920 г. был, по-видимому, в админ<истративном> порядке осужден на 1 г<од> лагеря принуд<ительных> работ за „контрреволюцию“, но затем амнистирован».¹³⁹

К его освобождению Венгеров отношения не имел. С большой долей вероятности можно предположить, что письма Мартыновой, написанного в Архангельске 28 августа, он не прочел. 29 августа умер от дизентерии младший сын Венгерова Сергей.¹⁴⁰ Сам профессор был так тяжело болен, что ему даже

¹³⁷ Комендантом Соловецких островов с 28 апреля 1920 года был сотрудник архангельской губчека С. А. Абакумов, см.: *Ильин В. Н.* Каторга и ссылка на севере России в период интервентов и гражданской войны 1918–1920 гг. // Каторга и ссылка на Севере России. Т. 2. С. 30.

¹³⁸ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. Ед. хр. 808. Л. 50–52.

¹³⁹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 8 об.

¹⁴⁰ См.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной Палаты... С. 44. Сергей Семенович Венгеров (23 мая 1897 — 29 августа 1920) окончил частную гимназию Н. В. Дмитриева (см.: ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 5. Ед. хр. 303. Л. 1), в 1915 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (см.: Там же. Л. 2). С июля 1916 года был на службе в 1-м пехотном запасном полку на правах вольноопределяющегося первого разряда (см.: Там же. Л. 5, 14). 17 августа 1917 года младший унтер-офицер Венгеров «назначен на службу в Скобелевский Комитет для работы в качестве сотрудника журнала „Свободный Солдат“» (Там же. Л. 18). В феврале 1918 года он служил статистиком в управе Петроградского продовольственного совета (см.: Там же. Л. 19). С осени 1918 года Сергей — вольно-

не стали сообщать о смерти сына, а 14 сентября Венгеров и сам скончался от той же болезни.¹⁴¹

Выше упоминалось о двух арестах Мартыновой: в октябре 1920 года¹⁴² и 7 марта 1921 года, а также о нахождении в Бутырской тюрьме в апреле.¹⁴³ Возможно, эти аресты были связаны с арестами Синицына, который в сентябре 1920 года по просьбе Александры зашел в Москву на явочную квартиру и оказался на совещании представителей эсеровской партии, приехавших из разных губерний.¹⁴⁴ По возвращении в Архангельск он был арестован 1 октября,¹⁴⁵ просидел до 4 марта 1921 года, был выпущен на один день и взят вновь 6 марта,¹⁴⁶ накануне ареста Мартыновой.

Можно допустить, что аресты Мартыновой в 1920 и в 1921 годах были кратковременными, поскольку в заявлении ректору Петроградского университета от 31 августа 1922 года она писала, что в 1920 году «заведывала ликвидацией неграмотности в г. Архангельске и уезде и была преподавательницей на курсах для учителей по ликвидации неграмотности. Весною 1921-го года <т. е. как раз тогда, когда должна была находиться в Бутырской тюрьме. — М. С.> я была вызвана Наркомпросом в Москву и командирована в Петроград школьным работником в школу Рабочей Молодежи имени Тимирязева».¹⁴⁷

8 августа 1921 года Александра обратилась в Петроградский университет, прося о восстановлении: «...имею зачет 8-ми семестров. Сдано девять экзаменов. Получены зачеты всех практических работ, в том числе: два просеминария и два семинария».¹⁴⁸

В справке, выданной университетом 1 сентября, перечислялись выдержанные на курсах экзамены: немецкий язык, латынь, введение в языковедение, сравнительная историческая фонетика русского и церковнославянского языков, сравнительная историческая морфология русского и церковнославянского языков, древнерусский язык, русская народная словесность, новая русская литература, отдел по новой русской литературе вместе со специальным вопросом.¹⁴⁹

Поселились они с мужем в общежитии научных работников, в Филологическом пер., 3.¹⁵⁰ Михаил восстановился в университете раньше, 30 июня 1921 года. Уже 2 июля 1921 года он выдержал у профессора Рождественского экзамен по русской истории.¹⁵¹ В мемуарах Мартынов писал, что в 1921 году ему «пришлось много работать в губстатотделе и лишь вечерами готовиться к государственным экзаменам».¹⁵² В течение учебного 1921–1922 года он сдал экзамены по истории Востока, по истории Рима, по всеобщей истории средневековья¹⁵³ и к весне 1922 года закончил университет:

слушатель Архивных курсов при Петроградском археологическом институте (см.: Там же. Л. 24) и 30 июня 1919 года получает удостоверение о сдаче зачетов. В феврале 1920 года служит «библиотекарем в клубе „КРАСНАЯ ЗВЕЗДА“ Учетно-Пересыльного отдела Штаба» (Там же. Л. 29), затем резервным писарем учетно-пересыльной части с разрешением проживать дома, «на частной квартире по Загородному пр. д. 21» (Там же. Л. 30).

¹⁴¹ См.: *Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной Палаты...* С. 44.

¹⁴² См.: <https://base.memo.ru/person/show/1104632>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁴³ См.: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/113.htm#n3129>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁴⁴ См.: *Синицына П. Т.* Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы... С. 305.

¹⁴⁵ См.: <https://base.memo.ru/person/show/1109260>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁴⁶ См.: *Синицына П. Т.* Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы... С. 306.

¹⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 1 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 9.

¹⁴⁹ См.: Там же. Л. 17.

¹⁵⁰ См.: Там же. Л. 9.

¹⁵¹ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 135, 33 об. — 34.

¹⁵² *Мартынов М. Н.* Экзаменует жизнь. С. 63.

¹⁵³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 33 об. — 34, 34 об. — 35.

«Декану Общественно-педагогического Факультета Петроградского Университета

От студента Мартынова Мих. Ник.

Прошу о выдаче мне свидетельства о окончании Университета. При сем прилагаю: 1) матрикул и 2) удостоверение проф. Рождественского о представлении дипломной работы.

4/V 22. Мих. Мартынов». ¹⁵⁴

Свидетельство (так теперь стал называться диплом) было получено 15 июня 1922 года. ¹⁵⁵ Мартынова оставили при университете, он начал читать лекции, в 1927 году получил звание доцента, ¹⁵⁶ публиковался. ¹⁵⁷ В мае 1923-го Мартынов был приглашен в Центрархив, где занял должность заместителя управляющего экономической секцией, «в ведении которой были все частные архивы Петрограда <...> дворцовый архив, архив Мин<истерст>ва Государственных имуществ и т. д.». ¹⁵⁸

Среди молодых ученых, как вспоминала его коллега, историк Н. С. Штакельберг, «стали возникать разного рода кружки и объединения», один из них, неформальный «Кружок молодых историков», существовавший в 1921–1927 годах, посещал Мартынов. ¹⁵⁹ Он не попал в число кружковцев, арестованных, как названная мемуаристка, по «Академическому делу», хотя на допросах профессор Рождественский «упоминал МАРТЫНОВА, как члена антисоветски настроенного кружка „Молодых историков“...». ¹⁶⁰ А на допросе 9 апреля 1930 года Рождественский признал, что Мартынов навещал его вместе с другими бывшими студентами, оговорив при этом, что «эти встречи не носили характера организованного кружка». ¹⁶¹

У Александры 1921–1922 год для учения пропал. В студенческом деле сохранилось несколько любопытных документов, которые дают хотя бы некоторое представление о ее жизни.

Готовясь возобновить учение, Мартынова собирает удостоверения и справки о своей педагогической работе и дореволюционных заслугах в борьбе против самодержавия. 10 августа 1922 года она получила удостоверение из архангельского губотдела народного просвещения, что была мобилизована на работу внешкольным инструктором. На следующий день ей выдали командировку в Петроградский университет от отдела профобразования. Везла Мартынова с собой в университет и удостоверение о суде и ссылке, выданное давним знакомцем и сопроцессником М. И. Бечиным. ¹⁶²

31 августа 1922 года Александра подала ректору заявление, где писала, что она состоит в списках студентов, которые должны окончить обучение в октябре

¹⁵⁴ Там же. Л. 22.

¹⁵⁵ См.: Там же. Л. 143 (машинописная копия).

¹⁵⁶ См.: «Биографика» СПбГУ: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1015-martynov-mikhail-nikolayevich.html>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁵⁷ См., например: Запрещённая цензурой статья Н. В. Шелгунова / Предисловие М. Мартынова // Красный архив. 1926. № 1 (14). С. 128–147; Аграрное движение в 1917 г. по документам главного земельного комитета / Предисловие М. Мартынова // Там же. С. 182–226.

¹⁵⁸ НИА СБИБИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 7 об., 10 об.

¹⁵⁹ Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисловие, послесловие и публ. Б. В. Ананьича; прим. Е. А. Правилковой // In memorem: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 30. Список участников кружка см.: Там же. С. 33. Годы работы кружка указывает в послесловии Б. В. Ананьич, см.: Там же. С. 81.

¹⁶⁰ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 2015. Вып. 9: В 3 ч. Ч. 2 / Сост. М. П. Лепехин; предисловие А. Н. Цамутали, М. П. Лепехина. С. 885.

¹⁶¹ Груздева Е. Н. Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. С. 179.

¹⁶² См.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 9 об.

1924 года, и просила продлить ей срок пребывания в университете.¹⁶³ 2 октября 1922 года она получила свидетельство с печатью врачебного кабинета университета: «...дано студ<ентке> Петроград<ского> Универ<сите>та Александре Александровне Мартыновой, 32-х лет от роду, в том, что в течение всего минувшего 1921–1922 учебного года она была больна тяжелой формой малярии».¹⁶⁴

Став наконец в 1922 году студенткой третьего курса этнолого-лингвистического отделения на факультете общественных наук, она заполнила анкету, где указала свою профессию: внешкольная работница и преподавательница; количество членов семьи: пятеро (т. е. она с мужем, двое детей, пятая, видимо, ее мать).¹⁶⁵ Мартынова беспартийная, но сочувствует «тем революционным партиям, которые неуклонно ведут борьбу за социальную революцию. Р. К. П., поскольку она в настоящее время проводит социалистические идеи. (Нэп не принимаю)».¹⁶⁶ К советской власти отношение было также сочувственным, «поскольку она является единственной революционной властью в мире, ведущей борьбу с мировой буржуазией за идеалы социализма».¹⁶⁷

На вопрос о средствах к существованию ответила: «До августа 22 г. госснабжение. Летом временный заработок в статист<ической> экспедиции. В настоящее время помощь мужа (научн<ого> сотруди<ника> Петр<оградского> У<ниверсите>та)».¹⁶⁸ Последнее пришлось подтверждать. 7 февраля 1923 года муж взял справку, но не в государственном университете, а в Коммунистическом университете имени товарища Зиновьева,¹⁶⁹ где он служил лектором и получал жалованье «по 15 разряду в сумме 530 рублей».¹⁷⁰ На следующий день жена в заявлении просила освободить ее от платы за учение, подчеркивая, что она командирована в университет архангельским губпрофбром.¹⁷¹

3 июня 1924 года постановлением проверочной комиссии Мартынову исключили из списков студентов «с правом сдачи оставшихся экзаменов в качестве экстерна».¹⁷² 12 июля Александра обратилась в президиум факультета: она больна и просит восстановить ее в правах студента; оставшиеся четыре экзамена она сдаст до 1 ноября 1924 года.¹⁷³

23 декабря 1924 года Мартыновой было выписано свидетельство: «Предъявительница сего Мартынова Александра Александровна, родившаяся 13 марта 1890 г., поступившая на Петроградские Высшие Женские Курсы в 1911 году и восстановленная на Факультет Общественных Наук Ленинградского Государственного Университета в 1922 году с зачетом экзаменов названных Курсов, к 12-му Ноября 1924 года выполнила все требования учебного плана Отделения ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ и ЛИТЕРАТУРЫ по Славяно-Русской Секции <...> В удостоверение чего от Факультета Общественных

¹⁶³ См.: Там же. Л. 1 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 27. Свидетельство ошибочно датировано 1921 годом.

¹⁶⁵ См.: Там же. Л. 26.

¹⁶⁶ Там же. Л. 28.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. Л. 26.

¹⁶⁹ Учебное заведение, готовившее кадры для новой власти, впоследствии называлось Коммунистическим университетом имени товарища Сталина, подробнее см.: Чистиков А. Н. Будущие управленцы: студенты Коммунистического университета им. тов. Зиновьева в 1920-е гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. С. 398–408. Преподавание Мартынова в этом учебном заведении не отмечено на сайте «Биографика» Петербургского университета, см.: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1015-martynov-mikhail-nikolayevich.html>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 94. Л. 46.

¹⁷¹ См.: Там же. Л. 47.

¹⁷² Там же. Л. 30–30 об.

¹⁷³ См.: Там же.

Наук Ленинградского Государственного Университета выдано ей, Мартыновой А. А., настоящее свидетельство <...>

Ректор Ленинградского Государственного Университета профессор Державин. Декан Факультета общественных наук профессор Серебряков». ¹⁷⁴

Вернемся к Михаилу. С 1925 года он, продолжая работать в университете, начал преподавать в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. ¹⁷⁵ С 1925 по 1930 год Мартынов, оставаясь беспартийным, был научным сотрудником ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА), с 1928 года он действительный член Общества историков-марксистов. В 1930 году Мартынов покидает университет и начинает работать в Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ, с 1933 года — ЛИФЛИ), вначале доцентом, а с 1931 года — профессором, читая курс по истории народов СССР. ¹⁷⁶ В пединституте в том же 1931 году он успешно проходит чистку госаппарата. ¹⁷⁷

20 января 1934 года Мартынов просит зачислить его старшим специалистом в Историко-археологический институт (ИАИ, с 1936 года — ЛОИИ) и сообщает о сфере своих научных интересов: пугачевщина, крестьянское движение в 1917 и в 1861 годах, история удмуртов. ¹⁷⁸ Две из названных им тем входили в область работы ИАИ: история народов СССР и «крестьянские революции феодально-крепостной эпохи». ¹⁷⁹ В личном деле сохранилось отношение от института в Артиллерийский музей с просьбой «допустить к занятиям в В<ашем> музее ст<аршего> учен<ого> специалиста Мартынова М. Н. по теме „История промышленности конца 17 и 18 вв.“». ¹⁸⁰

1 сентября 1934 года Мартынов просит директора С. Г. Томсинского ¹⁸¹ освободить его от работы в ИАИ. ¹⁸² Еще один документ 1934 года — это письмо Томсинского в Наркомпрос РСФСР от 6 ноября. Несмотря на уход Мартынова, директор ИАИ «поддерживает ходатайство ЛИФЛИ о присуждении звания профессора т. М. Н. Мартынову, который ведет преподавательскую работу в Вузах и Комвузах Ленинграда с 1921 г. М. Н. Мартынов имеет ряд работ по истории народов СССР, в частности, по истории башкир, удмуртов, горных рабочих Урала, Пугачевщины и т. д.

М. Н. Мартынов — один из серьезных <sic!> исследователей истории Пугачевщины, которая детально им разработана. Все его научные работы написаны на основе первоисточников.

Директор (Подпись)». ¹⁸³

¹⁷⁴ Там же. Л. 7 (копия), 8. Серебряков Михаил Васильевич (1879–1959) — юрист, в 1911 году окончил Петербургский университет. Член РСДРП с 1899 года, был в ссылке. С 1919 года служил в политотделе Балтфлота. С 1921 года профессор Петроградского университета. Один из основателей «Научного общества марксистов», его председатель с 1922 года. В 1927–1930 годах занимал пост ректора ЛГУ.

¹⁷⁵ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 7 об. Преподавание Мартынова в эти годы в пединституте не отмечено на сайте «Биографика» СПбГУ, см.: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1015-martynov-mikhail-nikolayevich.html>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁷⁶ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 7, 7 об., 8, 7 об., 4 об.

¹⁷⁷ См.: Там же. Л. 8 об. О его выступлении в 1931 году на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов при ЛОКА, посвященном критике школ С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле, см.: *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 183, 184.

¹⁷⁸ См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 4, 4 об.

¹⁷⁹ *Серова Е. А.* Историко-археологический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. Археологический ежегодник. 1976. М., 1979. С. 364.

¹⁸⁰ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 3.

¹⁸¹ Томсинский Семен Григорьевич (1894–1936) — историк, в 1933–1935 возглавлял ИАИ, его имя включено в сталинские списки за октябрь 1936, см.: <http://stalin.memo.ru/regions/regi46.htm>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁸² См.: СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 1.

¹⁸³ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 4241. Л. 6. В автобиографии 1967 года, написанной перед защитой докторской диссертации, Мартынов сообщал, что «с 1930 г. работал в Вузах штатным профессором. Был представлен в 1934 ЛИФЛИ, вместе с другими профессорами к утвержде-

В следующем году вышел подготовленный Мартыновым сборник документов о Пугачевском восстании.¹⁸⁴

О его членстве в партии эсеров помнили коллеги. Так, доцент Н. И. Ульянов, вскоре ставший завкафедрой, выступая 25 января 1935 года «на открытом собрании партгруппы ЛИФЛИ» и говоря о сотрудниках кафедры, назвал и «старого эсера Мартынова».¹⁸⁵

В 1938 году Мартынов был арестован вместе с шестью ленинградскими историками: Н. И. Андреевым, С. В. Вознесенским, Я. М. Захером, С. И. Ковалевым, А. М. Розенбергом, А. Н. Шебуниным.¹⁸⁶ В сентябре 1939 года суд Военного трибунала отправил дело на доследование. В 1940 году Андреев, Ковалев, Розенберг и Мартынов были освобождены. Сам Мартынов считал, что их освобождению помог профессор-правовед А. В. Венедиктов,¹⁸⁷ однокашник Ковалева по уфимской гимназии. 3 сентября 1959 года Михаил Николаевич писал Ковалеву: «Мы никогда не забудем его хлопот и забот в нашем „деле“».¹⁸⁸

Во время войны Мартынов преподавал в Вологодском пединституте, в 1946 году защитил кандидатскую диссертацию,¹⁸⁹ работал в Пединституте им. М. Н. Покровского.¹⁹⁰ 31 января 1950 года Мартынов был вновь арестован и осужден на 10 лет; из лагеря он писал Сталину, что с 1920 года считал «советскую власть наилучшей формой правления», упоминал о своих заслугах перед нею: «В 1922 г. по моей инициативе был арестован и осужден крупный провокатор Р. Бертхольд. В 1925 г. по моей инициативе был арестован архивист П. А. Шафранов, сжигавший ценные документы из царских архивов».¹⁹¹

Жена его жила в Ленинграде. Нуждаясь в деньгах, она в начале мая 1952 года (судя по полустертому штемпелю на конверте¹⁹²) пишет письмо

нию этого звания в ВАК, но в связи с арестом директора ЛИФЛИ Горловского эти заявления были отозваны обратно» (НИА СПбИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 11). О С. С. Горловском см.: *Брачев В. С.* Дело профессора Самуила Горловского (1896–1936) // *Общество. Среда. Развитие.* 2015. № 3. С. 74–79. Став завкафедрой истории СССР на истфаке ЛГУ, Томсинский привлек к работе Мартынова, см.: *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета... С. 201.

¹⁸⁴ См.: Восстание Емельяна Пугачева: Сб. документов / Подг. к печ. проф. М. Мартыновым. Л., 1935.

¹⁸⁵ *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета... С. 197. Труды Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) советского периода посвящены русской истории XVI–XVII веков, в эмиграции он занимался историей Украины. Подробнее см.: *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018.

¹⁸⁶ О «деле» историков см.: *Золотарев В. П.* Яков Михайлович Захер (1893–1963) // *Новая и новейшая история.* 1993. № 4. С. 180–203; *Гордон А. В.* Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // *Французский ежегодник: Франция и Восток.* 2014. Т. 5. Вып. 9 (32). С. 347–393; *Брачев В. С.* 1) «Дело» Я. М. Захера // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).* 2012. № 2. С. 41–45; 2) Дело профессора С. В. Вознесенского // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9. № 1. С. 144–155.

¹⁸⁷ Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959) — правовед, один из основателей теории социалистической собственности, член АН.

¹⁸⁸ РНБ. Ф. 1433. Ед. хр. 53. Л. 1.

¹⁸⁹ См.: *Поморская энциклопедия.* Т. 1. С. 239.

¹⁹⁰ См.: *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета... С. 206.

¹⁹¹ НИА СПбИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1, 7, 9. Петр Александрович Шафранов (1859/1860–?) до 1917 года заведовал архивом Министерства земледелия, с 1918 года управлял отделением экономической секции Государственного архивного фонда в Петрограде, спас от гибели архив Д. И. Менделеева, см.: *Соминич Г. Е.* Коллекция документов личного происхождения в РГИА как исторический источник по истории интеллигенции в России конца XIX — начала XX века // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2001. Вып. 1. С. 159, 164. Издание указано Н. Г. Охотиным. О Р. Бертхольде сведений не имеем.

¹⁹² См.: РНБ. Ф. 1133. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 2.

сотруднику отдела рукописей ГПБ В. Г. Гейману,¹⁹³ который мог знать ее мужа по работе в ИАИ.¹⁹⁴

«Многоуважаемый профессор Гейман,

У меня имеется русская летопись XVII века (так предполагают специалисты). Очень редкий экземпляр. Приобретен на севере.

Не имеет ли желание Рукописный Отдел Публичной библиотеки приобрести ее? Оформить тогда, видимо, придется через какую-нибудь книжную базу.

Будьте любезны мне ответить по телеф<ону> В-2-28-70, вызвать¹⁹⁵ Александру Александровну Мартынову или Эсфирь Александровну.¹⁹⁶ Буду Вам очень благодарна.

Адрес: Ленинград, 137 п/о. Петр<оградская> ст<орона> Теряева ул., д. 21/12, кв. 17.

А. Мартынова».¹⁹⁷

Спустя два года Михаил Николаевич вернулся из лагеря, паспорт ему был выдан 18-м отделением милиции 27 ноября 1954 года.¹⁹⁸

Александра Александровна Мартынова умерла 11 февраля 1962 года.¹⁹⁹ Мартынов в 1967 году защитил докторскую диссертацию о горнозаводском Урале накануне крестьянской войны 1773–1775 годов.²⁰⁰ Двумя годами ранее, 10 августа 1965 года, Мартынов обратился к генеральному прокурору СССР с заявлением о необходимости реабилитировать своего университетского учителя Рождественского, осужденного по «Академическому делу».²⁰¹ Заявление Мартынова (как и более позднее заявление аспиранта Е. И. Чапкевича) инициировало пересмотр «Академического дела».²⁰² Умер Михаил Николаевич Мартынов в Ленинграде в 1970 году.

¹⁹³ Гейман Василий Георгиевич (1887–1965) — историк, палеограф. Учился в Училище правоведения, в 1911 году окончил юридический факультет Петербургского университета, в 1914 году — Археологический институт. В 1913 году — корреспондент А. М. Ремизова. С 1914 года служил в армии вольноопределяющимся, с 1918 года — в Публичной библиотеке. Член Общества любителей древней письменности и искусства (см.: Бирюч петроградских государственных театров. 1921. Сб. 2. С. 303). С 1925 года — внештатный сотрудник Археографической комиссии АН, с 1930 года сотрудник ИАИ, подробнее см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2. С. 194–197; <http://www.spbiiran.nw.ru/geiman-v-g>; дата обращения: 31.10.2019. См. фрагмент из его неопубликованных воспоминаний о ГПБ в 1918–1936 годах: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников (1917–1929). СПб., 2003. С. 383–386.

¹⁹⁴ См.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. Доклады и сообщения. СПб., 2015. С. 18. <https://nestorbook.ru/uDrive/file/904/3f4ed32c45e721d80b3b11d5308f8b4d>; дата обращения: 31.10.2019.

¹⁹⁵ Квартира коммунальная.

¹⁹⁶ Сведений не имеется.

¹⁹⁷ РНБ. Ф. 1133. Ед. хр. 209. Л. 1. В 1964 году ул. Теряева вместе с ул. Текстилей переименовали в ул. Вс. Вишневского, номер дома стал 11, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56839. Л. 19.

¹⁹⁸ См.: Там же. Л. 19 об.

¹⁹⁹ См.: НИА СПбИИ РАН. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 20.

²⁰⁰ См.: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1015-martynov-mikhail-nikolayevich.html>; дата обращения: 31.10.2019.

²⁰¹ См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 9. Ч. 2. С. 878. См. также: *Груздева Е. Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. С. 184–185.

²⁰² См.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 9. Ч. 1. С. XXI.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-41-52

© С. А. Семячко

ПОЧИТАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ГАЛИЦКОГО И ОВИНОВСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ: МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Становление культа святого или чудотворной иконы связано как с процессами поминания, так и с процессами памяти. Каковы бы ни были причины возникновения культа, он всегда подразумевает молитвенное обращение к святому или святыне и сопровождается целым комплексом гимнографических текстов. Святой получает день памяти, в который происходит его поминание. С другой стороны, память о святом или святыне материализуется в некоем условно «историческом» сочинении, которое может иметь форму летописной повести, сказания об иконе, жития, которое, в свою очередь, может быть включено в гимнографический контекст, а может быть совершенно независимо от него. Степень «историчности» такого текста бывает различной. Поэтому на вопрос, можно ли считать житие историческим источником, нет универсального ответа, в каждом случае, в отношении каждого текста и каждого культа, этот вопрос решается индивидуально. И степень «историчности» памяти никоим образом не влияет на поминание и молитву.

Игумен Успенского монастыря в Галиче Костромском Паисий, прославленный церковью как служитель чудотворной Овиновской иконы Богоматери и реформатор устава в своем монастыре, упоминается в двух прижизненных документах, известных в списках 1648 года: 1) РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 20280 — духовная грамота инока Успенского Паисьево-Галицкого монастыря Ионы Дмитриева сына Ярцева;¹ 2) РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Ед. хр. 20280_1² — данная с отводом Денисия Фоминича архимандриту Успенского Паисьево-Галицкого монастыря Паисию на село Благовещенское и деревню Дмитриевскую с пустошами в Галиче Костромском. В первом — как игумен и «отец душевной» завещателя, во втором — как архимандрит Галицкого Успенского монастыря. Копии этих документов находятся в составе спорного дела между насельниками Паисьево-Галицкого монастыря и посадскими людьми Галича о владельческих правах на некоторые деревни и земли, в том числе и на Овинов луг, который следует отметить особо, поскольку этот топоним играет не последнюю роль в рассматриваемой истории. Духовную Ионы Ярцева А. В. Антонов датирует 1430–1450-ми годами, данную Денисия Фоминича — 1450–1460-ми.³ Никаких оснований датировки исследователь не приводит. Нельзя исключать того обстоятельства, что он опирается на исторические реалии, упоминаемые в Житии Паисия Галицкого. Традиционно годом кончины преподобного считается 1460-й, в большинстве списков его Жития на месте даты преставления оставлен пропуск,⁴

¹ Документ представлен на сайте РГАДА и опубликован: Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 36–37. № 27.

² Документ представлен на сайте РГАДА и опубликован: Там же. С. 37. № 28.

³ Антонов А. В. Перечни актов Переславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церквей XIV — начала XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. С. 153.

⁴ Житие Паисия Галицкого известно сейчас в восьми списках конца XVII — конца XIX века: 1) РГБ. Ф. 299 (собр. Тихонравова). № 57 (конец XVII века); 2) ГИМ. Собр. Вахрамеева. № 1024 (вторая половина XVIII века); 3) РНБ. Собр. Титова. № 2018 (XVIII–XIX века); 4) РНБ. Собр. Титова. № 4008 (XIX век); 5) РГБ. Ф. 299 (собр. Тихонравова). № 402 (начало XIX века); 6) КОК

и лишь один список⁵ в качестве таковой называет 1463 год. Но опираться на Житие для датировки этих актов опасно, поскольку Житие находится в непосредственной или опосредованной зависимости от этих документов и, в частности, в нем не указан год преставления Паисия именно потому, что в актах-источниках нет никаких дат.

Границей *ante quem* при определении времени жизни Паисия служит именование монастыря, в котором он был игуменом, «Паисиевым», каковое должно признать посмертным. Наиболее ранним документом, содержащим это именование, является указная грамота 1483–1485 годов,⁶ а в Софийской второй,⁷ Львовской⁸ и Типографской⁹ летописях под 6996, т. е. 1488, годом рассказывается о некоем чернце галичанине из Паисьева монастыря.

Определение «Паисиев» следует, скорее всего, понимать как «монастырь, основанный Паисием» точно так же, как мы понимаем словосочетания Троице-Сергиев монастырь, Дионисиев Глушицкий монастырь, Александров Куштский монастырь, Павлов Обнорский монастырь и т. д. Мне неизвестны случаи, когда монастырь назывался бы по имени игумена, изменившего устав не им основанного монастыря.¹⁰ Как кажется, у нас нет причин понимать под определением «Паисиев» что-то иное, нежели «основанный Паисием».¹¹

Однако в XVI веке появляется текст, который дает этому понятию несколько иное наполнение. Речь идет о так называемой «Повести об Овиновской иконе Богоматери»,¹² представляющей собой небольшой текст, имеющий форму фрагмента летописи. Немаловажный вопрос, действительно ли это фрагмент летописи, или тексту, к летописанию не относящемуся, придана летописная форма для усвоения ему авторитетности, «исторической достоверности», до сих пор остается открытым. Ранний список Пове-

247838 (первая треть XIX века); 7) РГАДА. Ф. 188 (РО ЦГАДА). Оп. 1. № 1241 (1879 год); 8) ГЖМ. Ф. К. В. Палилова. № 36 (конец XIX века), — и публикации, выполненной с неизвестного списка: Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII века // Православный собеседник. 1898. Ч. 2. С. 1–40 (отд. изд.: Житие Паисия Галичского по рукописи XVIII в. Казань, 1898). Подробнее о списках и изданиях Жития см.: Авдеев А. Г. Семячко С. А. Житие Паисия Галичского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 399–405; Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского: Исследования и тексты. М., 2009. С. 61–67.

⁵ РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1241.

⁶ *Маштафаров А. В.* Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // Русский дипломатический архив. М., 1998. Вып. 4. С. 43–44. № 5.

⁷ Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 6. Ч. 2. С. 324.

⁸ Там же. СПб., 1900. Т. 20. Ч. 1. С. 353.

⁹ Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 237.

¹⁰ Особенно показателен пример Феодосия Печерского, введшего в Киево-Печерском монастыре общежительный устав. Как бы ни был прославлен преподобный Феодосий, монастырь не стал носить его имя.

¹¹ Я не одинока в своем понимании названия монастыря. Основателем Успенского монастыря Паисий Галицкий назван публикаторами духовной грамоты Ионы Ярцева на сайте РГАДА (см.: <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=30&page=4>; дата обращения: 30.09.2019) и Г. В. Маркеловым (см.: *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прорисы и переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 2. Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков: Свод изображений. № 387). П. М. Строев, с изрядной долей сомнения относивший деятельность Паисия к 1604 году, определял его как подвижника, восстановившего монастырь (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 862). Основателем Успенского монастыря Паисий назван и в книге: *Сытин С. Д.* [Палилов К. В.]. Древний город Галич Костромской губернии: Рассказы о его прошлом и настоящем. Бытовые очерки и обычаи жителей. Историческое, географическое положение. Промышленность и торговля. М., 1905.

¹² Жанровое определение «повесть» присутствует в списке первой трети XIX века, находившемся в распоряжении протоиерея М. Я. Диева и представляющем позднейший, вторичный вариант этого текста (Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского. С. 359–363). Не исключено, что заголовок текста вместе с жанровым определением «повесть» принадлежит самому Диеву. Другие списки никаких самоназваний не имеют.

сти¹³ уже содержит вторичные испорченные чтения и потому не может считаться первоначальным. И, как явствует из писцовой записи, он был создан в Нижнем Новгороде, Повесть же об Овиновской иконе, безусловно, произведение галицкое и, судя по отражению в ней хранившегося в Паисьевом монастыре завещания Ионы Ярцева, происходящее из этого самого монастыря. Все это означает, что текст Повести существовал уже до 1597 года, но уточнить его датировку пока не представляется возможным.

По версии Повести, история монастыря начинается в эпоху Дмитрия Донского. Неподалеку от города Галича было имение некоего боярина по имени Иоанн и по прозвищу Овин.¹⁴ При его имени был особножительный монастырь во имя Николая Чудотворца, ктитором которого боярин, судя по всему, и являлся. Боярин захотел поставить в монастыре новую церковь взамен обветшавшей. Однажды в воскресный день он «прииде противу врат монастырских, и се внезапно срѣтоша его два юноша, красны зѣло, и оба держаща рукама своима икону Пречистые Богородица, и на рукѣ имѣ Младенца Превѣчнаго, Бога нашего Исус Христа. И рекоша ему: „Се родителя супружници твоя послаша тебя с нама сию икону, образ Пречистые Богородицы и заповѣдаша ти, и гдѣ был храм святаго Николая, поставити на мѣсте том церковь во имя Пречистые Богородица, честнаго ея Успения“». ¹⁵ За этим последовала история, в результате которой боярин Иоанн понял, что это были не просто юноши, а ангелы, посланники Божии. Осознав чудесное происхождение образа, Иоанн внес его в монастырь, а построенную в конце концов церковь повелел освятить во имя Успения Божией Матери. Таким образом монастырь стал Успенским, а спустя некоторое время, уже в XV веке, трудами преподобного Паисия Галицкого и общежительным. Превращение монастыря в киновию связывается в Повести с завещанием духовного сына Паисия Дмитрия Ивановича Ярца, внука Иоанна Овина. Передавая перед смертью монастырь в ведение князя Дмитрия Георгиевича Красного и игумена Паисия, он сопровождает завещание дополнительным условием: «Да будет дом Пречистые твоею державою и строением отца моего игумена Паисѣя общее житие».¹⁶

Обратим внимание на противоречие в тексте Повести об Овиновской иконе: монастырь был посвящен Успению Богоматери, хотя явленный образ определенно не был Успенским, на нем была изображена пресвятая Богородица, «на рукѣ имѣ Младенца Превѣчнаго, Бога нашего Исус Христа».

С явленной иконы по повелению Дмитрия Георгиевича Красного был сделан список меньшего размера. Обе иконы, явленная Овиновская и список с нее, по версии Повести, довольно скоро оказываются в центре политического противостояния. Речь идет о феодальной войне XV века, в которой Галич позиционировался как территория Дмитрия Шемяки и его сына Юрия Дмитриевича. Обе иконы становятся некими орудиями, с одной стороны, в противостоянии, а с другой, в попытках примириться с московским князем.

«По преставлении же князя Дмитрея Георгиевича, после бою галическаго ту новую икону, образ Пречистые в серебряном киоте, архимарит Паисѣй, возил на Москву к государю великому князем, к великому князю Василью Васильевичю и к сыну его Ивану Васильевичю всеа Русии».¹⁷ Московские князья воздали соответствующую честь образу и его служителю и спустя некоторое время проводили икону в Галич достойно, заповедав при этом: «И коли от Казани не тихо, и государи великие князи

¹³ Кроме позднейшего диевского, Повесть известна еще в двух списках: 1) РНБ. Собр. Погодина. № 1332 (1597 год); 2) РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 1491 (конец XVII века). Ее исследование и критическое издание см.: *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 176–180, 192–197.

¹⁴ Некий Иоанн Овин считается родоначальником Овиновых и Авиновых (см.: *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 226–227). Овиновы — это новгородский род, который, возможно, располагал какими-то именными и в окрестностях Галича.

¹⁵ *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 195.

¹⁷ Там же. С. 196.

велѣли те обе иконы, старую чудотворную икону Овиновскую и новую икону, что в серебряном киоте, держати во граде Галиче в соборной церкви, в Спасе, за сторожи, того ради, занеже град и мѣсто порубежное. А коли от Казани мирно, и тѣ бы иконы стояли в Паисѣеве монастыре, при Паисѣе архимарите и после Паисѣя, а епископие соборные, прежние протопопы, тѣми иконами не владѣли, ни в отписку не бывали».¹⁸

Этот пассаж Повести обозначает еще несколько конфликтов, в которые оказывается включена Овиновская икона. С одной стороны, это стычки с казанскими татарами, с другой стороны, это некий конфликт между Паисьевым монастырем и причтом галицкого Спасо-Преображенского собора. Как мы можем думать, исходя из приведенного пассажа, конфликт за право владения чудотворной Овиновской иконой.

С феодальной войной XV века связано одно из главных чудес Овиновской иконы. Повесть сообщает: «И в лѣто 6900 тритцать седмаго князь великий Василей Васильевич взял у дяди своего у князя Георгия Дмитриевича град Галичъ за себя ратью. И по взятии галитцком принесена икона Пресвятые Богородицы из Галича на Москву со златою кузнью, и поставиша оную чудотворную икону въ церкви, и утвердиша замки и печатми, и приставиша стражи у церкви. Великому же князю Василью и боляром не въдушим того, и абие тоя ноци изыде из церкви образ чудотворная икона, стражем стоящим, замком и печатем цѣлом сущим. Тоя ноци пречистая и чудотворная икона обретеся в Галиче в своей церкви честнаго ея Успения во святѣй и честнѣй обители во общем монастырѣ».¹⁹

Видно, как через посредство этого текста делается попытка самоидентификации галичан как некоей «меньшей идентичности» — в их притяжении к Москве и оталкивании от Москвы, в этом определении Галича как «места порубежного», пытающегося найти зыбкое равновесие между Москвой и Казанью. Но за всем этим проглядывает и другой конфликт. Создается впечатление, что автор Повести не случайно упоминает «епископов соборных, прежних протопопов», которые не имеют права претендовать на чудотворный образ. Как будто бы существует некий спор о том, кому владеть иконой.

Очевидно, что формируется культ чудотворной иконы и вокруг него сразу же возникает некое напряжение. При этом «Повесть об Овиновской иконе Богоматери» не содержит никаких следов почитания Паисия Галицкого. Мы не найдем в ней эпитетов «святой», «преподобный», «чудотворец». Более того, если действительно Паисий был основателем монастыря, тогда получается, что под пером создателя Повести происходит своего рода «понижение статуса» подвижника: из основателя монастыря он превращается в настоятеля, поменявшего монастырский устав. Но, судя по всему, это для автора Повести не имеет значения, поскольку почитания Паисия еще нет. Он рассказывает об Овиновском образе как иконе, предназначенной именно для Успенского монастыря, как своего рода монастыреобразующей святыне. Под его пером происходит удревление истории монастыря. Нельзя отодвинуть деятельность Паисия вглубь времени: возможно, это не позволяют сделать документы монастырского архива; возможно, в монастыре живут если не ученики, то ученики учеников Паисия. Но можно «оторвать» начало монастырской истории от личности Паисия и перенести в более раннюю эпоху момент возникновения монастыря.²⁰

Вопрос о существовании устных местных легенд,²¹ касающихся ранней истории монастыря, должен быть поставлен, но пока не имеет утвердительного ответа. Леген-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 197.

²⁰ Существование Никольского монастыря на месте Паисиева документально не подтверждается. Вопрос, что существовало до Паисиева монастыря на его месте и существовало ли там что-либо, пока не имеет вразумительного ответа.

²¹ Под местной легендой понимается легенда, которая «своим сюжетом непременно связана с тем или иным почему-либо примечательным местом или предметом: городищем, руиной, могильником, патрональным храмом, пещерой, ключом, горой, деревом, камнем, бродом, колодецем и т. п.» (Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936. С. 1).

ды, отразившиеся в краеведческой и художественной литературе XIX века,²² не вызывают особого доверия как в силу их поздней фиксации, так и в силу подозрений о вмешательстве их публикаторов в издаваемый текст.

Для исследования истории культа преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери едва ли не ключевую роль играет актдовый материал, в частности грамоты Паисиева монастыря, опубликованные А. Г. Авдеевым.²³ Они датируются 1570–1608 годами, и в них во всех монастырь называется исключительно «Паисеиным» или «Паисиевым» и нигде — «монастырем преподобного Паисия» (или «чудотворца Паисия», или тем паче «святого Паисия»). То есть в них нет никаких следов почитания Паисия, при этом монастырь именуется так, как если бы Паисий был его основателем. Но в них с конца XVI века начинается фигурировать Овиновская икона. Так, в грамоте от 23 июля 1595 года речь идет об архимандрите «в *опищем* Паисеине монастыре у церкви Успения Святей Богородицы *у чудотворней* у Галича на горе».²⁴ В грамоте подчеркивается (как кажется, впервые в документах), что монастырь общежительный, и присутствует не очень четко выраженное указание на чудотворную икону. Если учесть наличие рукописи 1597 года с текстом «Повести об Овиновской иконе», то можно предположить, что где-то незадолго до этого начинает складываться легенда о явлении Овиновского образа и о преобразовании монастыря в общежительный. И скорее всего, эта легенда сразу же приобретает письменную форму в виде «Повести об Овиновской иконе», создание которой провоцирует обращение к ранним документам монастырского архива. В грамоте от 31 августа 1606 года эта история отразилась уже в полной мере: «...Овиновым лугом с росчистыми владеют они от тех мест и по ся места, как де Пречистыя Богородицы образ явися Ивану Овинову, и после ж Ивана Овинова [внук ево Иван, а] во иноцех Иона к Пречистой Богородице по своих душах дал; и на ту де пожно Овинов луг даная у них память в монастыре».²⁵

Овинов луг действительно упоминается (среди многих других мест, называемых завещателем) в духовной Ионы Ярцева.²⁶ Но нельзя не заметить, что Иона никак не связывает себя с Иоанном Овином, он именует себя «раб Божий инок Иона Дмитриев сын Ярцев», и в его духовной Иоанн Овин не фигурирует вовсе. Как кажется, на настоящий момент никаких сведений об Иоанне Овине, предшествующих «Повести об Овиновской иконе», не обнаружено. В этом случае вполне закономерен вопрос, не сказалась ли «овиновская» топонимика на формировании представлений о ранней истории Паисьева монастыря и не является ли Иоанн Овин, ктитор монастыря, фигурой мифической, созданной для обоснования прав монастыря на тот же Овинов луг.²⁷ Это не отменяет того факта, что был род Овиновых/Авиновых, у которого, конечно же, был

²² Частично этот материал рассмотрен А. Г. Авдеевым (см.: *Авдеев А. Г. Жизнь Паисия Галицкого*. С. 118–129), однако в силу своей специфики он требует скорее не исторического, а филологического исследования.

²³ *Авдеев А. Г. Галицкий Успенский Паисев монастырь по документам XV–XVII веков // Русский дипломатарий*. М., 2001. Вып. 7. С. 336–347.

²⁴ Там же. С. 343. Курсив мой. — С. С.

²⁵ Там же. С. 345. К словам, взятым в квадратные скобки, публикатор текста сделал следующее примечание: «В ркп. утр., восстановлено по указной грамоте 1652 г.» (Там же. С. 346). Отметим для себя тот факт, что слов, устанавливающих родство между Ионой Ярцевым и Иоанном Овином, в грамоте 1608 года не было.

²⁶ «...Овинов луг под Кузмадяном, а межа лугу с кузмадыанскова врага прямо на камень да по заваломь...». Здесь и далее духовную Ионы Ярцева цитирую по рукописи, представленной на сайте РГАДА.

²⁷ Название может «породить» человека, литературный персонаж. Яркий пример тому «Повесть о Тверском Отроче монастыре». Мифический основатель монастыря *отрок* Григорий является производным от названия монастыря. Отрочь в Повести понимается как «основанный отроком», хотя исторически это означает всего лишь «мужской», в противоположность «девичью» — женскому. «Повесть о Тверском Отроче монастыре» была быстро «разоблачена» в силу противоречия ее материала летописному. «Повесть об Овиновской иконе» сохраняет репутацию достоверного текста благодаря тому, что ее нечем проверить. О метаморфозах исторической памяти и о развитии литературной традиции применительно к «Повести о Тверском Отроче монастыре» см.: *Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты*. СПб., 1994.

некий родоначальник. Но был ли он причастен к созданию монастыря, который, судя по его названию, должен был быть основанным Паисием?

В связи с этим следует поставить вопрос еще об одном персонаже Повести — Дмитрии Ярце. По версии Повести, во времена Дмитрия Георгиевича Красного «живяше у того монастыря в селѣ том боярин, именем Дмитрей Иванович Ярце, предреченаго Ивана Овина внук. Той Дмитрей нѣ имѣя чада ни единого, брат же его, именем Еустафие, глупъ и несвершен умом».²⁸ Повесть недвусмысленно указывает на ктиорство Дмитрия Ярца по отношению к монастырю. Монастырь находится в его ведении, и, заболев, перед своей кончиной он оставляет распоряжение относительно будущего обители: «Поручаю, государь, дом Пречистые и всю мою отчину самой пречистой Богородицы и тебѣ, государю, и отцу моему духовному игумену Паисѣю. Да будет дом Пречистые твоею державою и строением отца моего игумена Паисѣя общее житие».²⁹ Духовная Ионы Ярцева не содержит и намека на ктиорство, как, впрочем, и на смертельную болезнь: «Се аз, рабъ Божий инок Иона Дмитриев сынъ Ярцевъ, пишу грамоту душевную в своємъ цель умѣ и разумѣ, гдѣ ми что дати или гдѣ ми что взяти...». Он не распоряжается судьбой монастыря и не определяет его устав, а передает ему свои земли (при пострижении?). Судя по имени, Дмитрий Ярце Повести мог бы быть отцом Ионы Ярцева, только автор Повести сделал Дмитрия бездетным, чтобы обосновать изменение статуса монастыря из ктиорского особножительного в самостоятельную киновию. Как кажется, не только имя Иоанна Овина, но и сведения о родстве Иоанна Овина и Ионы Ярцева впервые появляются под пером автора Повести. А что касается актового материала, то, если не считать интерполированных издателем в грамоту 1608 года слов, впервые указание на родство Ионы Ярцева и Иоанна Овина появляется в актовом материале лишь в 1652 году.

В той самой датированной 7 февраля 1652 года грамоте царя Алексея Михайловича Паисиеву монастырю³⁰ Авдеев особо отметил упоминание Костромской дороги, где «Пречистыя Богородица образ явился Ивану Овинову».³¹ Эти слова важны для нас тем, что связывают историю Овиновской иконы с топонимом, не упоминавшимся в Повести. Однако учитывая уже более чем полувековое существование «Повести об Овиновской иконе», можно думать, что мы имеем дело с местной легендой, «привязанной» к Костромской дороге, явно вторичной по отношению к Повести, причем легендой, сознательно создаваемой Паисиевым монастырем.

Свидетельством отсутствия почитания Паисия Галицкого в начале XVII века стал не только монастырский актовый материал, но и челобитная от 15 марта 1609 года, в которой, как заметил Авдеев, жители Галицкого уезда называют своими великими святыми Макария Желтоводского и Авраамия Галицкого. Паисий Галицкий в этой челобитной даже не упоминается.³²

Нельзя пройти мимо такого события середины XVII века, как строительство нового каменного Успенского собора, главного храма Паисиева монастыря. Когда в 1646 году строительство было закончено, южный придел был освящен во имя святителя Леонтия Ростовского (всего в соборе было два придела — Иоанна Богослова и Леонтия Ростовского, Паисиевский придел появился лишь в XIX веке). Над местом погребения игумена Паисия в южной стене храма была устроена аркосольная ниша. Посвящение придела Леонтию Ростовскому можно толковать двояко. Конечно, допустимо думать, что посвящение обусловлено общим днем памяти святителя Леонтия и преподобного Паисия — 23 мая. Но на мой взгляд, посвящение придела Леонтию Ростовскому, а не Паисию Галицкому указывает на отсутствие почитания Паисия Галицкого. В момент освящения престола Паисий еще не имел дня памяти 23 мая. Подтверждением этому является тот факт, что несколько позднее в иконописный

²⁸ Семячко С. А. К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери. С. 194.

²⁹ Там же. С. 195.

³⁰ РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии-экономии). Оп. 10. Д. 3530/200.

³¹ Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галицкого. С. 214.

³² Там же. С. 76.

подлинник и в Кайдаловские святцы (см. об этом далее) память Паисия попала под совсем иными датами.

Более того, история с южным приделом Успенского храма помогает нам понять, как установился день памяти Паисия Галицкого, который позднее был закреплен в его Житии и Службе. Поскольку придел посвящен Леонтию Ростовскому, в день его памяти 23 мая каждый год должно совершаться богослужение. И получается, что оно происходит над мощами Паисия. Естественно, что со временем Паисий начинает помянаться вместе со святителем Леонтием, и впоследствии день памяти преподобного также закрепляется за 23 мая. Как кажется, влияние культа Леонтия Ростовского на культ Паисия Галицкого не ограничилось установлением дня памяти, но отчасти сказалось и на иконографии преподобного Паисия. В описи 1701 года указан «образ стоящей чудотворца Паисея, во облацех пресвятая Богородица на престоле».³³ Можно увидеть зависимость этой иконы от образа Леонтия Ростовского, опубликованного Г. В. Маркеловым и представляющего святителя Леонтия стоящим в молении перед Богородицею, которая изображена в облаке сидящей на престоле.³⁴

Важным этапом в формировании культа Паисия Галицкого стало появление его иконы. Вполне вероятно, что икона была написана до создания Жития и Службы. Свидетельством этому может служить упоминание Паисия Галицкого в Сводном иконописном подлиннике конца XVII века: ГИМ. Собр. Уварова. № 967-8^о.³⁵ Создание этой редакции архимандрит Леонид относит к 1679 году и полагает, что список из собрания Уварова № 967 восходит непосредственно к оригиналу этой редакции. Однако мы не можем сказать, было ли имя Паисия в этом оригинале, или оно появилось в процессе его переписки.

И тем не менее есть основания думать, что икона Паисия Галицкого появилась до Жития Паисия Галицкого. Во всех иконописных подлинниках запись о Паисии Галицком («Сед, брада Макария [вар. Марка], на конец раздвоилась, курчевата, ризы преподобнические») помещена под 21 июля.³⁶ Это значит, что запись о Паисии включается в иконописный подлинник еще до того, как устанавливается день его памяти. Формирование иконописного подлинника идет от иконы, иконописный подлинник фиксирует существующую иконописную практику. Следовательно, к моменту возникновения записи о Паисии в иконописном подлиннике должна быть, по крайней мере, одна икона Паисия Галицкого. У нас нет никаких оснований подозревать широкое распространение в XVII веке икон преподобного Паисия. Они были в монастыре, этому есть подтверждение в монастырской описи 1701 года.³⁷ Можем предположить, что они были у кого-то из местных жителей, в Галиче, или могли попасть к кому-то из паломников, посетивших монастырь. В любом случае, если и было какое-то движение икон, то направление этого движения совершенно очевидно — из монастыря. Необходимость в создании иконы можно связать с созданием аркосольной ниши над погребением преподобного Паисия.

Требует объяснения помещение памяти Паисия Галицкого в иконописные подлинники под 21 июля. По моему мнению, Паисий Галицкий был поставлен в иконописном

³³ Цит. по: Там же. С. 267. Этот раздел книги (С. 262–291) написан автором совместно с А. А. Агарковым и представлен также в виде статьи: Авдеев А. Г., Агарков А. А. О возможном иконографическом типе чудотворного образа Божией Матери Овиновской // Пространственно-временные перекрестки культуры: Сб. статей и материалов всероссийской науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск, 2009. С. 41–53.

³⁴ См.: Маркелов Г. В. 1) Святые Древней Руси. Т. 1. № 151; 2) Книга иконных образцов: 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. СПб., 2006. Т. 1. № 469 (прорис с иконы XVII века).

³⁵ Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 3. С. 521–528.

³⁶ Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. Т. 2. № 387. Наблюдения Г. В. Маркелова подтверждаются материалами электронной базы «Источники русской агиографии», создаваемой в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ РАН.

³⁷ Авдеев А. Г. Житие Паисия Галицкого. С. 176.

подлиннике вслед за Авраамием Галицким,³⁸ память которого отмечается 20 июля, когда происходит празднование Чухломской, или Галицкой, иконе Богородицы, и именно под этим днем он помещен в иконописные подлинники.³⁹ Авраамий Городецкий, который был уроженцем города Галича и основал на галицкой земле несколько монастырей, долгое время почитается как чуть ли не главный галицкий святой. И на мой взгляд, когда возник вопрос, под каким днем поместить запись о галицком святом, фактических сведений о котором практически не сохранилось (во всяком случае, не были известны ни годы его жизни, ни день его кончины), его память «прицепили» к памяти наиболее почитаемого на тот момент в галицкой земле святого.⁴⁰ В связи с иконописным подлинником важно отметить, что включение в него Паисия Галицкого произошло вне зависимости от Овиновской иконы Богородицы, поскольку она в иконописном подлиннике не упоминается.

Добавление записи о Паисии Галицком в иконописный подлинник знаменовало собой новый этап в развитии культа святого — введение его в общерусский и, шире, общеправославный контекст.⁴¹ С этого момента история преподобного Паисия перестает быть сугубо монастырской или исключительно галицкой историей, она начинает движение к тому, чтобы стать элементом огромного целого, определяемого как «русская святость».

Включение Паисия Галицкого в общеправославный контекст происходит немногим ранее формирования его полноценного культа, когда день его памяти закрепляется за 23 мая. Концом XVII века датируется ранний список тропаря и кондака Паисию.⁴² Кстати, они оказываются целиком и полностью списанными с тропаря и кондака Авраамия Смоленскому.⁴³ Как зафиксировало «Чудо о книгичи Гаврииле»⁴⁴ конца XVII века,⁴⁵ в монастыре было обыкновение прихожанам читать тропарь и кондак над

³⁸ В этом я согласна с Авдеевым (см.: Там же. С. 117).

³⁹ Существует ряд месяцесловов XVII века, в которых память Авраамия Городецкого перенесена на 21 июля. Два из них называет архиепископ Сергей (см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. Ч. 1. С. 220). Это «Святцы синодальной типографской библиотеки в Москве № 382» (Там же. Т. 1. С. 357. Шифр не соответствует № 382 РО библиотеки Московской синодальной типографии РГАДА (Ф. 381)) и Месяцеслов Симона Азарьина (РГБ. Ф. 173.1 (Фундаментальное собр. библиотеки МДА). № 201). В электронной базе «Источники русской агиографии» зафиксированы, как минимум, два месяцеслова XVII века: РНБ. Q.I.392 и РНБ. O.I.52, — в которых память Авраамия Городецкого также отнесена к 21 июля.

⁴⁰ Наблюдения над календарем сборников самого разного типа, в том числе и иконописных подлинников, приводят к мысли, что в том случае, когда день памяти святого был неизвестен, в формировании месяцеслова большую роль играл принцип соборности, в том числе и территориальной. О том, как «дата памяти становится <...> частью языка агиографической традиции», см.: *Лурье В. М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. С. 77–82.

⁴¹ Авдеев, опираясь на так называемые Кайдаловские святцы, полагает, что в конце XVII века имя Паисия Галицкого было включено в месяцеслов, и даже считает это подтверждением канонизации подвижника (*Авдеев А. Г.* Житие преподобного Паисия Галицкого. С. 79). Однако сама рукопись, датированная концом XVII века со слов Н. А. Кайдалова, никогда не была доступна исследователям (см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. С. 357). Е. В. Романенко, установившая, что бывшие в распоряжении архиепископа Сергия выписки Кайдалова сохранились, датировала их серединой XIX века (см.: *Кожевникова Ю. Н., Романенко Е. В.* Макарий // *Православная энциклопедия.* М., 2016. Т. 42. С. 429). Таким образом, пока лишь иконописный подлинник надежно свидетельствует о включении Паисия Галицкого в православный месяцеслов в последней четверти XVII века. Однако нельзя не отметить, что в Кайдаловских святцах отразился ранний этап почитания Паисия Галицкого, так как его память была отнесена не к 23 мая, а к 22 июля (см.: *Сергий (Спасский), архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. С. 154).

⁴² РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 1491. Л. 610–610 об.

⁴³ Сопоставление текстов см.: *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богородицы. С. 182.

⁴⁴ Дошло до нас в единственном списке Жития: РНБ. Собр. Титова. № 2008. Список издан: *Житие Паисия Галицкого / Подг. текста и комм. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси.* СПб., 2013. Т. 17. С. 372–397, 620–628.

⁴⁵ Хотя рукопись датируется XVIII–XIX веками, само Чудо следует отнести к концу XVII столетия по упоминанию в нем стольника Петра Парамоновича Титова, бывшего галицким воеводой в 1696–1698 годах, см.: *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых

гробом преподобного Паисия, поэтому на раке лежала дощечка с текстами.⁴⁶ Концом XVII века датируется и монастырская рукопись (РГБ. Ф. 299 (собр. Тихонравова). № 57), содержащая ранние списки Жития и Службы Паисию Галицкому.⁴⁷ Это полная служба с малой вечерней и всенощным бдением, что указывает на почитание Паисия в его монастыре как великого святого. Подозревать раннее происхождение Службы, как это делает Авдеев,⁴⁸ у нас нет никаких оснований. Эта Служба, как и подавляющее большинство служб святым, складывается, словно мозаика, из многочисленных заимствований из других гимнографических текстов, и если мы выявим эти заимствования, то убедимся в невозможности ее происхождения ранее XVII века.⁴⁹

Интересно для нас то, что Житие и Служба, возникшие приблизительно в одно время, излагают совершенно разную историю монастыря и преподобного Паисия.

В основу Жития была положена «Повесть об Овиновской иконе Богоматери» в том ее виде, в каком она представлена в позднем списке (РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 1491). Однако Житие меняет порядок событий, описанных в Повести, придавая повествованию некую историческую логику. Так, в Житии сначала рассказывается о похищении иконы великим князем Василием Васильевичем, а потом о восстановлении мира между Москвой и Галичем и, как результат этого, о хождении игумена Паисия в Москву со списком с Овиновской иконы. Иконе и ее служителю была воздана великая честь, и, по версии автора Жития, частью этих почестей было возведение Паисия в сан архимандрита. История Овиновского образа в Житии, как и в Повести об Овиновской иконе, начинается в эпоху Димитрия Донского, и преподобный Паисий прославляется не как основатель монастыря, а как служитель иконы и реформатор монастырского устава. К числу же внешних угроз для Галича, кроме Москвы и Казани, добавляется еще и «луговая черемиса» (т. е. мариетцы Волго-Вятского междуречья).

Служба эту историю представляет совершенно иначе. По ее версии, явление чудотворной иконы происходит при Паисии Галицком. Иоанн Овин приносит икону в монастырь к Паисию, результатом чего становится строительство новой церкви в монастыре. Паисий идет в Москву с самой Овиновской иконой, о списке с нее нет и речи, как нет речи и о монастырском уставе. Монастырь в Службе все время называется монастырем Паисия, что скорее заставляет видеть в Паисии его основателя. Впрочем, прославляется Паисий в Службе исключительно как служитель Овиновской иконы.

Однако, как кажется, самой иконы в это время в монастыре не было. Этому есть два свидетельства. Во-первых, это «Чудо о книгчии Гаврииле». Исцеление Гавриила от беспробудного пьянства происходит у раки преподобного Паисия, которая фигурирует в тексте в качестве единственной монастырской святыни. Во-вторых, отсутствие чудотворного образа в монастыре в конце XVII века подтверждается монастырской

в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 411; *Преображенский И. Д., Альбицкий Н. А.* Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Голицынского и Куломзинского родов) с приложениями. СПб., 1895. С. 4–7. № 8–11.

⁴⁶ «Светъ архимандрит же, призвавъ Гавриила, первее всехъ благословение дарова ему, потомъ глагола ему: „Брате Гавриилъ, приступи с верою к раце преподобнаго и глаголи тропарь и кондакъ его, и моляся, лобызай раку отца нашего преподобнаго Паисия — и Богъ поможет ти молитвъ ради угодника своего“. Стефанъ же, взявъ Гавриила за руку, привѣдъ его к рацѣ преподобнаго и, взявъ тищу, на нейже бе написавъ тропарь и кондакъ, начать глаголати» (Житие Паисия Галицкого. С. 396); «...и приступивъ к раце преподобнаго, и, взявъ дщицу, глагола тропарь и кондакъ смыслинно...» (Там же. С. 397).

⁴⁷ Рукописная история Службы Паисию Галицкому аналогична истории его Жития: она представлена, по преимуществу, весьма поздними списками. Кроме указанного, их три: упомянутый ранее список XIX века (РГБ. Ф. 299 (собр. Тихонравова). № 402) и два списка, находящиеся в кафедральном Введенском соборе Галича, один — начала XIX века, другой — 20-х годов XX века. Описание рукописей см.: *Авдеев А. Г.* Житие Паисия Галицкого. С. 39–44. Хотя исследователь указывает, что ему известно шесть списков Службы, в его книге названы четыре рукописи и издание Службы в составе служебных миней.

⁴⁸ *Авдеев А. Г.* Житие Паисия Галицкого. С. 41–42.

⁴⁹ Подробно об этом см.: *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери. С. 180–191.

описью 1701 года, в которой нет никаких упоминаний Овиновской иконы.⁵⁰ Надо думать, что споры монастыря с причтом Спасо-Преображенского собора о владении чудотворным образом, зафиксированные «Повестью об Овиновской иконе», закончились не в пользу монастыря. Если в монастыре была чудотворная икона и слова Повести о необходимости ее «бережения» в случае опасности в городском Спасском соборе соответствуют реальному положению дел, то, попав в Спасский собор, она смешалась с массой других икон и в конце концов затерялась. В какой-то момент под Овиновской иконой начинает пониматься икона Успения Богоматери. Эта трансформация легко объяснима: главный храм монастыря был Успенским, поэтому и отсутствующая икона в сознании почитателей превратилась в Успенскую. Хотя в «Повести об Овиновской иконе», а вслед за ней и в Житии Паисия Галицкого речь шла об иконе Богоматери с младенцем.

В XVIII веке история текста, посвященного Овиновской иконе, имела свое развитие: из Повести или из Жития был извлечен большой фрагмент⁵¹ и помещен в качестве продолжения Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря.⁵² В данном случае для нас не важно, откуда он заимствован (этот вопрос требует отдельной текстологической проработки), гораздо любопытнее, к чему он присоединен. Дело в том, что Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря — это своего рода псевдо-летопись, формально воспроизводящая все признаки летописного повествования и совершенно фантастичная по своему содержанию.⁵³ В его основе — вымышленная история

⁵⁰ «В описи икона не названа» (Авдеев А. Г. Житие Паисия Галицкого. С. 265).

⁵¹ Он включает в себя рассказы о явлении иконы Иоанну Овину, о пожаре в монастыре и чудесном спасении иконы, о завещании Дмитрия Ярцева, о создании списка с Овиновской иконы, о завещании князем Дмитрием Георгиевичем иконы великому князю Василию Васильевичу и о хождении игумена Паисия со списком с Овиновской иконы в Москву. Заканчивается этот фрагмент сообщением о разграничении прав на икону между Паисьевым монастырем и галицким Спасо-Преображенским собором.

⁵² Имеется в виду Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря Уваровского вида, условно названного мною так по раннему списку этой разновидности текста и известного мне в пяти списках не ранее середины XVIII века: 1) ГИМ. Собр. Уварова. № 553; 2) РНБ. О. IV. 1; 3) РНБ. Собр. ОЛДП. № 645 (точная копия с предыдущего списка); 4) РНБ. Собр. Титова. № 1976; 5) РНБ. Q. IV. 218. Подробнее см.: Семячко С. А. Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (К характеристике вымышленной летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 284–290.

⁵³ Еще Н. М. Карамзин назвал Летописец Воскресенского Солигалицкого монастыря «новой сказкой» (Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 4. С. 445, прим. 327). И такая репутация была у этого текста вплоть до недавнего времени, когда К. А. Аверьянов предпринял попытку доказать, что Летописец «отражает реально происходившие события» (Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 73). Для этого ему пришлось: 1) передвинуть время описываемых событий с 1332–1375 годов на «время княжений Дмитрия Донского и его сына Василия I» (Там же. С. 60); 2) действующего в Летописце князя Семена Ивановича отождествить с неким Семеном Ивановичем, упоминаемым в «Сказании о Мамаевом побоище» и в «Слове о житии и погребении великого князя Дмитрия Ивановича Новгородской четвертой летописи по списку Дубровского, при этом признать его «сыном князя Ивана Федоровича Галицкого, на дочери которого в 1345 г. женился князь Андрей Иванович Серпуховской» (Там же. С. 63–64); 3) предположить, что «восточная часть территории Галицкого княжества принадлежала представителю ростовского княжеского дома» (Там же. С. 67); 4) допустить, в силу предыдущего предположения, что Никита Федорович Ростовский владел частью Галицкого княжества, включающей Ветлугу, и «должен был именоваться „ветлужским“» (Там же. С. 70), и на основании этого отождествить Никиту Федоровича Ростовского с фигурирующим в Летописце ветлужским князем Никитой Ивановичем Байбородой; 5) предположить, что князь Андрей Семенович Летописца — одно лицо с неким Андреем, боярином великого князя Василия Дмитриевича («Зная, что уже отец Андрея потерял на московской службе княжеский титул, мы предлагаем видеть в нем именно Андрея Семеновича» — Там же. С. 71); 6) предположить, что именно князь Федор Семенович Летописца назван «послухом» в двух актах Троице-Сергиева монастыря первой половины XV века; 7) предположить, что упоминаемый в Летописце игумен Даниил — это «Даниил, епископ звенигородский и смоленский, получивший этот сан незадолго до смерти митрополита Алексея (1378 г.) и скончавшийся в Москве в 1397 г.» (Там же. С. 72); 8) дать свою интерпретацию фразе Летописца о том, что князья Андрей и Федор «к киевскому и московскому (в более поздних

создания Воскресенского Солигалицкого монастыря, к которой в одном из вариантов Летописца присоединилась не менее сомнительная история монастыря Паисия Галицкого.

Несмотря на то, что сведения о явленной иконе получили некоторое распространение, в первой трети XVIII века в качестве Овиновской иконы стал почитаться совершенно иной образ, известный сейчас лишь по смутной фотографии,⁵⁴ представляющей нам икону с шестью клеймами. Но и этот образ был утрачен в 1919 году в результате разорения Паисиева монастыря. Во время Великой Отечественной войны дети нашли в лесу икону, которая была отождествлена со средником пропавшей в 1919 году иконы с клеймами. Эта новонайденная икона находилась во Введенском соборе Галича и в 2003 году была передана в Паисиев монастырь, который после его возобновления стал женским.⁵⁵

В задачу данной статьи не входит исследование иконографии Овиновского образа, хотя одну иконографическую странность нельзя не отметить. На той иконе, которая сейчас почитается как Овиновская, младенец Иисус, сидящий на руках у Богородицы, и Господь в облаке (в правом верхнем сегменте иконы) благословляют левой рукой. Очевидно, что это иконографическая ошибка, которая, скорее всего, и возникла в первой трети XVIII века. Но все списки с иконы, включая хромолитографию 1883 года, выполненную в литографической мастерской Троице-Сергиевой лавры, эту ошибку повторяют. Даже на иконе другого типа, где Богородица изображена вместе с предстоящим Паисием Галицким, сохраняется леворукое благословение. Почему же иконографическая ошибка воспроизводилась с таким постоянством и на протяжении нескольких столетий не была исправлена? Вероятно, этому помешала репутация иконы как чудотворной, как иконы, явленной свыше, хотя это была уже совсем не та икона.

В XIX веке трудами краеведов и специалистов по богородичным иконам сведения об Овиновском образе были растиражированы, что добавило иконе популярности, но не внесло ясности. Она даже попала в роман довольно известного литератора пушкинской эпохи, галицкого уроженца П. П. Свинына «Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских» (1832) как икона, перед которой молятся о чадородии. Постепенно обростала «подробностями» и деятельность Паисия Галицкого, некоторые из них проникли даже в серьезные научные работы и справочники.⁵⁶ Безусловно, в это время Паисий Галицкий фигурирует как общепризнанный святой, хотя вопрос о его канонизации до сих пор остается открытым. Документов, подтверждающих его соборную канонизацию, не обнаружено. Распространение почитания преподобного Паисия произошло, судя по всему, постепенно на протяжении XVIII–XIX веков путем включения записей о нем в месяцесловы и иконописные подлинники, в «Книгу глаголемую о российских святых», а его Службы — в печатные служебные минеи и в значительной степени за счет краеведческой активности.⁵⁷

Попытка восстановить историю культа преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богородицы предпринимается не впервые. Находка одной рукописи может изменить общую картину и заставить скорректировать выводы. Взглянуть по-новому на историю этого культа меня заставило обнаружение в рукописи 1597 года (РНБ. Собр. Погодина. № 1332) списка «Повести об Овиновской иконе» и сопоставление этого текста с современным ему актовым материалом.

списках добавлено «князю») ездили мириться»: «Речь, по всей видимости, должна идти о митрополите киевском и московском. Под этим определением, вероятно, скрывалась личность Пимена, находившегося в 1381–1382 гг. в ссылке в галичских пределах на Чухломе» (Там же. С. 73). Такое количество необоснованных допущений не позволяет серьезно обсуждать эту гипотезу. При этом Аверьянов оставил без ответа самый главный вопрос: если за описанным в Летописце стоят реальные события, то зачем автор этого текста их так «зашифровал»?

⁵⁴ Ее воспроизведение см.: Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галицкого. С. 270.

⁵⁵ Эта история более подробно рассказана Авдеевым и Агарковым, см.: Там же. С. 262–291.

⁵⁶ См. об этом: Авдеев А. Г., Семячко С. А. Житие Паисия Галицкого. С. 403.

⁵⁷ Стоит помнить, что и большинство списков Жития и Службы датируются XIX веком, при этом Житие в основном и копировалось краеведами.

Поначалу история преподобного Паисия и Овиновской иконы — это сугубо монастырская история. Нельзя не задать себе вопрос, зачем она создается. Имеющийся материал заставляет думать, что примерно на протяжении века или чуть более, со времени преставления Паисия и до конца XVI века, единственным свидетельством памяти о подвижнике (памяти, но не поминания) является именование его монастыря «Паисиевым», что, на мой взгляд, повторю, следует понимать как «основанный Паисием». Не имеет ли место в конце XVI века один из тех случаев, когда, по определению Т. Джадта, «происходит подмена прошлого во имя вполне конкретных потребностей сегодняшнего дня»?⁵⁸ Изменение истории монастыря ради того, чтобы утвердить его права на... На что? На Овиновский образ? Чтобы избавиться от претензий на него со стороны причта галицкого Спасо-Преображенского собора? На Овинов луг? Чтобы избежать претензий на него со стороны окрестных крестьян? В любом случае именно обитель оказывается в центре этих событий.

Постепенно история монастырская превращается в историю галицкую. Это происходит с укреплением культа преподобного Паисия, потому что Паисий Галицкий — это именно *галицкий* святой. Неслучайно моделью для его тропаря и кондака послужили тропарь и кондак Авраамии Смоленскому. «Восия, Господи, граду Твоему Галичю яко свѣтозарное солнце...».⁵⁹ «...Христа Бога моли непрестанно спасти град и люди и обитель...».⁶⁰ Сначала — «град», потом — «люди», потом — «обитель».

В XIX веке на первый план выходят «люди». История, изначально бывшая сугубо монастырской и имевшая почти что прикладной характер, а потом ставшая городской, начинает восприниматься в контексте того трудноопределимого понятия, которое принято называть «русской святостью». Практически не получившая распространения в рукописной традиции XVI–XVII веков, эта история проникает в XIX веке в фольклор и в литературу и часто попадает к историку не через документ, а через пересказ или весьма вольную интерпретацию. На разных этапах своего существования она становится опорой для самоопределения, для обозначения своего духовного или физического пространства той или иной социальной группы, от очень маленькой до очень большой. Но, как уже не раз приходилось убеждаться, чтобы определять свою идентичность, вовсе не обязательно добиваться исторической достоверности.

⁵⁸ Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 44–71.

⁵⁹ Кондак Паисию Галицкому. См.: *Семячко С. А.* К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери. С. 182.

⁶⁰ Тропарь Паисию Галицкому. См.: Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-52-64

© Т. А. Исаченко

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ АВТОГРАФ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ К АРХИМАНДРИТУ ФЕОДОСИЮ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)

Жизнь и деятельность Паисия Величковского (1722–1794), настоятеля молдавских монастырей Драгомирна, Секу и Нямц, переводчика известной Филокалии, не случайно находятся в центре внимания исследователей — историков, филологов и богословов. Молдавский старец напомнил миру о доктрине и практике древнего мистического учения, известного уже в IV веке, влияя тем самым на умонастроение современного ему общества и желая способствовать его «духовному отрезвлению». Рукописи, вывезенные Паисием с Афона, стимулировали переводческую деятель-

ность созданной им школы, которая смело отстаивает свои принципы — стремление к расширению источниковой базы, сохранение традиционных форм славяно-византийского синтеза. Привлечение широкого круга источников раннего и позднего христианства, включая труды, ранее на Руси не переводившиеся, позволяет к концу века выработать принципы и сформулировать программу.

Второе Послание старца Паисия иеромонаху Феодосию,¹ автограф которого выявлен в собрании Е. В. Барсова (1836–1917), хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, уникально по содержанию. Это своего рода исповедь, итог и самооценка всей многолетней работы самого старца как исследователя и переводчика. Найденный текст — важный источник не только для реконструкции афонского периода старца Паисия, но прежде всего, для уточнения объема и характера его переводческого наследия.² Послания старца Паисия представляют ценность ничуть не меньшую, чем другие его тексты — переводы и предисловия к ним, ибо в письмах старца раскрываются суть его учения, филологические и филокалические воззрения. Из биографии Паисия Величковского известно, что он приехал на Афон в 1746 году, когда ему было 24 года, а покидал Святую Гору спустя почти 18 лет, увозя с собой тексты Петра Дамаскина, Исихия Иерусалимского, Филофея Синаита, Феодора Едесского, Исаака Сирина, Григория Синаита, Диадоба, Фалассия, Симеона Нового Богослова — авторов, чьи труды перевернули всю жизнь будущего подвижника. Второе Послание, в заключительной его части, в том числе содержит описание продолжительных поисков, увенчавшихся успехом.

Рукопись под № 295 в собрании Барсова (РГБ. Ф. 17) в фондовом описании именуется «Сборник богословский». И хотя большая ее часть датируется первой четвертью XIX века (бумага 1810 года), первые листы, несомненно, относятся к XVIII веку. Помещенный на них текст представляет собой заключительную часть Второго Послания старца Паисия софрониевскому архимандриту Феодосию. Текст читается со слов «елиногреческимъ языкомъ книгъ, представите лицамъ онемъ» на л. 4–7 (нумерация карандашом, поздняя), которые приплетены к конвольту и в конце скреплены подписью Паисия Величковского: «Паисій старецъ». Внешний вид рукописи скромен: четвертая доля листа, картонный переплет, края первых листов повреждены. Каллиграфический почерк начальных листов и подпись узнаваемы, они представляют автограф Паисия Величковского (ср. автографы старца в черновиках его Послания к Амвросию, Афанасию и Феофану — в рукописи БАН. 13.5.6. Л. 1 и 7 об.,³ Послание иеромонаху Агафону — в рукописи БАН. 13.1.24. Собр. Яцимирского. № 66. Л. 4⁴). На обороте л. 3 помещена гравюра — погрудное изображение старца Паисия в овале: спокойный взгляд, одухотворенное лицо, окаймленное окладистой бородой, сложенные руки, в руках — четки. Под изображением — печатный текст (частично утрачен и поновлен от руки): «Молдовлахийских Нямецкаго <и прочих> монастырей Великий Старецъ

¹ Феодосий (Маслов; 1720–1803), игумен, позже (с 1779) — архимандрит Молченской (Молчанской) Софрониевой пустыни Севской викариной епархии Московской митрополии. Первые послушания у молдавских старцев, о которых упоминается в начальной части Второго Послания, сблизили Паисия с Феодосием, укрепив их отношения. Феодосий был другом и учеником Паисия. См. о нем: *Никодим (Кононов), еп.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков с портретами. М., 1906. Т. 1. С. 47; *Иустин (Юревич), иером.* Архимандрит Феодосий (Маслов) — основатель Григорие-Бизюкова монастыря // *Христианское чтение*. 2015. № 5. С. 281–300.

² Помимо этого источника существуют некоторые другие тексты аналогичного содержания (предисловие 1787 года к книге Слов преп. Исаака Сирина, Добротолубие московской редакции 1793–1797 годов, фрагменты рукописей, хранящихся в собраниях Румынии, Молдовы и Петербурга).

³ Фотовоспроизведение в изд.: 1) Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004. С. 338; 2) Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения / Пер. с церковнослав. и др.-греч., комм. А. П. Власюк. Серпухов, 2014. С. 306.

⁴ Фотовоспроизведение в изд.: 1) Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 337; 2) Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. С. 376.

Схимонахъ и Архимандритъ Паисій Величковскій скончался 1794 года ноября 15 дня, погр<ебенъ в Нямецкомъ монастырѣ>».⁵

Конволют составлен преимущественно из текстов, переписанных в начале XIX века. Большая часть их представлена сочинениями Паисия Величковского против раскольников, что, по всей вероятности, привлекло к сборнику внимание Е. В. Барсова, серьезно интересовавшегося историей и литературой русского старообрядчества.⁶ Здесь мы видим такие известные сегодня произведения старца Паисия, как «О знамени Честнаго и Животворящего Креста» (л. 9–42),⁷ О Максиме Греке (л. 42–57 об.), ответы на письмо, полученное старцем 20 марта 1794 года от жителей сел Васильевского и Палехи (т. е. за полгода до кончины старца, следовавшей в ноябре 1794 года) (л. 58–89);⁸ «Свидетельство о поклонах, долженствуемых быть в греко-российской святой церкви» (л. 94–103 об.). На последних листах присутствуют выписки из Устава Святой Горы (л. 104–110), копия которого составлена софрониевским монахом Израилем. Ему, как следует из записи на л. 117, принадлежит и сам сборник с вплетенным в него Вторым Посланием: «Сія книга принадлежит Софроніевой Молченской пустыни монаху отцу Израилю. Послана из Москвы отъ купца Ионы Ивановича Головина чрезъ племянника его монаха Тимофея Белобережскаго».

Каким образом рассматриваемая рукопись попала к Барсову, можно лишь догадываться. Согласно истории записей конволюта следует, что текст Послания находился в Софроніевой пустыни с того самого времени, когда настоятелем ее был его адресат, иеромонах Феодосій (с 1779 года). Поскольку во Втором Послании упоминается подготовка к изданию венецианской Филокалии (1782),⁹ то можно предположить, что текст составлен не ранее этой даты, но и не позднее 1787 года, когда Феодосій был возведен в сан архимандрита. Ранее исследователи принимали во внимание лишь эти две даты, указывая на время создания Послания.¹⁰ Между тем в заключительной части текста Послания излагается ключевой момент богословской полемики, повлиявшей на критический настрой писавшего свое Послание старца — «смута» в Мошенских горах, распространившаяся в 1793 году («якоже и самый дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный и т. д.»; РГБ. Ф. 17. № 295. Л. 4 об.). Исследователь И. Паул говорит об одном из ближайших помощников Паисия, монахе Иакинфе,¹¹ проживавшем в ските Вороньей Поляны (Поляна Вороний) и посланном

⁵ Подпись восстановлена по рукописи из дополнительного собрания Троице-Сергиевой лавры: РГБ. Ф. 304/II. Троицкое собр. № 203 (Творения Григория Паламы; 1808 год), — имеющей аналогичное изображение и сохранившуюся на л. 1 по нижнему полю запись: «Изъ книгъ Намѣстника Т. С. Лавры Архим. Антонія». На л. 102 об. сообщается: «Переведено сие с греческого на славенский языкъ блаженныя памяти покойнымъ великимъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ в Святовознесенскомъ Нямецкомъ монастыре, где гробъ его до днесь зрится». Гравюра помещена на л. II об.

⁶ Цветаев Д. В. Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М., 1887. С. I–II, 8–10.

⁷ Перевод послания с церковнославянского языка выполнен по рукописи БАН 13.1.24 и представлен в электронном издании: *Паисій (Величковскій), преп.* Полемические произведения, поучения, письма / Сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; общ. ред. О. А. Родионова. См.: https://azbyka.ru/otchnik/Paisij_Velichkovskij/premaloe-sochinenie-o-krestnom-znamenii/; дата обращения: 30.09.2019.

⁸ Перевод послания с церковнославянского языка выполнен по рукописи БАН 13.1.24 и представлен в электронном издании: Там же.

⁹ «Иже (Макарий), пришед во святую Афонскую гору, и с неисповедимым усердием и превеликим тщанием во всех вивлиофиках великих святых обителей многи обрете таковыя отеческіе книги, яковых еще у себе и доколе не имеяше» (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского: С присовокуплением предисловия на книгу св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия пресвитера и Нила Сорского, сочиненное другом его и сподвижником старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847. С. 224–225).

¹⁰ Лисовой Н. Н. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России XI–XX века. М., 2002. С. 186–222.

¹¹ Иакинф уже в 1791 году был духовником собора Нямецкой лавры и неоднократно ходил в Россию по поручениям старца Паисия. См.: Паул И. Славянские ученики преподобного Паисия Величковского XVII — начала XIX веков. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001. С. 72.

старцем в июне 1793 года для выяснения обстоятельств распространения нестроений, связанных с хулением учения об умной молитве и монахом Феопемптом. В тексте Послания эти события 1793 года описываются следующим образом: «...бояся и трепеща, да не како обще не точию инокомъ, но и вѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, возпослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не возпослѣдствуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и препорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло.

Якоже и самымъ дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный,¹² увидѣвъ яко нѣкоторымъ ревнителемъ сея молитвы, аще и не по разуму, привозпослѣдова, за самочиніе ихъ и за невѣждное наставленіе неискусныхъ молитвы сея наставниковъ, нѣкая прелесть, не возложивъ вины на самочиніе и неискусное наставленіе, толико, діаволу его подвигшу, вооружися хулою на святую сію молитву яко и древнихъ оныхъ треклятыхъ еретиковъ Варлаама и Акиндина, хулившихъ сію молитву, несравненно превзыде».¹³

Паюл в своей работе упоминает о том, что Послание доставили к архимандриту Феодосию в Софрониеву пустынь два славянских ученика преподобного Паисия, монахи Иоанникий и Климент,¹⁴ значит, оно, скорее всего, находилось в Софрониевой пустыни с того времени, когда было привезено Феодосию. Тем более вероятно, что в конволюте Барсова перед нами рука старца Паисия. Возможно, в рукописи соединились списки последних сочинений старца Паисия, что произошло уже после кончины архимандрита Феодосия. Бумага большинства статей конволюта имеет «белую» дату — 1810 год. Эту датировку подтверждает гравюра, относящаяся по времени появления к началу XIX века.

И хотя рукописный конволют, по всей видимости, составлен уже после кончины Феодосия, однако текст Послания, помещенный в самом его начале и содержащий утраты, принадлежит более раннему времени. Он выписан характерным каллиграфическим почерком на бумаге, отличной от последующих листов, что, совокупно с другими палеографическими его признаками, наводит на мысль о первоисточнике Второго Послания к Феодосию, лежащем перед нами. Текстологическое сличение позволило утвердиться в этом предположении и связать обнаруженный автограф с источником первой публикации Второго Послания в издании 1847 года.¹⁵ Маргиналия на л. 6 об. и стилистическая правка текста в последующих списках помогли назвать промежуточный источник этого издания — одну из рукописей нынешнего Оптинского собрания РГБ, отразившую след работы при подготовке издания.

Интересна датированная запись руки монаха Израиля в конце переписанного им Устава Святой Горы на л. 113 об. — одной из последних статей конволюта — она указывает на конец 1810-х годов: «Принесъ сію копію въ Софроніеву пустынь изъ Іерусалима послушникъ Григорій Калугинъ, бывшій тамъ вышеозначеннаго года. А я своею рукою переписал 1819-го октября 24-го дня. М. Израилъ». Все записи конволюта, таким образом, фиксируют этапы активного перемещения рукописи («принадлежит Софрониевой Молченской пустыни», «послана из Москвы отъ купца Ионы Ивановича Головина чрезъ племянника его монаха Тимофея Белобережскаго»¹⁶). История этих перемещений неотделима в том числе и от Белобережской пустыни Орловской губернии,

¹² Во второй редакции: «монах един, философ суетумный, пребывающий в Мошенских горах» (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 67).

¹³ Цит. по: РГБ. Ф. 17. Собр. Барсова. № 295. Л. IV об. — V. Перевод Послания см.: Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 306.

¹⁴ Паюл И. Славянские ученики преподобного Паисия Величковского XVII — начала XIX вков. С. 77–78.

¹⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 241–268.

¹⁶ Вероятно, Тимофей и Иона Путиловы. Сохранилось наставление этим молодым подвижникам, отправлявшимся в Саровскую обитель на несение монашеского подвига (опираемся на письмо корреспондента старца Паисия, о. Александра (Подгорченкова), процитированное в работе: Сергий (Четвериков), свящ. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Paris, 1988).

одного из центров русского старчества,¹⁷ где после 1780 года строителем (настоятелем) был иеромонах Василий (1745–1831).¹⁸ История рукописного текста Послания указывает на связь с Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской пустынью, одним из центров русского старчества,¹⁹ а имена «купца Ионы Ивановича»²⁰ и его «племянника Тимофея» (вероятно, не племянника, а брата, Тимофея Ивановича) расширяют историю рукописи, включая в этот перечень Саровскую и Оптинскую обители.

Владельческая запись конволюта, дополненная биографическими разысканиями, помогает, таким образом, проследить путь перемещения рукописи из рук одних учеников и последователей Паисия к другим, отчего она приобретает особое значение — фактографического источника, содержащего данные относительно малоизвестного ученика Паисия Величковского монаха Израйля. Какова же была судьба автографа старца Паисия?

В Софрониевой Молченской пустыни Послание, адресованное Феодосию, соединилось с другими текстами старца, типикарными записями. Можно допустить, что в таком уже виде рукопись переправлялась в Москву, а затем, через белобережского монаха, была возвращена назад. Какова была цель этого перемещения? В какой момент были утрачены первые листы Второго Послания и каков объем текста был изначально? Последний вопрос пока не имеет ответа, но он важен и интересен, поскольку хорошо известно, что сочинения старца активно переписывались, и молдавский список — источник трех публикаций Послания в последние десятилетия — содержит более видоизмененный текст, его вторую редакцию.²¹ Он, кроме всего прочего, имеет пространную вступительную часть, отсутствующую в издании 1847 года, а также, как и следовало ожидать, в автографе.

Коснемся содержательной стороны Второго Послания и, более конкретно, той его части, которая дошла до нас в конволюте Барсова. В списке Ново-Нямецкого монас-

¹⁷ Общежительная мужская Брянская Белобережская пустынь. Историческое и современное обозрение. Одесса, 1909; *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь // *Православная энциклопедия*. М., 2002. Т. 4. С. 532–534.

¹⁸ В миру — Владимир Тимофеевич Кишкин, ученик афонских и молдавских старцев, последователь Паисия Величковского. Сведения о Василии (Кишкине) присутствуют в предисловии к изданию 1847 года (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. XVII). В Отделе рукописей РГБ хранится «Житие иеромонаха Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина)», некогда хранившееся в библиотеке МДА (дар проф. Д. А. Голубинского). 30 ноября 2017 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви иеросхимонах Василий (Кишкин) был причислен к лику общецерковных святых. 25 мая 2018 года включен в Собор Брянских Святых. Мощи преподобного Василия пребывают в Богородицкой Площанской мужской пустыни в Покровском храме. Среди учеников старца известны монахи Арсений и Израиль, которые вместе с ним «пешествовали» на Святой Афон и жили в Ильинском ските. При этом об Арсении сведений сохранилось больше, чем об Израиле, который упоминается в письмах митрополита Гавриила (см.: Переписка митрополита Гавриила с духовными лицами // *Вопреки веку просвещения: Высокопреосвященный Гавриил (Петров), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Жизнь. Творчество*. Кончина / Подг. текста, сост. и послесловие П. В. Калитина. М., 2000. С. 431–432).

¹⁹ Основанием монастыря считается 1661 год, а первым устроителем — иеромонах Симеон, который принес в Россию первый список древней византийской иконы Божией Матери «Троеручица»: *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь. С. 532–534.

²⁰ В родословной знаменитого рода Головиных имя Ионы Ивановича выявить не удалось. Не исключено, что под именем купца Ионы Ивановича Головина подразумевается Иона Иванович Путилов (1786–1858), будущий игумен и настоятель Саровской обители схимонах Исаия II, брат преп. Антония и Моисея (Путиловых), имевший не племянника, а брата Тимофея Ивановича Путилова (1782–1862; в монашестве схиархимандрита Моисея, известного оптинского старца-настоятеля). См.: *Православная энциклопедия*. М., 2011. Т. 27. С. 146–149.

²¹ Список Ново-Нямецкого монастыря (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68) является источником трех известных публикаций Послания 1994, 2004 и 2014 годов: *Pelin V.* The correspondence of abbot Paisie from Neamtz (III): Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. 1994. [Т.] XXXII. № 3–4. P. 349–366; Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения... С. 267–290; Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. С. 336–375.

тыря Послание имеет пространный заголовок, в котором выделены темы, вероятно позднее внесенные составителем в название и помогающие структурировать текст: «Слово о любви Преподобнейшему господину отцу Феодосию, архимандриту пустыни Софрониевой <...> и еже не искати чести и богатства, и какову любовь отеческую ко братии подобает имети настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании во обители. О еже упраздниться в келлии на чтении отеческих книг и молитву. О книгах отеческих, преведенных с греческаго языка. Еще и о хулнице некоем на умную молитву». Это название точно отражает общее настроение Послания. Очевидно, что автор следует святоотеческим заветам, которые прочитываются в заголовках сочинений проводников исихазма: «О священном и преподобием тела и души безмолвии», «О многословии и молчании», «О памяти смертной», «О безгневи и кротости», «О нестяжании», «О бдении телесном» (Иоанн Лествичник), «О смиренномудрии», «О совести», «О божественном страсе» (Авва Дорофей), «О молчании и безмолвии и о житии тихом», «О чистой молитве», «Откуда съхраняется трезвение умное, еже внутрь в души бываемое», «О хранении сердца и видении тончайшем» (Исаак Сирий), «О делании духовном», «О мысленном откровении действенаго божественнаго света», «О мысленном раи боговидения и древе животнем» (Симеон Новый Богослов), «О безмолвии», «О образех молитвы», «О еже како подобает сидети в безмолвии» (Григорий Синаит). Знакомство Паисия Величковского с трудами указанных авторов, позже дополненное чтением трудов св. Петра Дамаскина (XII век), Каллиста Ангеликуда (XIV–XV века), Никиты Стифата (ок. 1005 — ок. 1090), чьи статьи и трактаты связали образ «мысленного рая» с действием «Божественного света», «мысленным откровением» — любимой темой размышлений исихастов второго поколения, прослеживается по сохранившимся текстам паисиевских переводов в монастырских библиотеках Афона, России, Украины, Молдавии и Румынии.²²

Подсчет исихастских рукописей Троице-Сергиевой лавры XIV–XV веков, в которых «запечатлен» афонский след, в свое время сделал Г. М. Прохоров.²³ В связи с поисками новых форм славяно-византийского синтеза интерес к творчеству Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Василия Великого, Василия Нового, Григория Синаита, Филиппа Пустынника, Григория Паламы, Нила и Николая Кавасила отмечен в переводах школы Чудова монастыря второй половины XVII века.²⁴ Позднее в трудах старца Паисия Величковского и его последователей мы видим те же темы и тех же авторов, что прямо свидетельствует о тенденции к возрождению в русском монашестве исихастских традиций.

Страницы биографии святого подвижника указывают на сильное тяготение старца к афонскому учению, сущность которого была постигнута им задолго до того, как он приехал на Святую Гору. Еще в юности Паисий (тогда еще монах Платон) дает обет сторониться богатых обителей, сознательно избирая местом своего пребывания бедные монастыри. Прибыв на Афон, молодой монах намеренно избегает обустроенных обителей, отдавая все силы на возрождение духовной жизни в бедных монастырях. Согласно жизнеописанию преподобного, составленному Митрофаном (РНБ. Собр. Санкт-Петербургской Академии и Семинарии. № 279. Л. 8), уже обучаясь в первых классах Киево-Могилянской Академии, усердный ученик Петр Величковский предпочитал античным авторам «книги безмолнической жизни». В Любечском монастыре он

²² Родионов О. А. Рукописная традиция трактата Каллиста Ангеликуда «О божественном единении» // Византийские исихастские тексты / Сост., общ. и науч. ред. А. Г. Дунаева. М., 2012. С. 423–428; Исаченко Т. А. Святая Афонская Гора в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках Отдела рукописей Московского публичного и Румянцевского музеев (МПиРМ) и монастырских собраний РГБ. М., 2019.

²³ Подсчет осуществлялся по книге: Арсений, Иларий. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры: В 3 ч. М., 1878–1879. См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317–324.

²⁴ Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.

переписывал Лествицу Иоанна Синайского,²⁵ которая оказалась важной вехой в судьбе будущего подвижника, ибо позднее он не раз будет обращаться к ее тексту, стремясь усовершенствовать славянский перевод, «исправляя старый перевод по греческим текстам».²⁶ В дальнейшем последователи и ученики доработают и опубликуют этот, ранее многократно переработанный, текст (М., 1862). Перевод Лествицы Иоанна Синайского, связанный с именем Паисия Величковского, получил большое распространение. Несколько интересных списков памятника, раскрывающих этапы подготовки издания, хранятся в собраниях РГБ (Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 509–510, 516; Ф. 304/П. Троицкое собр./доп. № 193).²⁷

В автобиографии Паисия не получило своего отражения его пребывание на Афоне, поскольку жизнеописание обрывается на событиях, предшествующих его отъезду на Святой Гору. Для реконструкции афонского периода жизни преподобного обычно используют дополнительные источники, одним из которых является Второе Послание к Феодосию. Из письма следует, что преп. Паисий пребывал в трудах, восстанавливая Ильинский скит, монастырь Симонопетра, что значительная часть времени его пребывания на Афоне была связана с поиском рукописей. Убежденность старца в неисправности имеющихся у него переводов заставляла будущего подвижника неоднократно совершать «археологические экспедиции», разыскивая тексты в ближних и дальних монастырях Афона. Вот как описывает старец Паисий свои поиски: «И по многолѣтнемъ моемъ въ святѣй Горѣ пребываніи, отчасти научився бесѣдовати простымъ греческимъ языкомъ, всепрілѣжнѣйшее воспріяхъ намѣреніе, съ болѣзнью въ сердцѣ искати еллинногреческихъ отеческихъ книгъ, въ надеждѣ со онѣхъ исправленія словенскихъ (книгъ), и на многихъ мѣстѣхъ и не единократнѣ искавъ, не могахъ обрѣсти» (л. 3).²⁸ Старец пишет, что надежду обретения таких книг он возложил на Бога, «моляхъ Его неизреченное милосердіе, да имже вѣсть судьбами, яко Всесилень и Всемогій, сподобитъ меня обрѣсти таковыя книги» (л. 4). Но от всех, кого он спрашивал о книгах, Паисий слышал один и тот же ответ: «яко мы даже и доселѣ не точію таковыхъ книгъ не вѣмы, но ни имени сихъ святыхъ слышахомъ» (л. 3 об.). От этих известий преп. Паисий «впадал в недоумение», но не оставлял поисков («в яково недоумѣніе впадохъ, рассуждая, яко въ такомъ мѣстѣ святѣмъ, и къ тихому и безмолвному иноковъ пребыванію отъ Бога избраннѣмъ, идѣже мнози велицыи и совершеннѣи святіи пожиша, не сподобихся не точію обрѣсти многожелаемыя мнѣ святыя оныя книги, но ни именъ святыхъ онѣхъ отъ кого услышати»; л. 3 об.). Однажды на пути из Лавры святого Афанасия Афонского в великий лаврский скит Святой Анны старец вместе с двумя братьями подошел к холму святого пророка Илии. Здесь со стороны моря находился скит святого Василия Великого,²⁹ в котором Паисий и его спутники увидели раскрытые монахами книги, удовлетворившие его своей древностью и исправностью. В своем послании к архимандриту Феодосию старец вспоминает момент обретения редких источников: «Воззрѣвшу ми на столікъ иже ко окну, увидѣхъ едину книгу отверсту, лежащу на немъ, съ нея же преписоваше другую: бяше бо художествомъ краснописецъ, и посмотрившу ми на оную книгу, увидѣхъ, яко бяше святаго Петра Дамаскина, юже узрѣвъ, колікія пренеизреченныя радости духовныя преисполнихся, изречи не могу» (л. 4 об. — 5).

²⁵ Упомянутая рукопись — так называемый Сибирский Лествичник из 70 глав (Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в переводе Паисия Величковского // Афонское наследие: Научный альманах. Киев; Чернигов, 2016. Вып. 3–4. С. 186).

²⁶ Яцимирский А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898. С. 2–3.

²⁷ Попова Т. Г. 1) Лествица Иоанна Синайского в переводе Паисия Величковского. С. 191; 2) Русские рукописи «Лествицы» Иоанна Синайского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2016. Вып. 1 (46). С. 93–101.

²⁸ Ввиду того, что начальная часть текста Второго Послания в автографе старца Паисия отсутствует, здесь и далее текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 214. № 142 (первая четверть XIX века) — с указанием в скобках номера листа.

²⁹ Афонский скит, подчиненный Великой Лавре.

Сегодня в Свято-Пантелеимоновом монастыре Святой Горы находятся рукописи старца. Самой ценной из них является перевод творений св. Петра Дамаскина, переписанный собственноручно преп. Паисием.³⁰ Сохранилась также келья св. царя Константина, которую около 1754 года приобрел старец Паисий. Здесь в молитвенном уединении он прожил с несколькими учениками около трех лет, после чего перешел в келью св. Пророка Илии, преобразованную им в скит. Келья царя Константина находится по пути из Ильинского скита в монастырь Пантократор. Недавнее посещение этих мест представителями Международного института афонского наследия и проведенные исследования позволили обнаружить неизвестные записи, подтверждающие пребывание преп. Паисия Величковского в монастыре Симонопетра около трех месяцев. «Кодекс А», хранящийся в библиотеке монастыря, отражает жизнь обители за период с 1620 по 1800 год. Под 1762 годом в нем сообщается, что игуменом монастыря Симонопетра в это время был старец Паисий. В архиве Симонопетра это единственный документ, подтверждающий факт игуменства старца Паисия в этой обители.³¹

Вернемся, однако, ко Второму Посланию, которое является ответом на неотступную просьбу архимандрита Феодосия о немедленной пересылке в Россию переводов творений святых отцов для публикации. В задержке со стороны Паисия Феодосий усматривает знаки «вражды», поэтому в ответном послании преп. Паисий дает заверения в неизменной любви и добром расположении к другу и ученику, но эта начальная часть письма, содержание которой известно из молдавских списков, весьма критична. Преп. Паисий братски укоряет Феодосия в самовозвышении, нарушении обетов, вспоминает заветы общих наставников — старцев Василия (Поляномерульского) и Михаила. Свои труды Паисий оценивает весьма строго и категорически возражает против их публикации.

Иными словами, желание Феодосия (и его высоких покровителей, в числе которых называют митрополита Гавриила (Петрова) и светлейшего князя Г. А. Потемкина) издать существующие переводы Паисия в России неожиданно натолкнулось на его сопротивление. Причины, которыми руководствовался подвижник, перечислены им в заключительной части Послания. По мнению старца, сам он не в полной мере обладал теми качествами, которыми надлежит обладать переводчику святоотеческих творений. И эта самокритичность во многом обусловлена сформировавшейся в течение всей жизни позицией, мировосприятием старца и, собственно, исихастской практикой. Сам предмет диктует ответственность, заставляет быть особо требовательным к знаниям: переводчик должен быть всесторонне образован, знать грамматическое учение, правописание, свойства тех языков, с которых и на которые он переводит, быть искусен в поэтике, риторике, философии, богословии. Переводческая деятельность, по мнению Паисия, невозможна без словарей, для работы со святоотеческим наследием необходимо хорошее знание языка первоисточника, сложность и богатство которого зачастую превосходит реальные знания переводчика. Неудовлетворенность собственными текстами, скорее всего, и стала причиной задержки с ответом на просьбу о высылке книг: «Како дерзну азъ съ таковаго премудрѣйшаго языка дѣло мое во исправленіи или въ преводѣ книгъ начинати?» (л. 7 об.) — вопрошает старец. Немалые сомнения испытывал Паисий Величковский в искусстве своего перевода, высоко ценя

³⁰ Укажем также прижизненный список этого сочинения в дополнительной части Троицкого собрания: РГБ. Ф. 304/2. № 42. Перевод первой книги св. Петра Дамаскина был выполнен св. Паисием в 1775 году. На начальном листе лаврского списка присутствует запись с указанием имени ее владельца — монаха Онуфрия, ученика Паисия (Величковского).

³¹ Оригинал письма самого старца и переписка константинопольского патриарха Кирилла V с киевским митрополитом Арсением изданы: *Шумило С. В.* 1) Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // *Афонское наследие: Научный альманах.* Киев; Чернигов, 2017. Вып. 5–6. С. 231–255; 2) Прп. Паисий Величковский и попытка воссоздания Русика в монастыре Симонопетра: неизвестные письма с Афона // *Русь — Святая Гора Афон: Тысяча лет духовного и культурного единства.* Материалы Междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русского монашества на Афоне, 21–23 сентября 2016 г. М., 2017. С. 318–338.

сакральный характер церковнославянского книжного языка, имевшего в глазах старца святость предмета, освященного благодатью («яко и самага нашего преславнаго словенскаго языка, иже, якоже ми мнится, многія языки красотою своею и глубиною и преизобиліемъ реченій, <...> несравненно превосходитъ, едва часть нѣкую реченію зная, но несравненно большей части не вѣдая, бояхся дѣло сіе начинати»; л. 7 об.).

К опасениям Паисия Величковского в значительной степени примешивалась его тревога за духовное состояние людей («да не воспослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ»; л. 4 об.), распространение исихастской практики («умного делания») в миру чревато, по его мнению, дерзким осуждением и хулой со стороны «суетоумов», т. е. со стороны светского общества: «Извѣщаю духовно святыни вашей, яко о изданіи печатію книгъ отеческихъ якоже еллинногреческимъ, тако и словенскимъ языкомъ, и радостію и страхомъ одержимъ есмь. Радостію, яко всеконечному забвенію не будутъ же преданы, и яко ревнителіе удобѣе возмогутъ стяжавати оныя: страхомъ же, бояся и трепеща, да не како обще не точію инокомъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, воспослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не воспослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и пренепорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло» (л. 4 об.).

Коснемся истории публикации Второго Послания к Феодосию. Несмотря на то, что оно неоднократно публиковалось (трижды по молдавскому списку),³² текст Послания в различных изданиях варьируется, и эти различия нуждаются в пояснениях. Как говорилось выше, впервые письмо было издано в Оптиной пустыни и напечатано в Москве.³³ Но по неизвестным причинам здесь была опущена критическая часть послания — в публикации отсутствует начало письма.

Вторично послание по молдавскому списку опубликовала кишиневская исследовательница Валентина Пелин,³⁴ но этот текст содержал купюры во второй, филологической части оригинального текста, хотя в какой-то мере она восполняла пробел оптинской публикации, дополняя пропуски.

В 2004 году текст Второго Послания был включен в сборник избранных трудов старца русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне (перепечатка издания 1847 года),³⁵ а в 2014 году он вторично был переиздан с параллельным русским переводом, комментариями и справочным аппаратом. Таким образом, лакуны, существовавшие в кишиневской и афонской публикациях, в последнем издании устранены не были, да и не могли быть устранены. Неоговоренные лакуны публикаций на деле являются расхождением редакций. Во всех трех публикациях купюры касаются содержания второй части Послания, текст которого в автографе старца Паисия, обнаруженном в собрании Барсова в РГБ, позволяя не только восстановить утраты, но и прокомментировать их.³⁶

Исследуя историю текста Второго Послания к Феодосию, можно вполне уверенно развести сохранившиеся списки по редакциям: в рукописи Барсова под № 295 мы име-

³² См. выше, прим. 21. Об этом послании известно также со слов Митрофана. См.: *Tachias A.-E. The Revival of Byzantine Mysticism Among the Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794)*. Thessaloniki, 1986. P. 97–105.

³³ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 241–268.

³⁴ *Pelin V. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III)*. P. 349–366.

³⁵ Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения...

³⁶ О существующих разночтениях списков см.: *Pelin V. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III)*. P. 349–366; *Майнардю А. «Slavia Orthodoxa» в эпоху Просвещения: литературная деятельность старца Паисия Величковского*. СПб., 2007; *Жгун П. Б. Разночтения в списках Второго Послания прп. Паисия (Величковского) к архим. Феодосию (Маслову), проливающие свет на особенности перевода «паисиевской» школы // Каптеревские чтения. М.; Серпухов, 2017. Вып. 15. С. 215–234. В последней публикации автор пытается объяснить присутствие разночтений между публикациями 1847 года и всеми последующими. Однако в отсутствии автографа Второго Послания, который исследователю неизвестен, любые рассуждения на данную тему представляются неполными.*

ем первую редакцию Послания, сохранившую авторский текст с утратой его начала. Отчасти можно восполнить купюру по другому списку этой же редакции — рукописи Оптиной пустыни под № 142 (первая треть XIX века; далее — Опт. 142), представляющей отредактированную копию со списка Барсова. Читающийся здесь на л. 1–25 текст, по всей видимости, был опубликован в издании 1847 года под заголовком «От письма старца Паисия еже писа к старцу Феодосию»,³⁷ указывающим на то, что публикаторы знали о полной версии текста и, вполне возможно, видели его (со слов «Азь егда еще во святѣй горѣ Аѳонстѣй съ малымъ числомъ братіи...»).

В том же собрании известен еще один список — № 145 (начало XIX века), сделанный приблизительно в одно время с Опт. 142. Обе рукописи принадлежали скитской библиотеке Оптиной пустыни и непосредственно связаны с подлинником Второго Послания к Феодосию, но вторжение редактора в текст можно проследить в оптинских списках по маргиналии, присутствующей в первоисточнике на л. 6 об. («и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ»), а также по незначительной стилистической правке, которую, вероятнее всего, осуществлял, вместе с И. В. Киреевским и иеросхимонахом Макарием (Ивановым), молодой Л. А. Кавелин (будущий архимандрит Леонид), готовивший издание трудов старца Паисия 1847 года. Маргиналия, сделанная рукой редактора, появляется в тексте оригинала на л. 6 об. и в дальнейшем присутствует в текстах оптинских списков, а также в публикации 1847 года. По нашим наблюдениям, мелкой стилистической правке подвергся не только оригинальный текст Второго послания, известный ныне по рукописи Барсова, но и список, с которого осуществлялся набор.

Источник всех публикаций нашего времени (1994, 2004 и 2014 годов) — рукопись монастырского собрания Нового Нянца (Национальный архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68) — представляет собой вторую редакцию текста, очень исправную и по-своему интересную, но значительно видоизмененную в результате намеренных сокращений.

Таким образом, исследуя списки и сравнивая их с автографом, мы с большой вероятностью можем указать на источник публикации 1847 года. Подсказкой здесь служит воспроизведенная издателями на с. 20 подпись «Паісій старецъ», которая поначалу наводит на мысль об использовании публикаторами оригинала — аналогичной записи в конволюте Барсова. Однако это предположение неверно. Подпись воспроизведена от руки и затем сфотографирована, в чем убеждает сделанная поверх «автографа» помета: «На подлинномъ подпись такова: Паісій старецъ». В издании есть еще одна дополнительная запись, которая присутствует в списке Опт. 142 на л. 25 и позже повторяется в списке того же собрания № 145 на л. 120: «Писано с самага подлинника, который хранится въ Софроніевоу пустынь». Иными словами, по крайней мере один из оптинских списков (по нашему мнению, это Опт. 142) составлялся с подлинника.

На вопрос о местонахождении начальной части паисиевского автографа Второго Послания к Феодосию (ныне утраченной) можно попытаться ответить лишь после того, как удастся исследовать историю появления рукописи под № 295 в той части собрания Е. В. Барсова, которая вошла в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев вместе с коллекцией Общества древнерусского искусства при МПИРМ.³⁸ Предстоит внимательно изучить и вторую, основную часть Барсовского собрания, которая в 1914 году была передана в количестве 2728 номеров в Исторический музей в Москве.³⁹ Прояснить интересующий нас вопрос поможет, вероятно, также исследование келейного наследия Арзамасской женской пустыни, Новоспасского монастыря

³⁷ Опубликованный текст содержит стилистическую правку текста, отраженную в рукописи Опт. 142 (вставка «и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ», которая присутствует в подлиннике Барсова на поле л. 4 об.).

³⁸ См.: Книга поступлений отдела рукописей за 1929–1938 гг. Л. 2 об. № 27, 36; Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2 (1917–1947). С. 331.

³⁹ Малицкий Г. Л., Щепкин В. Н. Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М., 1915. С. 3.

и Белобережской пустыни, где подвизались ученики и почитатели Паисия Величковского, державшие в руках подлинник.

Подводя итог результатам наблюдений, можно констатировать, что история трансформации Второго Послания старца к Феодосию наглядно показывает, что с течением времени копирование текстов преп. Паисия стало приобретать форму псевдоэпиграфов. Хорошая сохранность трудов старца Паисия в собраниях России, Афона, Украины, Молдавии, бывших личных библиотеках архимандритов Антония (Медведева) и Леонида (Кавелина) свидетельствует о кропотливой работе учеников, последователей и почитателей Паисия Величковского по умножению его наследия — работе, которая продолжалась как при жизни, так и после смерти старца. Осуществив «цензуру» критической части оригинала, составители второй редакции Второго Послания предложили «царский путь», намеренно выпустив излишне самокритичные высказывания учителя. Самокритика сводила на нет (или ставила под сомнение) всю непреходящую ценность трудов духовного наставника и просветителя.

С 40-х годов XIX века, в связи с издательской деятельностью Оптиной пустыни, можно наблюдать новый этап распространения трудов преп. Паисия Величковского. Есть основания предполагать, что именно эта деятельность остановила бесконтрольный рост псевдоэпиграфов, одновременно предложив почитателям творчества Паисия публикацию Второго Послания к Феодосию в усеченном виде, лишив текст пространной начальной его исторической части, но сохранив критическую часть Послания, исключительно важную для понимания процессов, происходивших в общественном и религиозном сознании на рубеже XVIII–XIX веков.

Ниже публикуется текст Послания к Феодосию по рукописи РГБ (Ф. 17. Собр. Барсова. № 295. Л. IV–VII; ок. 1787 года). Приводится заключительная часть Послания, обнаруженная в автографе. Смысловый предшествующий отрезок текста («И аще сіе случится <...> къ выпечатанію отеческихъ») восстановлен по рукописи Опт. 142, которой пользовались публикаторы 1847 года.

Разночтения второй редакции Послания отмечены по рукописи Ново-Нямецкого монастыря (Национальный Архив Молдовы. Ф. 2119. Оп. 2. № 22. Л. 48–68), которая является источником трех известных публикаций недавнего времени. Сокращения второй редакции обозначаем курсивом. Пропуск букв, слитно-раздельное написание слов и другие мелкие расхождения нами не учитываются.

Дополнения, внесенные в молдавский список его составителями, даны в угловых скобках.

Текст письма старца Паисия представляет южнорусский извод церковнославянского языка, архаичность и своеобразие которого осознавались и охранялись им. Графику оригинала сохраняем частично, следуя при этом его первой публикации 1847 года (церковнославянские ъ, ь на конце слов и і, приближающие текст к первоисточнику), другие особенности письма XVIII века не воспроизводим.

<И аще сіе случится, то молю васъ всеусердно Господа ради, поне сего послѣдняго уже моего не презрѣти совѣта: вѣсть ону о посланіи въ Венецію къ выпечатанію отеческихъ> (л. 4) еллингреческимъ языкомъ книгъ представите лицамъ онѣмъ, о нихже мнѣ возвѣщае: тѣи же, яко Боговдохновенніи муже и ревносте Божію неизреченную къ таковымъ книгамъ имущи, по выпечатаніи онѣхъ, преудобнѣйше, яко многомогущи, могутъ получить тыя, и по всеистиннѣйшемъ на словенскій языкъ преведеніи печатію издати, и тогда уже и святыня ваша отъ предреченнаго иждивенія избавльшеся, возможете съ Божіей помощію удобнѣе оныя стяжати, и тако исполнится и самую вещь превожделѣнное о стяжаніи таковыхъ книгъ желаніе ваше. Молю же святыню вашу, писаніе мое отвѣтно къ его Преосвященству, аще подасть вамъ руку, сами отвезите, въ немъ же о винѣ неприсланія къ святынѣ вашей книгъ, и о предреченной вѣсти посланія книгъ онѣхъ къ выпечатанію, и моленіе къ его Преосвященству, да возблаговолитъ увѣщати святыню твою послушати моего писаннаго къ вамъ совѣта, писано

есть, а ино ничтоже; сего ради не усумнѣвайтесь сами отвезти оное, и преподати его Преосвященству, къ егоже мысленнѣ припадѣ святымъ стопамъ, всемирненнѣйше со всѣмъ моимъ соборомъ кланяяся, святую его и благословящую лобызая десницу.

(л. 4 об.). Извѣщаю духовно святыни вашей, яко о изданіи печатію книгъ отеческихъ якоже еллинногреческимъ, тако и словенскимъ языкомъ, и радостію и страхомъ одержимъ есмь. Радостію, яко всеконечному забвенію не будутъ же преданы, и яко ревнителіе удобѣе возмогутъ стяжавати оныя: страхомъ же, бояся и трепеща, да не како обще не точію инокомъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія книги, аки продаваемая вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, воспослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не воспослѣдствуетъ хула отъ суетоумовъ на святое сіе и препорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло. Якоже и самымъ дѣломъ во дни наша случися, яко одинъ инокъ, философъ суетумный,¹ увидѣвъ яко нѣкоторымъ ревнителемъ сея молитвы, аще и не по разуму, привозпослѣдова,² за самочиненіе ихъ и за невѣждное наставленіе неискусныхъ молитвы сея наставниковъ, нѣкая прелесть, не возложивъ вины на самочиніе и неискusstное наставленіе, толико, діаволу его подвигшу, вооружися хулою на святую сію молитву, яко и древнихъ оныхъ треклятыхъ (л. 5) еретиковъ Варлаама и Акиндина, хулившихъ сію молитву, несравненно превзыде: толико бо страшныя и срамныя хулы, ни Бога бояся, ни человекъкъ срамляся, на святую сію молитву и на ревнителей и дѣлателей ея подвиже, яко и слуху человекъскому цѣломудренному нестерпимы суть: еще же и на ревнителей молитвы сея толь превеликое гоненіе воздвиже, яко нѣщцы, оставльше вся, въ страну сію прибѣгоша, и живутъ въ ней на пустыни богоугодно, нѣщцы же, малоумни суще, отъ его развращенныхъ словесъ до толика безумія придоша, яко и книги своя нѣкоторыя отеческія въ единой рѣчь, якоже слышахомъ, привязавше къ нимъ плінуу потопиша. И до толика возмогоша его хулы, яко нѣщцы подѣ неблагословеніемъ запретили быша книгъ отеческихъ не читати. Егда же, не довлѣяся устными хулами, умысли тыя писанію предати, тогда Божіимъ наказаніемъ обѣма ослѣпе очима, и пресѣчеся таковое его богоборное намѣреніе. Сего убо, якоже предрекохъ, боюся и трепещу, да не воспослѣдствуютъ самочинникомъ прелести; прелесть же хулы, хуламъ же усумнѣваніе о ученіи Богоносныхъ отецъ нашихъ, иже о молитвѣ сей (л. 5 об.) сами благодатію Пресвятаго Духа самимъ дѣломъ и искусомъ научившеся, и подвижниковъ, со всякимъ смиренномудріемъ на дѣланіе сея нудитися усердствующихъ Богомудрѣ учать.

Книги отеческія, паче же яке о истиннѣмъ послушаніи, и о трезвеніи ума и безмолвіи, о вниманіи же и молитвѣ умнѣй, сирѣчь въ сердцѣ умомъ совершаемѣй, единственнѣ единому точію монашескому чину приличны суть, а не обще всѣмъ православнымъ христіаномъ. Сего ради Богоносніи отцы, о молитвѣ сей учаще, начало ея и основаніе непоколебимое послушаніе истинное глаголють быти, отъ него же истинное рождается смиреніе, смиреніе же хранитъ подвизающагося въ ней отъ всѣхъ прелестей, самочинникомъ послѣдующихъ.³ *Послушанія же истиннаго монашескаго и совершеннаго во всемъ воли своея и разума отсѣченія мірскому народу стяжати отнюдь не возможно.*⁴ И како возможно будетъ мірскимъ людемъ безъ послушанія,⁵ по самочинію, ему же прелесть послѣдуетъ, на толь страшное и ужасное дѣло сирѣчь на таковую молитву, безъ всякаго наставленія нудитися, и убѣжати многообразныхъ и многообразныхъ⁶ (л. 6) прелестей вражнихъ на молитву сію и подвижниковъ ея прехитростнѣ наводимыхъ. *Отнюдь не возможно.*⁷ *Толь*⁸ страшна есть вещь сія, сирѣчь *молитва, не простъ умная, сирѣчь умомъ нехудожнѣ совершаемая, но художнѣ умомъ въ сердцѣ дѣйствуемая,*⁹ яко и истинніи послушницы, волю свою и разсужденіе предѣ отцы своими, дѣланія молитвы *сея истинными и преискусными наставники,*¹⁰ не точію отсѣкши, но и совершенно умертвивши, всегда въ страхъ и трепетъ суть, боящеся и трепещуще, да не постраждутъ въ молитвѣ сей нѣкую прелесть, аще и Богомъ всегда храними суть отъ нея, за истинное смиреніе свое, еже благодатію Божіею истиннымъ послушаніемъ своимъ стяжаша. *Кольми паче мірскимъ людемъ, безъ послушанія пребывающимъ, аще бы точію отъ единаго чтенія таковыхъ*

книгъ понудилися на сію молитву, страшно есть, да не впадуть въ нѣкую, самочинною начинающіи послѣдующую, прелесть.¹¹ Молитва сія художество художествъ отъ святыхъ нарицается; и кто можетъ ея безъ художника, сирѣчь безъ искуснаго наставника, научиться. Молитва сія мечъ есть духовный на закланіе врага душъ нашихъ, отъ Бога дарованный: (л. 6 об.) но неискуснѣ дѣйствующему имъ страхъ есть, да не будетъ самага себе на закланіе. Молитва сія во иноцѣхъ точію,¹² наипаче въ странахъ Египетскихъ, аки солнце просіяваше, такожде и въ странахъ Іерусалимскихъ, и въ Синаистѣй горѣ и Нитрійстѣй, и въ Палестинѣ на многихъ мѣстѣхъ, <и на иныхъ многихъ мѣстѣхъ>,¹³ но не повсюду, якоже является отъ житія святаго Григорія Синаита, иже всю святую гору обшедѣ, и прилежно дѣлателей сея молитвы поискавъ, отнюдь никогоже обрѣте въ ней, поне малое вѣдѣніе о молитвѣ сей имущаго. Отсюду явственно есть, яко аще въ такомъ святѣмъ мѣстѣ ниединаго такового святой сей обрѣте, то и на многихъ мѣстѣхъ во иноцѣхъ дѣланіе сея молитвы невѣдомо бяше.¹⁴ А идеже и дѣйствовашеся, и аки солнце просіяваше во иноцѣхъ,¹⁵ то и тамо дѣланіе молитвы сея, аки тайна велія и неизреченная, Богу единому и дѣлательемъ ея вѣдомая, хранящися: мірскому же народу дѣланіе молитвы сея отнюдь невѣдомо бяше. Нынѣ же, выпечатаніемъ отеческихъ книгъ, не точію инокомъ,¹⁶ но и всему христіанскому народу во увѣдѣніе прійдетъ.

И сего ради боюся и трепещу,¹⁷ да за предреченную вину, сирѣчь, за самочинное безъ наставника (л. 7) молитвы сея начинаніе, не возпослѣдуетъ нѣкая самочинникомъ такимъ прелесть, отъ нея же Христосъ Спаситель всѣхъ хотящихъ спастися да избавитъ своею благодатію. Сіе же святынѣ вашей, аки охраненія ради, духовно объявивъ, пребываю, во всѣхъ заповѣдехъ Божіихъ вамъ совершеннаго успѣянія¹⁸ желатель и недостойный богомолецъ.¹⁹

Паусій старецъ²⁰

¹ В ред. 2 — монах един, философ суетный, пребывающий в Мошенских горах.

² В Опт. 142 — привозпослѣдствова.

³ В ред. 2 — самочинникомъ следующихъ.

⁴ В ред. 2: Послушанія же <...> не возможно — отсутствует.

⁵ В ред. 2 — безъ послушанія <от самага чтенія> (на полях).

⁶ В ред. 2 — многообразныхъ и <многообразныхъ>.

⁷ В ред. 2: Отнюдь не возможно — отсутствует.

⁸ В ред. 2 — Толико бо.

⁹ В ред. 2 — <молитва умная>, яко и истинніи послушницы. Остальной текст отсутствует.

¹⁰ В ред. 2 — дѣланія молитвы не точію отсѣкъши. Прочее отсутствует.

¹¹ В ред. 2 отсутствует.

¹² В ред. 2 отсутствует. Вместо этого читается текст: <Молитва сія паче же дѣланіе сердечное в монасѣхъ точію. Молитву же сію, глаголю, не простѣ умную, сирѣчь не простѣумом и усты совершаемую. Сію бо всекому желающему христіанину спастися, подобаетъ: но художнѣ умомъ, въ сердцѣ дѣйствуемую и язвѣ врага невидимаго Божественнымъ Именемъ> (на полях приписка: святой Григорій Синаит. О безмолвіи. Глава 2).

¹³ Выделенная фраза в оригинале присутствует на полях, вписана позднее. В Опт. 142 слова внесены в текст.

¹⁴ В ред. 2 отсутствует.

¹⁵ В ред. 2 — и просіяваше <въ монасѣхъ>.

¹⁶ В ред. 2 — вѣдомо точію монахомъ.

¹⁷ В ред. 2 — И сего ради, якоже рекохъ, боюся и трепещу.

¹⁸ В ред. 2 — предъуспѣянія.

¹⁹ В ред. 2: недостойный богомолецъ — отсутствует. Вместо этого: <Богъ же любве и мира, да будетъ съ вами. Аминь>.

²⁰ В ред. 2 отсутствует.

О СОСТАВЕ КОРПУСА МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА*

Эта статья была написана в процессе подготовки ее авторами полного научного издания хорошо известных, но ни разу не публиковавшихся целиком мемуаров А. Т. Болотова (1738–1833). В ходе этой работы выяснилось, что до сих пор не существует удовлетворительного описания дошедшего до нас болотовского мемуарного наследия и его судьбы после смерти автора. Все попытки публикаторов и исследователей приступить к этой теме завершались лишь фрагментарными заметками, не дающими полной картины или содержащими неточности.¹ Справедливости ради следует отметить, что такая работа объективно сложна. Хорошая сохранность обширного архива Болотова и его стремление подробно написать обо всех событиях своей жизни, дающие, на первый взгляд, преимущества для исследователей, на деле оборачиваются чрезвычайной трудностью обозрения всего имеющегося в нашем распоряжении материала. В XIX же веке эта работа была и вовсе не возможна, так как архив Болотова находился в нескольких частных владениях и ему трудно было дать полное систематическое описание.

В настоящий момент отдельные фонды Андрея Тимофеевича Болотова и его семьи представлены в нескольких архивохранилищах.² Примерно седьмая часть всего дошедшего до нас рукописного наследия Болотова приходится на собственно мемуары. Воспоминания Болотова делятся на части, а внутри частей на письма, обращенные к условному «любезному приятелю». Практически все они представляют собой переплетенные томики карманного формата, в 1/8 листа, от 170 до 230 листов в каждой.³ Обычно одна книжка мемуаров содержит одну часть, имеющую свой заголовок и включающую описание событий одного или двух годов. Части последовательно пронумерованы. До нас дошли части с 1 по 29 и с 35 по 37. Части 1, 2, 5–8, 10–12, 14–19 и 36–37 сохранились в двух почти идентичных вариантах (за исключением 1-й и 2-й частей, варианты которых имеют содержательные расхождения). Таким образом, речь идет о 49 единицах хранения. Это 31 единица хранения в РНБ, 12 в ГИМ и 6 в ИРЛИ. Кроме того, в различных архивохранилищах находится еще около десяти рукописей, «примыкающих» к мемуарам Болотова. Некоторые из них имеют характерное название «Продолжение моей жизни» или подобные этому, другие представляют собой подробное описание отдельных событий или лет жизни Болотова, третьи являются дополнениями к ранее созданным воспоминаниям. Часть из них давно и прочно определена как дневниковые записи,⁴ но идентификация отдельных рукописей остается спорной,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00447 А «Подготовка научного издания мемуаров А. Т. Болотова 1760–1780 гг.» на 2018–2020 гг. Рук. А. Ю. Веселова.

¹ Наиболее значимые работы см.: *Венгеров С. А., Щепкина Е. Н.* Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5. С. 90–122 (отдельные ценные замечания по нашей теме соединены с подробным описанием состояния рукописного, в том числе мемуарного, наследия Болотова к концу XIX века); *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988. С. 302–311 (пожалуй, наиболее подробный обзор судьбы болотовского архива и публикаций воспоминаний); *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 66–68 (единственный специальный, хотя и весьма краткий, обзор комплекса мемуаров); *Щеблыгина И. В.* Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. М., 2003. С. 11–30 (последняя по времени попытка развернуто охарактеризовать воспоминания Болотова в контексте жизни мемуариста).

² 171 единица хранения в ОР РНБ, 53 в НИОР БАН, 49 в ИРЛИ, 47 в НИОР РГБ, 23 в ОПИ ГИМ и 12 в РГАЛИ.

³ Так же оформлены почти все рукописные материалы Болотова, кроме некоторых ранних или очень специальных, таких как помологические альбомы.

⁴ В целом комплекс дневников Болотова насчитывает около 40 рукописей за 1766–1827 годы (с серьезными лакунами), также находящихся в разных архивохранилищах. По настоящее время

а некоторые вообще ранее не привлекали внимания исследователей и публикаторов. Поэтому действительные границы корпуса болотовских мемуарных текстов до настоящего времени оставались размытыми, хотя первые попытки разобраться с его составом были предприняты в связи с публикациями воспоминаний еще в XIX веке. Наиболее полным из них по сей день остается издание первых 29 частей в приложении к журналу «Русская старина», осуществленное по инициативе М. И. Семевского (1837–1892), внесшего значительный вклад в собирание, изучение, публикацию и популяризацию мемуаров Болотова.⁵

Таким образом, до сих пор остается нерешенным ряд вопросов, касающихся истории сохранения болотовского мемуарного наследия. В нашей статье будет сделана попытка охарактеризовать корпус воспоминаний Болотова и проследить, какие рукописи дошли до нас и какие именно из них были опубликованы.

Трудно сказать, какую долю составляет дошедшая до нас часть архива Болотова от того, что осталось после смерти Андрея Тимофеевича в 1833 году. Некоторое время его рукописи и книжное собрание продолжали храниться в родовом поместье Дворяниново в Тульской губернии, потом его сын, Павел Андреевич (1771–1850), перевез рукописные сочинения и часть книг в имение своей жены в Орловской губернии.⁶ Внук Болотова, Михаил Павлович (1810–1880), писал Семевскому, что перевозку осуществляли в два приема на восьми подводках и общий вес этой клады составил более 150 пудов. Там, впрочем, они хранились в некотором небрежении, и, по свидетельству того же М. П. Болотова, «многое пострадало от прозорливости крыс».⁷

Однако потомки Болотова довольно быстро осознали ценность его обширного рукописного наследия и занялись его популяризацией,⁸ а также частичной продажей. Начало было положено старшим внуком, Алексеем Павловичем (1803–1853), который в 1838 году забрал часть рукописей мемуаров деда у своего отца, чтобы передать их А. А. Краевскому для публикации в «Отечественных записках»,⁹ где в 1850–1851 годах были напечатаны со значительными сокращениями 6 частей.¹⁰ Самая же первая публикация двух небольших фрагментов из 4-й и 9-й частей состоялась уже в 1839 году в журнале «Сын отечества».¹¹ Нам неизвестно, кто передал материалы редактору журнала Н. А. Полевому, но, вероятно, их предложил тот же Алексей Болотов. Еще три части, с 7-й по 9-ю, также с сокращениями, были напечатаны в 1858 году в журнале «Библиотека для чтения».¹²

эти рукописи почти не публиковались и практически не включались в научный оборот. См. публикацию фрагментов дневника 1812 года: Звезда полей, или Усадебная жизнь бедного дворянина / Публ., предисловие и комм. В. Я. Лазарева и А. Л. Толмачева // Наше наследие. 1994. № 29/30. С. 20–25.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870–1873. Т. 1–4. В настоящей работе рукописи, с которых была осуществлена данная публикация (РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 1–5, 7–29), цитируются по этому изданию, за исключением специально оговоренных случаев.

⁶ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 года // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 40. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Впервые торжественные мероприятия прошли в 100-летний юбилей Болотова в 1838 году, т. е. всего через пять лет после его смерти (подробнее см.: *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. С. 293–296). Несомненно, с этим был связан и первый всплеск общественного интереса к его жизни и творчеству.

⁹ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 года. Л. 1 об. Это были те же самые 29 рукописей, которые впоследствии опубликует Семевский.

¹⁰ Отечественные записки. 1850. Т. 69. № 4. С. 101–180; Т. 70. № 5. С. 1–83; Т. 71. № 7. С. 1–32; Т. 72. № 9. С. 29–52; 1851. Т. 74. № 1. С. 1–144; Т. 75. № 3. С. 25–66; Т. 76. № 5. С. 1–52.

¹¹ Сын отечества. 1839. Т. 8. № 4. С. 61–69; Т. 9. № 5. С. 1–58.

¹² Библиотека для чтения. 1858. Т. 148. № 3. С. 1–70; № 4. С. 71–108; Т. 150. № 7. С. 1–40; Т. 152. № 11. С. 1–64; 1860. Т. 158. № 3. С. 1–28; № 4. С. 1–40. В некоторых рукописях, хранящихся в РНБ, иногда встречаются поздние карандашные пометы, отчеркивающие фрагменты текста, по-видимому, с целью его сокращения. Скорее всего, они были оставлены одним из редакторов для наборщика при подготовке рукописи к публикации. Но сейчас уже трудно определить, какому именно изданию они соответствуют.

После смерти Павла значительную часть архива и библиотеки Болотова получил его второй сын, Михаил Павлович, финансовое состояние которого оставляло желать лучшего (в частности, именно он в 1850 году продал доставшееся ему Дворяниново). М. П. Болотов приступил к реализации своей части наследства и в 1863 году продал большое число рукописей известному собирателю и сотруднику журнала «Русский архив» Н. С. Киселеву (1832–1873). В их числе находились 12 частей мемуаров,¹³ составивших отдельный комплект, параллельный корпусу из 29 частей, остававшемуся в собственности старшей ветви Болотовых. Эти 29 частей вскоре были переданы Семевскому уже правнуками Андрея Тимофеевича, Павлом (1836–1907) и Владимиром (1837–1900) Алексеевичами.¹⁴ В 1870–1871 годах между Киселевым и братьями Семевскими разразилась полемика по поводу прав на публикацию болотовских мемуаров. Но так как каждая из сторон располагала своим комплектом воспоминаний и реальных оснований для взаимных претензий не было, к тому же публикация первого тома в приложении к «Русской старине» уже состоялась, Киселев был вынужден отказаться от намерения оспаривать права на публикацию, и принадлежавшие ему части так и не были напечатаны.¹⁵

Публикуя имевшиеся в его распоряжении рукописи, Семевский описал работу Болотова над воспоминаниями как движение от черновика к белой рукописи: «Все 29 частей писаны рукой Болотова почти без малейших помарок. Последнее обстоятельство объясняется тем, что каждый томик предварительно напечатывался автором вчерне и затем им же самим переписывался».¹⁶ Между тем сам Болотов утверждал, что его мемуары представляют собой «прямо набело писаное сочинение». Эта формулировка впервые встречается в «Предуведомлении» к воспоминаниям,¹⁷ и впоследствии Болотов неоднократно повторял ее. По его собственному свидетельству, от практики написания мемуаров «прямо набело» он вынужден был отказаться по состоянию здоровья только в 1825 году, в возрасте 87 лет, при работе над одной из последних частей, которую впервые начал писать «наперед уже начерно, а потом уже переписывать набело».¹⁸

Нам представляется, что восприятие киселевского собрания как чернового сформировалось именно в ходе полемики братьев Семевских с Киселевым. В частности, Семевские заручились письмом В. А. Болотова, в котором судьба мемуарного наследия его прадеда излагалась следующим образом: «После смерти А. Т. Болотова в 1833 г. старшему внуку его, а моему отцу — Алексею Павловичу достались двадцать девять томиков записок его жизни, переписанные им самим набело. Затем в 50-х годах, при разборе его библиотеки, досталось младшему внуку его, т. е. моему дяде Михаилу Павловичу, несколько томиков трудов А. Т. с разными черновыми рукописными заметками и рассказами, которые по просьбе В. Ф. Самарина дядя мой продал г. Киселеву. Я же уступил вам для напечатания в издаваемом вами журнале „Русская старина“ двадцать девять томиков — именно те, которые окончательно набело написаны моим прадедом...».¹⁹ В разгар полемики с Киселевым трактовка его комплекта мемуаров как черновики явно имела для издателей «Русской старины» принципиальный характер. Например, по поводу существовавших тогда намерений Киселева опубликовать свои части в «Русском архиве», редакция «Русской старины» не без иронии отмечала: «...можем ли мы иметь что-нибудь против того, чтобы читатели „Р. Ар.“ прочитали, хотя бы в черновых набросках и отдельных заметках, то, что подписчики

¹³ Заявление Николая Киселева // Русский архив. 1870. № 12. Стлб. 3–5; Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 года. Л. 2.

¹⁴ Семевский М. И. Предисловие // Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. X.

¹⁵ Подробнее см.: Венгеров С. А., Щепкина Е. Н. Болотов Андрей Тимофеевич. С. 122; Таковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. С. 67.

¹⁶ Семевский М. И. Предисловие // Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. V.

¹⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. Стлб. 2.

¹⁸ Продолжение описания жизни Андрея Болотова, сочиненное им самим для своих потомков. Ч. 36 // РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 30. Л. 2 об. — 3.

¹⁹ Опубликовано в разделе «Мелочи»: Русская старина. 1871. Т. 3. Январь. С. 115.

„Р. Ст.“ получают уже вполне, в издании белой, собственной руки, окончательно отделанной рукописи Андрея Тимофеевича Болотова».²⁰

Эта трактовка была подкреплена авторитетом М. П. Болотова, который в письме Семевскому от 14 октября 1873 года так характеризует проданные им десять лет назад рукописи: «В число рукописей, проданных Киселеву, поступило более 30 томов Журнала всенедельных событий (из которых последние года с 1825 года писаны так связно, что вряд ли кто разберет их) и несколько томов черновых, измаранных его записок, которые, как Вам известно, составлялись из журнала, а с них он уже переписывал набело».²¹ Наконец, в опубликованном в том же году в «Русской старине» описании собрания Киселева был приведен еще более категоричный и вносящий путаницу комментарий М. П. Болотова: «...записки он составлял из подробно веденного им „Чернового журнала всенедельных событий“, которых было более 50 томов; из них 39 проданы мною гг. Киселеву и Самарину».²² Далее приводится опись этих 39 томов, из которых собственно дневниковые записи составляют только 8 позиций, зато в начале перечня находятся принадлежавшие Киселеву части болотовских мемуаров.²³ Хотя неточность этой характеристики очевидна, по итогам полемики начала 1870-х годов прочно утвердилось отношение к киселевскому собранию мемуаров как к черновикам. Как «черновые наброски записок» их характеризует С. А. Венгеров,²⁴ А. Г. Тартаковский называет эти рукописи «черновой автограф нескольких частей мемуаров»,²⁵ а А. П. Бердышев даже «черновыми дневниками».²⁶ Это собрание в дальнейшем сохраняло единство (в настоящее время оно находится в ГИМ),²⁷ но практически не использовалось для исследования болотовского рукописного наследия. Единственный известный нам случай обращения к нему — это указание на частичную сверку с рукописями из ГИМ в предисловии к изданию мемуаров 1931 года.²⁸

Анализ обоих комплектов рукописей мемуаров и изучение истории их создания привели нас к выводу, что сам Болотов не считал никакие из этих текстов черновиками, но в какой-то момент начал создавать авторские копии оригиналов на случай утраты или чтобы иметь возможность давать читать свои воспоминания друзьям и родственникам. Впрочем, этот вопрос требует отдельного подробного освещения, что не может быть сделано в рамках данной статьи и заявленной темы.

После передачи издателям двух крупнейших комплектов в распоряжении у потомков А. Т. Болотова оставалось еще несколько рукописей мемуаров, о чем свидетельствует приобретение в 1886 году Семевским у тех же правнуков частей с 35-й по 37-ю, которые, по его словам, были «найденны у родных».²⁹ О подготовке их к печати говорят снятые в 1880-х годах копии, которые хранятся в ИРЛИ.³⁰ Но в итоге,

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 года. Л. 2.

²² Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // Русская старина. 1873. Т. 8. Ноябрь. С. 748.

²³ Там же. Опись приведена как редакционная вставка в воспоминания М. П. Болотова с пометой: «Сообщена г. Н. Киселевым».

²⁴ Венгеров С. А., Щепкина Е. Н. Болотов Андрей Тимофеевич. С. 113.

²⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. С. 67.

²⁶ Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. С. 305–306.

²⁷ Наследники Киселева продали эти части археографу С. О. Долгову (1857–1925), в собрании которого они находились до 1921 года, когда были им переданы в ГИМ, что указано в описи болотовского фонда (см.: ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 1–12).

²⁸ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. статья С. Н. Ронского; прим. П. Жаткина. М.; Л., 1931. Т. 1. С. LI. Следует отметить, что, хотя следов этой сверки почти не обнаруживается, даже поверхностное знакомство с рукописями из ГИМ привели коллектив, готовивший данное издание, к выводу, что они представляют собой оригиналы воспоминаний (Там же).

²⁹ Продолжение описания жизни Андрея Болотова... / Предисловие М. И. Семевского // Русская старина. 1889. Т. 62. Июнь. С. 537.

³⁰ Продолжение описания жизни Андрея Болотова. Ч. 35, 36, 37. Копия // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 33.

по неизвестным причинам, из них были опубликованы только небольшие фрагменты в журнале.³¹

Таким образом, практически все дошедшие до настоящего времени рукописи мемуаров уже к концу XIX века вышли из собственности потомков А. Т. Болотова, что, на наш взгляд, много способствовало не только изданию части из них, но и сохранности болотовского мемуарного наследия.³² С другой стороны, распределение этих рукописей по разным владельцам (и, как следствие, в настоящее время по разным архивам) составляло и составляет серьезную трудность для исследователя.

Одним из наиболее существенных и не решенных до настоящего времени оставался вопрос о числе частей и хронологических рамках мемуаров, по поводу чего высказывались разные предположения. Показательно, что Семевский в 1870 году в предисловии к мемуарам Болотова обошел молчанием эту тему, указав лишь, что, «начав первый том в 1789 году, Болотов двадцать девятую его часть оканчивает в 1816 году».³³ Главный же его информатор, М. П. Болотов, затруднился ответить на заданный Семевским вопрос: «На каком именно годе он остановил свои записки в виде писем к другу, достоверно сказать не могу; но помнится, что он покончил их на 1810 или 1811 годе, ибо он мне рассказывал, что описал подробно поездку свою в Орел и мое рождение».³⁴ Судя по описи киселевских рукописей, последней частью из воспоминаний, принадлежавших М. П. Болотову, была 20-я,³⁵ поэтому не удивительно, что он не знал точно, до какого года они были доведены. Кроме того, Михаил Павлович совершил характерную ошибку, смешав мемуары и дневниковые записи Болотова: его поездка в орловское имение сына, состоявшаяся летом 1810 года, действительно была им подробно описана, но в форме дневника,³⁶ а воспоминания до этого времени так и не были доведены.

Сообщая в 1889 году о приобретении новых частей воспоминаний, Семевский также сблизил мемуары и дневники, перечислив их в одном ряду: «...мы в 1886 г. получили <...> еще пять книжечек второй обработанной А. Т. Болотовым редакции его „Записок“, и именно части 35, 36, 37-ю, заключающие в себе его рассказ о 1799–1802 гг., затем особые томики, заключающие описание 1802 г. с 7 октября и 1805 г. жизни этого писателя; таким образом, между 1795-м годом, на котором прерываются записки Болотова, изданные при „Русской старине“ 1870–1873 гг., и текстом теперешнего продолжения описания жизни Андрея Болотова — пробел в четыре года; к нему относятся имеющийся у нас от г. Киселева дневник Болотова».³⁷ Рукопись, которую Семевский называет «описанием 1802 г. с 7 октября» — это, несомненно, дневник, хотя и выполненный в довольно оригинальной форме. Начиная с 7 октября 1802 года, когда Болотову исполнилось 64 года, он начал составлять своего рода «юбилейный сборник»: отдельный и очень подробный дневник 65-го года своей жизни, причем в эпистолярной форме и параллельно с обычным дневником.³⁸ По степени подробности

³¹ Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков // Русская старина. 1889. Т. 62. Июнь. С. 535–576; 1892. Т. 76. Октябрь. С. 23–30; 1895. Т. 84. Август. С. 135–155. Семевский умер в марте 1892 года, т. е. два последних выпуска вышли уже после его смерти.

³² Вообще, значительные лакуны в наследии Болотова связаны с утратой тех рукописей, которые продолжали оставаться во владении у разных линий его наследников до начала XX века. См., например: *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. С. 298–299.

³³ *Семевский М. И.* Предисловие. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 1. С. IV.

³⁴ *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. С. 748.

³⁵ Там же.

³⁶ *Болотов А. Т.* Журнал за 1810–1811 годы // РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 40. Впрочем, судя по той же описи, этого дневника также не было во владении М. П. Болотова.

³⁷ Продолжение описания жизни Андрея Болотова... / Предисловие М. И. Семевского. С. 537.

³⁸ *Болотов А. Т.* 65-й год моей жизни. 7 октября 1802. Ч. 1 // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 11. Л. 2–3 об. Первое письмо из этого дневника опубликовано: 65-ой год моей жизни, или Подробное описание всего происходившего со мною с 7 числа октября 1802 г. Часть 1. Письмо первое / Публ. И. Морозова и А. Кучерова // Лит. наследство. 1933. Т. 9/10. С. 166–172. Возможно, путаница возникла еще и потому, что в 37-й части воспоминаний, заканчивающейся описанием событий 1802 года, последнее 378-е письмо также имеет подзаголовок «65-й год моей жизни».

и беллетризации этот текст приближается к мемуарам, но в основе его лежит принцип подневных записей, и сам Болотов относит его к «запискам и журналам», которые он вел на протяжении многих лет.³⁹ В целом же складывается впечатление, что для Семевского в 1880-е годы скорее было важно воссоздать все этапы жизни Болотова и хронологически заполнить имевшиеся в комплексе рукописей лакуны, а не соблюсти цельность мемуарного текста. Кроме того, в известии 1889 года путаницу вносило определение поздних частей как «второй редакции» воспоминаний (под первой редакцией в данном случае Семевский понимал дневники Болотова), хотя в дальнейшем «Русская старина» отказалась от этой характеристики.⁴⁰ Таким образом, однозначного вывода о составе воспоминаний издатели «Русской старины» не сделали.

Отсутствие в главной публикации болотовских мемуаров точных сведений об их полном объеме повлияло на всю последующую историографию. Показательно, что в очерке жизни и творчества Болотова в словаре Венгерова по этому поводу содержатся противоречивые утверждения. В биографической статье, написанной Е. Н. Щепкиной, автор отмечает, что мемуары были доведены до 1805 года, а все описания последующих лет жизни Болотова представляют собой дневниковые записи.⁴¹ В то же время сам Венгеров в библиографическом приложении к статье все эти дневники за 1805–1828 годы называет «продолжением записок», следующим за изданными «Русской стариной» четырьмя томами воспоминаний, как бы игнорируя и наличие поздних частей мемуаров, и тот факт, что дневники велись Болотовым задолго до 1805 года и воспоминания создавались параллельно.⁴²

Не получил удовлетворительного решения вопрос о составе мемуаров и в дальнейшем. Так, в биографической статье о Болотове в «Словаре русских писателей XVIII века», по сути подводящей итог изучению болотовского творчества в советской филологической науке, представлена информация, отражающая точку зрения издателей «Русской старины» еще 1870-х годов: «Работа над записками началась в 1789 и продолжалась в течение нескольких десятилетий. Повествование в них, по свидетельству М. П. Болотова, внука Б., было доведено до 1812, в сохранившейся же и опубликованной части — до 1795».⁴³ Бердышев в опубликованной в том же 1988 году биографической книге о Болотове констатирует существование поздних частей мемуаров, но делает безапелляционный вывод о том, что «сил и здоровья Андрею Тимофеевичу для продолжения работы не хватило, и 37-й частью „Записки“ окончились».⁴⁴

К абсолютно верному, как будет показано далее, заключению приходит в своей монографии о русских мемуарах Тартаковский, отмечая, что всего Болотов «написал 39 частей мемуаров и начал 40-ю».⁴⁵ Однако он не подкрепляет это никакой аргументацией, а отсылки к болотовским рукописям в его работе имеют обзорный характер и тоже, к сожалению, не всегда точны. Так, к корпусу текстов 35–37-й частей он относит описание событий не только 1799–1802 годов (что верно), но и 1805 года,⁴⁶ хотя в 37-й части воспоминания доведены только до 1802 года. В вопросе же о годе, на описании которого завершались мемуары, Тартаковский склонен опираться на приведенное выше свидетельство М. П. Болотова, принимая за дату окончания 1811 год без дополнительных обоснований.⁴⁷

Уже в XXI столетии И. В. Щеблыгина сделала попытку механически соединить разные точки зрения. Утверждая, что мемуары Болотова писались до 1816 года (за-

³⁹ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁰ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. От редакции // Русская старина. 1895. Т. 84. Август. С. 135.

⁴¹ Венгерова С. А., Щепкина Е. Н. Болотов Андрей Тимофеевич. С. 104.

⁴² Там же. С. 108–109.

⁴³ Лазарчук Р. М. Болотов Андрей Тимофеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 117.

⁴⁴ Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. С. 309.

⁴⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. С. 66.

⁴⁶ Там же. С. 67 и прим. 170–171.

⁴⁷ Там же. С. 67.

вершение работы над 29-й частью),⁴⁸ автор монографии затем упоминает о поздних частях, доводящих воспоминания до 1805 года,⁴⁹ но при этом рассматривает рукопись под названием «65-й год моей жизни» как отрывок из мемуаров.⁵⁰ Наконец, в книге вообще не делается различий между весьма разнородными по характеру рукописями Болотова из фонда ИРЛИ, озаглавленными в описи «Продолжение описания жизни Андрея Болотова» и датированными (также по описи) временем после 1805 года: автор, по-видимому, считает их «продолжением» мемуаров за последующие годы, что неверно.⁵¹

Между тем прояснению вопроса о составе болотовских воспоминаний может способствовать обращение к рукописи «Автобиографии» Болотова, написанной им в 1821 году для словаря митрополита Евгения.⁵² О своих мемуарах Болотов в третьем лице пишет следующее: «Он начал труд сей еще в 1789 году и продолжая по сие время написал уже 34 книги, но она далеко еще не вся кончена, а по временам продолжается».⁵³ В 1836 году в орловском имении П. А. Болотова с «Автобиографии» была снята копия, в которой переписчиком на полях в соответствующем месте была сделана помета «а всего 39 частей».⁵⁴ Копия была сделана, по-видимому, для подготовки к публикации первой печатной биографии Болотова, увидевшей свет в 1838 году. В разделе «неизданные рукописи» в этой биографии было указано: «22) Описание собственной своей жизни, 39 ч.»⁵⁵ Та же информация повторяется в 1839 году в примечании первого публикатора мемуаров Болотова, которым, вероятно, был Полевой, скрывавшийся под именем «Редакции „Сына Отечества“».⁵⁶ Наконец, наиболее авторитетным, на наш взгляд, является собственноручное примечание П. А. Болотова, несомненно лучшего знатока болотовских рукописей после самого автора, на оттиске первой биографии его отца, в котором к указанию «22) Описание собственной своей жизни, 39 ч.» было добавлено «и начата 40-ая часть».⁵⁷

Таким образом, доказанным можно считать тот факт, что Болотов написал 39 частей мемуаров и начал 40-ю, где довел изложение событий своей жизни до 1805 года включительно (именно это утверждала и такой авторитетный исследователь болотовского наследия, как Щепкина). Семь из этих частей не сохранились, причем ответственность за это в основном ложится на ближайших родственников Болотова. В одном из писем жене П. А. Болотов недвусмысленно обвиняет ее в изъятии из библиотеки отца пяти частей мемуаров, в которых было описано их сватовство и родственные визиты.⁵⁸ Это, несомненно, несохранившиеся 30–34-я части, излагавшие события 1796–1799 годов. С этим известием перекликается сообщение М. П. Болотова в письме Семевскому, который о соответствующих частях пишет, что они были уничтожены его матерью, Марией Федоровной Болотовой (урожд. Ошаниной, 1778–1858), причем связывает этот прискорбный факт с отбором в 1838 году частей для предполагаемой

⁴⁸ Щеплыгина И. В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. С. 12.

⁴⁹ Там же. С. 17–18.

⁵⁰ Там же. С. 18. Здесь Щеплыгина опирается на точку зрения, высказанную в публикации первого письма из этой рукописи в 1933 году, которая явно основывается на утверждениях «Русской старины» 1889 года.

⁵¹ Там же. С. 18, прим. 19.

⁵² Болотов А. Т. Автобиография // НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.1. В словаре митр. Евгения был опубликован другой текст.

⁵³ Там же. Л. 7.

⁵⁴ Болотов А. Т. Краткая биография для словаря Евгения. 1821 (копия 1836 г.) // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 22. Л. 20 об.

⁵⁵ [Б. п.]. Андрей Тимофеевич Болотов // Земледельческий журнал. 1838. № 5. С. 197.

⁵⁶ Сын отечества. 1839. Т. 8. № 4. С. 61.

⁵⁷ Оттиск хранится: ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 36; опубли.: Замечания Павла Андреевича Болотова на полях отдельного оттиска «Андрей Тимофеевич Болотов» из «Земледельческого журнала», 1838, № 5, с. 183–197 // Биография А. Т. Болотова / Предисловие С. В. Михалевой. Тула, 1997. С. 24.

⁵⁸ Письмо П. А. Болотова жене от 10 июля 1833 года. См.: Козлов С. А. Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. С. 41.

публикации: «...ей не желалось, чтобы некоторые семейные обстоятельства, касающиеся ее родных и знакомых, когда-либо известны были посторонним».⁵⁹

Сохранность рукописей болотовских мемуаров может быть определена как весьма хорошая. Очевидно, их ценность хорошо осознавалась наследниками: в отличие от многих других рукописей Болотова томики воспоминаний не имеют следов порчи. Исключение — рукопись 14-й части,⁶⁰ в которой отсутствует титул и первое в этой части (141-е) письмо. Возможно, в данном случае мы также имеем дело с «родственной цензурой», поскольку первая тетрадка рукописи, по-видимому, была вырезана из уже переплетенного А. Т. Болотовым томика.⁶¹ Изредка подобного характера (но менее значительные) лакуны встречаются и в других рукописях. Примером может быть вторая половина 134-го письма, также утраченная. Семевский по этому поводу отметил: «...окончание письма (стр. 157–182 рукоп.), как заключающее в себе какую-то неладную семейную подробность, лет 30-ть тому назад уничтожено одною из госпож Болотовых».⁶² С «родственной цензурой» вполне может быть связана и утрата несохранившихся 38-й и 39-й частей. По крайней мере, когда в 1870-х годах Семевский целенаправленно искал оставшиеся части мемуаров Болотова, обращаясь ко всем линиям его потомков и даже к соседям и знакомым, он получил от наследников только 35–37-ю части. То есть 38-я и 39-я к тому моменту или уже пропали, или сознательно не были отданы издателю.⁶³

В таблицах 1–3 приводится перечень сохранившихся рукописей, распределенных по архивам. Он резюмирует основные наблюдения настоящей статьи: мемуары состояли из 39 завершенных и незаконченной 40-й части; семь из них утрачены; значительное число частей продублировано копиями, которые составили основу корпуса мемуаров, опубликованных в «Русской старине» в 1870–1873 годах и отложились в ОР РНБ; соответствующие им «прямо набело писанные» оригиналы, большая часть которых составила в свое время «киселевский» комплект рукописей, находятся, главным образом, в ОПИ ГИМ. Более детальное рассмотрение рукописей, вскрытие причин и обстоятельств копирования воспоминаний, характеристика оригиналов и копий как отдельных частей единого мемуарного наследия Болотова требуют специального изучения истории создания этого обширного сочинения, которая занимает почти половину столетия. В таблице 4 приведены болотовские рукописи (за вычетом дневниковых записей), которые, по мнению авторов настоящей статьи, являются частью корпуса мемуаров Болотова, но не входят непосредственно в его жизнеописание.

Табл. 1. РНБ. Фонд 89

Ед. хр.	Лл.	Заглавие (по рукописи)	Дата и место написания (по рукописи)
1	199	Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Ч. I ⁶⁴	1789
2	203	Жизнь и приключения... Ч. II	1789

⁵⁹ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 года. Л. 1 об. Судя по тому, что ниже М. П. Болотов пишет, что после смерти отца он именно у матери «выпросил» рукописи деда, М. Ф. Болотова оказала заметное влияние на судьбу болотовского рукописного наследия.

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 1.

⁶¹ Впрочем, в дублирующей рукописи 14-й части (РНБ. Ф. 89. № 15) 141-е письмо сохранилось и вошло в издание Семевского (Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 2. Стлб. 927–947).

⁶² Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 2. Стлб. 820. Вероятно, имеется в виду все та же М. Ф. Болотова.

⁶³ В данном случае нельзя исключать и более поздние утраты, которые тоже случались. Например, в настоящее время отсутствует рукопись 20-й части, напечатанной Семевским (Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3. Стлб. 873–1050). Впрочем, существует ее дубликат (ОПИ ГИМ. Ф. 349. Ед. хр. 12).

⁶⁴ Далее в таблицах сокращенно: Жизнь и приключения...

3	201	Жизнь и приключения... Ч. III	1789
4	196	Жизнь и приключения... Ч. IV	1789
5	213	Жизнь и приключения... Ч. V	1790
6	206	Жизнь и приключения... Ч. V	Б. д. и б. м.
7	215	Жизнь и приключения... Ч. VI	Сочинена в 1790, переписана в 1801
8	203	Жизнь и приключения... Ч. VII	Сочинена в 1792–1800, переписана в 1801
9	212	Жизнь и приключения... Ч. VIII	Сочинена в 1800, переписана в 1801
10	228	Жизнь и приключения... Ч. IX	Сочинена в 1800, переписана в 1805
11	218	Жизнь и приключения... Ч. X	Дворяниново, сочинена в 1801, переписана в 1805
12	205	Жизнь и приключения... Ч. XI	Дворяниново, сочинена в 1801, переписана в 1805
13	210	Жизнь и приключения... Ч. XII	Дворяниново, сочинена в 1802, переписана в 1805
14	212	Жизнь и приключения... Ч. XIII	Дворяниново, 1802–1805
15	213	Жизнь и приключения... Ч. XIV	1807
16	207	Жизнь и приключения... Ч. XV	Дворяниново, сочинена в 1807–1808, переписана в 1809
17	203	Жизнь и приключения... Ч. XVI	Дворяниново, сочинена в 1808, переписана в 1809–1810
18	206	Жизнь и приключения... Ч. XVII	Дворяниново, сочинена в 1808–1809, переписана в 1810
19	212	Жизнь и приключения... Ч. XVIII	Дворяниново, сочинена в 1809, переписана в 1810
20	206	Жизнь и приключения... Ч. XIX	Дворяниново, сочинена в 1809, переписана в 1811
21	206	Жизнь и приключения... Ч. XXI	Дворяниново, сочинена в 1809–1810, переписана в 1811
22	198	Жизнь и приключения... Ч. XXII	Дворяниново, 1810
23	209	Жизнь и приключения... Ч. XXIII	Дворяниново, 1810
24	208	Жизнь и приключения... Ч. XXIV	Дворяниново, 1810–1811
25	209	Жизнь и приключения... Ч. XXV	Дворяниново, 1811
26	204	Жизнь и приключения... Ч. XXVI	Дворяниново, 1811
27	213	Жизнь и приключения... Ч. XXVII	Дворяниново, 1812
28	200	Жизнь и приключения... Ч. XXVIII	Дворяниново, 1812–1813
29	211	Жизнь и приключения... Ч. XXIX	Дворяниново, 1813–1816
30	178	Продолжение описания жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для своих потомков. Часть 6, а с начала 36	Дворяниново, 1824–1825
31	202	Продолжение описания жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для своих потомков. Часть 7, а с начала 37	Дворяниново, 1825–1826

Табл. 2. ОПИ ГИМ. Фонд 349

Ед. хр.	Лл.	Заглавие (по рукописи)	Дата и место написания (по рукописи)
1	196	Жизнь и приключения... Ч. I	1789
2	264	Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные самим им	Б. д. и б. м.
3	219	Жизнь и приключения... Ч. VI	Богородицк, 1790
4	204	Жизнь и приключения... Ч. VII	1792–1800
5	205	Жизнь и приключения... Ч. VIII	1800
6	207	Жизнь и приключения... Ч. X	Дворяниново, 1801
7	197	Жизнь и приключения... Ч. XI	Дворяниново, 1801
8	206	Жизнь и приключения... Ч. XII	Дворяниново, 1802
9	205	Жизнь и приключения... Ч. XVII	Дворяниново, 1808–1809
10	208	Жизнь и приключения... Ч. XVIII	Дворяниново, 1809
11	204	Жизнь и приключения... Ч. XIX	Дворяниново, 1809
12	197	Жизнь и приключения... Ч. XX	Дворяниново, 1809

Табл. 3. ИРЛИ. Фонд 537

Ед. хр.	Лл.	Заглавие (по рукописи)	Дата и место написания (по рукописи)
1	178	Без титула ⁶⁵ [Жизнь и приключения... Ч. XIV]	1807
2	208	Жизнь и приключения... Ч. XV	1807–1808
3	198	Жизнь и приключения... Ч. XVI	Дворяниново, 1808
4	206	Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанные <sic!> самим им для своих потомков. Часть 5 или с начала 35	Дворяниново, 1821–1822
5	206	Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанные <sic!> самим им для своих потомков. Часть 6 или с начала 36	Дворяниново, 1822–1825
6	224	Без титула ⁶⁶ [Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанной самим им для своих потомков. Часть с начала 37]	Б. д. и б. м.
8	72	Без титула ⁶⁷	Б. д. и б. м.

⁶⁵ Начало рукописи утрачено. Здесь и далее в квадратных скобках заглавие дается по описи, так как титульный лист отсутствует.

⁶⁶ На корешке: Описание жизни Андрея Болотова. Часть 37.

⁶⁷ Под крышкой переплета другим почерком: «Отрывок из продолжения истории жизни А. Т. Болотова (1805 года), скончавшегося 3 окт. 1833». Вопрос о месте этой рукописи в корпусе мемуаров Болотова требует специального рассмотрения.

Табл. 4. ИРЛИ. Фонд 537

Ед. хр.	Лл.	Заглавие (по рукописи)	Дата и место написания (по рукописи)
26	16	Некоторые замечания и дополнения к истории моей жизни. Написанные в течение моего 90 года рождения	Дворяниново, 1827
27	8	Краткое описание моей жизни, состоящее в сокращенных записках всего того, что со мною во все годы продолжения моей жизни, достопамятного или несколько особенного происходило	Б. д. и б. м.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-75-79

© В. С. Полилова

ДВА МАВРИТАНСКИХ РОМАНСА В ПЕРЕВОДЕ Р. Т. ГОНОРСКОГО*

В первом номере «Русской литературы» за 2018 год было опубликовано сообщение К. С. Корконосенко об обнаружении ранее неизвестного историкам литературы перевода на русский язык испанского мавританского романа «Заид и Заида» (1816), выполненного Разумником Тимофеевичем Гонорским (1791–1819).¹ Сведения об этом переводе уже включены в библиографию «Испанская литература в России первой четверти XIX в.».²

Находка имеет большое значение не только потому, что «Заид и Заида» Гонорского оказывается вторым после карамзинского «Графа Гвариноса» (опубл. 1792) переводом на русский язык из испанского романсеро, но и по более важной причине: стихотворение Гонорского претендует на статус «первого прямого перевода с испанского языка в русской печати».³

Немного забегаая вперед, скажем, что факт исполнения перевода с испанского оригинала не вызывает сомнений.

Вскоре после обнаружения «Заида и Заиды» выяснилось, что Гонорский перевел еще один испанский мавританский романс, который также прежде не был учтен в исследовательской литературе. Речь идет о романсе «Ток зеленый, Ток зеленый! / Сколько тел ты поглотил...», напечатанном в том же издании, что и «Заид и Заида», — «Украинском вестнике», но двумя месяцами позже.⁴ Укажем также на переиздание обоих романсов в «Опытах в прозе Разумника Гонорского с присовокуплением

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01701) в Институте мировой культуры МГУ.

¹ См.: Корконосенко К. С. Ранний перевод с испанского языка: романс «Заид и Заида» (1816) // Русская литература. 2018. № 1. С. 240.

² См.: Корконосенко К. С. Испанская литература в России первой четверти XIX в.: библиография // Из истории русской переводной художественной литературы: Сб. статей и материалов. СПб., 2017. С. 450.

³ Корконосенко К. С. Ранний перевод с испанского языка: романс «Заид и Заида» (1816).

⁴ Гонорский. «Ток зеленый, Ток зеленый!...»: Романс (с Испанского) // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 11. Ноябрь. С. 218–221. Описание романа включено в библиографию «Испанская литература в русских переводах и критике» (Сост. К. С. Корконосенко. СПб., 2019. С. 66, № 227). См. также вводную статью в этом издании: Корконосенко К. С. История перевода испанской литературы как процесс // Там же. С. 16.

двух Сонетов, двух Романсов и одной Фантазии». Книга была опубликована в харьковской Университетской типографии в 1818 году (цензурное разрешение от 24 ноября 1817 года), тексты романсов соответствуют журнальным публикациям за исключением замены в переводе «Ток зеленый!..» в 12 строке «здесь» на «тут», незначительных отклонений в пунктуации и орфографии и того, что второму стихотворению Гонорский добавил заглавие «Другой Романс».⁵ И в журнале, и в «Опытах...» в подзаголовках переводов даны начальные слова испанских оригиналов «Por la calle de su dama etc.» и «Rio verde, rio verde, etc.» (sic!), а после них — помета: «С Ишпанскаго».⁶

Мавританский романс «Río verde, río verde / cuanto cuerpo en tí se baña...», переведенный Гонорским, не менее знаменит, чем «Заид и Заида», и происходит из того же источника.⁷ Оба известны благодаря «Повести о раздорах Сегри и Абенсеррахов, мавританских рыцарей из Гранады» («Historia de los vandos de los Zegries y Abencerrages, caballeros moros de Granada», 1595) Хинеса Переса де Иты,⁸ куда были включены наряду со многими другими.

Указав на «Повесть...» («Определенно, это близкий к тексту, но сокращенный перевод версии народного романа, представленной в „Повести...“»⁹), Корконосенко не поставил вопрос о том, позаимствовал ли Гонорский текст «Заида и Заиды» непосредственно у Переса де Иты или же нашел его в каком-то ином источнике. Ответить на него, безусловно, необходимо и, к счастью, после обнаружения перевода «Río verde...» не составляет труда: сам Гонорский сопроводил публикацию примечанием, разрешающим все возможные сомнения: «Сей Романс переведен на разные языки, между прочим на Немецкий Гердером и находится в его *Народных песнях* под названием *Кровавый поток*. Однакож Бланкенбург (по словам Эшенбурга) справедливо замечает, что первые слова *Río verde* не должно понимать *зеленая вода*; потому что это собственное имя одной реки. В Русском переводе можно было бы вместо первого стиха: *ток зеленый, ток зеленый* поставить *ток кровавый, ток кровавый*; но от этого смысл не сделался правильнее. Правда, что зеленая вода предполагает болотную воду, а сие не соответствует стиху:

Y tus ondas cristalinas¹⁰
С чистою твоею струею;

но я хотел в этом случае последовать Немецкому переводу, в котором стоит так: *grüner Strom*;¹¹ другой начинается *grüne Wellen*;¹² но это совершенно ложно, как явствует из вышесказанного. *Г<онорский>*».¹³

⁵ См.: Опыты в прозе Разумника Гонорского с присовокуплением двух Сонетов, двух Романсов и одной Фантазии. Харьков, 1818. С. 119–124. Ср. названия переводов из Петрарки: «Петраркин Сонет» и «Другой Сонет».

⁶ Сообщенные нами сведения о републикации романсов в «Опытах...» Корконосенко включил в библиографию «Испанская литература в русских переводах и критике», упомянутую в прим. 4.

⁷ Информацию о разных версиях и фиксациях народного романа см. в базе данных «Pan-Hispanic Ballad Project»: <https://depts.washington.edu/hisprom/optional/balladaction.php?igrh=0091> (дата обращения: 31.10.2019).

⁸ Роль этой книги в литературе романтизма и предромантизма и особенности ее рецепции хорошо описаны в литературе. См., например, обзор: *Hoffmeister G. Exoticism: Granada's Alhambra in European Romanticism // European Romanticism: Literary Cross-currents, Modes, and Models. Detroit, 1990. P. 113–126.*

⁹ *Корконосенко К. С.* Ранний перевод с испанского языка: романс «Заид и Заида» (1816).

¹⁰ И твои прозрачные (буквально — хрустальные) волны (*исп.*). Здесь и далее перевод мой. — *В. П.*

¹¹ зеленый поток (*нем.*)

¹² зеленые волны (*нем.*)

¹³ *Гонорский.* «Ток зеленый, Ток зеленый!..». С. 221.

Обратившись к хрестоматии И. И. Эшенбурга,¹⁴ можно обнаружить, что в пятом томе раздел «Spanische Romanzen» занимает десять страниц и содержит испанские тексты именно двух переведенных Гонорским на русский язык романсов мавританского цикла. Эшенбург дает их вместе с параллельными немецкими переводами И. Г. Гердера из первого тома «Народных песен» («Volkslieder», 1778), куда «Zaid und Zaida» («Durch die Strasse seiner Dame...») и «Der blutige Strom» («Grüner Strom, du rinnst so traurig...») были включены наряду с другими романсами из «Повести о Сегри́ и Абенсеррахах». Также Эшенбург указывает в небольших пояснительных справках на другие немецкие и английские переводы и статьи о романсеро. В частности, он упоминает «Журнал испанской и португальской литературы» Ф. Ю. Бертуха, где, как давно установлено, Карамзин нашел немецкий перевод «Графа Гвариноса»,¹⁵ а также «Собрание старинной английской поэзии» епископа Томаса Перси («The Reliques of Ancient English Poetry», 1765).

Итак, как видно, из Эшенбурга Гонорский почерпнул испанские тексты романсов, их Гердеровы переводы (хотя, конечно, ему могло быть доступно и отдельное издание «Народных песен»), а кроме того, сведения о существующих переводах Томаса Перси на английский, что, вероятно, нашло отражение во фразе «Сей Романс переведен на разные языки».

Если у Гердера кроме переводов «Río verde, Río verde...» и «Zaide y Zaida» можно найти множество других переводов из романсеро, то Эшенбург в выборе текстов для своей хрестоматии полностью последовал за Томасом Перси. В «Собрании...» 1765 года в качестве образцов жанра представлены только эти два занимающие нас текста, извлеченные из «Повести...» Переса де Иты. Для общеевропейской истории романсеро также важно, что Перси дал две модели обращения с испанским материалом: точный перевод и имитацию. В «Gentle River, Gentle River...» он стремился воспроизвести оригинал «настолько точно, насколько позволяла природа двух языков».¹⁶ А с «Заидом и Заидой» поступил обратным образом: этот романс был использован как общий ориентир для английской имитации («moorish tale imitated from the Spanish»¹⁷), где оказалось изменено даже имя заглавного героя: «Заид и Заида» были превращены в «Алькансора и Заиду» («Alcanzor and Zayda»), а текст удлинился в два раза. Перси дал точное указание на источник, так что читатели, в том числе Гердер и Эшенбург, опиравшиеся на «Собрание...», без труда могли найти оригинал английской перделки: «В нижеследующей (балладе. — В. П.) принят более общий подход. Испанское стихотворение, которое в основном имелось в виду, сохранилось в той же „Истории Гражданских войн в Гранаде“, гл. 22, и начинается со строк: Por la calle de su dama, Passeando se anda, etc.».¹⁸

Опыты Перси прямо отразились у Гердера: он включил в свои «Народные песни» не только немецкую версию «Заида и Заиды», сделанную с испанского, но и перевод английской имитации.¹⁹ Так один романс из «Повести...» Переса де Иты раздвоился в европейской литературе на «Заида и Заиду» и «Алькансора и Заиду».

Для нас особенно важно, что у Перси, Гердера, Эшенбурга и Гонорского текст «Río verde...» немного сокращен. Везде отсутствуют шесть стихов оригинала из финального пассажа (из последних двух строф). Эта модификация текста восходит к Перси, который в своем собрании намеренно их опустил, сочтя лишними: «В испанском

¹⁴ *Eschenburg J. J.* Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften: Lyrische Gedichte. Berlin; Stettin, 1790. Bd 5. S. 128–137.

¹⁵ *Алексеев М. П.* К литературной истории одного из романсов в «Дон Кихоте» // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 240–246.

¹⁶ «The foregoing version was rendered as literal as the nature of the two languages would admit» (The Reliques of Ancient English Poetry collected by Bishop Thomas Percy. London; New York, 1910. Vol. 1. P. 284).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «In the following a wider compass hath been taken. The Spanish poem that was chiefly had in view, is preserved in the same history of the Civil Wars of Granada, f. 22, and begins with these lines: Por la calle de su dama, Passeando se anda, etc.» (Ibid.).

¹⁹ См.: «Alcanzor und Zaida. Eine Maurische Geschichte» («Säuselnd wehn die Abendwinde...»).

оригинале вышеупомянутой баллады следует еще несколько строф (в действительности строк, а не строф. — В. П.), но из-за своего низкого достоинства они не были переведены». ²⁰ Таким образом, решение Перси, с изданием которого, как кажется, Гонорский не был знаком *de visu*, опосредованно сказалось на русском переводе. Итак, у Эшенбурга воспроизведен текст по изданию Перси, следовательно, и у Гонорского представлен перевод именно этой редакции. Также и Гердер, работавший с английским «Собранием...» и указавший именно его как источник текста романса, в своем переводе десять финальных строк сводит к четырем. Ср.:

Версия Х. Переса де Иты

Al fin, al fin, cayò muerto
al pie de una peña alta:
*tambien el Conde de Ureña
mal herido se compara.*
Guiarale un Adalid,
que sabe bien las entradas,
muchos salen tras el Conde
que le siguen las espaldas;
muerto queda Don Alonso
eterna fama ganara. ²¹

Подстрочный перевод:

Наконец, наконец, упал он замертво
у подножия высокой скалы:
граф де Уренья тоже ранен.
Вывел его проводник,
хорошо знавший проходы (Сьерры. — В. П.),
многие уходят за графом,
из тех, что следуют за его спиной;
погиб Дон Алонсо,
вечную славу заслужил.

Перевод И. Г. Гердера

Endlich, endlich sinkt er nieder
An dem Fuß des hohen Felsen,
Bleibet todt; doch Don Alonso
Lebet noch in ew'gem Ruhme. ²³

Подстрочный перевод:

Наконец, наконец падает он
У подножия высокой скалы,
Гибнет; но Дон Алонсо
В вечной славе всё еще живет.

Замечание Гонорского о том, что он захотел в первой строке «последовать Немецкому переводу», вызывает мысль, что русский переводчик мог в значительной

Версия Т. Перси

Al fin, al fin, cayò muerto
Al pie de una peña alta. —
Muerto queda Don Alonso
Eterna fama ganara. ²²

Подстрочный перевод:

Наконец, наконец, упал он замертво
У подножия высокой скалы. —
Погиб Дон Алонсо,
Вечную славу заслужил.

Перевод Р. Т. Гонорского

Обезглавленный катится
С высоты скалы на низ;
Умер, умер Дон Алонсо,
Но для вечной славы жив!

²⁰ «In the Spanish original of the foregoing ballad, follow a few more stanzas (sic!), but being of inferior merit were not translated» (The Reliques of Ancient English Poetry collected by Bishop Thomas Percy. P. 283).

²¹ *Perez de Hyta G. Historia de los vandos de los Zegries y Abencerrages, caballeros moros de Granada, y las civiles guerras. Sevilla, 1779. P. 422.* Курсивом выделен фрагмент, выпущенный в переводах.

²² The Reliques of Ancient English Poetry collected by Bishop Thomas Percy. P. 282.

²³ *Eschenburg J. J. Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften. S. 132.*

степени опираться на немецкий посредник. Тем не менее сличение испанских и немецких текстов с русскими не оставляет сомнений в том, что в своей работе русский переводчик ориентировался на испанский оригинал, как и было указано при публикации. Красноречива, в частности, точность в передаче порядка слов и сохранение деталей, утраченных у Гердера. Эта тема, впрочем, заслуживает самостоятельного исследования.

В завершение — два слова о стихотворной форме новообнаруженных переводов. Разумник Гонорский (как до него Карамзин, а после — Катенин) выбрал для переводов романсов белый²⁴ четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул.²⁵ Если бы ему был известен английский перевод Перси, он, возможно, решился бы передать испанские ассонансы с помощью рифмы четных стихов. Этого, однако, не случилось, и переводы Гонорского не выделяются среди других безрифменных переводов и имитаций испанского романса первой половины XIX века. Попытки сохранить рифменное (ассонансное) созвучие оригинала в переводах были предприняты в России значительно позже.²⁶

²⁴ Несколько раз (единожды в «Заид и Заида» и трижды в «Ток зеленый...») в мужских строках совпадает ударный гласный, как в процитированном выше катрене (*низ — живе*), но контекст не оставляет сомнений в том, что совпадения случайны. Такого рода случайные созвучия есть и в «Графе Гвариносе» Карамзина.

²⁵ Подробнее об «испанском хорее» см.: *Полилова В.* Белый четырехстопный хорей с окончаниями ЖЖЖМ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 11. С. 76–88.

²⁶ Подробнее об этом см.: *Polilova V.* Spanish *Romancero* in Russian and the semantization of verse form // *Studia Metrica et Poetica*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 93–99.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-79-92

© А. В. Курочкин

**«...ПЛЕМЯННИК БЫЛ МОЛОД, А ДЯДЯ — КРОТОК...»
(А. С. ПУШКИН И ЕГО ДЯДЯ В ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННИКОВ
К ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ)**

В обширной переписке графа Д. И. Хвостова (1757–1835), хранящейся в его архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома, содержится немало ценных сведений о литературной жизни пушкинского времени. Первостепенный интерес представляют неизвестные упоминания корреспондентов Хвостова об А. С. Пушкине и его дяде В. Л. Пушкине. Они не только проясняют известные ранее события, позволяя уточнить канву их жизни и творчества, но сообщают ранее неизвестные факты.

На протяжении последних десятилетий жизни граф составлял заметки, представлявшие собой его собственные мнения и мнения других на литературные темы, намечаясь в дальнейшем их опубликовать в виде особых «Записок о словесности». Замысел Хвостова не получил воплощения в связи с его кончиной. До нас дошло сохранившееся в одной из рукописных книг архива Хвостова его суждение, озаглавленное так: «Замечание о замечании князя Вяземского при разборе стихов Василия Львовича Пушкина. Для записок о словесности».¹ Это был ответ на высказывание Вяземского о том, что «первые опыты его (В. Л. Пушкина. — А. К.) принадлежат к эпохе преобразования, введенного в наш язык стихотворный творениями Карамзина и Дмитриева, которые освободили его от тяжких оков, на него наложенных неудачными последователями Ломоносова, Петрова и Державина — и от сухой принужденности

¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 26. Л. 4 об.

и черствого однообразия, приданных ему слишком удачными подражателями Сумарокова».² Хвостов заметил: «Сам князь Вяземский в своих стихах, от чего ни он не отопрется, ни знаменитые его приятели, имеет сухую принадлежность, черствость и единообразие. Следственно, эти недостатки принадлежат к писателю, а не к языку».³ Как представляется, на его оценку повлияли сложности в личных взаимоотношениях с Вяземским, позднее обострившихся в период сотрудничества князя с «Московским телеграфом» Н. А. Полевого, вступившего в открытую конфронтацию с Хвостовым. Несмотря на это граф понимал, что литературный процесс не стоит на месте; признавая талант А. С. Пушкина, он считал, что романтическое течение имеет право на существование, и не критиковал его публично.⁴ Собственное же творчество Хвостов не мыслил без строгого соблюдения традиций классической школы.

В настоящей работе вводятся в научный оборот эпистолярные свидетельства современников, по большей части исходящие из московских литературных кругов 1820–1830-х годов — от лиц, хорошо знавших великого поэта и его дядю.

По воспоминаниям С. Л. Пушкина, его отец Лев Александрович принимал в своем доме «почетное духовенство того времени, известное своим просвещением и святой жизнью».⁵ Известно, что Л. А. Пушкин пользовался особым расположением митрополита Московского Платона (П. Г. Левшина; 1737–1812), придворного проповедника, который при его погребении отслужил обедню.⁶

Мы можем назвать еще одно лицо духовного сана, близкое к семейству Пушкиных. Это диакон одной из московских церквей Иоаким Величковский, будущий архиепископ Смоленский и Дорогобужский Иосиф (1773–1851),⁷ с которым Хвостов состоял в переписке. Отметим, что граф переписывался и с другими представителями высшего духовенства: митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым) и архиепископом Псковским, впоследствии Тобольским Евгением (Казанцевым).⁸ В их ряду письма архиепископа Смоленского Иосифа заслуживают особого внимания.

² *Вяземский* [П. А.], кн. Об издании стихотворений В. Л. Пушкина // Сын отечества. 1821. Ч. 73. № 46. С. 284.

³ ИРЛИ. Ф. 322. № 26. Л. 110.

⁴ См. об этом: *Курочкин А. В.* 1) Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 2017. № 3. С. 184–189; 2) А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова // Там же. 2019. № 3. С. 73–92.

⁵ Современник. 1840. Т. 19. С. 102.

⁶ См.: *Михайлова Н. И.* Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 41 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

⁷ Будущий архиепископ Иосиф родился в семье московского протоирея и закончил Славяно-греко-латинскую академию. В 1801 году был пострижен в монахи и покинул Первопрестольную, поступив учителем в Санкт-Петербургскую духовную академию. Отметим, что, сменив несколько духовных должностей, в 1809 году Иосиф возглавил Переславль-Залесский Данилов во имя Святой Троицы монастырь. По всей вероятности, знакомство Хвостова с ним произошло во время пребывания будущего архиепископа в Переславле-Залесском, недалеко от которого, на берегу реки Кубры, находилось поместье графа Выползова Слободка. Во время пребывания в Петербурге 20 ноября 1819 года Иосиф был избран почетным членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Иосиф вел активную деятельность: содействовал восстановлению храмов и монастырей, пострадавших во время наполеоновского нашествия, хлопотал об открытии уездных и приходских училищ. В 1821 году он возглавлял Смоленскую кафедру. В 1834 году во время приема Николая I в Смоленске архиепископ Иосиф подготовил торжественную речь, однако, встретив царя, растерялся и вместо слов приветствия стал обильно окроплять императора святой водой. Государь был в гневе: «Что вы делаете, бесов из меня выгоняете, видно? Вы совсем облили меня водой!» По преданию, из-за этого проступка Иосиф покинул паству и удалился в Киево-Печерский монастырь (подробнее об архиепископе Иосифе см.: *Русский биографический словарь*: В 25 т. СПб., 1897. Т. 8. С. 335; *Мануил (Лемешевский)*, митр. Иосиф (Величковский) // *Мануил (Лемешевский)*, митр. Русские православные иерархи. 992–1892 гг.: В 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 113–114).

⁸ До нас дошел отзыв архиепископа Евгения (Казанцева) об А. С. Пушкине (см.: *Курочкин А. В.* «О, когда бы обратился он к нравственным и религиозным предметам...»: Неизвестные отзывы духовных лиц о Пушкине (по материалам архива графа Хвостова) // Русская литература. 2017. № 1. С. 132–133).

В письме от 22 марта 1823 года Иосиф сообщал Хвостову: «С полгода возобновил со мною переписку старинный и престаринный мой знакомец, москвич, поэт же, Василий Львович Пушкин. Читаю теперь вышедшие в мир стихотворения его. Хороши и довольно хороши. Жалуется он на вашу петропольскую цензуру, не выпустившую одной его пьесы за то, что в ней упомянуто о *Кандиде*. Экая строгая».⁹

«Стихотворения Василия Пушкина», о которых пишет Иосиф, увидели свет в 1822 году и остались единственным прижизненным сборником его стихов. Друзья В. Л. Пушкина негодовали по поводу препон, учиненных изданию цензурой.¹⁰ П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 июля 1822 года, подчеркивая пассивность самого автора: «Я уговаривал Пушкина (Василия Львовича. — А. К.) побороться с цензурой, но пот его прошиб, и он дал тягу. Неужели нельзя тебе шепнуть слово князю Голицыну (министру просвещения. — А. К.) о неистовой нелепости его подчиненных».¹¹ Н. М. Карамзин сообщил И. И. Дмитриеву 25 сентября 1822 года: «Я жаловался на излишнюю строгость цензоров князю А. Н. Голицыну и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василия Львовича».¹² И наконец, свидетельство издателя «Стихотворений» П. А. Плетнева в письме к Вяземскому от 17 июля 1822 года: «Хотя Иван Осипович Тимковский и позволил все печатать в собрании Стихотворений Василия Львовича; однако новый Цензурный Комитет не соглашается на пропуск целых двух пьес: 1) Послания к Дашкову, в котором Василий Львович про себя говорит, что он с восхищением читает *Кандида*, и 2) Эпиграммы, начинающейся: *Лишился я жены, любовницы, коня*. Сверх того, Цензурный Комитет просит переменить несколько слов, на что, я думаю, Василий Львович не будет очень гневаться <...>. Впрочем, смею вас уверить, что Цензурный Комитет преклонить уже ничем нельзя — и следовательно, если вы узнаете, что Василий Львович без сих пьес издать своих Стихотворений не захочет, то издание не состоится».¹³ Как видим, жаловались и возмущались друзья автора, но только не он сам. Кроткий по натуре, дядюшка Александра Сергеевича, как казалось, мог лишь подчиниться обстоятельствам. Неспособный к литературной борьбе, он исправно вносил требуемые цензурой изменения, только чтобы издание состоялось. «Я писал к Плетневу несколько раз, — сожалел он в письме к Вяземскому, — и доставил ему требуемые госп <одиног> цензором поправки».¹⁴ Ныне, по свидетельству архиепископа Смоленского, без сомнения восходящему к письму Василия Львовича, мы узнаем о реакции и самого автора, сетовавшего на цензуру. Таким образом, В. Л. Пушкин не оставался безучастным к судьбе своих стихотворений и даже спустя полгода после издания не забыл об его цензурной истории. А знаменитый племянник с благодарностью писал Плетневу, своему будущему издателю:

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень <был> того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.¹⁵

Между тем архиепископ Смоленский продолжал читать «Стихотворения» своего «престаринного знакомого», и спустя месяц, 25 апреля 1823 года, он делится с Хвостовым мнением о них: «Добрый В. Л. Пушкин не увесистой поэт, что видно из его пьес. Видно же и то, что он старается писать во вкусе Дмитриева, и тшится об

⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 70. Л. 288–288 об. «Кандид, или Оптимизм» (1758) — философская повесть Вольтера, попавшая под запрет сразу же после выхода в свет из-за ее непристойности.

¹⁰ Цензурное разрешение И. О. Тимковского было получено еще 30 сентября 1821 года. Однако вмешательство нового Цензурного комитета затормозило издание.

¹¹ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1899. Т. 2. С. 272.

¹² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 337.

¹³ Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 385.

¹⁴ Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983. С. 85.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 337.

естественности. Видно, наконец, и то, что он держится в складе своем правил покойного г. Подшивалова, бывшего его учителем. Содержание каждой почти басни его очень обыкновенно, а за иную баснь <sic> Лев Александрович подрал бы его за ухо, если бы жив теперь был». ¹⁶

Как здесь не вспомнить наполненный фантастическими подробностями рассказ Пушкина о расправе деда над французом-учителем и жестоком его обращении с женами, который одновременно вобрал в себя предания о прадеде и деде: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. <...> Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли». ¹⁷ В настоящее время обстоятельности их жизни получили разъяснения. ¹⁸

В плане автобиографических заметок поэт называет имена учителей французского языка его отца. ¹⁹ Теперь нам известно имя учителя российской словесности его дяди. Можно предположить, что Подшивалов был учителем и Сергея Львовича, так как разница в возрасте братьев был невелика. Яркий представитель русского сентиментализма, талантливый педагог Василий Сергеевич Подшивалов (1765–1813) по возрасту был ненамного старше Василия Пушкина, поэтому дядюшка Александра Сергеевича мог стать одним из первых его учеников. Учеником Подшивалова являлся и свойственник Василия Львовича В. В. Измайлов (1773–1830), тепло отзывавшийся о своем наставнике, который был «в 1782 году произведен в студенты Университета и учителя российского стиля и логики. Ему было тогда 17 лет от роду. Несмотря на общий недостаток в учителях, надобно, конечно, предполагать приметные уже дарования в молодом человеке, который в сем возрасте найден достойным не только выполнять должность учителя, но преподавать важные правила искусства писать и науки мыслить. <...> По общему утверждению знакомых с ним людей, прекраснейшие свойства души его были честность и доброты, бескорыстие и сострадание к несчастному, верность в дружбе, примерная скромность и та откровенность, которая по большей части изливается из добродетельного сердца, как прозрачная вода со дна чистого источника». ²⁰ Думается, к этому мнению о Подшивалове мог присоединиться и В. Л. Пушкин.

Подшивалов принял деятельное участие в Собрании университетских питомцев, основанном И. Г. Шварцем в 1781 году, где он вначале состоял членом, а затем исполнял должность секретаря и председателя. ²¹ Как представляется, уроки Подшивалова не прошли для Василия Львовича даром. Позднее в издаваемом его учителем журнале «Приятное и полезное препровождение времени» был опубликован написанный племянницей Хераскова А. П. Хвостовой прозаический этюд «Камин» (1795), в подражание успешному литературному дебюту В. Л. Пушкина — его посланию «К камину» (1793). В том же 1795 году в журнале Подшивалова появилось сочинение и самого Василия Львовича — переложение на русский язык — «Отрывок из Оссиана (Колма)» Дж. Макферсона. ²² Перевод был снабжен примечанием: «Опыт сей сделан по просьбе одного приятеля, желавшего видеть в стихах Оссиановы песни: но едва ли их течение и гармония не противятся стихам». Навыки перевода дядя А. С. Пушкина также мог почерпнуть из занятий с Подшиваловым, уделявшим большое внимание переводческой деятельности. По мнению Н. И. Греча, Подшивалов «по справедливости считался первым в свое время переводчиком; статьи собственного его сочинения, помещенные

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 322. № 70. Л. 289 об. — 290. На письме, в верхней части листа (л. 290), стоит сделанная рукой Хвостова помета: «Ответствовать».

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 311.

¹⁸ Левина Ю. И. «Прадед мой Пушкин» (Из автобиографических записок) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 265–266.

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 307.

²⁰ В. И. [Измайлов В. В.]. О жизни и сочинениях Подшивалова // Вестник Европы. 1814. Ч. 76. № 13. С. 27, 38.

²¹ Подробные сведения о Подшивалове см.: Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 450–455 (статья Н. Д. Кочетковой).

²² Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 6. С. 117–119.

в издаваемых <sic!> им журналах, отличаются остротой мыслей, нежностью чувствований, правильностью и приятною простотою слога».²³

П. А. Вяземский в очерке «Допотопная или допожарная Москва» (1866) отмечал неплохое образование отца и дяди А. С. Пушкина: «Сергей Львович <...> получил если не ученое, то, по крайней мере, литературное образование. Дядя Александра, Василий Львович, сам был поэт, или, пожалуй, любезный стихотворец, и по тогдашним немудрым, но не менее того признанным требованиям был стихотворцем на счету».²⁴ Свидетельство архиепископа Иосифа подтверждает данное высказывание. Обучение русской словесности дяди и, возможно, отца А. С. Пушкина не ограничивалось рас пространенными во времена их юности занятиями с непрофессиональными домашними учителями, а велось под руководством Подшивалова и едва ли могло быть поверхностным. Необходимо отметить это желание Л. А. Пушкина дать детям основательные знания и развить в них любовь к русскому языку и словесности. Свидетельство духовного лица подтверждает и то, что дед Александра Сергеевича обладал строгим нравом и старался руководствоваться нормами морали и нравственности. По-видимому, того же он требовал и от сыновей.

Представляет интерес мнение современника о сценических переложениях поэм А. С. Пушкина. 27 июня 1824 года А. С. Грибоедов в письме Вяземскому с иронией писал: «Шаховской занят перекройкой „Бахчисарайского фонтана“, в 3 действиях с хор<ами> и бал<етом>, он сохранил множество стихов Пушкина, и все вместе подставляется в виде какого-то чудного поэтического салата».²⁵ А. А. Шаховской обратился также к сюжету пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». Переложения Шаховского появились в издаваемой Ф. В. Булгариним «Русской Талии». В альманахе на 1825 год были опубликованы «Керим-Гирей, или Бахчисарайский Фонтан. Романическая трилогия в 3 действиях, взятая из поэмы А. С. Пушкина»²⁶ и «Из волшебной Трилогии: Финн, взятая из эпизода поэмы А. Пушкина: „Руслан и Людмила“».²⁷ Надо полагать, А. С. Пушкину не терпелось познакомиться с сочинениями Шаховского, и он неоднократно просил брата Льва Сергеевича прислать ему в Михайловское булгаринский альманах. «Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Слѣнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и Талию Булгарина»,²⁸ — писал Пушкин брату в ноябре 1824 года. В конце февраля 1825 года вновь ему напоминает: «Да пришлите же мне Старину и Талию, господи помилуй, не допросишься».²⁹ Когда альманах был доставлен, поэт извещал брата в начале мая: «Талию получил».³⁰

В архиве Хвостова сохранилось письмо к нему его знакомого, малоизвестного литератора Евсевия Ивановича Лялина,³¹ которому граф прислал свои «Путевые записки»³² и изданные на 1825 год альманахи «Русская Талия» и «Северные цветы». В этом письме, датированном 22 марта 1825 года, Е. И. Лялин оставил достаточно эмоциональный отзыв о том впечатлении, которое произвело на него переложение пушкинской поэмы: «Что же касается до „Русской Талии“, то в ней я много нахожу даже прекрасного, из которого отрывок романтической трагедии „Бахчисарайский фонтан“ — есть лучшее. Для меня, например, живая и величественная картина фонтана, стремящегося вверх и исчезающего в мутной воде, при сравнении его с судьбою

²³ Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 253.

²⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1882. Т. 7. С. 88.

²⁵ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 72–73.

²⁶ Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год, издал Фаддей Булгарин. СПб., 1825. С. 116–148.

²⁷ Там же. С. 211–241.

²⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 120.

²⁹ Там же. С. 147.

³⁰ Там же. С. 175.

³¹ Хвостов обратился к нему с посланием. См.: Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. СПб., 1830. Т. 5. С. 172–175. В примечании к стихотворению Хвостов писал: «Послание Е. И. Лялину, отставному майору, который служил прежде во флоте и коего некоторые сочинения напечатаны были в разных журналах» (Там же. С. 386).

³² Путевые записки графа Д. И. Хвостова. М., 1824.

Заремы — есть такое зрелище, которое невольно заставляет в раздумье принять участие в судьбе Заремы. Или еще. Когда Зарема в иступлении ревности готовая пороти Марию во сне, то усмотря на прекрасном лице ее тихую невинность и изображение несчастного положения души ее, останавливается, сравнивает ее положение с своим, бешенство страсти умолкает; и говорит: „О, смотреть приятно на нее“; наконец сострадание заступает место ненависти, и бог матери ее, к которому прибегает Зарема, совершенно обезоруживает ее. Ах! Это такая картина, от которой я при полном театре готов заплакать. И я надеюсь, что Семенова в этой сцене в силах поколебать и самые ступенные души. Одним словом, в этой трагедии есть такие прелестные стихи, каких нельзя найти в этой поэме и у Пушкина. В теории драматического искусства виден любитель театра с тонким вкусом и глубокими сведениями. „Волшебная Трилогия“ также Шаховск<ого> — есть новизна русская и прекрасная». ³³

28 сентября 1825 года трагедия Шаховского «Керим-Гирей, крымский хан» была представлена на суд петербургских зрителей. В афише значилось: «Содержание взято из „Бахчисарайского фонтана“, поэмы А. С. Пушкина, с сохранением многих его стихов». ³⁴ Как и предполагал Лялин, роль Заремы исполнила Е. С. Семенова. В роли Марию выступала Л. О. Дюрова, Керим-Гирей играл В. А. Каратыгин.

Еще один корреспондент Хвостова Михаил Николаевич Макаров (1785–1847), снабжавший его новостями с московского Парнаса, ³⁵ был лицом достаточно осведомленным в литературной среде и хорошо знал В. Л. и А. С. Пушкиных. В своих мемуарах о детстве А. С. Пушкина он упомянул об отношении дяди к таланту племянника: «Дядя его, Василий Львович <...> никак не сознавался, чтоб Александр Сергеевич мог когда-нибудь превзойти его, как поэта и чтеца, в совершенстве чистого. „Mon cher, ³⁶ — говорил он мне, — ты знаешь, что я люблю Александра, он поэт, поэт в душе; mais je ne sais pas, il est encore trop jeune, trop libre, ³⁷ и, право, я не знаю, установится ли он когда, entre nous soit dit, comme nous autres etc. etc.?” ³⁸

Приятель наш Борис Кириллович Бланк ³⁹ нередко спорил <sic!> об этом с Василием Львовичем и говорил против него за Александра Сергеевича; но Василий Львович стоял на своем: „Увидим, mon cher, вот он поучится; mais, entre nous soit dit, ⁴⁰ я рад и тому, что Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского“. Таковы или почти таковыми были тогда все заключения поэта-дяди о его великом поэте-племяннике. <...>

Наконец и Василий Львович Пушкин признал своего племянника поэтом с отличием, но иногда ветреным, самонадеянным. Другие певцы-старожилы тут же явно

³³ ИРЛИ. Ф. 322. № 73. Л. 139 об. — 140.

³⁴ Дурьлин С. Н. Пушкин на сцене. М., 1951. С. 23.

³⁵ Так, 2 февраля 1815 года Макаров сообщал Хвостову любопытные сведения о том впечатлении, которое оказали на публику стихи Жуковского и Вяземского: «Песни князя Вяземского, одного из модных певцев московских, до времени все еще читают и поют с удовольствием; но на все мода: Жуковского уже едва ли не позабыли: баллады его (у некоторых) терпят одинаковую участь с романами Радклиф» (ИРЛИ. Ф. 322. № 64. Л. 57). По всей вероятности, Макаров именно Хвостова упомянул в своем «Провинциале в Петербурге», отмечая, как один из знакомых «мог дать мне доброе известие о старом нашем знакомце и рассказал, что он и здесь все по-прежнему занят переводами Буаловой пиитики (Хвостов занимался переводом «Науки о стихотворстве» Н. Буало. — А. К.); что так же смешон, заставляя всех слушать свои антипиндарические произведения, которые все так же ни на что не похожи; но, между прочим, он упомянул мне, что в доме доброго чудака нашего в положенный день я могу встретиться со многими для меня интересными людьми» ([Макаров М. Н.]. Провинциал в Петербурге // Аглая, издаваемая к<нязем> П. Шаликовым. 1810. Ч. 10. Кн. 3. С. 36–37). Широко известно, что Хвостов рассылал знакомым приглашения на литературные вечера, которые устраивал у себя в доме, главным образом, для чтения собственных сочинений.

³⁶ Мой дорогой (фр.).

³⁷ Но я не знаю, он еще слишком молод, слишком свободен (фр.).

³⁸ Говоря между нами, как мы остальные, и т. д. и т. д. (фр.).

³⁹ Ошибка Макарова, правильно: Борис Карлович Бланк (1769–1826) — поэт, переводчик и драматург.

⁴⁰ Но, между нами говоря (фр.).

зачувствовали перелом классицизму. Не верите? Я покажу, на этот счет, письмо ко мне покойного графа Д. И. Хвостова».⁴¹

Шли годы, Макаров усердно снабжал литературными новостями своего петербургского корреспондента, увидевшего когда-то в поэтическом успехе юного Пушкина «перелом классицизму». 16 января 1827 года он пишет Хвостову: «В. Л. Пушкин написал *Юродивого*, и прекрасно, теперь сделал продолжение *Буянова*, и славное».⁴² В следующем письме от 20 января Макаров сообщает о том же более подробно: «*Юродивый*, стихи старого Пушкина, вы их увидите в „Московском вестнике“ и, конечно, согласитесь, что не дурные. Он же, *В. Л. Пушкин*, написал продолжение *Буянова*, живущего уже в своем селе и в своей городничихе нашедшего прежнюю свою удалую *Варюшу*. Много остроу и соли, и, кажется, гораздо лучше самого начала, ибо не так *скоромно!* Вот, Ваше сиятельство, самые свежие новости московского слова».⁴³

Из писем мы узнаем о существовании недошедших до нас произведений дядюшки А. С. Пушкина: стихотворения, которое Макаров называет «Юродивый», и продолжения «Опасного соседа». В. Л. Пушкин «был страстный охотник читать свои сочинения»,⁴⁴ — вспоминал впоследствии М. А. Дмитриев. По-видимому, Макаров присутствовал при таком чтении и слышал несохранившиеся сочинения из уст самого автора. Теперь становится понятно, каким образом «брат двоюродный Буянов» А. С. Пушкина совершенно неожиданно стал сельским жителем и очутился в доме у Лариных на именинах Татьяны. Пятая глава «Евгения Онегина» создавалась Пушкиным с января по ноябрь 1826 года, по-видимому, одновременно с работой дядюшки над продолжением «Опасного соседа». Можно предположить, что Буянова «поселил» в деревне Василий Львович или дядюшка, в свою очередь, принял фантазию племянника, «переселившего» своего «кузена» в провинцию, и решил поведать читателям, как живет его герой в родовом селе. Возможно, встреча Онегина и Татьяны в большом свете могла стать реминисценцией встречи Буянова с Варюшей в провинции. Обратим внимание на замечание Макарова о том, что новая поэма Василия Львовича выглядит «не так *скоромно*». Она вышла не такой фривольной, как первая часть истории о Буянове, что наводит на мысль о преобразении героя во второй части. вполне вероятно, что несохранившееся продолжение «Опасного соседа» легло в основу написанной позднее повести в стихах «Капитан Храбров». Действительно, насколько можно судить по пересказу Макарова, Василий Львович использовал похожий сюжет: переселение Буянова из Первопрестольной в родное село и приезд капитана в свое саратовское имение. Путешествие Храброва сопряжено с дорожным приключением: встречей на постоялом дворе с разбойниками, убившими когда-то родителей Наташи. Убийцы получают отпор отважного капитана, чей образ в корне отличается от фигуры разудалого дебошира и пьяницы Буянова, устроившего никчемную драку в борделе. Думается, Василий Львович хотел продемонстрировать развитие характера своего героя, но его столь кардинальное преобразование выглядело бы неправдоподобно, поэтому придал необходимые качества новому персонажу.

7 февраля 1827 года Макаров извещает Хвостова: «*Юродивый* В. Л. Пушкина появляется в 4-м номере *Московского вестника*. Грозная брань уже готова в 24-й книжке *М<осковского> телеграфа* за 1826 год».⁴⁵ Однако ни стихи, ни критика в печати не появились. Можно предположить, что сотрудничавший с «Московским телеграфом» Вяземский отговорил друга от публикации и бранить было нечего.

В многолетней переписке с Хвостовым состоял поэт-сентименталист князь Петр Иванович Шаликов (1768–1852). Князь хорошо знал семейство Пушкиных, тепло относился к Василию Львовичу и при всяком удобном случае старался выказать свое расположение его племяннику. А. С. Пушкин в письме к Вяземскому от 19 февраля

⁴¹ Макаров М. Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве) // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 45–46.

⁴² ИРЛИ. Ф. 322. № 74. Л. 4 об.

⁴³ Там же. Л. 5 об. — 6.

⁴⁴ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 93.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 74. Л. 8 об.

1825 года дал Шаликову следующую характеристику: «Ты увидишь в Разг<оворе> Поэта и Книг<опродавца> мадригал кн<язю> Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он имянно поэт прекрасного пола. *Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement*». ⁴⁶ Пушкин имел в виду упоминание Шаликова в предварявшем первую главу «Евгения Онегина» «Разговоре книгопродавца с поэтом», где в связи с «прекрасным полом» писал:

Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы. ⁴⁷

В апрельском номере «Дамского журнала» за 1825 год появилось послание Шаликова «К Александру Сергеевичу Пушкину (На его отречение петь женщин)», в котором князь обратился с призывом к поэту, отказавшемуся воспевать женщин, но восхищавшемуся их ножками:

И пой, и нравься лишь харитам,
Тобой пленяемым, поэт!
И будь подобен *сибаритам*
Вовеки негою стихов! ⁴⁸

В письме от 25 мая 1825 года Пушкин интересуется у Вяземского: «Неужто он (Шаликов. — А. К.) обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, как барашек!» ⁴⁹ Позднее, при публикации «Разговора книгопродавца с поэтом» в четвертой части своих стихотворений в 1835 году, Пушкин заменил «Шаликов поет» на «юноша поет». ⁵⁰

В апреле 1829 года в «Дамском журнале» Шаликов восхвалял Пушкина — автора поэмы «Полтава»:

Цари с поэтами всегда делились славой!
Царь русский возблестал триумфом под Полтавой
Над силой грозною: и русский же поэт
Вьет лавры в свой венок с полей его побед! ⁵¹

Молодой поэт А. А. Кононов, встретивший однажды в доме Василия Львовича на Старой Басманной ⁵² Шаликова и Пушкина, привел в своих воспоминаниях следующую сцену: «Между тем, кн<язь> Шаликов присел к столу и писал. „Недавно был день вашего рождения, Ал<ександр> С<ергееви>ч, — сказал он поэту. — Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня, и написал вот что“. Он подал бумагу Пушкину, тот прочитал, пожал руку и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах». ⁵³ Этот эпизод имел место в двадцатых числах сентября 1829 года. Тщеславный Шаликов понимал, что едва ли кто-то узнает о его стихах, поэтому поместил их в своем журнале:

⁴⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144. Пер.: «У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил» (*фр.*) (Там же. С. 533). Пушкин намекает на издание Шаликовым «Дамского журнала».

⁴⁷ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 847.

⁴⁸ Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 8. С. 69.

⁴⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 184.

⁵⁰ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 327.

⁵¹ Дамский журнал. 1829. Ч. 26. № 16. С. 40.

⁵² Современный адрес: Старая Басманная ул., 36.

⁵³ Кононов А. А. Из записок // Библиографические записки. 1859. № 10. С. 307.

К А. С. Пушкину
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда родился ты, хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел —
Пленять сердца игрой на лире!⁵⁴

Панегирик Шаликова отражает настроение читающей публики и пишущей братии тех лет: Пушкин находится в зените славы, дядя гордится им. Племянника хотя бы видеть в своих рядах московские литераторы. 26 декабря 1829 года Макаров извещает Хвостова: «На днях у нас гремело Литературное общество, под крылом нового председателя А. А. Писарева, и во славу, и в честь! Дай бог, чтобы так и шло, при сей новой своей эпохе; в прошедшем же периоде оно не всегда было счастливым. Приняты новые члены: молодой Пушкин, Евгений Баратынский и музыкант Верстовский».⁵⁵

Находившийся в Петербурге Пушкин был принят 23 декабря в «Общество любителей российской словесности» при Московском университете заочно. Одновременно в число членов избрали и Ф. В. Булгарина,⁵⁶ конфликт Пушкина с которым обострялся с каждым днем. Данное обстоятельство настолько сильно задело поэта, что даже спустя годы, в письме, написанном около 7 апреля 1834 года, он с негодованием отвечал секретарю «Общества...» М. П. Погодину на просьбу прислать новые стихотворения для чтения на заседании: «Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгаринным, в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ<ийском> клубе (NB в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник. <...> В то самое время читаю в газете Шаликова (в издаваемых им «Московских ведомостях». — А. К.): Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности, удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина».⁵⁷

Наступает новый, 1830-й год, который станет значимым в жизненном и творческом плане для А. С. Пушкина — он получит согласие на брак с Н. Н. Гончаровой, а вынужденное из-за холерных карантинных уединение осенью в Болдине послужит одному из наивысших всплесков его вдохновения. И этот же год станет последним в жизни его дяди.

В конце уходящего года выходят в свет литературные альманахи на год грядущий. За ними пристально следит еще один корреспондент Хвостова — брат Е. И. Лялина — Петр Иванович.⁵⁸ Сведения о нем, как и о его брате, немногочисленны. Известно, что П. И. Лялин поступил в Морской кадетский корпус, стал гардемаринном, затем мичманом во флотском экипаже, впоследствии перешел лейтенантом в Невский пехотный полк, дослужился до звания подполковника и, поселившись в Первопрестольной, служил в Лефортовском госпитале. В архиве графа сохранилось письмо П. И. Лялина от 5 февраля 1830 года, озаглавленное в реестре рукописной книги, в которой оно находится, так: «37. П. И. Лялина о сравнении Пушкина с Немчиновым».⁵⁹ По-видимому, Петр Иванович, как и его брат — любитель словесности, — был близок к литературным кругам, в своих суждениях занимал консервативную позицию. Его мнение отражало взгляды той части читающей публики, которая была скептически настроена к литературным нововведениям. Он начинает письмо с благодарности Хвостову за

⁵⁴ Дамский журнал. 1829. Ч. 28. № 41. С. 27.

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 8. Писарев Александр Александрович (1780–1848) — поэт, генерал-лейтенант, герой войны 1812 года, попечитель Московского университета, возглавлял «Общество любителей российской словесности» в 1829–1830 годах.

⁵⁶ См.: Московские ведомости. 1830. 1 янв. № 1.

⁵⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 123–124.

⁵⁸ См. публикацию его отзыва о поэме «Полтава» к Хвостову и комментарий к нему: Балакин А. Ю. Неизвестный отзыв современника о пушкинской «Полтаве» // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб., 2017. С. 111–114.

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. П.

доставление его письма начинающему поэту Немчинову,⁶⁰ «в котором, — пишет Лялин, — я высказал ему впечатление, произведенное во мне его истинно прекрасными стихами; мысль же сравнивать юного поэта с Пушкиным принадлежит князю Шаликову и была минутным порывом его наивного восторга».⁶¹ Далекий от литературных полемик⁶² Лялин сетовал на то, что представители парнасской молодежи «хаютяся, не выключая и самого Пушкина».⁶³ Рассуждая о литературных новинках, корреспондент Хвостова заключает: «В альманахах нонешнего <sic!> года стихотворная часть хуже предшествующих годов, в них стихи Пушкина, Баратынского по одной только подписи фамилии можно отличить от других писателей вовсе ничтожных».⁶⁴

Как представляется, Лялин, державший руку на пульсе литературной жизни, уделял внимание и критическим оценкам. Возможно, в своем суждении он мог отталкиваться от мысли Воейкова, промелькнувшей в его обзоре о «Двух повестях в стихах» — «Графе Нулине» Пушкина и «Бале» Баратынского: «Сказав имена авторов <...>, нужно ли рассыпать общие похвалы и изношенные фразы, которых в десять минут можно наизать сотню? <...> говорю просто: это стихотворения А. С. Пушкина и Баратынского».⁶⁵

В ряду писем к Хвостову 1830 года представляет интерес письмо Шаликова от 5 июня, озаглавленное в реестре корреспонденции графа так: «68. Князя Шаликова о поэтах Пушкиных и прочее»,⁶⁶ в котором содержится следующая фраза: «На днях встретил у Кологривова поэта Пушкина (А. С.). Он женится; но что-то невесел, а дядя его В. Л. Пушкин уже и не ходит; подагра и хирагра повели против него самую сильную атаку <sic!> — жалок ужасно!»⁶⁷

Душевные переживания Пушкина, озабоченного мыслями о приданом и болезни дяди, не ускользнули от Шаликова. Физическое состояние Василия Львовича вызвало опасение. Ощущение его скорой кончины передалось и князю. Однако о каком Кологривове упоминает Шаликов? Знаменитый генерал Андрей Семенович Кологривов скончался в 1825 году. Дом на Тверском бульваре, принадлежавший генералу, в ноябре 1830 года его родными был продан. Не вызывает сомнения, что Шаликов пишет о Петре Александровиче Кологривове (1770–1852). Его дом на Старой Живодёрке⁶⁸ был открыт для гостей. Ранее знакомство Пушкина с Кологривовыми не имело документального подкрепления и только предполагалось.⁶⁹ Теперь мы имеем подтверждение, что Пушкин знал Петра Александровича, отчима В. Ф. Вяземской, и ее мать, супругу Кологривова — Прасковью Юрьевну (1762–1846), урожденную княжну Тру-

⁶⁰ Немчинов Федор Петрович — начинающий поэт, обратившийся со стихами к Хвостову в ответ на его послания «Юным питомцам муз» (см.: Немчинов Ф. Старцу-поэту юный питомец муз // Дамский журнал. 1830. Ч. 29. № 7. С. 103–105).

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 63.

⁶² В письме он упоминает о газете М. А. Бестужева-Рюмина «Северный Меркурий», замечая, что «о ней с большою похвалою отзываются Русской инвалид литературы г-н Воейков, а издатель оной мне человек знакомый; он в бытность мою в Петербурге бывал у меня в доме, но, может быть, он уже забыл обо мне по высокой степени журналиста» (Там же. Л. 63 об.). По-видимому, Лялин не подозревал о вражде двух издателей.

⁶³ Там же. Л. 64.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ [Воейков А. Ф.]. «Две повести в стихах»: «Бал», соч. Баратынского и «Граф Нулин», соч. А. Пушкина // Славянин. 1828. Ч. 8. № 52. С. 503 (вышел в свет 7 января 1829 года); переизд.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 105. Любопытно, что 6 января 1830 года Воейков пишет Хвостову, откликнувшись одой на взятие русскими войсками Адрианополя, как попрекает собратьев по перу, принадлежащих к его собственному кругу: «Я в укор Жуковскому, А. С. Пушкину и Дельвигу поставил, что ожидали ль Дибич и Паскевич быть воспетыми старцем-поэтом, намекая на молчание сих молодых певцов» (ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 17).

⁶⁶ Там же. Л. III об.

⁶⁷ Там же. Л. 118.

⁶⁸ Обширный участок, где находилась усадьба Кологривова, ныне ограничен домами 1–9 по Большой Садовой улице и домами 2–14 по улице Красина.

⁶⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 200.

бецкую, в первом браке Гагарину. Кроме того, свидетельство Шаликова о встрече с А. С. Пушкиным в доме Кологривовых в первых числах июня 1830 года — факте ранее неизвестном — позволяет более сжато определить временные рамки пребывания поэта у В. Ф. Вяземской в Остафьеве.⁷⁰

Таким образом, мы можем дополнить и уточнить «Летопись жизни и творчества» поэта, а также внести коррективы в список его знакомых. Вполне вероятно, что появление Пушкина в доме на Живодёрке в указанное время могло быть непосредственно связано с его поездкой в подмосковное имение Вяземских. Поэт мог навестить Кологривовых с каким-либо поручением княгини Веры или ее матери до или после посещения Остафьева.

Благодаря письмам Шаликова мы вновь имеем возможность заглянуть в дом на Старой Басманной. В письме от 15 июня князь пишет, что Хвостов уважаем «истинными талантами, каков талант юного Языкова, с которым я познакомился у В. Л. Пушкина и который отзывается о Вашем сиятельстве с должным почтением и уважением, приносящими честь уму и сердцу его».⁷¹ В 1827–1830 годах между Н. М. Языковым и Хвостовым завязался поэтический диалог: поэт-романтик с иронией просил у старца-поэта поэтического совета и получал стихотворные ответы графомана.

Между тем дни дядюшки Александра Сергеевича были сочтены. 25 августа М. Н. Макаров писал Хвостову: «23 августа я похоронил почтенного моего приятеля *Василия Львовича Пушкина* — я любил его — и потому потеря для меня горькая. Все лучшие наши поэты и журналисты провожали гроб покойного, одни до церкви пешком, а другие, и в том числе племянник усопшего — славный поэт наш А. С. Пушкин, от приходской церкви Никиты Мученика, что в Басманной, до самого Донского монастыря — без малого десять верст — шли пешком».⁷² Позднее Макаров вспоминал: «Последний раз я встретил Александра Сергеевича на похоронах доброго Василия Львовича. С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем, как о родственнике и как о поэте».⁷³ В № 70 шаликовских «Московских ведомостей» от 30 августа Макаров поместил некролог В. Л. Пушкину, в котором подчеркивал, что покойный предугадал и высоко ценил талант своего племянника.

В свою очередь и сам Шаликов 29 августа, отвечая на не дошедшее до нас письмо Хвостова, сообщал ему прискорбную новость: «Вы упоминаете о В. Л. Пушкине, у которого я познакомился с любезным юным певцом вашим, Языковым, и которого... нет уже в здешнем мире! Незабвенный друг наш скончался 20 августа, когда наименее мы ожидали того: ибо накануне смерти он писал ко мне — хотя и о приключившемся ему страшном поносе — так много, чисто и ровно, что я в ответ побранил его за невоздержанность в пище, а через три дни шел за его гробом».⁷⁴

Хвостов, обычно откликавшийся стихами на значимые события, сочинил эпитафию и на кончину Василия Львовича, которую намеревался поместить в «Дамском журнале». По-видимому, она вышла неудачной и имела иронический оттенок. Об этом Шаликов писал Хвостову 10 сентября: «Что же касается до *шуточной* эпитафии добрейшему Василию Львовичу Пушкину, то воля моего почтеннейшего благодетеля, а я не позабавлю племянника на счет дяди, который не раз был им оскорбляем

⁷⁰ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский и Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 2. С. 205.

⁷¹ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 186 об. Тронутый вниманием Языкова, Хвостов в письме к М. П. Погодину в конце августа 1830 года просит его передать экземпляр 6-го тома своих стихотворений Языкову и при этом замечает: «Александр Сергеевич Пушкин недавно сказывал мне, что Николай Михайлович всегда изъясняется на мой счет, с особенной благосклонностью, и князь Петр Иванович Шаликов пишет, что он, встретясь с *огненным нашим поэтом* (Языковым. — А. К.) в доме Василия Львовича, слышал от первого обо мне весьма приятные отзывы. Уверьте его, что я весьма чувствителен столь лестному для меня вниманию» (Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину // Лица. Биографический альманах / Публ. Т. Ф. Нешумовой. М.; СПб., 1993. С. 280).

⁷² ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 231 об. — 232.

⁷³ Макаров М. Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве). С. 46.

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 76. Л. 234–234 об.

в мирной жизни своей!.. Но племянник был молод, а дядя — кроток, и потому последний обходился с первым как нельзя лучше: надобно ли же усопшего поэта предать смеху стихами, которые острым оборотом своим точно рассмешат каждого?»⁷⁵

Шаликов, как кажется, очень точно подметил характер отношений племянника и дяди. Подтверждение этому мы находим и у самого А. С. Пушкина. В отрывке, известном под названием «<Участь моя решена. Я женюсь...>» и носящем автобиографический характер, он признавался: «Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет мне: повеса мой молод, ему не до меня».⁷⁶

Как представляется, Хвостов внял совету Шаликова и, по-видимому, переделал эпитафию, включив ее в собрание своих стихотворений в следующей редакции:

Рыдает муз собор в печали справедливой;
Поэта Пушкина лишился наш Парнас.
Он посвятил друзьям свой мирный век счастливый:
Меж Аонид расцвел, и между их погас.⁷⁷

Хвостов обиделся на суждение князя, поэтому в письме от 26 сентября Шаликов, узнав, что граф болен, признает, что подверг эпитафию слишком резкой критике, и просит у старца прощения: «Вы и в болезни не пренебрегли замечанием моим на эпитафию Пушкину!.. Но я знал, что Вы отнюдь не думали оскорбить память его; ибо вы не родились *оскорблять*».⁷⁸

Вероятно, не рассчитывая на публикацию эпитафии в «Дамском журнале», престарелый графоман пытался распространить ее в литературных кругах. Он послал стихи Макарову, который в письме к Хвостову от 16 сентября сообщал: «Эпитафию Вашу Пушкину доставил, по принадлежности; но не знаю, какой успех она получит?»⁷⁹

Следующие упоминания о Пушкиных в письмах к Хвостову относятся ко времени, когда Александр Сергеевич обосновался после женитьбы в Петербурге. В мае 1832 года он и Наталья Николаевна сняли квартиру в доме Алымовой на Фурштатской улице,⁸⁰ недалеко от дома Хвостова на Сергиевской улице.⁸¹ Граф обрадовался такому соседству и приветствовал брата по перу посланием «Соловей в Таврическом саду». Сохранилась его копия среди других стихотворений Хвостова в особой рукописной тетради. В нее разными переписчиками занесены подвергнутые затем правке стихи по большей части 1831–1833 годов, вошедшие в 7-й том собрания стихотворений графа.⁸² После заглавия послания, непосредственно перед его текстом, другими чернилами вписано: «*Романс* (*) мая 10-го».⁸³ На время создания послания также указывает и строка: «Любитель муз, с зарею майской». Данное обстоятельство позволяет сузить временные рамки переезда Пушкиных в квартиру на Фурштатской улице, указанные в «Летописи жизни и творчества» поэта с «1832. Май, первая половина»⁸⁴ на «1832.

⁷⁵ Там же. Л. 240 об.

⁷⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. С. 406.

⁷⁷ Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. СПб., 1834. Т. 7. С. 226.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 322. № 77. Л. 22.

⁷⁹ Там же. № 76. Л. 243.

⁸⁰ Ныне участок дома 20.

⁸¹ Современный адрес: ул. Чайковского, 20. Дом сохранился в перестроенном виде. После смерти Д. И. Хвостова его вдова Аграфена Ивановна (1768–1843), урожденная Горчакова, племянница А. В. Суворова, превратила дом в доходный. В нем в 1839–1841 годах снимала квартиру Е. А. Арсеньева — бабушка М. Ю. Лермонтова.

⁸² В него включен и «Соловей в Таврическом саду» (см.: Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 171–172).

⁸³ ИРЛИ. Ф. 322. № 41. Л. 6. При публикации послания в собрании своих стихотворений граф сопроводил его следующим примечанием: «Сие приветствие известному поэту нашего времени Александру Сергеевичу Пушкину, который жил тогда на Фурштатской и удостоил автора ответом в прозе при получении сей песенки. Музыка на сей голос и с словами помещена в Музыкальном журнале г. Добри» (Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. Т. 7. С. 271).

⁸⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 474.

Май, 1...10».⁸⁵ Хвостов повременил с поднесением послания Пушкину до момента, когда стихи будут положены на музыку, и отправил его уже как законченное музыкальное произведение с сопроводительным письмом 2 августа. Пушкин не замедлил с ответом.⁸⁶

Стоит отметить, что Хвостов решил представить «Соловья в Таврическом саду» на суд знакомых московских литераторов. Они откликнулись панегирическими дифирамбами старому графоману. Поэт и баснописец Алексей Михайлович Зилов (1798–1865) в письме к Хвостову от 16 июня 1832 года дал посланию следующую оценку: «Стихи Ваши — „Соловей“ отзываются гармоническими звуками Вашей поэзии и тем беспристрастно к Пушкину, который должен ценить его в полной мере. Николай Михайлович Шатров слушал с восхищением Вашего „Соловья“».⁸⁷ Таким образом, послание, поднесенное Пушкину, о сочинении которого, надо полагать, еще не знал и сам адресат, уже стало известно на московском Парнасе.

После смерти В. Л. Пушкина князь Шаликов решил издать его стихотворные записки,⁸⁸ рассчитывая на поддержку Хвостова при продаже издания. По этому поводу он писал графу 19 марта 1834 года: «Я издаю *Записки в стихах* В. Л. Пушкина: они очень милы, а он имел многих приятелей. Смею ли обременить моего мецената билетами для них? Блюдов, Дашков, Уваров и проч<ие> любили покойника и нередко разделяли с ним *гастрономическую* трапезу его: en voilà assez!»⁸⁹ Отметим, что Шаликов называет влиятельных знакомых покойного, занимавших высшие государственные посты, которых он надеялся подписать на приобретение будущей книги через посредничество графа. Записки вышли с предисловием издателя, а Хвостов не отказал князю и принял участие в распространении издания. По этому поводу 13 апреля Шаликов обращается к графу, посылая «5 экз<емпляров> записок *Василия Львовича*; но Вы его любили, и потому верно пожелаете и для себя иметь их; и со временем *сбыть* и все».⁹⁰ Книга расхвалилась хорошо, и Хвостов просил выслать еще, о чем в письме от 8 июня князь извещает своего «мецената»: «Что же касается до последних 10 экземпляров записок Пушкина <...> они, как и первые, отправлены к *Смирдину*, вручителем сих строк, А. С. Ширияевым».⁹¹ Один экземпляр «Записок» дяди достался А. С. Пушкину, который приобрел его в книжной лавке А. Ф. Смирдина 5 мая 1834 года.⁹²

⁸⁵ В связи с событиями весны 1832 года нужно внести еще одно уточнение в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», где, вероятно по недосмотру, под двумя датами отмечено суждение Хвостова о «Стихотворениях Александра Пушкина» (см.: Пушкин и Хвостов. Публикация А. В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 271–272). В первый раз (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 116) отзыв графа датирован верно, как и указано в рукописи: «1826-го года Января 13-го дня» (ИРЛИ. Ф. 322. № 31. Л. 68), и относится к первому сборнику стихотворных произведений Пушкина. Второй раз (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 464) — с датой: «1832. Апрель, начало» — ошибочно соотнесен с третьей частью «Стихотворений Александра Пушкина».

⁸⁶ Копия пушкинского письма сохранилась в той же рукописной книге, в которой находится само послание, и сопровождается следующим пояснением Хвостова: «Вот письмо, которое я получил от знаменитого Александра Сергеевича Пушкина 3-го августа 1832 года в ответ на посылку мою к его Варваре (описка. — А. К.) Николаевне печатной музыки и слов песенки: *Соловей в Таврическом саду*» (ИРЛИ. Ф. 322. № 41. Л. 8).

⁸⁷ Там же. № 78. Л. 128–128 об. Слепой поэт Н. М. Шатров (1765–1841), которому Хвостов оказывал покровительство, по своим литературным пристрастиям тяготел к классической школе и выступал антагонистом Карамзина и Пушкина.

⁸⁸ Записки в стихах Василия Львовича Пушкина. М., 1834.

⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 74. Пер.: Этого довольно! (*фр.*).

⁹⁰ Там же. Л. 103 об.

⁹¹ Там же. Л. 104–104 об. Ширияев Александр Сергеевич (ум. 1841) — московский издатель и книгопродавец, владелец книжной лавки при Московском университете, типография которого и издала «Записки».

⁹² *Модзалевский Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Вып. 16–18. С. 1006. А. С. Пушкин заплатил за книгу 4 рубля (см.: *Оксман Ю. Г.* К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 445).

Неделю спустя П. И. Лялин в письме к Хвостову от 12 мая 1834 года из Москвы посетовал на происходящие в отечественной словесности изменения, по его мнению, не в лучшую сторону: «Я замечаю в себе какое-то хладное равнодушие к произведениям известных наших писателей: Пушкина и Жуковского. Давно ли же гладинькие <sic!> стишки первого восхищали меня, как ребенка красивая игрушка, давно ли меланхолическая поэзия последнего укрощала пылкое, бурное воображение юности, настраивая его под камертон поэта. Отчего же теперь ослабело их магическое на меня влияние? <...> Русские сказки, которыми Пушкин и Жуковской наполняют смирдинскую библиотеку, убаюкали — как мне кажется — последнее к ним внимание читателей так, что едва ли они, пробудясь от сна, встретят их тою же радостною улыбкою, как бывало во время оно».⁹³

Как видим, отрицательный отзыв одного из рядовых читателей отражал настроение той части читающей публики, для которых Пушкин и Жуковский оставались кумирами 1810–1820-х годов, и их сказки⁹⁴ были встречены ею довольно прохладно. Публика ждала произведений, подобных тем, что создавались ими ранее, не понимая и не принимая новых. Об этой когорте ценителей российской словесности совершенно справедливо высказался Гоголь, считавший, что некоторые из пушкинских «мелких сочинений так резко ослепительны, что их способен понимать всякой, но зато большая часть из них и притом самых лучших кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние».⁹⁵ А пока читательский менталитет не поспевал за гением, ему была неподвластна творческая эволюция Пушкина.

Символично рядом со скептическим заявлением обычного пушкинского современника звучит отзыв О. И. Сенковского в обозрении издания Смирдина: «Имена Жуковского и Пушкина в состоянии сообщить высокую цену всякой книге, в которой они находятся, тем более что в наших поэтах заключается весь блеск нашей словесности. <...> Поэты — настоящее украшение русской словесности, и после нашего века, вероятно, одни они останутся из него для потомства».⁹⁶ И это предвидение во многом стало пророческим.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 84 об.

⁹⁴ Вероятно, Лялин имеет в виду вышедшие в смирдинских изданиях сказки: *Пушкин А. С.* Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. № 2. С. 1–37; *Жуковский В. А.* Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери // Новоселье. 1833. Кн. 1. С. 37–68.

⁹⁵ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 54.

⁹⁶ *О. С.* [Сенковский О. И.]. «Новоселье». Книга вторая // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 5. С. 37; переизд.: Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008. С. 45.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-92-99

© М. Ю. Коренева, © Е. О. Ларионова

А. И. ТУРГЕНЕВ И Ф. В. ШЕЛЛИНГ. ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ

История знакомства А. И. Тургенева и Ф. В. Шеллинга достаточно хорошо известна. Ее общие контуры восстановлены на основе дневников А. И. Тургенева и его многолетней переписки с немецким философом.¹ Лишь один небольшой эпизод выпал из поля

¹ См.: А. И. Тургенев и Шеллинг: по неизданным материалам / Публ., предисловие и прим. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 152–164; *Резвых П. В.* Ф. В. Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 141–195; *Азадовский К. М.* Русские знакомства Шеллинга // Азадовский К. М.

зрения исследователей, обращавшихся к этому сюжету, хотя он, как представляется, заслуживает внимания, поскольку позволяет расширить наше представление о круге тем, которые затрагивались в личных беседах Шеллинга с его русскими знакомыми.

Речь идет о первых встречах А. И. Тургенева и Шеллинга в Карлсбаде в августе–сентябре 1825 года. Шеллинг приехал на курорт вместе с женой 6 августа 1825 года² и поселился в гостинице «Zum Weißen Hirsch» в центре города.³ В Карлсбаде в это время уже находился Н. И. Тургенев, который проходил здесь курс лечения с 1 июня 1825 года⁴ и ожидал приезда братьев — Сергея и Александра. Несмотря на то, что Н. И. Тургенев жил сравнительно недалеко от четы Шеллингов, в гостинице «Der Goldene Pelikan» на главной улице Карлсбада Альте Визе (№ 333),⁵ и маршруты, по которым передвигались отдыхающие, были не слишком разнообразны, случай свести знакомство так и не представился. Только через месяц после появления Шеллинга в Карлсбаде Н. И. Тургенев, наконец, «заметил» немецкого профессора. 6 сентября он записал в дневнике: «Шеллинг гов<орил> Чаад<ае>ву, что Spr<udel>, ein heroisches Mittel,⁶ действует и морально, придавая духу и т. п. Он хочет что-нибудь написать об этом. Это действие свойственно, гов<орит> Ш<елинг>, только одному Spr<udel> из всех и горячих вод».⁷ К этому моменту Александр Иванович, прибывший в Карлсбад вместе с братом Сергеем Ивановичем 8 августа, уже успел лично познакомиться с Шеллингом. Их первая встреча состоялась 24 августа.⁸ В тот день Шеллинг пригласил Александра Ивановича к себе, и они беседовали на протяжении часа. На следующий день они снова встретились, на сей раз случайно, и между ними состоялся продолжительный разговор.⁹ Затем последовали еще две встречи — 5 и 11 сентября,¹⁰ причем при последней из них присутствовали, судя по всему, и Николай Иванович, и Сергей Иванович. Во всяком случае, 11 сентября оба они отметили у себя в дневниках разговоры с Шеллингом. Николай Иванович записал: «Шеллинг сегодня мне говорил, что über die anderen Quellen läßt sich vieles sagen und commentiren; der Sprudel spricht für sich selbst¹¹ (на мое замечание, что многие восстают против Спр<уделя>). Eben so mit dem Wort Gottes, die Theologen wollen diverses darüber commentiren¹² и т. п. Погода славная».¹³ Ничего больше Николаю Ивановичу, сосредоточенному в этот период на проблемах здоровья, из беседы с Шеллингом не запомнилось, — стандартный разговор двух «курортников», хотя и с некоторым оттенком философской иронии,

Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М., 2019. С. 51–53 (Rossica. Россия и Запад. Литературные связи и контакты; вып. 2).

² Здесь и далее даты даются по новому стилю.

³ Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825. Karlsbad, 1825. S. 55 (об.). Гостиница находилась на Рыночной площади (Marktplatz) в доме № 31 (Sartori F. Taschenbuch für Carlsbads Curgäste wie auch für Liebhaber von dessen Naturschönheiten. Wien; Prag; Carlsbad, 1817. S. 15).

⁴ Дневники и письма Н. И. Тургенева. Путешествие в Западную Европу 1824–1825 / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подг. текста Е. О. Ларионовой; комм. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореновой, Е. О. Ларионовой. СПб., 2017. С. 354 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 7).

⁵ Там же. С. 356, 490, 954.

⁶ Шпрудель, сильнодействующее средство (нем.). Здесь и далее перевод наш. — М. К., Е. Л.

⁷ Дневники и письма Н. И. Тургенева. С. 379.

⁸ См. запись в дневнике А. И. Тургенева от этого числа: ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 38 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М., 1964. С. 293.

⁹ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 39–40 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 293–294.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 50, 54 об. — 55. Речь в данном случае идет только о тех встречах, которые отмечены в дневнике А. И. Тургенева. С учетом «географии» Карлсбада и его специфического распорядка дня, более или менее общего для всех отдыхающих, нельзя исключить, что были и другие, короткие встречи, о которых А. И. Тургенев ничего не написал.

¹¹ Об остальных источниках можно много рассуждать и высказывать о них различные соображения; Шпрудель же говорит сам за себя (нем.).

¹² Так и со словом Вожьим, как бы по-разному его ни стремились толковать теологи (нем.).

¹³ Дневники и письма Н. И. Тургенева. С. 380.

внесенной Шеллингом. Запись в дневнике Сергея Ивановича за тот же день чуть более содержательная: «Дурен лицом, болен и невесел <...>; очень простого обхождения, с живейшим воображением, которое, кажется, довело его до мистицизма, с большими, как сказывают, познаниями и в разных частях, между прочим Naturwissenschaft u<nd> Medicin, auch Mathematik.¹⁴ Впрочем, я мало говорил с ним, но от других слышал, что он признает христианство как бы доказанным пред трибуналом самого рассудка и что даже во многом согласен с St. Martin, коего начал было он читать, но не хотел продолжать, по причине сходства мыслей St. Martin с собственными своими. Если судить о нем по статье „Conversations-Lexicon“, то и в понятии о Боге он идет далее Канта, ибо и существование Бога рассудком доказывает, тогда как кенигсбергский философ останавливал рассудок на этом предмете и уже постигать оный предоставлял одной вере, т. е. призывался, что Бог непостижим, но что в него верить должно. Бог — аксиома. Впрочем, по той же статье, которой я только понял вторую половину, и Шеллинга Бог таков, что в него верить надобно, иначе не доберешься до него. — Надо, однако же, заметить, что Ш<еллинг> не доволен этою статьею, находит ее бездумною, geistlos, и сказал мне, что если бы она была писана его приятелем или человеком короче его знающим, то иначе бы вышла. В ней есть явные ошибки, например, что Ш<еллинг> ученик Фихте, от чего Ш<еллинг> отпирается».¹⁵ В общих чертах все это совпадает с записями Александра Ивановича,¹⁶ так что может сложиться впечатление, что его разговоры с Шеллингом вращались преимущественно вокруг философии самого Шеллинга, а также его оппонентов, внутрицеховой борьбы и текущей исторической и философской литературы, — тем, обсуждая которые Александр Иванович проявил осведомленность, хотя знания его в этой области были достаточно поверхностными. Это впечатление, однако, оказывается обманчивым, если принять во внимание небольшой фрагмент дневника Александра Ивановича, выпущенный при его публикации, подготовленной М. И. Гиллельсоном. Из этого фрагмента следует, что до того, как братья случайно встретились с философом на прогулке, Шеллинг заходил к Александру Ивановичу в гостиницу.¹⁷ «У меня был Шеллинг, — отметил А. И. Тургенев 11 сентября, — не застал меня и оставил брату стихи Гете».¹⁸ Из предыдущих дневниковых записей Александра Ивановича, относящихся к Шеллингу, невозможно определить, что послужило поводом для передачи стихотворения, однако его содержание позволяет восстановить по крайней мере одну из тем, которая определенно затрагивалась при их встречах. Александр Иванович счел необходимым переписать все стихотворение в дневник:

Подстрочный перевод:

Daemagogisch

Es wollt' einmal im Königreich
Der Frühling nicht erscheinen;
Der König, in der größten Noth,
Berieih sich mit den Seinen.
Da wurde nach des Kanzlers Rath
Dem ältesten Frosch befohlen,
Mit seiner jungen grünen Schaar,
Den Frühling einzuholen.
Qua, qua, qua!

Демагогическое

В одном королевстве
Все никак не наступала весна;
Король, видя такое чрезвычайное положение,
Посоветовался со своими приближенными.
По совету канцлера
Старейшей лягушке было велено
Вместе с ее юными сородичами
Призвать весну.
Ква-ква-ква!

¹⁴ Естественных наук, медицине, также математике (нем.).

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 309. № 34 (старый шифр: № 32). Л. 8–8 об.

¹⁶ См. запись в его дневнике от 11 сентября: ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 55; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 298 (здесь ошибочно датирована 9 сентября).

¹⁷ Александр и Сергей Тургеневы жили отдельно от Николая Тургенева, в соседней гостинице «Maltheserkreuz» на ул. Альте Визе (№ 334). См.: Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825. Karlsbad, 1825. S. 56 (об.).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 54 об.

Sobald der Frosch im Garten schreit,
Der König fühlt Behagen,
«Der Frühling», ruft er, «ist nicht weit,
Laßt mich in's Freie tragen».
So saß er nun auf sammtm Stuhl
In schön gestickten Jacken,
Und hörte in dem trüben Pfuhl,
Den Frosch manierlich quaken.

Ein zweiter fand sich bald hinzu,
Mit ihm zu concertiren,
Der Dritte stellte auch sich ein,
— Nun sagen sie zu Vieren. —
Ein jeder nahm das Maul recht voll
Den Frühling zu verkünden,
Und nebenbey dem König sich
Gehorsamst zu verbinden.
Qua, qua, qua!

Und immer toller ward der Lärm;
Der König konnts nicht tragen;
Da rief er seinem Kanzler zu,
Das Volk aufs Maul zu schlagen.
Der sprach: «Wir haben Frühlingszeit,
Und bleiben euch gewogen;
So schweiget nun, bey unserm Zorn,
Sonst soll, — Ihr Dämagogen!»

Da loben wir uns unser Reich!
Wie sind wir wohl berathen;
Was kümmern uns die Frösch im Teich,
Und ihre Potentaten.
Der Frühling geht, Der Frühling kehrt,
Der Herbst, der Winter wieder,
Wir aber singen unverwehrt
Die allerschönsten Lieder.

(Goethe)

Как только лягушка заголосила в саду,
Король успокоился.
«Весна уже не за горами, — воскликнул он, —
Внесите меня на свежий воздух».
И так сидел он на бархатном стуле
В расшитом одеянии
И слушал, как в мутной луже
Чинно квакает лягушка.

Вскоре к ней присоединилась вторая,
Чтобы поучаствовать в концерте,
Затем явилась третья,
— И вот они уже поют вчетвером. —
Каждая старалась петь во всю глотку,
Чтобы возвестить наступление весны,
А заодно, как бы между прочим,
Изъявить королю свое нижайшее повиновение.
Ква-ква-ква!

И гомон их становился все громче и громче,
Король уже не мог более этого выносить;
Тогда призвал он канцлера
И велел заткнуть глотку народу.
Тот сказал: «У нас — пора весны,
И мы к вам благосклонны,
Но теперь — замолкните и не гневите нас,
Иначе... Слышите, демагоги!»

Но как нам не похвалить наше королевство!
Какие прекрасные нам тут дают советы;
Какое нам дело до лягушек в пруду
И их высоких покровителей.
Весна приходит, весна уходит,
Снова наступает осень, потом зима,
А мы продолжаем преспокойно петь
Распрекраснейшие песни.

(Гете)

Сочинителем стихотворения в действительности был не Гете, а Фридрих Фёрстер (Friedrich Förster, 1791–1868). Участник антинаполеоновских войн, однополчанин поэта Теодора Кёрнера, близкий друг Гегеля, добрый знакомый Гете, прусский поэт и историк, автор трудов, посвященных Фридриху Великому и Фридриху Вильгельму I, романа «Возвращение Петера Шлемиля» («Peter Schlemihl's Heimkehr», 1843), многочисленных пьес, патриотических песен и сатирических стихов; он имел прозвище «Придворный демагог» (Hofdemagoge),¹⁹ поскольку во всех своих публичных выступлениях так или иначе соединял лояльность к властям с радикальным германским патриотизмом в духе преследуемых в немецких землях «демагогов», под которыми со времен французской революции понимались симпатизанты якобинцев, т. е. политически неблагонадежные лица, а после Венского конгресса — сторонники возрождения Германской империи, члены немецких патриотических обществ, в первую очередь

¹⁹ Подробнее о нем см.: Scheuch E. Der Dichter und Historiker Dr. Friedrich Förster (1791–1868). Mit Besonderer Berücksichtigung seiner Dichtung. Wien, 1933; Fischer H. «Hofdemagoge» und preußischer Patriot. Anmerkungen zu Friedrich Förster anlässlich eines unbekanntenen Briefwechsels // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 2010. Vol. 20. S. 199–218.

студенческих союзов (буршеств) и корпораций, запрещенных «Карлсбадскими постановлениями» 1819 года во всех немецких землях.²⁰ Стихотворение это было опубликовано за подписью Гете еще в 1821 году в газете «Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz»²¹ и в том же году воспроизведено на страницах «Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst» в составе цикла «Три весенние песни» («Drei Frühlingslieder»), подписанного криптонимом «F»;²² в 1823 году стихотворение было положено на музыку Г. Б. Биреем (Gottlob Benedict Bierey, 1772–1840) для кружка хорового пения в Бреслау, к которому принадлежал и сам композитор, а ноты отправлены в качестве подношения Гете, который после выхода в свет в 1824 году печатного издания нот с текстом²³ и появления развернутой отрицательной рецензии известного музыкального критика Готфрида Вебера (Gottfried Weber, 1779–1839) в журнале «Cäcilia»²⁴ взялся писать опровержение, но не довел задуманное до конца. В сохранившемся фрагменте опровержения, в частности, говорится: «Очень скверное стихотворение, которое я никогда не признаю своим — ни по содержанию, ни по форме, ни по умунастроению».²⁵ И действительно, эта поэтическая «шутка», прозрачно намекавшая на улетучившиеся после Венского конгресса и «Карлсбадских постановлений» 1819 года надежды немецких «патриотов», никак не соотносилась ни с политическими взглядами Гете-министра, ни с художественными принципами Гете-поэта: как высокопоставленный чиновник великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского он настороженно относился к либеральной политике великого герцога Карла Августа (Carl August von Sachsen-Weimar-Eisenach, 1757–1828), который не только одним из первых правителей немецких земель ввел конституцию, а также закон о свободе печати и мнений (в мае 1816 года), но и поощрял деятельность студенческих союзов; как поэт Гете избегал актуальных политических тем, полагая, что политика как «предмет» несовместима с поэзией.²⁶ Если учесть поэтическую «аполитичность» Гете, никогда открыто не высказывавшегося по поводу острых текущих событий, то вполне понятно, что публикация стихотворения «Демагогическое» не могла пройти незамеченной, особенно в кругу тех, кто хорошо его знал. В этот круг входил и Шеллинг, которого Гете в 1798 году пригласил преподавать в Йенском университете, ставшем после 1814 года центром патриотического студенческого движения; Шеллинг провел в Йене почти пять лет, и за эти годы между ним и Гете установились дружеские отношения, которые

²⁰ О понятии «демагог» подробнее см.: Коренева М. Ю. Ускользающий «демагог»: перекрестки культуры и тупики перевода (Из истории политической лексики) // Многоязычие и национальные культуры России в зеркале английского, французского, немецкого, русского и других языков. СПб., 2018. С. 178–194.

²¹ Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz. 1821. № 166. 17. Oktober. S. 769.

²² Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst. 1821. Bd 1. H. 5. S. 383–388.

²³ Dämagogisch. Gedicht von Goethe, für eine Singstimme und vier Frösche, mit Begleitung des Pianoforte, in Musik gesetzt von G. M. Biery. Breslau, 1824.

²⁴ Cäcilia. Eine Zeitschrift für die musikalische Welt. 1824. Bd 1. S. 133–139.

²⁵ Goethe J. W. Schriften zu Literatur und Theater / Hrsg. von W. Rehm // Goethe J. W. Gesamtausgabe der Werke und Schriften: In 22 Bde. Stuttgart, 1958. Abt. 2. Bd 15. Schriften. S. 783; см. также: Die Entstehung von Goethes Werken in Dokumenten / Hrsg. von K. Mommsen. Berlin; New York, 2010. Bd 6. S. 173.

²⁶ См., например, суждение Гете, высказанное в разговоре с И. Эккерманом в начале марта 1832 года: «Поостережемся, однако, вместе с нашими современными литераторами говорить, что политика — это поэзия, или хотя бы — подходящая тема для поэта. Английский поэт Томсон написал превосходное стихотворение о временах года и прескверное о свободе, и не потому, что поэту недоставало поэтичности, ее недоставало теме» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. Н. Ман. М., 1981. С. 443). Подробнее об отношении Гете к политическим темам в поэзии, а также его отношении к студенческим патриотическим союзам см.: Gudde E. Goethe und die politische Dichtung // Monatshefte. 1952. Vol. 44. № 4/5. S. 176–186; Hörscher-Lohmeyer D. Johann Wolfgang Goethe. München, 1999. S. 102; Rothe W. Der politische Goethe: Dichter und Staatsdiener im deutschen Spätabolutismus. Göttingen, 1998. S. 181–183; Kaupp P. Goethe und die Burschenschaft // Für Burschenschaft und Vaterland. Festschrift für den Burschenschaftler und Studentenhistoriker Prof. (FH) Dr. Peter Kaupp. Nordestedt, 2006. S. 309–335.

поддерживались и в дальнейшем, когда Шеллинг покинул Йену.²⁷ В основе этой дружбы лежал не только взаимный интерес и уважение, не только личная приязнь, свидетельством которой стало, в частности, живое участие Гете в устройстве матримониальных дел Шеллинга,²⁸ но и некоторая общность политических взглядов: как и Гете, Шеллинг не одобрял действий «*Deutschtümлер*» — сторонников германской идеи, распространившейся в немецких университетах, предпочитая при этом вонне сохранять «нейтралитет»,²⁹ хотя репрессивные «Карлсбадские постановления», принятые не без закулисного участия России,³⁰ у него особого энтузиазма не вызывали. Об этом можно судить, к примеру, по его письму к шведскому поэту и философу П. Д. Аттербому (Per Daniel Atterbom, 1790–1855) от 16 марта 1820 года: «Карлсбадские постановления, как и большую часть мер, принимаемых Пруссией, не может одобрить ни один благомыслящий человек, ибо они нецелесообразны и в результате смещения безобидного и опасного неизбежно произведут обратное действие, то есть будут способствовать объединению оппозиции».³¹ Но дальше обсуждения актуальных политических тем в частной переписке или частных беседах Шеллинг не шел, хотя начавшиеся репрессии в отношении студентов и профессоров немецких университетов не могли не вызывать тревоги и естественным образом волновали философа.

Пик этих репрессий пришелся на 1823–1825 годы, когда Центральная следственная комиссия в Майнце, учрежденная в соответствии с «Карлсбадскими постановлениями» для пресечения «демагогических происков», раскрыла два тайных общества — «Юношеский союз» («*Jünglingsbund*») и «Мужской союз» («*Männerbund*»), ставивших своей задачей, по мнению следствия, насильственное изменение государственного строя и объединение немецких земель в единое государство.³² Весь 1824 год и первая половина 1825 года прошли под знаком арестов членов запрещенных союзов и участников студенческих съездов, проходивших в этот период в разных городах (в Йене, Дрездене, Вюрцбурге и др.). Среди арестованных по данному делу оказался и ученик Шеллинга — французский философ Виктор Кузен (Victor Cousin, 1792–1867): он был задержан в Дрездене в октябре 1824 года, доставлен в Берлин и помещен под стражу в кёппеникскую тюрьму, откуда вскоре был выпущен под надзор полиции по ходатайству Гегеля.³³ Кузену было предъявлено обвинение в том, что он служил посредником между французскими и немецкими «революционерами»,

²⁷ Об отношениях между Гете и Шеллингом см. подробнее: *Fröschle H. Goethes Verhältnis zur Romantik. Würzburg, 2002. S. 93–96.*

²⁸ Шеллинг женился в 1803 году на Каролине Шлегель, бывшей жене Августа Шлегеля; Гете помог получить от великого герцога Карла Августа разрешение на развод четы Шлегелей.

²⁹ Подробнее см.: *Handbuch: Deutscher Idealismus / Hrsg. von J. Sandkühler. Weimar, 2005. S. 194–199; Beyne K. von. Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300–2000. Wiesbaden, 2009. S. 268; Schmiljun A., Thiel V. Schelling und die antipolitische Moderne: Ist die parlamentarische Demokratie in Gefahr? Berlin, 2017.*

³⁰ Одним из импульсов к принятию «Карлсбадских постановлений» стала «Записка о нынешнем положении Германии» (1818) А. С. Стурдзы (1791–1854). См. подробнее: *Brinkmann C. Die Entstehung von Sturdza's «Etat actuelle de l'Allemagne». Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // Historische Zeitschrift. 1919. Bd 120. S. 80–102; Мартин А. А. С. Стурдза и «Священный Союз» (1815–1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 145–151; Лямина Е. Э. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца» (А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов) // Россия = Russia. М., 1999. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. С. 135–145.*

³¹ *Aus Schellings Leben in Briefen: In 3 Bde. / Hrsg. von G. L. Plitt. Leipzig, 1870. Bd 2. S. 437.* См. также: *Гулыга А. В. Шеллинг. 2-е изд. М., 1984. С. 219.*

³² Раскрытие этого заговора послужило поводом для продления действия «Карлсбадских постановлений» на следующие пять лет по решению бундестага, принятому 16 августа 1824 года. Подробнее см.: *Acten-Stücke über die unter dem Namen des Männer-Bundes und des Jünglings-Bundes bekannten demagogischen Umtriebe / Hrsg. von C. Follenberg. Leipzig, 1833; Fraenkel H. Männerbund und Jünglingsbund. Freiburg, 1912.*

³³ Об участии Гегеля в деле Кузена подробнее см.: *Fischer K. Hegels Leben, Werke und Lehre. Heidelberg, 1901. Bd 1. S. 170–171; Д'Онт Ж. Гегель = Hegel: Биография / Пер. с фр. А. Г. Погоняло. СПб., 2012. С. 276, 352–353.*

однако ему удалось оправдаться, и уже в мае 1825 года он был освобожден от обвинений.³⁴ Эти последние политические гонения в немецких землях и стали, судя по всему, одной из тем, которую обсуждали Шеллинг и А. И. Тургенев в Карлсбаде в августе–сентябре 1825 года. Разговор коснулся и аналогичных процессов в России, не столь масштабных, как в Германии, но по своей направленности созвучных им: уже при первой встрече (24 августа) Шеллинг поинтересовался судьбой своего ученика и друга Юзефа Голуховского (1797–1858),³⁵ профессора Виленского университета, отстраненного от преподавания в марте 1824 года в связи со следствием по делу о тайных студенческих обществах (филоматов и филаретов), участники которых были преданы суду осенью 1824 года.³⁶

Вероятно, Шеллинг говорил о политических преследованиях и при последующих встречах с А. И. Тургеневым. В продолжение этих бесед Шеллинг и принес А. И. Тургеневу стихотворение «Демагогическое», считая его новым сочинением Гете. Судя по всему, Шеллинг не знал о публикации 1821 года и случайно натолкнулся на это стихотворение в журнале «Säcilia», который мог быть доступным в карлсбадской книжной лавке. Во всяком случае, текст, который он переписал для А. И. Тургенева, совпадает с тем, что был опубликован в «Säcilia», хотя имелась и другая, отличавшаяся мелкими деталями версия, которая была воспроизведена без указания имени автора под названием «Поздняя весна» («Der späte Frühling») в одном из июльских номеров 1825 года газеты «Morgenblatt für gebildete Stände»,³⁷ также продававшейся в Карлсбаде. О том, что это стихотворение вызвало живейший интерес Шеллинга, свидетельствуют воспоминания его гостей из Швеции, которых он принимал у себя незадолго до того дня, когда передал А. И. Тургеневу «Демагогическое»: 29 августа у него побывали Малла Силферстолпе (Malla Silberstolpe, 1782–1861), известная держательница литературного салона в Уппсале, считавшегося центром культурной и интеллектуальной жизни Швеции этих лет, Эрик Густав Гейер (Erik Gustaf Geijer, 1783–1847), профессор истории Уппсальского университета, поэт-романтик, издавший шведские народные песни, и молодой композитор Адольф Фредерик Линдبلاد (Adolf Fredrik Lindblad, 1801–1878), снискавший впоследствии славу «шведского Шуберта». «Разговор вращался в основном вокруг политических предметов. <...> Шеллинг прочитал нам новое стихотворение Гете, написанное в связи с демагогическими происками, которые здесь в Германии приковывают к себе всеобщее внимание», — записала в дневнике Малла Силферстолпе и дальше коротко пересказала содержание этой «забавной шутки».³⁸ Запомнился этот вечер и Гейеру: «Обсуждали важнейшие события последнего времени. Он (Шеллинг. — М. К., Е. Л.) откровенно признался, что у него еще не сложилось определенное мнение по этому вопросу. Потом, когда мы уже расстались, я долго обдумывал, что может стоять за этим признанием».³⁹ Вероятно, именно желанием так или иначе сформулировать свое отношение к этой теме объяснялось то, что Шеллинг заводил разговор о ней и с мало знакомыми ему людьми, к числу которых относились и его гости из Швеции, и А. И. Тургенев. Последний никак не прокомментировал в дневнике подаренное ему стихотворение и, похоже, не обсуждал его с братьями: ни в дневнике Николая Ивановича, ни в дневнике Сергея Ивановича этот эпизод не упоминается, хотя по крайней мере у Сергея Ивановича оно могло бы вызвать отклик, если учесть, с каким жаром в 1819 году он взялся писать опровержение

³⁴ Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt a/M., 1831. S. 309, 310, 324, 340, 341.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 38 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 293.

³⁶ См.: Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подг. текста, сост. библиографического списка и комм. А. И. Рейтבלата. М., 2013. С. 183–192, 277.

³⁷ Morgenblatt für gebildete Stände. 1825. № 157. 2. Juli. S. 625.

³⁸ Montgomery-Silberstolpe M. Das romantische Deutschland: Reisejournal einer Schwedin 1825–1826. Leipzig, 1912. S. 77.

³⁹ Aus Erik Gustav Geijers Erinnerungen // Morgenblatt für gebildete Stände. 1835. № 151. 25. Juni. S. 602.

«Записки» А. С. Стурдзы, послужившей толчком для ограничения академических свобод в университетах Германии и преследований «демагогов».⁴⁰

Для Александра Ивановича, однако, «демагогические разговоры» с Шеллингом оказались все же значимыми: уже расставшись с Шеллингом, за несколько дней перед выездом из Карлсбада, он составил список книг, которые намеревался купить во Франкфурте-на-Майне, и включил в него принятый в 1815 году Основополагающий договор Германского союза (Bundesakte), дополненный «Карлсбадскими постановлениями» в 1819 году, собираясь изучить эти важные для понимания становления конституционализма в Германии и оценки текущей политической жизни документы.⁴¹ Здесь же он отметил труды, которые планировал перечитать. Открывается этот перечень именами историка А. Г. Л. Геерена (Arnold Ludwig Heeren, 1760–1842) и философа Я. Ф. Фриза (Jakob Friedrich Fries, 1773–1843), представивших две крайние точки зрения на Германский союз и послевоенное устройство немецких земель. Первый из них, профессор истории Гёттингенского университета, стоял на охранительно-консервативных позициях и приветствовал создание союза, обосновав его «пользу» в работе «Германский союз в его отношении к европейской государственной системе» («Der Deutsche Bund in seinen Verhältnissen zu dem europäischen Staatensystem», 1816), второй считался давним оппонентом Шеллинга, а также идеологом «демагогического движения», за что был отстранен в 1818 году от преподавания в Йенском университете по решению Центральной следственной комиссии в Майнце; в 1816 году он выпустил в свет работу «О Германском союзе и Германской конституции» («Von Deutschem Bund und Deutscher Staatsverfassung») с критикой идеи союза в том виде, как он был утвержден Венским конгрессом. Именно эти сочинения вошли в список А. И. Тургенева, который, покидая Карлсбад, записал в дневнике: «Отсюда, т. е. из Карлсбада (1819), распространился мрак на университеты»,⁴² — замечание, явно навеянное беседами с Шеллингом, благодаря которому А. И. Тургенев увидел курортный Карлсбад в новой для себя перспективе — как город, где была решена политическая судьба современной ему Германии.

⁴⁰ См.: «Письмо к барону де М<ериану> о состоянии умов в Германии» С. И. Тургенева (Материалы к истории русско-европейской политической жизни 1810-х годов) / Публ., вступ. статья и пер. с фр. Е. О. Ларионовой; прим. М. Ю. Кореновой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). М., 2019. С. 212–275.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 60.

⁴² Там же. Л. 61.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-99-102

© Л. А. Трахтенберг

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «ЛЕЩИ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОЧНИК

«Лещи» — одна из поздних басен И. А. Крылова. Созданная, вероятно, в 1829 году, она была впервые опубликована в издании «Басен Ивана Крылова» 1830 года, где вошла в VIII книгу под номером XX.¹ Благодаря сохранившимся рукописям история работы автора над текстом хорошо документирована,² однако источник сюжета

¹ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни / Изд. подг. А. П. Могиланский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. С. 532 (сер. «Литературные памятники»).

² Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И. А. Крылова. СПб., 1878. С. 241; Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 532–533.

оставался неизвестным. Представляется, что этим источником могла быть басня Ж.-Ж. Буазара «Щуки».

Ж.-Ж. Буазар (1743–1831,³ по другим данным 1744–1833⁴) — французский баснописец, в свое время известный. Он начал публиковать басни с 1769 года.⁵ В 1773 году Буазар издал первый сборник, включивший 120 басен, о котором сочувственно отозвались Ф. М. Гримм⁶ и Вольтер.⁷ В дальнейшем выходили дополненные издания; в 1806 году Буазар выпустил книгу «Тысяча и одна басня».

Басня «Щуки» («Les Brochets») помещена уже в издании 1773 года.⁸ Кроме сборников Буазара, она была включена во «Французскую антологию»,⁹ которая была популярна в России: ее знал, в частности, Пушкин;¹⁰ М. А. Яковлев в предисловии к составленному им «Опыту русской анфологии» назвал ее как образец.¹¹ Крылов мог познакомиться с басней как по одному из сборников Буазара, так и по антологии.

Ситуация, обрисованная в басне Буазара, проста. Какой-то князь («un Prince») хвастается, что в его пруду много щук. Иностранец удивляется: ведь щуки съедят всех мелких рыб. Один из слуг отвечает на это: «Но разве щук мы не едим?»

Эти элементы есть и в басне Крылова. В ней барин пускает щук в пруд с лещами, а на вопрос друга о том, что станет с лещами, отвечает: «С чего ты взял, что я охотник до Лещей?»¹²

Крылов сохраняет не только сюжетную основу, но и композицию источника: ситуация вводится в повествовательной форме, а ее истолкование дается в диалоге персонажей. Объем диалога минимален: в нем две реплики — вопрос и ответ. Ответная реплика в обоих случаях завершается риторическим вопросом, который занимает последний стих басни и выступает как неожиданное разрешение заданной в начале текста загадки — пуант. Ни в той, ни в другой басне нет морали как таковой. Заключительный риторический вопрос не содержит прямого нравоучения, не выражает идею эксплицитно, а намекает на нее.

Эти совпадения едва ли случайны. Они дают основания предполагать, что Крылов знал басню французского автора и использовал ее, создавая свою. Однако басня «Лещи» — не перевод. Между баснями Крылова и Буазара есть существенные различия — как в форме, так и в содержании.

Прежде всего, различны системы образов. Крылов сокращает число персонажей-людей. Если у французского баснописца их трое, то у русского — лишь двое: князю и слуге соответствуют одно действующее лицо — барин, владелец пруда, который сам

³ A-t [Audiffret H.]. Boisard // Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Nouvelle éd. / Sous la direction de M. Michaud. Paris, 1843. Т. 4. P. 574–575; Faber J.-P. Boisard // Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours... / Sous la direction de M. le Dr. Hoefer. Paris, 1853. Т. 6. Col. 428–429.

⁴ Manuel du bibliographe normand, ou Dictionnaire bibliographique et historique... / Par É. Frère. Rouen, 1858. Т. 1. P. 120.

⁵ A-t [Audiffret H.]. Boisard. P. 574; Faber J.-P. Boisard. Col. 428.

⁶ Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle éd. Paris, 1830. Т. 8. 1772–1776. P. 179–181.

⁷ Voltaire. Œuvres complètes. Nouvelle éd.: [En 50 t.]. Paris, 1882. Т. 48. Correspondance. Т. XVI. Années 1772–1774. № 8452–9091. P. 354. № 8818 (письмо к Д. Дидро).

⁸ Boisard [J.-J.]. Fables. Paris, 1773. P. 187 (livre IV, fable XXII).

⁹ Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Paris, 1816. Т. 2. P. 213.

¹⁰ Томашевский Б. В. Источники стихотворений «Все мое — сказало золото» и «Глухой глухого звал» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28. С. 58–59; Щеголев П. Е. Пушкинское // Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 350.

¹¹ Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, аполгии и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым; изд. И. Слениным. СПб., 1828. С. III.

¹² Крылов И. А. Басни. С. 237.

дает ответ на вопрос своего друга, замещающего иностранца из басни-источника. Кроме того, у Буазара упоминаются другие рыбы — не лещ, а линь и пескарь.

Оба произведения невелики по объему, но текст Крылова больше. В басне Буазара лишь восемь стихов, в басне Крылова — шестнадцать. Впрочем, среди них есть сверхкраткие (двустопный и одностопный), типичные для вольного ямба русских басен;¹³ в вольном стихе басни Буазара самые короткие строки — восьмисложники.

Различие в объеме объясняется прежде всего тем, что у Крылова появляется вступительная часть, которой нет у Буазара. Басня «Лещи» открывается описательным вступлением. По рукописям видно, что над этим вступлением Крылов работал, добиваясь точного стилистического эффекта. Например, он отказался от черного варианта «В прозрачной как хрусталь воде»¹⁴ в пользу другого — «В прекрасной ключевой воде».¹⁵ Зачеркнув вариант «Их дни щастливые под голову катились», он остановился на таком: «И золотые дни, казалось им, катились». «Золотые дни» — поэтический фразеологизм, причем исключительно важный: в XVIII столетии, обычно в неполногласной форме — «златые дни», он был одним из центральных элементов, образывавших семантическое поле *золотого века* — ключевой культурной мифологемы.¹⁶

В первых стихах басни Крылов разрабатывает тему благополучия. Однако затем положение меняется; контраст двух ситуаций подчеркивает перебой ритма — единственная в басне одностопная строка, помещенная между двух шестистопных: «Как вдруг / К ним барин напустить велел с полсотни щук».¹⁷

Вступительная часть басни у Буазара статична: в ней, собственно, нет событий, есть лишь ситуация, на первый взгляд кажущаяся непонятной и требующая объяснения. Крылов же, развивая вступительную часть текста, вносит в нее динамику.

Кроме того, Крылов вносит в характеристику лещей черты антропоморфизма. Этой цели также служат те образы, которые он подбирает в ходе работы над текстом: и мотив *золотых дней*, и эпитет «прекрасный», изображающий положение дел как бы с точки зрения лещей. Антропоморфные характеристики персонажей-животных в жанре басни совершенно обычны, но басня Буазара принадлежит к числу тех, где этого приема нет. Крылов же парадоксально соединяет в одном тексте персонажей-людей и персонажей-животных, которым придаются антропоморфные черты, — прием, которым он пользуется нередко.

Расширению вступительной части соответствует и различие названий: «Щуки» — у Буазара, «Лещи» — у Крылова. В автографе Крылова зафиксировано название «Лещи и Щуки»,¹⁸ но поэт отбросил этот вариант, предпочтя иной — однословный. Слово «лещи» не только вынесено в заглавие, но и завершает последний стих басни, таким образом замыкая ее в кольцо.

Все эти изменения — проявления общей тенденции. По сравнению с французским источником в басне Крылова смещается фокус внимания; при сохранении сюжетной канвы меняется соотношение образов и тем. В обеих баснях есть персонажи-люди и персонажи-рыбы. У Буазара в центре внимания — люди, и в первую очередь князь. Для Крылова же важен и образ лещей, которых барин отдает в жертву щукам.

¹³ Тимофеев Л. И. Вольный стих XVIII века // *Ars poetica*: Сб. статей / Под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо. М., 1928. Вып. 2. Стих и проза. С. 107 след.; Штокмар М. П. Вольный стих XIX века // Там же. С. 122 след.; Матяш С. А. 1) Басенный и драматический вольный ямб (к проблеме генезиса стиха комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») // *Русская литература*. 1984. № 1. С. 183; 2) Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. С. 162–167.

¹⁴ Могиланский А. П. Комментарии. С. 532.

¹⁵ Крылов И. А. Басни. С. 237.

¹⁶ См.: Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск, 2006. С. 60 след.

¹⁷ Крылов И. А. Басни. С. 237.

¹⁸ Степанов Н. Л. <Примечания> // Крылов И. А. Полн. собр. соч.: [В 3 т.] / Под ред. Демьяна Бедного. М., 1946. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / Ред. Д. Д. Благого; подг. текста и прим. Н. Л. Степанова (басни), Г. А. Гуковского (стихотворения), С. М. Бабинцева (письма). С. 509.

Басня Буазара — пример юмора, а не сатиры. По структуре она близка анекдотам об остроумном ответе; ее интерес — в заключительном пуанте. Пуант сохранен и у Крылова, но благодаря изменению структуры текста в нем выражается новое содержание.

В басне Крылова можно усматривать сатирический смысл. Крылов направляет басню против угнетателей, выражая сочувствие угнетенным. Комментаторы предполагали, что басня «Лещи» относится к положению крепостных, как и басня «Рыбьи пляски».¹⁹ Как свидетельство в пользу этой интерпретации можно рассматривать черновик, где читается такая строка: «И барской милостью хвалясь они резвились».²⁰ Крылов вычеркнул этот стих, но слова «барин» и «боярин» в окончательном тексте остались. Применение традиционных басенных сюжетов к конкретно-историческому положению — обычный для Крылова прием, и читатели ждали от него аллюзий на современность:²¹ в частности, басня «Рыбьи пляски» также варьирует известный мотив — в данном случае из басни Эзопа «Рыбак»²² (сюжет № 11 по указателю Б. Э. Перри²³). Но возможно, идея басни не сводится к обличению крепостного права: допуская различные толкования, аллегория придает ее сатирическому содержанию универсальный характер.

Таким образом, басня «Лещи» — пример трансформации зарубежного источника. Ее основой служит басня Буазара «Щуки». Однако если стиль Буазара отмечен лапидарностью, простотой, то Крылов дополняет басню ярким описательным вступлением. На смену статической ситуации приходит динамика сюжета. Образ жертвы, почти незаметный в басне Буазара, у Крылова выходит на первый план. Не ограничиваясь юмористическим эффектом финала, Крылов придает басне сатирический смысл.

¹⁹ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 533; Степанов Н. Басни Крылова. М., 1969. С. 44.

²⁰ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 532.

²¹ Гордин М. А. Крылов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 181.

²² Падучева Е. В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9. С. 54 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 422).

²³ Babrius, Phaedrus. Fables / Ed. and transl. by B. E. Perry. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2014. P. 423 (Loeb Classical Library; № 436).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-102-112

© А. А. Панченко

О КАКИХ ДУХОБОРЦАХ ПИСАЛ А. И. ГЕРЦЕН В «БЫЛОМ И ДУМАХ»?

В четвертой части «Былого и дум», вспоминая о своей жизни в Новгороде в 1841–1842 годах, Герцен пишет: «В Новгородской губернии в царствование Екатерины было много духоборцев.¹ Их начальник, старый ямской голова, чуть ли не в Зайцеве, пользовался огромным почетом. Когда Павел ехал короноваться в Москву, он велел позвать к себе старика — вероятно, с целью обратить его. Духоборцы, как квекеры, не снимают шапки — с покрытой головой взмошел седой старец к гатчинскому императору. Этого он вынести не мог. Мелкая и щепетильная обидчивость особенно поразительна в Павле и во всех его сыновьях, кроме Александра; имея в руках дикую власть, они не имеют

¹ Духоборцев ли, я не уверен (прим. А. И. Герцена).

даже того звериного сознания силы, которое удерживает большую собаку от нападения на маленькую.

— Перед кем ты стоишь в шапке? — закричал Павел, отдуваясь и со всеми признаками бешеной ярости. — Ты знаешь меня?

— Знаю, — отвечал спокойно раскольник, — ты Павел Петрович.

— В цепи его, в каторжную работу, в рудники! — продолжал *рыцарственный* Павел.

Старика схватили, и император велел *зажечь* с четырех концов село, а жителей выслать в Сибирь на поселение. На следующей станции кто-то из его приближенных бросился к его ногам и сказал ему, что он осмелился приостановить исполнение высочайшей воли и ждет, чтоб он повторил ее. Павел несколько отрезвел и понял, что странно рекомендоваться народу, выжигая селения и ссылая без суда в рудники. Он велел синоду разобрать дело крестьян, а старика сослать на пожизненное заточение в Спасо-Евфимьевский монастырь; он думал, что православные монахи домчат его лучше каторжной работы; но он забыл, что наши монахи не только православные, но люди, любящие деньги и водку, а раскольники водки не пьют и денег не жалеют.

Старик прослыл у духовборцев святым; со всех концов России ходили духовборцы на поклонение к нему, ценою золота покупали они к нему доступ. Старик сидел в своей келье, одетый весь в белом, — его друзья обили полотном стены и потолок. После его смерти они выпросили дозволение схоронить его тело с родными и торжественно пронесли его на руках от Владимира до Новгородской губернии. Одни духовборцы знают, где он схоронен; они уверены, что он при жизни имел уже дар делать чудеса и что его тело нетленно.

Я все это слышал долею от владимирского губернатора И. Э. Куруты, долею от ямщиков в Новгороде и, наконец, от посошника² в Спасо-Евфимьевском монастыре.³

С точки зрения специалиста по истории русских религиозных диссидентов XVIII–XIX веков, весь этот эпизод выглядит не очень правдоподобно. Родиной и областью преимущественного распространения движения духовборцев в последние десятилетия XVIII века были центральные губернии и Слободская Украина, тогда как в Новгородской сохраняло популярность старообрядчество поморского и федосеевского толков. Лидером духовборцев на рубеже столетий оставался Савелий Капустин, возглавивший в 1800-е годы переселение своих единомышленников в Таврическую губернию и скончавшийся там в конце 1810-х или в начале 1820-х годов.⁴ Насколько нам известно, он никогда не был ни в Спасо-Евфимьевском монастыре, ни в Новгороде. Большинство описаний ритуалов и верований духовборцев рубежа веков не упоминают запрета снимать головной убор, подобного квакерскому.⁵ Герцен, впрочем, тоже сомневался, о духовборцах ли идет речь, хотя в первом варианте соответствующей главы «Былого и дум»,

² Дьякон или иподьякон, который носит жезл во время архиерейского служения.

³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 81–82.

⁴ См.: Иникова С. А. Цена «Царства Божьего» на Молочных Водах (1802–1841) // Религиоведение. 2003. № 3. С. 25–40.

⁵ Вероятно, Герцен прочитал об этом в книге П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» (СПб., 1803. Ч. I), где утверждалось, что «духоборцы имеют много сходственного в уставах и обычаях с квакерскими, особливо же с геригутскими правилами» и что они «шляп и шапок почти не снимают, разве из отличного уважения или по необходимости» (с. 44–45). С другой стороны, здесь можно допустить и влияние фольклорного сюжета о жестоком правителе, наказывающем иностранца и/или иноверца, который не снимает перед ним головной убор: шапку приколачивают к голове жертвы гвоздями. Такие истории рассказывали и о Дракуле (*Лурье Я. С. Повесть о Дракуле*. М.; Л., 1964. С. 65–67), и об Иване Грозном (*Росовецкий С. К. Устная проза XVI–XVII вв. об Иване Грозном-правителе* // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 82–83; *Perrie M. The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge et al., 1987. P. 96–99). В версии, записанной в Тамбовской губернии в XIX веке, Иван Грозный приказывает, например, прибить ермолку к голове еврея-торговца (*Аристов Н. Я. Русские народные предания об исторических лицах и событиях* // Труды Третьего Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 340–341). Пользуюсь случаем поблагодарить А. Л. Топоркова, указавшего мне на этот сюжет.

опубликованном в «Полярной звезде» в 1855 году, этого примечания нет.⁶ Так о чем же все-таки говорится в «Былом и думах»? Что это за странная история о новгородских духоборцах и императоре Павле?

Здесь нужно сделать одну оговорку. История конфессионима «духоборец» в русском языковом обиходе XVIII–XX веков довольно причудлива. Сейчас он обозначает конкретную этноконфессиональную группу, обладающую устойчивой ритуалистикой, корпусом священных песнопений (так называемые «псалмы»), некоторым количеством догматических положений, а также — в случае канадских духоборцев — собственной религиозной организацией.⁷ В XVIII веке, однако, все было не так. Сам этот термин представляет собой буквальный перевод греческого πνευματομάχοι и отсылает к христианской полемике IV века о Святом Духе и о Троице в целом. *Пневматомахи* в ту эпоху называли богословов, отвергавших божественность Святого Духа. «Учение о Св. Духе у духоборцев отличается разнообразием трактовок. Наиболее нейтральная формулировка принадлежит Евстафию Севастийскому: „Я не дерзаю называть Святого Духа ни Богом, ни тварью“. <...> Отношение Духа к Отцу и Сыну характеризуется у духоборцев понятием иносущия <...> Дух чужд Отцу и Сыну как по естеству, так и по достоинству, ибо Его природа служебная <...> Св. Дух в таком случае мыслится как некий посредник между Богом и творением, Он не достигает божественного достоинства, но и не низводится до природы остальных существ, занимая промежуточное положение, не являясь ни Богом, ни одним из тварей...»⁸ В древнерусских богословских текстах слово «духоборец» употребляется именно в подобном значении. Так, в послании киевского митрополита Иоанна II римскому папе Клименту III (1080-е годы) говорится: «Мните бо две власти и две воли и две зачале о Святем Дусе приводити... и сим, в Македонья духоборца, запинаящися, впадаете в ересь, его же да не будет».⁹ В кормчей XVI века читаем: «Духоборници сии о Христе добре глаголют нечто, дух ж <е> святыи хулят, създаныи проповедающе и не сущь от божества».¹⁰ Такое понимание термина сохранилось и в XVIII веке. В «Словаре Академии Российской» он описывается следующим образом: «Отвергающий личность или Божество Духа святаго». Здесь, однако, в качестве примера приводился (не вполне точно) тропарь св. Стефану Сурожскому, заточенному в темницу при Льве III Исавре за поддержку иконопочитания: «Восприем крест оружие и став крепко сопротив укорителя и духоборцов».¹¹

Большинство исследователей вслед за О. М. Новицким¹² утверждали, что слово «духоборцы» было применено к русским религиозным диссидентам екатеринославским архиепископом Амвросием Серебренниковым. С. А. Иникова, впрочем, отмечает, что оно «впервые встречается в рапорте архиепископа Славенского и Херсонского Никифора Синоду от 18 марта 1786 года».¹³ Не исключено, что дальнейшие архивные разыскания могут открыть и более ранние случаи употребления этого термина по отношению к религиозным диссидентам. Как бы то ни было, за официальным термином «духоборцы» в конце XVIII века не было закреплено какое-либо устойчивое религиозно-этнографическое значение. Представителей так называемого «народного протестантизма», т. е. крестьянских и однодворческих групп, отвергавших церковную обряд-

⁶ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 9. С. 282.

⁷ См.: Иникова С. А. Духоборцы // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 361–368.

⁸ Михайлов П. Б. Духоборчество // Там же. С. 371.

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 746.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 381.

¹¹ Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2001. Т. 1. С. 805. Оригинальный текст тропаря звучит следующим образом: «Яко святитель со безплотными единопотель быв, священномучениче Стефане, восприем бо крест, яко оружие, и став крепко сопротив иконоукорителя и духоборцев, не поклоняющихся пречистому образу Христа Бога нашего, и отсека еси всяку ересь лукавых» (Полный тропарион на каждый день года / Сост. монахиня Сергия (Рыбина). Сергиев Посад, 2008. С. 206).

¹² Новицкий О. М. О духоборцах. Киев, 1832. С. 5.

¹³ Иникова С. А. Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1997. №. 1. С. 40.

ность, священство и иконопочитание, могли также называть «иконоборцами» или «молоканами» («малаканами»). Последний термин, по-видимому, имеет «низовое» происхождение и связан с тем, что религиозные диссиденты употребляли в постные дни молоко.¹⁴ Первоначально слова «духоборцы» и «молокане» функционировали исключительно как экзонимы; эндонимами они, вероятно, стали только на рубеже XVIII и XIX веков, когда их стали использовать сами представители различных ответвлений «русского народного протестантизма».

Вернемся, однако, в Новгородскую губернию времен Павла I. Источники Герцена — губернатор, ямщики и посошник — были, по-видимому, не вполне точны, но и не пересказывали полностью выдуманные истории. Прежде всего, речь шла не о Зайцевской (Крестецкого уезда), а о Чудовском яме (современный город Чудово Новгородской области). Кроме того, дело происходило спустя три года после коронации императора. В высочайшем указе генерал-прокурору П. Х. Оболянинову от 30 марта 1800 года говорилось: «Новгородской губернии в селе Чудове и слободе и пристани Сосницкой открылись отвергающиеся церкви, ее таинств и святых, не признавая государя и предпоставленной власти, которых повелели мы предать гражданскому суду. Из них некоторые, по открытии истинных обманов и противных толков, принесли раскаяние пред Богом и пред нами, а тем самым обрели наше милосердие и прощение, с каковым обыкли принимать каждого, чистосердечно признающегося в неумышленном преступлении. За тем, оставшиеся, по закоснелости сердец, в буйном зломыслии упорными, подвергли себя всей тяжести законного наказания: с каковыми и впредь в подобном случае поступать».¹⁵

В том же году «духоборцы» были обнаружены и в Москве, «и в числе их находившийся на печатном дворе наборщик Петр Тиханов».¹⁶

Императорский указ не передает деталей вероучения чудовских «раскольников», подчеркивая лишь, что антицерковная идеология сочеталась у них с отказом от политической лояльности. Однако следственное дело «о духоборцах, открытых в Чудовском яме», сохранилось в архиве Тайной экспедиции, так что мы можем приблизительно представить себе, что там происходило. Следствие, судя по всему, началось с анонимного доноса или агентурной записки, где сообщалось следующее: «...Оная <секта> существует под названием иконоборской или малаканской; сия названия происходят от уничтожения святых икон и постов, в которые, хотя и с крайней осторожностью от посторонних, употребляют оне молоко и мясо. Законоположения их состоят в признании единственно Бога-Отца, отвергая совершенно Бога триипостасного и все догматы и таинства христианского исповедания. Начальники их <...> присвояют дух пророчества, предвещая некоторым в скором времени смерть, что и сбылось с одной женщиной, которой определили умереть в день Евдокии, а иногда кончину века, полагая оному срок, например, на сих днях предсказывали представление света в день Светлого Вокресения, накануне же срока, ими назначенного, одеваются в белые саваны и делают крик и странные телодвижения; для поучения Закона собираются в большом числе и вечером в дома своих проповедников, кои для уверения святости своей избирают из священного писания имена, сходные с их собственными именами, и уверяют, что те пророчества точно о них были писаны».¹⁷

Чудово, однако, никто поджигать не собирался. Наоборот, шестерых «начальников секты» арестовали 21 марта 1800 года и отправили в Петербург в строжайшей тайне. В дальнейшем, правда, следствие приняло бóльший размах: всего в Чудове и окрестностях был схвачен 41 человек.¹⁸ В ходе допросов выяснилось следующее. По одной из

¹⁴ О равнозначном употреблении терминов «духоборцы» и «молокане» в официальных документах конца XVIII — начала XIX века см.: *Новицкий О. М.* Духоборцы. Их история и вероучение. Киев, 1882. С. 39–44.

¹⁵ Собрание постановлений по части раскола, состоявшееся по ведомству св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. 1716–1800. С. 783–784.

¹⁶ Там же. С. 784.

¹⁷ РГАДА. Р. VII. Оп. 2. № 3455. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 1–2.

версий, основателем чудовской общины был пожилой ямщик Ефрем Семенов, некогда переведенный сюда «для населения яма из украинских губерний»:¹⁹ «...Он прежде малому числу выдавал себя, что якобы он при содействии духа свыше взят будет в Петербург, поставитый на вышнюю степень, и им будет покровителем, а потом обольстил и многих...».²⁰ Впрочем, по другим сведениям, «сия ересь началась от давно умершего старика Жарина, который, имея при себе Евангелие с толкованиями, делал свои поучения, но его не запомнит <так!>, а при них главным был Ефрем, который наставил их поступать по Евангелию и Библии, разрешил посты, научая ничему не следовать, что установлено соборами. <...> Они, удостовераясь от стариков, что скоро последует конец свету, думают пострадать за веру для спасения своего».²¹ Помимо Ефрема Семенова, одним из лидеров чудовской общины был 26-летний Марк Егоров Шарапов, занимавшийся толкованием Библии. Кроме отказа от почитания икон и православной ритуальстики Ефрем и Марк проповедали скорое наступление конца света и неповиновение властям. Так, ямщик Иван Тимофеев показывал: «Государю и власти не повинуются, сказывая, что когда ему читаны были в церкви книги от церковников Библия и Апокалипсис, то он с Марком Егоровым наслышался, будто в оных книгах, а особливо в Апокалипсисе в 13 главе повиноваться царю и власти запрещено и хотя церковники ему сказывали, что он не так, как должно, понимает слова из тех книг, но он не соглашается верить церковникам».²² Еще один ямщик — Иван Афанасьев Лосяков — говорил, что «государя императора и поставленных от него властей не почитает, ибо государь есть по Апокалипсису антихрист. Таковое учение принял он от Марка Егорова Шарапова, которой, читая Евангелие и Апокалипсис, толковал ему о том».²³ Из других показаний явствует, что Марк толковал евангельскую историю «о жене Самарянской»,²⁴ т. е., по всей вероятности, рассказывал о поклонении Богу «в духе и истине».²⁵ В своем донесении генерал-прокурору П. Х. Обольянинову новгородский гражданский губернатор В. М. Ржевский писал о подследственных: «...Из оных некоторые призваны были к нам и мы <...> нашли, что они действительно до крайности остервеневши в деизме и, кроме Невидимого Бога, не признают никакой власти».²⁶ Наконец, у чудовских диссидентов, по-видимому, была в широком ходу практика пророчеств. Так, ямщики реагировали на тайный арест «начинщиков» следующим образом: «На другой день <...> стали собираться к Ивану Семенову, который уверяет их, что оное худых последствий иметь не будет, а что естли что и случилось, то для того, что было пророчество».²⁷

Скорее всего, Павел действительно собственноручно допрашивал «начальников секты», и уже на другой день после ареста их отправили в Динаминдскую (Даугавгривскую) крепость в Риге. Правда, «старика Ефрема» туда увезти не удалось: он скоропостижно «умер от удара» и ночью был тайно похоронен на Смоленском кладбище.²⁸ Еще одного ямщика — Сидора Ануфриева — 26 марта били кнутом в равелине и послали в Шлисельбург. Иван Тимофеев, приравнивавший «повиновение государю и власти» к поклонению апокалиптического зверю, был наказан розгами. В Сибирь, впрочем, никого из арестованных не сослали. Герцен, однако, прав в том отношении, что император по каким-то причинам довольно скоро «отрезвел» и смягчился.²⁹ Уже

¹⁹ Там же. Л. 47.

²⁰ Там же. Л. 40.

²¹ Там же. Л. 87–87 об.

²² Там же. Л. 70.

²³ Там же. Л. 96.

²⁴ Там же. Л. 71.

²⁵ «Но грядет час, и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною, ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему. Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться» (Ин. 4: 23–24).

²⁶ РГАДА. Р. VII. Оп. 2. № 3455. Л. 53–53 об.

²⁷ Там же. Л. 27.

²⁸ Там же. Л. 20.

²⁹ При том что за год до этого Павел повелел навечно сослать в Екатеринбург для разработки рудников «в самые тяжкие работы» 31 духоборца из Новороссийской губернии (Новицкий О. М. Духоборцы. С. 53).

25 марта он лично отпустил четырех подследственных, а 30 числа приказал вернуть «секретных арестантов» из Динаминда и Шлиссельбурга. В тот же день большинство подсудимых «раскаялись» и были «отпущены домой», а 9 апреля возвращенных в Петербург «начальников» заставили причаститься и тоже освободили. На этом история борьбы Павла с новгородскими «духоборцами» закончилась, да и жить императору оставалось меньше года.³⁰

Впрочем, деятельность религиозных диссидентов из Чудова не прекратилась, о чем свидетельствуют расследования, производившиеся здесь духовными и светскими властями в 1807, 1810-х, 1825 и 1830-х годах. Их материалы недавно были введены в научный оборот И. А. Мельниковым, так что теперь мы лучше можем представить себе, как трансформировались учение, идеология и религиозные практики этой группы. Ее называли не только «духоборцами», но и «молоканами», «духовщиной» и даже «христовщиной».³¹

В 1807 году в Новгородском уезде были арестованы два беглых крестьянина графа А. А. Аракчеева братья Семен и Ефим Ульяновы. Новгородский гражданский губернатор А. В. Васильчиков сообщал в своем донесении министру внутренних дел, что «в Чудовском яму и в многих других около лежащих селениях издавна укоренилась ересь, известная под названием духовщины», и что «люди, ей преданные», именуются «духоборцами или просто малаканами».³² Однако, как ему казалось, «развратники сии более, нежели малаканы или духоборцы. Они сами собою образовали новые нелепые и, известным доселе предположением духовщины, противные мнения».³³ Действительно, Ефим Ульянов на допросе показывал: «...Веры же никакой не почитаю и в Христа не верю, равномерно и святых угодников никаких не почитаю, и поста не держу, а верю только в одного Бога, и по мнению моему Христова рождения ожидаю, поелику полагаю, что Христа нет и не было, и держусь той самой малаканской секты, за которую лет помнится назад тому восемь одного уезда некоторых ямщиков возили в Петербург».³⁴ Старший брат Семен, которому в то время было 33 года, в свою очередь, говорил следующее: «...Веры же никакой не почитаю и в Христа не верю и, что есть Христос, тому не верю и не в каких угодников не верю и не почитаю, а почитаю самого себя Христом! Поста никакого не держу и почитаю, что подобного мне на земли нет»;³⁵ «церковь равно и святое причастие я ни во что не ставлю и никакого спасения в оном не почитаю».³⁶ Братья были грамотными, и у Ефима при аресте нашли, в частности, «Краткую священную историю», которую ему дал крестьянин из деревни Остров.³⁷

Через четыре года в той же деревне Остров был обнаружен еще один «начальник оной секты» — ямщик Афанасий Игнатьев. О своем учении он рассказывал так: «Крещение младенцев хотя он и допускает, но сие, так как и бракосочетание, считает пустым действием и сих таин не признает, а исполняет их единственно по наружности, дабы избежать взыскания от правительства; с такими же расположениями он ходит и в церковь, но почитая все церковию соблюдаемые тайны и обряды суетностию; презирает их душевно, ибо церковь внутри каждого человека находится, а все прочее пустое и наружный обман. Не признает он никакой власти и даже самой верховной, ибо все духом равны, а тот больше, кому благодать дана; которую он посредством поста и молитвы и получил 4-го числа сего м<еся>ца³⁸ от Духа Святого; получа которую,

³⁰ РГАДА. Р. VII. Оп. 2. № 3455. Л. 1–2.

³¹ Мельников И. А. Русские религиозные диссидентские движения Новгородской губернии в п<ервой> пол<овине> XIX в.: «духовщина» // Новгородика — 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Междунар. науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Шмелева. Новгород, 2018. Т. 2. С. 161.

³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1807 г. № 2. Л. 1.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 23.

³⁶ Там же. Л. 28.

³⁷ Там же. Л. 22 об.

³⁸ декабря

он ныне уже не обязан исполнять никаких гражданских обязанностей, а занимается поучением и пророчеством другим о втором и скором пришествии на землю и Иисуса Христа <так!>; для чего и ездил тайно по селениям <...> По сей данной ему свыше благодати он более девяти дней не ел и к тому не имеет пожелания. Свыше ему дано знать, что чрез три года будет пришествие и Иисуса Христа, который воскресит всех умерших и осудит их так, как и живых, застатых им, по делам, и будет тогда новый духовный мир, не требующий пищи телесной. Он Игнатъев научение сие получил от отца своего Игнатия Зиновьева, а сей от бывшего ямщика Ефрема Семенова Соснинской Слободы, который, быв взят в Санкт-Петербург в царствование государя императора Павла Первого, неизвестно где ныне находится. Потом он Игнатъев с прочими научаем был сей мудрости крестьянами Семеном и Ефимом Ульяновыми <...> кои посланы после в Сибирь. Они научали и притворствовать ходить в церковь и явно не пренебрегать земную власть и при молитве не употреблять никакого креста, а молиться духом». ³⁹

Хотя 31 января 1812 года Афанасий Игнатъев умер под стражей, ⁴⁰ деятельность «чудовских раскольников» (которых власти теперь обычно называли «малаканами») продолжалась и в этом, и в следующем десятилетии. В 1825 году в Чудово «для обращения на путь истинный впадших в сию ересь» был отправлен священник новгородской Дмитриевской церкви Алексей Иванский. Правда, судя по его отчету, облик «ереси» уже был несколько иным: хотя «богохульное малаканство» по-прежнему подразумевало «неуважение святых икон и насмешки над поклоняющимися оным», речь теперь шла и о «расторжении браков», т. е. отказе от супружеских отношений. ⁴¹ Более того, среди вроде бы обращенных Иванским местных жителей особо упоминалась «жена ямщика Евсигнея Трофимова Матрена Стефанова, зараженная ересью по названию христовщина». Матрена не жила со своим мужем «якобы по причине развратной жизни его», воздерживалась «от ястия мяс», считала себя «святою наподобие Божией Матери» и «называлась Богородицею», а также, «не имея собственных детей», брала на воспитание «подкидышей женского пола». Когда Иванский заставлял обращенных «еретиков» присягать на верность православию с «целованием креста и Евангелия», Матрена повторяла слова клятвы «неволею», «глаза свои в землю потупя, то в сторону, от креста и Евангелия отвращая». ⁴²

Таким образом, по своим религиозным практикам и учению чудовские религиозные диссиденты в нескольких отношениях отличались от тех духоборцев по самоназванию, которые в начале XIX века поселились в Таврической губернии, да и от их тамбовских предшественников 1760–1770-х годов. ⁴³ Стоит, впрочем, иметь в виду, что термины «духоборцы», «молокане» и «иконоборцы», как уже было сказано, использовались духовными и светскими властями конца XVIII века без существенной этнографической и религиоведческой спецификации, да и сами процессы конфессионализации «русского народного протестантизма», т. е. формирования более или менее обособленных общностей духоборцев, молокан и иудействующих, в конце XVIII — начале XIX века носили, вероятно, довольно сложный характер. История религиозных исканий чудовских ямщиков интересна в данном случае тем, что демонстрирует противоречивость и изменчивость религиозных идей и практик в подобных диссидентских общинах этой эпохи. По всей видимости, идеи «духовного христианства» были принесены в Чудово переселенцами из Слободской Украины в конце XVIII века. Расследование 1800 года показывает, что в этой общине были распространены эсхатологические ожидания, связанные с ними антиправительственные настроения, а также практика пророчеств. Если верить анонимному сообщению, открывающему следственное дело, здесь могли быть в ходу и экстатические ритуалы, напоминающие ра-

³⁹ Там же. 1811 г. № 17. Л. 1 об. — 2.

⁴⁰ Там же. Л. 26–26 об.

⁴¹ Там же. 1827 г. № 146. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 2–2 об.

⁴³ См. об этом: *Высоцкий Н. Г.* Материалы из истории духоборческой секты. Сергиевский Посад, 1914; *Иникова С. А.* Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века. С. 39–53.

дение в христовщине и скопчестве⁴⁴ («одеваются в белые саваны и делают крик и странные телодвижения»). Ефрем Семенов, кроме того, пророчествовал о своем будущем высоком положении в Петербурге, что может подразумевать политическое самозванство, и это обстоятельство опять-таки напоминает нам о скопчестве.⁴⁵ С другой стороны, демонстративный отказ от постов, наоборот, отличает тогдашних «чудовских раскольников» от хлыстов и скопцов. Следственное дело о братьях Ульяновых показывает, что один из них считал себя Христом, а другой утверждал, что Христос еще вообще не родился. Получивший «посредством поста и молитвы» «благодать Духа Святого» ямщик Афанасий Игнатъев, в свою очередь, ожидал, что в 1814 году «случится второе пришествие и Страшный Суд, после чего наступит новый духовный мир, не требующий пищи телесной». При этом благодать позволяла ему не признавать никакой власти и не исполнять гражданских обязанностей. Наконец, «называвшаяся Богородицею» Матрена Стефанова проповедала в 1825 году не только воздержание от мясной пищи, но и отказ от супружеских отношений, что прямо указывает на идеи и практики христовщины. Получается, что в общине чудовских религиозных диссидентов свободно сочетались формы религиозной культуры, которые принято приписывать различным движениям «старого русского сектантства», и что с течением времени это сочетание могло довольно существенно меняться.

О каком все же «старике» пишет Герцен? Что это за духоборческий «святой»? Напомню, что у духоборцев действительно было распространено почитание религиозных лидеров, начиная с одного из основателей движения Иллариона Побирохина. Но, как уже было сказано, на рубеже столетий лидером духоборцев считался Савелий Капустин, ни в Новгороде, ни в Спасо-Евфимиевском монастыре, по-видимому, не бывавший. И. А. Мельников предположил, что «прототипом легенды, переданной А. И. Герценом», мог быть Ефрем Семенов, «взятый в Санкт-Петербург» «в царствование государя императора Павла Первого» и упомянутый в показаниях Афанасия Игнатъева на допросе в 1811 году.⁴⁶ Однако, как мы знаем из дела 1800 года, Ефрем Семенов умер на следующий день после ареста и ни в каком заточении тоже не был.

Мне представляется, что речь идет о совсем ином «прототипе» и вообще о другой истории, тоже, впрочем, связанной с именем Павла I. В конце 1796 года, вскоре после восшествия на престол, новый император потребовал к себе нескольких лидеров движения скопцов и в их числе Кондратия Селиванова, сосланного в середине 1770-х годов в Нерчинск. По слухам, Павел, веривший в легенду о чудесном спасении своего отца, пытался выяснить, верно ли говорят, что Селиванов и есть Петр III. Эта встреча оставила свой след в скопческих преданиях и песнях, где, в частности, сообщается следующее:

А царь сердцем встрепенулся,
На отца он ужаснулся,
И заплакал, затужил,
Все собранья нарушил,
Послал скорого гонца
Отыскать своего отца:
Чтоб представить бы в столицу
Со Иркутской со границы.
Скоро это сотворил,
К отцу двери растворил,
Он взошел со бурным духом
И сам гордо говорил:
«Сотвори волю мою!
Теперь я имею власть, —

⁴⁴ См.: Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 237–271.

⁴⁵ Там же. С. 177–178.

⁴⁶ Мельников И. А. Русские религиозные диссидентские движения Новгородской губернии... С. 164.

Возведу тебя на трон,
 Отдам скипетр и венец,
 Если только мой отец!»
 Наш батюшка искупитель
 Глаголал слово с высоты:
 «Что греху я не отец,
 Разорить пришел вконец,
 Чистоту буду любить.
 Грех хочу весь порубить;
 А во праведной семье
 Буду в трубушку трубить,
 Всех поставить, утвердить».
 А царь крепко осерчал,
 Забыл первый свой начал;
 Потом очень закричал,
 Затворил он крепко двери:
 «Не хочу быть в твоей вере,
 А за этот за смешок
 Пошлю в каменный мешок».⁴⁷

Далее в песне рассказывается о том, как Селиванов предрек Павлу скорую смерть и благословил на царствование «кроткого» Александра. Слухи такого рода, по-видимому, тоже ходили в Петербурге, о чем свидетельствует в своих мемуарах Ф. П. Лубяновский, служивший тогда инспекторским адъютантом при управлявшем Литвой, Лифляндией и Эстляндией генерал-фельдмаршале князе Репнине. Он пишет следующее: «Скоро по приезде князя Николая Васильевича (Репнина. — А. П.) в столицу император приказал ему послать за двумя арестантами, которые содержались в Динаминде; приказано было привезти их с дороги прямо во дворец к его величеству. Прямо туда и привез их в начале декабря 1796 года Егор Егорович Гине, впоследствии президент лифляндского обер-гоф-герихта. Были они скопцы из числа главных учителей этого толка. По рассказу Гине, император довольно долго, но тихо говорил с ними в кабинете; потом, обратясь к Гине, велел ему отдать их на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же, пока останется в Петербурге, бывать у них и о чем нужно докладывать кому следовать будет». Далее Лубяновский сообщает, что через несколько недель Гине спешно покинул столицу, напуганный предсказаниями скопцов о скорой кончине Павла I.⁴⁸

О чем бы в действительности ни беседовал император со скопческими «учителями», в начале 1797 года шестеро из них были заключены в Шлиссельбургскую крепость, а Селиванова в качестве «секретного арестанта» поместили в Обуховский смиренный дом. Его выпустили оттуда только при Александре I — в 1802 году, и вскоре глава скопческого движения стал заметной фигурой в «мистическом Петербурге» первых десятилетий XIX века. Селиванов пользовался авторитетом не только среди членов скопческой общины, считавших его новым воплощением Христа, но и в высшем петербургском свете — в качестве пророка и предсказателя будущего. К нему вроде бы даже приезжал за советом Александр I незадолго до Аустерлица. Однако к концу 1810-х годов отношение правительства к скопцам изменилось, и летом 1820 года Селиванов был арестован и выслан в Спасо-Евфимиевский монастырь, где и умер двенадцать лет спустя.⁴⁹

⁴⁷ *Рождественский Т. С., Успенский М. И.* Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912. С. 42–43 (Записки РГО по Отделению этнографии. Т. XXXV).

⁴⁸ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив. 1872. Вып. I. Стб. 150–151.

⁴⁹ Подробнее о «петербургском периоде» в истории скопчества см.: *Панченко А. А.* 1) Христовщина и скопчество. С. 178–188; 2) Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 506–513.

Судить о жизни Селиванова в монастырской тюрьме мы можем исходя лишь из материалов церковного и полицейского надзора,⁵⁰ которые, конечно, могут не вполне точно отражать детали повседневной жизни узника. Очевидно, однако, что заключенный, которого в сопроводительных документах называли «стариком, начальником секты скопцов, именующим себя <...> Искупителем и Спасителем», был с самого начала окружен особым вниманием. Александр приказывал «принять его в монастырь с человеколюбивою ласковостию, с христианским расположением сердца из сострадания к старости его и из сожаления о заблуждении его и поместить его в келье, которая бы служила по уединению своему к спокойствию его и к благоразмышлению». Вместе с тем Селиванову запрещались какие бы то ни было сношения с внешним миром, ему нельзя было «доставлять <...> писем и присылок под видом милостыни и приношений», а чтобы скопцы не могли общаться со своим начальником, при монастыре предлагалось учредить «особенный караул».⁵¹ На содержание заключенного ежегодно отпускалось 550 рублей ассигнациями.⁵²

Косвенные свидетельства позволяют предположить, однако, что последователи Селиванова все же поддерживали с ним связь,⁵³ тем более что золота у них действительно хватало: среди петербургских скопцов было много достаточно богатых людей. По-видимому, о скопческом искупителе не забывали и в петербургском свете. По крайней мере, в 1828 году генерал и сенатор И. С. Горголи, бывший в 1810-х годах столичным обер-полицмейстером, посетил заключенного в монастыре, а после прислал ему «подушку, две пары рубашек, одни чулки теплые и платок на шею». Правда, настоятель монастыря архимандрит Парфений отказался передать эту посылку, руководствуясь вышеупомянутыми предписаниями.⁵⁴ Селиванова похоронили в монастыре — «на восточной стороне Николаевской церкви, что при арестантском отделении <...> Погребение совершал архимандрит соборне. Рассказывали, что на первых порах после похорон наезжали иногородные купцы и в отсутствие архимандрита провожались послушниками к могиле, у которой проводили иногда целые ночи».⁵⁵

И. Э. Курута дважды был владимирским губернатором — в 1827–1832 и в 1836–1842 годах. В свое первое губернаторство он застал Селиванова, а во второе — имел Герцена среди подчиненных. Известно, что Курута действительно находился в близких отношениях со ссылкой литератором: Герцен часто бывал у своего начальника дома, давал уроки губернаторским дочерям и переписывался с его женой Ю. Ф. Куритой.⁵⁶ Можно думать, таким образом, что и монастырский посошник, и владимирский губернатор рассказывали Герцену именно о последних годах жизни Селиванова.

Таким образом, в рассказе Герцена о новгородских духоборцах, по всей видимости, смешались воспоминания и предания чудовских ямщиков о следствии 1800 года, скопческие легенды о беседе Павла I с Селивановым, а также рассказ И. Э. Куруты о заточении последнего в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре. Как уже сказано, воспоминания Герцена о жизни в Новгороде были впервые опубликованы в 1855 году, и тогда он, очевидно, не слишком хорошо разобрался в истории русских религиозных диссидентов конца XVIII — начала XIX века. Через семь лет после

⁵⁰ Майнов В. Н. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов (Ссылка его в Спасо-Евфимиев монастырь) // Исторический вестник. 1880. № 4. С. 755–778. См. также: Дело о заключении в Суздальский монастырь ересиарха секты скопцов Кондратия Селиванова // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. № 19.

⁵¹ Майнов В. Н. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов. С. 764–765.

⁵² Там же. С. 766.

⁵³ Там же. С. 770–772.

⁵⁴ Там же. С. 774–775.

⁵⁵ Там же. С. 775.

⁵⁶ См.: Курута В. И. Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена // Русская мысль. 1889. № 5. С. 1–4; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1850 / Ред. И. Г. Птушкина. М., 1974. С. 146–217.

первого издания «новгородской» главы «Былого и дум» В. И. Кельсиев, ставший в 1859 году сотрудником Герцена, перепечатал в Лондоне книгу Н. И. Надеждина «Исследование о скопческой ереси», изданную в 1845 году для служебного пользования Министерством внутренних дел.⁵⁷ «Книга эта, — пишет сам Кельсиев, — была кем-то прислана Герцену».⁵⁸ В ней можно было прочесть и о предполагаемом свидании Селиванова с Павлом I, и о заключении его в Суздале.⁵⁹ Герцен, однако, не очень интересовался всеми этими вещами, считая, по словам того же Кельсиева, «раскольников» дураками.⁶⁰ Именно в таком тоне он поручал своему сотруднику издание накопившихся в редакции «Колокола» документов о расколе:

«— Ну, — сказал мне Герцен, выслушав мои панегирики расколу, — вам и книги в руки. Я в верованиях мало понимаю, но, само собой, раскольникам следует помочь. Нельзя ж оставаться равнодушными, когда людей теснят за их, хоть и нелепые, верования. Составьте что-нибудь из этих записок и напечатайте, надо ж вывести эти дела на свежую воду».⁶¹

Не исключено вместе с тем, что именно беседы с Кельсиевым заставили Герцена усомниться в точности собственного рассказа о новгородских «духоборцах» и сделать соответствующее примечание в отдельном издании «Былого и дум».

⁵⁷ Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. И. Кельсиевым. Выпуск третий о скопцах. Лондон, 1862.

⁵⁸ «Исповедь» В. И. Кельсиева / Подг. к печати Е. Кингисепп; вступ. статья и комм. М. Клевенского // Лит. наследство. 1941. Т. 41/42. Кн. II. С. 290.

⁵⁹ Сборник правительственных сведений о раскольниках... С. 71–72, 95–99.

⁶⁰ «Исповедь» В. И. Кельсиева. С. 285.

⁶¹ Там же. С. 288.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-112-122

© В. А. Лукина

НОВОНАЙДЕННЫЙ БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «БРИГАДИР»: ХРОНОЛОГИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ

До недавнего времени были известны лишь два автографа рассказа «Бригадир».¹ Первый из них — черновой — записан в самом конце рабочей тетради, которую условно можно обозначить как «баденскую», поскольку время ее использования преимущественно пришлось на пребывание Тургенева в Баден-Бадене. Это тетрадь большого формата производства лейпцигской фирмы Giesecke & Devrient, в картонном переплете, оклеенном «мраморной» (сине-голубой) бумагой, с зеленым кожаным корешком и уголками, которая, как установлено А. Мазоном, заполнялась писателем на протяжении 1865–1867 годов² и ныне хранится в Национальной библиотеке Франции.³ На лицевой обложке в центре наклеена этикетка в виде прямоугольника со скошенными углами, на ней чернилами Тургеневым начертана аббревиатура из трех латинских

¹ См. перечень источников текста рассказа «Бригадир»: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 431 (комм. Л. М. Лотман). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием серии (С или П), номера тома и страницы арабскими цифрами.

² Описание тетради см.: *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: Notices et extraits. Paris, 1930. P. 68–70.

³ Bibliothèque Nationale de France (далее — BNF). Slave 84: Tourguénev. Manuscrits parisiens XI.

букв: «S. i. P.», под которой проведена горизонтальная черта и ниже поставлен крест.⁴ На обороте обложки Тургенев впоследствии, как было ему свойственно, сам обозначил содержание тетради:

В этой книжке
заключаются:

- 1.) *Дым*, повесть — 205 стр.
- 2.) *История лейтенанта
Ергунова* — рассказ — 52 стр.
- 3.) *Бригадир*, рассказ — 22 стр.

В дальнейшем против каждого из перечисленных произведений писатель методично проставил указание на место первой (журнальной) публикации. Таким образом, в тетради, заполнявшейся последовательно, рассказ «Бригадир» хронологически следует за рукописями двух других произведений — черновым автографом романа «Дым» и беловым «Истории лейтенанта Ергунова». При этом текст знаменитого письма Василия Фомича Гуськова в рукописи самого «Бригадира» отсутствует. Вместо него на полях проставлен знак «NB» и рядом сделана отсылка: «здесь поместить письмо, которое должно находиться в Спасском».⁵ Само письмо было вчерне записано позднее — в той же рабочей тетради, но на полях «Ергунова»,⁶ поскольку Тургенев долго не мог отыскать подлинное обращение П. Н. Козлова к своей матери, которое, по его собственным словам, «составляло необходимую принадлежность <...> рассказа и давало ему смысл».⁷ Когда 24 апреля (6 мая) 1867 года документ был наконец найден в собственных бумагах Тургенева в Баден-Бадене, свободных листов в тетради не оставалось, поля «Бригадира» также пестрели поправками — и писатель был вынужден воспользоваться несколькими расположенными подряд свободными полями белового автографа «Истории лейтенанта Ергунова», сделав на первом из них соответствующую аккуратную отсылку: «Письмо Бригадира. К стр. 22-й 3-го рассказа».⁸

Необходимо отметить, что на обороте обложки «баденской» тетради, под импровизированным содержанием, имеется еще одна загадочная запись:

«Баден-Баден

Schillerstrasse 277.

Суббота, 15-го/3 сент. 1866. Полночь.

Завтра, в воскресенье, 16-го/4-го сент.

будет дуэль между Цулауфом

⁴ По убедительному предположению Мазона, аббревиатуру «S. i. P.» следует расшифровывать как «Sub invocatione Paulinae» («С благословения Полины»; *лат.*) (*Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. P. 68*). Она, а также знак креста встречаются на обложках по крайней мере еще двух рабочих тетрадей, заполнявшихся Тургеневым после 1862 года, — обе ныне также хранятся в BNF (Slave 85 и Slave 86). Не исключено, что таких отметок было больше, поскольку, во-первых, не все рабочие тетради сохранили свои оригинальные обложки, а во-вторых — не все тетради дошли до нас.

⁵ BNF. Slave 84. F. 144 v; C. 22 (по паг. Тургенева).

⁶ См.: *Ibid.* F. 110–111 v; C. 7–10 (по паг. Тургенева). В данной тетради писатель, как обычно, сам нумеровал все страницы рукописи каждого произведения, при этом титульные листы неизменно не имели пагинации. Титульный лист, по-видимому, первоначально оставался чистым и оформлялся позднее: сначала Тургенев фигурно выписывал заглавие произведения, а затем вносил данные о времени работы над ним и прочие значимые для него сведения. Таким образом, в тетради наличествуют четыре пагинации: три тургеневских (своя для каждого произведения) и одна архивная (сплошная).

⁷ См. письмо к П. В. Анненкову от 24 апреля (6 мая) 1867 года: П 7, 188.

⁸ BNF. Slave 84. F. 110. Укажем на крошечную неточность («э<то>го» вместо «3-го»), вкрадшуюся в прочтение этой пометы из-за неисправности фотокопий, которыми располагали составители обоих Полных собраний сочинений: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 432; повторено: С 8, 432.*

и Зографо — и я должен быть свидетелем. — Что я напишу завтра, возвратившись с дуэли:

Все обошлось благополучно —
оба дали по два промаха — вообще
поединок оказался несколько смешным.

Четверг 11 окт./29 сент.».⁹

Напрашивается заманчивое предположение, что обстоятельства дуэли могли отразиться в главке XIII «Бригадира», где рассказывается о том, что главный герой «из-за самой тоё Аграфены Ивановны» «с английским милордом Гузе-Гузом на шпанто-нах дрался; и английский милорд должён был произнести извинительный комплимент» (С 8, 54), однако этому нет никаких документальных подтверждений, тем более что личности обоих дуэлянтов остаются для тургеневедов загадкой. Имя Зографо встречается, правда, в подготовительных материалах к «Дыму», относящихся к поздней зиме — ранней весне 1863 года, где в «Кратком рассказе новой повести» Тургенев наметил содержание первой главы будущего романа: «Описать подробно. Русское дерево — наши лжеаристократы и лжецивилизаторы <анне> люди. — Разные — *chevaliers d'industrie* (мошенники, плуты — *фр.*), Поме (имеется в виду известный медиум Д. Д. Юм. — *В. Л.*), поганые французики — в роде Люттерота и его приятеля, Зографо, — благоговение перед Мери».¹⁰ Впервые на очевидную связь между двумя названными Зографо указал П. Уоддингтон.¹¹ Он же с осторожностью предположил, что сохранившееся письмо писателя от 29 апреля (11 мая) 1877 года к некоей г-же Зографо, «таинственной» фигуре из баденского окружения Тургенева и семьи Виардо,¹² адресовано матери того самого Зографо, которая, возможно, являлась вдовой Константина Зографо (1797–1856), занимавшего с 1850 года и до самой своей смерти должность греческого посланника в Петербурге.¹³

Поиски второго участника дуэли затруднялись тем, что его имя долгое время было известно в искаженном варианте, между тем как фамилия «Zulauf» по крайней мере дважды встречается в переписке Тургенева с Полиной Виардо — в письмах от 3 (15) и 4, 5 (16, 17) июня 1867 года. В первом из них писатель упоминает о предстоящем в этот день обеде в компании Людвиг Пича и Цулауфа с последующим походом в театр «Варьете» на «Герцогиню Герольштейнскую» Оффенбаха (II 7, 217), во втором — передает восторженный отзыв Цулауфа о картинах баварских художников, представленных на Всемирной выставке 1867 года в Париже (II 7, 219). Ранее среди тургеневедов утвердилось казалось бы правомерное предположение А. Звигильского о том, что так Тургенев шуточно (на немецкий манер) называет Луи Поме, исполнившего роль паши Зулуфа (Zoulouf) в постановке оперетты «Trop de femmes» («Слиш-

⁹ Впервые опубли.: *Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev*. P. 69. Укажем на небольшую неточность в прочтении фамилии одного из дуэлянтов у А. Мазона: «Вулауф» вместо «Цулауф».

¹⁰ См.: *Тургенев И. С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публ. и послесловие П. Уоддингтона // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 113.

¹¹ См.: *Waddington P. Turgenev's notebooks for Dym* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1989–1990. P. 42; а также: *Тургенев И. С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»>. С. 127.

¹² Имя г-жи Зографо фигурирует, например, в письме Тургенева к графу Максимилиану Фредро (II 9, 160).

¹³ *Waddington P. More Turgenev gleanings: II. A note on Turgenev's relations with Lamartine, arising from a letter to Madame Zographo* // *New Zealand Slavonic Journal*. 1988. Part II. P. 58. Здесь же впервые опубликовано указанное письмо к г-же Зографо во французском оригинале (*Ibid.* P. 57; см. также: II 15-2, 139; письмо 4719). В таком случае речь может идти о Михаиле Константиновиче Зографо, чиновнике русского посольства во Франции. О нем как о внуке молдавского князя Михаила Суцу (Суццо) упоминает в своих воспоминаниях Максим Дюкан (*Du Camp M. Souvenirs d'un demi-siècle. Au temps de Louis-Philippe et de Napoléon III, 1830–1870*. Paris, 1949. T. 1. P. 195).

ком много жен»), которая состоялась в Баден-Бадене в августе 1867 года.¹⁴ Эта точка зрения была безоговорочно принята и в Полном собрании сочинений Тургенева, где во французском тексте в обоих случаях фамилия Цулауф дается в написании «Zulouf», в переводе соответственно — «Зулуф»,¹⁵ тем более что Тургенев действительно нередко использовал имена персонажей из своих оперетт в качестве шуточных прозвищ для знакомых.¹⁶ Однако присутствие этой фамилии в сентябре 1866 года на обложке «баденской» тетради в русской огласовке «Цулауф», когда работа над опереттой «Слишком много жен» еще даже не была начата,¹⁷ дает веские основания усомниться в том, что в нем говорится о Поме. Опровергает это и письмо Полины Виардо к ее ученице Аглае Оргени от 27 октября 1866 года, в котором она сообщала: «Цулауф, ныне господин фон Поттенбург, слышал тебя в Вене в „Фаусте“ и был тобой очарован».¹⁸ Таким образом очевидно, что речь идет об австрийском дипломате Николаусе Цулауфе фон Поттенбурге (1822–1884), который с 1865 года был поверенным в делах в Великом герцогстве Баденском, сумев удержать его на австрийской стороне вплоть до начала войны с Пруссией в 1866 году.

Возвращаясь ко второй известной рукописи «Бригадира», укажем, что она представляет собой беловой автограф на 12 листах, с которого рассказ набирался для первой публикации в журнале «Вестник Европы»¹⁹ и который сохранился в архиве М. М. Стасюлевича в Рукописном отделе Пушкинского Дома.²⁰ Если время работы над черновой рукописью рассказа известно более или менее точно благодаря традиционной помете самого Тургенева на титульном листе: «Начат около 7/19-го февраля 1867 в Баден-Бадене, Schillerstrasse 277. Кончен вскоре потом — но письмо бригадира найдено и переписано 6-го мая / 25-го апр. 1867. Б<аден>-Б<аден>, Sch<iller>s<trasse> 277»,²¹ то временной промежуток, когда был изготовлен беловой автограф «Бригадира», можно установить, основываясь на данных переписки писателя. Он приходится на конец апреля — начало мая 1867 года, а именно между 24 апреля (6 мая), когда было найдено и записано в «баденскую» тетрадь письмо бригадира, и 8 (20) мая, так как на следующий день, 9 (21) мая, Тургенев уже отправил рукопись из Баден-Бадена П. В. Анненкову в Петербург с просьбой поместить «эту вещь <...> в какую Вам заблагорассудится богадельню» (П 8, 200). В качестве наиболее вероятного места публикации подразумевались, в первую очередь, журналы «Дело» или «Отечественные записки», однако после резко отрицательной реакции критики на недавно вышедший роман «Дым» Тургенев испытывал по поводу обоих вполне обоснованные сомнения (Там же). Рассказ в итоге появился на страницах недавно образованного «Вестника Европы», куда был предложен Анненковым уже в июне 1867 года.

¹⁴ См.: *Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite / Introduction et notes par A. Zviguilsky. Paris, 1972. T. 2. P. 100, note 7.* См. также: *Žekulin N. G. The Story of an Operetta Le Dernier Sorcier by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989. P. 81 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 15).*

¹⁵ См.: П 7, 287, 288 (текстологическая подг. и комм. Н. П. Генераловой и А. Звигильского). В издании Звигильского, впервые опубликовавшего оба указанных письма Тургенева к П. Виардо, фамилия дана как «Zulauf». См.: *Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite. P. 100, 120.*

¹⁶ См. об этом: *Žekulin N. G. The Story of an Operetta Le Dernier Sorcier by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. P. 81.* Ранее схожим образом Тургенев в письмах неоднократно шуточно обращался к Поме как к Фридолину-сыну, называя себя Фридолином-отцом (см.: П 5, 239–240; 537, прим. 1 к письму 1542; П 7, 79–80; комм. Н. П. Генераловой).

¹⁷ О времени создания оперетты «Слишком много жен» см.: С 12, 633.

¹⁸ *Fischer K. Une élève de Pauline Viardot: Aglæe Orgeni, 1842–1926 // Cahiers Ivan Tourguénev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1989. № 13. P. 102 (подлинник по-французски).*

¹⁹ См.: Вестник Европы. 1868. № 1. С. 1–22.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 130.

²¹ BNF. Slave 84. F. 133. См. также: С 8, 432. Как отмечено Л. М. Лотман, в дату нахождения письма П. Н. Козлова вкралась неточность, так как писатель ошибся при переводе из нового стиля в старый: 11 мая соответствовало 24 апреля (С 8, 432, прим. 1).

Как раз к этому времени журнал получил официальное разрешение на расширение своей программы и открытие еще одного отдела — литературного,²² о чем редакция поспешила известить подписчиков в следующем томе: «Желая, в первые годы своего опыта, как можно более ограничить задачу журнала, мы исключили в нем, несмотря на его *исторический* характер, весьма важную область истории, а именно *историю слова*, историю литератур, и держались исключительно истории политической, бытовой и былевой. Уже в последнее время начала у нас сама собою обнаруживаться искусственность такой исключительности <...>. Убедившись в невозможности на будущее время устранять от себя литературные вопросы и будучи приводимы к ним самым развитием дела, мы решились с 1868 года открыть у себя особый отдел для литературы, а также и для тех ее произведений, которые могут быть отнесены к числу *фактов* современной истории литературы, как отечественной, так и иностранной».²³ Здесь же сообщалось о переходе с 1868 года на ежемесячный формат издания. Таким образом, «Бригадир», с публикации которого началось многолетнее сотрудничество Тургенева с «Вестником Европы», открыл первую книжку уже обновленного журнала.

О том, какую значительную роль в устройстве этого сотрудничества и в формировании литературного отдела журнала в целом сыграл П. В. Анненков, позволяет судить сохранившаяся переписка между ним и редактором «Вестника Европы», ранее мало привлекавшая внимание тургеноведов.²⁴ «Я намекал Вам, — писал 18 июня 1867 года из Петербурга Анненков Стасюлевичу, который находился в это время за границей, — что имею для литературного журнала некоторую поживу: это рассказ Тургенева — „Бригадир“, предоставленный в мое распоряжение и который я решительно не знаю где поместить. <...> А между тем, по крайнему моему разумению, рассказ Тургенева есть маленький бриллиант в 1½ листа, весьма напоминающий те бриллиантики, из которых состоят „Записки охотника“. Русский человек есть вообще животное, отрывающее жвачку, и в этом ему никак мешать не следует — напротив: он делает это превосходно и крайне живописно».²⁵ Здесь же Анненков оговаривал, что «как человек, привыкший к большим гонорариям, Тургенев рассчитывает и теперь получить за свой рассказ 350 р. или около того».²⁶

Воспользовавшись предоставленным Анненковым в том же письме баденским адресом Тургенева, Стасюлевич вскоре обратился к писателю с предложением сотрудничать в «Вестнике Европы». Само письмо неизвестно, но его содержание редактор журнала кратко изложил Анненкову 27 июня (9 июля): «Я тотчас же написал письмо И. С. Тургеневу, но ни слова не упомянул о том, что находится в Ваших руках: я хотел тем предоставить ему полную свободу действия в этом случае и вместе с тем я не хотел выдавать Вас. Получив от него ответ (если получу), я сообщу Вам его содержание».²⁷ В ответном письме от 6 июля Анненков поспешил «за глаза» дать Стасюлевичу все

²² См.: Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 23.

²³ [Стасюлевич М. М.]. От редакции. О ежемесячном издании «Вестника Европы», журнала истории, политики, литературы, в 1868 году // Вестник Европы. 1867. Т. 3 (сентябрь). С. 2 (отд. паг.).

²⁴ Не нашла она отражения ни в комментариях к рассказу «Бригадир», ни в соответствующих томах Писем, ни в «Летописи жизни и творчества» писателя. Не упоминается она и в публикации немногих дошедших до нас писем Стасюлевича к Тургеневу, подготовленной Н. Н. Мостовской: Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3. С. 382–401. Между тем полное отсутствие писем Анненкова к Тургеневу за 1867–1868 годы делает данную переписку чрезвычайно важным источником.

²⁵ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 293–294. Это письмо дает некоторое представление о том, каким было впечатление Анненкова от «Бригадира», и позволяет дополнить комментарий к упомянутому выше письму Тургенева от 9 (21) мая 1867 года, согласно которому «мнение Анненкова о „Бригадире“ неизвестно» (II 8, 384, прим. 9 к письму 2007).

²⁶ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 294.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 14 об.

полномочия, «буде у вас завяжется переписка с Тургеневым, сказать ему, что повесть его предложена Вам мною, о чем я сам уведомить его не премину с нынешней же почтой.²⁸ Переговоры таким образом упростятся и, думаю, скоро приведут к благополучному концу».²⁹ Но еще до того, как письмо Анненкова достигло Стасюлевича в Пьемонте, тот успел обменяться несколькими письмами с Тургеневым. Получив долгожданный ответ с согласием на будущее сотрудничество, в котором, однако, ни словом не упоминалось о «Бригадире»,³⁰ Стасюлевич уже прямо обратился к писателю с просьбой предоставить рассказ для январской книжки (письмо неизвестно), о чем 4 (16) июля известил Анненкова: «...я получил ответ от И. С. Тургенева, и весьма лестный и приятный для нового „Вестника Европы“. И <ван> С<ергеевич> обещает отдать мне новую задуманную им работу, но ничего не говорит о том, что готово и находится у Вас. / Получив его согласие принимать участие в журнале, я думал, что теперь я имею право приступить к нему с просьбою более определенной, и потому, благодаря его за согласие в будущем, просил его, не отдаст ли он для января ту рукопись, о которой я слышал от Е. П. Ковалевского (действительно, кроме Вас, я слышал также и от Е<гора> П<етровича>). Ответ на это я просил при случае сообщить уже Вам для передачи мне по возвращении в Петербург. На этом пока дело и остановилось».³¹ По поводу размера гонорара, озвученного ранее Анненковым, Стасюлевич замечал: «Цена, названная Вами, не может остановить меня ни в каком случае: этюд весьма мал, чтобы разговаривать о цене».³² По получении второго послания от Стасюлевича Тургенев, как известно, сразу же отозвался письмом к Анненкову от 6 (18) июля, в котором предоставил ему «окончательное решение насчет „Бригадира“» (П 8, 19).

Между тем, не зная об этом и не имея личного ответа от Тургенева, 10 (22) июля Стасюлевич, откликаясь на пришедшее в тот же день упоминавшееся выше письмо Анненкова от 6 июля, крайне обеспокоенно писал: «В моем втором письме я сообщил Вам ответ Тургенева мне на общее предложение и содержание моего второго письма к Тургеневу, где я перешел к конкрету от абстракции. — Но теперь я понял, почему Т<ургенев> промолчал о конкрете: мне пишут <речь идет о письме В. Ф. Корша, см. ниже. — В. Л.> из Петербурга, что приехал Некрасов и говорил, что он открывает журнал с будущего года и что он из-за границы привез повесть Тургенева. В „С<анкт>-П<етер>б<ургских> вед<омостях>“ я прочел нечто подобное, в том же фельетоне.³³ Тут может быть верно одно: что Некрасов привез не повесть, а обещание Т<ургенева> и дозволение взять эту повесть у Вас. / Но, во-1-х, Вы мне говорили, что Т<ургенев> дал Вам полномочие; след<овательно>, едва ли он, не обратясь к Вам, распорядился даже и своею собственностью; — 2-х, на основании того полномочия Вы можете объявить (и это будет совершенная правда), что со мною совсем покончено и что я имею Ваше слово, а Вы имеете мои деньги, которые я, действительно, могу сию же минуту приказать выдать Вам из редакции. / Это обстоятельство меня несколько встревожило, и Вы мне сделаете немалое одолжение, если просветите меня по этому вопросу: имею ли я Т<ургенева> для января или нет! Мне было бы очень жаль упустить такой случай; он как будто для меня был выдуман».³⁴

Полученный вскоре ответ Анненкова от 16 июля окончательно развеял его опасения: «Скажите мне — какими путями могли Вы прийти к мысли и предположению

²⁸ Письмо Анненкова, как и ответ на него Тургенева, неизвестны, но очевидно, что они существовали.

²⁹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 295.

³⁰ Текст письма Тургенева к Стасюлевичу от 29 июня (11 июля) 1867 года см.: П 8, 18–19.

³¹ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 16–16 об.

³² Там же. Л. 16 об.

³³ Имеется в виду фельетон «Недельные очерки и картинки» Незнакомца (А. С. Суворина), в завершение которого он писал: «Из новостей я могу сообщить, что Тургенев написал новую повесть. Новость эта для меня самая интересная» (Санкт-Петербургские ведомости. 1867. 2 июля. № 180. С. 2).

³⁴ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 18–18 об.

о том, что Некрасов может овладеть повестью Тургенева? Вот что значит заниматься одной серьезной, исторической стороной литературы и не знать ее задних комнат и гардеробов, где она о своих срамотах печется. После того, что было между первым поэтом и первым нувеллистом российскими — они уже сойдутся только перед престолом Всевышнего, когда он к нам пожалует. По крайней мере в этом смысле ручаюсь за Тургенева. Будьте спокойны: из моих рук повесть перейдет только в Ваши — даю слово. <...> Стало быть, Вам стоит только развивать свои желания, а не думать о невозможных конкуренциях».³⁵ Выражая «искреннейшую благодарность» за это известие, в ответном письме от 23 июля (4 августа) Стасюлевич подчеркивал: «Относительно намерения Н<екрасова> открыть в будущем году журнал я не имел никакого неприятного чувства; мне не хотелось только упустить специально Тургенева для первой книги. Без этого я остался бы совершенно равнодушен к предприятю Н<екрасова> и желал бы ему успеха, как самому себе. — Н<екрасов> не может никогда конкурировать с „Вестником> Евр<опы>“, потому что его программа непременно будет другая; кроме того, Н<екрасов>, каков бы он ни был, все же он не Краевский, а потому от него нельзя ожидать каких-нибудь литературных низостей. <...> / Об отношении Н<екрасова> к Тургеневу я, действительно, не имел понятия; между тем мне Корш пишет,³⁶ что ему рассказывал то сам Некрасов, на основании чего он и в „С<анкт>-П<етер>б<ургских> вед<омостях>“ напечатал слух, что привезена повесть Тургенева».³⁷ После 10 августа Стасюлевич вернулся в Петербург, и во второй половине августа — начале сентября,³⁸ по-видимому, ему была передана рукопись «Бригадира», на первой странице которой в итоге появилась его резолюция: «В январь. 21 октября 1867. М. Ст<асюлевич>».³⁹

По умолчанию предполагалось, что наборная рукопись была изготовлена Тургевым по парижскому черновому автографу из «баденской» тетради. Данному ошибочному представлению отчасти способствовало то обстоятельство, что варианты чернового автографа «Бригадира» не были опубликованы в первом академическом издании. В раздел «Варианты» вошли только «записи материалов бытового и лингвистического характера, связанные с работой над текстом произведения, и варианты наборной рукописи».⁴⁰ Здесь же редакцией было обещано, что «варианты черновых автографов „Истории лейтенанта Ергунова“, „Бригадира“, „Несчастной“, „Странной

³⁵ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 147. Л. 9. Опул. (с неточностями): М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 295. В этом же письме, откликаясь на неоднократную просьбу Стасюлевича «посондировать» относительно Гончарова, «не спее ли какой фрукт в его саду» (ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 18 об.), Анненков сообщал, что, по его сведениям, Гончаров находится в Баден-Бадене, и советовал послать ему письмо «на имя Тургенева: он знает адрес сего Емира», шутливо рекомендуя «предварительно набить руку, посредством упражнения, в составлении восточных гипербол и бухарских форм переписки. Он это любит и будьте уверены, что вы еще не изобретете такого чудовищного сравнения, которое показалось бы ему лестию» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 296). На что Стасюлевич не без юмора отозвался: «За совет относительно Гонч<арова> благодарю; но вот в чем беда! Из всех восточных гипербол я не знаю самой важной и самой обыкновенной, а именно: я не знаю его имени и отчества; помнится одно, что его имя начинается, как и у Тургенева, а конец, кажется, не тот. За этим препятствием я и остановился ему писать <...>» (ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 21 об. — 22).

³⁶ Имеется в виду письмо В. Ф. Корша к Стасюлевичу от 2 (14) июля 1867 года, в котором тот сообщал: «Из здешних новостей могу передать Вам только одну. Мне говорили, что здесь Некрасов (он у меня не был), что он хлопочет о журнале и будто бы привез с собой из-за границы новую повесть Тургенева. За верность всего этого не ручаюсь, но считаю это делом возможным и сообщая Вам на всякий случай, так как и Вы намерены издавать месячный журнал» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 2. С. 476–477).

³⁷ ИРЛИ. Ф. 7. № 91. Л. 21–22 об.

³⁸ О том, что к этому времени «Бригадир» находился уже в распоряжении «Вестника Европы», свидетельствует письмо Тургенева к Анненкову от 23 сентября (5 октября), в котором он благодарит за «весьма блистательную» продажу рассказа (П 8, 43).

³⁹ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 130. Л. 1. Опул.: С 8, 436.

⁴⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 10. С. 299.

историй“ и „Степного короля Лири“ будут напечатаны в одном из „Тургеневских сборников“, подготовляемых Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) АН СССР». ⁴¹ Как известно, это решение было вынужденным и принято под давлением издательства, в силу массового характера первого академического издания Тургенева. Но ни в одном из пяти выпусков «Тургеневского сборника», вышедших в качестве спутников первого Полного собрания сочинений и писем, ⁴² варианты не были опубликованы и до сих пор не введены в научный оборот.

Сличение же чернового автографа с наборной рукописью показывает, что в нем, помимо упомянутого выше письма Гуськова, отсутствует ряд других, в том числе довольно крупных фрагментов, которые технически не могли быть внесены писателем в процессе перебеливания. Например, в начале главки VI в «баденской» тетради нет никаких следов следующего предложения: «Широкий пруд дышал на нас прохладой; прохладой веяло и от сырого, обрывистого берега; и тем слаще была она, что там, над головою, в золотистой и темной лазури, над купами деревьев, ощутительным бременем навис неподвижный зной», ⁴³ в то время как в наборной рукописи оно уже присутствует в основном тексте. ⁴⁴

Напрашивается предположение о существовании еще одного, промежуточного, автографа, с которого изготавливалась наборная рукопись, — именно его неожиданно удалось обнаружить в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета в фонде Полины Виардо (MS Mus 232), материалы которого ранее составляли часть обширной коллекции супругов Мартин и Андре Ле Сен. ⁴⁵ Не случайно в новонайденном автографе рассказа упомянутый ранее фрагмент из главки VI с описанием пруда вписан Тургеновым на полях. ⁴⁶

Изготовление двух беловых автографов не было для Тургенева каким-то исключительным делом. Нередко по мере перебеливания, а также обсуждения нового произведения в кругу приятелей и литературных советчиков правка достигала таких объемов, что беловой автограф превращался постепенно в черновой, как это произошло, например, с «Историей лейтенанта Ергунова» или «Несчастной». Была и другая причина, по которой наличие двух беловых автографов со временем не только вошло у Тургенева в обычное дело, но и стало необходимостью: живя за границей и отправляя один беловой экземпляр в Россию, он предпочитал второй оставлять под рукой. Аналогичным образом он поступал и с крупными произведениями: так, для романа «Отцы и дети» были изготовлены по крайней мере три рукописи — черновая (ныне хранится в Рукописном отделе ИРЛИ) и две беловые (так называемая «парижская» и еще одна, по которой роман набирался для «Русского вестника» и которая до сих пор остается неизвестной). В случае с «Бригадиром» немаловажную роль сыграло также намерение перевести рассказ на французский язык, с осуществлением которого Тургенева торопил Жюль Этцель. ⁴⁷

⁴¹ См. общую преамбулу Л. М. Лотман к разделу «Варианты»: Там же. В отношении «Бригадира» это обещание выполнено не было.

⁴² Хотя в Предисловии к первому выпуску М. П. Алексеев декларировал необходимость «своевременной и полной публикации» в «Тургеневских сборниках» тех «автографических рукописей Тургенева, которые впервые вводятся в научный оборот (например, большинства рукописей из парижского фонда)» (см.: Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964. Вып. 1. С. 5), на деле эту задачу выполнить в полном объеме не удалось.

⁴³ BNF. Slave 84. F. 137 v; С. 8 (по паг. Тургенева). Ср.: С 8, 45.

⁴⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 130. Л. 3 об. Варианты стилистической правки, которой подверглось это предложение в наборной рукописи, см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 10. С. 327.

⁴⁵ Краткий обзор тургеневских материалов из этого фонда см. в нашей статье: Лукина В. А. Неизвестный И. С. Тургенев: о новонайденных материалах в зарубежных архивах // Русская литература. 2018. № 3. С. 105–111.

⁴⁶ Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 13.

⁴⁷ Перевод был обещан Тургеновым Этцелю еще в июне 1867 года, однако работа над ним растянулась почти на год. Лишь 30 мая (11 июня) 1868 года Тургенев отправил его наконец Этцелю для помещения в фельетоне «Journal des Débats». Впоследствии рассказ был включен

Как бы то ни было, можно с уверенностью говорить о том, что автограф из коллекции Ле Сен представляет собой первый беловой автограф, перебеленный с черного из «баденской» тетради. Как и в черновом автографе, в гарвардской рукописи мы еще встречаем, например, в главке VII три стихотворных фрагмента, которые в рассказе приписываются М. В. Милонову (а на деле являются удачной стилизацией Тургенева, что убедительно доказано Л. М. Лотман), в то время как в наборной рукописи и журнальной публикации их лишь два. При этом текст исключенного впоследствии фрагмента в вновь найденном автографе полностью совпадает с последним слоем черного автографа:

Жена естество превыше чина
Пред коей немы словеса,
Подобием ангельского крина
Утехой полнишь очеса!..⁴⁸

Эта строфа зачеркнута в гарвардском автографе самим Тургеневым, как и слова бригадира после нее: «Понимаешь? Или еще:», предваряющие следующий стихотворный фрагмент «Не бранным тления кумиром...». Как видно, от помещения данного четверостишия Тургенев отказался не сразу, а на этапе подготовки второго белового автографа — в наборной рукописи и в публикации «Вестника Европы» мы его уже не находим.

Как и в черновике, в гарвардской рукописи отсутствует текст письма «бригадира», вместо него на поля вынесена отсылка «письмо».⁴⁹ Данное обстоятельство возвращает нас к вопросу о возможной датировке вновь найденного автографа, в котором нет заглавия и даты: на последней странице проставлены лишь имя «Ив. Тургенев» и место написания «Баден-Баден».⁵⁰ Исходя из вышесказанного, Тургенев завершил перебеливание черновика до того, как обнаружил в своих бумагах письмо Козлова, т. е. до 24 апреля (6 мая) 1867 года. Скорее всего, это произошло сразу же после окончания работы над черновым автографом, в феврале–марте 1867 года.

Вместе с тем текст первоначального слоя вновь найденного автографа не полностью совпадает с последним слоем черного и имеет отличия (преимущественно стилистического характера), которые возникли, очевидно, в ходе переписывания, когда писатель продолжал дорабатывать текст. Из сразу бросающихся в глаза отметим несовпадение в количестве глав: 15 против 16 в черновом автографе и наборной рукописи. Кроме того, в гарвардской рукописи встречаются различные вычерки, поправки и переделки, а также отдельные дополнения на полях, внесенные как по ходу перебеливания, так и позднее, причем среди последних хронологически можно условно выделить три слоя правки.

Наиболее ранние добавления на полях были сделаны до изготовления наборной рукописи. К таким поправкам относится, например, упомянутая выше вставка в начале главки VI. Если в первом беловом автографе это предложение записано на

в изданный Этцелем сборник произведений Тургенева «Nouvelles moscovites» (Paris, 1869). См.: С 8, 436–437 (комм. Л. М. Лотман); а также письма к Этцелю: П 8, 13–14 (№ 2039), 57–58 (№ 2098), 270–271 (№ 2270) и прим. к ним.

⁴⁸ Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 17. Попутно укажем на небольшие неточности в прочтении стихов 2 и 3 черного автографа, вкравшиеся в примечания к первому академическому изданию, где читаем: «Жена ся есть превыше чина / Пред коей *нет* словеса / Подобье ангельского крина / Утехой полнит очеса» (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 10. С. 432; перепечатано: С 8, 433. Курсив мой. — В. Л.). Благодаря появлению высококачественных цифровых копий, размещенных на сайте Gallica Национальной библиотеки Франции, удалось также прочесть ранние варианты стиха 1, содержащиеся в черновом автографе: а. Жена, превыше райска вина б. Жена достойна райска вина (BNF. Slave 84. F. 138 v; С. 10 (по паг. Тургенева)).

⁴⁹ Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 41.

⁵⁰ Ibid. P. 42. Не исключено, что у этого автографа имелся свой титульный лист, который ныне утрачен.

полях, то в наборной рукописи, как говорилось, оно уже присутствует в основном тексте.⁵¹

Следующая группа вставок на полях была внесена Тургеневым после отправки рукописи П. В. Анненкову, т. е. после 9 (21) мая 1867 года. Не исключено, что ее появление было обусловлено развернувшейся тогда работой над французским переводом рассказа, к которому Тургенев приступил совместно с Луи Виардо в июне того же года.⁵² Пример подобной правки обнаруживается в главке XIV, где на полях, рядом с текстом: «Я застал Вертера-Гуськова посреди крохотного огородца в нескольких шагах от флигелька», — Тургенев внес карандашом следующую вставку, обозначив ее знаком «+»: «возле старого крапивой проросшего сруба никогда не выведенной избы.⁵³ По заплеванным бревнам этого сруба с писком пробирались⁵⁴ [ходко] беспре-рыв<но> скользя и хлопая крыльями [больные] тщедуш<ные>⁵⁵ индошата».⁵⁶ При сличении этого фрагмента с текстом наборной рукописи обнаруживается, что и в ней он внесен на полях (в слегка доработанном виде), но... рукой Анненкова,⁵⁷ что раньше не было отмечено комментаторами.⁵⁸

Данный факт говорит сразу о нескольких вещах. Во-первых, перечень утраченных писем к Анненкову пополняется еще одним письмом, в котором была прислана указанная поправка. Во-вторых, становится очевидным, что карандашная вставка была внесена в гарвардский беловой автограф, а затем переписана и отослана Анненкову до второй половины октября 1867 года, когда Стасюлевич, судя по помете на первой странице, передал имевшуюся в его распоряжении рукопись в набор. В-третьих, в совершенно ином свете предстает текст письма Тургенева к Анненкову от 26 ноября (8 декабря) 1867 года, в котором писатель выслал очередные поправки к рассказу. «В „Бригадире“ мне вздумалось прибавить еще штришка два <...>» (П 8, 72), — сообщал он и далее приводил перечень из дополнительных четырех поправок к трем главкам — II, III и IX. Становится понятной оговорка «еще два штришка», а также следующее предложение: «Если рукопись „Бригадира“ еще у Вас, впишите оные места „рукою властной“, а если уже у Стасюлевича, то не забудьте присовокупить во время печатания» (П 8, 73, письмо 2119). Явно, что одну поправку «рукою властной», по поручению писателя, Анненков к этому времени уже вписал. Более того, еще 18 ноября 1867 года он вернул в редакцию «Вестника Европы» просмотренную им первую корректуру «Бригадира», которую нашел «в достолюбом порядке, за исключением разве переломанных строчек».⁵⁹ Поэтому новые поправки вносились (Анненковым или Стасюлевичем), несомненно, в корректуру, с просьбой о повторной присылке которой Анненков обратился к Стасюлевичу сразу же по получении просьбы Тургенева. «Пересылаю Вам, многоуважаемый Михаил Матвеевич, — писал он 1 декабря, — письмо Тургенева, которым он умоляет Вас вести новые подробности и черты в „Бригадира“, по приложенному реестру. Я убежден, что Вы исполните мольбу автора, если бы она и сопряжена была с важными затруднениями. Затруднения Вам не учиться и Вас не учить преодолевать. Всего бы лучше переслать мне еще раз корректуру с новыми прикрасами или даже для осуществленья их, буде Вам некогда, но впрочем как знаете».⁶⁰

⁵¹ Причем в наборной рукописи мы встречаем варианты, отсутствующие как в черновом, так и в первом беловом автографах, от которых Тургенев в итоге порой отказывается в пользу более ранних.

⁵² См. письмо к Этцелю от 17 (29) июня 1867 года: П 8, 14.

⁵³ никогда не выведенной избы — вписано Тургеневым выше, также со знаком «+».

⁵⁴ с писком пробирались — вписано над строкой.

⁵⁵ тщедуш<ные> — вписано под [больные].

⁵⁶ Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 37.

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 3. № 130. Л. 9 об.

⁵⁸ См. перечень вариантов наборной рукописи: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. Т. 10. С. 327.

⁵⁹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 296. О том, что «на будущей неделе начнется печатание повести Тургенева», Стасюлевич сообщал жене еще 20 октября (1 ноября) (ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 101. Л. 26).

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 147. Л. 13. Опубл. (с ошибками): М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. С. 297.

Все поправки, перечисленные в упомянутом письме к Анненкову от 26 ноября (8 декабря) 1867 года (которые условно можно обозначить как третий слой правки), обнаруживаются на полях гарвардского автографа. Особенно интересна здесь вставка к главке IX: «А что до Наркиза Семеныча, — промолвил он нараспев, — так ежели я по ихнему понятию необстоятельный человек на сем свете есть — и я на то доложу: отраслили они себе брови не хуже тетерева да и полагают, что чрез то все науки произошли... Тем временем» (II 8, 72), — где Тургенев последовательно отвергает несколько вариантов, подбирая наиболее емкую характеристику, которой Огурец награждает брови Наркиза.⁶¹

Приведенные немногочисленные примеры не только свидетельствуют о значимости обнаруженного автографа для восстановления творческой истории «Бригадира», но и наглядно демонстрируют, как сильно меняет картину возникающая возможность сопоставления всех трех автографов. К сожалению, можно по пальцам сосчитать случаи, когда исследователи располагают полным комплектом рукописей того или иного произведения.

⁶¹ См.: Houghton Library. Harvard University. MS Mus 232. № 39. P. 21 — где зафиксированы, например, следующие варианты после слов «отрастили они себе брови не хуже тетерева»: а. так какие же привилегии получили б. и какую же привилегию через то получили в. что больше ничего за ними не видно г. да и полагают, что им и черт не брат.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-122-161

© К. М. Азадовский

ВЕНСКИЙ АКЦЕНТ: ФЕДОР СОЛОГУБ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

Вопрос о восприятии раннего творчества Сологуба в германоязычном мире не привлекал к себе до настоящего времени особого внимания. Между тем именно в Австрии, причем уже в 1890-е годы, и проза, и поэзия Сологуба вызывают к себе определенный интерес, особенно в кругу писателей и литературных критиков, захваченных модными исканиями «нео-романтической» эпохи.

Это касается в первую очередь неформального объединения «Молодая Вена» (вариант: «Молодая Австрия»), сложившегося в первой половине 1890-х годов. В эту группу входили поэты и прозаики, критики и журналисты, имена которых составляют гордость австрийской культуры конца XIX — начала XX столетия: Герман Бар (идеолог движения), Рихард Бер-Гофман, Гуго фон Гофмансталь, Феликс Зальтен, Артур Шницлер и др.; к ним тяготел и Петер Альтенберг. О каждом из этих авторов, давно уже «классиков», объединенных в ту пору своими новаторскими устремлениями, существует ныне богатая литература. Однако в многочисленных ученых трудах, посвященных венскому модернизму, имя Федора Сологуба, чьи произведения получили известный резонанс, в первую очередь, среди «младовенцев», почти не упоминается. Ускользнула от внимания исследователей и фигура венского литератора Александра Браунера — первого ценителя и переводчика Сологуба в странах немецкого языка. Недостаточно освещен и другой, казалось бы, примечательный факт: на рубеже веков к творчеству Сологуба обращается Р.-М. Рильке, небезразличный в конце 1890-х годов к литературно-издательским начинаниям «Молодой Вены».

Мы попытаемся восполнить этот пробел, приоткрыв в первую очередь биографический пласт русско-австрийских знакомств и «отношений», способствовавших ранней известности Федора Сологуба в германском культурном пространстве.

* * *

Одним из участников группы «Молодая Вена» был математик (по профессии) и музыкант (по призванию) Лео Ван-Юнг (1866–1939, Рига), сын одесского коммерсанта Соломона Ван-Юнга (1819?–1879, Вена). Матерью Лео была Клара Ван-Юнг (урожд. Венгерова; 1839–1913, Вена), состоявшая в родстве с семьей Паулины и Афанасия Венгеровых, чьи дети (в особенности Семен, Зинаида и Изабелла) внесли, как известно, значительный вклад в русскую литературную и музыкальную культуру.

Семья Венгеровых была тесно связана с Веной. Почти все представители этой семьи (и старшего, и младшего поколения) не раз наезжали в австро-венгерскую столицу, где задерживались подчас на долгое время. Так, Паулина Венгерова провела в Вене вместе с малолетними Изабеллой и Владимиром около трех лет (приблизительно в 1881–1884 годах — после крупного пожара в Минске, уничтожившего дом Венгеровых).¹ В 1883 году, окончив женскую гимназию, в Вену приезжает ее старшая дочь Зинаида (1867–1941, Нью-Йорк), чтобы заняться изучением иностранных языков и западноевропейской литературы.² В конце 1880-х годов в Вену переселяется из Минска близкая приятельница Паулины Луиза (Луиза Марковна) Фокшанеану (с 1892 года — Флак-Фокшанеану; 1863–1920), переводчица русских авторов (Н. Минского, Л. Толстого, Чехова) на немецкий язык.³ А в 1892 году студенткой Венской консерватории становится Изабелла (Белла) Венгерова (1877–1956, Нью-Йорк), сестра Зинаиды, продолжившая затем свое обучение (также в Вене) у знаменитого пианиста и композитора Теодора Лешетицкого. Так, приблизительно в середине 1890-х годов, в Вене складывается тесный «русский кружок».

Приятелем Изабеллы Венгеровой был в то время Лео Ван-Юнг; их близкие отношения, принявшие в середине 1890-х годов, насколько можно судить, драматический оборот, не повлияли, однако, на длительность их дружественной связи, продолжавшейся на протяжении многих лет. Позднее, уже расставшись с Веной, Изабелла Венгерова часто приезжала в этот город лишь с одной целью: повидаться с Лео, глубокое чувство к которому она пронесла сквозь всю свою жизнь.

Именно Лео Ван-Юнг ввел Изабеллу в круг своих венских друзей, собиравшихся тогда чуть ли не ежедневно в знаменитом кафе «Гринштайдль» (закрылось в 1897 году), которое Стефан Цвейг назовет в своих мемуарах «штаб-квартирой молодой литературы».⁴ Подружившись с Бер-Гофманом, Гофмансталем, Шницлером и другими посетителями этого кафе, Изабелла Венгерова станет для них со временем «своим человеком»; ее дружба с названными венскими писателями, их женами и близким окружением сохранится на долгие годы. Особенной теплотой отличались ее отношения с Артуром и Ольгой Шницлерами,⁵ их другом Артуром Кауфманом (1877–1938), венским адвокатом, философом и шахматистом,⁶ позднее — с Якобом Вассерманом, сблизившимся на рубеже 1890-х и 1900-х годов с «Молодой Веной».

Поддерживая переписку со своей семьей в Петербурге, Изабелла была, разумеется, au courant всех новостей, относящихся к русской словесности, и охотно делилась ими с венскими друзьями. Для истории русско-немецких литературных «пересечений» наиболее значимо ее знакомство со Шницлером, которого Изабелла Венгерова познакомила (поначалу заочно) с Зинаидой, весьма способствовавшей впоследствии

¹ См.: Венгерова П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века. СПб., 2005. С. 198.

² Венгерова З. Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгеровой / Послесловие, подг. текста А. Н. Николюкина. М., 2004. С. 83.

³ П. Венгерова с благодарностью вспоминает о ней в предисловии к своей мемуарной книге (см.: Венгерова П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века. С. 6).

⁴ Zweig St. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a/M., 1992. S. 64.

⁵ Сохранилось 10 писем Артура Шницлера к И. А. Венгеровой (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 5. Ед. хр. 1113); письма относятся к 1907–1914 годам.

⁶ Многочисленные письма А. Кауфмана к И. А. Венгеровой за 1903–1915 годы также хранятся в ИРЛИ (Ф. 39. Ед. хр. 1068, 1068а, 1068б).

успеху его произведений в России. Так, в сентябрьской книжке «Вестника Европы», в котором З. Венгерова сотрудничала в течение многих лет, была опубликована в 1898 году ее статья, посвященная сборнику коротких «новелл» (Noveletten) Шницлера «Жена мудреца» (Berlin: S. Fischer, 1898).⁷ «В сентябрьском „Вестнике Европы“ прочти мою заметку о Шницлере, — писала Зинаида Афанасьевна своей сестре. — Я от него в восторге. <...> Есть сцены удивительно тонкие. Ты, кажется, с ним, Шницлером, знакома. Как же ты не влюбилась в него? Он, вероятно, умный и тонкий человек — я им очарована после томика Noveletten».⁸

В дальнейшем, посетив очередной раз Вену, Зинаида Венгерова лично познакомилась со Шницлером. Увлечшись его творчеством, она в течение ряда лет рецензировала его новые произведения, переводила их на русский язык (рассказы «Поручик Густль», «Фрау Беата и ее сын», пьесы «Подруга жизни», «Зеленый попугай» и др.) и неоднократно писала о его творчестве, подчеркивая при этом «какую-то особенность австрийской жизни, сравнительно, скажем, с жизнью французской и немецкой», ту особую венскую атмосферу, «которая и составляет интерес описываемой им среды».⁹ Кроме того, получив от автора «авторизацию» (право перевода), Венгерова могла публиковать в России то или иное произведение Шницлера по рукописи.¹⁰ Связь Шницлера с З. Венгеровой осуществлялась, как правило, через ее сестру. О встречах и переписке австрийского писателя с Изабеллой и Зинаидой Венгеровыми красноречиво свидетельствует его многотомный дневник, изданный в 1981–2000 годах.¹¹

Одним из участников встреч и дискуссий, бурно протекавших в «Гринштайdle», был Александр Матвеевич Браунер (1871–1937),¹² выходец из России, инженер-электрик по образованию, служивший в 1890-е годы на фабрике И. Кременецкого (фирма «Kremenezky, Mayer & Co»). Образованный и начитанный, литературно одаренный молодой человек, захваченный нищезанятием и «декадентскими» веяниями 1890-х годов, Браунер пытался в те годы писать собственные стихи и пробовал свои силы в переводе на немецкий язык русских авторов, например Чехова.¹³

Литературные интересы молодого Браунера стимулировало в немалой степени его дружеское общение с Венгеровыми и Флаксами. В особенности он сблизился с Владимиром Венгеровым (1873–1900), братом Зинаиды и Изабеллы, учившемся в 1892–

⁷ З. В. [Венгерова З. А.]. [Рец. на:] Arthur Schnitzler. Die Frau des Weisen // Вестник Европы. 1898. № 9. С. 423–428. Статья начиналась с утверждения о том, что «молодая немецкая литература распадается теперь на чисто германскую, главным центром которой является Берлин, и австрийскую, сосредоточенную около нескольких журналов, издаваемых в Вене» (с. 423).

⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1049. Л. 65 (письмо без даты). Вероятно, по поводу этой «заметки» И. А. Венгерова писала сестре 17 октября 1898 года: «Оттиск для Шницлера получила и посылаю ему на днях» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 517. Л. 15 об.).

⁹ Венгерова З. О Шницлере // Венгерова З. Литературные характеристики. СПб., 1910. Кн. 3. С. 39.

¹⁰ См.: Шницлер А. 1) Графиня Мицци, или Семейный съезд. Комедия в 1-м действии / Авториз. пер. с рукописи З. А. Венгеровой. М., [1908]; 2) Путь к свободе. Роман / Авторизованный пер. с нем. под ред. З. А. Венгеровой. СПб., 1908.

¹¹ См., например, запись от 13 января 1907 года: «Во второй половине дня пришла Бэлла Венгерова. Письмо от ее сестры относительно судьбы моих пьес в России. Предложение от Комиссаржевской...» (Schnitzler A. Tagebuch 1903–1908 / Hrsg. von Werner Welzig. Wien, 1991. S. 248); другая запись — от 5 июля 1908 года: «Получил от З. Венгеровой русское издание „Путь к свободе“» (Ibid. S. 343; «Путь на волю» («Der Weg ins Freie») — роман Шницлера, 1908); З. Венгерова рецензировала этот роман (Вестник Европы. 1908. № 7. С. 377–383) и способствовала его переводу на русский язык (см. предыдущее прим.).

¹² Даты жизни приводятся по изданию: Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 = International biographical dictionary of Central European emigrés 1933–1945 / Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte München und von der Research Foundation for Jewish Immigration, New York, unter der Gesamtleitung von Werner Röder und Herbert A. Strauss. München; New York; London, 1983. Vol. 2. P. I. S. 146–147.

¹³ Первая известная нам публикация — выполненный Браунером перевод рассказа «Скрипка Ротшильда», опубликованный в венской социал-демократической «Arbeiter-Zeitung» (1895. № 228. 21. August. S. 4–5; № 229. 22. August. S. 4–5).

1898 годах на историко-филологическом факультете Петербургского университета¹⁴ и пытавшемся, кроме того, получить музыкальное образование в Консерватории (по классу виолончели). Владимир Венгеров интересовался современной философией (переводил труды Куно Фишера), увлекался Достоевским, был внимательным читателем Ницше¹⁵ и одновременно занимался литературным переводом.¹⁶ Знакомство Браунера с В. Венгеровым состоялось, по всей видимости, летом 1895 года, когда последний находился в Австро-Венгрии: в Мариенбаде (на лечении)¹⁷ и затем — в Вене. Суждения и вкусы Владимира стали для его венского друга своего рода «критерием». Об этом позволяет судить, в частности, следующий фрагмент из письма Браунера к Изабелле Венгеровой: «Брату Вашему, а моей высшей инстанции: Владимиру Афанасьевичу я что-то подарю на память — мы, вероятно, в этом году больше не увидимся, о чем я премногу <так!> жалею. Но он должен мне сказать, достаточно ли декадентно стихотворение написано, декадентно в более высоком смысле; я, кажется, написал это под влиянием „Рабства любви“».¹⁸ Далее Браунер просит своего друга — через И. А. Венгеру — прислать ему «собрание критики» о Надсоне:¹⁹ «...зимой я, вероятно, буду держать о нем реферат».²⁰

Несколько иную окраску имели в то время отношения Браунера с И. Венгеровой; определяющую роль здесь играли, по-видимому, не только общие литературные интересы, но и личные симпатии. Приведем фрагмент из письма Браунера к З. Венгеровой от 11 июля 1896 года (из Вены), проникнутого тревогой за Беллу, а также упреками и сожалением в связи с тем, что венгеровская семья не уделяет ей, как это казалось Браунеру, должного внимания: «...оттого не сердитесь, если в моем прошлом письме было нечто о Вашей мамаше, что Вас, может быть, оскорбило. Лично я ничего не имею против Паулины Юльевны, за последнее время мы с ней даже в лучших отношениях. — Но она во всем виновата: виновата в том, что Белла не верит в себя, в том, что у нее расшатаны нервы, что у нее отравлена ежедневно жизнь, что она рада, когда не видит мать. <...>

Если бы Вы были здесь, то я бы Вам все это сказал — оттого я в прошлый раз Вам не много написал, хотя мне очень и очень не хотелось этого делать... Постоянно, когда мы с Беллой сходимся, у нас ведутся очень печальные разговоры, грустно потому, что во всей ее жизни нет почти ни одного светлого момента. <...> Но Вы же так любите Беллу (она Вас обожает) — и все-таки не спросите никогда серьезно, как ей живется? На каких правах я вмешиваюсь в Ваши интимные дела? Я с Беллой очень дружен, Вам это не безызвестно — это дает мне, кажется, право не напоминать Вам о Ваших обязанностях, нет! При наших настоящих с Вами отношениях я бы этого никогда не сделал. Но потому что я Беллин друг, я должен был Вам заявить о том, как обстоят дела.

¹⁴ Студенческое дело: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 29280.

¹⁵ В письме к И. А. Венгеровой от 8 мая 1896 года Владимир просит передать Браунеру «поклон и благодарность за книгу» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 12). Речь идет о книге Ницше «Götzendämmerung oder wie man mit dem Hammer philosophiert» («Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», 1889).

¹⁶ «Настоятельно прошу тебя прислать мне небольшую вещь для перевода, — писал Владимир Венгеров своей сестре Изабелле 29 сентября 1895 года. — Попроси Браунера» (Там же. Л. 8 об.).

¹⁷ В. А. Венгеров страдал ожирением и, кроме того, — личностным расстройством, нараставшим с течением времени. Последние два года жизни (1898–1900) он провел в петербургском Доме призрения душевнобольных (в Удельной), где и умер. Сохранилась история его болезни (ЦГИА СПб. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 2880).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 2 (письмо от 25 августа 1895 года). «Рабство любви» («С усильем тяжким и бесплодным...») — первоначальное название стихотворения Мережковского (впервые: Северный вестник. 1895. № 7. С. 166; в дальнейшем публиковалось под названием «Проклятие любви»).

¹⁹ Имеется в виду: С. Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб., 1887. В письме к Изабелле Венгеровой Владимир сообщает 29 сентября 1895 года, что послал Браунеру «Добролюбова и книжку о Надсоне» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 7; упоминается, наряду с книгой о Надсоне, первый стихотворный сборник А. М. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» (СПб., 1895), получивший резонанс в символистском кругу).

²⁰ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 2 об.

И заявил я это только теперь, когда думаю, что больше не могу с нею справиться. Мне кажется, что после всего, что она за последнее время пережила,²¹ она должна пережить большую радость: а это было <бы>, если бы Вы теперь сюда приехали, либо же она к Вам. И только оттого, что я знал, что Вы хотите летом приехать в Вену, я решился просить Вас, если возможно, сейчас же приехать. <...>

Теперь Белла немного успокоилась: я употребил на это все мое красноречие, при-водил все доказательства из моей жизни. Но мы видимся летом всего раз в неделю — пока мы встретимся, у нее снова душа ныть начнет. Да наконец, что могут помочь слова, когда тоска одолевает! Она сама знает, что не права — но ей все-таки счастья хочется, сейчас же... Боже ты мой, Вы ведь это знать должны! И нигде ни одного человека, с которым можно, не стыдясь, говорить, иногда даже плакать... А кто ей близок? Мать ли, которая на две человеческие жизни старше ее и которая, если бы даже хотела, не могла <бы> ее понять? Может быть, М-me Flachs, которая кичится своим превосходством и протезирует²² „глупую“ девочку с ее „глупыми“ <?> требованиями от жизни? Либо Вы, которая за целый год, кажется, всего раз, мимоходом, спросили, что происходит в ее внутреннем мире?.. А о себе Вы ей что-нибудь сказали? Прошу Вас тысячу раз извинения. Вам, вероятно, больно от моих „грубостей“. Но разве Вы думаете, что мне легко Вам писать об этом, разве Вы думаете, что мне весело смотреть на нее и видеть в ней подтверждение моего горького одиночества... Вот видите, даже я пускаюсь на интимничания!

Кажется, теперь я довольно ясно выразился?! Делайте, что хотите: я Вам не закон. Но я Вам должен был сказать все это, потому что Вы имеете на это право и должны это знать: у Вас всего *одна* Белла!»²³

Романическая подоплека этого письма очевидна, и можно предположить, что именно глубокое чувство Изабеллы к Ван-Юнгу (и, соответственно, ее нежелание ответить Браунеру взаимностью) определило дальнейшее развитие событий: Браунер сближается со студенткой венского университета Кларой Элиасберг (1875–1940), родом из Минска (как и все Венгеровы),²⁴ приятельницей Изабеллы, и эта связь оборачивается в конце концов законным браком, состоявшимся летом 1897 года.²⁵ А в мае 1898 года на свет появляется Лео — сын Алекса и Клары, в будущем известный ботаник (умер в Мюнхене 1 января 1974 года).²⁶

Дружеские отношения четы Браунер с Изабеллой Венгеровой со временем осложняются. «С Браунерами веду переписку доброжелательную, но не слишком сердечную, — признается Изабелла в письме к З. А. Венгеровой 28 ноября 1898 года, — она прислала мне свою карточку с ребенком, выглядит очень постаревшей и истомленной. Она переводит, ходит в университет и очень счастлива. У меня как-то странно оборвалось чувство к ней, и я совсем не могу восстановить прежнюю потребность искренности и откровенности с нею».²⁷ Отношения Изабеллы с Браунерами постепенно сходят на нет. «...Через 2 недели придется опять возиться с новой квартирой, — пишет она Зинаиде 14 июня 1899 года. — Клара уезжает, а мои отношения с Бр<аунером> таковы, что мы без раздражения даже видеть друг друга не можем».²⁸ О длительной обиде Кла-

²¹ Подразумевается, видимо, кризис в отношениях Беллы с Лео Ван-Юнгом.

²² Имеется в виду: протезирует, покровительствует.

²³ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 510. Л. 1–4.

²⁴ Братом Клары был А. С. Элиасберг (1878–1924), известный впоследствии переводчик русских и еврейских авторов на немецкий язык, составитель антологий, знаток современного искусства и др.

²⁵ Сведения заимствованы из статьи Алексея Ташинского, опубликованной в интернет-издании «Germersheimer Übersetzerlexikon» (<http://www.uelex.de>). Благодарим автора, познакомившего нас с рукописью своей работы. О браке А. Браунера см. также его письмо к Сологубу от 25 октября 1897 года (п. 7).

²⁶ На его рождение Сологуб откликнулся стихотворением «Льву Александровичу Браунеру» (см. Приложение, прим. 2 к п. 13).

²⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 517. Л. 21 об.

²⁸ Там же. Л. 41. Однако в письме, отправленном на другой день из Берлина, Зинаида просит сестру передать «привет Браунерам» (Там же. Ед. хр. 1049. Л. 82 об.).

ры Браунер на Изабеллу Венгерову свидетельствуют также и письма А. Кауфмана (см. прим. 6), содержащие целый ряд упоминаний о венских знакомых (Браунерах, Л. Флакс и др.).

* * *

Поворотным в литературной судьбе Александра Браунера оказался 1895 год. Весной этого года в Вене (проездом) побывала Л. Я. Гуревич, издательница «Северного вестника». Отдыхая в тот сезон «на Ривьере», она возобновила свою дружбу с Н. Минским, а также, по ее собственному признанию, сблизилась с приехавшей из России З. А. Венгеровой. «В воспоминаниях иного типа, более пространных и более интимных, — писала позднее Гуревич, — я могла бы восстановить из наших тогдашних бесед многое, весьма характерное для психологии того времени, — психологии, из которой выростала молодая литература».²⁹

На обратном пути в Россию Л. Гуревич задержалась в Вене. Здесь она встрети­лась с Изабеллой Венгеровой, заранее предупрежденной о ее приезде. «Сестре в Вену я написала о Вашем приезде, — информировала З. Венгерова Л. Гуревич 25 января 1895 года, — и она будет очень рада быть Вашим гидом».³⁰ Трудно усомниться в том, что именно Изабелла Венгерова познакомила Л. Гуревич с Браунером.

Ясно можно представить себе, о чем дискутировали Любовь Гуревич и русские венцы в марте–апреле 1895 года: конечно же, о русской и западноевропейской литературе, о символистах, группировавшихся вокруг «Северного вестника», о программе журнала, направленной на пропаганду «современных» ценностей, о Бальмонте и Минском, Д. С. Мережковском и З. Н. Гишпиус и, не в последнюю очередь, — о Федоре Сологубе, который начиная с 1892 года публиковал в этом журнале свои стихи и прозу,³¹ а начиная с № 5 за 1895 год — роман «Тяжелые сны». Все эти имена и события живо обсуждались в кругу Изабеллы Венгеровой и Луизы Флакс, достаточно осведомленными в том, что касалось русской литературной жизни. «Госпожа Гуревич принесла с собой не слишком много интересного, — разочарованно сообщала Л. Флакс З. Венгеровой 15 апреля 1895 года. — Она произвела весьма симпатичное впечатление: нормальная русская, обладающая спокойным темпераментом».³²

Однако для Браунера визит Л. Гуревич имел немаловажные последствия. Сведений о их личных встречах обнаружить не удалось, тем не менее очевидно, что они познакомились друг с другом именно в те недели. Поговорив с Браунером и, видимо, приняв во внимание благоприятные отзывы о нем от общих друзей и знакомых, Любовь Гуревич пригласила его к сотрудничеству в «Северном вестнике», а Браунер, со своей стороны, сразу же предложил Гуревич статью о только что умершем немецком прозаике и драматурге Густаве Фрейтаге, виднейшем «реалисте» в немецкой литературе второй половины XIX века. Эта критическая статья, появившаяся в июньской книжке «Северного вестника» (с пометой «Вена, май 1895»), вполне могла обратить на себя внимание читателей: молодой и никому не известный венский автор пытался свергнуть с пьедестала признанного и воистину крупного немецкого писателя.

«Он был представителем довольных, сытых, людей без душевных сомнений, — писал Браунер о Фрейтаге. — Нигде вы не найдете у него разрешения какого-нибудь сомнения — все у него нормально. <...> Он — выразитель немецкой посредственности, представитель своего, уже отходящего в историю времени.

²⁹ Гуревич Л. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910. С. 152.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19841. Л. 1 об.

³¹ Сологуб дебютировал в «Северном вестнике» в февральской книжке за 1892 год (стихотворением «Вечер», подпись: Ф. Т<етерников>); постоянным сотрудником журнала он становится в 1893 году — вскоре после перевода по службе в Петербург.

³² ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 701. Л. 6 (в оригинале на немецком языке).

Наши отцы им еще до сих пор восхищаются — но это только показывает, как мало общего имеют дети современной Германии со своими отцами».³³

Русскому читателю было ясно: автор выступает от лица молодого литературного поколения, отвергающего вкусы «отцов» и, в частности, — творчество писателя, у которого «все нормально». Действительно: Браунер заявлял о себе как носителе «современного» мироощущения, преодолевающим «неглубокую буржуазную мораль»³⁴ и тяготеющим к «новым» художественным формам.

Другим событием весны 1895 года, заметно всколыхнувшим кружок «младовенцев», оказался приезд в австрийскую столицу писательницы Лу Андреас-Саломе. Легендарная подруга Ницше и автор первой книги о нем, появившейся как раз в Вене (1894), хорошо известная читающей немецкой публике своими резонансными выступлениями на страницах передового берлинского журнала «Freie Bühne» («Свободная сцена»), Лу Саломе легко вошла в венскую литературную среду. Прибыв в австрийскую столицу (вместе со своей приятельницей, писательницей Фридой фон Бюло) прямо из Петербурга, она быстро завязала знакомство с престарелой Марией фон Эбнер-Эшенбах и феминисткой Марией Ланг и, как свидетельствуют современники, легко подчинилась своему влиянию завсегдатаев кафе «Гринштайдль», где бывала чуть ли не ежедневно.³⁵ Неопубликованный дневник Андреас-Саломе, в котором она фиксировала основные события минувшего дня, позволяет проследить ее венские знакомства 1895 года: Альтенберг, Бер-Гофман, Гуго фон Гофмансталь, Феликс Зальтен, Шницлер... Мелькает в этом ряду и имя Лео Ван-Юнга (без упоминания о Изабелле Венгеровой). Тогда же, весной 1895 года, происходит ее судьбоносное знакомство с «Земеком».³⁶

Среди новых венских знакомых Лу оказался и Алекс Браунер, целиком подпавший, подобно другим венцам, под обаяние Лу. Когда именно состоялось их личное знакомство, не вполне ясно — возможно, в один из ее последующих приездов в Вену. «Ежедневник» Андреас-Саломе запечатлел их венскую встречу от 29 декабря 1895 года: «Вечером у меня был Браунер и сидел до поздней ночи».³⁷

О чем — предположительно! — беседовали в тот вечер Алекс Браунер и Лу Саломе? Думается, что известную писательницу, находившуюся тогда в самой гуще берлинской литературной жизни и лично знакомую со многими «знаменитостями», не мог не заинтересовать ее собеседник, хорошо информированный о последних событиях в области немецкой поэзии, прозы и критики. Браунер же, со своей стороны, рассказывал о «Северном вестнике» и, возможно, показывал Андреас-Саломе свежие выпуски журнала, в которых только что (в ноябрьской и декабрьской книжках) появилась его вторая и более пространная статья «Современная „Молодая Германия“», написанная в августе–сентябре 1895 года, и завершалась публикация сологубовского романа «Тяжелые сны». Можно предположить, что именно в венских беседах с Браунером и зародился интерес Л. Андреас-Саломе к «Северному вестнику», обернувшийся для нее в ближайшие годы тесным и плодотворным сотрудничеством с этим журналом.³⁸

³³ Браунер А. Густав Фрейтаг (1816–1895) // Северный вестник. 1895. № 6. С. 93.

³⁴ Там же. С. 92.

³⁵ «Госпожа Лу все еще в Вене, — писал Р. Бер-Гофман Г. фон Гофмансталу 22 мая 1895 года, — и ежедневно проводит с нами по многу часов. Похоже, что она очень полюбила нас, т. е. Артура (Шницлера. — К. А.) и Вас, и меня, и я думаю, что мы нечто означаем в ее жизни или сделались для нее символом чего-то такого, о чем сами не можем знать» (Hofmannstahl H. von, Beer-Hofmann R. Briefwechsel. Frankfurt a/M., 1972. S. 49).

³⁶ Венский врач Фридрих Пинелес (1868–1936), возлюбленный и многолетний друг Лу.

³⁷ Приводится по копии, предоставленной Т. Шмидтом (Марбах). Оригиналы хранятся у г-жи Д. Пфайфер (Геттинген).

³⁸ См. подробно: Азадовский К. «Россия была главным событием...» // Азадовский К. Рильке и Россия. Статьи и публикации. М., 2011. С. 12–18.

* * *

Статья «Современная „Молодая Германия“» — вторая статья Браунера в «Северном вестнике» (ее можно назвать обзорной) — была задумана как попытка осветить литературную жизнь Германии и Австрии в переходный период: от натурализма к сменившим его новым течениям (импрессионизму, символизму, неоромантизму). Насыщенная именами, в основном не знакомыми для русских читателей, статья Браунера написана в свободной, эссеистической манере; автор не только информирует, но и обобщает, судит, оценивает. Осведомленный и начитанный автор, поставивший своей задачей ознакомить русскую публику с «Молодой Германией» и «Молодой Австрией», пытается — через множество литературных имен и событий — разглядеть и обозначить характерные тенденции последнего десятилетия.

Первая и большая часть статьи посвящена характеристике представителей раннего немецкого натурализма, вступивших на литературную сцену во второй половине 1880-х годов. Вскользь коснувшись таких признанных мастеров-«реалистов», как Густав Фрейтаг или Фридрих Шпильгаген (и при этом ни словом не обмолвившись о Теодоре Фонтане), Браунер задерживает внимание на предшественниках «новой» литературы; к таковым, по его мнению, относятся четыре писателя: М. Г. Конрад, Карл Блейбтрой, Конрад Альберти и Герман Конради. «...Как все пионеры нового дела, с их недостаточными средствами, они указали другим, по какой дороге идти, чтобы освободиться от оков старых предрассудков».³⁹

Освобождение от «оков предрассудков» наступило в эпоху натурализма. Упомянув о мало известных в России Карле Генкеле, Бруно Вилле и др., Браунер останавливается на таких (крупнейших, по его мнению) представителях «берлинской школы натурализма», как Арно Гольц, Иоганнес Шлаф и, разумеется, Герхарт Гауптман. Немало внимания уделено и тем, кто якобы «следует по стопам» Гауптмана: драматург Макс Гальбе, Георг Гиршфельд и Эрнст Розмер (псевдоним писательницы Эльзы Бернштейн). Подробно представлен и Герман Зудерман, «самый популярный немецкий писатель наших дней» (№ 12. С. 269).

Браунер не обошел молчанием и молодую немецкую поэзию. Крупнейший лирический талант Германии, по его мнению, — Детлев фон Лилиенкрон, достигающий в своих стихах подлинного совершенства; он походит на Гете «по силе своих образов, картин, по красоте формы» (№ 12. С. 267). Другой современный поэт, «ученик» Лилиенкрона, о котором упоминает Браунер, — Рихард Демель. (О Стефане Георге и кружке георгианцев вообще не упоминается.)

Последние страницы своей обзорной статьи Браунер посвятил «Молодой Австрии», чье отличие от тяготеющей к «интернационализму» «Молодой Германии» он усматривает в региональной специфике, «австрийскости» или «венской ноте», якобы характерной для национальной литературы Австрии в целом. «...Нигде не чувствуется так специфический дух страны, как в книгах австрийских поэтов» (№ 12. С. 273). «Молодая Австрия», сообщает Браунер, — это «кучка молодых людей, живущих в Вене: они знают друг друга, читают друг другу свои вещи, хвалят друг друга и рады, когда кто-нибудь из них имеет успех. Но их успех ограничивается маленьким кругом, широкой популярностью почти никто из них не пользуется» (Там же). Браунер называет их имена, в то время новые для русского слуха: Л. фон Андриан, Г. Бар, Р. Бер-Гофман и А. Шницлер. При этом серьезное литературное значение Браунер признает лишь за одним Г. Баром, вдохновителем «Молодой Австрии», которому посвящено несколько страниц. При этом Браунер отнюдь не возвеличивает Бара-писателя — скорее наоборот: отдельные пассажи наводят на мысль о том, что автор стремится его развенчать или, во всяком случае, умалить его роль и значение.

«Бар постоянно ищет чего-то — это его лучшая черта, — пишет Браунер, — но он сделал из этого спорт, он играет этим, как какой-нибудь глупый тщеславный актер „играет“ Гамлета: ни тот, ни другой не интересуется ролью, важнее всего для них

³⁹ Браунер А. Современная «Молодая Германия» // Северный вестник. 1895. № 11. С. 264–265 (далее ссылки на эту работу приводятся в тексте, с указанием номера журнала и страницы).

обратить на себя внимание публики». Браунер упрекает Бара в аморализме, развращении молодого поколения и дискредитации того нового направления, которое он сам же обосновал и поддерживал. «Серьезно он (Бар. — К. А.) ни к чему не относится и всего касается поверхностно. <...> Честного прямого убеждения ни в какой из книг Бара нельзя встретить. Оттого у него нет ни одной хорошей книги» (№ 12. С. 274).

Прочие «младовенцы», в отличие от Бара, представлены в статье Браунера весьма скупо. «Талант Шницлера не отличается многосторонностью, — снисходительно замечает Браунер, — но тем не менее он не требует от своего искусства больше, чем оно в состоянии ему дать <...> Но его талант милый, простой соединяется с истинной интеллигентностью, с юмором, с несколько сатирической жилкой. Таковы все его вещи. <...> Шницлер не принадлежит к новаторам литературы, в нем нет ничего, что бы могло понравиться толпе: он художник, выражающий стремления и желания маленького общества артистов, с глубокой душой и впечатлительным разумом» (№ 12. С. 276).

Излишне говорить, сколь глубоко заблуждался Браунер. Пройдет всего несколько лет, и проза Шницлера, не говоря уже о его драматургии, уверенно завоеует читательские симпатии в Австрии, России и других странах; при этом именно Шницлер окажется в глазах широкой публики наиболее характерным выразителем «венской души». ⁴⁰ Не лишком привлекательно выглядит под пером Браунера и «никому не известный» Рихард Бер-Гофман, опубликовавший к тому времени лишь две новеллы («Das Kind» и «Camelias»). Первую из этих вещей Браунер сочувственно называет «венской песней, в каждой строке которой чувствуется страсть жизни...» (№ 12. С. 276). Однако подлинное значение Бер-Гофмана, блестящего мастера немецкой прозы XX века, автора знаменитой драмы «Смерть Георга» (1898–1899), Браунер также не сумел предугадать.

Единственный писатель «Молодой Австрии», которого Браунер принимает без оговорок, — это Лорис (псевдоним Гуго фон Гофманстала в юности). «Мне нравится, — пишет Браунер, — только один писатель из всей венской школы: Лорис <...> — он уже готовый поэт. Ни одна литература не обладала таким зрелым талантом в таком чуть ли не детском возрасте <...> Его стихи, за малыми исключениями — я не сравниваю их, конечно, с иногда гениальными произведениями Лилиенкрона — лучшие стихотворения Молодой Германии и Австрии как по форме, так и по содержанию, как по красоте, так и по глубине смысла. Его драматические этюды производят впечатление зрелых произведений истинного поэта»; далее Браунер с восхищением пересказывает содержание одноактного драматического (в стихах) этюда «Gestern», написанного Гофмансталем в 18 лет: ⁴¹ «...сколько красоты в этих легких стихах, сколько смысла, сколько настроения: что вчера было, того не забудешь; все напоминает тебе об этом: каждое слово, каждый взгляд, каждое движение; мы стали одним целым с нашим „вчера“, оно преследует нас, оно никогда больше не оставит нас... Это поэзия чувств, только чувств» (№ 12. С. 277). ⁴²

Статья Браунера заметно выделяется в его относительно скромном творческом наследии; это его единственное крупное выступление в русской печати, не утратившее

⁴⁰ «В России Шницлера неизменно называют „поэтом Вены“, — подчеркивает А. И. Жеребин, — поэт, сердце которого „вырезано из сердца Вены“. <...> „Венство“ — неотъемлемая черта всех произведений Шницлера...» (Жеребин А. И. Новеллистика Артура Шницлера в России // Типология жанров и литературный процесс. Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 1994. С. 38–39).

⁴¹ См. русский перевод в кн.: Гофмансталь Г. фон. Смерть Тициана. Драматический отрывок / Пер. О. Н. Чюминой. Вчера. Драматический этюд. Пер. Л. М. Василевского. М., [1907].

⁴² Обратив внимание на это место в статье Браунера, австрийская исследовательница Р.-М. Циглер полагает, что речь идет о переводе стихов Гофманстала, выполненном самим Браунером (т. е., в сущности, о первой публикации его стихов в русском переводе). См.: Ziegler R. «Severnyj vestnik» // Die Wiener Moderne in slawischen Periodika der Jahrhundertwende / Hrsg. von Stefan Simonek. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2006. S. 34 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext / Hrsg. von Leopold R. G. Declodt, Stefan Simonek. Bd 10). В действительности Браунер в данном случае не столько переводит, сколько цитирует строки Гофманстала.

и до наших дней своей историко-литературной ценностью. Волею обстоятельств Браунер оказался первым, кто сообщил русской читающей публике о литературной группе «Молодая Вена», принципиально отличной от берлинской литературной сцены, где в начале 1890-х годов еще продолжал господствовать натурализм. Упомянув об «австрийской специфике», провозвестником которой в Австрии был Герман Бар, открыто призывавший к преодолению натурализма, Браунер — вольно или невольно — явственно обозначил в своей статье тот сложный процесс взаимодействия и противостояния двух мироощущений и двух «эстетик», который все более проявлялся в немецкой культуре последнего десятилетия XIX века.⁴³

Нельзя не отметить и другую заслугу Браунера, возвестившего со страниц «Северного вестника» о появлении талантливого австрийского поэта Гуго фон Гофманстала (ранее о Лорисе-Гофманстале в русских журналах не упоминалось).

Осенью 1895 года, когда статья Браунера уже находилась в печати, Л. Я. Гуревич, заинтересовавшись новыми для нее именами немецких поэтов, попросила его прислать в Петербург сборники стихов Лиленкрона и Гофманстала. Редакция «Северного вестника» явно предполагала сопроводить статью Браунера переводами из обоих поэтов (при этом Гуревич имела в виду привлечь к этой работе Мережковского и О. Н. Чюмину). Однако дальнейшая презентация «Молодой Вены» в «Северном вестнике» не состоялась, что выясняется из письма Браунера к Гуревич от 7 ноября 1895 года: «Все сочинения Detlev von Liliencron'a появились у Wilhelm Friedrichs Verlag in Leipzig,⁴⁴ недавно „Ausgewählte Gedichte“⁴⁵ — вероятно, самое подходящее для Ваших целей.

Стихотворения Лориса отдельным изданием не выходили; появлялись иногда в различных журналах. Его лучшие стихи вообще не появлялись — я их читал в манускрипте: если можете немного ждать (моментально <так!> я очень занят!) — неделю, две — тогда я найду к нему и вышлю Вам кое-что. Его драмы, короткие, появились в журналах, „Thor u<nd> Tod“ — самое зрелое из его вещей — в очень дорогом сборнике,⁴⁶ который я могу, впрочем, достать за полцены. Я попросил бы Вас предоставить мне выбор стихотворений этих поэтов: я их так превознес, что считаю себя за них ответственным. На будущей неделе я выслал бы Вам все нужное. Извините за нескромность, но мне кажется, что мой выбор был бы вернее. Позвольте Вас попросить о чем-то: не давайте Лориса Чюминой: она слишком много переводит и слишком мало имеет своего, чтобы попасть его индивидуальность <так!>. Если бы Мережковский перевел „Thor u<nd> Tod“, было бы чудно.⁴⁷

Недавно я перевел одно из последних стихотворений Лориса „Рождество“,⁴⁸ которое при сем прилагаю; буду очень рад, если оно Вам понравится.⁴⁹

Этот так и не появившийся в печати перевод (разумеется, весьма несовершенный) является, на наш взгляд, первой попыткой переложения стихов Гофманстала на русский язык. Приводим его текст полностью:

⁴³ О провоцирующей роли берлинского натурализма, способствовавшего в конечном итоге формированию модернистского «венского стиля», см. работы А. И. Жеребина, в частности его статью под характерным заголовком «Вена versus Берлин» (*Жеребин А. И. От Виланда до Кафки: Очерки по истории немецкой литературы*. СПб., 2012. С. 383–393). Следует в этой связи заметить, что «противостояние» Вены и Берлина, которое энергично постулировал Герман Бар, было скорее тенденцией; на личных отношениях или издательских возможностях венских авторов оно практически не сказывалось. Например, тот же Шницлер (позднее и Гофмансталь) широко публиковался в берлинских изданиях, его пьесы ставились на берлинской сцене и т. д.

⁴⁴ В лейпцигском издательстве Вильгельма Фридриха (*нем.*).

⁴⁵ Избранные стихотворения (*нем.*).

⁴⁶ «Глупец и смерть» («Der Thor und der Tod») — одноактная «лирическая драма» в стихах Г. фон Гофманстала (1893), впервые опубликованная в 1894 году под псевдонимом Лорис в мюнхенском ежегоднике «Moderner Musen-Almanach... Ein Sammelbuch deutscher Kunst» (издатель — О. Ю. Вирбаум).

⁴⁷ Перевод не состоялся.

⁴⁸ Немецкое название этого стихотворения — «Weihnacht» (1895).

⁴⁹ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. кр. 19819. Л. 3–3 об.

РОЖДЕСТВО

Рождественский звон
И ночная пора...
Кто знает сегодня,
Где колокола,
Где звуки прошедших времен?..

Живые звуки
Минувших дней,
С детской красотой:
И запах ветвей,
Ели зеленых ветвей.

Тяжелые губы
И кудри от сна...
Кто знает, откуда
Колокола
Чужие, сегодня, пришли?..

Минувшие дни
Быстро мимо идут.
Кто знает, иль муки,
Иль радость несут,
Майскую негу несут?⁵⁰

Сотрудничество Браунера с «Северным вестником» ограничивается, в сущности, 1895 годом, хотя Л. Гуревич была готова печатать его новые статьи или очерки. «С удовольствием исполню Ваше желание написать опять что-нибудь для „С<еверного> В<естника>“, — откликается Браунер на ее предложение 3 марта 1896 года. — Я выбрал следующую тему: „Две женщины (Лаура Маргольм,⁵¹ Лу Андреас-Саломе)“, что-то вроде параллели, где Маргольм я разберу как тип вырождающейся женщины, Саломе — как индивидуальность в высшей степени. Маргольм, конечно, пострадает. Напишите мне по возможности сейчас же, согласны ли Вы с этим, а также срок — без срока я, вероятно, никогда не окончу статьи. Через месяц я мог бы справиться, т. к. читал почти все, что обе написали. У Саломе знаю даже вещи, которые еще не печатались. <...> Размер статьи: приблизительно печатный лист».⁵²

Мы не знаем, что именно ответила Гуревич на это предложение, однако статья «Две женщины» в «Северном вестнике» не появилась (и, скорее всего, не была написана).

* * *

Итак, первым среди немецких поэтов был для Браунера в тот период, безусловно, Детлев фон Лилиенкрон; австрийским — Гуго фон Гофмансталь; русским же, насколько можно судить, — Федор Сологуб, о котором Браунер не раз слышал от Венгеровых и стихи которого читал в «Северном вестнике». При этом стихи Сологуба и стихи Гофманстала явно корреспондируют в сознании Браунера, накладывая отпечаток и на его собственные поэтические опыты.

⁵⁰ Там же. Л. 4.

⁵¹ Лаура Мархольм (Мархольм-Хансон), урожд. Мор (Mohr; 1854–1928), немецкая писательница, публицистка и переводчица. Жена шведского писателя Олы Хансона (1860–1925). Писала главным образом о женской эмансипации, правовом положении женщины в современном обществе и т. п.

⁵² ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 7–8.

Любопытно в этом плане признание Браунера, сделанное им в письме к Изабелле Венгеровой 25 ноября 1895 года:

«Вчера и позавчера, — сообщает Браунер, — я был на минутку у Флаксов: мне кажется, что они чувствуют себя неловко по отношению ко мне: я там не был с тех пор, как мы вместе там были.

Я ей рассказал о В<eer>-Н<ofmann'e> и о Лорисе. Прочел ей одно старое стихотворение его: Weihnachten.⁵³ Ей очень понравилось. На другой день она спросила, не знаю ли еще одно стихотворение Лориса. Я не знал, конечно, но проделал штуку: прочел ей мое собственное стихотворение и сказал, что это Лориса. Она была восхищена: <...> Стихотворение совсем новое — в субботу после обеда — ½ 5 в бюро написано:

Und wenn das Glück, auf das ich warte —
So lange warte, — doch nicht kommt?!..
Wie werd ich's tragen, dieses harte
Geschick, wenn mir mein Glück nicht kommt?!⁵⁴ <...>

Как Вам нравится? Не правда ли красиво?

Я прочту когда-нибудь немцам и скажу, что только перевел с русского. Наверное, скажут, что сильный поэт; скажу, что это Сологуба».⁵⁵

Воодушевленный своими первыми успехами на литературном поприще, Браунер пробует свои силы и в переводе русских авторов; этому в немалой степени способствуют издательские возможности, в то время наметившиеся для него в Вене. «Есть ли у Вас, Сологуба, либо же у Гиппиус какая-нибудь очень короткая вещь? — спрашивает он Л. Гуревич 24 декабря 1895 года. — Бар просил меня дать ему что-нибудь новое русское для его „Die Zeit“».⁵⁶ Важно добавить, что именно в этот момент Браунер знакомится с первыми книгами Сологуба, изданными в Петербурге на рубеже 1895–1896 годов («Стихи. Книга первая» и «Тени. Рассказы и стихи»), — из них переводчик выбирает созвучные ему произведения. И наконец, как один из авторов «Северного вестника» Браунер не мог, естественно, пройти мимо романа «Тяжелые сны», печатавшегося в этом журнале во втором полугодии 1895 года.

Испросив у Сологуба разрешения на перевод (см. Приложение, п. 1), Браунер приступает к делу. Хронологически первым его переводом из Сологуба следует считать стихотворение «Утро» («Мутное утро грозит мне в окно...», 1890);⁵⁷ вторым — рассказ «Тени» (1893), впервые появившийся в «Северном вестнике» (1894. № 2). Оба эти произведения Сологуба, переведенные Браунером, увидели свет в сборнике «Russische Novellen», выпущенном весной 1896 года в лейпцигском издательстве Германа Цигера.⁵⁸ Открывавшийся стихотворением Сологуба «Утро», сборник от начала и до конца был составлен Браунером; он же был и переводчиком всех вошедших в него рассказов, а также автором короткого предисловия, в котором речь шла и о Сологубе. Подбор авторов может вызвать удивление: крупные и уже известные в Германии писатели (И. Тургенев, А. Чехов) оказались под одной обложкой с писателями куда менее крупными (Л. Гуревич, П. Сергеенко) и автором, совершенно новым

⁵³ Рождество (нем.). См. прим. 48.

⁵⁴ Приводим дословный перевод: «А если счастье, которого жду, — жду так долго — все равно не придет? — как мне вынести эту горькую участь, если ко мне так и не придет счастье?!» (нем.).

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1047. Л. 3–4.

⁵⁶ Там же. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 6 об. В 1894–1901 годах Г. Бар был одним из соиздателей этого венского еженедельника.

⁵⁷ Стихотворение было опубликовано в первом поэтическом сборнике Сологуба (Стихи. Книга первая. СПб., 1896. С. 42), которым, видимо, и пользовался переводчик.

⁵⁸ Экземпляр сохранился в библиотеке Сологуба (ныне — в библиотеке Пушкинского Дома). См.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 467. На титульном листе — надпись неизвестного лица: «Ф. К. Саллогубу» <sic!>.

для Германии: Федор Сологуб. Книгу завершал рассказ никому не известного (ни в Германии, ни в России) Александра Мара.⁵⁹

Подчеркнем: это была первая публикация Сологуба в германоязычной печати — задолго до перевода его произведений на французский, английский и другие языки.

В своем предисловии Браунер объясняет, почему он включил в свою книгу именно этих авторов, а не других, которых можно признать «состоявшимися» (bewährte) талантами. «Причина в том, — пишет Браунер, — что все уже „состоявшееся“ казалось мне недостаточно характерным и часто — недостаточно русским. А я хотел передать специфически русское».⁶⁰ В чем же заключается для Браунера «русская специфика»? Оказывается, в унынии, меланхолии и печали — именно эти настроения, заявляет Браунер, пронизывают избранные им произведения. И если бы кто-нибудь задал вопрос, продолжает он свое рассуждение, «почему столь одаренные художники предпочитают изображать ночные стороны жизни и даже в шампанское подмешивают капли вермута», то этот вопрос означал бы, что они не знают России. Тоска и бесконечная усталость — таково, по Браунеру, современное «русское» настроение. «Несмотря на то, что мы кажемся молодыми, мы все так устали, так бесконечно устали... песенка спета» (S. III). Однако объяснить причины этого настроения Браунер, по его собственному признанию, не в состоянии.

А о «Тнях» Сологуба, «самого одаренного из всех современных русских писателей», Браунер заметил, что «уже в этом небольшом произведении («litterarische Kleinigkeit») чувствуется большой художник и мастер» (S. IV–V).

На лейпцигское издание появилось вскоре несколько откликов. В авторитетном немецком журнале «Die Gesellschaft», стремившемся пропагандировать «Молодую Германию»,⁶¹ выступил молодой А. Мёллер ван ден Брук, в то время — начинающий публицист, снискавший себе позднее сомнительную известность как «провозвестник» национал-социализма. С юности свойственный Мёллеру ван ден Бруку интерес к России и русской литературе побудил его, вероятно, отозваться на эту книгу. И что любопытно: из шести авторов, представленных в сборнике Браунера, рецензент отметил прежде всего Сологуба: «Книга представляет собой сборник, — сказано в его отзыве, — в котором, помимо весьма скромной новеллы Тургенева 1864 года, с тех пор ни разу не переведившейся,⁶² помещены еще пятеро молодых авторов. Наиболее значительным из них представляется мне Федор Сологуб: он прежде всего — самый современный (der modernste)! Стоит прочесть одну-единственную страницу, им написанную, и сразу понимаешь: его творчество принадлежит молодому психологическому этапу. И в этом он — мастер. Никто из четырех других авторов не обладает той остротой, на которую способен его взгляд, постигающий тайные движения души! Самое сокровенное для него недостаточно сокровенно. Даже в отдаленном он умеет выискать какую-то сторону, чтобы соотнести ее с тем, что находится рядом и, по-видимому, является важным. Вот почему от его внимания не ускользает ни одна деталь, ценная в психическом отношении, а он все строит и строит, пока человеческая судьба, которую он желает развернуть перед нами, не предстает в своем окончательном виде — безупречная, цельная. При этом он — по крайней мере в опубликованной здесь повести „Тени“ — предлагает изысканно редкую проблему. Не могу вспомнить, чтобы где-нибудь в какой-либо литературе мне встретился хотя бы близкий сюжет. Во всяком случае, в подобной манере! Излишне доказывать, что Сологуб — мастер литературного стиля; для меня как бы само собой разумеется, что для каждого обнаруженного им душевного поворота он находит верное выражение, соответствующее тому особому событию, которое он наблюдает».⁶³

⁵⁹ За этим псевдонимом скрывался сам Браунер (см. далее).

⁶⁰ Russische Novellen. Leipzig: Verlag von Hermann Zieger, [1896]. S. III. Далее ссылки на предисловие Браунера приводятся в тексте (с указанием номера страницы).

⁶¹ Именно этому журналу Браунер пытался летом 1897 года предложить свою статью, посвященную Сологубу (см. Приложение, прим. 2 к п. 5). Публикация не состоялась.

⁶² Имеется в виду рассказ Тургенева «Довольно (Отрывок из записок умершего художника)».

⁶³ Die Gesellschaft. 1896. Drittes Quartal. August. S. 1096. Подпись: Moeller van Bruck.

Другой отклик прозвучал в конце 1896 года со страниц нового венского журнала «Wiener Rundschau», редакция которого явно покровительствовала Браунеру. В самом первом номере журнала был опубликован (в переводе Браунера) рассказ Чехова «Ванька», а в критическом отделе содержалась рецензия на «Russische Novellen», посвященная, по сути, лишь одному Сологубу.

«В этом сборнике, — утверждал рецензент, укрывшийся за псевдонимом (женским именем) Ethel, — имеется чудесный этюд. Имя автора — Федор Сологуб, а сама вещь озаглавлена „Тени“. Описание того, как в результате мелких событий мать и сын постепенно и незаметно поддаются под темную власть безумия, — чудо деликатности и психологического мастерства».⁶⁴ Подробно изложив содержание «Теней», рецензент заключает: «Все остальные авторы, тщательно переведенные Александром Браунером, значительно уступают этому грандиозному мастеру. Даже такой большой художник, как Антон Чехов, предстает рядом с ним в потускневшем свете. Эти „Тени“ затмевают других».⁶⁵

Кому именно принадлежала эта анонимная рецензия, целиком посвященная одному Сологубу, выяснить не удалось. Однако ее содержание и тональность наводят на мысль, что она возникла не без помощи самого переводчика-составителя и, скорее всего, — в кругу его знакомых.

Краткая информация о лейпцигском издании появилась, кроме того, в еженедельнике «Die Zeit». Ее автор, подписавшийся М. М.,⁶⁶ отметил: «Из новых имен внимание привлекают П. Сергеевко, автор превосходного рассказа „Гриша“, и Федор Сологуб со своим этюдом „Тени“. Оба выбирают сходный сюжет: гибель ребенка. Герой Сологуба, разворачивающего свое повествование в психологически необычной манере, — нервный сверхчувствительный мальчик, почти беззащитный перед лицом жизни, поддающийся под мистическую, трусливую и пугающую власть Тени. <...> Сологуб предстает нам в этом этюде не как большой удивительный писатель, а всего лишь как смелый и чуткий экспериментатор, умеющий наблюдать и передавать странные и редкие состояния человеческой души».⁶⁷

Отдельно следует сказать о литературной мистификации Браунера, завершившего «Russische Novellen» небольшим и вполне «декадентским» рассказом собственного сочинения⁶⁸ под псевдонимом «Alexander Mar». Этот рассказ, воспевающий эротизм и чувственную природу, был посвящен Изабелле Венгеровой, и уже по этой причине избранный автором псевдоним не мог остаться тайной для круга его знакомых в Вене и в Петербурге. Впрочем, Венгеровы, живо обсуждая в своей переписке только что полученный сборник, весьма скептически оценили Браунера-критика, Браунера-составителя и Браунера-рассказчика.

«Зина <З. А. Венгерова>, кажется, не написала тебе своего мнения о рассказе Браунера, — писал Владимир Венгеров своей сестре в Вену. — Очевидно, что он странно понимает красоту — говорит все время об одной физической красоте. Что касается вообще „философии“ этой маленькой штуки, то я согласен с ним, что при отсутствии духовной красоты физическая дает право на существование, и, вообще, сочувствую вниманию, которое он уделяет физическим свойствам. Но, очевидно, широкоэпатабельный тон этой „философии“ может навести на мысль, что автор хочет отразить современность, но не понимает, что так не смотрят на красоту ни Ибсен, ни декаденты, и такой красоты *не может* проповедовать Ницше...».⁶⁹

⁶⁴ Wiener Rundschau. 1896. № 1. 15. November. S. 39–40.

⁶⁵ Там же. Вырезка с этой рецензией сохранилась в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 2) и была прислана ему З. А. Венгеровой, которая, в свою очередь, получила ее либо от Изабеллы, либо от Владимира. «Очень благодарен Вам за присланную вырезку из „Wiener Rundschau“, — писал Сологуб 24 ноября 1896 года Зинаиде Венгеровой, — и это очень лестно для меня — то, что там изображено; прошу Вас при случае передать мою благодарность тому, кто был так любезен, прислав для меня эту вырезку» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 683. Л. 1).

⁶⁶ Вероятно, Макс Мессер (см. о нем далее).

⁶⁷ Die Zeit. 1897. № 133. 17. April. S. 46 (раздел «Книги»).

⁶⁸ Название рассказа («Schönheitstoll») можно перевести на русский как «Одержимый красотой».

⁶⁹ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 11 об. Письмо от 8 мая 1896 года.

Еще более критично отозвался Владимир Венгер о предисловии Браунера к «Russische Novellen», как и о составе сборника в целом. «Предисловие показывает, — писал он сестре (в том же письме), — что он не знает русской литературы, — неужели, напр<имер>, Успенский, Засодимский не „spezifische“⁷⁰ русские писатели? Предоставляю тебе самой проверить, что те писатели, которых он перевел, не „самые лучшие писатели после Тургенева“.⁷¹ Кроме того, Alexander Marr <так!> — не русский писатель. Наши⁷² считают это предисловие и рассказ Браунера нахальством; я же объясняю предисловие незнанием русской литературы и, кроме того, отсутствием критической способности — какая Люба Гуревич „seltene Frau“^{73?}»⁷⁴

Тем не менее попытка Браунера представить немецкой публике Федора Сологуба увенчалась относительным успехом: имя нового русского автора замелькало на страницах немецкоязычной печати.⁷⁵

Вслед за рассказом Чехова в первом номере «Wiener Rundschau» Браунер помещает (там же) свой перевод повести Сологуба «К звездам» (из сборника «Тени»). Публикация, растянувшаяся на три номера,⁷⁶ еще более упрочила имя Сологуба в кругу «младовенцев», внимательно следивших за тем, что появлялось в «Wiener Rundschau».

К этому времени Браунер уже завершил свой основной труд, которому отдал в 1896 году немало сил и времени: перевод романа «Тяжелые сны», выпущенного в начале 1897 года тем же лейпцигским издательством Цигера, где годом ранее были напечатаны «Russische Novellen». «На днях появляются „Тяжелые Сны“ в моем переводе, — писал Браунер Л. Гуревич 26 января 1897 года, — немцы уже начали о нем говорить, им интересно». ⁷⁷ Роман вышел, по-видимому, в феврале. Один из первых полученных им экземпляров Браунер отправил автору в Петербург с надписью: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу от переводчика. Март 1897 г. Вена».⁷⁸

Естественно предположить, что решение перевести роман Сологуба возникло у Браунера еще в течение 1895 года, когда он читал его в «Северном вестнике». Роман произвел на него глубокое впечатление: он был ему созвучен, как и поэтическое творчество Сологуба той поры, своей особенной атмосферой и тональностью. «Я занялся Вашими произведениями, — признавался Браунер в одном из писем к Сологубу, — потому что нашел в них (в особенности в стихах и «Тяжелых Снах») то, чем давно томилась и моя душа...».⁷⁹

«Я собираюсь переводить „Тяжелые сны“, — сообщал Браунер Л. Гуревич 24 декабря 1895 года, — Сологуб не будет же ничего против этого иметь <...> мне кажется, что „Т<яжелые> сны“ — лучшее, — несмотря на свои громадные, впрочем, чисто русские недостатки, как неимоверные длинноты и абсолютное отсутствие писательской

⁷⁰ Специфические, характерные (нем.).

⁷¹ Приводятся слова из предисловия к «Russische Novellen».

⁷² То есть члены семьи Венгеровых.

⁷³ «Редкая женщина» (нем.). Этот эпитет применительно к Л. Гуревич Браунер употребил в своем предисловии (S. VI).

⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1052. Л. 12.

⁷⁵ Укажем еще два отзыва на сб. «Russische Novellen», обнаруженные А. Тащинским (см. прим. 24). Первый из них — содержательная рецензия в венской «Arbeiter-Zeitung» (1896. № 259. 20. September. S. 5; подпись: K. L.). Положительно оценивая сборник в целом и в особенности — рассказ «Тени», анонимный рецензент характеризует предисловие Браунера как пошлую, «невероятно претенциозную и глупую болтовню» и безошибочно идентифицирует псевдоним «Александр Мар» как принадлежащий составителю сборника. Второй отзыв — короткая информационная заметка в венском журнале «Die Kaufmännische Zeitschrift» (1897. № 14, 15. Juli. S. 123; подпись: j. l.). Самым «увлекательным» автор называет рассказ П. Сергеевко, а самым «эмоциональным» («stimmungsvoll») — рассказ Л. Гуревич; о Сологубе вообще не упоминается.

⁷⁶ *Ssologub F. Zu den Sternen // Wiener Rundschau. 1896. № 2. 1. Dezember. S. 50–56; № 3. 15. Dezember. S. 99–101; 1897. № 4. 1. Januar. S. 132–138.*

⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 9 об.

⁷⁸ См.: *Шаталова Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию. С. 472.

⁷⁹ Письмо от 6 июля 1897 года из Граца. См. Приложение, п. 6.

техники и т. д. — что русские за последнее время написали. Как ничтожны все эти Боборыкины и Потапенки etc. подле подобного художника. В России, вероятно, вся эта критическая шваль набросится на роман и станет доказывать, что Сологуб, по крайней мере, „кликуча“, и не заметит только, что „Т<яжелые> сны“ должны были быть написаны, что они всего только выражение нашего времени, что Логин — абсолютно тип индивидуалиста fin de siècle... Я хотел бы только знать, сколько Вам пришлось бороться со всеми этими „имя которых свято и не должно быть произнесимо“, пока Вы напечатали роман». ⁸⁰

Утверждая в письме к Л. Гуревич, что немцы «интересуются» романом «Тяжелые сны», ⁸¹ Браунер не преувеличивал. Публикации стихов и прозы Сологуба в немецкой периодике сразу же привлекли к себе внимание немецких читателей, учитывая тот повышенный интерес к русской литературе, который определял в то время духовную жизнь в Западной Европе. Да и сам роман «Тяжелые сны» с его «декадентским» уклоном (психологизм, исследование подсознательного и болезненного, пессимизм, имморализм, мистицизм и т. п.) естественно вписывался в современную модернистскую литературу Запада. По своей художественной ориентации Сологуб, несомненно, был декадентом западного образца; его творчество обнаруживает явную переключку с романами Ж. К. Гюисманса. ⁸² Не случайно современная русская критика обвиняла Сологуба в подражании «дурным французским и немецким образцам» и характеризовала «Тяжелые сны» не иначе, как «декадентский бред». ⁸³

Это чувство «родства» и «близости» русского писателя к исканиям западного модернизма вполне ощущалось немецкими читателями и критиками «Тяжелых снов». Так, венский литератор и журналист Макс Мессер (1875–1930), близкий к «Молодой Австрии» и в то время — сотрудник «Die Zeit», откликнулся на роман Сологуба подробной статьей, начинавшейся следующими словами: «Вот еще одно доказательство всевластия европейских настроений: общая склонность нашего времени к утонченности и нюансам, тяга к примирению внешнего и внутреннего мира с красотой и гармонией, стремление избранных людей (der höheren Menschen) освободиться от запутанности вещей и приблизиться к истине, преодолеть душевную дисгармонию и обрести счастье спокойного бытия и наслаждения — все это обнаруживается теперь и в России и находит выражение в художественных произведениях. Каким бы странным ни казалось такое представление, но в России — среди этого грубого, наивного, тупо покорного или страстного в своей воинственности народа — существуют как редкие исключения, никем не замеченные или гонимые, несколько человек, обладающих столь сложной душой, столь тонкой, чувствительной и страдающей, что кажется: они обитают в одном из западноевропейских центров декадентства. О них-то и повествует роман нового русского писателя Федора Сологуба „Тяжелые сны“, познакомьтесь с коим мы можем благодаря искусному переводу Александра Браунера. Роман демонстрирует нам двойную борьбу одного из таких людей: борьбу против лживого и глупого общества и внутреннюю его борьбу за освобождение от мук дисгармонии, за преодоление отвращения к жизни и тоски по ней, за обретение свободы и безмятежного покоя». ⁸⁴

Большая часть статьи Мессера — пересказ романа (с обильными цитатами), сопровождающийся выводами о литературной «современности» Сологуба и «русском» своеобразии его творчества. Приведем завершительный пассаж: «В той степени, в какой Логин, Нюта и Клавдия, герои романа, демонстрируют, наряду с их личной правдой, глубокую символику, в которой отражается двойственность России, болезнь ее наружной оболочки и здоровье, и сила, сокрытые в ее глубине, этот роман являет собой

⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 6–6 об. См. также: *Гречишкин С. С.* Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 12.

⁸¹ О том же Браунер упоминал и в письме к Сологубу 15 января 1897 года: «Вами очень интересуются» (см. п. 1).

⁸² См. об этом подробнее: *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 157, 167, и др.

⁸³ Там же. С. 135.

⁸⁴ *Messer M.* Ein russischer Roman // *Die Zeit*. 1897. № 159. 16. Oktober. S. 41.

нечто большее, чем великолепное описание душевных состояний, свойственных особо чутким, непостижимым для глаза натурам эпохи *fin de siècle*, — это роман о самой сущности современной России (*Russentum*), коего внутреннюю сердцевину сумел постичь Федор Сологуб и передать ее в живых пластических символах. Тот, кто способен совершить такое, должен быть великим писателем».⁸⁵

Нам неизвестно, инспирировал ли эту статью сам Браунер, несомненно знакомый с Мессером,⁸⁶ и в какой степени личное их общение определило суждения Мессера о «сущности современной России».

Среди других и более поздних откликов на «Тяжелые сны» следует упомянуть статью молодого венского юриста Карла Федерна (1868–1943), впоследствии писателя и переводчика. Не случайно он начинает свою рецензию, помещенную в одной из главных венских газет, с примечания о том, что перевод Браунера «в целом превосходен, однако местами грешит языковыми ошибками, которые можно было бы легко избежать, если бы переводчик, родом из России, дал бы рукопись на просмотр какому-нибудь немцу; надо надеяться, что эти ошибки будут устранены во втором издании».⁸⁷

Подробно пересказав содержание романа, Федерн обратил внимание на его художественные достоинства. «В особенности восхищает меня, — сказано в его статье, — каким образом автор изобразил течение (*Verrinnen*) жизни, как естественно, без какой бы то ни было искусственной интриги, развивается действие, а калейдоскопическая чехарда и смена образов ведет, как и в действительности, к новой их расстановке и новой ситуации, незаметно порождая из себя самой, как и в действительности, всевозможные перипетии и катастрофы».⁸⁸

Внимание роману Сологуба уделил и еще один венский автор, в будущем известный писатель и историк австрийской литературы Отто Штёсль (1875–1936). В обзорной статье, появившейся в берлинском еженедельнике «*Die Gegenwart*» под названием «О новой русской литературе», Штёсль, обсуждая последние по времени переводы русских авторов на немецкий язык, решительно противопоставил два произведения: «Воскресение» Л. Н. Толстого и «Тяжелые сны» Сологуба.

«По своему миросозерцанию и мастерству автор (Сологуб. — К. А.) — антипод Толстого. Если у Толстого все — притча и целесообразность, тенденция и презрение к искусству, все написано во имя новой и святой жизни, проникнутой верой, — свободной и достойной христианина, то здесь — творческий дух, устремленный к законченному совершенству произведения, правда, не без философии и надежд на будущее (ни у одного из русских нельзя найти изображение жизненных обстоятельств, полностью лишенное умысла); он насквозь проникнут скептицизмом и свободомыслием, устремлен к какому-то загадочному и невероятному мистицизму, к страстному энтузиазму, который тянется в будущее...»⁸⁹ и т. д.

«Далеко не каждый год появляются два произведения такой красоты и силы, — завершает Штёсль свою статью, окрашенную характерным русофильством. — Можно лишь восхищаться величием народа, создающего две столь противоположные духовные личности (*Geister*). Оба выражают безграничную тоску и заставляют ненавидеть нынешнюю жизнь. Кажется, русский народ напрасно стремится одолеть гнетущую современность. И лишь писатели в своих мечтах и стремлениях способны изобразить для него еще очень далекое будущее. Но в этом огромном царстве таится множество сил, и лишь малая их часть проявляется в этих великих произведениях. Если они однажды обретут жизнь и явят единство, Европа вздрогнет от удивления. Надвигается новая судьба и новое движение народов».⁹⁰

Немецкий перевод «Тяжелых снов» не оказался незамеченным и в России. Так, Ф. Э. Шперк, приветствуя в своей рецензии лейпцигское издание, отметил при этом

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ См. Приложение, п. 6 и прим. 4 к нему.

⁸⁷ Neue Freie Presse. Morgenblatt. 1899. № 12568. 19. August. S. 1.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ *Stöbl O.* Zur neuen russischen Literatur // *Die Gegenwart*. 1899. Bd 56. № 49. S. 375.

⁹⁰ Ibid. S. 276.

(Сологуб был его любимым писателем)⁹¹ несколько ошибок и неточностей, допущенных Браунером.⁹²

* * *

Сохранившиеся письма Браунера позволяют существенно уточнить историю «немецкого Сологуба» и рост его популярности в кругу «Молодой Австрии», а также роль Л. Андреас-Саломе как посредника между петербургскими и венскими литераторами.

В начале 1897 года Андреас-Саломе вновь собирается в Санкт-Петербург (куда регулярно наезжала, чтобы навестить свою мать, братьев и родственников). К предстоящей поездке Лу готовилась особенно тщательно. Она надеялась завязать ряд знакомств в столичном литературном мире, прежде всего — с редакцией дружественного «Северного вестника», на страницах которого появилась ее книга о Ницше (1896. № 3–5).

В Петербурге ее ожидали с не меньшим интересом. «Правда, что г-жа Саломе едет в Петербург? — спрашивала Э. А. Венгерова свою сестру Изабеллу еще осенью 1896 года. — Если ты имеешь сношения с ней, попроси ее непременно повидаться со мной или зайти в „Сев<ерный> В<естник>“ — там мы ее все увидим. Здесь ею очень интересуются».⁹³

Знакомство с Браунером, состоявшим в переписке и с Сологубом, и с Зинаидой Венгеровой (переводчицей книги Андреас-Саломе о Ницше), и с Л. Гуревич оказалось в этой ситуации как нельзя более кстати. Браунер наверняка сообщил Андреас-Саломе (в письмах или устных беседах) все, что ему было известно о Сологубе, и указал на журнальные публикации и роман «Тяжелые сны» в своем переводе. Кроме того, в своих письмах к Сологубу в начале 1897 года Браунер рекомендует ему Андреас-Саломе и упоминает о ней в самых восторженных выражениях.⁹⁴

Знакомство действительно состоялось: Андреас-Саломе посетила Сологуба, причем не однажды, а дважды: 8 и 28 марта. А 9 марта, после их первой встречи, Сологуб и сам навестил ее (видимо, в гостинице на Садовой, где остановилась Лу).⁹⁵ Содержание их встреч неизвестно (впрочем, можно предположить, что Сологуб подарил ей одну из своих недавно изданных книг — «Стихи» или «Тени».

Помимо Сологуба, Андреас-Саломе познакомилась в этот приезд с Любовью Гуревич и, главное, — с Акимом Волынским, который произвел на нее глубокое впечатление. Быстро найдя общий язык с редакторами «Северного вестника», она договаривалась о дальнейшем сотрудничестве. В конце 1897 и начале 1898 года журнал публикует — одну за другой — несколько статей Андреас-Саломе, посвященных современным немецким и австрийским писателям и писательницам.

18 мая 1897 года — уже после отъезда Лу Саломе из Петербурга — Л. Я. Гуревич сообщала в письме к Л. Н. Вилькиной: «Интересного было за последнее время только знакомство с Lou Andreas-Salomé, кот<орая> приезжала в Россию недели на 3, бывала у нас в ред<акции> очень часто и оказалась очень привлекательной, умной и тонкой женщиной».⁹⁶

Через несколько месяцев, летом 1897 года, Волынский приезжает к Андреас-Саломе в Вольфратсхаузен (под Мюнхеном), где проводит несколько недель в обсуждении сюжетов, злободневных для обоих (нигилизм, Лев Толстой, Ницше, современное

⁹¹ П. П. Перцов характеризует Шперка как «странного юношу <...> философа и критика, писавшего на непонятном ни для кого языке, поклонника стихов Сологуба (тогда почти никому не известных)» (см.: *Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 261).*

⁹² Новое время. 1897. 26 марта (7 апр.). № 7571. С. 3.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 1049. Письмо от 4 сентября 1896 года.

⁹⁴ См. п. 3 и 4.

⁹⁵ См.: Федор Сологуб. Тетради посещений / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 51.

⁹⁶ *Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич. С. 18.*

декадентство). Кроме того, Волынский и Лу набрасывают небольшой прозаический этюд «Амор» (он появится за двумя фамилиями в октябрьском номере «Северного вестника» за 1897 год). Отголосок бесед с Волынским, которые она вела с ним в Баварии в июне 1897 года, явственно ощутим в нескольких статьях Андреас-Саломе того времени («Русская философия и семитский дух», «Лев Толстой, наш современник» и др.).

За время своего визита в Вольфратсхаузен Волынский познакомился с молодым другом Андреас-Саломе — поэтом Райнером Мария Рильке, который, без сомнения, участвовал в беседах, что велись (по-немецки) между Лу и ее петербургским гостем. Трудно сказать, как часто звучало в этих беседах имя Сологуба... Думается, оно все же упоминалось (и, возможно, не раз), тем более что перед собеседниками лежали последние книжки «Северного вестника». (Впрочем, сотрудничество Сологуба с этим журналом к тому времени — в силу ряда причин — фактически сходило на нет.)

Через много лет, вспоминая о выдающихся женщинах, встретившихся ему на жизненном пути, Волынский посвятит отдельную статью Андреас-Саломе. «Я прожил целое лето у нее в гостях на даче в баварских Альпах, — вспоминает Волынский, — дал ей сюжеты для некоторых работ по русской литературе и у нее же на даче набросал первые эскизные штрихи моего „Леонардо да Винчи“⁹⁷ <...> Там же я познакомился и с Райнер Мария Рильке, впоследствии столь прославившемся в новой немецкой литературе поэтом. С утонченного облика этого человека в стиле Пингурикки я и списал своего Юношу, опекаемого Старым Энтузиастом».⁹⁸

Уезжая в Россию, Волынский взял с собой текст одного из ранних рассказов Рильке («Все в одной»), который появится — в русском переводе С. Шпильберг — в октябрьском номере «Северного вестника» за 1897 год. Это была первая публикация Рильке в России (как и вообще первая публикация этого рассказа, напечатанного в России раньше, чем в Германии).

Не удивительно, что в 1899 году, принявшись за изучение русского языка, Рильке выбирает для учебного перевода рассказ Сологуба «Червяк», опубликованный в «Северном вестнике» (1896. № 5; впрочем, Рильке мог пользоваться и сборником «Тени»). В контексте нашего повествования этот выбор представляется вполне закономерным. Русский писатель, чье имя Рильке слышал и от своей приятельницы, и от Акима Волынского и которое неоднократно встречалось ему на страницах «Северного вестника», был ему к тому времени хорошо известен как один из ярких «новейших» русских авторов.

К сожалению, мы не можем ответить на вопрос: читал ли Рильке прозу или стихи Сологуба в переводе Браунера (о самом переводчике ему могла рассказывать Лу).

Сотрудничество Лу Саломе с Волынским завершилось, как известно, разрывом.⁹⁹ В мае–июне 1899 года (как и год спустя, летом 1900 года), оказавшись в Петербурге, ни Лу, ни Рильке не предпринимают никаких усилий к тому, чтобы встретиться с Волынским, да и вообще с кем-либо из круга «Северного вестника», включая Федора Сологуба. Впрочем, никакого «Северного вестника» к тому времени уже не существовало: журнал прекратился в конце 1898 года, и внимание Рильке целиком переносится на новый петербургский журнал — «Мир искусства».

Знакомство и соприкосновение Рильке с творчеством Сологуба не ограничивается попыткой перевести рассказ «Червяк». В 1919 году — по просьбе переводчицы Феги Фриш (1873–1942), переложившей на немецкий язык драму Сологуба «Заложники жизни» (1912), Рильке переводит четыре стихотворных текста, использованные Сологубом (Алексея Толстого, Тютчева, Зинаиды Гиппиус и еще одну фольклорную «песен-

⁹⁷ Имеется в виду: *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи // *Северный вестник*. 1897. № 9–12; 1898. № 1–4; отд. изд.: СПб., [1899].

⁹⁸ *Волынский А.* Русские женщины / Предисловие, комм., публ. А. Л. Евстигнеевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 273.

⁹⁹ О взаимоотношениях Волынского, Андреас-Саломе и Рильке подробнее см.: *Asadowski K.* Geschichte und Geheimnisse des «Alten Enthusiasten». Akim Wolynskij — Lou Andreas-Salomé — Rainer Maria Rilke // *Korrespondenzen. Festschrift für Joachim W. Störck aus Anlass seines 75. Geburtstages* / Hrsg. von Rudi Schwenkert in Zusammenarbeit mit Sabine Schmidt. St. Ingbert, 1999. S. 267–291.

ку»). Передала ли ему Фега Фриш и текст самой пьесы, неизвестно (перевод «Заложников жизни», выполненный Фегой Фриш, в печати не появился). Зато в 1922 году в Мюнхене вышел ее перевод сологубовского романа «Слаще яда», который украшала переведенная Рильке «песенка» (без указания имени переводчика).¹⁰⁰ Естественно предположить, что Рильке ознакомился с этим романом, содержащим несколько переведенных им строк.¹⁰¹

В 1922 году Рильке приобрел изданную в Берлине книгу «Портреты русских поэтов», составленную И. Г. Эренбургом. Эта небольшая книжка объединяла в себе стихи и краткие характеристики Ахматовой, Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой и других поэтов, в том числе — Сологуба, чей портрет выразительно набросал Эренбург. «А вот и сам Сологуб. Я не вижу ни пенсне, ни бородавки, но только очень приманчивые и очень пустые глаза. Он сидит в кресле, скрестив руки на животе, и кажется, что это не „маститый поэт“, как величают его репортеры, но великий Будда, остановивший движение всего, от часов в жилетном кармане до застывших вокруг мертвой земли таких же мертвых и таких же утомленных миров». Эренбург утверждал, что Сологуб «познал высшую тайну поэзии — музыку», что он «не знает страсти, но только сладострастие», что воздействие его стихов похоже на наркотик («будто не стихи читал, а выкурил трубку опиума»)¹⁰²

Интересно, вспоминал ли Рильке, если прочитал эти строки, те давние дискуссии о Сологубе, которые ему, возможно, доводилось слышать четверть века назад в венских или мюнхенских литературных кофейнях, отзывы лично знавших писателя Андреас-Саломе и Акима Волынского, свои переводы с русского, выполненные в 1919 году по просьбе Феги Фриш, а также свой собственный литературный дебют в «Северном вестнике»?

* * *

Энтузиазм Браунера как переводчика Сологуба и других русских авторов не ослабевает и в течение последующих двух-трех лет. Однако его усилия оказываются не столь эффективными, как в 1895–1896 годах. В январе 1897 года он еще раз обращается к Л. Гуревич с предложением написать для «Северного вестника» обзорную статью о новых книгах Альтенберга, Гауптмана, Зудермана, Шницлера и опять-таки — Андреас-Саломе.¹⁰³ Статья, как и предыдущая («Две женщины»), не состоялась. Желая и далее переводить Сологуба, Браунер советуется с ним относительно выбора: «Может, у Вас найдется также что-нибудь короткое, пригодное для перевода? „Червяк“, которого я также переведу, немного объемист для немецкого журнала — а у меня больше ничего нет не переведенного».¹⁰⁴ Однако намерение Браунера перевести рассказ «Червяк» также, по всей видимости, не осуществилось.

Продолжая внимательно следить за творчеством другого русского писателя, которого — наряду с Сологубом — Браунер ставил на одно из первых мест в современной литературе, он пытается получить от Чехова разрешение на перевод «Чайки». В письме от 4 (16) января 1897 года Браунер сообщает, что договорился с директором берлинского «Deutsches Theater»¹⁰⁵ о постановке чеховской драмы и в связи с этим просит предоставить авторизацию и выслать рукопись. В своем письме к Чехову Браунер упомянул и о том, что перевел роман «Тяжелые сны», который «на днях появится».¹⁰⁶

¹⁰⁰ Сохранились письма Ф. Фриш к Сологубу за 1912–1924 годы (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 714); о переводах, выполненных Рильке, в них не упоминается.

¹⁰¹ См.: Азадовский К. М. Рильке и Россия. С. 108–109, 129.

¹⁰² Эренбург И. Портреты современных поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922. С. 111–112.

¹⁰³ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 9 об.

¹⁰⁴ См. Приложение, п. 2 (письмо от 8 марта 1897 года).

¹⁰⁵ Директором театра был тогда Отто Брам (1856–1912).

¹⁰⁶ Цит. по: Чехов в переписке с переводчиками / Вступ. статья, публ. и комм. Е. М. Сахаровой; пер. с фр. Л. Р. Ланского; пер. с нем. Е. И. Нечепорука; пер. с чешск. А. П. Соловьевой // Лит. наследство. 2005. Т. 100. Чехов и мировая литература. Кн. 3. С. 431–432.

Ответ Чехова не известен, а постановка «Чайки» на сцене берлинского театра не состоялась. Однако сам факт, что Браунер предложил новую чеховскую пьесу именно Отто Браму, который был одной из центральных фигур берлинской литературно-театральной жизни 1890-х годов, симптоматичен. В статье «Молодая Германия» Браунер называл Брама и его сподвижника П. Шлентера, основателей журнала «Freie Bühne», «открывателями» Гауптмана-драматурга.¹⁰⁷ Браунер определенно тянулся к этому берлинскому журналу, начавшему с пропаганды натурализма и со временем превратившемуся в видный печатный орган, представлявший на своих страницах «новейшие» тенденции немецкой и общеевропейской культуры. На страницах «Freie Bühne» (в 1894–1904 годах — «Neue Deutsche Rundschau») появлялись в 1890-е годы переводы таких авторов, как Верлен и Мопассан, Герман Банг и Стриндберг, Золя, Гамсун, Д'Аннунцио и др. (из русских — Л. Толстой); страницы журнала были открыты и для «Молодой Вены» (Г. Бар, Гофмансталь, Шницлер). Не случайно еще в марте 1896 года Браунер рекомендовал этот журнал Л. Гуревич (в частности, февральскую книжку за 1896 год с новеллой Шницлера): «...если у Вас нет „Freie Bühne“, то я Вам буду ее высылать, пропускают в Россию...».¹⁰⁸

Переводя и пропагандируя сочинения Сологуба, Браунер надеялся приобщить его к коллективу авторов «Свободной сцены» (и тем самым поднять любимого писателя на более высокий уровень известности). В этом он поначалу рассчитывал на поддержку Андреас-Саломе, принадлежавшей к близкому кругу «Свободной сцены» (в журнале О. Брама она опубликовала в 1890-е годы не менее десятка своих статей, очерков и эссе). Сообщая 24 декабря 1895 года Л. Гуревич о своем решении перевести роман «Тяжелые сны», Браунер замечает: «Может быть, мне удастся через M-me Lou Andreas-Salomé (знаменитая подруга Ницше) поместить роман в „Freie Bühne“; если же не удастся, тогда нужно будет ждать удобного случая. Будет очень жаль тогда, т. е. я немец очень жалеть буду».¹⁰⁹

Несмотря на неудачу с романом Сологуба Браунер продолжает искать сотрудничества с престижным журналом. Из письма Браунера к Сологубу от 16 июня 1897 года явствует, что он собирался перевести для «Neue Deutsche Rundschau» его новую повесть («На камни»)¹¹⁰ А в письме Браунера к Сологубу от 25 октября 1897 года содержится сообщение о том, что Клара Браунер перевела для этого журнала повесть «Раечка».¹¹¹

Жена Браунера оказалась весьма способной ученицей. Начав с рассказов Сологуба и Чехова,¹¹² она в дальнейшем значительно расширяет список русских авторов, сочинения которых переводит на немецкий язык (М. Горький, Гончаров, Достоевский, Лесков, Чехов и др.). Со временем Клара Браунер становится профессиональной и признанной переводчицей русской прозы; переведенный ею «Обломов» Гончарова неоднократно переиздавался в странах немецкого языка, а роман Горького «Дело Артамоновых» в ее переводе (первая публикация в Германии — 1926) был перепечатан и в СССР (М., 1934).¹¹³

¹⁰⁷ Северный вестник. 1895. № 11. С. 265.

¹⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 89. Ед. хр. 19819. Л. 8.

¹⁰⁹ Там же. Л. 6.

¹¹⁰ Окончательное название повести — «Утешение» (см. Приложение, прим. 7 к п. 6).

¹¹¹ См. Приложение, прим. 1 к п. 7 и прим. 2 к п. 8.

¹¹² Первая выявленная нами публикация Клары Браунер — рассказ Сологуба «Лёлка» (в немецком переводе — «Ljoljetschka»), напечатанный в «Wiener Rundschau» (1898. № 13. 15. Mai. S. 496–504). За ним, спустя два месяца, следует рассказ Чехова «Печенег» (Ibid. 1898. № 17. 15. Juli. S. 658–666).

¹¹³ Перечень переводческих работ Клары Браунер см. в посвященной ей публикации Алексея Тащинского в Словаре переводчиков, издаваемом Майнцским университетом (Germersheimer Übersetzerlexikon // <http://www.uelex.de>; дата обращения: 31.10.2019). Ср. также прим. 25. В справочнике «Biografisches Lexikon österreichischer Frauen» (Wien; Köln; Weimar, 2016. Bd 1. A–H. S. 409), где помещена статья М. Хаследер о Кларе Браунер, речь идет явно о другой писательнице (урожд. Зандгейм; Sandheim, 1861–1938); однако в списке литературных работ, помещенном в конце статьи, приводится (хотя и с погрешностями) несколько переводов, выполненных Кларой Браунер, женой Александра Браунера.

Однако литературная активность самого Браунера после 1897 года явственно угасает. Его имя как переводчика все реже появляется в немецко-австрийской печати. Лишь перевод одного стихотворения Сологуба («Я люблю мою темную землю...», 1896) в переводе Браунера находит себе место на страницах «Wiener Rundschau».¹¹⁴

Дополнить библиографию Браунера за этот период можно лишь одной его публикацией — статьей о Чехове.¹¹⁵ Других его переводов или очерков обнаружить не удалось. Мало известно и о его дальнейшей судьбе.¹¹⁶

Отдельно следует упомянуть статью Сологуба «Единый путь Льва Толстого», написанной в связи с 70-летием писателя для еженедельника «Die Zeit».¹¹⁷ Александр Браунер был инспиратором этой статьи; он же вел переговоры с венской редакцией. Однако переводить статью Сологуба Браунер не стал, уступив ее опять-таки своей жене.

Первый этап известности Сологуба в германоязычном мире завершается в 1900–1901 годах: объединив под одной обложкой свои переводы, Браунеры выпускают в «Wiener Verlag», с которым тесно сотрудничала Клара, сборник Сологуба под названием «Schatten» («Тени»)¹¹⁸. Должно быть, это название воспринималось обоими как некий символ, определяющий сущность сологубовского творчества.

Среди откликов на этот сборник выделяется статья журналиста Пауля Натана (1857–1927) в либеральном берлинском еженедельнике «Die Nation», издававшемся «Союзом помощи русским евреям» (П. Натан был соиздателем). Озаглавив статью «Очарование болезненного», автор рассматривает четыре «детских» рассказа Сологуба в свете своего понимания жизни как жестокого противостояния человека и Судьбы, жертвой которого становится в первую очередь беззащитный ребенок. Судьба человека изначально трагична, полагает Натан, в особенности — судьба русского человека. Приводя слова одного из персонажей рассказа «Тени» («Мы не живем, а только мучаемся»), П. Натан связывает это «мучительное» состояние героев Сологуба с их «русскостью». «Эти люди принимают свою жизнь такой, какая она есть; они не творят ее, эти несвободные люди, рабы судьбы, славяне».¹¹⁹ Трагедия раба, поясняет он далее, это трагедия человека, который не пытается разорвать цепь судьбы, а покорно влачит ее. «Таковы русские люди. Судьба тяготеет над ними, подобно серому и низкому зимнему небу, нависшему над бесконечной пустыней, из которой невозможен побег.

¹¹⁴ Sologub F. Weltgefühl // Wiener Rundschau. 1898. № 20. 1. September. S. 774. Это стихотворение, как сообщил Браунер Сологубу 17 мая 1898 года, должно было появиться вместе с его статьей «Об одном русском поэте» («Ein russischer Dichter»); однако статья — по невыясненным причинам — не была напечатана (см. Приложение, п. 10, прим. 2 и 3).

¹¹⁵ Brauer A. Anton Tschechow // Die Zeit. 1898. № 170. 1. Jänner. S. 7–8.

¹¹⁶ А. Тащинский сообщает (см. выше прим. 25 и 113), что в 1922 году Александр и Клара вернулись в Берлин, а после 1933 года эмигрировали в Турцию (вслед за их сыном Лео, приглашенным на работу в Стамбул), где и провели остаток жизни. Добавим, что, вернувшись в 1917 году в Вену и продолжая там в течение нескольких последующих лет свою профессиональную деятельность, Браунер оказался, по-видимому, вовлеченным в общественно-политическую ситуацию того времени (после распада Австро-Венгрии). Это подтверждает, в частности, дневник Шницлера, в котором нашли отражение встречи и беседы писателя с Браунером весной и летом 1919 года. Так, в записи от 13 апреля 1919 года сказано: «Встреча с Алекс. Браунером. Он занят тем, что пытается перевести военные предприятия на мирные рельсы. Связь с венгерскими коммунистами, навещавшими его в самолете, чтобы с ним посоветоваться. О большевизме и тому подобное. Легкомыслие и невежество большинства руководителей» (Schnitzler A. Tagebuch 1917–1919 / Hrsg. von Werner Welzig und Peter Michael Braunwarth. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. S. 244).

¹¹⁷ См. прим. 1 к п. 11. Отметим, что австрийская публикация этой статьи опередила на 12 лет ее появление в России.

¹¹⁸ Sologub F. Schatten / Aus dem Russischen von A. und C. Brauner. Wien, 1900. В книгу вошли четыре произведения Сологуба: «Тени», «К звездам», «Лёлочка» и «Раечка»; обложку оформил известный пражский художник Э. Орлик (близкий знакомый Рильке). В 1912 году эта книга была перепечатана (с уточнением заголовков) берлинским издательством И. П. Ладьяникова.

¹¹⁹ Nathan P. Der Reiz des Ungesunden // Die Nation. 1900/1901. Jg. 18. № 26. S. 11.

Никакого спасения и никакой воли к спасению». ¹²⁰ Натан отдает должное писательскому мастерству Сологуба. «Нездоровый аромат», который источает его книга, «таит в себе в то же время нечто обольстительное, сродни тяжелому одурманивающему запаху ядовитых цветов, что отвратительно для здорового восприятия, но все же пленяют и усыпляют чувства, пока свежий ветерок не принесет им освобождения. Тихие, спокойные интонации этих рассказов, всегда сдержанно приглушенные, даже когда они ведут к ужасу, обволакивают нас своим звучанием. То, что эта книга способна произвести такое впечатление, свидетельствует о ее художественной силе; это подлинно русская книга, обладающая всеми чарами болезненного». ¹²¹

Почти одновременно появилась — на страницах ведущей венской газеты — еще одна рецензия; ее автором был эссеист, драматург и литературный критик Рудольф Хольцер (1875–1965), который, подобно Браунеру и другим, объясняет своеобразие Сологуба опять-таки его «русским» происхождением: «Сологуб — настоящий русский. — Русский! Следовало бы, скорее, сказать „поэт“, однако против этого протестует наше немецкое представление о поэте. Рассказчик делает честь своим прародителям Достоевскому и Тургеневу. Далекая голубая страна, из которой Сологуб черпает свои образы, это тесная, потаенная человеческая душа; он раскрывает и толкует ее движения и склонности своим ледяным, ужасным рассудком. <...> Очерки Сологуба это страдальческие истории детских душ, и как раз поэтому их нельзя назвать детскими историями. Всю их бесконечную печаль и безутешность может облегчить лишь мысль о том, что эти душевные состояния, будучи, вероятно, вполне типическими, не являются общими для целой нации». ¹²²

Творчество Сологуба, утверждает Хольцер, соприкасается с областью психиатрии. «Чтобы выяснить, как много в рассказах Сологуба внутренней правды, важно определить, насколько отразились в них его наблюдения над жизнью и соответствующими заболеваниями и что в них от литературы, склонной к поиску эффектов. Ученые-психиатры могли бы сообщить на этот счет немало интересного; они могли бы сказать, как соотносится в этих очерках реальное и поэтическое, сколько в них патологии и фантазии и рассказывает ли Сологуб истории души или медицинские истории. Серьезный, выверенный стиль передает течение болезни, тогда как художественный эффект — признак психологического этюда». ¹²³

Основную часть статьи Хольцера занимает пересказ содержания четырех «детских рассказов» Сологуба. Отмечена и работа обоих переводчиков. «Кажется, — пишет Хольцер, — что язык и манера Сологуба хорошо переведены и внятно переданы; во всяком случае, к немецкому переводу А. и К. Браунер нет никаких претензий. Ясный, подчас сухой повествовательный стиль, которому свойственна, тем не менее, огромная убедительная и впечатляющая сила, должен быть очень близок русскому оригиналу...». ¹²⁴

Рано оставивший литературную деятельность, Александр Браунер оказался, как видно, первопроходцем: благодаря его переводам и очеркам имя Федора Сологуба получило в Германии некоторый резонанс, подхваченный в первую очередь кругом «Молодой Вены», ¹²⁵ но уже вскоре распространившийся за пределы Австрии. Малоизвестного русского писателя, каким был тогда Сологуб, Браунер сумел представить читающей немецкой публике как одного из ярчайших русских модернистов-новаторов — создателей новой русской прозы. Благодаря переводам Браунеров Сологуб — уже на рубеже столетий — воспринимался в глазах читающей немецкой публики

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Ibid.

¹²² *Holzer R. Schatten // Wiener Zeitung. 1901. № 48. 27. Februar. S. 21 (Beilage «Wiener Abendpost». S. 5).*

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Так, в личной библиотеке Г. Бара находились две книги, подготовленные А. Браунером: «Russische Novellen» (1897) и «Schatten» (1900). См.: *Sippl C. Slavica der Hermann-Bahr-Sammlung an der Universitäts-Bibliothek Salzburg / Mit einem Geleitwort von Moritz Csáky. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2001. S. 33, 64 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext. Bd 3).*

(во всяком случае, ее определенной части) как писатель, сопоставимый со Львом Толстым; его имя называли в Германии в одном ряду с Чеховым и М. Горьким. В этом — неоспоримая заслуга Браунера, его безусловный вклад в историю русско-немецких литературных отношений. Своими переводами Александр и Клара Браунер заложили фундамент для плодотворной работы следующего поколения немецких переводчиков Сологуба (И. фон Гюнтер, Р. фон Вальтер, А. Элиасберг).

* * *

Ниже в Приложении М. М. Павловой публикуются письма Александра Браунера Федору Сологубу 1897–1912 годов. Тексты печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 90). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современной нормой, за исключением отдельных особенностей авторской пунктуации (например, четыре или пять точек в конце фразы).

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР БРАУНЕР. ПИСЬМА ФЕДОРУ СОЛОГУБУ 1897–1912 ГОДОВ

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

1

Berlin 15 янв<аря> 1897

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я очень, очень виноват перед Вами — и моя вина состоит не только в нарушении обыкновенной вежливости.... Я часто собирался Вам писать, хотел благодарить Вас за наслаждение, которое мне доставили Ваши сочинения, хотел благодарить Вас за позволение переводить Ваши произведения — но при желании только и остаюсь: в силу различных частных обстоятельств — далеко нерадостного характера — я живу вне времени, математического времени, и откладывая писание письма, совершенно выпустил из виду, что прошел уже год с лишним. Я все ждал удобного случая — появления перевода «Тяжелых снов»;¹ но Ваше любезное письмо еще более удобный случай.²

Надеюсь, Вы меня простите. Зато я сообщу Вам несколько фактов: Вами очень интересуются. Уже при появлении перевода «Теней» в моем сборнике русских новелл³ Ваш рассказ произвел наибольшее впечатление; чуть ли не все критики повторяли мне (в предисловии к сборнику я сказал несколько слов о Вашем творчестве) и вместе со мной констатировали факт, что в России народилась, по-видимому, новая литературная сила.⁴ «К звездам» (я выслал Вам три номера «W<i>ener> Rundschau», в которых помещен Ваш рассказ)⁵ также очень понравились. «Т<ажелые> Сны» докажут, что я исполнял только свою обязанность, стараясь всячески ввести Ваши произведения в европейскую литературу — время, во время которого я переводил «Т<ажелые> Сны», я считаю не потерянным. И когда меня тянуло писать кое-что собственное, меня удерживала мысль, что «Т<ажелые> С<ны>» я все-таки не напишу! так по крайней мере переведу их.

На днях появится Ваш роман, в двух томах.⁶ Издатель мой разделил роман, т<ак> к<ак> библиотеки «охотнее» покупают романы в двух томах — я согласился на это, и думаю, что и Вы ничего не будете иметь против этого.....

Не будете ли Вы столь добры прислать мне все написанное Вами?⁷ Мне нужны короткие рассказы. Я читал недавно в «Новостях» два Ваших стихотворения⁸ — могу

я их иметь? Я бы хотел перевести некоторые из Ваших стихотворений. — Извините это длинное письмо — я Вам должен столько сказать! Но...

Преданный Вам

Алекс Браунер

P. S. Я обыкновенно живу в Вене. В Берлине я провожу только свой отпуск — завтра я возвращаюсь в Вену обратно.

Wien, IX. Severingasse 9.

На бланке берлинского отеля: Terminus-Hôtel.

¹ См. вступ. статью.

² В реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуба имеется запись о посылке письма Браунеру: «28 дек. 1896. Wien, IX, Severingasse. Александру Матвеевичу Браунеру. Благодарность за присылку» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37).

³ *Ssologub F. Schatten. Eine Studie // Russische Novellen. Leipzig: Verlag von Hermann Zieger, [1896]. S. 21–59.*

⁴ Аналогичное мнение об авторе рассказа высказывалось в ближайшем окружении редакции «Северного вестника». В декабре 1894 года по прочтении «Теней» Н. Минский писал Л. Гуревич: «„Тени“ Сологуба произвели на меня сильнее впечатление. У него не только большой талант, но своеобразный взгляд на жизнь. Из него выйдет русский Эдгар Поэ, только бы не заленился. <...> Если будут какие-либо отзывы о Сологубе, сообщите мне. Меня крайне интересует его литературная карьера». Рассказом восхищалась З. Гиппиус, в декабре 1894 года она писала Сологубу: «Позвольте мне смиренно принести вам благодарность и высказать мое благоговение перед человеком, который сумел написать истинно прекрасную вещь — „Тени“. <...> В религию теней я обратила и мужа». По мнению Ф. Э. Шперка, автор «Теней» «с бессознательной меткостью опозитивировал власть призраков над больною современною душой и влечение ее к страданию» (цит. по: Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 189–190).

⁵ См. вступ. статью, прим. 76. Рассказ «К звездам» впервые был напечатан в журнале «Северный вестник» (1896. № 9) и в сборнике «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896).

⁶ *Ssologub F. Schwere Träume. Roman / Einzig autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Alexander Brauner. Leipzig: Verlag von Herman Zieger, 1897. 2 Bd.* Экземпляр сохранился в книжном собрании Сологуба (шифр: ИРЛИ 1939к/3246), на шмуцтитуле автограф: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу от переводчика. Март 1897 г. Вена» (Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 472).

⁷ Видимо, Браунер имеет в виду перечень опубликованных произведений Сологуба.

⁸ Подразумевается журнал «Петербургская жизнь» — иллюстрированное приложение к газете «Новости и Биржевая газета», издававшейся О. К. Нотовичем. В 1895–1905 годах Сологуб был постоянным автором журнала (дебютировал стихотворением «Настроений мимолетных...» (1892): *Петербургская жизнь. 1893. 5 сент. № 44. С. 430*, под загл. «Жажда забвения»); однако в газете публикаций стихов не было. См.: Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004. С. 149–228 (раздел: Хронологический указатель первых публикаций). Вероятно, Браунер имел в виду подборку из трех стихотворений Сологуба: «Сербристый туман, что встает над рекой...» (1895); «Из кадилницы с ладаном — дым благовонной волною...» и «Не люблю, не обольщаюсь...» (1896): *Петербургская жизнь. 1896. 10 нояб. № 210. С. 1775*. Публикация перевода этих текстов неизвестна; возможно, перевод осуществлен не был.

2

Вена, 8. Марта 97 г.
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Извините, что я еще до сих пор не ответил на Ваше письмо и не поблагодарил за присылку «Теней». ¹ Я Вам очень, очень благодарен: за каждое письмо, которое Вы мне пишете, за каждую книгу, которую Вы мне посылаете; но...

Мне кажется, что вы и без многих слов поверите мне это.

Надеюсь, что Вы уже получили перевод «Т<ажелых> С<нов>»; ² надеюсь, что перевод Вам понравился. В нем найдутся некоторые неровности — в особенности в нача-

ле. Но никто, кроме Вас, не знает лучше, как трудно переводить Ваши произведения, если хочешь сохранить не только абсолютно русский характер, но и стиль и настроение всего того, что Вы пишете. Кажется, мне это удалось. По крайней мере, я постоянно старался это делать. И я очень буду рад, если мой труд доставит Вам хоть капельку того наслаждения, которое я переживал при чтении «Т<ажелых> Снов».

У меня к Вам большая просьба: не можете ли Вы мне прислать некоторые данные из Вашей жизни³ — я знаю только то немногое, что мне рассказала Изабелла Афанасьевна Венгерова. Я хочу написать статью о Вас для одного журнала.⁴ Для этого мне нужен также Ваш портрет с надписью Вашей на нем. Если Вам это не неприятно, то я бы очень попросил Вас исполнить мою просьбу.⁵

Может, у Вас найдется также что-нибудь короткое, пригодное для перевода? «Червяк», которого я также переведу,⁶ немного объемист для немецкого журнала — а у меня больше ничего нет не переведенного.

Преданный Вам

Александр Браунер

¹ Согласно записи в реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуба, письмо и сборник «Тени» были отправлены в Вену заказной бандеролью 18 января 1897 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37 об.).

² См. п. 1, прим. 4. Письмо с благодарностью за присылку немецкого издания «Тяжелых снов» Сологуб отправил Браунеру 28 декабря 1896 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 37).

³ См. п. 4 и прим. 1 к п. 5.

⁴ См. вступ. статью.

⁵ Ответ Браунеру Сологуб отправил 6 (18) марта 1897 года, о посылке портрета в реестре не упоминается (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 38).

⁶ Рассказ «Червяк» (1894) впервые опубл.: Северный вестник. 1896. № 6; вошел в книгу Сологуба: Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896. Намерение Браунера перевести этот рассказ не осуществилось.

3

Вена, 11 марта <18>97 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Lou Andreas-Salomé, о которой Вы, вероятно, также слышали, отправляется на днях в Петербург¹ и желает с Вами познакомиться. Прошу извинить меня, что я самым бесцеремонным образом располагаю Вашей благосклонностью: я ей дал Ваш адрес, и она, вероятно, сейчас же после приезда в С<анкт>-П<етер>б<ург> зайдет к Вам.² К сожалению, она известна только как подруга Ницше. Что она русская, что она очень, очень талантливая писательница, об этом не знает даже редакция «С<еверного> Вестника», которая в прошлом году напечатала перевод ее книги о Ницше и не нашла нужным осведомиться о ней.

Луиза Густавовна Саломе абсолютно редкая женщина. Не оттого, что удостаивает меня своей дружбой и доверием. Я еще ни разу не встречал более чистой и светлой натуры, более жизнерадостного человека, чем эту женщину <sic!>.

Оттого я предполагаю, что и <для> Вас не будет неприятно с нею познакомиться. Может быть, она не произведет на Вас такого сильного впечатления, как на меня. Но я только оттого осмелился нарушать Ваши привычки (мне говорили, что Вы неохотно знакомитесь с людьми и не бываете в обществе),³ что предполагаю, что и Вам будет приятно с нею познакомиться.

Во всяком случае, извините мою смелость.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ О Лу Андреас-Саломе и ее пребывании в Петербурге в 1897 году см. вступ. статью.

² Саломе посетила Сологуба 28 марта 1897 года (см.: Федор Сологуб. Тетради посещений / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 51.

³ В «Северном вестнике» Сологуб пользовался заслуженной репутацией поэта-отшельника. См. об этом: Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 110–113; также см.: Там же. С. 8–12.

4

Wien, am 26. März <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

очень благодарен Вам за готовность сообщить мне кое-что из Вашей жизни.

Прежде всего, мне желательно было бы знать:

Когда Вы родились (Ваши родители)? где? где и когда воспитывались? словом то, что называется «*curriculum vitae*». Затем Ваша литературная деятельность: когда она началась, каким образом; перечень Ваших произведений в хронологическом порядке. Сильнейшие впечатления Вашей жизни (люди, книги); если возможно, также Ваше внутреннее развитие.¹

Было бы хорошо, если бы Вы сообщили мне все, что Вы считаете необходимым для понимания Ваших произведений — извините, что я Вас так беспокою; но я все боюсь, что ложно пойму Ваши намерения (художественные) и слишком по-своему растолкую то, что совершенно иначе должно быть понято.

Благодарю Вас за хороший отзыв о моем переводе: я постоянно старался по возможности приблизиться к оригиналу. Надеюсь, что это мне отчасти, по крайней мере, удалось.

Могу я рассчитывать на скорый ответ? Мне бы очень хотелось знать кое-что о Вашей повести.² Скоро она явится?

Преданный Вам

Алекс Браунер

Как Вам понравилась Г-жа Саломе?³
Можно спрашивать подобные вещи?

¹ См. прим. 1 к п. 5.

² Речь идет о повести «Утешение» (1898); подробнее см. п. 6, прим. 7.

³ Отзывы Сологуба о Л. Андреас-Саломе неизвестны.

5

Вена, 16. Июня <18>97 г.
IX. Severingasse 9.

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

К сожалению, я только теперь могу обратиться к Вам с просьбой исполнить Ваше обещание. Я очень благодарен Вам за присланную мне краткую биографию Вашу¹ и не затруднял бы Вас дальше, если бы Вы не были сами так любезны и не обещали сообщить еще другие подробности, которые мне в данный момент очень нужны: я обещал двум редакциям написать биографически-критическую статью о Вас, и одна из этих

редакций (лейпцигская «Gesellschaft»)² просила меня на днях доставить ей статью через месяц.

У меня к Вам, Федор Кузьмич, еще одна большая просьба: если существует малейшая возможность на это, то я бы попросил Вас прислать мне манускрипт Вашей новой повести,³ которую я перевел бы тогда для «Neue Deutsche Rundschau». Я сотрудничаю с этим журналом, и в последней моей статье говорил также о «Тяжелых Снах»⁴ и ее авторе — немцы очень заинтересованы Вами и восхищаются романом. Скоро появятся статьи о «Т<ажелых> С<нах>», и я пошлю их Вам.

Мою статью я прислал бы Вам также с большим удовольствием, но она, кажется, очень нелегальна и, вероятно, не дойдет.⁵

Преданный Вам

Александр Браунер

¹ Согласно записи в реестре исходящей/входящей корреспонденции Сологуб послал Браунеру сведения о себе (curriculum vitae) в письме от 4 (16) мая 1897 года (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 39 об.). — Факт весьма примечательный, поскольку Сологуб, как правило, в категорической форме отказывался сообщать биографические сведения для печати. После шумного успеха «Мелкого беса» (1907) А. А. Измайлов констатировал: «Бесспорное достоинство Сологуба, — что и в дни, когда, несомненно, ему не было отбоя от газетчиков, он сумел сохранить гордое одиночество и красивую тишину в своем доме и в своей душе. Взысканный известностью, он не сделал ни малейшего шага в сторону любезных интервьюеров. Не только ни один интервьюер не рассказал мелких подробностей его домашнего уклада, но мы даже не знаем о нем самых общих сведений, которые неизбежно узнаешь просто о сколько-нибудь даровитом пишущем человеке, года через три его работы. Это какой-то Мельхиседек в литературе, без генеалогической таблицы, без послужного списка» (Измайлов А. Загадка сфинкса // Измайлов А. Литературный Олимп. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 307). Первый развернутый биографический очерк о Сологубе был составлен Ан. Чеботаревской для «Русской литературы XX века», вышедшей под редакцией С. А. Венгерова (М.: Мир, 1915), см.: Т. 2. Ч. 1. С. 9–10.

² «Die Gesellschaft» — известный немецкий журнал, посвященный литературе, искусству и общественной жизни; издавался в 1885–1902 годах в Мюнхене, Лейпциге и других городах. На его страницах выступали, как правило, представители «молодого» поколения, призывавшие к «обновлению» искусства и жизни. Его инициатором и многолетним редактором был М. Г. Конрад; позднее к нему присоединился К. Блайбтрой (см. также вступ. статью).

³ Речь идет о ранней редакции повести «Утешение» (1898), подробнее см. п. 6, прим. 7.

⁴ Никаких следов «сотрудничества» Браунера с этим берлинским журналом не обнаружено. См. также вступ. статью.

⁵ Вероятно, Браунер имеет в виду свою (неопубликованную) статью для «Neue Deutsche Rundschau».

6

Грац, 6^{то} Июля <18>97 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Как Вы, вероятно, уже успели заметить, я не в Вене — это причина тому, что я не сейчас же поблагодарил Вас за любезную присылку Вашего письма и Ваших стихов.¹ Надеюсь, что Вы более или менее охотно написали мне то, о чем я просил — меня все время мучает совесть, т<ак> к<ак> я отнял у Вас этим массу времени.² Если бы я не боялся еще раз затруднить Вас, то попросил бы Вас исполнить то, о чем Вы пишете в Вашем последнем письме: подчеркнуть и во второй книге стихов³ те «прозрачные» места, о которых Вы говорите. Я Вам чрезвычайно благодарен за Вашу доброту и Вашу любезность, и был бы очень и очень рад оказать Вам хоть маленькую услугу: я не привык встречать у людей столько готовности помочь человеку понять что-нибудь. И если Вам мое отношение к Вам и Вашим произведениям доставляет хотя бы minimum того удовольствия, какое мне доставляет каждая написанная Вами строка, тогда я немного облегчен. — Я занялся Вашими произведениями, потому что нашел в них (в особенности

в стихах и в «Тяжелых Снах») то, чем давно томилась и моя душа — Вы ведь знаете: мы ко всему прикладываем наш личный аршин; и чем чаще совпадают подразделения нашего аршина с подразделениями того аршина, которым какой-нибудь индивид мерит свет и людей, тем талантливей и более выдающимся мы его считаем.

Это, может быть, немножко нагло с моей стороны подводить подобные параллели. Но если бы я сказал Вам какой-нибудь глупый комплимент, то это было бы Вам неприятней, чем моя наглость. Но я ведь не виноват в том, что считаю того поэта выдающимся, который в состоянии выразить то, что я чувствую и чего я не могу выразить. Гете говорит:

«Mir gab ein Gott zu sagen was ich leide...»⁴

Вам Бог дал также способность выразить словами Ваши страдания — я же могу пока только страдать — это мое преимущество над другими, которые не в состоянии страдать....

Я дал недавно «Тяжелые сны» одному знакомому критику (молодой человек и поэт). Когда я его встретил несколько дней спустя и спросил, как ему книга понравилась, он мне ответил то, что я Вам уже как-то писал: теперь он понимает, почему я занялся переводом Вашего романа — «впрочем, — прибавил он, — я написал бы ведь на ту же тэму <sic!>, другой тэмы для нас теперь нет!»; и он очень рад, что более талантливый человек исполнил то, что он хотел сделать.... — Когда появится его статья о «Т<яжелых> С<нах>», тогда я ее Вам пришлю. Другой мой знакомый — также молодой человек — пишет книгу о европейских психологах: Вы и Ваши произведения займете в этой книге очень выдающееся место.⁵

Присланные вами стихи мне очень понравились, более всех — Помогите⁶ — трудно найти, во всех литературах, такое сильное выражение нашего бессилия, а ведь сказано всего несколько слов!

Как только получу манускрипт Вашей повести,⁷ сейчас же займусь ее переводом; сокращать я не буду, т<ак> к<ак> считаю это вандализмом. И если Вы сами не решитесь выбросить некоторые главы, то мне уж подавно этого не делать: я к Вашим произведениям — при переводе — не хочу критически относиться. И только тогда, когда начну писать о Вас, тогда, вероятно, появятся и критические сомнения.

В Вашем «Задоре» я, к сожалению, не мог найти никакого родства с Логиним; и только после того, как Вы указали мне на это, я нашел сходство: из такого мальчика, при известных условиях, может стать подобный человек.⁸ — Этот рассказ я помещу либо в «Zeit», либо же в знакомый Вам «Wiener Rundschau».⁹

Все то, что Вы пишете в Вашем письме, я бы охотней всего дословно перевел: это дополнение к Вашим произведениям и к — Логину. Но я ограничусь, вероятно, комментариями и выдержками.

Еще раз благодарю за все.

Преданный Вам

Алекс Браунер

Wien, IX. Severingasse 9.

¹ Согласно авторскому реестру исходящей/входящей корреспонденции 9 (21) мая 1897 года Сологуб отправил Браунеру заказное письмо и простую бандероль с книгой «Стихи. Книга первая» (СПб., 1896); вслед за тем 10 (22) мая — письмо, журнал «Север» (1897. № 21. 25 мая) с автобиографическим рассказом «Задор», а также стихотворения, в записи перечисленные и пронумерованные: 1) «Я люблю мою темную землю...», 2) «Помню я полдень блаженный...», 3) «Над душой голубая печаль...», 4) «Блуждали молитвы мои...», 5) «Я люблюсь людской красотой...», 6) «Надо мною — жестокая твердь...», 7) «Люблю мое молчание...», 8) «Путь мой трудный, путь мой дальний...», 9) «Я — Бог таинственного мира...», 10) «Подымаю бессонные взоры...», 11) «Какой-то хитрый чародей...», 12) «Порою туманной...», 13) «Над безумием шумной столицы...» (в тексте: «Над бессилием»), 14) «Я шел безнадежной дорогой...», 15) «Не ужасай меня угрозой...», 16) «Я душой умирающей...», 17) «Шут» («Я лицо укрыв бы в маске...»), 18) «Помогите» («В поле не видно ни зги...»), 19) «Знаю я — во всей вселенной...», 20) «Усмиривши

творческие думы...», 21) «Никого и ни в чем не стыжусь...» (в тексте: «Никого, ничего не страшусь...»), 22) «Какие-то светлые девы...» (в тексте: «Светлые девы»), 23) «Из-за тумана ночью...», 24) «В весенний день мальчишка злой...», 25) «Ты печально мерцала...», 26) «Прикасясь холодной рукой...», 27) «Злое земное томление...», 28) «Звезды, приветствуйте брата!..» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 40–40 об.). Посланные стихотворения, относящиеся по преимуществу к 1896–1897 годам, Сологуб включил в свою поэтическую книгу: *Собрание стихов. Книга III и IV. 1898–1903 г.* (М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1904).

² По-видимому, речь идет о письме Сологуба, содержащем биографические сведения (см. п. 5).

³ Имеется в виду сборник Сологуба «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896).

⁴ Неточная цитата из драмы И.-В. Гете «Торквато Тассо» (1790), правильно: «*Gab mir ein Gott zu sagen, wie ich leide...*» («И если человек в страданиях нем, / Мне бог дает поведать, как я стражду» — перевод С. М. Соловьева). Впервые опублик. в русском переводе Н. В. Кукольника: «Из драматической фантазии „Торквато Тассо“» (1831).

⁵ Речь идет, скорее всего, о М. Мессере, посвятившем в те годы ряд философско-эстетических статей и очерков проблеме «современной души» и соединившем их в книге «*Moderne Seele*» (Leipzig, 1899), см. вступ. статью, прим. 84.

⁶ См. п. 6, прим. 1. Стихотворение «В поле не видно ни зги...» (дата: 18 мая 1897 года) впервые опубликовано под заглавием «Помоги!» (Нива. Ежемесячные лит. приложения. 1897. № 7. Стлб. 491).

⁷ Речь идет о повести «Утешение» (1898) (первоначальное название — «На камни»), над которой Сологуб трудился около трех лет (1896–1899), в черновой рукописи имеется авторская помета: «Кончено 1 марта 1897» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 186 об.); реальной датой завершения работы следует считать год первой публикации (Север. 1899. № 15–21. 11 апреля — 23 мая); вошла в сборник Сологуба «Жало смерти» (М.: Скорпион, 1904). Первый вариант текста был забракован редакцией «Северного вестника» по причине громоздкости (объем значительно превосходил окончательную редакцию) и художественных недостатков, на которые Сологуб указал А. Волынский (см.: *Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 153*).

⁸ В черновой рукописи романа «Тяжелые сны» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–12) имеется вставная новелла о детстве Логина (предшествует главе «Завещание самоубийцы»), в которой повествуется о попытке юного героя покончить с собой из-за конфликта с матерью и бабушкой (автобиографический мотив). После изъятия вставной новеллы и «Завещания самоубийцы» в тексте романа остался лишь намек на потрясение, испытанное Логиним в детстве (герой переживает его снова в ночь убийства Мотовилова, однако о каком потрясении идет речь, читателю остается непонятным). Впоследствии Сологуб напечатал новеллу как самостоятельное произведение под заглавием «Задор» (1897), изменив имя героя: вместо Васи Логина — Ваня Багрецов (впервые: Север. 1897. 25 мая. № 21), см.: *Павлова М. Писатель-Инспектор. С. 140–141*.

⁹ Этот замысел, вероятно, остался не осуществленным; во всяком случае, публикация рассказа Сологуба «Задор» в переводе Браунера не состоялась.

7

Вена, 25. X. <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

я с большим удовольствием исполню Вашу просьбу, которая меня необычайно обрадовала — но только через недели 2–3, т<ак> к<ак> у меня не имеется подходящей карточки.

Извините, что я так долго молчал — но как Вы знаете, я всего месяца три как женился, и это счастье далось мне после долгой, тяжелой борьбы... мы живем — за исключением тех 8–10 часов, которые я должен проводить на фабрике, почти вне света, и написать письмо мне было очень трудно. — Ваша последняя повесть «Раечка» нам очень понравилась, жена уже перевела ее, и повесть, вероятно, будет печататься в «*Neue Deutsche Rundschau*»...¹ На днях появится в венской «*Zeit*» статья о «Т<ажелых> Снах», которую я Вам на днях пришло.²

Не помышляете ли Вы, Федор Кузьмич, поехать в Европу, может на Рождество?
Будьте нашим гостем!

Жена просила выразить Вам ее преданность.

Ваш

Александр Браунер

¹ Имеется в виду повесть «Утешение», в немецком переводе — «Раечка» (по имени центрального персонажа); опубликована в кн.: *Sologub F. Schatten / Aus dem Russischen von A. und C. Brauner*. Wien, 1900 (см. вступ. статью, прим. 118).

² Имеется в виду: *Messer M. Ein russischer Roman // Die Zeit*. 1897. № 159. 16. Oktober. S. 41 (см. вступ. статью, прим. 84).

8

Вена, 26. XI. <18>97
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

Очень рад, что могу, наконец, сегодня послать Вам мою фотографическую карточку: я ее только сегодня получил. — Сегодня высылаю Вам также обещанную статью о «Т<ажелых> С<нах>». ¹ Автор этой статьи очень милый парень, но немец; а для немцев Россия останется, кажется, навсегда книгой за семью печатями.

Относительно Вашей «Раечки», могу сообщить Вам, что она принята редакцией «*Neue Deutsche Rundschau*»² — но не знаю еще, когда будет напечатана, т<ак> к<ак> редактор «*N<eue> D<eutsche> R<undschau>*» писал мне, что повесть немного длинна, но он постарается поместить ее в ближайшем номере после Нового года. — Очень жалею, что не смогу с Вами познакомиться лично (в Вене) — но может быть, Вы все-таки приедете в «Европу».

Жена очень кланяется Вам

Алекс Браунер

¹ См. п. 7, прим. 2.

² Публикация повести в «*Neue Deutsche Rundschau*» не состоялась.

9

Вена, 9. IV. <18>98.

С праздником!¹
Виноватый перед Вами
и очень Вам преданный

Алекс Браунер

На почтовой карточке (видовой).

¹ По-видимому, имеется в виду Пасха, которую в 1898 году Русская православная церковь праздновала 18 апреля, Римско-католическая и протестантские церкви — 10 апреля.

10

Вена, 17. Мая <18>98 г.
IX. Severingasse 9.

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

сегодня высылаю Вам вместе с письмом № «Wiener Rundschau», с переводом «Лёлечки»¹ — надеюсь, перевод Вам понравится, т<ак> к<ак> мне кажется, что жена моя довольно хорошо переводит. Редакции рассказ очень нравится. В одном из следующих номеров будет помещена моя статья о Вас «Ein neuer russischer Dichter»² и мой перевод стихотворения «Я люблю мою темную землю...».³ Этот № я Вам, конечно, сейчас же после появления вышлю...⁴

Я пред Вами опять очень виноват, т<ак> к<ак> не ответил на Ваше последнее письмо и не поблагодарил за любезную высылку №№ «Севера» с Вашими рассказами.⁵ Но я так занят все время на заводе, что вечером, по приходу домой, обыкновенно очень уставши, и не в состоянии написать мало-мальски разумное письмо. Вы, вероятно, из собственного опыта знаете, как все эти занятия из-за куса хлеба отнимают не только большую часть времени, но и чуть ли не всю жизненную энергию. И хотя я и нахожусь, несмотря на сравнительную молодость, уже в положении человека, который «может уже есть хлеб с маслом» — но мои занятия на фабрике все-таки очень утомляют меня....

Извините эти мои излияния — но Вы мне кажетесь так близки, я чувствую себя так хорошо и свободно с Вами, что у меня постоянно, когда я думаю о Вас, пропадает то сознание стесненности, которое обдает нас холодным туманом в обществе чужих людей. Оттого я постоянно так необычайно рад, когда получаю от Вас письмо.

Сегодня я пишу Вам по той причине, что хочу сообщить Вам важное для нас с женой происшествие: жена родила вчера утром мальчика,⁶ и я этому очень рад, т<ак> к<ак> она теперь вне всякой опасности....

Извините, что вдруг кончаю: но я должен уйти по делу.

Жена очень кланяется Вам.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ Рассказ Сологуба «Лёлечка» (впервые: Север. 1898. № 1. 4 января. Стлб. 11–22; под заглавием «Прятки»: Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 3. Земные дети); в немецком переводе Клары Браунер («Ljoljetschka») опубликован в «Wiener Rundschau» (1898. № 13. 15. Mai. S. 496–504).

² Новый русский поэт (нем.). Статья Браунера о Сологубе под таким названием неизвестна; видимо, замысел не осуществился.

³ Стихотворение Сологуба «Я люблю мою темную землю...» (1896 год; впервые: Петербургская жизнь. 1898. № 316. 22 ноября. С. 2623); в переводе Браунера опубл.: Sologub F. Weltgefühl // Wiener Rundschau. 1898. № 20. 1. September. S. 774.

⁴ В архиве Сологуба номер журнала с публикацией перевода не сохранился. В авторской библиографической картеотеке переводов произведений Сологуба на иностранные языки перевод этого стихотворения не зафиксирован (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 544 (2)).

⁵ Согласно реестру исходящей корреспонденции, Сологуб послал Браунеру два номера петербургского еженедельного журнала «Север» с публикацией рассказов, 1 (13) декабря 1897 года — рассказ «Улыбка» (1897. № 46. 16 нояб.); 9 (21) апреля 1898 года — рассказ «Белая мама» (1898. № 14. 5 апр. Стлб. 429–438); ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 43, 46.

⁶ Браунер Лев Александрович (см. о нем вступ. статью и прим. 2 к п. 13).

11

<Вена,> 24. August 1898
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

обращаюсь к Вам с очень большой просьбой: редакция «Zeit» желает поместить в своем № от 10.IX / 29.VIII статью о графе Толстом, по поводу его 70-летнего дня рождения. Не будете ли Вы так добры написать статью о значении Толстого для нас¹ — размер 1½ — 2 стран<ицы> «Zeit» (у Вас имеется № Zeit с статьей Мессера о «Т<ажелых> Снах»,² я Вам вышлю на всякий случай № с моей статьей о Чехове).³

Надеюсь Вы не сердитесь за это затруднение: я обещал редакции попросить Вас об этом, т<ак> к<ак> думаю, что Ваша оценка Толстого верней и интересней оценки всякого русского критика... Статья должна быть в Вене до 5-го Сент<ября>; я (либо жена) переведу ее.

Очень благодарю за присланный рассказ, который будет, вероятно, помещен в «Zeit».⁴ Надеюсь, Вы не откажете мне в просьбе. Во всяком случае, прошу сейчас же известить меня,⁵ т<ак> к<ак> редакция ждет ответа.

Еще раз прошу простить меня.

Преданный Вам

Браунер

На бланке газеты «Die Zeit».

¹ Статья Сологуба «Единый путь Льва Толстого», написанная по предложению Браунера, вскоре была опубликована в Вене (см.: *Sologub F. Die Welt Leo Tolstoi's. Zur Feier seines siebenzigsten Geburtstags // Die Zeit. 1898. 10. September. № 206. S. 167–168*); в России впервые: *Сологуб Ф.* Собр. соч.: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1910. Т. 10. С. 189–202.

² См. п. 7, прим. 2.

³ *Brauner A. Anton Tschschow // Die Zeit. 1898. № 170. 1. Jänner. S. 7–8.*

⁴ Вероятно, речь идет о рассказе «Белая мама» (см. п. 10, прим. 4). Кроме того, 15 (27) августа 1898 года Сологуб послал Браунеру рассказ «Земле земное» (впервые: Север. 1898. № 21–24. 24, 31 мая, 7, 14 июня), запись о посылке см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 47 об.

⁵ Сологуб ответил Браунеру 5 сентября (22 августа), вместе с письмом было послано стихотворение «Я верю в творящего Бога...», посвященное его сыну (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 38), см. п. 13, прим. 3.

12

Wien, 12. Сент<ября 18>98 г.
IX. Severingasse 9.

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

я Вам очень благодарен за исполнение моей просьбы — Ваша статья появилась в последнем № «Die Zeit», и сегодня еще я вышлю Вам 7 №№ с Вашей статьей, № с моей статьей о Чехове¹ и № «Wiener Rundschau» с переводом Вашего стихотворения² — этим рвением моим я хочу загладить мою вину перед Вами, т<ак> к<ак> действительно забыл послать Вам статью о Чехове.

Статья Ваша редакции, конечно, очень понравилась, и редактор (Alfred Gold)³ просит выразить Вам свою признательность. Гонорар Вам вышлю на днях. — Мы с женой очень рады, что Вы согласились — несмотря на короткое время — написать свое мнение о Толстом. Вы оказали этим немецкой литературе прямую услугу, т<ак> к<ак> до сих пор не появлялось ни одной статьи о Толстом, в которой бы ни смотрелось на его последние философские и литературные труды, как на нечто старческо-

наивное <sic!>. Что все его сочинения только звенья одной абсолютно логической цепи, этого здесь никто не понимает. Немцам — я говорю о настоящем большинстве — слишком чужд этот идеально-чистый, индивидуально-внутренний мир святого старика. Что Вы, как никто другой, верно понимаете глубокую философию, которая кроется в сочинениях Толстого, было для нас ясно еще до статьи — и мы Вас⁴ благодарим за ту радость, которую доставила нам Ваша статья.

На днях я, вероятно, еду в Берлин (по частному делу) и поговорю там с редактором «Neue Deutsche Rundschau»,⁵ в которой должна появиться Ваша повесть «На камни» — она должна была еще печататься летом, и я не понимаю, почему ее не печатают.

Сердечный поклон от жены и сына, который выражается пока только гласными буквами.

Искренно преданный Вам

Александр Браунер

На бланке предприятия: Österreichische Schuckert-Werke.

¹ См. п. 11, прим. 1 и 3.

² См. п. 10, прим. 2.

³ Гольд Альфред (Alfred Gold; 1874–1958) — австрийский писатель, представитель венского модернизма, театральный критик, искусствовед, коллекционер; один из редакторов журнала «Die Zeit»; в 1901–1911 годах — берлинский корреспондент «Frankfurter Zeitung», печатался в «Neue Rundschau».

⁴ В автографе: Вам.

⁵ Речь идет об одном из основателей журнала: О. Бrame или П. Шлентере (см. вступ. статью).

13

<Вена> Heinrichsthal, den 8. Nov. <18>98

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Извините мое долгое молчание: в силу различных нравственно-тяжелых обязательств на службе — у нас на фабрике происходят гонения «жидов» и всех других более-менее свободных элементов, как в знакомой вам стране... — я нахожусь в очень подавленном состоянии; жена, конечно, тоже. Оттого я не в состоянии написать теперь мало-мальски осмысленное письмо, в котором не чувствовалось бы то тяжелое настроение, в котором мы находимся. — Так что, не взъщтите!..

Ваше стихотворение нашему птенцу, «Льву Александровичу»,⁶ нас чрезвычайно тронуло и обрадовало, не только с литературной стороны — мы Вам очень, очень благодарны, а «он» поблагодарит через несколько лет....

На днях зайду в редакцию «Zeit»: вероятно, они рассчитывали на то, что я зайду за деньгами, т<ак> к<ак> обыкновенно очень аккуратны.⁷ — Я в этих краях по делу. В следующий раз напишу в менее минорном тоне.

Преданный Вам Браунер

Жена просила кланяться Вам.

На бланке: Heinrichsthaler Papier-Fabrik Martin Kink & G. Хайнрихсталь — населенный пункт (коммуна) в Нижней Франконии (Бавария).

¹ 5 (17) сентября 1898 года Сологуб послал А. и К. Браунерам стихотворение «Я верю в творящего Бога...» (30 декабря 1897 года), о чем сделал записи в реестре (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 48) и в авторской библиографической картотеке поэтических текстов (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 544). Автограф без посвящения: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 89. Впервые: Денница. Альманах 1900 года / Под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского, И. И. Ясинского. СПб., 1900. С. 70.

Приводим полный текст этого стихотворения:

Я верю в творящего Бога,
В святые заветы небес,
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.

И первое чудо на свете,
Великий источник утех —
Блаженно невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.

² См. п. 12.

14

Воскр<есень> 5./11. <18>99 <года>
<Егерндорф>

Я пребываю здесь в самой, что ни на есть, австрийской провинции.¹ И здесь люди воображают себя пупом земли, и здесь весело жить на свете: тишь и гладь и Божья благодать! Вот хорошо было бы годик пожить в этих краях... И здесь, как и всюду, с теплым чувством думаю о Вас и жму с искренним уважением Вашу руку.

Преданный Вам

Браунер

¹ На почтовой карточке с видом Егерндорфа. Егерндорф (Jägerndorf) — промышленный и железнодорожный город в Судетах. После развала Австро-Венгрии — чехословацкий город Крнов, центр одноименного округа. С 1938 по 1945 год (в результате аннексии Судетской области) — в составе Германии. Ныне — Крнов (Чехия).

15

<Берлин> 11 Авг<уста> <19>00
17 Авг<уста>

Глубокоуважаемый
Федор Кузьмич,

я все еще нахожусь под влиянием Вашего письма:¹ я долго собирался Вам ответить и как-то не приходилось — я занят очень в бюро, часто нахожусь в разъездах; дома же либо апатично физически отдыхаю, либо же играюсь с нашим мальчиком: он начинает терять свой ангельский облик и свою кротость, и мало-помалу превращается в зверька. Обыкновенно этот период почему-то называют: «становится человеком» и т. д. — по-моему это неверно: именно теперь нужно еще осторожней с ним обращаться, не дать развиться его животным инстинктам, т. е. воспитывать его... Много радости дает он, еще больше забот, к которым уже примешивается чуть ли не ежедневная боязнь потерять его.....

Жена очень благодарна Вам за добрые слова и сердечно кланяется: она теперь очень занята переводом «Фомы Гордеева»,² который должен быть к сроку готов. Она навязывает себе работу, т<ак> к<ак> любовь и дети далеко не восполняют жизнь и время — тем более что я почти целый день провожу вне дома. Вот Вам вкратце схема нашей жизни: я должен работать и вследствие этого недолюбиваю ее, т<ак> к<ак> она отнимает у меня жену и ребенка и, главным образом, меня самого и мою личную свободу, я занимаюсь предметом чрезвычайно интересным — электротехникой, хотя больше деловой стороной этой науки: технические прожекты, деловые сделки, продажа и т. д., достиг в молодые годы (мне теперь 29-тый год) довольно хорошего положе-

ния — но все это скучно, и я чувствую невероятную неудовлетворенность: во мне миллион идей, стихов, мне хочется роман и драму написать, и я не могу за недостатком свободного времени. Может быть, я обманываю себя, может быть, я не в состоянии вообще писать, т<ак> к<ак> не владею техникой «писательства», может быть, я нарочно не стараюсь о свободном времени, чтобы иметь оправдание... Наконец, убеждаю себя, что вообще писать не надо, не для кого, что лучшее все равно остается недосказанным, а то хорошее, что говоришь, опошляется читателем; вообще гораздо красивее себе все это представляешь, в душе и роман и драма и стихи чище, глубже, гармоничней, у нас слов нет, и музыка единственное средство выражать скорбь и радость и глубину чувств и действий. Goethe и Shakespeare вероятно умерли и не сказали всего, что у них накопилось в душе, что созрело в голове... И Вы умрете и не скажете.... И я умру и не скажу, а может, по дороге к смерти забуду, что сказать хотел, и для кого и для чего!...

Видите ли, так томится моя душа... хотя у меня бывают минуты больших и светлых радостей: жена, которой я все могу сказать, которая по одному слову, взгляду понимает всю работу души моей, которая ведь и сама ищет, как и я, правду и смысл жизни, нашей жизни — а смысла нет, нет индивидуального смысла, а

Nach ewigen, ehernen, grossen Gesetzen
Müssen wir *alle* unseres Daseins
Kreise vollenden...

как сказал Goethe...³

Большая радость: ребенок, развитие и загадочность которого для нас постоянное откровение и служит предметом более глубокого понимания разумного и необходимого в природе....

В Вашем письме я прочел почти то же, и был очень рад ему, был рад, главным образом, Вашей откровенности и очень благодарен Вам за это.

На Ваш вопрос на тему: литература, я не могу собственно ответить, т<ак> к<ак> не слежу за русской литературой основательно. Кроме Чехова и Горького почти ничего нового не читал, говорят, что ничего нового нет. От Чехова я больше ничего не жду, он свое сказал, по-видимому, успокоился на этом; Горький бесспорно сильный талант-самородок, и это его качество меня очень поражает: я удивляюсь ему больше, чем любовно отношусь к нему — но он, по-видимому, человек не умный, т. е. не философ, как вообще большинство писателей всех языков более талантливы, чем умны. Типичный пример: Гауптман,⁴ человек очень поэтичный, глубокий, но совсем не умный; при чтении его книг не чувствуется сильной интеллект, как, напр<имер>, у Goethe — Вы, вероятно, удивитесь, что я так часто повторяю имя Goethe: он для меня maximum человеческого развития.... —

Что Вас в России не печатают,⁵ собственно, понятно: все русские журналы тенденциозны, все печатают вещи, подходящие к какому-нибудь шаблону, все довольно пошленькие и мелочные... Лучшее доказательство: абсолютное отсутствие разумного, образованного, глубокого критика — где им понять тонкость Ваших детских рассказов, глубину Ваших стихотворений... И больно и противно думать теперь о России...

От Минских (о его «Альме»⁶ я охотно услышал бы Ваше мнение) я узнал,⁷ что у Вас много новых стихотворений и серия сказок:⁸ не пришлете ли Вы мне их — если это возможно — я был бы Вам за это премного благодарен.

Этим кончу.

Глубоко уважающий Вас

Алекс Браунер

На бланке: Reuter & Co Commandit-Gesellschaft für Elektrische Anlagen / General-Repräsentanz von: Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft. Berlin.

¹ Имеется в виду письмо Сологуба от 3 июля 1900 года с благодарностью за книгу («благодарю за Schatten»): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 82. Л. 59 об.

² См.: *Gorki M. Foma Gordjefew. Roman / Übersetzt von K. Brauner. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1901; переиздана (там же) в 1905 году.*

³ Цитата из стихотворения И. В. Гете «Das Göttliche» — «Божественное» (1783), без соблюдения строфики оригинала. В рус. пер. А. А. Григорьева (1845):

По вечным, медяным,
Великим законам,
Все бытия мы
Должны неволью
Круги совершать.

(Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драммы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Б. Ф. Егорова. СПб., 2001. С. 539–540 (сер. «Новая библиотека поэта».)

⁴ Имеется в виду Герхарт Гауптман.

⁵ Вероятно, отклик на письмо Сологуба, в котором он сетовал на то, что его не печатают. Субъективное мнение писателя противоречило реальной картине (см.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909 года. СПб., 1909. 31 с.).

⁶ Отклики Сологуба на книгу Н. М. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900) неизвестны. Драма вызвала мощный резонанс в прижизненной критике. Прототипом главной героини послужила З. Гиппиус, с которой автора связывали мучительные любовные переживания (тогда же Л. Бакст написал ее портрет и подписал его «Алма»). Гиппиус откликнулась на книгу Минского критической статьей «Торжество в честь смерти» (Мир искусства. 1900. Т. IV. № 13–24. С. 85–94). Браунер знал о перипетиях этой истории, скорее всего, от Л. Флакса, лично знакомой с Минским и переведившей его произведения на немецкий язык. См.: Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Сапожкова; сост., подг. текстов С. В. Сапожкова и А. В. Сысоевой // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1 / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. С. 116–120.

⁷ Обстоятельства личного знакомства Браунера с Н. Минским выяснить не удалось.

⁸ Речь идет о первых миниатюрах Сологуба из цикла «Сказочки» («Обидчики», «Ласковый мальчик», «Путешественник камень», «Ворона», «Нежный мальчик», «Плененная смерть», «Крылья», «Свечки»), опубликованных в 1898–1899 годах в «Петербургской жизни» и «Живописном обозрении» (см.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года по 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 23–24). Впоследствии «Сказочки» (всего: 78) составили авторские сборники: «Книга сказок» (М.: Гриф, 1905) и «Политические Сказочки» (СПб.: Шиповник, 1906).

16

<Вена,> 27./1. 1910
XIII./7. Hauptstrasse. 105

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

Надеюсь, Вы еще не совсем забыли меня, хотя со времени нашей переписки прошло немало времени.

Обращаюсь к Вам теперь с большой просьбой: дело в том, что жена моя, много лет занимавшаяся переводами с русского на немецкий язык, очень хотела бы переводить и с немецкого на русский, а именно не актуальные и модные книги, запражающие теперь книжный рынок, а более изысканные и тонкие произведения.

И вот тут я просил бы Вашего содействия! Не могли бы Вы взять хоть некоторые из этих переводов под Вашу редакцию и указать, к какому издательству лучше обратиться? Само собой разумеется, что моя жена предоставила бы Вам из переводного гонорара сумму, назначенную Вами самим.

Для первого опыта мы выбрали произведение «Karl Gjellerup: der Pilger Kamanta, ein Legendenroman» (G<jellerup> датчанин, но пишет по-немецки),¹ вещь глубоко талантливую и тонкую, всю преисполненную атмосферой индийской философии и блестящую картинами дивной красоты.

Если разрешите, моя жена пришлет Вам перевод первых глав, для того чтобы Вы могли судить о вещи и о переводе.²

Надеюсь, Вы простите, что я обращаюсь именно к Вам, но ни у кого другого я не предполагаю того вкуса и понимания, которые требуются для оценки подобных книг как «Pilger Kamanita».

С выражением искреннего уважения
преданный Вам

А. М. Браунер

Wien, XIII./7. Hauptstrasse 105

В верхнем левом углу листа помета Сологуба: «Отв<ет> 7 фев<ря>».

¹ Гьеллеруп (Gjellerup) Адольф (1857–1919) — датский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1917). Впервые на русском языке Гьеллеруп был представлен рассказом «После праздника» (Вестник иностранной литературы. 1900. Декабрь. С. 74–86). Роман «Пилигрим Каманита» (1906), созданный под влиянием идей буддизма и философии А. Шопенгауэра (герои романа — современники Будды), в русском переводе при жизни автора не издавался.

² В архиве Сологуба текст перевода отсутствует.

17

Weidlingau bei/Wien
Hauptstrasse 122. 26./XII.<19>11

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

наконец мне удалось узнать Ваш адрес, и я спешу выразить Вам наше крайнее сожаление по поводу того, что нам не удалось видеть Вас в Вене.¹

Произошло это по стечению разных обстоятельств. Мы уже с полгода не живем больше на Heisinger Hauptstrasse 105, куда Вы мне писали. Письмо было переслано не на нашу частную квартиру (Weidlingau bei Wien Hauptstrasse 122), где его получила бы моя жена, а в бюро, куда я не приходил пару дней, т<ак> к<ак> был в отъезде. Когда мы, наконец, получили Вашу открытку, мы сейчас же отправились в Hotel Post, но Вас уже не было, и швейцар даже не мог сообщить Вашего дальнейшего адреса. Я наугад написал в Ниццу до востребования, но письмо пришло обратно.

Из Вашей открытки я вижу, что Вы нам в свое время писали, но мы не получили ответ на письмо, в котором я писал Вам о переводах моей жены под Вашей редакцией. Ввиду этого я очень просил бы Вас потрудиться сообщить мне содержание этого очевидно затерявшегося письма.

Очень и очень жаль, что не пришлось познакомиться лично с Вами и Вашей супругой.

Глубоко уважающий Вас

Александр Браунер

¹ Осенью 1911 года Сологуб и Чеботаревская совершили первую совместную поездку в Европу, побывали в Мюнхене, Нюрнберге, Цюрихе, Милане, Генуе, Монте-Карло, Париже. Краткие сведения о путешествии содержатся в письмах Анастасии Чеботаревской к сестре Александре (письма от 28 сентября и 22 октября 1911 года: ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 2–5, 8–9). О посещении Вены она писала 3 октября 1911 года (датируется по почтовому штемпелю): «В Вене были в оперетке и в кабачках с Троцкими; здесь познакомились с переводчицей „Нав<ьих> чар“ (M-me Frisch). Отсюда поедем <в> Милан, Геную — в Монте-Карло будем через дней 10 <...>» (л. 2). Упоминаются журналист «Русского слова» Илья Маркович Троцкий (1870–1969) и его жена Анна Родионовна Троцкая (урожд. Шварцберг; ум. 1957). См. о них: *Уральский М.* Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим; М., 2017. С. 30–46 (главка «Два Троцких»). О Феге Фриш см. вступ. статью.

Weidlingau b<ei> Wien Hauptstrasse 122
4./3. <19>12

Многоуважаемый Федор Кузьмич,

извините, что не сейчас ответил на Ваше любезное письмо — я очень занят и часто разъезжаю, переводами не занимаюсь и предоставил это поле действия жене, которая с большой любовью и преданностью к автору занимается иногда этим делом.

Очень благодарен за Ваше согласие перенять редакцию переводов моей жены, и прошу Вас поэтому очень узнать, не появляется ли уже в русск<ком> переводе последний роман недавно умершего датского поэта Германа Банга «Без отчизны».¹ Произведение это, как почти все написанные Бангом (мы с женой его очень любим), выдающееся, тонкое и затрагивающее весьма актуальную проблему с чуткостью, свойственной только этому глубокому человеку.

Жена моя перевела бы роман с немецкого оригинала, т<ак> к<ак> Банг одновременно выпускал свои сочинения на датском и немецком языках (он жил последние годы в Берлине). Банг, надеюсь, и в России уже популярен,² т<ак> что легче найдется издатель. А затем все еще жена моя не потеряла надежду под Вашей редакцией перевести «Пилигрим Каманита» Гелерупа³ <sic!>.

Нельзя ли заинтересовать Брюсова и поместить переводы в Русск<ой> Мысли?⁴ Извините за беспокойство.

Преданный Вам

Алекс Браунер

¹ Банг (Bang) Герман Йоахим (1858–1912) — датский писатель, критик, театральный деятель. Сологуб перевел две новеллы Банга: Ее высочество (Ihre Hoheit) // Северные сборники издательства «Шиповник». СПб., 1907. Кн. 1. С. 221–327; Четыре беса (Die vier Teufel) // Там же. С. 146–220; Четыре дьявола (Die vier Teufel) / Пер. Ф. Сологуб; автор предисловия А. Я. Левинсон. Пб.: Всемирная литература, 1919; То же: М.: Типолит. «Печатник» изд. ГИЖ, 1925. В архиве Сологуба сохранился неизданный перевод «Шарло Дюпон» («Charlot Du Pont»), с правкой Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 575). Все три произведения входят в состав оригинального сборника «Эксцентрические новеллы» (на датском языке — «Eccentriske Noveller», 1885); перевод «Шарло Дюпон» сделан с издания на немецком языке (см.: Стрельникова А. Б., Филочева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Незданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 633, 654). См. также: Стрельникова А. Б., Сысоева А. В. «Ее Высочество» Г. Банга и «Королева Ортруда» Сологуба: перевод как художественный материал // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55. С. 228–237. Роман Г. Банга «Без отчизны» («De uden Fædreland»; 1906) — впервые в русском переводе: Без родины / Пер. Якова Сегаля. Авторизованный пер. с датского с предисловием автора к русскому изданию. М.: Польша, 1911; Без родины / Пер. М. Розенфельд // Банг Г. Собр. соч. М.: Изд-во В. М. Саблина, 1911. Т. 10; Без отечества // Новое слово. 1913. № 3, 4.

² Г. Банг был одним из наиболее известных датских писателей в России в начале XX века, почти одновременно были изданы три собрания его сочинений: в издательствах «Современное творчество» (1909–1910); «В. М. Саблина», (1910–1911), «Современные проблемы» (1910–1913). Романы и рассказы Банга регулярно печатались на страницах периодики. К началу 1910-х годов творчество датского классика было широко представлено в русской критике. См.: Ляпина А. А. Герман Банг. Рецепция личности и творчества в русской критике // Филологические науки. 2013. Декабрь. № 11 (41). С. 152–156.

³ См. п. 16, прим. 1.

⁴ В. Я. Брюсов заведовал литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль» (редактор-издатель П. Б. Струве) с сентября 1910 по ноябрь 1912 года. В переписке Сологуба с Брюсовым тема публикации переводов произведений Г. Банга и А. Гьеллерупа не поднималась, см.: Соболев А. Л. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Страннолюбский перебарщивает: Сконопель истоар. С. 320–372; Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 104–125. Однако в сентябре 1910 года в письмах к П. Б. Струве, редактору «Русской

мысли», Брюсов предлагал ему статью Банга о венском актере Й. Кайнце (в переводе Н. Е. Эфроса). См.: *Брюсов В. Я.* Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960. С. 180–182.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-161-182

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ ВАДИМА БАЯНА: ПИСЬМА К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. В. КРУСАНОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

Вадим Баян — литературное имя Владимира Ивановича Сидорова (1888–1966), до последнего времени известное в основном в связи с литературной биографией В. В. Маяковского, вместе с которым В. Баян участвовал в нескольких крымских выступлениях (январь 1914 года) и впоследствии публично протестовал против использования Маяковским его псевдонима в качестве фамилии одного из персонажей пьесы «Клоп». Вся остальная поэтическая деятельность В. Баяна никогда не привлекала широкого внимания публики и известна сегодня главным образом только специалистам.¹

В кратких биографических сведениях, посланных С. А. Венгеру (1914), В. Баян писал о себе в третьем лице: «*Вадим Баян* (Владимир Иванович Сидоров) — поэт-лирик. Родился в 1888 году в Крыму, в крупной помещичьей семье. Образование получил реальное. В Петербурге прослушал курс естественных наук у Лесгафта. Первые его стихи появились в южных органах печати. В позднейшее время произведения его печатались в северных альманахах и литературных сборниках. Наиболее склонен к лирической эротике. В 1913 году выходит в свет в издании Т-ва Вольф первый том его стихотворений под циклом „Голубая симфония“. Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья — писатели Федор Сологуб, Виктор Муйжель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий Цензор и мн<огие> др<угие>».² Данные сведения дополняет несколько более пространственный вариант автобиографии: «*Вадим Баян* (Владимир Иванович Сидоров). Родился 11-го февраля 1888 года в Крыму в семье помещиков-южан, где и воспитывался. Образование получил реальное, но не официальное. Прослушал курс естественных наук у Лесгафта в С.-Петербурге. Будучи необыкновенно мечтательным мальчиком, детство провел в степях юга, где беззаветно отдавался поэзии и чтению книг. Любил бродячих цыган

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“») в НИУ ВШЭ.

¹ Укажем на следующие работы: *Аброскина И. И.* Баян Вадим // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 192; Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. Л. Дмитренко и А. В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. [Вып.] 23. С. 345–380; *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов. Вадим Баян и русский авангард в Крыму // Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисловие и комм. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 8–51; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 170–196. В статье А. Л. Соболева творческая деятельность В. Баяна в контексте литературных событий 1910-х годов и взаимоотношений с современниками описана с исчерпывающей полнотой, в ней, в частности, приведены фрагменты писем В. Баяна к Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской (с. 176, 178, 181, 185, 190); в задачу настоящей публикации входит представление полного корпуса писем Баяна к Сологубу и Чеботаревской, документирующих как нюансы становления литературной биографии Баяна, так и специфику взаимоотношений маститых литераторов с молодыми поэтами-новаторами.

² Письмо В. Баяна С. А. Венгеру (30 января 1914 года) // ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеру С. А.). Оп. 7. Ед. хр. 332.

и слушал их сказки. В 15 лет прочел всех классиков и выдающихся писателей мира. Будучи глубоким лириком и эстетом, в своем творчестве проводит яркую полосу изящной эротики, причем является самобытным и непохожим на других. Воспитанный ароматом степей, он не признает себе равных по силе духа поэтов. Печатается с 1908 года в южной прессе, а в позднейшее время изредка в северных изданиях средней величины. В 1914-м году книгоиздательство Т-ва М. О. Вольф в СПб. выпустило сборник его стихов под заглавием „Лирический поток“ (лирионетты и баркароллы) с предисловием И. И. Ясинского-Белинского и Игоря-Северянина. Много имеется критических статей о нем, но за незначительностью изданий, в которых они были напечатаны, не помещаем. Выдающихся людей в его роду не было. По национальности — чисто русский. По вероисповеданию — евангелический христианин».³

Поэт Борис Дмитриевич Богомолов (1886–1920) — товарищ В. Баяна в 1911–1914 годах — сообщал о нем несколько иные сведения: «Крупный землевладелец Крыма, помещик, родился в 1883 году».⁴

Эти автобиографические сведения резко контрастируют и даже входят в противоречие с тем, что В. Баян сообщал о себе впоследствии. Так, в 1950-х годах он утверждал, что родился не 11 февраля 1888 года, а 5 (17) января 1880 года, и не в крупной помещичьей семье, а в семье агронома, и не бродил в степях юга, отдаваясь всецело чтению стихов и книг, а работал конторским служащим и корректором в типографии. Можно понять причины, по которым он старался скрыть свое социальное происхождение, превратив себя из сына крупного помещика и мечтательного поэтически настроенного юноши в сына агронома, безликого конторского служащего и типографского корректора. Этого требовала его стратегия выживания и приспособления к послереволюционной действительности. Несколько иначе обстоит дело с датой рождения. По свидетельству самого В. Баяна, он ввел Венгерова в заблуждение сознательно. По-видимому, Богомолов тоже был неправильно им проинформирован, что характеризует В. Баяна как человека, склонного к дезинформации окружающих, в том числе и друзей, для создания себе более выгодной биографии. В 1959 году В. Баян признавался Н. Ф. Рябовой, составлявшей именную указатель к полному собранию сочинений Маяковского: «Поскольку Вы почти официальное лицо, я считаю себя обязанным сообщить Вам ТОЧНУЮ дату моего рождения, а не „дипломатическую“, как это позволено среди знакомых. Я рожден 5/17 января 1880 года. Но как не хочется слыть в обществе старым, когда кругом цветет молодость! <...> Если моя просьба не будет уважена, то прошу ничего обо мне не писать в Именном указателе».⁵ Учитывая чрезвычайно свободное обращение В. Баяна со своими биографическими данными, трансформируемыми в нужную сторону в зависимости от обстоятельств, дата рождения 1880 год тоже может показаться сомнительной, тем более что он передвинул не только год, но также и день и месяц. Можно понять, когда он в 34-летнем возрасте, будучи по характеру достаточно женственной натурой, хотел казаться 26-летним. Но это никак не объясняет изменение дня и месяца рождения.

Первым результатом большой начитанности Сидорова классической литературой стал роман в стихах «Сжатая лента» (Мелитополь, 1908),⁶ воспроизводивший ритмические интонации «Евгения Онегина», что воспринималось как откровенная, хотя и невольная, пародия на Пушкина. «Роман» заканчивался следующими стихами: «Я прежде жаждал прославленья, / Мечтая в нем найти венец, / Теперь терплю и полн сомнения, / Судьбе вверяясь наконец». Никаких рецензий в прессе на «роман в стихах» не появилось, но, по-видимому, его автор вскоре осознал очевидную подражательность своей первой книги, потому что в дальнейшем никогда не упоминал об этом поэтическом дебюте. Не получив «прославленья» после книги «Сжатая лента», Сидо-

³ Письмо В. Баяна С. А. Венгеру (<не ранее 1914 года>) // Там же.

⁴ Письмо Б. Д. Богомолова Э. П. Юргенсону (1915?) // РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 560. Л. 1.

⁵ Письмо В. Баяна Н. Ф. Рябовой (3 мая 1959 года) // РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 9. Ед. хр. 5. Л. 1. См. также: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 192–193.

⁶ Книга, изданная тиражом 300 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» (1908. 29 нояб. № 47. С. 16. № 21367).

ров попробовал добиться славы на драматургическом поприще. В том же 1908 году он написал и отправил в Цензурный комитет пьесу «Поэт Пушкин», в предисловии к которой сообщал: «Находя необходимым привести жизненную трагедию великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина на сцену, я решил написать драму (руководствуясь сочинениями о нем, его биографией, письмами и народной молвой); наконец драма готова. В ней помещено четыре стихотворения, три из которых всецело принадлежат Пушкину, а одно последнее — Лермонтову, хотя все они переложены мною в другие слова». Пьеса поступила в цензуру 26 декабря 1908 года, и уже 2 января 1909 года цензор драматических сочинений барон Н. Дризен наложил резолюцию: «К представлению признать неудобным».⁷ Таким образом, все расчеты на сценическую постановку пьесы рухнули в самом начале, однако оставалась возможность публикации ее, что В. И. Сидоров и сделал осенью 1909 года, опубликовав пьесу «Поэт Пушкин» отдельной брошюрой.⁸ Для отзыва он послал ее редактору симферопольской газеты «Тавричанин» Д. В. Коломийцеву. Последний же поместил в газете разгромную критическую статью об этой пьесе. В частности, он писал: «Такого жалкого плода недомыслия еще не знала русская литература! Что за профанация великого имени, что за бесцеремонное обращение с национальной нашею гордостью и притом — заметьте! — с „благим намерением“... <...> Это прямо карикатура какая-то! Стихи Пушкина заменены пародией... <...> Боже мой, какое надругательство над гением!.. Вложить в его уста такие слова... Приписать ему бросание на пол перед гостями писем с призывом прочесть их... Как все это назвать?

Г. Сидоров, переделав стихи Пушкина в трех местах, заодно уж переделал и стихи Лермонтова. „Подправил“. Все его изделие в полном составе каждую свою строкою вызывает к себе прямо отвращение. Разве можно так непростительно грубо и карикатурно относиться к великим теням? <...> Дружеский совет г. Сидорову: собрать все экземпляры драмы и сжечь без остатка. Самые злые враги Пушкина не могли бы в своем слепом ожесточении измыслить всего того, что измыслил в своем слепом неведении г. Сидоров...»⁹

Сидоров направил в газету ответное письмо, где уличал своего критика в исторических неточностях.¹⁰ Однако Коломийцев, признав отдельные неточности в своей статье, заявил: «Дело не в незначительных неточностях, а в целом. В целом же драма г. Сидорова может рассчитывать только на полное отрицательное отношение к себе всех тех, у кого хоть сколько-нибудь развиты чувства правды, меры, эстетики».¹¹

Сидоров сотрудничал в «Тавричанине» с октября 1908 года и, несмотря на приведенную полемику с редактором этой газеты, продолжал это сотрудничество. Всего в 1908–1911 годах он опубликовал в «Тавричанине» около 50 стихотворений и стихотворных фельетонов. При этом в 1908–1910 годах он печатался за подписью В. Сидорова, но на рубеже 1910–1911 годов решительно изменил свой литературный облик и взял псевдоним Вадим Баян, который впервые был использован им 24 января 1911 года.

Последняя публикация, подписанная его настоящим именем, представляла собой мемуарный очерк «Мое посещение Л. Н. Толстого», в котором он описывал, как в декабре 1907 года во время пребывания в Петербурге он принес Толстому свои стихи с просьбой поспособствовать опубликованию их.¹² Очерк был написан психологически убедительно, но, тем не менее, вызвал подозрение у сотрудников «Синего журнала», обвинивших Сидорова в фальсификации воспоминаний в саморекламных целях: «Это такой огромный цветок в общем венке пошлости, лганья и глупости на могиле

⁷ Рукописный экземпляр пьесы с резолюцией Н. Дризена хранится в Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке.

⁸ Драма В. И. Сидорова «Поэт Пушкин» (СПб., 1910), изданная тиражом 400 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» (1909. 19 дек. № 49. С. 18. № 25921).

⁹ Коломийцев Д. «Поэт Пушкин». Драма в 4-х действиях В. И. Сидорова // Тавричанин. 1910. 7 янв. № 237. С. 2–3.

¹⁰ Возражение В. И. Сидорова // Там же. 21 янв. № 241. С. 3.

¹¹ Коломийцев Д. От меня // Там же.

¹² Сидоров В. Мое посещение Л. Н. Толстого // Там же. 2 дек. № 326. С. 4.

Льва Толстого <...>, хотя бы потому, что Толстого в декабре 1907 года в Петербурге не было».¹³

Письмом в редакцию «Тавричанина» Сидоров с негодованием отверг эти обвинения: «„Синий Журнал“ слишком много позволяет себе вторгаться в область диффамации среди чистых имен. В № 3-м названного журнала напечатана целая статья, забрасывающая меня незаслуженною грязью, под видом уличения в вымысле мною воспоминания в „Тавричанине“ о моем посещении Л. Н. Толстого в Петербурге в декабре 1907 г., когда Л. Н. временно был там. „Синий Журнал“ в большой мере старательно оплевал меня. Если бы он так уверенно принялся за очистку своей совести от подобных нечистот... Это было бы для него полезнее, чем упражнение в подобных инсинуациях и брани.

Считаю нужным в ответ „Синему Журналу“ сказать следующее: если он сам молод для того, чтобы помнить пребывание Л. Н. Толстого в Петербурге в декабре 1907 г., то пусть об этом спросит у старших».¹⁴

Однако сомнения охватили и редактора газеты, где был напечатан очерк Сидорова, и он сопроводил вышеприведенное письмо мемуариста своим комментарием: «При печатании заметки г. Сидорова о посещении им в 1907 году Толстого в Петербурге, у меня сейчас же возник вопрос: „Когда это Толстой был в Петербурге в 1907 г. так, что это осталось как бы в тайне?“ Не имея оснований к недоверию г. Сидорову, ввиду положительного утверждения им этого обстоятельства и ввиду переданного сообщения, я напечатал заметку г. Сидорова. Теперь г. Сидорову надлежит ясно указать — какого именно числа декабря 1907 г. он был принят Л. Н. Толстым в Петербурге? Где это было, т. е. в каком доме? Ведь все обстоятельства такого события должны быть вечно памятны у всякого человека, раз в жизни принятого Толстым... Г. Сидоров в частном письме ко мне просит разыскать указания в петерб<ургских> газетах 1907 г. и привести их под его письмом. Затрудняюсь: газет этого времени нет у меня. Я сделал запрос к одному из близко стоявших к Льву Николаевичу лиц — Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову».¹⁵

В петербургских газетах за декабрь 1907 года нет никаких упоминаний о пребывании Л. Н. Толстого в это время в Петербурге, хотя другие материалы о нем публиковались. Появилось даже одно сообщение о происшествии с Толстым в Ясной Поляне, на основании которого можно было утверждать, что, по крайней мере, с конца ноября по 11 декабря 1907 года Толстой совершенно определенно находился в Ясной Поляне.¹⁶ Впоследствии биография Толстого была расписана чуть ли не по минутам. Согласно фундаментальной работе Н. Н. Гусева «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910» (М., 1960), Толстой в 1900–1910 годах вообще ни разу не приезжал в Петербург, а в 1907–1908 годах жил все время в Ясной Поляне, не покидая пределов Тульской губернии.

Больше никаких заметок по поводу этой истории в печати не появлялось. Сам Сидоров никаких уточнений даты и адреса своей встречи с Толстым делать не стал. Более того, уличенный во лжи, он никогда больше не упоминал об этом событии, а при публикации своих стихов именно с этого момента стал использовать псевдоним В. Баян.

Изменение литературного имени, безусловно, было связано не только с желанием отмежеваться от скандального оттенка его литературной известности, вызванного упомянутыми публикациями, но и с переменной поэтических ориентиров молодого поэта, произошедших во время его пребывания в Петербурге. В это время он завязал дружбу с петербургским поэтом Борисом Богомоловым и способствовал публикации стихов последнего в газете «Тавричанин». Богомолов в долгу не оставался и, обнаружив в Баяне желание быть прославленным, и устно, и письменно пел панегирики сво-

¹³ [Б. п.]. Как делаются Тенеромами // Синий журнал. 1911. [Январь]. № 3. С. 7.

¹⁴ Сидоров В. Письма в редакцию // Тавричанин. 1911. 27 янв. № 341. С. 3.

¹⁵ Д. К. [Коломийцев Д.]. От ред<акции> // Тавричанин. 1911. 27 янв. № 341. С. 3.

¹⁶ Ст-н А. [Столыпин А. А.]. Заметки // Новое время. 1907. 18 (31) дек. № 11412. С. 4; Случай с Л. Н. Толстым // Русь. 1907. 19 дек. № 340. С. 5. См. также: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 2: 1906–1907. С. 577–606 (Лит. наследство. Т. 90).

ему богатому приятелю. А поскольку, по характеристике И. Северянина, Баян был «человек добрый, мягкий, глухой, смешливый, мнящий»,¹⁷ то за эти панегирики он искренне привязался к Богомолу.

В то же время Богомолу рассказал о В. Баяне И. Северянину, и последний в письме Богомолу сообщил (28 июня 1911 года): «Хочу выслать книжки Вашему южному другу, — дайте адрес».¹⁸ Таким образом, первые письменные контакты И. Северянина и Баяна состоялись, вероятно, уже летом 1911 года. И вскоре Баян оказался под влиянием поэзии И. Северянина.

Богомолу так характеризовал творчество В. Баяна в этот период: «Женственность и нега рассыпаны в изящных лирических произведениях поэта Вадима Баяна, певца юга, баяна красоты южных девушек, влюбленного в капризную их экзальтированную душу. <...> Без влияния Бальмонта или его славного современника Валерия Брюсова не обходится и не обходился еще ни один из новейших стихотворцев, но этого, к нашему удовольствию как читателей, так и критиков, нельзя сказать про поэта Вадима Баяна (Влад. Ив. Сидорова), который остался верен себе, самобытен и этим ценен и дорог, как самородный алмаз, найденный несколько лет тому назад. <...> Дмитрий Цензор, Яков Годин, Александр Рославлев, Андрей Белый — вот имена наших лириков, с которыми на одну высоту ставят ныне и поэта-южанина Вадима Баяна».¹⁹ В этом потоке славословия бросается в глаза то, что Богомолу, указывая на отсутствие влияния Бальмонта и Брюсова на поэзию Баяна, не отметил очевидное влияние Северянина, поскольку это противоречило бы тезису о «самобытности» его героя. Между тем именно такое мнение хотел создать о себе Баян, поскольку впоследствии сам напирает на самобытность своего творчества в автобиографических заметках, отосланных Венгеру.

Баян принял славословие Богомолу за чистую монету. Он писал ему в ответ: «Как я был рад, когда прочел Вашу статью обо мне, Вы себе представить не можете. Вот если бы побольше таких статей, да в более солидных изданиях, тогда бы дух мой поддержался. Благодарю Вас, милый друг, за такое теплое слово — оно меня тронуло и ободрило так, как никогда. Я рад, что имею хорошего друга на севере, но грущу, что мой друг в нужде и что я не всегда могу помочь ему. Все время собирался послать Вам денег, да не мог и могу только после 20-го августа прислать некую толику, а теперь, как и друг мой, переживаю нужду (только у меня нужда большая) много долгов. Вот 8-го с <его> м <есяца> должен платить в банк 600 р., затем 10 и 1000 р., а арендаторы не платят вследствие неурожая, дома ни сантима, дохода нет, хоть плачь».²⁰ Впрочем, через три дня он снова писал: «Ваше письмо полное скорби о тяжести жизни я получил и, разделяя Вашу скорбь, посылаю Вам 25 р. <...> Тронут тем, что Вы устроили мое ст <ихотворение> во „Всемире“. Это приятнее всего сделанного Вами мне».²¹

Нехитрые приемы рекламы и саморекламы, использованные Богомолу и Баяном, постепенно набирали силу, и уже в автобиографических материалах В. Баян стремился приукрасить себя букетом из литературных имен, включив в число своих «литературных друзей» Ф. Сологуба, И. Северянина, В. Муйжеля и Д. Цензора. Странно, что он не упомянул в их числе Богомолу, поскольку именно Богомолу редактировал стихи В. Баяна и много помогал в устройстве его литературных дел.²² Очевидно, для раздувания собственной славы он включал в число «литературных

¹⁷ Северянин И. Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 169.

¹⁸ Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005. С. 77.

¹⁹ Богомолу В. Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. 28 июля. № 702. С. 2. Подробный анализ данной статьи см.: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 173–175.

²⁰ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (5 августа 1912 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 23–24.

²¹ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (8 августа 1912 года) // Там же. Л. 25–26. Имеется в виду журнал «Весь мир» (Санкт-Петербург).

²² См. письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу (весна? 1914 года) // Там же. Л. 39. См. также: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 174–175.

друзей» только известные имена. Богомолов же литературной славы не имел, и Баян, очевидно, счел его недостойным упоминания.

Впоследствии роль рано умершего Богомолова как-то стерлась в памяти Баяна, и в своих поздних мемуарах он почти не упоминал о нем. Он предпочитал иметь более именитых друзей, среди которых доминирующее положение занял И. Северянин.²³

Привести Федора Сологуба в дом В. Баяна Северянин мог только во время пребывания в Симферополе в рамках совместного с Ф. Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской турне, т. е. в конце марта 1913 года. Именно после этого события и возникла переписка Баяна с Сологубом и Чеботаревской, в которой отразились все основные события предреволюционной биографии молодого литератора. Письма Баяна к потенциальным покровителям, по-видимому, полностью отложились в архиве Сологуба в Пушкинском Доме; они дают возможность составить представление о личности провинциального литератора-любителя, пытающегося обрести свое место в кругу столичной литературной элиты с помощью лести, доходящей до прямого заискивания, использования маски восторженного «вечного странника» с «чистой, безгрешной душой», принципиально отличающегося от «московских искателей-уродов, называющих себя мыслителями».

Если Богомолов и И. Северянин, поддерживая отношения с В. Баяном, рассчитывали вовлечь его в свою орбиту, используя его стремление к славе и большие, чем у них, финансовые возможности, то Сологуб, напротив, не был особенно заинтересован в дружбе с Баяном, хотя из вежливости поддерживал с ним переписку и посылал свои новые книги. Баян же в свою очередь определенно надеялся, что слава Сологуба сможет помочь и его литературной карьере. В частности, он рассчитывал, что Сологуб напишет предисловие к сборнику его стихов, первоначально носившему название «Голубая девушка» или «Голубая симфония», который он начал готовить еще летом 1912 года.²⁴ При этом небольшую долю славы от знакомства с Сологубом Баян получил уже в июле 1913 года. Дело было в том, что во время пребывания Сологуба, Чеботаревской и Северянина в Симферополе Баяну удалось устроить их общий снимок, на котором также фигурировали он сам и Богомолов. Этот снимок симферопольский фотограф не только преподнес его участникам, но и растиражировал для продажи в Крыму. Об этом снимке Богомолов писал Сологубу (12 апреля 1913 года): «Получилась с юга группа-фотография. Каким образом ее Вам переслать: почтой или лично завезти? Почта может изломать картон».²⁵ После появления в продаже этого снимка летом 1913 года возник всплеск популярности Баяна. Ему предложили сотрудничество в симферопольской газете «Южные ведомости», пригласили выступить на литературном вечере, а во время поездки в Евпаторию он оказался в центре внимания журналистов, о чем Баян сообщил в письме Богомолову 16 июня 1913 года.²⁶ Упомянутая в данном письме статья «У поэта Вадима Баяна» оказалась небольшим интервью с ним, помещенным в местной газете, где он, в частности, обещал напечатать «обзор сочинений его друзей — Федора Сологуба, Игоря Северянина и Анаст. Чеботаревской».²⁷

Судя по интервью, Баян изъяснялся заученными фразами, не имел никаких собственных мыслей и не мог сказать журналистам ничего оригинального, чтобы заинтересовать их. При этом он все-таки напечатал в «Евпаторийских новостях» три стихотворения, но никакого обзора сочинений своих «друзей» Сологуба и Северянина делать не стал, ограничившись только откликом на подготовленную Чеботаревской с предисловием Сологуба книгу «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века»

²³ Позднейшие свидетельства В. Баяна см.: Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому. С. 377.

²⁴ Богомолов Б. Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. 28 июля. № 702. С. 2. См. также: Летопись литературы // На берегах Невы. 1913. № 2. С. 8; № 6. С. 6; Письмо В. Баяна С. А. Венгеру (30 января 1914 года) // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332.

²⁵ Письмо Б. Д. Богомолова Ф. Сологубу (12 апреля 1913 года) // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 76.

²⁶ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (16 июня 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5; текст см.: Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии. С. 177.

²⁷ Глик Д. У поэта Вадима Баяна // Евпаторийские новости. 1913. 14 июля. № 579. С. 3.

([М.]: Московское кн-во, [1913]).²⁸ В общем же неожиданный всплеск популярности после появления в продаже только одной фотографии вместе с Сологубом и Северяниным должен был убедить его в эффективности рекламы для кратчайшего пути к славе. Однако Сологуб и Чеботаревская относились к Баяну с иронией и в своем кругу посмеивались над ним.²⁹ Тем не менее в сентябре 1913 года В. Баян обратился к Сологубу с просьбой написать несколько строк в качестве предисловия к сборнику, получившему окончательное название «Лирический поток». Однако Сологуб, уже, по-видимому, раскусивший Баяна, категорически отказался от этого предложения. В итоге книга вышла с предисловиями И. И. Ясинского и И. Северянина. Однако Баян все же использовал имена Сологуба и Чеботаревской для рекламы своей книги, поместив в нее поэтические экспромты, которые ранее Сологуб и Чеботаревская вписали ему в альбом во время встречи в Симферополе (март 1913 года).³⁰ Столь беззастенчивое использование В. Баяном чужих имен в саморекламных целях не осталось незамеченным критиками.³¹ Сологуб и Чеботаревская вполне закономерно были недовольны тем, что их стихи, вписанные ими в альбом Баяну, тот поместил в качестве заставки к своему сборнику, о чем они, очевидно, прямо сообщили ему. В дальнейшем В. Баян в письмах к Чеботаревской и Сологубу демонстрировал все признаки уважения и дружелюбия, однако обиду на них он все-таки затаил, что проявилось при подготовке совместно с Богомоловым рекламного издания «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» (СПб., 1913). Подготовка этого издания осуществлялась Богомоловым, а за собой Баян оставил общее руководство и финансирование,³² делая акцент именно на рекламе: «Что надо помнить: журнал „Критик“ разослать во все издания столиц, провинции, заграницы, в „Times“, „Temps“, „Figaro“, „Tanin“, „Berliner Tagblatt“ и другие, все они, эти изд<ания> и другие, будут перепечатывать. Помните, что мы издаем его не для торговли, а для рекламы. Штук 50 не больше дайте в киоски Пташникова, чтобы мы красовались за стеклом. Больше не давайте, иначе рассылать нечего будет. <...> „Критик“ посылайте в каждую захолустную редакцию в провинции. Она от радости будет кричать (в благодарность за внимание), а нам лишний голос нужен, потом дадим печатный отчет о том, где о нас писали, и также разошлем по всем редак<циям>».³³

Выход из печати четырехстраничного буклета «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» с фотографией, сделанной в Симферополе, на которой были изображены Ан. Н. Чеботаревская, Ф. Сологуб, И. Северянин, В. Баян и Б. Д. Богомолов, а также со статьями, превозносившими творчество Баяна и Богомолова, по-видимому, рассердил Сологуба тем, что Баян цинично использовал свое знакомство с ним для саморекламы. Кроме того, Сологуб был неприятно удивлен объявлением, помещенным на последней странице буклета, в котором анонсировался поэтический вечер в Симферополе при участии Северянина, Баяна и других. Незадолго до этого Северянин довольно грубо отказался от второго поэтического турне с Сологубом и фактически прекратил с ним отношения. В целом, у Сологуба могло создаться впечатление, что его использовали и отбросили за ненадобностью. Утешением ему могла стать только резко негативная реакция на этот буклет одного из критиков: «В Петербурге появилась брошюра, какой еще не было на Руси.

²⁸ Баян В. Соцветие любви // Там же. 16 июля. № 580. С. 2.

²⁹ См.: Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (19 июля 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 176.

³⁰ Текст стихотворения Сологуба («На дальнем севере я не забуду...», 27 марта 1913 года) см.: *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 1914. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. С. 416 (сер. «Литературные памятники»).

³¹ *Кречетов С.* Среди книг // Утро России. 1914. 22 февр. № 44. С. 2; *Белый Волк.* На Парнасе неладно // Голос Москвы. 1914. 27 апр. № 97. С. 3.

³² Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (17 ноября 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 12–13; См. также: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 182.

³³ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (октябрь 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 46.

На обложке группа, — сидят Сологуб, Ан. Чеботаревская, Игорь Северянин и два молодых человека: Вадим Баян и Борис Богомолов. Наверху жирно напечатано: „Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии“.

Открывайте и читайте, то бишь: стой, читай и удивляйся!!

— Имена титанов русской поэзии К. Бальмонта, В. Брюсова, К. Фофанова, М. Лохвицкой, И. Северянина, Петра Муринского (?!), Вадима Баяна и оригинальнейшего детского поэта Бориса Богомолова говорят о победоносном шествии творческого гения каждого из них по особому своему пути...

...Лирионетты и баркароллы Вадима Баяна издало лучшее не только в России, но и Европе, книгоиздательское товарищество М. О. Вольф в СПб...

...В изящных благоухающих лирионеттах и баркароллах поэта Вадима Баяна, певица женщин и девушек, поэта, в безумно-капризные их экзальтированные души насыпана томная, девственная нега и страстность, отмеченные (!) лучшей европейской критикой, увенчавшей поэта Вадима Баяна лаврами первенства за психологию женщин...

...В постоянных скитаньях по свету, подобно Бальмонту, богатейший из наших поэтов по таланту, Вадим Баян своей экзотической страстью пережег столько женских сердец, сколько вряд ли пережигал Мопассан...

...Завоевал мировую славу В. Баян... Величайший из молодых мировых поэтов Вадим Баян... <...>

„Критик“ тщательно скрывается от взоров пишущей братии, а раздается публике, непричастной к писанью, — и барышням.

Так создается слава!

На Парнасе не ладно. „Грядущий“ хам пришел и нагло развалился на Парнасе.

Все его устремления, мечты и грезы — как ни на есть прославиться... Стишонков и прозы не печатают, критика (американская и даже сызранская!) молчит, — а слава ползет, ползет... <...>

Господа, кто из вас читал хоть одну строчку Бориса Богомолова и Вадима Баяна?! Где они пишут, где пишут о них — в серьезной прессе?.. Откуда они?.. Кто?..»³⁴

Вопреки ожиданиям В. Баяна, рецензий на выход «Критика» было немного,³⁵ и все они были разгромные. Собственно, В. Баяну нужна была именно такая ругань, чтобы иметь повод для публичной полемики. Собрав все негативные отзывы о себе, появившиеся в печати после выхода «Лирического потока» и «Пантеона мировой изящной литературы», он разразился по поводу их авторов негодующим письмом, которое опубликовал в виде листовки и, очевидно, разослал по редакциям газет и журналов. Несомненно, это была тоже рекламная акция, поскольку в этом «литературном циркуляре» Баян причислил себя к аристократам духа, а всех своих критиков (С. Городецкого, В. Пяста, С. Кречетова и др.) представил «хитроумными неудачниками», которые якобы эксплуатируют его имя и нагло «греются у его костра».³⁶ Фактически он приписал своим критикам собственную саморекламную стратегию. Что касается Сологуба, то его отношения с Баяном были прерваны в мае 1914 года после того, как Сологуб отказался напечатать его произведение в журнале «Дневники писателей». Тогда же прервались отношения Баяна и с Богомоловым и Северяниным. В последнем письме Богомолову Баян писал: «Мне кажется, что Вы на меня сердитесь, но Бог с Вами, я не виноват ни в чем. Северянин тоже сердится за то, что я не посылаю ему денег. Бог с Вами совсем, любите Вы меня, как видно, за деньги, а как только скажи „нет“, так все и отстанут и дружбы той чистой, светлой, идеальной как не бывало... Бог с Вами».³⁷

³⁴ *Белый Волк*. На Парнасе неладно. С. 3.

³⁵ См. также: *Алибер*. «Пантеон» // Южная речь (Мелитополь). 1914. 5 янв. № 222. С. 2.

³⁶ *Баян В.* Литературный циркуляр. Симферополь, 1914.

³⁷ Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову (конец апреля — май 1914 года) // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 29–30.

Письма В. Баяна печатаются по автографам, хранящимся в личном фонде Федора Сологуба в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622 — письма к Ф. Сологубу; Оп. 5. Ед. хр. 242 — письма к Ан. Н. Чеботаревской). Письма расположены в хронологической последовательности. Фрагменты писем представлены в составе статьи: *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 176, 178, 181, 185, 190.

1

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Симферополь 14/V 1913

Многоуважаемая
Анастасия Николаевна!

Все время ношу в душе Ваши светлые образы и собираюсь написать Вам, но какие-то необъяснимые причины мешали моему желанию, и я, к сожалению, промедлил до сегодня. Ваше письмо очень меня порадовало в нашем скромном Симферополе. Такою нежностью веет каждое слово, что невольно верится в существование хороших людей, и душа, окрыленная новыми силами, стремится полет в заоблачные выси, в царство грез, где в солнечных цветах разметалась дремлющая, белогрудая царевна-Красота.¹ От души радуюсь, что Вы совершили свое турне благополучно и успешно.² До сих пор читаем отклики о Ваших выступлениях.³ У нас и поныне не перестают говорить о Вас помимо того, что в печати в течение трех недель после Вашего отъезда не смолкал шум.⁴ Победителем, конечно, вышел Шипулинский⁵ под псевдонимом «С. Нагель», написавший в «Кр<ымском> Вестнике» великолепную заключительную статью,⁶ которую я, как и все другие, — переслал Игорю Васильевичу.⁷ Очень жалею, что в Петербурге не мог дожидаться Вашего приезда, но оставаться там было положительно невозможно вследствие большой сырости и слишком «дружеских» отношений приятелей, беспощадно таскавших меня в ночные прогулки по ресторанам, редакциям и другим увеселительным местам. Измучившись без сна и отдыха, я 7-го апр<еля> с курьерским укатил домой, где очутился ровно через 36 ч<асов>.

После Вашего отъезда написал несколько стихотворений. Лирионэту «В музыке волн», которая в сборнике будет посвящена Вам,⁸ вместе с новым взял у меня Шебуев⁹ для «Солнца Р<оссии>»,¹⁰ а второе, которое Вы читали, я переделал, назвав его «Пробегом метеора», после чего оно получило более яркий облик и вместе с другими было выпрошено Виктором Муйжелем¹¹ для каких-то журналов и сборников.¹² Вот оно в последн<ей> ред<акции>:

Пробег метеора

Я пронесусь над темным миром гордо,
Как в час ночной далекий метеор, —
Не загремят в душе моей аккорды
В ответ на твой неотразимый взор.

Не прозвучит моя лирионэтта,
Хоть истерзай меня и прокляни, —
Я разметал в кровавых бурях света
Своей души мятежные огни.

На всех путях в экзальте упоений
Неслись ко мне горящие сердца —

И на костре безумных наслаждений
Сгорел веночек безумного певца.

Я не хочу ни верить, ни молиться, —
Венчает смерть мой одинокий путь —
И жажду лишь на грудь твою склониться
И в голубых мечтаньях утонуть.

Помимо того, что своими эксцентричными стихами я хочу изобразить муки человеческого духа, путающегося в сетях болезненной любви, и формы, в которых проявляется любовь нашего времени, я бросаю укор судьбе писателя и взываю, как некогда Федор Кузьмич (великий Ф. Сологуб) — «Отец мой, Дьявол, спаси меня, ведь я тону!»¹³ и верю, что только Дьявол, только превратный путь, оглушенный исступленным воплем, может спасти погибающего пророка. Путь же прямой слишком занят и недоступен. Вот одно из моих новых стихотворений:

Тропические стансы

Люблю дремать, когда цыганка
Мне напевает триолет,
Когда хмельная мавританка
Вплетает в кудри амулет.

Люблю гореть огнем мадеры,
Когда, монистами звеня,
Черноволосые гетеры
В объятьях мучают меня.

Безумным зноем раскаленный,
Я пламенею и томлюсь
И, в дикой страсти исступленный,
Грозой проклятия молюсь.

Как видите, я снова склоняюсь перед женщиною на колени, умоляя простить брошенный гнев в первом стихотворении и снова целую ее ласкающие и всепокоряющие руки. Жизнь — пустыня раскаленная, а любовь — оазис, где путник отдыхает, — так сказано в одном из моих немногочисленных афоризмов. Только женщина, несущая и зажигающая любовь, и есть украшение на празднике, и без нее так было бы скучно на земле и жутко было бы смотреть на кошмарно бешеный бег человечества, несущегося в электрическом огневороте к загадочному СТАРТУ. А теперь так отрадно! Есть на свете НЯНЯ, которая убаюкивает и осыпает ласками сожженную зноем жизни душу вечно странника.

Извините, Анастасия Николаевна, что утомляю Вас длинным письмом. Кончаю.

Шлю Вам теплейший привет, как лучший показатель глубокого к Вам уважения, и низкий поклон дорогому Федору Кузьмичу, образ которого сияет в моей душе как солнце.

Душевно преданный В. Сидоров.

Наши также приветствуют Вас.

¹ Ср. стихотворное посвящение Б. Д. Богомолова В. Баяну: «В его душе, как роза, чудной, / Золотокрылой, как мечта, / Пила напиток изумрудный / Царевна страсти — Красота!» (Баян В. Лирический поток. Лирионеты и баркаролы. СПб., 1914. С. V).

² Речь идет о поэтическом турне Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и И. Северянина (4 марта — 12 апреля 1913 года), получившем широкий резонанс в периодике, см., например: В. Т. [Тер-

Оганезов В.]. Федор Сологуб о своей поездке // День. 1913. 28 апр. № 112. С. 6; подробнее о турне см.: *Северянин И.* Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 704–710.

³ Выступление Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и И. Северянина в Симферополе (Городской клуб) состоялось 26 марта 1913 года ([Б. п.]. Лекция Федора Сологуба // Южные ведомости. 1913. 23 марта. № 68. С. 3). Сологуб читал лекцию «Искусство наших дней» по следующей программе: «1) Современное искусство существенно отличается как от тенденциозного искусства предыдущего периода, так и от самодовлеющего эстетизма „искусства для искусства“; 2) Неразрывная связь эстетических и этических основ нового искусства. Мораль и правда в искусстве (правдивость и моральность символического искусства, как искусства не тенденциозного); 3) Основные черты нового искусства. Символизм, как основа всякого большого искусства. Устремление к трагическому. Демократическая тенденция нового искусства. Индивидуализм; 4) Искусство, как выразитель миропонимания. Ирония и лирика. Неистовство быта и преображение его. Альдонса и Дульцинея, Айседора Дункан; 5) Искусство, как возбуждающая к действию сила (стремление к Новому). Дстойное господство в новом. Новая красота, творимая по воле нашей. Отклонение от канонов, забвение заученных формул. Жизнь и смерть. Освящение влияния смерти. Врата смерти; 6) Переполнение искусства творческими силами влечет за собой творчество жизни. Суверенное Я; 7) Новое искусство стремится перешагнуть за пределы чистого искусства и преобразовать жизнь усилием творческой воли. Религиозные отношения искусства. Купол над жизнью; 8) Новое искусство утверждает жизнь как творческий процесс» ([Б. п.]. Лекция Сологуба // Там же. 24 марта. № 69. С. 4).

⁴ Отчеты о вечере см.: А. Д. [Дерман А. Б.]. На лекции Сологуба // Южные ведомости. 1913. 28 марта. № 71. С. 3; *Каска*. Неблаговидная проделка // Южное слово. 1913. 28 марта. № 183. С. 2; 31 марта. № 186. С. 2; [Б. п.]. Искусство наших дней (Лекция Федора Сологуба) // Крымский вестник. 1913. 31 марта. № 83. С. 4–5; *Нагель С.* [Шипулинский Ф. П.]. Мороженое из сирени // Там же. 2 апр. № 85. С. 2; *Каска*. «Вирелэ» // Южное слово. 1913. 4 апр. № 189. С. 2; А. Д. [Дерман А. Б.]. Мороженое из вранья // Южные ведомости. 1913. 9 апр. № 81. С. 3.

⁵ Шипулинский Феофан Платонович (1876–1942) — журналист, редактор крымских газет; после революции — актер, историк кино.

⁶ См.: *Нагель С.* [Шипулинский Ф. П.]. Мороженое из сирени.

⁷ Имеется в виду Игорь Северянин.

⁸ Стихотворение, посвященное Ан. Н. Чеботаревской, носило название «В музыке морей» (*Баян В.* Лирический поток. СПб., 1914. С. 31).

⁹ Шебуев Николай Георгиевич (1874–1937) — журналист, публицист, редактор-издатель некоторых журналов.

¹⁰ В журнале «Солнце России» были напечатаны следующие стихотворения В. Баяна (под псевдонимом «В. Б.»): «Гимназистки (Из альбома студента)» (1913. Сентябрь. № 40. С. 14–15) и «В сказке» (1913. Октябрь. № 42. С. 10).

¹¹ Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924) — прозаик.

¹² В книге «Ветви. Литературный сборник» (Пг., 1913) были опубликованы стихотворения В. Баяна: «В сирени», «Княжна вечерняя», «Спящей красавице» и «Грустящей девушке».

¹³ Неточная цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (1902).

2

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь 25/V 1913

Дорогой

Федор Кузьмич!

Сейчас получил Вашу книгу¹ и с сияющим лицом прочел на ней теплую трогательную надпись. Кроме чистого и признательного «спасибо», сердце, немеющее от восторга и умиления, ничего сказать не может, ибо оно сейчас, как дитя, убаюкано чем-то нежным и безмолвствует. Все время со дня Вашего отъезда у нас светло и радостно, чувствуется, что пробежало что-то светлое, величавое, осветившее наш духовный мир. Ваше общее посещение напомнило мне, как много в человеке красоты и силы и как преображает жизнь человека общение с новыми людьми. Был я в Петербурге

и по возвращении застал в Симферополе в полном разгаре шум и газетную полемику о Вас и Вашем общем посещении Симферополя. Много собрал газет, которым было приятно погреться у Вашего костра, и послал Игорю Васильевичу. Третьего дня получил от Анастасии Николаевны книгу «Любовь в письмах выдающихся людей», которая напоминает мне собой цветущую аллею поросшего сада, где душа, обвеянная хмелем любви и грустью о прошлом, погружается в некую дрему. Все любили, все горели и отражали это красивое горение в письмах. Каждое письмо захватывает в свой солнечный лабиринт и приобщает к своему миру, к своим переживаниям; каждое письмо затрагивает новую струну в сердце, и в тихом перезвоне струн слышится красивая вековая элегия человеческой души, исколотой остроу чувственностью и сочащейся томною и радостной любовью. Помимо книги Анастасия Николаевна прислала мне письмо, в котором пишет — между прочим — о возникновении у Вас планов организовать литературное кабаре² и издавать журнал «Дневник писателя».³ Все это так интересно и особенно утешительно, что помимо таланта у Вас есть энергия делать жизнь и насаждать Красоту. От души желаю Вам сил и желаемого успеха.

О себе могу сказать, что пописываю понемногу стишки и лечусь от неврастения; после Вашего отъезда написал несколько стихотворений. Не могу не показать Вам одно из них — последнее, на днях написанное, ибо в нем говорится о самых чистых — юных женщинах.

Гимназистки.

Не обольстительниц-арфисток,
Не белогрудых амуресс, —
Люблю я нежных гимназисток,
Моих мечтательных принцесс.

Лилейных пальчиков касанье,
Смолисто-шелковая бровь
И юной груди изваянье
Заполонили сердце вновь.

Еще их розы не измяты,
В них веют солнечные сны,
Оне божественно крылаты,
Как провозвестницы весны.

Оне, как розовые зори,
Соцветьем новой красоты
Зажгли в моем потухшем взоре
Любовь и песни и мечты.

Хочется побольше написать к выпуску сборника моих стихов.⁴ В этом году *bataille des fleurs*,⁵ хочется бросить и свой букет в толпу, чтобы вызвать хоть одну улыбку мечтательной девушки. Все мои стихи перед выпуском непременно покажу Вам, чтобы узнать Ваше мудрое мнение о них и выпустить без дефекта.

20-го июня уеду в Евпаторию погреться на песке у моря; там чудный пляж и целебный песок — радиактивный. Шепот моря, вишневые зори южного заката и чары черноморских сирен — надеюсь — не пройдут в моей душе без отражения.

Шлю Вам сердечный привет и благодарность за память и любовь.

Душевно к Вам устремленный В. Сидоров

¹ О каком издании идет речь, установить не удалось.

² Планы создания «литературного кабаре» остались неосуществленными; подробнее см.: Галанина Ю. Е. Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // Русская литература. 2004. № 1. С. 225–234.

³ Журнал «Дневники писателей» стал выходить в 1914 году. Подробнее см.: Соболев А. Л. К истории журнала «Дневники писателей» (1914) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 555–614.

⁴ Сборник стихов В. Баяна «Лирический поток. Лирионетты и баркароллы» (январь 1914 года) вышел в издании товарищества М. О. Вольф.

⁵ Bataille des fleurs — «бой цветов» — карнавальное развлечение, во время которого бросают друг в друга букетами цветов.

3

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь 12/VI 1913

Дорогой

Федор Кузьмич!

Вернувшись из маленького, делового путешествия по Крыму, я получил Ваше письмо и том стихов,¹ которые меня очень обрадовали, и, тронутый Вашей внимательностью и памятью обо мне, приношу Вам сердечную благодарность. Вы, как философ, искатель и вершитель жизни, знаете — как скучно скитаться по мрачным дебрям жизни в поисках желанного выхода и как приятно бывает видеть вспышки мироносных зарниц. Эти мгновенные вспышки ободряют, зовут, и душа, окрыленная лучезариями надежд, непреклонно стремится вперед, туда, где брезжат проблески улыбчивой зари; ей снится торная дорога, ведущая земного пилигрима в желанный, светлый край, в страну заманчивых сияний, где царствует Мечта.

Последнее время вообще живу толчками, как морфинист. Вот недавно видел Вашу драму «Заложники жизни»,² которая была великолепно поставлена в летнем театре группой артистов Александринского и др.<угих> спб. театров под режиссерством Всеволодского³ при большом наплыве публики. Наша тупоголовая газета «Южн<ые> Вед<омости>», составленная из захудалых грызунков и трущобных шнырей и вечно жаждущая чем-нибудь обратить на себя внимание, напечатала аршинную статью об этой драме,⁴ переплетенную неуместными замечаниями педантичного рецензентшишки. Несмотря на то, что на днях вторично меня пригласил редактор принять участие в газете, я готов печатно бичевать эту несправедливость. Газету высылаю, а потому не буду пересказывать статьи, скажу, что видеть эту драму с дивным образом Лилит⁵ — большое удовольствие. Такие творения манят в жизнь и распалют жажду исканий красоты и сказочной Лилит. Ищу и я. Бегу!.. И в каждой женщине мне видится Лилит, но, ах, недолго это счастье! — лишь только прикоснешься — мгновенно сказка исчезает и остается грубая, опошленная Катя.⁶ Где она? Где? — зываешь и снова бежишь, превращая свою жизнь в порханье мотылька с цветочка на цветок за свежей утренней росой.

Мы и наши многочисленные знакомые часто вспоминаем о Вас, и на устах симферопольцев до сих пор звенит экспромт Богомолова:

Грозно поезд величавый
Загремел железом труб
И, блеснув горячей славой,
Крым покинул Сологуб. (так)

Фотограф продолжает наживаться, беспощадно продавая на паспарту и на открытках наши снимки. На днях будем слушать лекции свящ<енника> Г. Петрова⁷

на темы о литературе.⁸ В недавнем будущем К. Арабажин⁹ читает в Феодосии лекцию о Вас и об Андрееве.¹⁰ В мае гостил у меня Богомоллов с женой. Хороший парень. Люблю его за то, что помимо огнедышащей силы сердца в нем царствует глубокий идеалист и вместе с тем аристократ духа. Чистота дружбы и бескорыстие тоже подкупают, свидетельствуя присутствие великой души. Как мальчик, он беспартиен и вместе с тем разнообразен в своем творчестве. В одном из своих стихотворений, за которое был привлечен властями, он гневно провозглашает:

Я — поэт-анархист... Нет царей надо мной!
Я природой свободным воспитан.
Ненавижу рабов я мятежной душой —
К ним презрением и злобой пропитан!

Я разрушил их капище — сумрачный Храм,
Где жрецы литургию свершали,
Погашу в нем дыханьем своим фимиам,
Разобью о камня скрижали,

На которых начертан пророков закон...
Растопчу их осколки ногами!

.....
.....

Пусть безумцем сочтен я, разрушивший Храм!
Пусть весь мир надо мною глумится! —
Захочу — я мгновенно обитель создам,
Где рабы станут снова молиться!

Влюбленный в детскую душу, он неразлучен с букашками. Во имя красоты поет гимн отчизне за державную победу над врагами. Тут же звенит в разливе блеска:

Вожгись, душа моя далекая,
Взгляни, как мир мечты красив! —
Он весь — поэма солнцестрокая,
Он весь — лирический мотив!

Простите, дорогой Федор Кузьмич, что я Вас утомляю, но не хочется замалчивать о большом таланте — грешно. На днях получил приглашение от женского клуба¹¹ принять участие в вечере в пользу недостаточных учениц Казенной гимназии. Польщен и постараюсь воспользоваться, если он состоится.¹² После 20-го уеду в Евпаторию, от туда напишу свои впечатления, хотя вкратце. Третьего дня выслал Вам по почте в гостинец <нрзб.> фрукты, не знаю — удачны ли.

Адрес Феофана Платоновича Шипулинского — Симферополь, Петропавловская ул., д. 20, кв. 2, да он получает, как и я, без указания даже улицы и дома — город маленький, и все знают.

Все шлем сердечный привет Вам и глубокоуважаемой Анастасии Николаевне.

Душевно преданный В. Сидоров.

13/VI 1913

¹ По-видимому, речь идет о книге: *Сологуб Ф.* Собрание сочинений. Т. XIII. Жемчужные светила. Стихи. СПб., 1913 (зарегистрирована в «Книжной летописи» — 1913. 15 июня. № 23. С. 36).

² Драма Ф. Сологуба «Заложники жизни» была представлена в Симферополе 4 июня 1913 года в Летнем театре Городского сада.

³ Всеволодский (Гернгресс) Всеволод Николаевич (1882–1962) — артист, театровед. Театральная группа под управлением В. Н. Всеволодского гастролировала в Симферополе 2–29 июня 1913 года и показала 16 спектаклей, в том числе «Дядя Ваня» (А. П. Чехов), «Мисс

Гоббс» (Дж. К. Джером), «Что иногда нужно женщине» (О. Уайльд), «Вишневый сад» (А. П. Чехов) и др.

⁴ Речь идет о театральной рецензии: А. Е. Городской сад. «Заложники жизни» — Сологуба // Южные ведомости. 1913. 7 июня. № 127. С. 3.

⁵ Главная героиня пьесы Ф. Сологуба «Заложники жизни».

⁶ Героиня пьесы «Заложники жизни».

⁷ Петров Григорий Спиридонович (1866–1925) — религиозный публицист, проповедник, лектор.

⁸ Г. С. Петров читал в Симферополе три лекции (Театр Таврического дворянства): «Литература и жизнь» (18 июня 1913 года), «Ценность жизни» (19 июня 1913 года) и «Идейная пустота современных литературных течений» (20 июня 1913 года). См. отклики на эти лекции: *Бель*. Лекция Г. С. Петрова // Крымская почта. 1913. 20 июня. № 72. С. 4; *Б-р Н.* [Бухбиндер Н.]. Лекция Г. С. Петрова «Ценность жизни» // Там же. 21 июня. № 73. С. 4; *А. Л.* 1) Литература и жизнь (Лекция Г. С. Петрова) // Южные ведомости. 1913. 20 июня. № 138. С. 3; 2) Лекция Г. С. Петрова // Там же. 22 июня. № 140. С. 3; [Б. п.]. Г. С. Петров // Там же. По окончании лекций он продолжил свое лекционное турне в Феодосии.

⁹ Арабажин Константин Иванович (1866–1929) — литературный и театральный критик, историк литературы.

¹⁰ Арабажин прочитал в Феодосии несколько лекций (зал Общества приказчиков): «Л. Н. Толстой как художник и социальный проповедник» (7 июня 1913 года), о произведениях Чехова (8 июня 1913 года), о творчестве Сологуба (9 июня 1913 года). Анонсы об этих лекциях были помещены в симферопольской прессе: [Б. п.]. Феодосия // Южные ведомости. 1913. 7 июня. № 127. С. 3; [Б. п.]. Феодосия // Там же. 8 июня. № 128. С. 3. Лекция о творчестве Л. Н. Андреева анонсировалась в прессе, но, судя по другим анонсам, была заменена лекцией, посвященной браку и женскому вопросу.

¹¹ В симферопольском женском клубе по вторникам устраивались лекции и концерты. См. заметки в газете «Южные ведомости» за 1913 год: Вторник женского клуба (8 янв. № 5. С. 3); Телеграмма женскому клубу (30 янв. № 25. С. 2); В женском клубе (5 фев. № 29. С. 3); «Вторник» женского клуба (7 фев. № 31. С. 3); «Вторник» женского клуба (12 фев. № 35. С. 3); Женский клуб (19 фев. № 41. С. 2); Женский клуб (5 марта. № 52. С. 3); Женский клуб (12 марта. № 66. С. 3); Женский клуб (19 марта. № 64. С. 2); В женском клубе (21 марта. № 66. С. 3); Женский клуб (30 марта. № 73. С. 3); Вечер в память В. М. Гаршина (2 апр. № 75. С. 2); Вечер в память В. М. Гаршина (4 апр. № 77. С. 3); Обычные «вторники» женского клуба (14 апр. № 85. С. 3); «Вторник» женского клуба (18 апр. № 86. С. 3); «Вторник» женского клуба (30 апр. № 96. С. 3); Женский клуб (14 мая. № 108. С. 2); Доклад В. Г. Тана в женском клубе (16 мая. № 110. С. 3); Женский клуб (28 мая. № 119. С. 2), и заметку: Лекция г-жи Тираспольской // Южное слово. 1913. 6 фев. № 143. С. 3.

¹² Сведений об этом вечере не обнаружено.

4

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Если у Вас будет несколько минут свободного времени, пожалуйста, прочтите хоть несколько моих стихотворений.¹ Мне очень хочется знать Ваше мнение о моих стихах.

С глубоким уважением В. Сидоров.

СПб. 28/IX 1913 Чернышев пер. Мариинск<ая> гост<иница>. Тел. 14-68

¹ Речь идет о стихотворениях, включенных В. Баяном в готовившийся к изданию сборник его стихов «Лирический поток». По-видимому, он рассчитывал получить письменный отзыв Ф. Сологуба и поместить его в качестве предисловия в своей книге.

5

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

К сожалению, быть у Вас не могу, — болезнь.

Очень прошу извинить и принять уверение в совершенном к Вам почтении.

В. Сидоров

СПб. 29/IX 1913

6

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Простите меня великодушно за то, что не мог быть у Вас вчера на обеде, сильно болел, а сердцем рвался к Вам. Умоляю Вас уделить мне 3 минуты, чтобы написать о моем творчестве хоть несколько слов, которые, каковы бы они ни были, безгранично меня обрадуют и разобьют препятствия к выходу моей книги под фирмой издательства <Т-ва Вольф>. *Иначе выхода нет.* Умоляю и жду; напишите хоть несколько слов, если Вы и теперь не отрицаете моего дарования. По получении мною Вашего письменного утверждения книга поступит в набор, **ИНАЧЕ ВСЕ РУХНЕТ.**

Храню лучезарную надежду на Вас, дорогой Федор Кузьмич, и жду мучительно.

Безгранично любящий Вас и преданный В. Сидоров (Вадим Баян)

30 сентября 1913 г.

Чернышев пер. «Мариинская гостиница»

7

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Ни о книжке Юрия Северова,¹ ни о самом Юрии Северове (возможно, что псевдоним) я пока не имею ни малейшего представления и удивляюсь, почему Вы такие вещи относите ко мне, а не к кому-нибудь другому, ведь не у одного же меня имеется фотографическая группа с Вами и Федором Кузьмичом, ведь эти карточки дюжинами раздавались направо и налево полноправными членами этой группы, да, кроме того, продавались фотографом. Разве я могу отвечать за небрежное поведение разных лиц относительно Вашего имени? Может быть, какой-нибудь Северов и напечатал книжку с Вашими портретами, но причем же тут я? И разве это уже значит, что эта книжка будет раздаваться на нашем вечере в Симф<ерополе>,² да я никогда не допущу распространения литературы, шокирующей Ваше и Федора Кузьмича имя, если это будет зависеть от меня, тем более на нашем вечере, по устройству которого я состою ближайшим участником, не допущу, во-первых, *из деликатности*, а во-вторых, потому, что я глубоко уважаю и Вас, и Федора Кузьмича и свято охраняю Ваши имена от всего, что может Вас оскорбить. Отказ Федора Кузьмича от написания предисловия к моей книге меня только опечалил, но нисколько не обидел. Я отлично понимаю, что писать и говорить против убеждения нельзя и что непризнание друг друга отнюдь не

уничтожает отношения, — у Федора Кузьмича своя полоса творчества, а у меня своя, я самостоятелен и *независим* и поддельваться под чужой вкус *положительно не желаю*, у меня есть свое лицо. Я, конечно, молод, и, может быть, во мне литературная психика еще не развилась в достаточной степени, но я чувствую, что она быстро развивается и упрочивается в своей индивидуальности. Не разбираясь в моем творчестве, можно, конечно, подумать, что я ничтожество, невежда, бездарность, все потому, что из моей поэзии не кричит голос «упорного искателя» вроде А. Крученых³ да Василиска Гнедова,⁴ которые уважаемы за их «искания» и «зарождающуюся» философию при их глупейшем способе словесного выражения «религиозного экстаза» вроде «дыр бул щек беломотокийя».⁵ 5 лет тому назад, когда об этих господах Гнедовых еще никто не знал, я понимал, что наши переживания не укладываются в слова, и наблюдал, как самые обыкновенные идиоты выражали свои «невыразимые» желания прыганьем, кувырканьем, гримасами, всяким кривлянием и ревом, этот способ еще замысловатее, чем способ наших «уважаемых искателей», и вместо их способа я всегда любителям рекомендую способ моих идиотов, — способ примитивнейший, там яснее видно самоубийство человеческого «я», повторяю — самоубийство, а не самоосвобождение от смерти. Вот тут видна ошибка этих московских искателей-уродов, называющих себя мыслителями, а на самом деле являющихся пустым ничтожеством, не имеющим своего мировоззрения взрослого и менее психопатичного человека, чем *все* на свете. Задумывались ли они хоть раз над тем, что если красота *оживляющая* никому не нужна, то кому нужно проявление религиозного *экстаза*? Если же они утверждают, что религиозный экстаз проявляется не для окружающих, а для самих искателей, то зачем продолжать жизнь — *движение*, которое является красотой и пропастью, вечно требующей удовлетворения *проявлением религиозных экстазов*? голову в петлю, и проявил раз навсегда свой экстаз, если красота не нужна.⁶ Вот она где мысль, вот конец их заблуждению, но они тут, находясь в тумане, софистически свертывают на инстинкт, и последний их вывозит, обнаруживая при том *все бессмыслие таких долгих и сложных исканий*. Извините, Анастасия Николаевна, что я Вас утомляю длинной речью, но я не могу не высказать своего *справедливого* негодования по поводу московских искателей, заполонивших *ленивые* сердца наших отцов, не желающих *вдумчиво* разобраться в бессмысленном кручении этих горе-мыслителей. Я тоже мыслитель, изучал философию, но уже пережег в себе неясное и стремлюсь к одному — строить жизнь, т. е. движение, которое, если вдуматься глубоко, есть сплошная красота, и если я умею строить красоту, т. е. жизнь движением поэзии, то я и являюсь строителем жизни, и я, только я, (а не московские футуристы) имею право назвать импульсом жизни и *документом*, дающим право мне существовать — инстинкт. Вот потому то, что я имею свое лицо и не хочу гримироваться под какого-нибудь Брюсова для того, чтобы понравится тому или другому. Кроме всего сказанного, если бы мои стихи Федору Кузьмичу и понравились, то отказу в написании предисловия место есть уже потому, что писание предисловий утомляет и физически, и нравственно. Я все это *понял, учел* и не считаю себя вправе претендовать на помощь Федора Кузьмича. Напрасно Вы думаете, что из-за этого я решил прекратить с Вами отношения. Нет, хотя я кой-кому, может быть, и кажусь иногда наивным из-за своей некрасноречивости, но для того, чтобы строить отношения на личной выгоде, прошу верить, я слишком большой джентльмэн, и Ваше предположение меня бы сильно обидело, если бы я не был убежден в том, что в дальнейшем Вы уже не будете подозревать во мне склонности к утилизации знакомства с Вами и Федором Кузьмичом. В том, что я у Вас не был, я еще раз извиняюсь, но опять же повторяю — тому была причина, — у меня было упавшее настроение и лихорадка. На какой почве — не знаю, но был болен. Кроме того, узнал, что Вы очень заняты, Федор Кузьмич сказал мне по телефону, что у него нет свободного времени абсолютно ни одной секунды, но это меня не так удерживало, я мог бы его совершенно не беспокоить, ограничившись официальным (дабы не задержать) визитом Вам. Отношений с Вами не порываю и не желаю порывать, наоборот, всегда стараюсь их упрочить... да неужели Вы думаете, что мне неприятно иметь таких хороших знакомых, как Вы даже в том сл^{учае}, если Федор Кузьмич не написал мне предисл^{овие}? Нет,

у меня слишком большое мирозозерцание, и я в крупном не считаюсь с мелочами. Сегодня сделал запрос в Петерб<ург> по поводу Северова и его книжки.⁷ По получении ответа *немедленно* напишу Вам и, если получится книжка, пришлю. Во всяком случае будьте покойны, я деликатен и умею хранить хорошие отношения.

Прошу верить в мое глубокое к Вам
и Федору Кузьмичу уважение и преданность В. Сидоров

3/ХІІ 1913

¹ Юрий Северов — по свидетельству В. Баяна, под этим псевдонимом писала жена поэта Б. Д. Богомоллова — Мария Илларионовна (см. п. 8). Однако достоверность этого свидетельства представляется сомнительной. Вполне возможно, что под этим псевдонимом писал сам Б. Д. Богомоллов, тогда как версия, изложенная В. Баяном, была придумана с целью не обострять отношения Богомоллова с Сологубом и Чеботаревской. Речь идет о четырехстраничной брошюре «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии» (ноябрь 1913 года). См. о ней вступительную статью.

² Речь идет о предстоящем выступлении в Симферополе поэтов-футуристов, анонс которого был помещен в издании «Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии». Этот вечер планировался на 30 декабря 1913 года с участием И. В. Игнатъева, И. Северянина, Б. Д. Богомоллова, В. Баяна и артистки Бабочкиной (Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. СПб., 1913. С. 4), однако не состоялся, а вместо него было устроено турне «Первая олимпиада футуризма» с другим составом участников. Так, в симферопольской прессе сообщалось: «И мы, симферопольцы, не лыком шиты: к нам жалует сам г. Маяковский. Глава московских футуристов примет участие в предполагающемся здесь вечере... футуристов. Помимо г. Маяковского, в вечере „Первая Олимпиада футуризма“ примут участие: гг. Баян, директор петербургского журнала „Глашатай“ г. Игнатъев, Богомоллов и др.» (Крымская почта. 1913. 11 дек. № 214. С. 4).

³ Крученых Алексей Елисеевич (1886–1968) — поэт, член группы «Гилея», основатель заумной поэзии.

⁴ Гнедов Василиск (Василий Иванович) (1890–1978) — поэт, примыкал к группе эгофутуристов.

⁵ Цитата представляет собой контаминацию двух разных заумных строчек А. Е. Крученых.

⁶ Фраза вписана сверху.

⁷ Очевидно, В. Баян имеет в виду свое письмо Б. Д. Богомоллову.

8

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

21/ХІІ 1913

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Несколько дней тому назад получил ответ на запрос по поводу Юрия Северова, но Вам не сообщал об этом потому, что до сих пор ждал книжки названного автора. Юрий Северов — это псевдоним жены Богомоллова, придуманный ею специально для памфлетов, выпущенных в ноябре в количестве 200 экз<емпляров>, и потому я не мог сразу догадаться, чья это работа, несмотря на то, что я даже субсидировал это издание. В редакционную часть этого издания за незначительностью его (оно всего стоит 25 р.) я не был посвящен и потому ответственности за него не несу.¹ Издание это мне пока не могут выслать, потому что растратили все до одного экземпляры, но утвердительно обещали на днях достать и прислать или мне или прямо Вам. По описанию Богомоллова издание это представляет собой журнальчик в формате «Солнца Р<оссии>», в хорошей обложке которого заключается четыре странички текста с двумя памфлетами: 1) «Русская поэзия и ее титаны», 2) «Об учреждении кафедры детской литературы в европейских университетах и институтах» (Запрос Импер<аторской> академии наук). В первой статье хвалят Бальмонта, Брюсова и др., а особенно меня, а во второй указывают на необходимость учреждения кафедры детск<ой> литературы в названных местах. Все это Богомолловы сделали от избытка энергии и симпатии ко мне, а для

вящей солидности издания сами же решили поместить *маленькое* клише нашей группы. Отрицательно ни о ком не отзывались, и вообще, по словам Богомолова, журнал носит характер солидного издания под названием «Пантеон мировой литературы». Ничего неприятного для Вас и Федора Кузьмича там нет, да они и не позволили бы себе помыслить о том, чтобы сделать что-нибудь неприятное, и уже по одному тому, что у меня с Вами хорошие отношения. Вчера телеграфировал, чтобы скорее прислали потому, что мне и самому уже хочется прочесть, что они там написали. Но раздавать на нашем вечере, имеющем быть 7-го янв<аря> в Симф<ерополе>,² означенное изд<ание>, как утверждают, *никто* не предполагал, а потому слух, дошедший до Вас об этом, неверен. Во всяком случае я бы конфисковал все издание и заставил бы своих товарищей, идущих на такие вещи, держать себя с большим достоинством.

За душевную сухость совр<еменной> литературной молодежи, за алчность к живые и выгоде и вообще за отсутствие чисто человеческого дружелюбия и искренности мне и самому обидно потому, что из-за зверства других люди часто не доверяют моей чистой, безгрешной душе.

Все шлем Вам и Федору Кузьмичу привет и сердечно поздравляем с праздником Р<ождества> Х<ристов> и наступающим Новым Годом!

С глубоким уважением целую Вашу добрую руку В. Сидоров

¹ Баян сознательно дезинформирует Ан. Н. Чеботаревскую. Согласно его переписке с Богомоловым, он осуществлял общее руководство при подготовке этой брошюры и сам настаивал, чтобы в ней была помещена совместная фотография с Сологубом и Чеботаревской, отчетливо понимая ее рекламную функцию. В частности, он писал Богомолову: «Вслед за м<оей> книгой двигайте „Кр<итик>“ от своего имени, а я выкручусь перед Солог<убом>, и это будет хорошо» (Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолову [декабрь 1913 года] // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 35–36).

² О поэтическом вечере в Симферополе 30 декабря 1913 года см. прим. 2 к п. 7. Поскольку на фотографии, воспроизведенной в «Пантеоне изящной мировой литературы и вселенской поэзии», вместе с Сологубом были изображены Баян и Богомолов, то Чеботаревская опасалась, что данная брошюра будет распространяться на симферопольском выступлении.

9

В. Баян — Ан. Н. Чеботаревской

Многоуважаемая

Анастасия Николаевна!

Никогда не думал я обидеть Вас помещением Ваших стихов в книгу,¹ тем более что Вы сами разрешили мне это сделать. Что же касается триолета Федора Кузьмича, то он был помещен на основании меньшей претенциозности характера на рекомендацию, чем Ваше, *уже разрешенное* для помещения стихотв<орение>. При том сказано, что эти стихи взяты из альбома. Кроме всего, этого не думал, чтобы мои стихи навлекли на Вас брань критиков. При этом я всегда исключал кретинов вроде Городецкого,² который чахнет от тоски и желчи, наполняющей его завистливую душу. Он завидует Северянину, злится на Вольфа³ за то, что он только в прошлом году согласился издать его, а потому облаял. Попутно обрушился на детского футуриста Богомолова⁴ за то, что тот блестяще (как видим из анкеты Вольфа) побил рекорд детских поэтов, оставив за бортом и Чарскую,⁵ и Пожарову,⁶ и самого Городецкого. Вот причина зла, а я, по своему простодушию, не учел этого обстоятельства. Могу показать Вам бесчисленное множество вырезок с отзывами о моей книге⁷ и нигде, за исключением известной Вам статьи,⁸ не сказано ни о Вас, ни о Федоре Кузьмиче *ни слова*. Вот показатель безобидности моего, может быть, наивного поступка, а уж Городецкий нашел бы случай оскорбить Вас, потому, — у человека такие запросы, не может иначе, — если не полаять, так кошку задушить. Бог ему — злему человеку судья! Перед Вами же и Федором Кузьмичом очень извиняюсь и даю слово никогда и нигде не связывать Вашего и Федора

Кузьмича имени со своим, если это уж так Вас угнетает. Был бы очень огорчен, если бы не верил, что Вы вспомните, как в присутствии Северянина и Богомолова в Симферополе разрешили мне напечатать в книге Ваше стихотворение. В помещении в богомоловской брошюре Вашего портрета, повторяю, я ни капельки не виноват, обидеть Вас никогда не помышлял. Моя сторона — мир, ибо жизнь так коротка и омрачать ее неприятностями преступно.

Прощайте, Анастасия Николаевна!

Низкий поклон Федору Кузьмичу.

Целую Вашу руку. В. Сидоров.

Симферополь.
21/II 1914

¹ Поэтический сборник Баяна «Лирический поток» открывался посвященными Баяну стихами Чеботаревской, Сологуба и Богомолова.

² Поводом письма Чеботаревской к Баяну стала статья С. М. Городецкого «Январские сборники», где отмечалось о нем: «...смышленый автор сюда же присоединил стихотворение Анастасии Чеботаревской и „триолет“ Федора Сологуба, ему посвященные. Пышное начало! Но истинная ценность этой книги обнаруживается тут же: „Я сплету ожерелье из женщин / На свою упоенную грудь“. Конечно, дальше будут „бархатные постели“ и „лиловые пенюары“. Но это мы уже слышали от современных Епиходовых. Дальше будет хуже, а именно: „дюшес грудей“. Поистине разбушевалось море мещанства в наши дни! Не удивительно, что Игорь Северянин или Анастасия Чеботаревская поддерживают эту бурю по мере своего авторитета. Но Федор Сологуб, тонкий поэт и ядовитый критик?» (Речь. 1914. 3 (16) февр. № 33. С. 3).

³ Речь идет об издательстве «Товарищество М. О. Вольф», выпустившем книгу В. Баяна. Вольф Маврикий Осипович (1825–1883) — издатель, книготорговец, после его смерти издательство стало называться «Товарищество М. О. Вольф».

⁴ В рецензии С. М. Городецкого «Январские сборники» (см. прим. 2) содержится уничижительная критика книги Б. Д. Богомолова «Царевна Зоренька».

⁵ Чарская (Чурилова, урожд. Воронова) Лидия Алексеевна (1875–1937) — поэтесса, детская писательница.

⁶ Пожарова Мария Андреевна (1884–1959) — поэтесса.

⁷ На книгу Баяна «Лирический поток» выявлены следующие рецензии: Библиография // Голос Руси. 1914. 18 янв. № 18. С. 4; *Н. Ш.* Вадим Баян. Лирический поток // Московские ведомости. 1914. 28 янв. № 22. С. 5; *Ipse.* Два Вадима Баяна // Одесский листок. 1914. 31 янв. № 29. С. 1; *Кречетов С.* Среди книг // Утро России. 1914. 22 февр. № 44. С. 2; *Суханов В.* Напудренные поэты // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1914. № 2. Февраль. Стб. 51–53; *Пяст В.* Отзывы о книгах // Отклики. Литература. Искусство. Наука. 1914. № 6. С. 11–12 (бесплатное приложение к № 43 газеты «День»); *Евг. В<енский>.* Библиография // СПб-ский Биржевой день. 1914. 18 февр. № 70. С. 4; *Белый Волк.* На Парнасе неладно // Голос Москвы. 1914. 27 апр. № 97. С. 3; *Читатель.* Вадим Баян. «Лирический поток» // Очарованный странник. СПб., 1914. Вып. 3. С. 19; *А. О.* [Осипов А. И.]. Вадим Баян. Лирический поток // На досуге. 1914. № 1. Март. С. 24; *Д. Ц.* [Цензор Д.]. В. Баян. Лирический поток // Златоцвет. 1914. № 7. С. 18.

⁸ Речь идет о статье: *Городецкий С.* Январские сборники // Речь. 1914. 3 (16) февр. № 33. С. 3.

10

В. Баян — Ф. Сологубу

Симферополь
21/IV 1914

Дорогой

Федор Кузьмич!

Сердечное спасибо за память обо мне и присыл «Дневников Писателей». Я тронут до слез Вашей добротой ко мне и великодушным отношением. Меня сильно угнетала

мысль о потере того, что впервые осветило и окрылило мою маленькую, юную жизнь и возрастило ее своей близостью и теплотой. Если я обидел Вас напечатанием в своей книге Ваших стихов, то очень прошу простить мне это ради безоблачности земной жизни и величия всеобъемлющей человеческой души, тем более что я это сделал по неопытности да по совету Либровича.¹ Ласково приветствую Вас и солнечную Анастасию Николаевну и посылаю новые стихи.² Был бы рад, если бы они подошли к Вашему хорошему и приятному журналу и были в нем напечатаны. Теперь я стал более самостоятельным, независимым и современным, и если в «Сюите» с первого взгляда похож на Северянина, то только современностью и вольнодумством. Мой путь своеобразен и независим. Переживаю обычный период эротики, но дойду и до философии. Развиваюсь быстро и открыт. Научился читать более или менее сносно и с успехом выступал в разн<ых> городах.³ Между прочим, имел неосторожность выступить в нескольких городах с бесцеремонными кутилами кубо-футуристами,⁴ из-за которых много перестрадал нравственно и попусту потратил 3000 р.⁵

Искренне уважающий Вас
и душевно Вам преданный В. Сидоров

Был бы рад получить от редакции уведомление о судьбе посылаемых стихотв<орений>.

¹ Либрович Сигизмунд Феликсович (1855–1918) — прозаик, мемуарист, журналист, историк книги.

² Авторизованные машинописи стихотворений «Сюита» («Ты прощайся эстетно, ты прощайся душою...»), «Баядерка» («Ты — ласка юная! ты — сон пленительный!...»), «Шепот» («Я сегодня маленький, я сегодня крошечный...») сохранились в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Ед. хр. 32).

³ Речь идет об участии Баяна в двух поэтических турне: «Первая олимпиада футуристов» вместе с И. Северяниным, В. Маяковским и Д. Бурлюком, а также в последовавшем за ним турне эгофутуристов (И. Северянин, В. Ховин, В. Баян, С. Шамардина). Подробнее об этих поэтических турне см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. М., 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 375–451.

⁴ Выступления Баяна вместе с кубо-футуристами Бурлюком и Маяковским состоялись в Симферополе (7 января 1914 года), Севастополе (9 января 1914 года) и Керчи (13 января 1914 года). О богатом приеме, устроенном Баяном Северянину и Маяковскому, впоследствии вспоминали Северянин (*Северянин И.* Соч.: В 5 т. Т. 5. С. 171), Бурлюк (*Бурлюк Д. Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 67–68) и сам Баян (*Баян В.* Маяковский в Первой Олимпиаде футуристов // *Арион.* 1997. № 1. С. 86–90, 93–96).

⁵ Данное признание свидетельствует о том, что именно Баян нес все расходы по организации турне. Тогда же в письме Богомолу (8 марта 1914 года) В. Баян сообщал: «Турне у нас поставлено на товарищеских началах, причем начало субсидировал я как более денежный человек. Ввиду того, что в первом турне Маяковский и К^о пропили моих денег 1300 руб., я не мог много затратить на второе турне и затратил 1200 руб. Северянин и лично и письменно обещал мне шалашинские сборы и тем поощрял к скорейшей организации вечеров, я как мальчик верил и тратил деньги» (Письмо В. Баяна Б. Д. Богомолу [8 марта 1914 года] // *РГАЛИ.* Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 18–19). В 1950-е годы (когда ему невыгодно было афишировать свой статус крымского помещика) в переписке с Б. В. Смиренским Баян уже утверждал прямо противоположное, будто субсидировал турне не он, а его симферопольские знакомые (Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. П. Дмитренко и А. В. Крусанова. С. 359), что противоречит данным признаниям о собственных тратах.

11

В. Баян — Ф. Сологубу

Дорогой

Федор Кузьмич!

Мне очень хочется доказать злобствующей и бессовестно заплевывающей меня критике, что я не пошляк (как она, глупая, думает),¹ а *своеобразный* философ, несущий

совершенно новое слово, на которое не хотят обратить внимание большие писатели. Чтобы скорее достигнуть желаемого, я очень прошу Вас напечатать в «Дн<евниках> Пис<ателей>» «Свободный монолог», который при сем посылаю, как доказательство наличности во мне серьезной философии сильного духа и здорового мирозерцания. Мне кажется, что только в Вашем журнале и можно свободно и смело высказаться.

Извиняюсь за беспокойство и за смелое слово о себе. Вынужден.

Привет многоуважаемой Анастасии Николаевне.

Душевно Ваш В. Сидоров

6/V 1914

¹ По-видимому, данное высказывание является реакцией на рецензию Дмитрия Цензора: Д. Ц. [Цензор Д.]. В. Баян. Лирический поток // Златоцвет. 1914. № 7. С. 18. На эту рецензию Баян отреагировал в письме Богомолу весной 1914 года; см.: РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 27–28; *Соболев А. Л.* Вадим Баян и рекламные технологии. С. 179.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-182-189

© Т. А. Пахарева (Украина)

НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «НА КАМЕННЫХ ОТРОГАХ ПИЭРИИ...»*

Мандельштамовская эпитапема, написанная в дни знакомства с Н. Я. Хазиной (далее Н. Я.), настолько скрупулезно и полно прокомментирована с точки зрения литературно-мифологических параллелей и источников, прежде всего, К. Ф. Тарановским и Г. А. Левинтоном, что у самой Н. Я. можно уловить даже некоторую досаду по поводу «русско-американских профессоров, которые считают, что даже слово „весна“ Мандельштам заимствовал у Вячеслава Иванова».¹ В этом раздраженном замечании звучит желание отстоять не только самобытность поэта О. Мандельштама (далее О. М.), но и, как представляется, ту реальность, которая вызвала к жизни «стихи о свадьбе и черепахе»² и которая несколько ступевалась за монументальным массивом интертекстуальных наблюдений исследователей.

Между тем, если исходить не только из факта написания стихотворения «на случай» импровизированной свадьбы, но и из мандельштамовского пафоса реабилитации реальности в наполненном вещественностью слове,³ то имеет смысл поискать в этом тексте киевские приметы весны 1919 года, ведь художественный мир «На каменных отрогах...» все же должен хранить следы двойной принадлежности — к не только литературно-мифологическому, но и культурно-историческому и даже бытовому контексту того события, которым инспирировано стихотворение. Пример этой двойной принадлежности приводится, прежде всего, естественно, в самих воспоминаниях Н. Я., которая указывает на несомненность того, что «пестрый сапожок» Сафо пришел в текст стихотворения и из перелистанных О. М. в ее комнате ивановских пе-

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Р. Д. Тименчика и Г. А. Левинтона за ценные замечания и советы, полученные при подготовке этой работы к печати.

¹ *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга: Воспоминания / Подг. текста, предисловие, прим. М. К. Поливанова. М., 1990. С. 32.

² Там же.

³ «Еще раз я уподоблю стихотворение египетской ладье мертвых. Все для жизни припасено, ничего не забыто в этой ладье» (*Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 81), — напишет Мандельштам в 1922 году в статье «О природе слова», само название которой имплицитно, через переключку с названием «О природе вещей» Лукреция, апеллирует к идее вещественности слова.

реводов Сафо, и из жизни («нелепые казанские сапожки с киевской ярмарки»,⁴ которые носила тогда Н. Я.). Представляется, что не только в этой и некоторых отмеченных мандельштамоведом ранее деталях можно уловить следы присутствия киевских реалий.

Общим знаменателем между Киевом начала XX века и древней Элладой в эпитафаме, как и в крымско-эллинических стихах О. М., выступает в первую очередь пейзаж. Но если в крымско-эллиническом пейзаже акцентированы море, виноград/виноградники и горы, то здесь, соответственно, дубы, в изобилии растущие в Киеве и окрестных лесах, «простоволосая <...> трава» (то есть прямая и достаточно длинная и узкая трава, вроде мятлика лугового, распространенного в умеренных климатических зонах, в Киеве в том числе) и медуница, цветение которой в Киеве приходится как раз на середину весны (а О. М. с Рюриком Ивневичем приехали в Киев «между 15 и 19» апреля, «к Пасхе»⁵). «Холодная криница», с ее украинским звучанием, уже комментировалась исследователями как деталь, сцепляющая «эллинический» и киевский планы стихотворения — так же, как и «лирники слепые».⁶ На подобной логике выбора образности, связанной с «couleur locale» в эллинических стихах О. М., также уже акцентировали внимание исследователи.⁷

Таким образом, пейзаж стихотворения выдержан только в таких чертах, которые с равным успехом отсылают как к мифологическому, так и к киевскому контекстам, и это типичная для О. М. двойная структура хронотопа. Но аналогичной двойственностью, возможно, обладают и другие образы — прежде всего, «выпукло-девический лоб» и «нежные гроба».

Н. Я. вспоминала, каким «обрядом» сопровождалось их с О. М. «тайное венчание»: «...мы „обвенчались“, то есть купили возле Михайловского монастыря два синих колечка за два гроша».⁸ Эти дешевые колечки, украшенные синей финифтью, были неотъемлемой предметно-бытовой составляющей культа святой Варвары, широко распространенного в Киеве. Мощи св. Варвары хранились в соборе Михайловского монастыря вплоть до его уничтожения, а потом были перенесены во Владимирский собор. В момент «венчания» Н. Я. и О. М. св. Варвара была еще в Михайловском. Ее мощи, по которым видно, что они принадлежат совсем юной девушке, находились в открытой раке, соответствующие изображения которой сохранились на фотографиях начала XX века.

Если принять возможную включенность раки св. Варвары в число «нежных гробов», то также и ассоциативный переход стихотворения от «лирников слепых» к девическому «нежному гробу» будет поддержан не только логикой многочисленных аллюзий, но и теми реалиями, которые в дни «венчания» окружали О. М. и Н. Я. прямо на Михайловской площади: мы имеем в виду очевидное в праздничное время (в данном случае, послепасхальное, поскольку Пасха в тот год пришлось на 20 апреля) обилие возле Михайловского монастыря лирников, кстати, активно воспевавших св. Варвару. О популярности именно Варвары в их репертуаре свидетельствует, в частности, сборник Порфирия Демущого «Ліра і її мотиви» (1903), в котором среди песен лирников киевщины целых три посвящено св. Варваре, причем одна из них аттестована как «конт, вимомий кожному лирныкови».⁹

⁴ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 32.

⁵ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мицнера. 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016. С. 140.

⁶ См., в частности: Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 2. С. 125, 126; Петровский М. С. Городу и миру. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 2008. С. 272; Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000. С. 127, 156.

⁷ Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама. С. 125, 152.

⁸ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 32.

⁹ Демущий П. Ліра і її мотиви. Київ, 1903. С. 29.

Следует напомнить, что украинские «лирники слепые» аккомпанировали себе на колесной лире, которая отличалась резким, тягучим, заунывным звуком, а содержание и настроение песен, исполнявшихся под такой аккомпанемент, чаще всего было «трудным» («тяжким, удручающим»¹⁰) — в том же смысле, в каком о «трудных повестях» говорится в «Слове о полку Игореве». Возможно, натужный и грубый звук колесной лиры также лежит в ассоциативной подпочве образов «скрипучего труда» и вращающегося тяжело/легко колеса в финальных строках мандельштамовского стихотворения. Тогда это труд не только производства «надломленного хлеба», но и «поэтическая работа», как сказано в «Разговоре о Данте», а «нерасторопность» «черепахи-лиры» дополнительно подкрепляется ассоциацией с медленно-тягучим темпом музыки и вращением колеса украинской лиры, которая к тому же и формой своей в рабочем положении напоминает перевернутую на спину черепаху. Если же вспомнить, что именно по отношению к поэтическому труду в стихотворении «Сохрани мою речь...» позднее появятся и «круговое терпенье», и «совестный деготь труда», то «скрипучий труд» и вращающееся колесо в «Черепахе» логично включаются в мандельштамовский индивидуальный смысловой комплекс творчества — в тот его слой, что связан с еще акмеистической концепцией искусства как «высокого ремесла», развитой Мандельштамом позднее в статьях о культуре и в «Разговоре о Данте».

В пользу предположения о колесной лире говорит и еще одна деталь, совпадающая с песнями украинских лирников в стихотворении Мандельштама — нечасто встречающееся в поэзии фольклорное обозначение «шумит» в применении к траве. Старинную казацкую песню, в которой повторяется строка «Вітер віє, трава шумить», цитирует Бунин в рассказе «Лирник Родион» (в варианте «край Дунаю трава шумить»¹¹). Бунин подчеркивает древность этой песни, практически вторя размышлениям Ф. И. Буслаева о «старине доисторической» украинской эпической образности, уходящей в глубину индоевропейской почвы («...эпические выражения малорусской поэзии не исключительная принадлежность малорусского племени, образовавшаяся в позднейшее время вместе с историческими судьбами Малороссии, но есть общее достояние языков индоевропейских»¹²). Кстати, Буслаев в той же статье приводит и фрагмент о шуме травы из «Слова о полку Игореве» («Кликну, стукну земля, въшуме трава — ничит трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилось — тогда врани не граахуть, галици помлькоша»¹³). Так у образа шумящей травы в стихотворении Мандельштама обнаруживается не только древнегреческая, но и древнерусская, украинская — и, в историческом пределе, общеиндоевропейская культурная подпочва.

Нельзя также не обратить внимание и на ту аллюзивно-смысловую линию образа шумящей травы, которая связана с темой смерти: «трава шумит» либо над убитым воином (украинская песня), либо как знак тревоги о судьбе несчастливых воинов («Слово о полку Игореве»). Этот шум травы звучит «жалощами», а с мотивом жалобы у Мандельштама соотносится еще одно определение этой же травы — «простоволосая» — поскольку в другом случае употребления этого эпитета в мандельштамовских стихах речь идет о «простоволосых жалобах ночных». Таким образом, выражение «простоволосая шумит трава» становится средоточием смыслового комплекса смерти и оплакивания-жалобы, причем в их архаически-эпическом воплощении. Учитывая обстоятельства знакомства О. М. и Н. Я., обращение к теме смерти в подтексте свадебного стихотворения не кажется неуместным, тем более что сама Н. Я. вспоминает значимые разговоры о смерти, которые О. М. вел с нею именно в эти дни: «Он говорил

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 437.

¹¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 4. С. 159.

¹² Буслаев Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии (По поводу «Сборника украинских песен», изданных г. Максимовичем. Киев, 1849) // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 94.

¹³ Там же. С. 110.

иногда вещи, которых я ни от кого еще не слыхала. Лучше всего я запомнила его слова о смерти. Удивляясь самому себе, он сказал, что в смерти есть особое торжество, которое он испытал, когда умерла его мать. Многого из того, что он говорил о смерти, я, вероятно, тогда не поняла, но потом, когда я уже стала кое-что понимать, он больше об этом не заговаривал». ¹⁴

Однако если вернуться к образу «черепахи-лиры», то ее напоминает еще один упомянутый Н. Я. предмет, маркировавший их свадьбу, — «самая круглая и самая безобразная гребенка», полученная Н. Я. от О. М. «вместо „свадебного“ подарка» ¹⁵ и купленная на том же Михайловском подворье. Эта аналогия, если она уместна, открывает в стихотворении модус, ведущий к пласту того «домашнего» юмора, без которого, по Мандельштаму, невозможна «семья-филология». Такое допущение кажется оправданным самим карнавальным стилем их свадьбы ¹⁶ и тем, что в этом карнавале посреди смерти юмор был особенно востребован (недаром годом позже юмором будет обильно расцвечена жизнь О. М. в Доме Искусств).

Представляется, что к тому же шутливому плану «На каменных отрогах...» апеллирует и едва заметная аллюзия на свадебную балладу Гумилева: ¹⁷ если у того вполне торжественно и серьезно «Уже слетел к дрожащей Андромеде / Персей в кольчуге из горящей меди», ¹⁸ то у Мандельштама «черепаха-лира» «во сне Терпандра ожидает, / Сухих перстов предчувствуя налет», ¹⁹ и мягко иронический эффект возникает от того, что вместо трепещущей девы героя ждет спящая черепаха. Совпадение корня «андр» в именах Андромеды и Терпандра, так же как и «зеркальные» образно-звуковые созвучия «слетел <...> Персей» и «перстов <...> налет», дополнительно связывает свадебные стихи двух акмеистов, чьи матримониальные обстоятельства и так уже были срифмованы Киевом как местом обоих бракосочетаний. Еще бесспорней их связывают и общий мотив тоски по «розовому раю» у одного и «святым островам» у другого — и идилические картины соответствующих топосов, развернутые в обоих текстах. Наконец, заявленные в первых строфах обоих стихотворений мотивы «наследования» («чара вам назначенных наследий» у Гумилева и «открытие» для «правнуков далеких» культурного наследия Эллады у О. М. ²⁰) окончательно убеждают

¹⁴ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ См. об этом: Руссова С. Н. К истории одного кощунства (О. Мандельштам и В. Маккавейский) // Смерть и бессмертие поэта: Материалы науч. конф. / Сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская, П. М. Нерлер, М. В. Соколова, Ю. Л. Фрейдин. М., 2001. С. 215–223.

¹⁷ Эта аллюзия открывает в стихотворении Мандельштама пласт того «внутрицехового юмора», о котором Р. Д. Тименчик пишет как о специфической черте литературной культуры 1910-х годов: «Этой культуре была имманентна глубинная категория высокого юмора. Весьма показателен один из устных рассказов В. Б. Шкловского. Как-то он сказал Анне Ахматовой, что строки

Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней

невольнo звучат комически. Ахматова ответила: „Это шутка. Вообще все стихи — только шутка“. Конечно, Ахматова знала, кому что сказать и, в частности, что сказать Шкловскому, строившему свою поэтику на остроумии. Но в этой „шутке о шутке“ содержится косвенное признание осознавшейся самими творцами искусства 1910-х годов внутренней связи их новой поэтики с областью комического» (Тименчик Р. Д. Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1988. С. 159–160). Г. А. Левинтон, обращаясь к теме комического у акмеистов, указывает на специфическую взаимопроницаемость между областями комического и серьезного в их поэзии, соотнося ее с природой поэзии как таковой (Левинтон Г. А. К вопросу о статусе «литературной шутки» у Ахматовой и Мандельштама // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: Тезисы конференции. М., 1989. С. 40–43).

¹⁸ Гумилев Н. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 2. С. 5.

¹⁹ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 105.

²⁰ См. замечание Тарановского о том, что «На каменных отрогах...» «начинается темой о культурном значении эллинского наследия для нас, далеких правнуков» (Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов. С. 125).

в неслучайности соположения этих стихотворений уже не только в шутливо-игровом контексте.²¹

Но имеет смысл вернуться к образу «нежных гробов», в котором множественное число провоцирует к дальнейшему приумножению связанных с ним контекстов. Обращаясь к контексту творчества Вяч. Иванова, рассматриваемому как приоритетный всеми комментаторами мандельштамовского стихотворения, можно вспомнить и о венке сонетов («Мы — два грозой зажженные ствола...»), где найдем и мотив красоты как «воловьего» труда, и все те же «соты» и «мед» поэзии:

В одном ярме, упорных два вола,
Мы плуг влекли чрез целины живые,
Доколь в страду и полдни полевые
Единогo, щадя, не отпрягла

Хозяина прилежная забота.
Так двум была работой красота
Единая, как мед двойного сота.²²

Но наиболее важно, что здесь есть и вариант «нежного гроба» — стояние «Над мрамором божественного гроба, / Где древняя почит Красота».²³ Особенно в этом отношении привлекает внимание 10-й сонет:

Над мрамором божественного гроба
Стоим, склонясь: отверст святой ковчег,
Белеющий, как непорочный снег
Крылами выг разрытого сугроба

На высотах, где светов мать — Ниоба
Одела в лед свой каменный ночлег...
Отверст — и пуст. Лишь алых роз побег
Цветет в гробу. Глядим, дивясь, оба:

Ваяньями гробница увита, —
Всю Вакх заткал снаружи гроздьев силой
И стае птиц их отдал светлокрылой.

И знаем: плоть земли — гробница та...
Невеста, нам предстала ты могилой,
Где древняя почит красота!²⁴

²¹ Г. А. Левинтоном уже был выявлен в примечании Гумилева к балладе А. К. Толстого «Алеша Попович» «пародийный намек <...> на стихотворение Мандельштама с его мифологизацией Терпандра» (*Левинтон Г. А. Гермес, Терпандр и Алеша Попович (эпизод из истории отношений Гумилева и Мандельштама?)* // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 568). Ученый квалифицирует его как «образчик „цеховой игры“, основанной на „кружковой семантике“, и своеобразный комментарий к мандельштамовскому стихотворению (в той мере, в какой ироническое восприятие современника и единомышленника может играть комментирующую роль) и, наконец, эпизод в почти не исследованных отношениях Мандельштама и Гумилева» (Там же. С. 570). С учетом выявленного Левинтоном иронически-игрового модуса восприятия Гумилевым стихотворения Мандельштама, можно предположить, что такое восприятие было отчасти спровоцировано содержащимися в мандельштамовской эпиграме отсылками к свадебной балладе Гумилева, и тогда рассмотренный Левинтоном эпизод в отношениях двух поэтов обнаруживает наличие поддерживающего контекста.

²² *Иванов Вяч.* Собр. соч.: [В 4 т.]. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 416.

²³ Там же. С. 411.

²⁴ Там же. С. 416–417.

Здесь находим два очевидных визуальных соответствия тому, что можно было увидеть в Михайловском соборе, подойдя к раке св. Варвары: открытая крышка гробницы и «ваянья», которыми рака Варвары тоже была «обильно увита»: «В Михайловском Златоверхом монастыре первоначально мощи Варвары покоились в кипарисовом гробу, затем в позолоченной раке из серебра, устроенной на средства гетмана Ивана Мазепы, и, наконец, в драгоценной гробнице замечательной чеканной работы, созданной в 1847 г. петербургским мастером Андреевым на средства гр. А. А. Орловой-Чесменской».²⁵ Следовательно, не только чтение Сафо в переводах Иванова могло актуализировать ивановский интертекст в памяти О. М. в дни написания его эпитагамы, но и эта визуальная переключка с сонетами Иванова.

Образ «выпукло-девического лба» тоже вызывает ассоциации со св. Варварой, но уже не с ее гробницей, а со знаменитым иконописным изображением святой на алтарной иконе во Владимирском соборе, выполненной М. В. Нестеровым. Запрокинутое к небу лицо и особенно лоб нестеровской Варвары озарены ярким, почти белым сиянием, идущим сверху, поэтому можно констатировать в картине акцент и на высоте, и на связи этой высоты с «выпукло-девическим» лбом написанной с Елены Праховой Варвары (которая, заметим в скобках, несколько напоминает и этим прекрасным лбом, и чертами лица юную Н. Я.). Зеленая пальмовая ветвь в ее руке к тому же как бы предвосхищает образ Психеи-ласточки с «стигийской нежностью и веткою зеленой». И если подспудное воспоминание о киевской Варваре Нестерова участвовало в создании образа «ласточки, подружки, Антигоны», то это дополнительно объясняет появление в этом стихотворении, написанном уже в Петрограде, украинизма «прокинется» («то вдруг прокинется безумной Антигоной»²⁶).

Владимирский собор возникает в ассоциативном поле мандельштамовской эпитагамы и в контексте ее византийско-равеннской образно-смысловой линии, прослеженной Левинтоном. Исследователь находит через образ «девического» «нежного гроба» связь с «Равенной» Блока,²⁷ а Владимирский собор напоминает о Равенне стилистикой своих стенных росписей, отчасти цитирующих мозаики Равенны (неслучайно, поскольку, готовясь расписывать Владимирский собор, В. М. Васнецов некоторое время провел в Равенне, изучая ее мозаики; группа апостолов-агнцев, например, в алтарной апсиде Владимирского почти точно воспроизводит такую же мозаичную группу в базилике Sant'Apollinare in Classe).

Наконец, еще один вероятный киевский контекст образа «нежных гробов» — это строки В. Н. Маккавейского о том, что «мумией легла Эллада / в александрийский саркофаг»,²⁸ завершающие вступительное стихотворение «Стилоса Александрии», изданного в 1918 году. Если учесть, что весна 1919 года была также и временем знакомства и дружеского сближения О. М. с Маккавейским и что именно Маккавейский осуществил шутовское «венчание» О. М. и Н. Я. и, по словам Н. Я., «подсказал Мандельштаму слово „колесо“ для <...> брачных стихов»,²⁹ то можно допустить возможность также и его лепты в том синтезе, путем которого создан образ «нежных гробов» в мандельштамовской эпитагаме. Известно, что 28 апреля на «Вечере искусств» в театре имени Ленина оба — и О. М., и Маккавейский — читали свои стихи, причем О. М. даже защитил Маккавейского от нападок «развеселившейся публики»,³⁰ а дата написания «На каменных отрогах...», указанная в первой публикации стихотворения в киевской «Неделе литературы и искусства», — 10 мая. Значит, к моменту его написания поэты общались уже около двух недель, что позволяет предположить знакомство Мандельштама с титульным стихотворением недавно вышедшего сборника Маккавейского.

²⁵ Варвара // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 562.

²⁶ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 110.

²⁷ Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: материалы к анализу (продолжение) // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3. С. 212.

²⁸ Маккавейский В. Стилос Александрии: Сонеты и поэмы. Киев, 1918. С. 9.

²⁹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 98.

³⁰ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 141.

В том же театре имени Ленина, «бывшем Соловцовском», где прошел упомянутый «Вечер искусств», через два дня после этого события, 1 мая, состоялась премьера постановки К. Марджанова «Фуэнте Овехуна», в группу художников-оформителей которой входила Н. Я. В свое время Тарановский констатировал, что во второй строфе «На каменных отрогах...», которую исследователь определил как цитатный «монтаж», «остается только одна строка, к которой не найден литературный источник: „На свадьбу всех передушили кур“». ³¹ Возможно, таким источником может оказаться «Фуэнте Овехуна», где крестьяне, поднося «дань» своему притеснителю-командору, подчеркнуто говорят о том, что отдают ему всех своих кур:

Сто пар здесь каплунов. Куриный род
Весь овдовел, и с петухами в прятки
Не поиграют куры в деревнях. ³²

Точных сведений о дате посещения Мандельштамом этого спектакля нет, ³³ но его знакомство с сенсационной работой Марджанова не подлежит сомнению, о чем свидетельствует явно основанное на собственных воспоминаниях суждение о ней, высказанное Мандельштамом уже в 1926 году во втором очерке о театре «Березиль»: «Когда-то в том же „бывшем Соловцовском“ театре шла „Фуэнте Овехуна“, вот этот спектакль — по прямой линии от „старинного театра“ барона Дризена!» ³⁴ Остроте впечатления от этой постановки должен был способствовать и неизбежный психологический резонанс: соединение свадебных и «мятежных» мотивов в этой пьесе как нельзя лучше соответствовало атмосфере, окружавшей О. М. и Н. Я. в эти дни в Киеве, когда Пасха перемешалась с радикально-авангардным Первوماем, а любовь и стихи возникли среди кровавого карнавала гражданской войны.

³¹ Тарановский К. Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов. С. 131.

³² *Lope de Vega*. Овечий ключ: (Фуэнте Овехуна). Цит. по: Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. М., 2010. Т. 7. С. 542.

³³ «Мая 23. Киев. А. Дейч встречает О. М. и Надю Хазину в „польской кофейне на паях“. Пишет в дневнике о намерении Нади Хазинной повести О. М. на спектакль „Овечий источник“...» (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 147). Исходя из приведенной в «Летописи...» хронологии, к моменту вероятного знакомства Мандельштама со спектаклем Марджанова «На каменных отрогах Пиэрии...» уже было написано, и, если эта хронология верна, остается предположить в качестве источника указанной аллюзии сам текст пьесы Лопе де Веги, актуализированный в сознании Мандельштама просто фактом марджановской постановки и, возможно, рассказами Н. Я. о курьезных деталях оформления спектакля, к изготовлению которых была причастна и она сама: «...через всю сцену протягивалась гирлянда бутафорских фруктов, овощей, рыбных и птичьих тушек подозрительно фаллического вида» (Мандельштам Н. Я. Вторая книга. С. 18). «Принесение даров крестьянами», как «один из самых эффектных моментов» марджановского спектакля, уже рассматривался С. Г. Шиндиным как источник реминисценций в описании пира в заметке Мандельштама «Генеральская» (Шиндин С. Мандельштам и кинематограф // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 60. С. 19). Это представляет дополнительным аргументом в пользу предположения, что и строка о курах отсылает к тому же претексту. Что О. М. был уже наслышан об этом эффектном эпизоде до того, как посетил спектакль, кажется вероятным еще и потому, что творчество испанского драматурга несколькими годами ранее уже становилось объектом пристального интереса О. М. — в 1912 году, когда он активно участвовал в заседаниях романо-германского кружка, в том числе и в бурном праздновании 350-летия Лопе де Веги, подробно описанном в письме К. В. Мочульского В. М. Жирмунскому от 29 ноября 1912 года: «Наконец я перехожу к изображению ряда необыкновенных событий, высыпавшихся на мою голову 28 сего ноября. Торжественное заседание Лопе-де-Вега было обставлено всей возможной pompой; портрет сего гения был увенчан огромным лавровым венком и повешен на стене над головой Don-Perez'a; собрание было многолюдно (30 душ) и почтенно; М<ария> Ис<идоровна>, Эльза, Нат<алия> Георг<иевна> украшали первую скамейку; на остальных же блистали такие фигуры, как Левинсон, Шкловский, Пяст, Гумилев, Мандельштам, Гиппиус, Лозинские-frères и прочая, многая» (Мочульский К. В. Письма к В. М. Жирмунскому (вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова) // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 153).

³⁴ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 218.

Впрочем, есть и другой текст, который не содержит столь буквальных переключек со строкой «На свадьбу всех передушили кур», но соотносится с ней в контексте мотива жертвоприношения. Это стихотворение В. И. Нарбута «Предпасхальное», опубликованное в киевском журнале «Зори», единственный номер которого вышел в январе 1919 года (и был оформлен Г. И. Нарбутом). Здесь, как и у О. М., все откармливаемые к празднику животные обречены на гибель:

Сопя и хрюкая, коротким рылом,
кабан копается, а индюки
в соседстве с ним, в плену своем бескрылом,
овес в желудочные прут мешки.
Того не ведая, что скоро казни
наступит срок...³⁵

В финале стихотворения, как и у О. М., возникает колесо, но это колесо Фортуны, к тому же персонифицированной в образе танцующей девушки (трудно удержаться от того, чтобы не соотнести ее с топчущей луга Эллады весной и музами, ведущими хоровод, в «На каменных отрогах...»):

Но, перед Вечностью свершая танец,
стопой едва касаясь колеса,
Фортуна скажет: «Вот — пасхальный агнец,
и кровь его — убойная роса».
В раздутых жилах пой о мудрых жертвах
и сердце рыхлое, как мох, изрой,
чтоб, смертью смерть поправ, восстать из мертвых,
утробой отравленная кровь!³⁶

Размер стихотворения Нарбута, возможно, неслучайно совпадает с размером мандельштамовской эпиталамы — тем самым оба текста буквально в унисон говорят о вечном «хороводе» жизни и смерти.

³⁵ Нарбут В. И. Собр. соч.: Стихи. Переводы. Проза / Сост, подг. текста, вступ. статья и прим. Р. Р. Кожухарова. М., 2018. С. 408.

³⁶ Там же. С. 409.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-189-204

© М. Э. Баскина (Маликова)

К ОПИСАНИЮ «ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА» 1930-х ГОДОВ: КАК СДЕЛАН ПЕРЕВОД «ЖИЗНИ» БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ М. Л. ЛОЗИНСКИМ*

Высоко ценивший Лозинского советский теоретик перевода А. В. Федоров в 1938 году, задавшись вопросом: «В чем специфические признаки переводческого мастерства М. Л. Лозинского?», — дал на него довольно точный, но только общий, предварительный

* Настоящая статья представляет собой вторую часть основанного на архивных материалах исследования «Советский довоенный филологический перевод». Первую часть см.: Маликова М. Э. К описанию «филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // *Studia Literarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 10–45.

ответ, собираясь исследовать этот, как он тогда считал, ключевой для определения «советского перевода» вопрос более пристально:¹ «Это мастерство, как всякое подлинное, высокое мастерство, трудно определить по „техническим“ формальным признакам. <...> Мастерство, подобное переводческому мастерству Лозинского, прежде всего предполагает большую глубину осмысления <...> и умение быть созвучным самым разнообразным авторам <...>, и вместе с тем оставаться нашим современником <...>. Что же касается основных форм конкретного проявления этого переводческого мастерства, то <...> они сводятся <...> к 1) разнообразию речевых средств, 2) смелости в выборе их, 3) понятности и доступности языка при фактической его сложности, 4) предельно малому расхождению между точностью словарно-смысловой и точностью художественной, 5) строгому соблюдению в каждом переводе организующего принципа, которым определяется его основной тон».²

По маркированно частому повторению Федоровым применительно к переводам Лозинского слова «мастерство» (уже редкого для литературного поля конца тридцатых годов с его акцентом не на «спецовстве», а на идеологической правоте) можно предположить, что критик намеревался описать, как они «сделаны». В частности, Федоров не без удивления отметил, что исключительная точность в передаче Лозинским образного содержания переводимого текста сочетается у него с близким воспроизведением оригинального синтаксиса: «Умение сохранять все сколько-нибудь существенные образы и мотивы оригинала таково, что переводчику требуется лишь легкое изменение синтаксической конструкции или небольшая перегруппировка слов в пределах короткого отрезка текста — и образное содержание оказывается сохраненным».³ Эти выводы Федоров сделал на основании наиболее значительных переводов Лозинского из мировой классики, вышедших в 1930-е годы: «Жизни» Б. Челлини (1931), «Гамлета» В. Шекспира (1933, 1934, 1937)⁴ и «Ада» из «Божественной комедии» Данте (1938).⁵

Однако отечественный перевод пошел не по пути Лозинского — не только после войны, когда были решительно повержены «буквалисты»,⁶ а точные филологически фундированные переводы 1930-х последовательно вытеснялись новыми «советски-

¹ Подробнее о намеченной в 1938 году Федоровым идее представить Лозинского образцом для развития «советского перевода» см. в нашей статье «„Глумление века“: Почему в 1938 году не была опубликована статья А. В. Федорова о М. Л. Лозинском» (Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX — первой половины XX вв.: К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц / Отв. ред. Л. Пильд, Т. Степанищева. Тарту, 2018. С. 359–374 (Acta Slavica Estonica X; Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVI)).

² Федоров А. В. Мастерство перевода (О переводческой деятельности М. Лозинского) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 158. Оп. 1. № 8. Л. 17.

³ Там же. Л. 20.

⁴ В издании 1934 года (*Шекспир В. Избранные драмы в новых переводах* / Под ред. М. Н. Розанова. М.; Л.: ГИХЛ) переводчиком были исправлены произвольные редакторские искажения предыдущего издания (*Шекспир В. Трагическая история о Гамлете принце Датском* / Пер. М. Лозинского. М.; Л.: ГИХЛ, 1933 (сер. «Школьная библиотека»)); в 1937 году «Гамлет» был переведен издательством «Academia» en regard с предисловием переводчика.

⁵ Шесть песен из перевода «Ада» вышли в 1938 году в журнале «Литературный современник» (№ 3, 4), в конце года Лозинский читал свой перевод в ленинградском Доме писателя, это чтение произвело большое воздействие на современников (см.: Федоров А. В. 1) Из воспоминаний и размышлений о Михаиле Леонидовиче Лозинском — человеке и мастере. Доклад, прочитанный на вечеру памяти Лозинского в Ленинградском Доме писателей 18 октября 1972 года // ЦГАЛИ СПб. Ф. 158. Оп. 2. № 115; 2) Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983. С. 291–295). И. М. Ивановский заметил: «Чтение им „Ада“, записанное на пленку, многое сказало бы людям, его не знавшим» (*Ивановский И. М. Воспоминания о Михаиле Лозинском* // Нева. 2005. № 7. С. 204) — запись эта была сделана, ср. в воспоминаниях Ахматовой о вечеру памяти Лозинского в ноябре 1955 года в ленинградском Доме писателей: «Как страшно мне было услышать этот голос на вечеру Его памяти в Союзе, когда откуда-то сверху М. Л. стал читать которую-то песню „Ада“» (*Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5. С. 69*).

⁶ См.: Азов А. Г. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.

ми» версиями,⁷ но и до войны. К 1938 году из восьми «лучших переводчиков последних лет», названных М. П. Алексеевым в статье «Перевод» «Литературной энциклопедии» (1934): «М. Кузмин, М. Л. Лозинский, С. В. Шервинский, А. И. Пиотровский, Б. И. Ярхо, М. А. Петровский, А. А. Франковский, А. А. Смирнов», — осталась половина (репрессированы ГАХНовцы, умер Кузмин; тогда же были арестованы по общему «писательскому» делу и уничтожены ленинградские переводчики Б. К. Лившиц, В. К. Зоргенфрей, В. И. Стенич, Д. И. Выгодский).⁸ Несмотря на награждение Лозинского в 1946 году Сталинской премией первой степени за перевод «Божественной комедии», его переводческое мастерство так и не было описано как метод (а цитированная статья Федорова 1938 года не была опубликована). Известное представление о почти недостижимом и непостижимом совершенстве, исключительности и несравненности этого мастерства,⁹ его превосходстве даже над самыми лучшими переводчиками: «М. Лозинский перевел из Леконта де Лиля — Мухаммед Альмансур, погребенный в саване своих побед. Глыбы стихов высочайшей пробы. Гумилев считает его переводчиком выше Жуковского»,¹⁰ «...необыкновенное мастерство Лозинского — явление вполне исключительное. Стоит сравнить его переводы хотя бы с такими общепризнанно мастерскими, как переводы Брюсова или Вячеслава Иванова. Они детский лепет и жалкая отсебятина рядом с переводами Лозинского. Раню или поздно, но не сомневаюсь, что они будут оценены, как должно...»,¹¹ — не сделало его предметом «студийного изучения». ¹² При этом собственно научное исследование метода

⁷ В последние годы появился ряд архивных публикаций, способствующих созданию более адекватной картины советского перевода 1930-х годов: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011; Доклад О. М. Брика о новых переводах «Германии» Гейне и его обсуждение на секции переводчиков Союза писателей (1934) / Подг. текста, публ. и прим. Т. Ф. Нешумовой // *Philologica*. 2012. Т. 9. № 21/23. С. 280–333; Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисловие, комм., археографическая работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М.; СПб., 2013; Witt S. Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms // *The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia* / Eds. L. Burnett and E. Lygo. Oxford, 2013. P. 141–184; Земскова Е. Е. Стратегии лояльности: Дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г. // *Новый филологический вестник*. 2015. № 4 (35). С. 70–83; Маликова М. Э. 1) О переводчике Адриане Антоновиче Франковском по материалам его архива // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год*. СПб., 2017. С. 37–100; 2) К описанию «филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // *Studia Literarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 10–45, и др.

⁸ О репрессиях, коснувшихся Лозинского и членов его переводческого семинария, см.: Вахтина П., Громова Н., Позднякова Т. Дело Бронникова. М., 2019. С. 165–184 и др. Кроме того, его перевод Челлини стал мишенью критики, направленной против издательства «Academia» (Магов [Гуковский М. А.]. *Academia* и Возрождение // *Литературный Ленинград*. 1934. 6 февр. № 8 (30). С. 2), а перевод «Гамлета» попал в политически окрашенную кампанию против принципа эквивалентности перевода, положенного в основание нового собрания сочинений Шекспира его редакторами Г. Г. Шпетом и А. А. Смирновым (см.: Густав Шпет и шекспировский круг. С. 161–162 и др.).

⁹ В том же превосходном духе описывали и человеческую добротность Лозинского: «„Это все равно что Лозинский сделал бы гадость“, — говорила Ахматова, когда хотела подчеркнуть совершенную невозможность чего-нибудь. Гумилев утверждал, что, если бы пришлось показывать жителям Марса образец человека, выбрали бы Лозинского — лучшего не найти» (Иванов Г. В. *Китайские тени* // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 316; впервые: *Последние новости* (Париж). 1930. 22 февр.).

¹⁰ *Дневник Ал. Блока. 1917–1921* / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. С. 173.

¹¹ Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 316.

¹² Ср. в рецензии Н. О. Лернера на перевод Лозинским «античной трагедии» Леконта де Лиля «Эринии» (Пг.: Петрополис, 1922): «Перевод Лозинского — виртуозный, артистический труд, исполненный с осторожнейшей строгостью и трезвостью. <...> мы не можем достаточно надивиться искусству переводчика в выборе словесного материала, в воспроизведении ритмики и инструментальной подлинности. Местами это настоящий *tour de force*, а вообще образец технического мастерства, достойный внимательного „студийного“ изучения» (Н. Л<ернер>. [Рец. на:] Леконт де Лиль. *Эринии*. Пг., 1922 // *Книга и революция*. 1922. № 9–10 (21–22). С. 69–70).

Лозинского отнюдь не невозможно и было начато Е. Г. Эткиндром с опорой на материалы архива переводчика.¹³ Эткинда интересовали прежде всего наиболее, вероятно, ценные и обширные, занимающие в квартире Лозинского целый шкаф¹⁴ материалы к знаменитому переводу «Божественной комедии» — мы же попробуем описать метод Лозинского, опираясь на подготовительные материалы к другому, прозаическому, переводу — «Жизни» Бенвенуто Челлини.

В предисловии к переводу «Жизни» Лозинский крайне сжато, но, как показывает анализ текста, скрупулезно точно изъясняет свой метод: диалектологические особенности языка Челлини, языка флорентийского *volgo* XVI века, воспроизвести по-русски невозможно: «Стараться заменить челлиниевские солецизмы системой русских „простонародных“ форм («хочим», «иттить», «ушодчи», «своёй») было бы глубоко ложным приемом», поэтому «все то, чем „Жизнь“ Челлини характерна как памятник тосканского наречия XVI века, остается счастливой привилегией итальянского подлинника». ¹⁵ Однако «синтаксис, строй его речи может быть передан более или менее точно. И основную свою задачу мы видели в том, чтобы по возможности ближе следовать всем изгибам, скачкам и изломам челлиниевского слога. Нам казалось, что за вычетом некоторых форм (как *participio assoluto*, *gerundio assoluto*) главнейшие ходы челлиниевской речи находят в русском языке достаточные аналогии. И поэтому мы упорно стремились к тому, чтобы каждая фраза нашего текста была так же неправильна и таким же образом неправильна, как и фраза подлинника, оставаясь при этом в такой же мере понятной или в такой же мере темной, как и та». ¹⁶ Лозинский твердо придерживается классического, на русской почве восходящего к знаменитой статье В. Брюсова «Фиалки в тигеле» (1905), метода перевода, который состоит в том, чтобы заранее определить, какие художественные черты переводимого произведения «наиболее существенны <...> и потому должны быть воспроизведены во что бы то ни стало», а какие могут быть принесены в жерт-

Переводческий метод Лозинского не был научно описан, вероятно, отчасти и потому, что высказывания самого переводчика о нем крайне сжаты и редки, ограничены 1930-ми годами (*Лозинский М. Л.* 1) Введение // Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931. С. 35–45; 2) Тезисы доклада М. Лозинского «Искусство стихотворного перевода». М.: Стеклогр. Цедрама, 1935; 3) К переводу «Гамлета» // Шекспир В. Трагедия о Гамлете принце Датском / Пер. М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1937; 4) Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасунского» // Мастерство перевода: Сб. статей. М., 1959. С. 389–393 (выступление в Ереване на праздновании тысячелетия эпоса «Давид Сасунский», сентябрь 1939 года). Кажется дело не только в невозможности публичных высказываний, поскольку культурный язык Лозинского становился все менее созвучен доксе советской эпохи, но и в поставленном им себе «законе переводческой нравственности» (*Эткинд Е. Г.* Творчество М. Л. Лозинского // Багровое светило: Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского / Сост., автор предисловия и прим. Е. Эткинд. М., 1974. С. 14), т. е. представлении о том, что функция переводчика требует нивелирования личного: «...поэт-переводчик должен стараться как можно более отрешиться от самого себя, от собственных навыков и склонностей, чтобы во всей возможной чистоте воспроизвести оригинал...» (из неопубликованной заметки Лозинского 1941 года; цит. по: Там же. С. 9–10).

¹³ *Эткинд Е. Г.* 1) Архив переводчика (Из творческой лаборатории М. Л. Лозинского) // Мастерство перевода: Сб. статей. М., 1959. С. 394–406; 2) Поэзия и перевод. М.; Л., 1963. С. 185–197 (выступление в Союзе писателей 12 февраля 1946 года); 3) Творчество М. Л. Лозинского. С. 5–22. С материалами архива Лозинского-переводчика работали также И. М. Ивановский и сын Лозинского, математик, — оба привели много интересных цитат и фактов, однако метод работы Лозинского не анализировали. (См.: *Ивановский И. М.* Воспоминания о Михаиле Лозинском. С. 200–201; *Лозинский С. М.* История одного перевода «Божественной комедии» // Дантовские чтения. 1987 / Под общ. ред. И. Балзы. М., 1989. С. 10–17).

¹⁴ Архив М. Л. Лозинского в основном по-прежнему хранится в той же квартире на Каменноостровском проспекте (д. 73–75), где он прожил с 1915 года до самой смерти. Я искренне признательна хранительнице архива Ирине Витальевне Платоновой-Лозинской за возможность работать с его материалами.

¹⁵ *Лозинский М. Л.* Введение. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 42–43.

ву.¹⁷ Наиболее существенной, характерной чертой «Жизни» Челлини он счел своеобразный синтаксис и поставил своей основной задачей повторить «хитрый чертеж речевого строя» оригинала.¹⁸

Выбранный Лозинским в переводе Челлини метод синтаксической форенизации был прямо противоположен «советской школе» перевода: К. И. Чуковский всегда категорически утверждал, что синтаксис в переводе должен быть только русский; Федоров, признавая «безукоризненность» «нарочитой неправильности отдельных синтаксических построений» в переводе Челлини,¹⁹ все же называл этот метод «рискованным», «спорным» и «скорее исключением» в переводческой практике Лозинского.²⁰ И. А. Кашкин критиковал синтаксис перевода «Жизни» в одном ряду с эквиритмическим, т. е. точно воспроизводящим поэтический синтаксис, переводом «Гамлета», считая оба подхода «формалистическими» («Трудно скинуть со счетов дань, приносимую Лозинским тиранической форме, которая, по его собственным словам, „требуется жертв“ и часто получала их от него в виде следования эквилинеарности, напряженного и связанного синтаксиса и т. п.»²¹). «Нарочито экспериментальной стилизации» Лозинского, который, «прикрываясь мнимым смирением перед чудовищно неправильным языком Челлини, <...> на самом деле проявил величайшее своеволие по отношению к русскому языку»,²² Кашкин предпочел анонимный русский перевод «Жизни» 1848 года (сделанный с французского перевода-посредника), «очень незатейливо передающий язык подлинника, но зато уже подернутый патиной словесной давности, которая пленяет сегодняшнего читателя своей ненадуманной, естественной архаичностью».²³

Перевод Челлини, сделанный Лозинским, принадлежит к другой переводческой линии, имеющей собственно филологические корни в учебных, предполагающих параллельное чтение с подлинником переводах античных текстов, которые приобрели более широкое культурное значение в гомеровских переводах И. Г. Фосса, — немецкий переводчик, соблюдая скрупулезную филологическую верность оригиналу, обогатил, по словам Гете, современный немецкий язык многими «риторическими, ритмическими, метрическими выгодами».²⁴ В России сходными мотивами руководствовался П. А. Вяземский в своем экспериментальном переводе «Адольфа» Бенжамена Константа (1831): буквально передавая синтаксические конструкции французского подлинника, Вяземский делал это в интересах языка перевода, стремясь «изучивать, ощущивать язык наш <...> выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному», и, прежде всего, желая сформировать язык русской прозы, «метафизический язык» — по образцу французского как европейского *par excellence* языка с его «галлицизмами мысли», «логикой общего ума» — как язык «практический», т. е. светский, диалектический язык «мысли», «учености, политики и философии».²⁵

¹⁷ Лозинский цитирует эти слова из статьи Брюсова в своем докладе 1936 года (*Лозинский М.* Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. 1955. № 7. С. 165).

¹⁸ *Лозинский М. Л.* Введение. С. 43. Желая понять, как именно им воссоздан по-русски «живой голос Челлини», переводчик советовал: «...читатель, сличивший какую-либо страницу нашего текста с подлинником, легко уяснит себе, как этот метод применялся нами на деле» (Там же. С. 44). В контексте советского перевода, ориентированного на читателя, не знающего иностранных языков, предложение обратиться к итальянскому подлиннику было весьма вызывающим, не случайно при переизданиях перевода «Вступление» Лозинского не воспроизводилось.

¹⁹ *Федоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы. С. 311.

²⁰ Там же. С. 310–313.

²¹ *Кашкин И. А.* Для читателя-современника. М., 1977. С. 536.

²² Там же. С. 535.

²³ Там же.

²⁴ *Гете И. В.* Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988. С. 326–327 (сер. «Литературные памятники»).

²⁵ См.: *Абдуллаев Е.* «Образуй наш метафизический язык»: история одного пушкинского термина в контексте литературно-философских дискуссий 1820-х годов // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 144–164.

Через сто лет А. А. Франковский вспомнил эту мысль Вяземского, рассуждая в неопубликованном предисловии к своему переводу «Тома Джонса, найденъша» Генри Филдинга о невозможности стилизовать слог английского автора, исполненный «тонкого, „интеллектуального“ юмора и иронии», под «русский XVIII век: слишком велико несоответствие между тогдашней английской и русской культурой, и в слишком „младенческом“ состоянии находился тогдашний русский „метафизический“, по выражению Пушкина, язык».²⁶ Франковский в своих переводах Филдинга и Стерна предпринял сходную с Вяземским попытку обогатить русский язык интеллектуальными риторическими конструкциями английского языка XVIII века «с его рассудочностью, логической расчлененностью, периодичностью, отсутствием эмоциональной расплывчатости».²⁷ Аналогичную задачу, актуально ориентированную на язык перевода, Франковский, как проницательно отметил Г. М. Дашевский, рещал, точно передавая французский синтаксис в своих знаменитых переводах Пруста: в переводе «сохранялась, даже подчеркивалась структура фразы <...> слышна была умная речь автора <...>. Интонация сухого, резкого, острого ума была даже усилена по сравнению с оригиналом — это была уже не довоенная, до 1913 года, интонация речи, располагающей временем и чужим вниманием, сколько послевоенная, после 1918 — более быстрая, более парадоксальная, более циничная, более опустошенная интонация, отзвуки которой мы слышим и у тогдашних русских умников — саркастического Шпета или Соллертинского и, например, в стихах Брехта».²⁸

Синтаксическая форенизация в переводе Лозинским «Жизни» Челлини типологически может быть отнесена к этой, намеченной нами только пунктирно, переводческой традиции, соединяющей фундаментальную филологическую точность перевода с часто революционным, обновляющим влиянием на родной язык. Последнее — актуальная ориентация на современную ему отечественную культуру — в переводах Лозинским классики, исходящих, кажется, исключительно из историко-филологических соображений верности оригиналу, и в самой его своеобразной социальной позиции переводчика, ведущего совершенно замкнутый образ жизни, на первый взгляд не прослеживается. Однако значимым свидетельством обратного представляется его пусть отчасти ироническое автоопределение «филологический демократ», т. е. «человек, относящийся с уважением к народу, носителю языка, который он изучает»,²⁹ а также известные, непривычно патетические, слова, которые Лозинский написал в 1924 году сестре в Париж: «Конечно, жить в России очень тяжело, во многих отношениях. Особенно сейчас, когда все увеличивается систематическое удрушение мысли. Но не *ibi patria, ubi bene*, и служение ей — всегда жертва. И пока хватает сил, дезертировать нельзя. В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он этим приносит ей ущерб; каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а ее надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разойдется, в России наступит тьма, и культуру ей придется вновь принимать из рук иностранцев. Нельзя уходить и смотреть через забор, как она дичает и пустеет. Надо оставаться на своем посту. Это наша историческая миссия...».³⁰

Эти высказывания переводчика позволяют предположить наличие и в его уединенном переводческом труде вообще характерного для «филологического перевода» 1930-х годов соединения фундаментальной академической точности с имплицитной актуальной ориентацией.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 132 (фонд проходит научно-техническую обработку).

²⁷ Там же.

²⁸ Дашевский Г. Пропасти перевода // Коммерсант Weekend. 2008. 17 окт.

²⁹ Так излагает позицию М. Л. Лозинского его брат Г. Л. Лозинский в письме к их сестре Е. Л. Миллер 26 августа 1921 года, цит. по: *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2008. С. 67.

³⁰ Цит. по: *Ивановский И. М.* Воспоминания о Михаиле Лозинском. С. 202.

Подготовительные материалы к переводу, сохранившиеся в архиве Лозинского, говорят о том, что решение систематически точно воспроизводить синтаксические особенности языка Челлини было принято им не сразу, а опиралось на предварительное исследование, далеко превосходящее по своей филологической основательности распространявшийся позже в советском переводе стилизаторский метод покрытия текста внеисторической «патиной словесной давности». Первоначальный вариант перевода был вполне точным, но скорее искусно стилизовал по-русски солецизмы Челлини, чем точно воспроизводил их (этот вариант отпечатан на машинке, и уже поверх рукой Лозинского внесена густая правка). Приведем в качестве примера первую главку текста, которая обычно служит стилистическим камертоном.

Оригинал

Tutti gli uomini d'ogni sorte, che hanno fatto qualche cosa che sia virtuosa, o si veramente che le virtù somigli, doverieno, essendo veritieri e da bene, di lor propria mano descrivere la loro vita; ma non si doverrebbe cominicare una tal bella impresa prima che passato l'età de' quarant'anni. Avvedutomi d'una tal cosa, or ache io cammino sopra la mia età de' cinquantotto anni finiti, e sendo in Fiorenze patria mia, sovvenendomi di molte perversità che avvengono a chi vive; essendo con manco di esse perversità, che io sia mai stato insino a questa età, anzi mi pare di essere con maggior mio contento d'animo e de sanità di corpora che io sia mai stato per lo addietro; e ricordandomi di alcuni piacevoli beni e di alcuni innistimabili mali, li quali, volgendomi in drieto, mi spaventano di meraviglia che io sia arrivato insino a questa età de' 58 anni, con la quali tanto felicemente io, mediante la grazia di Dio cammino innanzi.

Первоначальный вариант

Всякий человек, какого бы он ни был звания, создавший что-либо достойное или почитаемое достойным, должен бы, если он правдив и добропорядочен, собственноручно описать свою жизнь; но к такому благому началу не следует приступать, прежде нежели минет сорок лет. Убеждаясь в этом теперь, когда подходит к концу пятьдесят восьмой год моей жизни; находясь у себя на родине, во Флоренции, и вспоминая о многих превратностях, постигающих всякого, кто живет; претерпевая сейчас меньше таких превратностей, чем когда либо раньше на своем веку (мне даже кажется, что никогда еще я не знал такого душевного мира и телесного здоровья, как ныне); и размышляя о кое-каких иных отрадах и кое-каких несказанных бедствиях, оглядываясь на которые я ужасаюсь и дивлюсь, как это я дожил до своих пятидесяти восьми лет и с ними, так благополучно, произволением божиим, иду вперед.³¹

Окончательный вариант

Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное или похожее на доблесть, должны бы, если они правдивы и честны, своею собственною рукою описать свою жизнь; но не следует начинать столь благого предприятия, прежде нежели минет сорок лет. Убеждаясь в этом теперь, когда я переступил за возраст пятидесяти восьми полных лет, и находясь во Флоренции, моем отечестве, памятуя о многих превратностях, постигающих всякого, кто живет, будучи в меньших таких превратностях, чем когда либо до сих пор, — мне даже кажется, что я в большем душевном довольствии и телесном здравии, чем когда-либо раньше, — и вспоминая о кое-каких благих отрадах и кое-каких неопишуемых бедствиях, каковые, когда я оборачиваюсь назад, ужасают меня удивлением, что я достиг до этого возраста пятидесяти восьми лет, с каковым столь счастливо я, благодаря милости божией, иду вперед.³²

В результате правки все конструкции перевода последовательно приближаются к буквальному воспроизведению словесных конструкций оригинала, как в пределах словосочетаний:

всякий человек → все люди (tutti gli uomini);

какого бы он ни был звания → всяческого рода (d'ogni sorte);

³¹ К тексту сделано примечание Лозинского: «Период незакончен».

³² Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931. С. 53.

собственноручно → свою собственную рукою (di lor propria mano),
так и в более длинных фразах, где калькируется итальянский порядок слов:
находясь у себя на родине, во Флоренции → находясь во Флоренции, моем отечестве (essendo in Firenze patria mia);

но к такому благому начинанию не следует приступать → но не следует начинать столь благого предприятия (ma non si doverrebbe cominciare una tal bella impresa);

когда подходит к концу пятьдесят восьмой год моей жизни → когда я переступил за возраст пятидесяти восьми полных лет (or ache io cammino sopra la mia età de' cinquantotto anni finiti).

Синтаксические и лексические солецизмы Челлини передаются с предельно возможной точностью:

претерпевающая сейчас меньше таких превратностей → будучи в меньших таких превратностях (essendo con manco di esse perversità);

оглядываясь на которые я ужасаюсь и дивлюсь → каковые, когда я оборачиваюсь назад, ужасают меня удивлением (li quali, volgondomi in drieto, mi spaventano di maraviglia);

как это я дожил до своих пятидесяти восьми лет → что я достиг до этого возраста пятидесяти восьми лет (che io sia arrivato insino a questa età de' 58 anni).

Лозинский также составил список «Стилистические примеры», специально посвященный точному воспроизведению характерных для языка Челлини солецизмов:³³

«...я застал его... *в то время* как там проживали... (вм<есто>: *где* в то время проживали) [il quale io trovai... *innel tempo* che ivi era alloggiato]»;

«...а т. к. у меня был домик в страда Юлия, *который будучи не в порядке, я решил спешиться*... [e perché io tenevo una casetta in istrada Iulia, *la quale non essendo in ordine, io andai a scavalcare*]»;

«Говорят, *что* тогда в этом обмороке, *что* я метался... (вм<есто>: ...что тогда..., я метался...) [Dicono *che* allora in questa svenire, *che* io mi sagliavo...]»;

«Я решил, *что*, как только настанет день, велеть пустить себе кровь (вм<есто>: решил... велеть или же: решил, что... велю) [Avevo fatto proposito *che*, come gli era giorno, di farmi trar sangue]»;

«...сделав рисунок... и со всем усердием... я двигал его вперед (вм<есто>: сделав... я двигал) [Avendo fatto io un disegno... e con più sollecitudine... io potevo lo tiravo inanzi]»;

«Полагаясь на свои высокие сапоги... и подавши ногу вперед, подо мной расступилась почва [Fidandomi de' mia stivali... spignendo il piede innanzi mi si sfondò il terreno]»;

«Этот алмаз, папа за мной послал и дал мне его... [Questo diamante il Papa lo mandò per me e me lo dette...]»;

«...каковые слова я *их* сказал папе (вм<есто>: как<овые> слова я сказал папе) [le qual parole io *le* dissi al Papa]»;

«...которые в своем месте я научу, как *они* делаются (вм<есто>: как делались) [le quali al suo luogo insegnerò come *le* si fanno]»;

«Решив... ехать..., как потому, что я увидел... и из страха...; поэтому я расположился (неправ<ильный> период) [Essendomi risoluto... sí per aver verduto... e per paura...; però mi ero disposto]».

Сохранившиеся в архиве библиографические выписки Лозинского позволяют предположить, что подход к переводу «Жизни» сформировался у него под влиянием работ о стиле Челлини немецкого филолога Карла Фосслера (Karl Vossler). Лозинский записывает себе: «О стиле Челлини посмотреть у: [Victor] Klemperer, *Lent (Leut) E.* (вероятно, имеется в виду Lerch Eugene. — М. Б.), Spitzer L<eo>». Против всех имен помечено «нет», т. е. нет в ленинградских библиотеках, аналогичный отказ — на спе-

³³ Все примеры у Лозинского снабжены отсылками к номерам страниц и строк, сверху — в подавляющем большинстве случаев по критическому изданию Орацио Баччи (Vita di Benvenuto Cellini. Testo critico con introduzione storiche per cura di Orazio Bacci. Firenze: G. S. Sansoni Editore, 1901), снизу — вероятно, по рукописи перевода. Здесь и далее подчеркивания принадлежат Лозинскому, курсивы и вставки в квадратных скобках — наши. Искренне благодарю А. Ю. Миролюбову за помощь в прочтении итальянского текста.

циальную книгу Фосслера «Benvenuto Cellini's Stil in seinen „Vita“. Versuch einer psychologischen Stilbetrachtung» (1899). Однако в Публичной библиотеке нашлись другие книги Фосслера (в том числе фундаментальное исследование стиля «Божественной комедии», которое, несомненно, оказало влияние на вскоре начатую Лозинский работу над переводом Данте), и, прежде всего, Лозинский прочитал статью Фосслера «О грамматических и психологических речевых формах». ³⁴ Об этом свидетельствует сохранившийся среди подготовительных материалов к переводу «Жизни» листок, на котором выписаны, с пометой «Vossler», во-первых, типы грамматических нарушений: «Ellipsen. Anakkoluthen. Pleonasmen. Inversionen. Permutation», ³⁵ буквально взятые из этой статьи, ³⁶ и, во-вторых, приводимая Фосслером по-итальянски цитата из Бенедетто Варки, оставившего текст Челлини «в чистом виде» («in cotesto puro modo»). ³⁷ Кроме того, именно в этой статье Фосслер ссылается на работы Лео Шпицера и Эжена Лерха о стиле в связи с синтаксисом (поэтому, вероятно, Лозинский хотел их прочесть, хотя в них нет речи о Челлини), а также, что для нас особенно важно, приводит много примеров из «Жизни».

Выписки Лозинского указывают на то, что именно привлекло его в статье Фосслера. Отказ Бенедетто Варки, ученого друга Челлини, править его слог Лозинский переносит на задачу переводчика: «В своей работе переводчик „Vita“ должен неуклонно следовать примеру Бенедетто Варки, отказавшегося „подскабливать и подправлять“ несуразный слог Бенвенутто». ³⁸ Фосслер рассматривал особенности языка Челлини как «психологические» грамматические категории: в родном ему флорентийском диалекте и разговорной речи Челлини находил «источник или грамматический зачаток» того или иного языкового явления, а в своем «душевном устремлении — побуждение к <его> употреблению». ³⁹ Лозинский, стремясь воспроизвести стиль Челлини, ищет в русском языке адекватные грамматические возможности. Конечно, это не могут быть просто архаичные русские лексика и синтаксис — «патина словесной давности» или русские «простонародные» формы — Лозинский проводит скрупулезную

³⁴ Vossler K. Über grammatische und psychologische Sprachformen // Logos. 1919. Bd 8. S. 1–19.

³⁵ Судя по тому, что Лозинский читал статью по-немецки, а не в весьма точном русском переводе «Грамматические и психологические формы в языке», вышедшем в 1928 году в составленном В. М. Жирмунским томе «Проблемы литературной формы», это произошло в самом начале его работы над переводом «Жизни».

³⁶ «Всевозможные нарушения традиционного и правильного построения предложений — эллипсы, анаколуфы, плеоназмы, инверсии и перестановки...» (цит. по: Фосслер К. Эстетический идеализм: избранные работы по языкознанию / Пер. с нем. Сост. В. Д. Мазо. М., 2007. С. 93).

³⁷ Там же. С. 92.

³⁸ Лозинский М. Л. Введение. С. 43. Фосслер развивает слова Варки: тот «чувствовал, что грамматическая правильность литературного языка не подошла бы к самобытной натуре Бенвенуто <...> если не прямо, то косвенно все неправильности языка Челлини заложены в его душевном мнении («seelischer Meinung». — М. Б.) и именно поэтому самобытны. <...> Своим душевным мнением Челлини доставил нам наслаждение, которое вряд ли желал нам доставить, а именно: наслаждение эстетическое» (Фосслер К. Эстетический идеализм. С. 92–93). «Психологические» солецизмы приобретают общеэстетическую функцию, переходя из индивидуальной речи в область сознательного литературного творчества, «испытываются усердными служителями искусства с точки зрения их риторического воздействия и рекомендуются в учебниках стилистики (те самые «эллипсисы, анаколуфы...», которые выписал себе Лозинский. — М. Б.). Тем самым открывается художественная ценность, т. е. возможность художественного использования некоторых несоответствий между грамматической и психологической формой языка» (Там же. С. 93). Лозинский повторяет мысль Фосслера о том, что неправильности в языке Челлини не являются сознательными, намеренными и при этом обладают эстетической, а также психологической и исторической ценностью: «Сам того не думая, Челлини, стремившийся как-никак к тому, что ему казалось книжной речью, оставил нам неподражаемый образец живого, яркого, нескладного повествования <...> его не стесняющийся грамматикой рассказ дарит нас совершенно исключительным художественным наслаждением. <...> Не менее замечательна „Vita“ и как психологический документ. <...> она дает нам богатейший материал для суждения об ее авторе как о самобытной личности и как о сыне своего времени» (Лозинский М. Л. Введение. С. 39–40).

³⁹ Фосслер К. Эстетический идеализм. С. 73.

сравнительно-стилистическую работу и приходит к уже цитированному выводу, что «за вычетом некоторых форм <...>, главнейшие ходы челлиниевской речи находят в русском языке достаточные аналогии».⁴⁰

Так, с точки зрения Фосслера,⁴¹ наличие в итальянском языке грамматического элатива (*buonissimo, asinissimo, vostrissimo, Rossinisimo* и проч.) позволяет говорить о «психологической категории элатива» в языке Челлини. Во фразе «...io conosco, che vostra Eccellenza mi ha questa molta poca fede» согласование «molta» и «poca» (нормативная грамматика требует здесь «molto poca») — не просто механическая аттракция, согласование неизменяемой части речи с изменяемой. Челлини устанавливает между ними более крепкую связь, чем это допускается в строгой грамматике литературного языка, используя двойственную природу «molto» как прилагательного и как наречия, «он создает своего рода элатив, который мы вполне можем считать за психологическую категорию».⁴² Речь идет о неочевидной черте стиля Челлини, вытекающей из другой его, бросающейся в глаза, склонности к использованию грамматических и лексических суперлативов и элативов, конечно в полной мере переданной Лозинским.⁴³ Отмеченную Фосслером «психологическую категорию» элатива в словосочетании «molta poca» Лозинский передает русским солецизмом с той же функцией: «Государь, я знаю, что ваша высокая светлость имеет ко мне эту *весьма малую* веру...».⁴⁴

Другой пример из Челлини, который Фосслер приводит для иллюстрации невольного расхождения грамматической (нормативной) и психологической языковых категорий, возникающего, когда говорящий «не может справиться с грамматикой»,⁴⁵ из-за чего фраза у него иногда может «иметь совершенно другой вид, чем он предполагал»: «Cosi (Lucagnolo) preso il suo vaso, portato al papa, resto soddisfatto benissimo, e subito lo fece pagare». Подлежащим к «resto» и «feco» является уже не Луканьола, как требует грамматика, а «il papa». Лозинский в своем переводе снова находит адекватный русский грамматический солецизм: «И вот, взяв свою вазу, *отнеся ее к папе, тот остался* чрезвычайно доволен и тут же велел ему заплатить...».⁴⁷

Помимо филологически точного воссоздания средствами русского языка синтаксических солецизмов Челлини, Лозинский проводит скрупулезную работу с его лексикой. Переводчик составил около тысячи карточек, на которых выписал случаи повторения во всем тексте Челлини излюбленных им слов (все выписаны с ближайшим контекстом, т. е. Лозинский ставит значение в непосредственную связь с синтаксической конструкцией, в которой находится слово): *altrimenti, buon(o), capo, carezzare, carezze, caro, credde (crescere), snore, curarsi, dabbene, fastidio, fatica, ofatto, grato, imaginario si possa, inistimabile, innanzi, intendere, intorno, lasciare, male, mancare, meglio, modo, mondo, morto, noia, nula, oltramodo, onde, ora, ordine, orecchio, parte, piacere, più, poco, potenza, segno, signor, sorta (sorte), sposa, stare, tenere, termine, tornare, valente (valoroso), vedere, via, virtù, virtuosamente, voglia, volere bene (volere*

⁴⁰ Лозинский М. Л. Введение. С. 42–43.

⁴¹ Фосслер К. Эстетический идеализм. С. 71.

⁴² Там же. С. 72.

⁴³ Ср.: «Читателю, конечно, запомнится гиперболичность его определений: изумительнейший синьор Джованни; изумительный рубака; изумительное войско; неопишущая болезнь; неопишущие труды; неопишущая жажда; болезнь его безмерная; его домоправительница — самая искусная, какая когда-либо рождалась, и настолько же самая сердечная; его друг — самый удивительный юноша и самый отважный; даже за обедом его удивительно накормили» (Пинский Л. Е. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер. с итал. М. Лозинского. М.: ГИХЛ, 1958. С. 23).

⁴⁴ Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931. С. 587.

⁴⁵ Фосслер К. Эстетический идеализм. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 80.

⁴⁷ Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931. С. 97.

male), volta и др. Тут же варианты перевода на русский, все с указанием страниц и строк по итальянскому оригиналу и рукописи перевода, что свидетельствует о том, что эта аналитическая работа делалась *post festum*: Лозинский сначала целиком перевел текст, а потом подверг собственную рукопись анализу. Какую именно переводческую задачу (вернее, задачи, в зависимости от конкретных языковых ситуаций) решал здесь переводчик, не всегда очевидно. В предисловии он отметил, что особое внимание было «обращено на то, чтобы отдельные элементы челлиниевской прозы, избыливающей повторением одних и тех же ходов, оборотов и выражений, передавались одинаково на всем протяжении текста».⁴⁸ Ключевое слово здесь «элементы», указывающее на то, что повторяющиеся «ходы, обороты и выражения» передаются одинаково не как изолированные единицы, а в составе синтаксических конструкций. Это поясняет приводимая Лозинским во введении к переводу изящная и обильно детализированная аналогия, выдержанная в барочном стиле Челлини-ювелира: «Труд переводчика такой книги, как „Vita“, — если прибегнуть к сравнению из области, близкой Челлини, — напоминает нам труд мастера, работающего над перегородчатой эмалью. Он должен сделать точное подобие чудесной чаши, вроде той, о которой так хорошо сказано во второй главе „Трактата о золотых дел мастерстве“ (Il lavorar di filo): узорчатый остов из тонкой проволоки, с просветами, заполненными прозрачной эмалью. Он знает, что его финифть тусклее и не так заиграет красками, если посмотреть на свет; но зато он тщательно повторяет причудливый узор проволочного остова, чтобы хоть в этом приблизиться к редкостной прелести образца. Так и переводчик „Vita“ должен на каждой странице повторять тот же хитрый чертеж речевого строя, что у Челлини, и заполнить его словесной финифтью, по возможности такой же пестрой и ясной, как и флорентийская. Но второе труднее, чем первое, и достижимо лишь иногда».⁴⁹

При внимательном прочтении этот декоративный образ оказывается абсолютно точным и конкретным описанием переводческого метода: имея в качестве оригинала для копирования текст Челлини, Лозинский в точности воспроизводит его «проволочный остов», т. е. синтаксическую структуру. Далее он заполняет ячейки русской лексической, фразеологической и прочей драгоценной словесной «финифтью», которая, он знает, неизбежно будет тусклее, чем в образце, но все же стремится сделать ее такой же одновременно «пестрой» и «ясной».

Лозинский крайне редко использует самый простой и очевидный способ передать манеру Челлини много раз повторять одно и то же слово или выражение — переводить его одним и тем же русским словом. К этим немногочисленным примерам относятся: частотное, в разных сочетаниях, «carezze» (ок. 40 случаев), которое везде переводится как «ласки» и однокоренными ему (чаще всего «учинить ласки»; также и вынесенное на отдельный листок «carezzare»: «ласкали / обласканным / быть ласкаемому / полазкать»); «inistimabile» (ок. 20 случаев) — всегда «неописуемый»; «sorta (sorte)» — «разного / всякого / всяческого / многого / такого / какого угодно рода»; «valente» (более 40 случаев) почти всегда «искусный / искуснейший человек», «искусник» (исключения: «valente uomo — молодец», «valenti uomini — сведущие люди», «valentissimo uomo — храбрый человек», «il più valente — отменнейший»).

Даже эти примеры при ближайшем рассмотрении не так просты: на всех листах в левом верхнем углу есть помета «0» или «0%». Мы предполагаем, что знаком «0» маркированы слова хоть и частотные в языке Челлини, но используемые им в основном в пределах узуальной нормы, тогда как знак «0%» говорит о том, что, помимо случаев узуального употребления, есть и случаи психологически окрашенные, собственно идиостилевые (впрочем, как показывают некоторые последующие примеры, эта интерпретация не является исчерпывающей). Из приведенных выше слов два, «carezze» и «sorta (sorte)», помечены «0%». Можно предположить, что «carezze» приобретает стилистическую окрашенность в самом частотном и при этом стилистически своеобразном сочетании «учинять ласки» (первоначально Лозинский в нескольких

⁴⁸ Лозинский М. Л. Введение. С. 43.

⁴⁹ Там же.

случаях использовал более нормативное «оказывать ласки», но потом везде исправил на стилистически маркированное «учинять»). Это объясняет и то, почему однокоренное ему «carezzare», с пометой «0», вынесено на отдельный листок: оно везде функционирует в пределах стилистического узуса («ласкали / обласканным» и проч.). «Sorta (sorte)», вероятно, маркировано как навязчивый разговорный солецизм, устойчивая речевая формула Челлини, начиная с первой же строки «Жизни», «Все люди всяческого рода...» («Tutti gli uomini d'ogni sorte...»), и далее более 30 примеров, от выделенных только своей повышенной частотностью («такого / другого / всякого / подобного / какого / разного / какого угодно / этого рода») до отчетливо разговорных «прекрасного рода произведение», «прекраснейшего рода шерстью», «никакого рода яду», «многого рода рыбы» и «герцог такого рода» (в значении: «такой»).

Е. Г. Эткинд проанализировал сделанные Лозинским выписки для частотного слова «*assoglienza*»: когда оно входит в «сочетания, повторение и парафразирование которых имеет стилистическое значение, М. Лозинский переводит его одним и тем же словом „прием“», в других он подчеркивает «полисемантическую функцию слова — оно может соответствовать русским словам „радость“, „любезность“, „приветливость“, „приветствие“»; наконец, есть случаи, когда переводчик отмечает «формулы» соединения слова с разными эпитетами: «он оказал мне великий прием», «весьма почетный прием», «неописуемый прием», «самый милостивый прием», «столь милостивейший прием», «премилостивый прием», — «формулы эти выписаны переводчиком для того, чтобы, по возможности, добиться наибольшего лексического разнообразия и в то же время воспроизвести характерные для Челлини повторяющиеся, хотя и варьируемые, формулы».⁵⁰ В целом проницательно описав стилистические задачи, которые решал Лозинский, Эткинд не в полной мере учел степень филологической точности проведенной переводчиком сравнительно-семасиологической работы, которую отчетливо демонстрирует пример с другим словом, «*male*» (помета: «0 %»). В его переводе Лозинский опирается на данное Бруноне Бьянки⁵¹ толкование выражения «*ebbe per male*» в языке Челлини: «*Bi<anci>: 231n: Aver per male una cosa — offendersi, revutassene offeso, o prenderla in mala parte, e adirarsene*» («Бьянки, с. 231, прим. Принять за обиду — обижаться, счесть себя обиженным или понять как обиду, разгневаться»). Вероятно, Лозинский ставил своей задачей сконструировать из разных слов русского языка, которыми он передает «*male*»: «рассердиться» (8 раз), «быть недовольным» (3 раза), по 1 разу «обидеться», «жаль», «неприятно», «досадно», «сделать зло», «причинить вред», а также «чувствовать себя худо», «сделать больно», «болезнь», — смысловой комплекс, адекватный челлиниевскому как в общем семантическом объеме, так и во внутреннем соотношении значений.

Есть еще один довольно очевидный пример филологического перевода слова, на этот раз с историко-литературным основанием — «*virtù*». Это слово или, вернее, понятие комментирует Пинский в предисловии к «Жизни»: «Уже само начало мемуаров знаменательно: „Все люди всяческого рода, которые сделали что-либо доблестное (*virtuosa*) или похожее на доблесть (*virtù*) должны бы... описать свою жизнь“. Здесь мы сразу сталкиваемся с понятием, являющимся как бы этическим девизом всей эпохи итальянского, да, пожалуй, и всего западноевропейского Ренессанса. Значение слова „*virtu*“ для Возрождения (как и всякое богатое в своей исторической конкретности понятие) может быть только приблизительно передано современным русским словом „добрлесть“. Слово „*virtu*“ вызывает у итальянца XV–XVI веков целый комплекс представлений. Это прежде всего представление о значительных, великих делах, на которые способен человек, рожденный не для прозябания в обыденном и мелочном, и которыми ознаменована прожитая им жизнь»,⁵² и Эткинд, отмечающий, анализируя варианты перевода слова «*virtuoso*», что Лозинский, передавая его по-разному — как

⁵⁰ Эткинд Е. Г. Архив переводчика. С. 399.

⁵¹ *La vita di Benvenuto Cellini: scritta da lui medesimo, restituita esattamente alla lezione originale con osservazione filologiche e brevi note di Brunone Bianchi*. Firenze: Successori Le Monnier, 1866. Лозинский пользовался переизданием 1891 года.

⁵² Пинский Л. Е. Бенвенуто Челлини. С. 8.

«дельный» (2 раза), «доблестный» (5), «замечательный» (3), «даровитый» (27), «художнический» (5), «достойный» (2), «честный» (1), «мастерской» (1) и проч., — стремился уяснить для себя «объем значения» итальянского слова и «его соотношение со словами русской лексики». ⁵³ Оба наблюдения в целом верны, но могут быть уточнены: Лозинский работает не вообще с итальянским языком XV–XVI веков, а с индивидуальной речью Челлини, в значительной мере опираясь на комментарии к этому слову в критическом издании Бруноне Бьянки: «*sentore di virtù: significa possedimento di alcun valore in qualche art o scienza*» («быть доблестным: означает обладание некой ценностью в каком-то искусстве или науке»); ⁵⁴ «*virtù*» — «*valore, pregio*» («значение, заслуга»), ⁵⁵ «*attitudine, destrezza*» («способность, сноровка»); ⁵⁶ «*virtuosi*» — «*valorosi, prodi*» («виртуозные — доблестные, храбрые»); ⁵⁷ «*virtuose — int. riguardanti l'arte*» («виртуозность — применительно к искусствам») ⁵⁸ и др. Соотношение значений русских слов, которыми Лозинский передает челлиниевское «*virtù*», отражает своеобразную иерархию «доблестей» в понимании переводимого им мастера-ювелира и скульптора: «*талант*» (17 раз), «*искусство*» (15 раз), «*дарование*» (11 раз), «*доблесть*» (10 раз), «*достоинство*» (4 раза), по 2 раза «*знание*» («в см <ысле>: наука») и «*ум*»; по 1 разу: «*наука*», «*изящество*», «*суть*», «*чувства*», «*рассудок*»; в переводе «*virtuosamente*» также доминирует «*искусство*» (4 раза; по одному разу — «*добродетельно*», «*доблестно*», «*мастерски*»).

Труднее поддается интерпретации работа Лозинского с самыми обыденными и частотными словами. Так, толкование «*modo*» (около 100 случаев употребления, помета на первом листе: «о», на последующих трех: «%») в частотном выражении «*di modo che*» дается с опорой на комментарии Бруноне Бьянки и Орацио Баччи: «*[qui è usato nel senso di una congiunzione eccettuativa; come,] pure o con tutto ciò*» («здесь используется в значении выделительно-ограничительного союза; а также „или“ и „несмотря на это“»); ⁵⁹ «*[vale qui il semplice] così*» («здесь просто в значении „так“»); ⁶⁰ «*fatto sta e simili*» («„дело в том“ и подобн.»). ⁶¹ Баччи также несколько раз указывает на разговорный характер выражений с этим словом в языке Челлини, как «*in nel modo che una truova com es. Forma popolare che ha del ridondante, e che vale quanto dire: nel modo in cui vede che gli altri vivono*» («Разговорная избыточная форма, в значении: „как он видит, что другие живут“»); ⁶² «*in questo modo, cioè, nello scrivere la propria vita*» («„каковым образом“» и *passim*, „при написании собственной жизни“»). ⁶³ Своеобразие этого выражения в языке Челлини раскрывается не столько в его собственно лексической функции, сколько в синтаксической и фразеологической, поэтому, вероятно, Лозинский выписывает множество лексически однородных примеров:

in tutti i modi che a lui piace — любым способом, каким ему угодно;

in tutti i modi — [я] любым образом [сделаю, как вы захотите];

in ogni modo — во что бы то ни стало;

a suo / mio / loro / quel modo — по... способу <5 случаев употребления на одной странице переводятся одинаково. — М. Б.>;

a mio / suo / loro modo — по-моему / своему / ихнему <7 случаев употребления. — М. Б.>;

a ogni modo — во всяком случае;

in modo alcuno / per modo nessuno — ни в коем случае;

⁵³ Эткинд Е. Г. Архив переводчика. С. 399–400.

⁵⁴ La vita di Benvenuto Cellini. P. 2.

⁵⁵ Ibid. P. 98.

⁵⁶ Ibid. P. 195.

⁵⁷ Ibid. P. 4.

⁵⁸ Ibid. P. 195.

⁵⁹ Ibid. P. 428, n. 4.

⁶⁰ Ibid. P. 464, n. 2.

⁶¹ Vita di Benvenuto Cellini. Testo critico con introduzione storiche per cura di Orazio Bacci. P. 186, n. 23.

⁶² Ibid. P. 2.

⁶³ Ibid.

assonciana in quell modo che tu vuoi — представляй это в каком хочешь виде;
 con un bel modo — с невинным видом;
 in ogni modo che egli poteva — каким только способом он может
 in quel modo — таким способом;
 in quel modo che... — таким же образом, как...;
 a ogni modo — каким-нибудь образом;
 in tutti e' modi che... — каким бы способом ни...;
 il modo che io dovevo stare — то положение, в котором я буду;
 modo che — как бы;
 in quel modo che... — таким образом, как...;
 in tutti modi — во всяком случае;
 a uno modo — на мой лад.

Есть случаи, когда частотное слово, как наречие «altrimenti», переводится как в стилистически немаркированном, словарном значении («иначе», «в противном случае», «еще как-нибудь»), так и с помощью русских лексических и морфологических плеоназмов, передающих избыточность в его употреблении Челлини:

non pensavo che nissuno... m'avessino àuto a vigilare altrimenti — я никак не думал, чтобы кто-нибудь... стоит меня как-нибудь подстергать;

penso, che... sia altrimenti degno — полагаю, что... будет подостойнее;

non vi potetti aiutare altrimenti — ничем не мог вам помочь;

io non lasciai fare altrimenti fuoco — я не дал разводить никакого огня;

senza montare altrimenti — не сядет уже больше.

Аналогичным образом переводится слово «mondo» (помета: «0»): кроме нескольких случаев, помеченных NB, где слово употреблено Челлини в рамках нормы («boriosità di mondo / boria mundana — мирское тщеславие»; «oner del mondo / onor di mondo — уважение к людям»; «fragilità del mondo — бренность мира»; «a region di mondo — по мирской справедливости»), оно везде имеет разговорную окраску усиления и чаще переводится не буквально, хотя в русском есть для этого очевидная лексическая возможность, которую Лозинский несколько раз использует («desiderare al mondo — желают *на свете*»; «il maggior riboldo che fussi al mondo — величайший злодей, какого только *видел свет*»), а с использованием других разговорных оборотов в той же функции:

non gli darebbe una noia al mondo — *ни чуточки* не будет мешать;

senza un proposito al mond — безо всякого *решительно* основания;

non mi fanno una panza al mondo — не пугают меня *нисколько*;

nulla al mondo — ничего *решительно* / *как есть* ничего / *ровно* ничего;

non... per farmi un male al mondo — не для того, чтобы *как-нибудь* мне навредить;

non... un male al mondo — *ни малейшего* вреда;

prima... che ogni altro che far si potessi al mondo — прежде... чем всякое другое, какое *только* может быть сотворено;

lui non facero una difesa al mondo — он *совсем никак* не защищается;

la più... che sia possibile al mondo — самое... какое *только вообще* возможно;

facera... chem ai far si possa al mondo — оказывала... *какие только* можно оказывать; senza un rispetto al mondo — безо всякого *как есть* почтения.

Подготовительные материалы к переводу «Жизни» позволяют понять метод и уникальную скрупулезность подхода Лозинского к переводческой работе, имеющей характер фундаментального филологического исследования. Твердо понимая перевод в ключе классической философско-лингвистической идеи принципиальной «непереводимости» между языками и соответственно видя задачу переводчика как «неразрешимую и допускающую только приближенные решения»,⁶⁴ он применительно к каждому конкретному переводимому тексту вырабатывает специальный метод, выявляя, с опорой на существующие филологические исследования (работы об эпохе и стиле переводимого автора, комментированные критические издания переводимого

⁶⁴ Лозинский М. Искусство стихотворного перевода. С. 160.

текста и проч.),⁶⁵ его определяющие стилистические черты, точнее, те из них, которые могут быть адекватно переданы по-русски. Опора на Фосслера (который вообще хорошо был известен как романист филологам одного с Лозинским университетского происхождения, хотя и оказался вытеснен в лингвистической моде Ф. де Соссюром) указывает, кажется, на самую суть понимания Лозинским работы переводчика как филологической: исследование стиля индивидуального автора, которым так или иначе практически занимается переводчик, понимается как восходящий путь к усвоению «форм мышления» этого автора, его эпохи, духа языка и народа. Сделав полный предварительный перевод (вполне точный и художественный, совершенно удовлетворивший бы менее скрупулезного переводчика), Лозинский подвергает его ретроспективному сравнительно-стилистическому анализу. Считая, вслед за Фосслером, своеобразно неправильный синтаксис Челлини доминантной чертой его стиля, Лозинский совершенствует свои переводческие решения, опираясь на три критические итальянские издания «Жизни» (Баччи, Бьянки и д'Анконо (P. d'Ancono)) и на другие имеющиеся переводы — на немецкий И. В. Гете (1803) и Г. Конрада (H. Conrad, 1908), на английский Дж. А. Симмонса (J. A. Symmons, 1887) и Р. Каста с С. Черчиллем (R. H. N. Cust и S. J. A. Churchill, 1910), на французский Л. Лекланша (L. Leclanché, 1847) и Д. Д. Фаржасса (D. D. Farjasse, 1875), — к которым он обращается прежде всего для перевода тех мест, где темнота смысла связана с неясным синтаксисом и должна быть передана так же темно, но при этом совершенно точно. Такие пассажи собраны в списки «Dubia»⁶⁶ и «Сомнительные места», например: «[E mosso a passeggiare,] la cosa che faceva per me, mi piacque [, e cominciò a ragionare col Papa del modo che io avevo fatto a tingere il diamante]». Лозинский сомневается, что является подлежащим («cosa? Papa?»), и, соответственно, рассматривает два варианта перевода: «и так как он это делал для меня, то мне понравилось / и так как мне это было на руку, то мне это понравилось»; помечает себе посмотреть, какая пунктуация в этой фразе в изданиях Бьянки и д'Анконо; выписывает, как перевели эту фразу Симмонс, Каст, Лекланш, Фаржасс, Гете и Конрад, — и останавливается на втором варианте: «И он начал расхаживать, и так как мне это было на руку, то это мне понравилось, и я начал беседовать с папой о том, каким образом поступил, чтобы поддвигнуть алмаз».⁶⁷

Трудные места, которым Лозинский уделяет особенно много внимания, в его переводе кажутся совершенно простыми, т. е. не указывают на лежащую в их основании

⁶⁵ Кроме того, опираясь на библиографические примечания в основных монографиях о творчестве Челлини (как скульптора, медальера, автобиографа и проч.) Эжена Пло (Eugène Plon), Эмиля Молинье (Emile Molinier), Игньо Бенвенуто Супино (Ignio Benvenuto Supino) и Анри Фокийона (Henri Focillon) (см.: Лозинский М. Л. Введение. С. 45), Лозинский выписывает себе в ленинградских библиотеках (в архиве сохранились библиотечные требования и библиографические выписки) десятки общих и специальных исследований на основных европейских языках об итальянском и французском искусстве и литературе, русские специальные труды о металлической и медной промышленности и утвари, отмечает существование романа А. Дюма-отца «Асканио» («Ascanio, ou l'orfèvre du roi», 1843) о пребывании Челлини во Франции и основанных на нем одноименных оперы Сен-Санса «Асканио» и картины Жана Фовеле (Jean Fauvelet) в художественном музее Люксембурга. Аналогичным образом, но в гораздо большем объеме организованы материалы к «Божественной комедии» (см.: Эткинд Е. Г. 1) Архив переводчика. С. 395–398; 2) Поэзия и перевод. С. 185–189): они включают в себя папки «Библиография Данте», «Книги о Данте» (конспекты и рефераты разных трудов, как общих, так и специальных) и «Материалы к „Божественной комедии“» (реальный и лингвистический комментарий ко всем темным и сомнительным местам итальянского текста с опорой на разных комментаторов и толкования других переводчиков), которые были использованы как собственно в переводе, так и в обширном комментарии к нему. Кроме того, материалы к Данте содержат специальные папки, обобщающие просодию и рифмы Данте.

⁶⁶ Эткинд описал рубрику «Dubia», отметив в ней подразделы «Грамматические формы», «Географические названия», «Имена», «Оружие», «Печали» и «Поносные слова» (Эткинд Е. Г. Архив переводчика. С. 398, 401). Вероятно, со времени работы Эткинды с архивом Лозинского часть материалов, связанных с Челлини, была утрачена или переформирована — нам удалось обнаружить только несколько листов с таким заголовком, содержащих сплошной, без рубрикации, список в основном грамматически темных мест.

⁶⁷ Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931. С. 307.

работу переводчика, как, например, короткая ругательная эпиграмма Челлини на Бернардоне, ненавидимого им соперника, «золотых дел мастеришку» и поставщика монетного двора, и его сына Баччо:

Qui giace Bernardone, asin, porcaccio, Spa, ladro, sensate, in cui pose Pandora; maggior mali, e poi transpose Di lui quell pecorino maestro Buaccio.	Здесь Бернардоне спит, осел, скотина, Шпион, вор, маклер, в чьемместила теле Пандора все дурное, и отселе Возрос Буаччо, бык и дурачина. ⁶⁸
--	---

В черновиках Лозинский дает несколько вариантов перевода «porcaccio»: «большой пачкун», «свинья», останавливаясь на: «скотина». Переводя «e poi transpose / Di lui», обращается к примечанию д' Анконо: «*Transpose vale trapiantò*» («пересадить») — отсюда глагол «возрос» в переводе. Для перевода «pecorino», опираясь на примечание Бьянки: «*Pecorone vale stupido*» («„баран“ в значении „глупый“»), переводчик решает сохранить оба слова, придав им разговорную окраску — «бык и дурачина». Кроме того, он выписывает себе перевод всей фразы Лекланшем и Симмонсом.

Этот фундаментальный и невообразимо скрупулезный филологический труд (скрытый даже от опытного читателя, видящего лишь блестящий результат, но вряд ли, без доступа к подготовительным материалам, способного в полной мере понять степень точности) лежит в основании перевода знаменитого в истории культуры прозаического произведения, написанного совершенно своеобразным языком (в черновике «Введения» Лозинский пишет: «„На нашем языке, — говорит итальянский критик XVIII века Баретти, — нет книги, которую было бы так приятно читать, как «Жизнь» Бенвенуто Челлини. Удовольствие, ею доставляемое, мне кажется немного сродни тому, которое мы испытываем перед <нрзб.> красивыми, но разъяренными зверями“⁶⁹) и требующего прекрасного знания истории изобразительного искусства XVI века. Аналогичное, но более обширное филологическое исследование лежит в основании перевода «священной поэмы» Данте, где Лозинский также стремился «объединить в неразрывном синтезе филологическую точность и поэтическую гармонию».⁷⁰ Если в выборе доминантного филологического подхода к переводу «Жизни» Лозинский, как мы постарались показать, опирается на исследование синтаксиса Челлини Карлом Фосслером, то в переводе «Божественной комедии», судя по тому, что, как сообщает Эткин,⁷¹ в материалах к нему имеется подробный конспект исследования А. Де Сальвио «Рифмующие слова в „Божественной комедии“» (A. De Salvo. «Rhyme Words in the „Divine Comedy“», 1929) и составленный Лозинским список рифмующих окончаний по переводу всех песен поэмы, сделанный для того, чтобы установить, приближается ли многообразие рифмующих слов в переводе к оригиналу, одной из основ перевода Лозинского, вероятно, послужило представление Де Сальвио о поэтической системе Данте. Этот филологический подход к определению стиля автора и, соответственно, выбору доминанты перевода невозможно описать с помощью традиционно принятой в историографии отечественного перевода дихотомии «точного (буквального)» / «вольного (творческого)» перевода, хорошо пригодной для соперничества в литературном поле — более адекватным представляется использованное самим Лозинским понятие «воссоздающего» перевода,⁷² восходящее, вероятно, к понятию Тихо Моммзена о «стилевом» переводе (противопоставленном «бесстильному»)).⁷³

⁶⁸ Там же. С. 626.

⁶⁹ Характерно, что Пинский, начиная свое предисловие с этой же известной цитаты из Баретти, опускает ее заключительную, оригинально характеризующую стиль Челлини часть, оставляя лишь пресное «На нашем языке нет книги, которую было бы так приятно читать...» (Пинский Л. Е. Бенвенуто Челлини. С. 3).

⁷⁰ Цит. по: Эткин Е. Г. Поэзия и перевод. С. 185 (из неопубликованной статьи Лозинского 1950 года).

⁷¹ Там же. С. 188.

⁷² Лозинский М. Искусство стихотворного перевода. С. 160.

⁷³ См. также опору на Моммзена в работах: Алексеев М. П. Проблема художественного перевода. Иркутск, 1931. С. 21–25; Финкель О. Теория й практика перекладу. Харьков, 1929, и др.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-205-210

© **Е. И. Ляпушкина****«КАРУСЕЛЬ ИСТИНЫ»
(СМЫСЛ ЭПИГРАФА В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ДАР»)**

Как известно, эпиграфом к роману «Дар» послужил текст упражнения из «Учебника русской грамматики для младших классов средних учебных заведений» П. В. Смирновского: «Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна».¹ Это упражнение относится к параграфу, вводящему категорию рода имен существительных. Очевидно, что содержание упражнения в составе учебника носит чисто грамматический характер. Примеры демонстрируют возможности сочетаний разнородных существительных (первые пять предложений), а также необходимость согласования по роду прилагательного с определяемым существительным (шестое предложение). При этом сами предложения никак не связаны друг с другом по смыслу; более того, и семантика каждого из них в отдельности не имеет никакого значения. Однако понятно также и то, что, становясь эпиграфом к роману, эти предложения получают принципиально новое смысловое измерение, поскольку в контексте романа, во-первых, актуализируется семантическое наполнение каждого из них, а во-вторых, между отдельными предложениями устанавливается объединяющая их смысловая связь, обеспечивающая им статус единого текста.

Совершенно очевидно, что в самом эпиграфе оказываются обозначены некоторые важнейшие темы романа, и прежде всего тема освоения природного мира, связанная с образом отца главного героя, Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева — «знаменитого землепроходца, отважного чудака, исследователя фауны Тибета, Памира и других синих стран».² В романе путешествия отца осмысляются героем в постоянной соотносённости с его собственной творческой деятельностью, отцовскому опыту «чувственного познания» (с. 490) мира сопутствует сыновний опыт словесного воплощения познанного. Отношения между миром и словом переживаются Федором Константиновичем как чрезвычайно напряжённые: это борьба, в которой слову обеспечена победа только в том случае, если оно подчиняется правде мира. Федор постоянно озабочен тем, чтобы его слово не обернулось обманом (как это случилось, например, у Яши Чернышевского и у многих других «молодых поэтов его поколения» — с. 225), чтобы оно было метким (в романе сказано, что он «учился меткости слов» у Пушкина — с. 280) и точным, т. е. не убивающим и не искажающим образ мира, а способным удержать этот образ в его подлинности. Вне зависимости от того, пишет ли герой стихи или прозу, его творческие сомнения связаны прежде всего со страхом словесной оплошности: «Что же понуждает меня слагать стихи о детстве, если все равно пишу зря, промахиваясь словесно или же убивая и барса и лань разрывной пулей „верного“ эпитета?» (с. 205). Именно неуверенностью в способности обуздать собственное слово, придав ему необходимые и отвечающие существу своего объекта точность, сдержанность и целомудрие, объясняет герой отказ писать книгу об отце. В письме к матери он говорит об этом так: «Хочешь, я тебе признаюсь: ведь я-то сам лишь искатель словесных приключений, — и прости меня, если я отказываюсь травить мою мечту там, где на *свою* охоту ходил отец. Видишь ли, я понял невозможность дать произрасти образам его странствий, не заразив их вторичной поэзией, все больше удаляющейся от той, которую заложил в них живой опыт восприимчивых, знающих и целомудренных натуралистов» (с. 321). По мысли Федора, «живой опыт натуралистов», таким образом, уже отмечен поэзией, и адекватным этому опыту словом может быть только такое, которое, не наделяя его ничем ему уже не свойственным («вторичной поэзией»), будет

¹ Смирновский П. Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений. 17-е изд. М., 1903. С. 78.

² Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 251. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

способно как бы «окликнуть» эту первичную поэзию, чтобы удержать ее в ее присутствии. В этом должна проявиться своего рода «онтологичность» того слова, которого добивается Федор, потому что создаваемый им мир должен быть в известном смысле тождествен описываемому отцовскому миру, как Логос тождествен Космосу.

Несмотря на опасения Федора Константиновича, его книга об отце все-таки предстает на страницах «Дара» — в незавершенном виде, находящаяся в процессе написания, она самим фактом своего становления на глазах у читателя свидетельствует о том, что в конце концов герою даются те «мужественные слова», которыми единственным он может говорить «о своем знаменитом отце» (с. 202) и которые в начале его писательства лишь предчувствовались им. В самой же возможности воплотить эмпирический опыт в словесной ткани, в конечной уверенности Федора в том, что «раз были вещи, которые ему хотелось высказать так же естественно и безудержно, как легкие хотят расширяться, значит должны были найтись годные для дыхания слова» (с. 335), утверждается важнейшая для всей смысловой организации романа концепция соотношения искусства и действительности.³ В тексте романа можно найти замечательные примеры того, как слово благодаря «послушанию» миру, т. е. собственному предмету, действительно становится эстетическим эквивалентом мира. Приведем один из таких примеров: Федор описывает Тянь-Шанский хребет, гул несущейся в ущелье воды, цветущие по скатам горы ирисы... «...Вдруг из еловой черни на ослепительную альпийскую поляну вылетало стадо маралов, останавливалось, трепеща... нет, это лишь воздух трепетал, — они уже скрылись» (с. 301). Слово героя в этом эпизоде как бы не поспевает за временем реальных событий, оно медленнее жизненной стремительности, поэтому Федор прибегает к своего рода «минус-приему», бросает описание на полуслове — и тем самым достигает соответствия описываемым событиям с их ритмом и темпом.

Литературные усилия Федора Константиновича направлены не на «отражение» реальности, в том числе опыта отца, не на ее копирование или удвоение, а на ее вновь-формирование, не на воссоздание, а на создание. Собственным творчеством герой утверждает идею равноправия и возможных взаимопретворений практической реальности и реальности художественной. И именно этим объясняется возможность для Федора описать свой труд «в терминах» отцовских путешествий. Так, он называет писательство «охотой» — уподобляя собственное занятие любимому делу отца («Но не будем отчаиваться. Он говорит, что я настоящий поэт, — значит, стоило выходить на охоту» — с. 205; «Рифмы по мере моей охоты за ними сложились у меня в практическую систему...» — с. 333). В свою очередь «дело» отца осмысливается Федором по аналогии со словесным творчеством: «...он был счастлив среди еще недоназванного мира, в котором он при каждом шаге безымянное именовал» (с. 303). «...Наименование — набоковская метафора творчества», — пишет И. Паперно.⁴ Таким образом, отец в данном случае оказывается уподоблен сыну: он тоже занят «творением» мира, именуя который он тем самым его открывает, созидает, устанавливает. Отметим попутно, что «именующий безымянное в недоназванном мире» Годунов-Чердынцев-старший может быть соотнесен с Адамом, которому, согласно Книге Бытия, Господь поручил дать имена всем животным и птицам (Быт. 2: 19–20) — в этой параллели также просматривается важная для «Дара» идея творчества: деятельность отца осмысливается в ореоле первоизданности, он именно первопроходец, и в этом качестве он подобен художнику-творцу. Более того, в таком контексте опыт отца осмысливается в масштабе максимального обобщения — это не только освоение определенных географических пространств, но и созидание мира как такового, ведь именно в таком качестве отец-натуралист может быть соотнесен с сыном-художником, а не просто с автором конкретного произведения.

В свете всего вышесказанного обратимся вновь к эпиграфу романа. Первые четыре предложения представляют собой классификационный текст, объекты которого определяются в соответствии с иерархией биологической систематики. Всякая классификация предполагает приведение частного, отдельного, единичного к общему, цель же со-

³ См. об этом: Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1997. С. 491–513.

⁴ Там же. С. 498.

ответствующего дискурса — создание образа универсума. Конечно, в связи с примерами из учебника Смирновского невозможно говорить о наличии полноценного текста. Но здесь важно осознать определенную смысловую тенденцию. Следующие друг за другом, эти четыре предложения оказываются репрезентативными по отношению к определенной модели текста. В контексте же романа в целом понятно, о каком универсуме идет речь: это то, что в предыдущих рассуждениях было обозначено как мир отца героя — природный, а в соотнесенности со словесным миром Федора, с Логосом, — жизненный мир, Космос. Но именно потому, что этот жизненный мир явлен здесь в слове, потому, что сами предложения об этом мире почерпнуты из учебника грамматики, т. е. из свода языковых законов, начальная часть эпиграфа одновременно отсылает и к миру самого Федора, к его слову о мире отца. Таким образом, в эпиграфе проспективно задается важнейшая романная тема — тема неразрывной связи дела отца и дела сына, их постоянной переключки, их равенства и в известном смысле тождественности.

Отметим также, что тип текста, пример которого предстает в первых предложениях эпиграфа, предполагает особое отношение изображаемого в нем мира ко времени. Поскольку речь идет об обобщении, о приведении конкретно-чувственного к интеллигибельному (в том смысле, что в эмпирическом мире нет, например, вообще цветка, — но есть, например, роза), о возвращении образа конкретного мира в плоскость его прообраза, или первоначального образца, как бы задуманной, но еще не реализованной изначальной формы жизни, изображенный таким образом мир оказывается подчинен неизменным законам и, следовательно, лишен временного измерения. «Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица» — это то, что от века пребывает таковым, то, что незбылемо и не подвластно времени. Поскольку тема времени и вечности станет также одной из центральных смыслообразующих тем романа, ее появление в эпиграфе, пусть и в имплицитной форме, представляется существенным.

Следующий фрагмент эпиграфа — предложение «Россия — наше отечество». Казалось бы, оно абсолютно идентично предшествующим примерам. Однако это лишь структурная идентичность (которая, собственно, и позволяет им всем войти в состав одного упражнения), семантика же его существенно отлична, и дело не только в том, что оно вводит новую тему (тему родины), но прежде всего в том, что именно в нем впервые отчетливо проявляется личностное начало. Местоимение «наше» сразу вводит представление о точке зрения. И если предыдущие четыре предложения создают образ мира не только вневременного, но и внеличного, мира, в котором проявлена воля Творца, но не воля человека, то в пятом предложении задается совершенно иное видение — видение, которое осуществимо только с сугубо эгоцентрической позиции. Это предложение, таким образом, вводит в роман его лирическое измерение.

Отметим, однако, что синтаксическая идентичность пятого примера всем предшествующим обеспечивает ему и определенное семантическое сходство с ними: речь идет о временном измерении той истины, которая заключена в этом предложении. «Россия — наше отечество» — это тоже некая константа, относящаяся, правда, лишь к части человеческого мира, поэтому не столь универсальная и безусловная, так сказать от века данная, как, например, «роза — цветок». Тем не менее, даже если она не отмечена знаком вечности, она имеет временную протяженность гораздо большую, чем человеческая жизнь. Федор Константинович именно так оценивает перспективу своих отношений с родиной: «Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что увез с собой от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, — буду жить там в своих книгах или хотя бы в подстрочном примечании исследователя» (с. 526).

Тема родины решается в романе как в высшей степени интимная, внутренняя тема героя. По глубине, по укорененности в самом строе личности Федора Константиновича любовь к России оказывается для него наравне с писанием книг: «Собственное же мое я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину...» (с. 508).

Когда в письме к матери Федор в очередной раз на страницах романа признается в своей нелюбви к Германии, характеризуя ее резко и хлестко, и вдруг посреди язвительного выплеска говорит: «А когда мы вернемся в Россию?» (с. 526), то в этом

проявляется неизбежность его мыслей о русском мире, не сводимом, конечно, ни к географическому, ни к политическому понятию. И даже когда герой думает о России без расположения, он не отстранен от нее, сама критическая мысль отзывается в нем болью: «Вдруг ему стало обидно — отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться?» (с. 356) — за Германию Федору не могло стать «обидно».

В ряде работ, затрагивающих вопрос об эпитафии к «Дару»,⁵ приведенные в нем утверждения, в частности «Россия — наше отечество», рассматриваются как пародийные, заведомо ложные, текст романа провозглашается «оппозиционным текстом эпитафии», эпитафия же трактуется как «идейный и художественный вызов по отношению к роману».⁶ Подобные выводы строятся на выхваченных из контекста цитатах, которыми, кстати, легко найти опровержение в самом же романе, поскольку, например, переживаемое героем чувство родины оказывается само по себе не однозначным, а сложным и даже трагическим. В случае такого рода неоднозначности цитатное подтверждение собственной концепции является делом нетрудным. Однако учесть текст во всей его сложной полноте, даже если в результате материал не поддается жесткой концептуализации, говоря словами Годунова-Чердынцева-старшего, «всегда и научнее и благороднее» (с. 296). Отношение Федора Константиновича к отечеству, конечно, не сводится к его апологетике. Более того, он неоднократно на страницах романа провозглашает единственной своей родиной не физический, а воображаемый мир («...как родине, будь вымыслу верна»), мир, который не вне героя, а в нем, — но это русский воображаемый мир: «Не следует ли раз навсегда отказаться от всякой тоски по родине, от всякой родины, кроме той, которая со мной, во мне, пристала, как серебро морского песка к коже подошв, живет в глазах, в крови, придает глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды? Когда-нибудь, оторвавшись от писания, я посмотрю в окно и увижу русскую осень» (с. 356). Утверждение, что в свете, например, данного фрагмента романа эпитафия «обнаруживает свою полную несостоятельность»,⁷ представляется неубедительным. Отвечая на вопрос о смысле эпитафии к «Дару», необходимо учитывать, во-первых, всю полноту темы, как она раскрывается в романе, а во-вторых, не только и даже не столько конкретное значение каждого отдельного предложения, входящего в состав эпитафии, сколько семантические связи, возникающие между ними, переходы, знаменующие смену ракурса осмысления темы, которые в свою очередь актуализируются только в контексте романа в целом.

Последнее, шестое, предложение — «Смерть неизбежна» — как часть учебного упражнения оказывается довольно неожиданным: оно не поддерживает заданную предшествующими примерами инерцию восприятия, поскольку относится к другому по сравнению с остальными синтаксическому типу предложений. Однако вопрос о причинах, побудивших Смирновского включить этот пример в текст упражнения, для нашей темы не столь существен. Гораздо важнее осознать роль последнего утверждения в составе эпитафии. И в данном случае грамматическая сторона предложений обращает на себя внимание лишь постольку, поскольку она способствует включению «режима» неожиданности для восприятия последнего из них в контексте предыдущих.

С точки зрения семантики, первые пять предложений утверждают наличие неких общих законов, обладающих большей или меньшей степенью универсальности, законов, полагающих нечто существующим и существующим в определенном качестве. Речь идет о том, что что-то есть, и оно таковое, и это неизменно. Утверждение «смерть неизбежна», формально будучи последним и, таким образом, как бы подводящим итог всему предшествующему, оказывается на самом деле в семантическом столкновении с ним. Заданное началом эпитафии представление об устойчивости, незыблемости, надежности мира оказывается в свете последнего утверждения не то чтобы отмененным, но низведенным в своем значении до уровня своего рода окказиональной подробности,

⁵ См., например: *Букс Н.* Роман-Оборотень: о «Даре» В. Набокова // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1990. Vol. 31. № 4. P. 587–624; *Шульман М. Ю.* Набоков, писатель: Манифест. М., 1998.

⁶ *Букс Н.* Роман-Оборотень. С. 617.

⁷ Там же. С. 615.

справедливой лишь до тех пор, пока в расчет не принимается неизбежность смерти. И тем не менее, наперекор смысловой пуанте эпиграфа, весь строй романа, герой которого в его финале предполагает составить «практическое руководство „Как быть Счастливым“» (с. 503), как бы противится этому утверждению. И дело не в том, что смерть игнорируется романым миром, например в силу сегодняшнего счастливого состояния молодого, полного физических и творческих сил героя, — нет, тема смерти разработана в романе подробно и связана сразу с несколькими персонажами (с первой возлюбленной Федора Константиновича, с его отцом, с Яшей и Александром Яковлевичем Чернышевскими, с героем книги Федора Н. Г. Чернышевским). Но, несомненно присутствуя в романе, в сознании героя, эта тема, вопреки заявленной композицией эпиграфа тотальности, оказывается именно в этом своем качестве побеждена романом в целом.

Во время последней из описанных в романе прогулок в Груневальдском лесу Федор Константинович вспомнил свою прощальную встречу с Александрой Яковлевной Чернышевской после кончины ее мужа и «странное ощущение, которое он испытал, глядя на ее опущенное, не по-житейскому нахмуренное лицо», в котором «теперь различал <...> сходство с ее покойным мужем, чья смерть выразилась в ней каким-то скрытым дотоле траурно-кровным родством с ним. Через день она уехала к родственникам в Ригу, — и уже теперь ее образ, рассказы о сыне, литературные вечера в ее доме, душевная болезнь Александра Яковлевича, все это отслужившее, само собой смоталось, кончилось <...> Его охватило паническое желание не дать этому замкнуться так и пропасть в углу душевного чулана, желание применить все это к себе, к своей вечности, к своей правде, помочь ему произрасти по-новому. Есть способ, — единственный способ» (с. 512). «Паническое желание» Федора «применить все к вечности», не дать ничему умереть, его уверенность в возможности это сделать («есть способ, — единственный способ») становятся не просто декларацией, не просто эмоционально-лирическим проявлением воления героя. Этот единственный способ действительно срабатывает в романе: он приводится в действие и реализуется его композицией.

Тема конца, изживания жизни, ее завершения открыто звучит в заключительных строках «Дара», написанных онегинской строфой. Стихотворный финал романа начинается с прощания: «Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет» (с. 541). Эти строки вторят истине эпиграфа: смерть неизбежна — в том числе для книги, для ее образов, для «видений». Однако дальнейшее развитие темы опровергает это решение: «И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказу дать замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка». Финал книги — это ответная реплика на заключительный фрагмент эпиграфа. Но опять же дело не исчерпывается простой перекличкой, когда утверждение эпиграфа оспаривается заключительным высказыванием романа. Ответственность за истинность этого высказывания возлагается не только на слово книги, но на ее «дело» — возлагается и оправдывается.

Напомним: роман строится таким образом, что его главный герой к концу оборачивается его же автором. В финале Федор рассказывает Зине Мерц о своем намерении написать роман — тот самый, который читатель только что прочел, т. е. в финале «Дара» читателю всегда еще только предстоит знакомство с этим романом; это проект, который всегда обращен в будущее. Как показал С. Давыдов, композиция романа Набокова подчиняется принципу ленты Мёбиуса, движение по которой, как известно, продолжается бесконечно.⁸ В свете этих рассуждений, если учесть, что «Дар» — роман, который «одновременно пишется на наших глазах и уже написан; <...> его конец — одновременно его начало»,⁹ становится понятно, что конечная точка романа не превращается в его границу, а строка действительно не кончается. Поэтому правда последней сентенции эпиграфа оказывается оспорена не только последним словом

⁸ Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб., 2004. С. 135–136.

⁹ Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. Т. 4. С. 41.

романа, но и тем последним действием, на которое он (роман) провоцирует читателя: читатель, дошедший до конца книги, не может не обратиться к ее началу — и тем самым не опровергнуть мысли о неизбежности конца.

Отметим, что в романе мотив круга, кольца, возвратного движения тесно связан, во-первых, с семантикой «бесконечности» и, во-вторых, с семантикой «истины», которые в свою очередь, через образ круга, оказываются также связаны друг с другом. О Федоре Константиновиче, постоянно откладывающем поиски новой квартиры, сказано, что он делал это в том числе «по оптимистической склонности придавать дарованному отрезку времени округлую форму бесконечности» (с. 322). Сочиненный биограф Чернышевского, своего рода представитель Годунова-Чердынцева в его книге о Николае Гавриловиче, Страннолюбский говорит: «В триаде кроется смутный образ округности, — правящей всем мыслимым бытием, которое в ней заключено безвыходно. Это карусель истины, ибо истина всегда круглая» (с. 422). Именно эта кругообразность истины побуждает Федора Константиновича, задумавшего книгу о Чернышевском, составить жизнеописание своего героя «в виде кольца, замыкающегося апокрифическим сонетом так, чтобы получилась не столько форма книги, которая своей конечностью противна кругообразной природе всего сущего, сколько одна фраза, следующая по ободу, т. е. бесконечная» (с. 384). В результате биография героя у Годунова-Чердынцева действительно приобрела форму круга: автор завершает книгу подчеркнутой инверсией — после сцены смерти героя сообщает о его рождении, а затем помещает сонет-посвящение памяти Чернышевского, заверяя при этом читателя, что «приводит его тут полностью» (с. 475). Однако на самом деле в финале книги оказываются только два первых катрена сонета, окончание же его, два последних терцета, напротив, открывают рассказ о жизни героя — именно с них начинается книга Годунова-Чердынцева. Таким образом автор оказывается реализована: книга читается как «одна фраза, следующая по ободу, т. е. бесконечная».

Принцип возвратного кругового движения не просто лег в основу остроумного эффектного решения, обеспечившего биографии кольцевую композицию. Он стал структурообразующим в разработке всех тем и мотивов книги Федора Константиновича: «И тут мы снова оказались окружены голосами его эстетики, — ибо мотивы жизни Чернышевского теперь мне послушны, — темы я приручил, они привыкли к моему перу; с улыбкой даю им удалиться: развиваясь, они лишь описывают круг, как бумеранг или сокол, чтобы затем снова вернуться к моей руке; и даже если иная уносится далеко, за горизонт моей страницы, я спокоен: она прилетит назад, как вот эта прилетела» (с. 414). Примечательно, что творческий процесс метонимически, через образ сокола, здесь вновь уподоблен Федором делу отца — охоте. И из отцовского же арсенала почерпнут им главный закон охоты: «...никогда не двигаться по пути, по которому нет возврата» (с. 302). О Годунове-Чердынцеве-старшем сказано, что он «не раз пренебрегал (этим. — Е. Л.) правилом горной охоты» (с. 302). Федор в своей «охоте» следует этому правилу неукоснительно: для него возвратное круговое движение становится залогом бессмертия и свидетельством истинности воплощенной в искусстве жизни.

Показательно, что роман «Дар», как и предыдущая книга Федора, заканчивается стихотворной формой — структурно близкой сонету онегинской строфой. И так же, как в «Биографии», она служит здесь формированию круговой траектории восприятия книги. Но в данном случае структура круга образуется не за счет разрыва поэтической формы, а за счет антиномичности ее содержания содержания финала эпитафии. Утверждение «смерть неизбежна», завершающее эпитафию, оказывается совершенно необходимым для того, чтобы роману было что оспаривать, чтобы он мог не просто провозгласить победу искусства над смертью, но действительно осуществить эту победу на глазах у читателя, показав, как работает тот единственный способ не дать ничему умереть, который прозревает Федор Константинович.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-211-213

© Г. Н. Боева

КЛЮЧИ К ЦВЕТЧНОМУ ШИФРУ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА*

Необходимость изучения словесности на пересечении с историческими, культурными и бытовыми рядами была обоснована еще в работах Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума. Рецензируемая книга — подтверждение того, что образный ряд художественного произведения определяется литературно-культурным этикетом эпохи, воплощаемым в индивидуальных авторских стратегиях, все более смелых в каждой последующей литературной формации. Монография К. И. Шарафадиной предлагает взглянуть на историю «языка цветов» как на часть истории литературы и обнаружить в использовании флороэлементов и флоромотивов закономерности, обусловленные эпохой, направлением, индивидуальным стилем писателя.

В книге четыре раздела. Первый знакомит читателя с темой восточного флорошифра, демонстрируя его интернациональность на богатейшем материале, в том числе впервые вводимом в научный оборот. Автор монографии делает исходным моментом своего исследовательского нарратива публикацию в 1819 году «Западно-восточного дивана» И. В. Гете, в котором разъясняется механизм восточного селамы — «языка цветов». Уже здесь читателю ясно: перед ним многоаспектное научное исследование, однако, при всей его культурологичности, главным объектом внимания автора являются тексты. Точнейший филологический анализ не оставляет сомнений в своей безупречности. Так, в поисках гетевского акцента в адаптации восточной флористической символики исследовательница, сравнивая переводческие версии «Дивана», обращается к оригиналу и доказывает оправданность тех трансформаций, которым подверг текст А. В. Михайлов при издании в серии «Литературные памятники» (М., 1988). Предложенная Гете озорная версия селамы в доходчивой форме иллюстрирует основной пафос «Дивана» и выражает дорогую для его автора мысль о всеединстве культур. Как известно, мысль эта стала реальностью и привела к победному шествию

по Европе моды на «язык цветов». Рецензируемая книга и предлагает далее хронологически и логически выстроенный и фактически точный обзор транскрипций селамы различными национальными литературами — французской, немецкой, викторианской, американской и русской.

Прослеживая судьбу селамы в Европе, Шарафадина прежде всего останавливается на его ассимиляции французской культурой, превратившей восточное изобретение в галантную «почту-флирт», и знакомит с романами-«инструкциями» по овладению «цветочным наречием» — Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера и Ж.-А. Реверони де Сен-Сира. Приспосабливая восточный селам к собственным культурным интересам, французы помещают его в актуальный европейский контекст. Иллюстрацией к истории таких адаптаций становится «восточная повесть» «Индийская хижина» (1791) Бернардена де Сен-Пьера, в которой флорошифр использован в контексте руссоизма и, в духе «новой мифологии», пополнен за счет литературных цитат и аллюзий.¹

Менее плодотворной ветвью «сотрудничества» с восточным селамом предстает в монографии его адаптация немецким бидермейером, который использовал «цветочки» в целях украшения бюргерского быта и довольствовался поверхностными ассоциациями. Викторианская же версия «немых писем» справедливо признается в книге последней значимой фазой цветочного символизма в рамках европейской цивилизации. Автор указывает и причину активного развития цветочного кода на новой почве: фетишизация, свойственная викторианскому образу жизни. Убедительные примеры пересмотра британцами французских версий флорошифра: их расширение за счет введения экзотических растений из Америки и Африки (сказывается колониальный «размах») и «усекновение» «чувственной» цветочной семантики, — доказывают, что «алфавит цветов» произведен от национальной картины мира, основывающейся на искусстве, религии,

* Шарафадина К. И. «Селам, откройся!»: Флоропозитика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.; ил.

¹ Так, кстати, поступал и Руссо, переосмысливший концепт *барвинка* в соответствии с автобиографическим опытом.

морали, нравственности и даже юриспруденции и промышленности.

Еще одно подтверждение сказанному — адаптация «немного телеграфа» американцами («Школа Флоры» (1827–1828) К. С. Рафине), которые поступают с иносказательным значением цветов весьма своеобразно, переосмысливая их и расширяя содержательный спектр. Выводы, к которым приходит автор книги, вполне предсказуемы: «В языке Флоры отразились такие черты американской ментальности, как энергия, практицизм, активность, склонность к рекомендациям в поведении и напористость...» (с. 78), в то время как показательно «отсутствуют растения для обозначения мечты и грез, жалобы и слабости, холодности и меланхолии» (с. 79). Автор подмечает и такую особенность «американской судьбы» флорописи, как приверженность к ней прежде всего женщин-писательниц (не следствие ли это зарождающегося феминизма?).

Следующие три раздела монографии знакомят с русским «цветочным наречием» и охватывают почти все значимые в контексте темы страницы и персоналии отечественной литературы — от публикации в 1830 году Д. Ознобишинской русской версии европейской матрицы, печатного словаря «Селам, или Язык цветов», до бунинского рассказа 1915 года «Грамматика любви».² Большое место в рецензируемой книге занимает исследование флорошифра пушкинской эпохи. Предметом внимания здесь становятся интроспективные жанры (дневники, переписка), а также оригинальное явление русской культуры XIX века — домашние альбомы. Автор монографии вносит весомый вклад в изучение последних (предпринятое в трудах В. Э. Вацура, Л. И. Петинной, А. В. Корниловой и др.) и на материале рукописных альбомов из фондов ИРЛИ РАН и РНБ и Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа приходит к ряду интереснейших выводов. Перечислим некоторые из них: ассортимент цветов в альбомных диалогах пушкинской эпохи расширяется; запрограммированная эмблематичность цветов в них начинает сочетаться с индивидуальными стратегиями использования «немного языка»; все больше дает о себе знать его игровая природа: новые флородетали, акценты (мотив увядания), приемы (цветочные метаморфозы) и композиции (букет-иносказание, гербарий, коллаж); подобная цветочная криптология приводит к множественности прочтения и расширяет цветочную семантику.

Все сказанное иллюстрируется обстоятельным анализом французского Дневника-переписки

А. П. Керн (1820), в результате которого автор доказывает, что его литературоведческая репутация должна быть пересмотрена. Аргументом в споре с теми, кто расценивает этот дневник как биографический бытовой документ, как раз и становится дешифровка цветочных иносказаний, позволяющих воспринять его отдельные фрагменты как увлекательный сентименталистский текст с любовной интригой, биографическим подтекстом и целым рядом флоропсевдонимов (Резеда, Тимьян и пр.). Интерпретируя дневник, исследовательница воссоздает и психологический облик Керн, которая, подражая сентименталистской массовой культуре, смело внедряет флорокод в национальный контекст и наделяет его интимными коннотациями. Было бы заманчиво увидеть переиздание «Дневника» Керн с учетом этих дешифровок и текстологической выверкой, что, несомненно, обновило бы исследовательский интерес к нему.

Столь же продуктивной оказывается для Шарафадиной работа по дешифровке селам в дневнике и литературных опытах младшей родственницы Керн — А. А. Олениной, первое научное издание которых (СПб., 1999) теперь может быть скорректировано благодаря исправлениям обнаруженных автором монографии ошибок и неточностей.

Третий раздел посвящен «пушкинскому вертограду». Здесь четыре исследовательских этюда, каждый из которых пополняет пушкиноведение «флоропозитическими» открытиями. В первом из них, посвященном мадригалу «Красавице, которая нюхала табак», доказываемся, что природа его игрового начала в использовании «языка цветов» «восходит к галантному фону рококо и генетически, и поэтологически, и по легкости и изяществу стиля» (с. 237). Путным автор вскрывает «цветочную интертекстуальность», отсылающую к Карамзину, и, полемизируя с А. Н. Неминушим, расширяет «цветочную палитру» поэта-сентименталиста. Логика анализа позволяет увидеть в пушкинском тексте переход ключевого мотива из «цветочного» в «табакерочный» шифр, в очередной раз демонстрируя единство семантического пространства русской культуры и важную роль в нем кодов этикетно-бытового поведения.

Второй пушкинский этюд представляет собой интермедияльное «расследование» богатства ассоциативных смыслов, заложенных в изображении «Психея, которая задумалась над цветком» (о такой заглавной виньетке к своему первому поэтическому сборнику 1826 года просил издателя П. А. Плетнева Пушкин).

Два других подраздела — «онегинские». Хотя флористика пушкинского романа скромна, в контексте его «энциклопедичности» она обнаруживает поистине универсальные смыслы, доказывая правоту исследовательницы: «Здесь есть место достоверно-бытовой, этикетной, аллегорической и мифопоэтической семантике» (с. 306). Впрочем, как и во всей монографии, ценность этих сюжетов прежде всего заключается в богатстве «флородеталей» и флористических контекстов, неожиданно вы-

² Монография оснащена «Именным указателем» и «Приложениями», в одном из которых как раз помещен ознобишинский «Селам». Как и обещает «цветочная тема», книга содержит прекрасно дополняющие текст иллюстрации: репродукции картин, панно, открыток, фрагментов рукописных альбомов, эго-документов.

свечивающих новые смыслы знакомого текста. Такому «приросту» смыслов оказываются подвержены и ларинские «сирены», и цветущий шиповник на могиле Ленского, и «пучок зари» — одно из «темных мест» для комментаторов романа. Завершается «пушкинский раздел» обзором неточностей и искажений оригинала в русских переводах англоязычного комментария В. Набокова к «Евгению Онегину», что лишний раз подтверждает: без ботаники, этнографии и, что самое главное, *флоропоэтики* филологии не обойтись.

В последнем, четвертом разделе книги, озаглавленном строчкой из Фета («Я давно хочу с тобой говорить пахучей рифмой...»), содержится опыт интерпретаций оригинальных авторских версий «флороязыка» в текстах самой разной жанрово-родовой принадлежности. Перечень персоналий внушительен, как и столетний временной охват: Грибоедов, Фет, Тургенев, Островский, Гончаров, Достоевский, Чехов, Бунин. Здесь читатель также обнаружит немало тонких проникновений в тексты (часто сопровождаемых полемикой с исследователями-предшественниками), «ключами» к которым становятся разгадываемые автором флорошифры. Общее движение авторской мысли убедительно показывает, что флорообразность к середине XIX века меняет свой характер и цветок все чаще становится частью объективной красоты природного мира.

Назовем несколько «флорооткрытий» Шарафадиной, сделанных на материале поэзии представителей «непоэтического века» (А. Н. Плещеева, А. Н. Майкова, А. К. Толстого). Прежде всего, ею подмечена парадоксальная закономерность, которая, разумеется, требует дальнейшего изучения: «...в прозе продолжает присутствовать, хоть и выборочно, иносказательная репрезентативность цветка, а в поэзии очевидна общая тенденция к приглушению и даже полному отказу от аллюзий и аллегоричности» (с. 334). Исключением на фоне эпохи выглядит А. А. Фет, верный флористической эмблематичности, начиная с текстов 1840-х годов до предсимволистских «Вечерних огней», и этот «шлейф» селамы, ведущий еще к Ознобишину, вскрыт Шарафадиной на примере фетовской ориенталистики («Подражания восточному» в составе «Стихотворений» (1850)). Поэзия Фета расценивается автором монографии как «последний отголосок селамных шифров и завершающий этап эволюции флоропоэтики в русской классической поэзии» (с. 355).

Парадокс «асимметричного» развития селамной традиции в различных родах литературы подтвержден далее рядом исследовательских сюжетов на материале прозы и драматургии разных авторов реалистической ориентации.

К примеру, доказывается, что «бальзаминчики» и «геранька» в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» следует воспринимать в контексте флористической образности «райской парадигмы» — как знаки «мифического прошлого», по которому неосознанно тоскуют герои.

Не замеченный прежними исследователями флоролейтмотив в «Обломове» И. А. Гончарова получает интерпретацию в русле флоропоэтической традиции: он начинается в романе с белой, «поэтической» акации и завершается желтой, «прозаической», на «растительном языке» иллюстрируя и сюжет романа, и внутренние метаморфозы главного героя.

А вот к прозе Тургенева (на примере рассказа «Свидание» из «Записок охотника»), убеждает нас автор, применим природно-растительный код на основе синтеза этноботанических реалий и культурно обусловленной символики.

Разгадывая флористический код венка Снегурочки в «весенней сказке» А. Н. Островского, Шарафадина убеждает в приоритетности для драматурга этноботанической картины мира, богатые ресурсы которой определили образность его художественного мира. Еще одним подтверждением этого выступает «бальзаминская» комедийная трилогия Островского, в которой природная символика используется для порождения богатейших этнокультурных ассоциаций.

Наконец, завершая разговор о литературе XIX столетия, автор останавливается на одном из флоромотивов Чехова — в рассказе «Супруга» (1895) — и показывает сложность и неоднозначность чеховских «художественных цветников», сотканных из прецедентных текстов разных уровней культуры и быта, вступающих между собой в диалог.

В «Эпilogue» автор обращается к бунинской «Грамматике любви», в которой символом подлинного чувства выступает старинная книга с «тайным кодом любви», включающим «цветочный шифр». Думается, такая «зарифмованная» композиция придает стройность всей исследовательской конструкции рецензируемой книги и наглядно демонстрирует: «флороязык» — универсальный код национальной культуры, в которой с устойчивой повторяемостью наблюдается цветочный «ренессанс». Нынешние дискуссии о символике букетов в Рунете не свидетельствуют ли очередного такого «цветочного бума»? — справедливо вопрошает автор.

Экстенсивность «захвата материала» в последнем разделе немало говорит о «персональных» пристрастиях автора и внушает мысль: наряду с представленными, там возможно неисчислимо множество других исследовательских сюжетов. Но это как раз свидетельствует о том, что флоропоэтология (термин введен в научный оборот автором книги) жизнеспособна как новое направление исторической поэтики, применимое к неисчерпаемому и нескончаемому «цветочному диалогу» мировой литературы. Избранный автором ракурс интерпретации произведения поистине универсален: его интегративность позволяет совместить природный, культурологический и литературно-бытовой аспекты анализа текста. В то же время рецензируемая книга — замечательная заявка на обновление традиционного филологического инструментария и серьезный вклад в новую отрасль литературоведческого знания.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-214-215

© Е. Г. Маслова, © Е. В. Чернецова

МОНОГРАФИЯ О СМЕХОВОМ СЛОВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА*

Русская литература «золотого века», творческие поиски поразительной плеяды от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя традиционно пребывают в сфере интересов современного отечественного литературоведения. Вряд ли будет преувеличением сказать, что судьбы русской классики на страницах многочисленных монографий, сборников статей описаны так подробно, что найти новый исследовательский поворот кажется практически невозможным. Именно это удалось автору рецензируемой монографии, предпринявшему примечательную попытку описать процесс функционирования смехового слова в отечественной словесности от «„Арзамаса“ до Гоголя».

Вынесенное в подзаголовок книги понятие принципиально ориентирует читателя на теорию М. М. Бахтина. Речь идет прежде всего о специфике комического дискурса, формирующегося в русском литературном пространстве первой трети XIX века и в значительной степени определяющего характер и формы смехового пласта русской литературы этого периода. Отметим, что автор не стремится создавать некую «теорию» с претензией на новое слово в современном литературоведении. С. А. Дубровская следует в общем русле бахтинских идей, ограничиваясь тем, что можно условно назвать конспективной реконструкцией концепции смехового слова как важнейшего элемента теории комического выдающегося литературоведа и философа.

Показательно, что в структуре монографии, имеющей отчетливо выраженную историко-литературную направленность, «бахтинскому компоненту» отведена не только методологическая, но и сюжетно-композиционная роль: если глава о концепции смехового слова Бахтина открывает книгу, то ее финалом становится фрагмент, посвященный сюжету «„Гоголь и Рабле“ в истории отечественного литературоведения». Обе эти главы позволяют с достаточной степенью определенности судить о том, насколько автор погружен в теоретический материал, историко-литературоведческую фактуру, коллизии и новации на разных этапах развития отечественной науки о литературе 1940-х — начала 2010-х годов.

Прежде всего обратим внимание на то, что опирающийся на точку зрения Бахтина

автор понимает под ключевым для книги термином. «Смеховое слово» определяется как «слово-высказывание, порожденное смехом и одновременно порождающее смех» (с. 245). С карнавальной природой смехового слова автор связывает его способность не только восстанавливать утраченную в литературе нового времени амбивалентность смеха, но и менять смысловой масштаб высказывания, произведения, его контекста, героя (с. 30). Рождающееся в диалоге мировоззрений и смыслов, смеховое слово, как отмечается в монографии, — одно из условий адекватного понимания «истории комического дискурса отечественной словесности» (с. 30).

Подобное понимание смехового слова превращает его в достаточно удобный инструмент, позволяющий выявить реальные механизмы порождения комического на самых различных уровнях литературного произведения: от семантического или сюжетно-композиционного до жанрового и даже метажанрового. Это объясняет и авторское обращение к самому разнообразному материалу: малые жанры русской поэзии, драма, роман, эпистолярный, литературная критика наглядно иллюстрируют особую востребованность смехового слова русским писательским сознанием этого времени и придают достаточную убедительность сделанного в заключении вывода.

Предлагая своего рода набросок русской истории комического в ее литературном измерении, исследовательница посвящает пять историко-литературных глав монографии вполне предсказуемым сюжетам. В зоне ее пристального внимания — игровой дискурс «Арзамаса» и связанные с ним пародийное и автопародийное творчество Жуковского и П. А. Вяземского; разнообразные формы смехового слова в художественном мире Пушкина; вербализованная игра, пародия и сатира в литературно-критическом дискурсе Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского; своего рода перекодировка комической традиции у О. И. Сенковского; нюансы комического у раннего и зрелого Лермонтова; и, конечно же, смеховое слово Гоголя.

Полагаем, что раздел о Гоголе представлял самую большую сложность для исследовательницы, неизбежно вынужденной «конкурировать» с самим Бахтиным, «гоголевский фрагмент» диссертации которого в конце 1960-х годов превратился в статью «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)», а она, в свою очередь, стала завершающим этапом в формировании его концепции смехового слова. В связи с этим нельзя не заме-

* Дубровская С. А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х — начала 1840-х гг. Саранск: Издательство Мордовского ун-та, 2018. 256 с.

титель, насколько тонко и корректно Дубровская обращается с бахтинским материалом, сохраняя при этом собственную исследовательскую индивидуальность, не только дополняя наблюдения Бахтина, но и заметно расширяя число примеров гоголевского смехового слова.

Среди несомненных удач монографии — фрагмент, посвященный смеховому слову в литературной критике. В предложенной интерпретации и Надеждин, и Белинский предстают использующими свой комический талант почти по-писательски. И это результат как отсутствия окончательно закрепленных конвенций, требующих от критика «судить не выше сапога», так и явное свидетельство внутренней литературной свободы, которая в равной степени была присуща им обоим. Не менее интересен и предпринятый Дубровской анализ «Юнкерских поэм» Лермонтова. Здесь исследовательнице предстояло решить непростую задачу сохранения баланса между комичностью и неконвенциональностью строк поэта, которую она решает достаточно убедительно. Хотя выбранные ею примеры иллюстративны, они удовлетворят самого строгого пуриста. «При абсолютно смеховой атмосфере, созданной в „Юнкерских поэмах“, — справедливо ука-

зывает Дубровская, — необходимо отметить некоторую „приватность“ площадного слова, совмещение с трагедийными элементами («Уланша»), переплетение с лирикой («Госпиталь») и сатирой («Петергофский праздник»)» (с. 162).

Пожалуй, позицию автора усилило бы большее внимание к европейской комической традиции и тому, как смеховое слово французской легкой поэзии, позднего немецкого Просвещения и романтизма откликается в творчестве Пушкина, Вяземского или Гоголя. Впрочем, этот сюжет в контексте бахтинской концепции смехового слова заслуживает, на наш взгляд, специального разговора. Вне всякого сомнения удавшаяся книга заметно дополняет традиционную картину отечественной словесности первой трети XIX века, а предложенные в ней модели и механизмы анализа смехового слова могут оказаться вполне продуктивны и при рассмотрении комического дискурса последующих поколений русских писателей (от Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова до А. Г. Битова, Вен. Ерофеева и В. О. Пелевина), и при аналогичном исследовании литературы зарубежной (от Ч. Диккенса и Г. Флобера до Н. Мейлера, Г. Грасса и Т. Моррисона).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-215-216

© В. П. Куржаева, © О. Е. Осовский

«В НАШЕЙ БОЕВОЙ И НАПРЯЖЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ...»: ДВУХТОМНИК П. Н. МЕДВЕДЕВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ*

Рецензируемое издание без преувеличения событие для отечественной истории литературоведения и литературной критики. Заметная фигура ленинградской культурной и общественной жизни 1920–1930-х годов, публикатор и исследователь наследия А. Блока, популярный литературный критик, влиятельный издательский работник Павел Николаевич Медведев (1891/1892–1938) после трагической гибели в 1938 году и почти 20-летнего «запрета на имя» оставался на периферии истории отечественной науки и культуры. Возвращение его оказалось связано с пребыванием в «круге М. М. Бахтина», что наложило свой отпечаток на восприятие его личности и трудов: Медведев невольно оказался в тени друга.¹

* *Медведев П. Н.* Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Изд-во «Росток», 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.

¹ См.: *Кожин В., Конкин С.* Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и твор-

«Первое, наиболее полное собрание избранных трудов литературоведа и критика» (т. 1, с. 678) позволяет объективно оценить меру его таланта и роль в литературном процессе своего времени. Составители проделали гигантскую работу по выявлению и подготовке к публикации ранних текстов ученого, наиболее репрезентативных образцов его зрелого творчества и сопутствующих материалов (писем писателей, конспектов лекций, фотографий и документов). Важнейшей особенностью рецензируемого издания является участие в его подготовке Юрия Павловича Медведева (1937–2013), исследователя и пропагандиста наследия отца, автора вступительных статей к обобщенным томам, что во многом определяет историко-мемориальный характер издания и осложняет его рецензирование.²

чества // Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей. Саранск, 1973. С. 6.

² Именно поэтому авторы рецензии осознанно отказываются от оценки позиции состава

В составе двухтомника литературная критика 1910–1930-х годов, статьи и труды о современной русской литературе, прежде всего, о творчестве А. Блока, книги «Формальный метод в литературоведении», «В лаборатории писателя», «Формализм и формалисты», мемуарные зарисовки; первый том включает работы историко-литературного характера, второй — труды по «поэтике и психологии творчества». Публикуемые материалы наглядно иллюстрируют творческий путь Медведева, постепенно превращающегося из юного автора почти маргинальных петербургских изданий в одного из создателей «Витебского ренессанса» (А. Шатских), авторитетнейшего члена Всероссийского союза писателей, маститого автора «Звезды», «Красной нови» и «Октября», профессора ленинградских вузов и даже литературного персонажа.³

Вот 19-летний студент-юрист примеряет маску мэтра литературной критики: он снисходительно оценивает качество переводов Ф. Ницше и П. Синьяка; решительно высказывается в годовщину смерти Л. Н. Толстого от лица «„молодежи“, принявшей жизнь в осенние будни 80–90 годов», тех, кто «юношами (гимназисту Медведеву было в это время 12 лет. — В. К., О. О.) хоронили Чехова и Михайловского» (т. 1, с. 84). Очевидная добролюбовско-писаревская «подложка» его критики в сочетании с «золотыми очками Михайловского» (т. 1, с. 255) и экзерсисами символистов образуют причудливую смесь, не лишенную, однако, юношеского обаяния. Тогда у Медведева и возникают трепетная привязанность к лирике А. Блока и интерес к философской и искусствоведческой проблематике. При этом вторичность философско-эстетических оценок компенсируется литературно-критическим остроумием. Так, явно утомившись пересказом труда Синьяка о художественной сущности неоимпрессионизма и технической стороне метода, автор обрывает рецензию хлесткой фразой: «...без всякого сомнения, художник обязан знать законы своего материала. Но все это <...> нижний план творческого колдовства. Выше и выше — та толстовская „изюминка“, которой не было в жизни Протасова, тот вихрь индивидуального воскрылия, хмельного по-

рыва к небу, которым благословенно всякое великое и настоящее художество...» (т. 1, с. 104). Возрастающий профессионализм Медведева отражается в лаконизме характеристики: «Расказ Ф. Сологуба „Звериный быт“ отдает анекдотом, вымученностью» (т. 1, с. 100).

Стремительная перемена в общественной и социальной жизни накладывает на Медведева-критика свой отпечаток, его литературно-критическая манера пропитывается социологизмом и отчетливым желанием поменять статус «попутчика»: «Живая жизнь деревни, испытания ее войной и революцией проходят мимо Есенина. Он просмотрел рождение в результате этих испытаний новой, советской деревни» (т. 1, с. 280). В 1932 году, после рапповской проработки, в покаянном выступлении он пообещает перестроиться окончательно: «...выход из этого положения может быть только один. Выход — в полном идейном перевооружении и коренной внутренней перестройке на основе упорной работы по овладению марксистско-ленинским мировоззрением и материалистической диалектикой» (т. 2, с. 585). Дальнейшая эволюция Медведева, увы, типична: долгий спор с «формалистами» заканчивается книгой «Формализм и формалисты», где риторика научной полемики сменяется идеологическим разоблачением. Примечательно, что ни одной работы, созданной после 1934 года, в двухтомнике нет.

В целом рецензируемому изданию — при всей его очевидной ценности — недостает внимания издательского редактора, что избавило бы вступительные статьи от ненужных повторов, а комментарии — от неточностей и ошибок. Ограничимся указанием на дважды воспроизведенную справку о Г. Когене (т. 2, с. 781, 798) или появлении фамилии Вангейм — вместо Вагенгейм — в качестве настоящей фамилии К. К. Вагинова (т. 2, с. 871). Не слишком очевидна и целесообразность включения в комментарии таких понятий, как социология, идеализм, позитивизм (т. 2, с. 778), или указания на количество переизданий перевода Ю. М. Антоновского (т. 1, с. 684). Но при этом не объясняются основания, по которым «Формализм и формалисты» оказались не в основном корпусе текстов, а в Приложении, равно как и причины появления в финале «Формализма...» имен «неудавшегося русского Гофмана — В. Каверина, и декадента-классика К. Вагинова, и хлебниковского эпигона Н. Заболоцкого» (т. 2, с. 775).

Впрочем, ни недочеты комментариев, ни отсутствие ряда значимых текстов (в частности, очерков о Демьяне Бедном и Борисе Лавреневе) не снижают ценности рецензируемого издания. Оно не только позволяет в полной мере представить и оценить масштаб личности П. Н. Медведева, но и заметно дополняет для сегодняшнего читателя картину литературной жизни России 1910–1930-х годов.

вителей по вопросу так называемых «спорных текстов» (подробнее см.: Николаев Н. И. Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–115; Осовский О. Е., Киржаева В. П. «...Мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х — 1990-х // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 156–168).

³ См.: Николаев Н. И. Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 233–267.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-217-218

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В 1919 ГОДУ: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ»

22 апреля 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся научный семинар «Русская словесность в 1919 году: текст и контекст», организованный Отделом новейшей русской литературы. С приветственным словом к собравшимся обратилась Татьяна Васильевна Игошева. Она охарактеризовала 1919 год как время расцвета публицистики (И. Бунин, А. Блок) и поэзии (Вяч. Иванов, А. Белый, М. Волошин, Н. Клюев и т. д.).

Открыла семинар А. М. Грачева (Санкт-Петербург) докладом «ТЕО Наркомпроса и театральная деятельность А. М. Ремизова 1918–1921 гг.», в котором проанализировала теоретическую, критическую и драматургическую деятельность писателя 1917–1921 годов, когда тот служил в ТЕО Наркомпроса. Основываясь на идеях Р. Роллана и Вяч. Иванова, Ремизов пропагандировал в среде драматургов «русалию» как форму современного театра. Эта идея развита в его многочисленных рецензиях на пьесы, в 1921 году объединенных в книгу «Крашенные рыла» (опубликована в Берлине в 1922 году). Теоретические постулаты писателя нашли воплощение в его драматургических проектах («Царь Максимилиан», «Храбрый витез Бова Королевич», «Стенька Разин», «Соломон и Китоврас»).

Доклад В. Н. Быстрова (Санкт-Петербург) «Из истории БДТ: Переписка А. Блока и М. Ф. Андреевой в 1919 г.» представлял собой развернутый комментарий к письмам поэта 1919 года, в которых отчасти отразилась его плодотворная деятельность в Большом драматическом театре. Как показал докладчик, Блок сыграл одну из ключевых ролей в формировании репертуара театра. При интерпретации писем этого периода значительное место отводится переводам пьес иностранных авторов, которые поэт рекомендовал к постановке. Особое внимание в выступлении было обращено на перевод А. В. Амфитеатрова пьесы Сема Бенелли «Рванный плащ», на перипетии создания и неоднозначное восприятие спектакля по этой пьесе на сцене БДТ. Исследователь коснулся и тех недостатков пьесы Амфитеатрова «Василий Буслаев», которые вызвали резкую критику Блока, а также кратко осветил работу в составе репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса группы по инсценировке

социальных и революционных романов под руководством А. Ф. Горнфельда.

В сообщении «Из комментариев к стихотворениям Ф. Сологуба 1919 г.» М. М. Павлова (Санкт-Петербург) сосредоточилась на неочевидных сюжетах лирики Сологуба этого периода, которые проецируются на предьсторию несостоявшегося отъезда Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской за границу. Поэтические тексты, связанные мотивами «клеветы», «самоизоляции», большевистского «ада» и европейского «рая», были рассмотрены в контексте событий зимы 1918/1919 года. Конфликт Сологуба и Чеботаревской с членами Совета Союза деятелей художественной литературы, возникший на почве грубых нарушений в деятельности профессиональной организации (стяжательства и т. п.), вынудил писательскую чету выйти из основанного ими Союза. Глубокое разочарование в возможности какой-либо полезной общественной деятельности среди деморализованных, развращенных диктатурой людей ускорило решение писателя и его жены оставить Россию. 10 декабря 1919 года Сологуб направил письмо в Комиссариат с просьбой о разрешении выехать за границу.

Заседание продолжилось докладом О. Е. Рубинчик (Санкт-Петербург) «„Свет уединенный“». О стихотворном сборнике Н. В. Крандиевской 1919 г.». «Свет уединенный» — название первого раздела сборника «Стихотворения Наталии Крандиевской», увидевшего свет в 1919 году (Одесса: Омфалос). В Одессе Н. В. Крандиевская с А. Н. Толстым и детьми жила с августа 1918-го по начало апреля 1919 года (по новому стилю), этот город стал для них временным пристанищем на пути из Москвы в эмиграцию; они бежали от голода и красного террора. В докладе проанализированы особенности творческой манеры Крандиевской 1910-х годов и основные темы сборника. Докладчица попыталась ответить на вопрос, почему в книге 1919 года нет стихов, прямо продиктованных войной, революциями, надеждами и ужасами времени, хотя, по крайней мере, одно такое стихотворение («Проходят мимо неприявшие, / Не узнают лица в крови») было написано поэтессой задолго до выхода одесского сборника, сразу после событий октября 1917 года.

Ю. Б. Орлицкий (Москва) посвятил доклад «Поэзия 1919 г. в зеркале заглавий стихотворных

книг» анализу названий поэтических сборников, выходявших в этот период на всей территории России. В 1919 году, по данным «Словаря заглавий русских поэтических книг», было опубликовано 365. Самым издаваемым автором в этом году оказался Демьян Бедный (более 40), вслед за ним идут поэты Пролеткульта, многие из которых выпустили книги двумя, тремя и даже четырьмя изданиями. Особой оригинальностью названия этого года не отличались, впрочем, как обычно, выделялись футуристы и имажинисты.

Доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «О пьесе А. Чапыгина „Гориславич“ (1919 г.)» был посвящен рассмотрению ряда художественных особенностей этого драматического произведения. Основанная на летописном материале XI–XII веков и обращенная к образу русского князя-изгоя Олега Святославича, пьеса написана своеобразным намеренно архаизированным языком. Эта черта произведения Чапыгина породила разногласия среди рецензентов ТЕО Наркомпроса при обсуждении вопроса о возможно-

сти его постановки или хотя бы публикации; в итоге пьеса осталась неизданной. Анализируя «Гориславича», исследовательница обратила внимание на хронологические несоответствия и временные «сбои», которые выявляются при сопоставлении описания событий в художественном произведении и исторических источников. Хронологические «ошибки», по мнению докладчицы, также являются приемом, необходимым Чапыгину для реализации идейного и эстетического замысла его текста.

Все доклады сопровождалась вопросом, по окончании состоялась оживленная дискуссия, в которой активное участие приняли Н. Ю. Грякалова, Т. В. Игошева, Н. А. Прозорова, В. Н. Быстров, А. М. Грачева и др. Присутствующие выразили желание продолжить практику семинаров, освещающих литературный процесс этого сложного исторического периода.

© О. А. Лундберг

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-218-221

XLIII МАЛЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

15 мая 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошли традиционные ежегодные «Малышевские чтения», приуроченные к 70-летию Древлекранилища.

Вступительное слово В. П. Бударagina (Санкт-Петербург) было посвящено основателю Древлекранилища В. И. Малышеву, благодаря стараниям, подвижничеству и исследовательскому таланту которого прирастает и развивается уже многие десятилетия архив древнерусской книжности Пушкинского Дома.

А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) в докладе «Поступления в Древлекранилище Пушкинского Дома за последние двадцать лет» познакомила слушателей с некоторыми итогами комплектования фондов Древлекранилища в 1999–2019 годах более 400 рукописями XVI–XXI веков. Из территориальных собраний в большей степени обогатилось Северодвинское. Весьма ощутимый прирост рукописей с берегов Северной Двины произошел в 2001 году, когда благодаря финансовой поддержке японского профессора Ацуо Накадзавы в Древлекранилище оказалась коллекция наставницы северодвинских филипповцев М. С. Бурмагиной. Начиная с 2011 года ежегодные фольклорно-археографические поездки в Кировскую область, осуществлявшиеся совместно с коллегами из Библиотеки Академии наук, привели к появлению Вятского собрания, которое насчитывает сейчас более 100 рукописей XVIII–XXI веков и представля-

ет книжно-рукописную традицию старообрядцев поморского и филипповского согласий. Рукописями и документами XVI–XX веков пополнились три собрания отдельных поступлений: оп. 23 (рукописи литературного и исторического содержания), оп. 24 (сборники и сборные рукописи) и оп. 26 (документальные материалы). Заметные изменения произошли в фонде личных коллекций. В 2000 году А. В. Пигин передал в Древлекранилище свою коллекцию из 32 рукописей, найденных на территории Карелии и Каргопольского района Архангельской области в 1990–1995 годах. В 2007 году возникла коллекция А. Н. Власова, состоящая из 10 рукописей XIX–XX веков, часть которых он получил в дар от старообрядцев Кировской области. 15 рукописей XVII–XX веков приумножили коллекцию А. Г. Боброва, сформированную еще в 1992 году.

В докладе «Орологий у Симеона Полоцкого и Евфимия Чудовского» С. И. Николаев (Санкт-Петербург) привел примеры сравнений с часами и часовым механизмом в стихотворениях Симеона Полоцкого и Евфимия Чудовского. Эти сравнения появляются при упоминании теологии и при разговоре о вере. По мнению докладчика, это связано с тем, что XVII век в Европе — это не только эпоха барокко, но также век возникновения науки нового времени и технической революции. Из многочисленных устройств часовой механизм занял важнейшее место и среди аргументов в философ-

ских рассуждениях. Как раз в XVII веке развивается и закрепляется метафора часов как модели устройства мира, а затем и Бога как великого часовщика; метафора, одинаково важная и для богословия, и для науки. Докладчик предположил, что какие-то отзвуки европейских дискуссий на эту тему были на слуху в кругах московских книжников. Помимо философии и богословия, сравнения с часами как идеальным механизмом замечательно подходили для рассуждений о движении небесных тел, о взаимодействии армейских подразделений или государственных учреждений и проч. Симеон Полоцкий пошел дальше и дал исключительный по своей редкости пример авторского представления о текстопорождении: в своем сборнике «Обед душевный» он сопоставил с часовым механизмом структуру текста проповеди. В литературе XVIII — начала XIX века подобные сравнения, по всей видимости, больше не встречаются, хотя этот период дал новые образцы авторского понимания механического устройства текста (например, пушкинская формула «стихов российских механизм»).

Ю. С. Белянкин (Москва) в докладе «Новонайденные выговские рукописи и автографы XVIII века» обратился к ранее неизвестным материалам, в том числе недавно принятым на хранение в Рукописный отдел Российской государственной библиотеки, которые позволяют расширить корпус произведений писателей-старообрядцев XVII–XVIII веков. Среди них «Слово надгробное киновиарху Андрею Борисовичу» Андрея Денисова в списке 1810–1820-х годов, представляющее собой образец надгробных слов — особого жанра выговского литературного творчества. В числе вновь выявленных рукописей также было названо «Толкование российского речения Андрея Борисова» в списке 1825 года, принадлежащее перу выговского киновиарха Андрея Борисова и содержащее «толкование российского речения „благочестие“». Список снят в Москве с выговской рукописи, что придает ему дополнительную значимость и авторитетность. Весьма важное поступление — рукопись последней четверти XVIII века, включающая Службу на преставление Корнилия Выговского. Автор и переписчик этого текста Иван Антонов стоит в ряду крупнейших представителей выговского гимнографического творчества. Важность обнаружения нового автографа заключается в том, что целый ряд служб, созданных выговскими книжниками, так и остается анонимным. В списке конца 80-х годов XVIII века, расположенном в паре со Службой на преставление Корнилия Выговского, находится Служба Андрею Денисову, автором которого предположительно также был Иван Антонов. Предметом рассмотрения докладчика также стал греческо-русский словарь 2-й четверти XVIII века в автографе Мануила Петрова (НИОР РГБ. Ф. 209. № 519). Труд одного из крупнейших книжников Выгоречи, являющийся редким в XVIII веке образцом русского словаря с греческим компонентом, содержит материал для историче-

ской лексикографии и существенно дополняет сведения о книжных интересах и кругозоре автора. Самая недавняя находка — сборник-конволют XVII–XVIII веков из частного собрания М. С. Бывшева. Рукопись, принадлежавшая семье Прияшниковых, включает тексты «на всякую потребу», каноны, «Рифмы воспоминательные» об Андрее Денисове, эсхатологическое «Послание об антихристе и тайном царстве его», ранее приписывавшееся в историографии иноку Феоктисту, и Сказание о граде Китеже.

В докладе «Прикровенное. Жизнь семьи староверов-поморцев в первые советские годы в письмах и воспоминаниях» А. Г. Вишняков (Орехово-Зуево) сосредоточился на рассмотрении социокультурного своеобразия старообрядчества на рубеже XIX–XX веков. Тогда многие его представители, богатея и становясь городскими жителями, тем не менее, не порывали с патриархальными нравами деревни и не ослабляли своей традиционной религиозности. В центре доклада оказалась судьба семьи староверов-поморцев из подмосковного села Зуево. Взгляд изнутри на жизнь одного семейного клана стал возможным благодаря тому, что его глава Матвей Иванович Беляев, бухгалтер на текстильных фабриках Викулы Морозова и казначей зуевской поморской общины, оставил после себя сотни фотографий, десятки писем и открыток, а его дочь Зинаида — довольно подробные воспоминания. Рассказ об истории частной и официальной жизни Беляевых, дополненный демонстрацией семейных фотографий, позволил приподнять завесу над самыми разными сторонами старообрядческого бытия и быта, наполненных не меньшим драматизмом, чем жизнь аристократии. Вопреки стереотипному восприятию староверчества как чего-то чуждого переменам, знакомство с Беляевыми позволяет понять одну из причин многовекового выживания старообрядцев во враждебном окружении, заключавшуюся в их умении находить способ сосуществования с любыми социокультурными и религиозными группами. Жизнь Беляевых — это жизнь на границе между динамичной современностью и замкнутой на себя традицией — религиозной, нравственной, этнической; между городом и селом, Западом и Востоком, Москвой и провинцией, недореформировавшейся монархией и недопостроенным социализмом. Судьба этой семьи — еще один аргумент в извечном для современной России споре об альтернативах для того единственного и не знающего сослагательного наклонения пути, по которому страна пошла сто лет назад. Опыт старообрядцев (могших стать, но так и не ставших «среднеклассным» хребтом модернизирующейся России) по претерпеванию ударов судьбы стал неожиданно актуален в нынешнее время напряженных поисков нашей страной и нашим обществом новых перспектив и горизонтов развития.

М. А. Максимов (Санкт-Петербург) в докладе «Коллекция Максима Максимова» познакомил

слушателей со своим книжно-рукописным собранием, начало которому было положено в 1999 году. В настоящее время оно насчитывает более 400 рукописных кодексов. Памятники северного происхождения стали приоритетными для коллекции. Ее основную часть составляют, прежде всего, сборники литературного содержания, бытовавшие в старообрядческой среде (повести, сказания, жития святых, апокрифические и полемические сочинения), а также лицевые и нотированные рукописи. Собрание характеризуется широким хронологическим охватом от памятников XVII века, продолжающих древнерусскую традицию, до рукописей конца XX столетия, например автографов Агафьи Лыковой. Ряд сборников включает сочинения, дошедшие в ограниченном количестве списков, например «Сказание о чуде воскресения мертвого некоего человека именем Михаил», «Повесть о Соломонии беноватой», «Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке», «Повесть о Христовом крестнике». Сочинения агиографического жанра представлены житиями Прокопия Устюжского, Александра Ошевенского, Александра Свирского, Зосимы и Савватия Соловецких и др. Большинство лицевых рукописей («Слово Палладия мниха о втором пришествии Христовом и о Страшном суде», «Повесть о царице и львице», «Слово Иоанна Милостивого о Петре Мытаре», литературный синодик, четыре толковых апокалипсиса, несколько «Страстей Христовых», Житие Василия Нового, «Мытарства Феодоры») датируются XVIII–XX веками. Наиболее ранней лицевой рукописью, содержащей 24 миниатюры, является сборник конца XVII века, в составе которого читается «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Собрание располагает и певческими рукописями основных старообрядческих центров, а также сборниками духовных и покаянных стихов, псалмов и кант.

Сообщение «Новые исследования рукописей печорских собраний из Древлехранилища имени В. И. Малышева» Т. Ф. Волковой (Сыктывкар) явилось обзором научных работ за последнее пятилетие, выполненных филологами Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина и посвященных рукописной традиции Нижней Печоры. Исследовательница подробно остановилась на материалах двух выпусков серийного издания «Слово и текст в контексте культуры». В одном из них, вышедшем под заглавием «Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район» (Сыктывкар, 2017), помещены переработки древнерусских повестей, которые были созданы известным печорским редактором И. С. Мяндиным, а также опубликованы все записи на рукописных и старопечатных книгах, зачастую содержащие уникальные исторические сведения. Это обстоятельство позволяет по-новому взглянуть на особенности формирования рукописно-книжной традиции Нижней Печоры и обогатить знания по истории монастырей Русского Севера. Другой выпуск серии, выход которого ожида-

ется осенью 2019 года, посвящен Великопечорскому старообрядческому скиту как средоточию религиозной жизни и центру книжной культуры печорских старообрядцев. Среди прочих материалов в сборнике будет опубликовано обширное полемическое сочинение наставника скита Тимофея Ивановича. Докладчица детально охарактеризовала работы в других изданиях, в том числе посвященные переводному патерику Лавсанку, эсхатологическому Слову Палладия мниха, Сказанию об Иоанне и Логгине Яренских. К последнему из названных сочинений по списку Древлехранилища (Коллекция Амосова–Богдановой. № 21) обратилась Е. А. Рыжова, которая выяснила, что он отражает определенный этап формирования произведения, свидетелем чего являлся севернорусского почитания святых праведников Иоанна и Логгина Яренских на рубеже XVII–XVIII веков. Волкова также рассказала о Словаре книжников Нижней Печоры, сегодняшний этап работы над которым заключается в изучении вклада представителей отдельных печорских родов в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции.

Доклад Е. Д. Конусовой (Санкт-Петербург) «К биографии Федора Антоновича Каликина: письма И. Д. Флотскому, Г. Д. Душину, М. Д. Семиз» был основан на документах эпистолярного и мемуарного характера, относящихся к последнему двадцатилетию жизненного пути Каликина. К рассмотрению были предложены 23 его письма за 1950–1969 годы и краткие воспоминания Г. Д. Душина «Федор Антонович Каликин» (1983), находящиеся в Древлехранилище и Рукописном отделе ИРЛИ, а также его, частично опубликованные «Записки». Несмотря на малое количество и разбросанность по значительному временному периоду, биографические детали привлеченных материалов дополняют наше представление о человеке, многогранная деятельность которого сохранила немало уникальных памятников древнерусской культуры. Федор Антонович, как и получатели его писем, профессионально принадлежали ленинградскому музейному сообществу. Милена Душановна Семиз и Иван Дмитриевич Флотский служили с ним в Эрмитаже. Сотрудницей этого музея была Любовь Исидоровна Калинина, познакомившая с Каликиным Григория Диомидовича Душина. В послевоенные годы Каликин и Душин подготавливали в Русском музее к выставкам экспонаты, возвращавшиеся из эвакуации. Актер Малого драматического театра Душин был известен и как коллекционер живописи, гравюр, литографий, предметов мебели, фарфора, старинных документов. В конце 1940-х годов возник дружеский кружок единомышленников, в который помимо Душина входил еще один ленинградский актер и коллекционер Владимир Ростиславович Гардин. Каликин играл в этом сообществе роль наставника в деле реставрации живописи и предметов старины. На страницах писем Федор Антонович предстает как человек, который, несмотря на

годы, был по-прежнему творчески и профессионально активен: увлеченно занимался своим излюбленным делом — реставрацией, щедро делясь секретами ремесла с молодыми специалистами Эрмитажа; совершал поездки в поисках рукописей и книг. В детальных описаниях природы проявилась способность Каликина примечать, наблюдать, вглядываться. Это умение в соединении с талантом не могло не помочь ему в обретении практических навыков, необходимых в таком сложном, требующем тщательности и терпения деле, как реставрация предметов старины.

О. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «К истории создания книги житий («житийника») митрополита Филиппа и преп. Германа Соловецкого» обратился к анализу неизвестной ранее редакции «Жития митрополита Филиппа», обнаруженной в составе второго «соловецкого житийника», который включает жития митрополита Филиппа и преп. Германа Соловецкого. Докладчик определил место и время появления этой редакции, а также назвал имя ее автора. Она была создана на Соловках в середине 30-х годов XVII века уставщиком Никодимом (известным также под именем Никодима Типикариса), который положив в ее основу текст Тулуповской редакции, существенно переработал его специально для нового житийника. Для атрибуции имени редактора исследователь использовал собранную им картотеку почерков соловецких книжников первой половины XVII века и выяснил, что редакция Никодима не только содержала всеобъемлющую стилистическую правку текста, но также развивала отдельные сюжетные мотивы. Например, в ней подробнее была разработана тема суда над митрополитом Филиппом (с изложением ложных обвинений и их опровержением). По мнению Панченко, основное направление стилистической правки Никодима определялось снижением панегирического пафоса и сокращением ряда смысловых повторов, присутствовавших в предшествующей редакции. Главные изменения содержательного характера заключались в более глубоком осмыслении подвига митрополита Филиппа — уже не только святителя, но исповедника, пострадавшего за правду Божию.

В своем выступлении «К вопросу о происхождении кладов в современной России» Г. В. Маркелов (Санкт-Петербург) рассказал о случае в истории археографических поисков Пушкинского Дома, приведшем к такому редкому результату, когда сплетения разнообразных судеб старинных рукописей находят неожиданный отголосок в современности. Недавно Пушкинский Дом приобрел список лечебника «Прохладный Вертоград» XVII века

(Древлехранилище. Оп. 23. № 326). Судя по записям, рукопись бытовала в Новгородских землях. В XX веке она входила в состав библиотеки известного русского математика и историка математики Д. Д. Мордухай-Болтовского. Особое внимание исследователей привлекли 14 ветхих листков трудночитаемого текста, которые были вложены в рукопись лечебника. Судя по припискам, они принадлежали новгородскому консисторскому архивариусу М. И. Никольскому, который посвятил им статью под заглавием «Дело одного дня», помещенную в шести номерах газеты «Волховский листок» за 1911 год. Расшифровывая тексты ветхих лоскутков, Никольский определил, что в них содержатся сведения о тайных кладках на территории нынешнего Любытинского района Новгородской области, а саму рукопись переписали в Смутное время. Между тем докладчик датировал рукопись последней третью XVIII века либо еще более поздним временем, определив ее как послание к некоему Филиппу Терентьевичу с описаниями мест покоящихся в земле «поклажей» и указанием их содержания. В качестве рабочей версии было высказано предположение, что составителем записей был некий лихой человек (или его наследник?), участник удачных нападений на проезжих купцов. Совместное с А. Г. Бобровым изучение старинных карт Любытинского района привели к мысли о проведении полевых изысканий с целью топографической идентификации адресов, указанных в рукописи. Научно-изыскательскую идею поддержали директор Любытинского музея А. Ю. Иванов, профессор РГТУ М. А. Бабкин, а также известный российский предприниматель и общественный деятель К. А. Бабкин. Проведенная летом 2017 года совместная экспедиция подтвердила топографию рукописи о «поклажах», но осуществленный пробный раскоп результатов не дал. Однако истинным кладом оказалась инициатива, предпринятая участником экспедиции К. А. Бабининым, о финансировании какого-либо научного проекта. Так, благодаря его меценатству, в декабре 2018 года Издательство Пушкинского Дома осуществило научное издание рукописи XVII века «Летописец небесных знамений», подготовленное Г. В. Маркеловым и А. В. Сиреновым.

В Большом конференц-зале Института в день проведения чтений была открыта выставка поступлений Древлехранилища за последние 20 лет. На ней были представлены рукописные книги и документальные материалы XVI–XX веков.

© Е. Д. Коносова

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-222-223

ТРЕТИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

23 мая 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) состоялся третий научный семинар «Русская литература в советскую эпоху». Открывая заседание, Н. А. Прозорова сообщила присутствующим, что в рамках работы Центра по изучению литературного наследия советской эпохи подготовлена к печати вторая книга издания «Литературный архив советской эпохи», и пригласила участников семинара к сотрудничеству в третьем томе.

Доклад А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «Формовка внутреннего цензора на военизаторских курсах писателей в Ленинграде (1931)» был посвящен анализу деятельности Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), организовавшего военно-писательскую игру, в ходе которой литераторы учились писать на оборонную тему. Докладчица на примерах продемонстрировала те принципы, которыми руководствовались критики, оценивавшие литературную продукцию, написанную участниками военизаторских курсов по заказу — на определенную тему, в требуемом жанре, в оперативном порядке. В заключение А. В. Сысоева показала, как в процессе учебы происходила формовка внутреннего цензора писателя, стремившегося написать такой текст, который отвечал бы партийным установкам по военному вопросу в ущерб собственным творческим инстинктам.

В сообщении «„Роман в «спектакль» не умещается, горе роману!“: К. А. Федин и театр» И. В. Ткачева (Саратов) рассказала о взаимоотношениях писателя с А. Я. Таировым, А. Г. Кооном, Вс. Э. Мейерхольдом, З. Н. Райх, Вл. И. Немировичем-Данченко, В. Е. Месхетели и другими театральными деятелями. Привлекая неизвестные архивные материалы из фондов Государственного музея К. А. Фебина, докладчица показала, как неохотно брался писатель «кромсать» свои романы и повести для инсценировок. Драматургические опыты представлены в наследии прозаика сценами «Бакунин в Дрездене», написанными для просветительского проекта М. Горького, задумавшего создать серию исторических картин для народа, и пьесой «Испытание чувств», созданной во время войны по заказу Комитета по делам искусств РСФСР. Цитации неопубликованных писем Таирова с его безуспешными призывами к Федину о сотрудничестве убедительно показали, что прозаик не чувствовал потребности выразить себя творчески как драматург.

О. Д. Трушин (Москва) в докладе «Ново найденный документ: письмо Ф. А. Абрамова к Н. С. Хрущеву (1954)» обратился к одному

из ключевых моментов в истории отечественной журналистики — снятию А. Т. Твардовского с поста главного редактора журнала «Новый мир» в 1954 году за публикацию статей В. М. Померанцева, М. А. Лифшица, М. А. Щеглова и Ф. А. Абрамова. Статья Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», направленная против «лакировочной» литературы о крестьянском быте, вызвала бурю негативной критики. В поисках защиты и понимания 26 апреля 1954 года Абрамов написал обращение к Хрущеву, которое докладчик зачитал и прокомментировал. Письмо осталось без ответа. Резюмируя последствия всесоюзной травли писателя, Трушин подчеркнул важность ново найденного документа как для осмысления темы «писатель и власть», так и для рассмотрения начального периода творческой биографии прозаика.

Сообщение Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Исторические ошибки и анахронизмы в романе А. Н. Толстого „Петр Первый“» преследовало цель выявить исторические неточности в романе, допущенные писателем вполне сознательно, ради включения эпизодов прошлого в художественно-идеологическую концепцию произведения. Анализируя первую встречу юного Петра с Алексашкой Меншиковым, докладчица опиралась на рассмотрение образцов денежной системы конца XVII века. Проведя нумизматический экскурс и показав на мониторе денежные знаки эпохи, Игошева сделала вывод, что серебряный рубль, который подарил Меншикову Петр, не соответствует ни одному из известных номиналов этого времени и является намеренно сконструированным автором романа образом. Игошева убедительно показала ценность своих наблюдений для комментирования исследуемого текста Толстого, которое еще предстоит осуществить.

Доклад Н. А. Прозоровой (Санкт-Петербург) был посвящен поэтике пространства и назывался «Пространственные образы в картине мира О. Ф. Берггольца». Исследовательница выявила смыслообразующую функцию ментальных образов «дома» (закрытого пространства), «порога», «ворот», «окна» (пограничного пространства), «пути» (разомкнутого пространства) и блокадного Ленинграда (пространства чрезвычайности) в творчестве поэта. Она показала, как в ранней лирике привязанный локус дома сначала размыкает свои границы во внешний мир благодаря актуализации «пороговых» мест, затем превращается в тюремное «минус-пространство» и, наконец, трансформируется из «моего» в «наш», расширяя свое понятие до города — Ленинграда. Цитируя тексты «блокадной музыки»,

Прозорова продемонстрировала, как топос Ленинграда из пространственно-конкретного образа превращается в город-символ, порождая новые смыслы и играя основную смыслообразующую роль в художественной картине мира Берггольц.

А. Г. Корсунская (Санкт-Петербург) в общении «Неизвестный архивный источник о книге О. А. Охупкина „Душа города“» рассказала об одном из наиболее ярких поэтов неофициальной культуры 1960–1980-х годов, авторе понятия «бронзовый век русской литературы» — Олеге Охупкине. Докладчица отметила, что из его литературного наследия опубликована лишь малая доля текстов, часть произведений существует в рукописях, ряд текстов утрачен или рассредоточен по частным собраниям. В связи с этим особый интерес приобретает неизвестный донные архивный источник, зафиксировавший замысел лирической

книги Охупкина — «Душа города». Найденный документ представляет собой, как указано на обложке, «проект факсимильного издания». По мнению Корсунской, издание не состоялось, поскольку было отпечатано лишь шесть экземпляров. Докладчица подробно рассказала о составе «Души города», истории посвящений включенных в нее поэтических текстов и подчеркнула актуальность полнотекстового воспроизведения книги «Душа города» с современным комментарием.

В обсуждении докладов приняли участие Т. М. Вахитова, В. В. Головин, Т. В. Игошева, Н. В. Лощинская, Н. А. Прозорова, Л. Е. Шахт. Выступающие отметили новизну и актуальность затронутых на семинаре историко-литературных проблем.

© Н. А. Прозорова

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-223-225

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СЕГОВИИ «ОТ СКРИПТОРИЯ К БИБЛИОТЕКЕ» И ОБРАЗОВАННОСТЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

10–12 июня 2019 года в Университете Сеговии (Испания) состоялась Международная научная конференция «От скриптория к библиотеке», посвященная вопросу о зарождении и распространении университетской системы образования на периферии Европы. Конференцию, взявшую девизом афоризм Фомы Аквинского «*Mirum est desiderium scientiae*», организовала профессор С. Торрес Прието, специалист по русской и славянской средневековой культуре, которая возглавляет Центр по изучению античной древности и Средних веков при Университете Сеговии. Заседание открыл президент Университета С. Иньигес де Онзоньо, который обратился с приветствием к собравшимся ученым и указал на значимость темы конференции для исторических разысканий и для решения проблем, касающихся современных образовательных учреждений.

Первый день был посвящен прошлому и настоящему западноевропейской университетской системы («Модель университета в Западной Европе»). Д. Мошфег (Испания) в докладе «Возникновение университета единого типа: Схемы, позволяющие описать эволюцию университетской системы от Средневековья до наших дней» представил перед аудиторией этапы в развитии программы университетских учреждений, увиденные в разном ракурсе. Оживленную дискуссию по поводу баланса между национальным и международным пра-

вом вызвало выступление С. Атьенца (Испания) «Сопоставление разных правовых систем в процессе юридического образования: Соединительное звено между средневековой Болоней и XXI в.». Пилар Херраиз Олива (Турция) в сообщении «Цензура в Парижском и Оксфордском университетах (1210–1277 гг.)» рассказала о том, почему писания Аристотеля, получившие было, во многом через посредство арабских мыслителей, широкое признание, со временем стали внушать подозрение как источник вольномыслия и какие чинились препоны знакомству с наследием античного философа. Ф. Хосе Диас Марцилла (Португалия) прочел доклад на тему «Университеты и сила идеологии: Составление текстов по политической философии в университетских центрах Иберии (XIV–XV вв.)», где прослеживается, какие из родившихся в стенах университетов мысли и выступления с политическим подтекстом участвовали в возвышении или падении королевских династий, в отношениях с подвластными мусульманам территориями Пиринейского полуострова.

На докладах второго дня конференции рассматривались разные способы распространения знаний, которые практиковались в далеко отстоящих друг от друга уголках Европы, а также их влияние на просвещение народов. Отдельно рассмотрены были «Модель, принятая в Восточной империи», «Русская модель на протяжении столетий» и «Иберийская

модель». Следует подчеркнуть, что образованию и литературной культуре славянского Средневековья устроители конференции уделили весьма почетное место. Д. Эрнандес де ла Фуэнте (Испания) озаглавил свой доклад «Поэзия в „университетских“ школах на периферии Восточной империи: От Александрии до Газы и Бейрута (IV–VI вв.)» и обратил внимание на высокий образовательный стандарт (в том числе в возникших там «протоуниверситетах»), присущий крупным грекоязычным центрам, которые, находясь на окраинах греко-римского мира, сохранили и преумножили сокровища эллинской культуры. «„Славянские буквы более, чем другие, святы и почтенны“: Скриптоцентризм и его последствия для педагогики в культурах *Slavia orthodoxa*» — под таким названием прозвучал доклад Р. Марти (Германия), который указал на то, что изобретенный Кириллом и Мефодием письменный язык имел двойное влияние на судьбы славянской культуры. В отличие от западноевропейской латыни, он был понятен местному населению, но одновременно установил барьер для распространения западной культуры на восток. С. Торрес Прието (Испания) прочитала доклад «Монастырские скриптории в Киевской Руси: *Translatio imperii* через идеологию и литературу». Она в очередной раз вернулась к вопросу о каналах, по которым распространялось византийское влияние на Руси после ее крещения. По мнению исследовательницы, исключительно важную роль в этом процессе сыграли монастырские библиотеки, находившиеся в них книги со временем позволили оформить в Москве имперской идеологии.

На очередном заседании С. Богатырев (Великобритания) в докладе «Резиденция Ивана Грозного в Александровской слободе как культурный центр» поставил перед собой увлекательную задачу — сопоставить почти одновременно возникшие правительственные резиденции-монастыри, именно Александрову слободу и Эскуриал Филиппа II. Ученый проанализировал функциональное родство этих институций, и главное — обязанные им своим происхождением литературные и художественные ценности. В докладе Д. М. Буланина (Санкт-Петербург) «Борьба за профессорские вакансии в Первой Московской Академии» было показано, как в эпоху распада средневековой культуры некоторые традиционные педагогические понятия (например, «учитель») получали тенденциозное толкование у московских интеллектуалов, стремившихся контролировать новоучрежденную Академию. Два доклада были посвящены просветительной миссии монашеских орденов. М. Ларраньяга (Испания) в сообщении «Культурное и научное значение Доминиканского монастыря в Сеговии в Средние века и Новое время» раскрыл вклад в развитие культуры Доминиканского монастыря Святого Креста — того самого, в стенах

которого проходила конференция. А. Гихарро-Донадиус (США) говорил о культурном значении ордена Сантьяго в Уклесе, иллюстрируя свои выводы фактами из жизни поэта и воина первой половины XVI века Г. де ла Вега («Заметки о роли, сыгранной монастырем Уклеса в литературной и военной карьере поэта Гарсиласо де ла Вега»).

В докладах, прослушанных в третий день конференции, освещены были иные, в том числе довольно специфические средства распространения культуры. Замечательно, что очередное заседание («Женщины в женских монастырях: Параллельная модель») целиком посвящено было истории славян. Р. Модракова (Чехия) в докладе «Средневековые библиотеки в женских бенедиктинских монастырях Богемии на восточной границе Европы» рассказала об активной деятельности монахинь по распространению грамотности среди юных девушек, в том числе на родном языке, что подтверждается сохранившимися рукописями из монастырских библиотек. Л. Шарипова (Великобритания) в выступлении «Об удержавшихся в пределах юрисдикции Восточной Церкви двойных монастырях» комментировала, взяв за образец украинские обители на территории Гетманщины, малоизученный социальный и культурный феномен, каким является сосуществование мужских и женских монастырей под единым началом.

Последняя сессия конференции была озаглавлена «Модели на окраинах Европы и за ее пределами». Доклад «Университет аль-Азхар классического периода: Настойчивость в приобретении знаний», прочитанный С. де Анка (Испания), в общих чертах познакомил присутствующих с педагогическими принципами, которых придерживались и отчасти придерживаются страны, исповедующие Ислам. С. М. Микинг (Франция) в сообщении «Ученая литература средневековой Норвегии» продемонстрировала, как изучавшиеся в европейских университетах тексты воспринимались, главным образом через церковные инстанции, в стране, где высшее образование не было институционализировано. О кафедральных центрах Дании и Норвегии как промежуточных инстанциях в распространении стандартного круга знаний рассказал, на примере скандинавских хроник, С. Хопе (Дания) в своем выступлении «Канонический круг наук на Севере: Исследование трех репрезентативных скандинавских памятников XII в.».

Каждое из заседаний конференции сопровождалось всесторонним обсуждением, которое, среди прочего, помогло лучше определить место, занимаемое славянскими древностями в истории европейской педагогики. Было принято решение об издании материалов конференции в виде сборника статей.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-225-228

XVII СИМПОЗИУМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В США*

XVII Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского (International Dostoevsky Society) проводился Бостонским университетом и состоялся с 14 по 19 июля 2019 года в Бостоне (США). Он был посвящен 150-летию романа «Идиот»: первая его публикация в журнале «Русский вестник» была завершена в 1869 году. В Симпозиуме приняли участие более ста ученых из России, Австралии, Аргентины, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Канады, Китая, Польши, США, Украины, Франции, Хорватии, Швеции, Японии.

Проведение Симпозиума было поддержано более чем 20 различными организациями Бостона и других городов США (Международным обществом Ф. М. Достоевского, Северо-Американским обществом Ф. М. Достоевского и др.), а также отдельными учеными из США и Великобритании.

Российскими исследователями было сделано около 20 научных докладов. Такое широкое участие их в Симпозиуме стало возможным, благодаря поддержке многих из них Российским фондом фундаментальных исследований (конкурс «Достоевский» и др.).

Симпозиум начался с торжественного приема в одном из зданий Бостонского университета (The Castle, Dahod Family Alumni Center): со вступительной речью и приветствием к его участникам обратился профессор Гарвардского университета В. М. Тодд III. На следующий день было торжественное открытие Симпозиума, в ходе которого, помимо К. Аполонио (США), Ю. Корригана (США), президента IDS В. Н. Захарова (Петрозаводск), Почетного президента Д. Мартинсен (США), участников конференции приветствовал старейший американский достоевковед, бывший президент IDS (1983–1986), Почетный президент Общества Р. Л. Джексон (США).

Все пять рабочих дней Симпозиума открывались двумя пленарными докладами, на каждый из которых отводился целый час и которые были посвящены особенно важным в настоящее время, дискуссионным проблемам изучения жизни и творчества Достоевского. Р. Ф. Миллер (США) анализировала поэтику детали в творчестве Достоевского, И. Л. Волгин (Москва) говорил о роли А. Г. Достоевской в создании романа «Идиот», К. Эмерсон (США) — о Достоевском в интерпретации М. М. Бахти-

на, а Г. С. Морсон (США) — о значении парадокса в творчестве писателя. Доклад С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) был посвящен реинтерпретациям Достоевского в современной европейской психоаналитической философии (Жак Лакан, Славой Жижек), К. Кроо (Венгрия) — «Запискам из подполья» в контексте литературной традиции, С. Алоэ (Италия) — ономастике романа «Идиот», а доклад Б. Н. Тихомирова (Санкт-Петербург) — творческой предыстории этого романа. Наконец, два заключительных пленарных доклада объединяла сходная проблематика: визуализация и статистический анализ языка Достоевского средствами цифровых технологий (Б. Баррос (Испания)) и перспективы развития проекта «Цифровой Достоевский» (В. Н. Захаров).

В первом из них были представлены некоторые полученные посредством компьютерных подсчетов данные относительно литературных произведений Достоевского. В особенности внимание Б. Барроса было сосредоточено на постепенных изменениях в лингвистических, и особенно лексических способах конструирования мира (вариации в употреблении некоторых частиц, характерные лингвистические паттерны, позитивный/негативный словарь и многое другое). Анализ корреляции лингвистических явлений с биографией автора может, по мнению докладчика, дать ключевые данные относительно того, как культурные, социальные и психологические факторы вызвали изменения на всех лингвистических уровнях языка Достоевского.

Доклад В. Н. Захарова представлял собой обзор важнейших информационных проектов, посвященных творчеству Достоевского и размещенных в сети. В качестве одного из возможных решений преодоления проблемы разобщенности мирового достоевковедения исследователь предложил создание электронной библиотеки Международного общества Достоевского, в рамках которой исследователи творчества писателя получили бы возможность обмениваться своими монографиями, статьями, сборниками трудов. Некоторые существенные достижения современной цифровой текстологии были представлены на Симпозиуме также в докладах Б. Н. Тихомирова, Н. А. Тарасовой, И. С. Андриановой, презентациях Е. Г. Новиковой и С. А. Кибальника.

Особый интерес вызвал доклад К. Эмерсон, который ознаменовал существенные изменения в восприятии северо-американскими учеными концепции творчества Достоевского, выдвинутой в ранней книге М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1929): интерпретация произведений писателя вне религиозно-этиче-

* Работа подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Рабочие тетради Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в динамической транскрипции», № 16-18-10034, ИРЛИ РАН.

ских категорий была со стороны русского философа, как это явствует из его собственных позднейших свидетельств, вынужденным шагом, который, следовательно, напрасно добровольно повторяют некоторые современные исследователи, слишком доверившиеся постмодернистским представлениям о безусловной относительности бахтинского «диалога».

Больше всего секционных заседаний было посвящено, естественно, проблемам интерпретации романа «Идиот», и в центре внимания докладчиков зачастую оказывался его главный герой, князь Мышкин. В докладах была продемонстрирована и первоначальная тенденция восприятия этого героя как безусловного представления писателя о «положительно прекрасном человеке», и тенденция к дегероизации Мышкина, отчетливо проявившаяся в последние десятилетия изучения творчества Достоевского.

Все же в большинстве докладов звучал, как кажется, своего рода новый и, во всяком случае, более взвешенный подход к одному из загадочных образов Достоевского как к «положительно прекрасному человеку», который, тем не менее, все равно, хотя бы вследствие своей человеческой природы, не в силах разрешить трагические противоречия жизни, мучительно переживаемые другими его героями. Кое-что князь Мышкин все же оказывается способен сделать: заронить в душу каждого из них частичку добра и света, которые согревают их в минуты этих переживаний, — причем не только при личном общении с ним.

Как нам представляется, именно это знаменовали собой такие доклады, как «Трагедия непощади» Д. Мартинсен (США), «Лихорадка князя Мышкина» Я. Войводиц (Хорватия), «Идиотизм князя Мышкина» С. Евдокимовой (США), «Юродство и шутство в романе „Идиот“» И. А. Есаулова (Москва), «В поисках оригинала романа» Л. Димитрова (Болгария), «От Мышкина к Смердякову» Дж. Пэйна (Великобритания), «Поэтика эпилога романа Достоевского „Идиот“» Т. П. Баталовой (Коломна), «Роман Достоевского „Идиот“: история и типология комментирования» В. В. Борисовой (Уфа).

Тем не менее дискуссионные моменты в интерпретации романа, разумеется, до конца так и не были сняты. Так, например, в докладе С. Евдокимовой делался акцент на то, что слово «идиот» по-гречески означает «обыкновенный человек». Между тем И. А. Есаулов утверждал, что одним из значимых архетипов образа князя Мышкина является юродивый (каковым и называет князя в самом начале романа Рогожин).

В докладах российских ученых были предложены серьезные текстологические инновации: новые прочтения фрагментов рукописей романа «Идиот» (Н. А. Тарасова, Санкт-Петербург) и осмысление роли стенографических записей Анны Григорьевны в творческой работе Достоевского над этим романом (И. С. Андрианова, Петрозаводск). Были на Симпозиуме открыты и в области изучения биографии Достоевского. Так, в докладах И. В. Дергачевой (Москва) и Валентины Супино (Италия) были

озвучены ценные сведения относительно итальянского периода жизни Достоевского, в который роман «Идиот» был завершен.

Некоторые доклады наших западных коллег были весьма примечательны с точки зрения осмысления тех или иных аспектов художественных открытий, сделанных Достоевским. Например, в докладе Ю. Корригана (США) было показано, что представление о бессознательном, проявившееся в понимании писателем психологии своих героев, в определенном отношении шире и богаче, чем аналогичные теории, которые вскоре после этого стали развивать основоположники психоанализа. Исследователь пытался показать это, рассмотрев описание среды обитания героев Достоевского, которая одновременно оказывается картой их внутреннего мира.

Дж. Паттисон (Великобритания), анализируя изображение Христа в романе, может быть, впервые обратился не к «Мертвому Христу» Гольбейна, а к образу Христа в письме Настасьи Филипповны к Аглае, который он поставил в контекст его изображений в искусстве и науке того времени. Образ Настасьи Филипповны был в центре внимания другого докладчика — Д. Мартинсен (США), которая показала, что неумение героини прощать — не только других, но и себя, — так же как и аналогичная черта многих других героев романа, в конечном счете и предопределяет их драму.

Целый ряд докладов как российских, так и зарубежных ученых был посвящен другим произведениям Достоевского. Так, Дж. Коннолли (США) обогатил наши представления о «Бедных людях», С. Дильворт (Швеция) и Ми Сюйян (Китай) — о «Записках из Мертвого дома», Э. Блейк (США) — о сибирских стихотворениях Достоевского, К. Боуэрс (Канада) — о повести «Неточка Незванова», Г. Мэтзнер-Гор (США) — о «Преступлении и наказании», О. В. Седелникова (Томск) и Э. Дреннан (США) — о «Бесах», С. Гренье (США) и Джанг Бянге (Китай) — о повести «Кроткая».

Философский контекст и интертекст творчества Достоевского стал предметом серьезного внимания в докладах А. И. Тоичкиной (Санкт-Петербург), А. Вайман (США), А. И. Резниченко (Москва) и М. Боудена (Великобритания). Политическая составляющая творчества Достоевского затрагивалась в докладах Е. Г. Новиковой (Томск), К. Гарстки (Германия) и М. Брода (Польша). В докладе Ж. де Фариа (Бразилия) рассматривались пересечения творчества Достоевского с юриспруденцией, в докладе Б. Джонсона (США) — с медициной, в докладе Сатоши Бамбы (Япония) — с физиогномикой.

Немало докладов было посвящено поэтике романа «Идиот». Это, в частности, доклад П. Е. Фокина (Санкт-Петербург) «Поэтика речевого поведения персонажей как способ организации сюжета в романах Достоевского (на материале романа «Идиот»)», доклад О. А. Богдановой (Москва) «Дачный топос в романе Достоевского „Идиот“ и в литературе Серебряного века», Г. Хорвата (Венгрия) «Сингуляризация как фор-

мообразующий принцип в романе „Идиот“, Т. Робертса (США) «Лукач. „Идиот“ и тотальность предметов у Достоевского», С. Владив-Гловер (Австралия) «Как представить непредставимое: рассказывание в „Идиоте“». В некоторых докладах: О. О. Быстровой (Украина), К. Холланд (Канада), И. Эрман (США) — рассматривались особенности языка и жеста у Достоевского.

Любопытные параллели между «философской фантастикой» Достоевского и В. Ф. Одовского приводились в докладе А. Гонсалеса (Аргентина). Отзвуки романа «Идиот» в последующей русской литературе и его сценические адаптации конца XIX — начала XX века рассматривались в докладах Л. Себаллос (США) и Б. Дженса (США). Э. Ченсыз (США) и Лиза Кнапп (США), а также М. К. Джиддини (Италия) и И. Симпсон (Москва) анализировали рецепцию Достоевского в последующей западной литературе. Современные трансформации образа Достоевского в русских и западных биографических романах привлекли внимание Х. Кристенсена (Швеция), а отзвуки Достоевского в современной русской литературе вызвали интерес у С. С. Шаулова (Уфа). Театральные и киноадаптации произведений Достоевского обсуждались в докладах Е. Мурениной (США), Т. Джерманович (Испания), А. Зелинской-Элиот (США) и др.

Объектом внимания К. Аполлонио (США), М. Свансон (США), Ф. Брунелли (Аргентина), Джоу Кичао (Китай), Е. Саркозин (Венгрия) и многих других исследователей стали проблемы перевода произведений Достоевского на иностранные языки.

Охарактеризовать все доклады, заслуживающие упоминания, к сожалению, невозможно, потому что все, что было в программе Симпозиума (см.: www.bu.edu/wll/files/2019/07/IDS-2019-PROGRAM-FINAL-book-fold-3.pdf), в том или ином отношении заслуживало внимания. Однако поскольку некоторые секционные заседания проходили одновременно, то и возможности прослушать их все не было. И это, может быть, единственный, хотя и исключительно вынужденный недостаток Симпозиума.

Впрочем, если попытаться взглянуть на него критически, чтобы более целенаправленно работать на совершенствование этого замечательного форума в дальнейшем, то, наверное, далеко не все было так радужно и безоблачно. Во время работы бостонского Симпозиума по-прежнему сказывалась та же застарелая проблема в деятельности Международного общества Достоевского. Англоязычное и русскоязычное изучение его творчества — это, как и раньше, во многом параллельные миры.

Не так часто приходится слышать в англоязычных исследованиях ссылки на работы российских коллег. То же самое, надо признать, присуще российским исследователям по отношению к любым иноязычным, в том числе и, хотя это и менее простиительно, англоязычным работам. Одно из возможных решений данной проблемы — создание электронной библиотеки IDS, которую, в частности, предложил в своем пленарном докладе В. Н. Захаров.

Однако на сей раз эти два мира все же не были разделены полностью: в докладах многих российских участников широко применялись англоязычные слайды, были среди них и исследователи, выступавшие по-английски. Соответственно, некоторые доклады, прозвучавшие на английском языке, сопровождались компьютерной презентацией не только на английском, но и на русском языке. Многие зарубежные исследователи Достоевского делали свои доклады по-русски, причем говорили на этом неродном для них языке достаточно свободно, а то и просто великолепно.

В рамках Симпозиума состоялась также генеральная ассамблея Международного общества. На ней единогласно были приняты и одобрены отчет его президента В. Н. Захарова и казначея Дж. Пэйна. В связи с истечением полномочий, которые составляют не более двух сроков, были проведены выборы президента. Новым президентом единогласно избрана К. Аполлонио. Почетными президентами стали В. М. Тодд III и В. Н. Захаров. Национальным представителем от России в Международном обществе Достоевского вместо скончавшегося в прошлом году К. А. Степаняна был избран П. Е. Фокин. Столь же дружно участники генеральной ассамблеи проголосовали за то, что следующий Симпозиум, который состоится в 2022 году, пройдет в Нагойе (Япония).

Во время работы Симпозиума в одном из университетских особняков (Pardee School Reception Hall) была торжественно открыта выставка иллюстраций к произведениям Достоевского, которую представили директор Литературного музея России Д. П. Бак, заместитель директора Литературно-мемориального музея Достоевского в Санкт-Петербурге Б. Н. Тихомиров и исполнительный директор инициативной художественной организации «Русские балеты» А. Вайнштейн.

Огромный интерес вызвала презентация книг и Интернет-проектов, на которой выступили В. Супино, Дж. Пэйн, К. Боуэрс и К. Холланд, Е. Г. Новикова, Ю. Корриган, Б. Н. Тихомиров, С. Владив-Гловер, А. Гонсалес и Дж. Мориллас (Испания), О. А. Богданова, С. А. Кибальник, И. А. Есаулов, Ф. Бьянчи (Бразилия), Элизабет Блэйк (США), М. Степенберг (Канада) и др.¹

¹ *Supino V. I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera*, New edition. Firenze: Edizioni Lo Gisma, 2017; *Paine J. Selling the Story: Transaction and Narrative Value in Balzac, Dostoevsky, and Zola*. Harvard: Harvard University Press, 2019; *A Dostoevsky Companion: Texts and Contexts* / Ed. by K. Holland, K. Bowers and C. Doak. Boston: Academic Studies Press, 2019 (Cultural Syllabus); *Corrigan Y. Dostoevsky and the Riddle of the Self*. Evanston: Northwestern University Press, 2017; *Достоевский и мировая культура: Альманах* / Отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб., 2018. № 36; *Vladiv-Glover S. Dostoevsky and the Realists: Dickens, Flaubert, Tolstoy*. New York: Peter Lang, 2019;

Были также анонсированы многие новые переводы Достоевского на иностранные языки, последние номера «Estudios Dostoievski» — специального журнала, публикующего исследования и материалы о творчестве Достоевского в Буэнос-Айресе (<http://agonfilosofia.es/EstudiosDostoievski/index.html>), а также славистического журнала «Revista de literatura e cultura russa» (www.revistas.usp.br), выходящего в Сан-Паулу (Бразилия).

В рамках презентаций были представлены также два Интернет-проекта: проект Томского государственного университета «Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского» (<https://fmdmap.ru>; руководитель Е. Г. Новикова) и проект ИРЛИ РАН «Рабочие тетради Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической

транскрипции» (dostoevsky-archive.ru; руководитель С. А. Кибальник).

Последний проект был специально полностью открыт на время Симпозиума, и все его участники сами могли уточнить что-либо интересующее их из его материалов: 13 рабочих тетрадей Достоевского, хранящихся в РГАЛИ и представленных в сети как в их сканированных изображениях, так и двух расшифровок: выполненных одна в прижизненной, а другая в современной орфографии и пунктуации. Расшифровки эти размещены на портале в сопровождении обширных научных комментариев и содержат ряд существенных новых прочтений. Рабочие тетради Достоевского до настоящего времени публиковались лишь фрагментарно и как единый документ представлены здесь впервые.

Для участников Симпозиума его организаторами была предусмотрена обширная и насыщенная культурная программа: автобусная и пешеходная экскурсия по центру Бостона, посещение Музея изящных искусств. Заключительный прием по случаю завершения Симпозиума прошел на 52-м этаже знаменитой башни «Prudential», откуда открывается потрясающий вид на город.

Выступавшие с заключительными словами участники Симпозиума единодушно отметили, что он был организован великолепно и прошел на высоком научном уровне. Были высказаны также надежды на то, что грядущий в 2021 году 200-летний юбилей Достоевского будет отмечен и в России, и за рубежом достойно и содержательно.

© С. А. Кибальник

Комарович В. Л. «Весь устремление»: статьи и исследования о Ф. М. Достоевском / Сост., отв. ред. и авт. вступ. статьи О. А. Богданова. М., 2019; Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Коллективная монография. СПб., 2017; *Есаулов И. А.* Русская классика: новое понимание. СПб., 2017; Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / Под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. М., 2017; Русская классика: pro et contra. Железный век / Сост., вступ. статья и прим. И. А. Есаулова. СПб., 2017; *Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exile / Ed. and translated by E. A. Blake.* Boston: Academic Studies Press, 2019; *Stepenberg M.* Against Nihilism: Nietzsche Meets Dostoevsky. Montreal: Black Rose Books, 2018.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-228-230

ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТЕКСТ КАК DATA: РУКОПИСЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»*

9 октября 2019 года в главном здании Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) в Москве по инициативе проекта «Автограф. Электронный архив русской литературы» (<http://literature-archive.ru>) состоялся четвертый круглый стол «Текст как DATA: рукопись в цифровом пространстве». Первые три прошли на площадке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2014, 2016 и 2018 годах. При подготовке нынешнего мероприятия, посвященного перспективам цифровой публикации рукописного наследия русских писателей и поиску новой философии художественного текста, объединили усилия Департамент об-

щей и прикладной филологии НИУ ВШЭ, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институт мировой литературы РАН и Государственный музей истории российской литературы (Государственный литературный музей). Ведущим круглого стола стал директор ГЛМ Д. П. Бак. Всего было сделано шесть докладов, сопровождаемых интерактивными презентациями и демонстрацией рукописей.

В приветственном слове, обращенном к участникам и гостям круглого стола, заместитель декана факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А. В. Вдовин подчеркнул растущую актуальность исследований в области цифровизации литературного наследия и необходимость консолидации усилий не только академических структур, но и национальных исследовательских университетов.

* Круглый стол состоялся в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

Перефразируя Г. Гессе, «эпохой черновиков» назвала последние десятилетия Е. Н. Пенская, руководитель Департамента общей и прикладной филологии НИУ ВШЭ и проекта «Автограф». «Апология черновика» утверждает приоритет множества динамических прочтений над единственным, процесса создания текста — над его фиксацией. И в этом отношении электронные архивы обретают особый смысл, так как позволяют работать не только с окончательным текстом, но и с исторической последовательностью его появления на свет. «Электронный архив русской литературы» является беспрецедентным проектом, поскольку объединяет монографические сайты и, таким образом, предоставляет возможности для установления всего спектра связей между рукописями. Понимание рукописи как одной из форм коллективной культурной идентичности становится все более актуальным в российских и европейских исследованиях. К настоящему времени уже сложился язык описания *archive studies*, рассматривающих «метонимическую природу» черновика как способ порождения «новых ценностей» и «новых контекстов».

На правах председательствующего Д. П. Бак зачитал приветственное слово участникам круглого стола руководителя проекта «Автограф» в 2014–2018 годах В. Е. Багно. В качестве главной новации этого начинания один из его инициаторов выделил использование современных технологий не для замены зарекомендовавших себя научных методов, а для их актуализации: «В полном соответствии с теорией Тойнби „Вызов — Ответ“ проект „Автограф. Электронный архив русской литературы“ оказался в высшей степени современным „ответом“ на все новые вызовы всё новой современности. <...> Наш „ответ“ — попытаться привить любовь к автографам тем, кто по природе своей открыт не к новому или к старому, а к вечному. Тем, кто способен оценить нетленную красоту рукописи и, быть может увидев, какие огромные преимущества дают объединенные архивы, делает шаг к гуманитарному знанию. <...> Я помню, с каким восторгом и творческим интересом смотрели европейцы, близкие культуре, но далекие от культуры русской, на автографы современников — Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, каждый из которых радикально отличался от соседних, отличался так же, как отличаются друг от друга сами творцы великого русского романа. У нашего проекта и в научном, и в образовательном, и в эстетическом отношении огромное будущее».

Итог вышесказанному подвел в своем приветствии заместитель директора по научной работе Института мировой литературы РАН О. А. Коростелев. В XXI веке главным действующим лицом процесса научной публикации документов становится не архив, а исследователь. И в этой связи сотрудничество академических и университетских структур обретает особую ценность, поскольку может привести к конкретным практическим реше-

ниям. Ситуация с доступом исследователей к архивным документам исторически не всегда была благоприятной и до сих пор меняется с трудом. Однако планомерная электронная публикация архивов требует больших средств и усилий, без поддержки государства здесь не обойтись. Поэтому по-настоящему решить проблему «архива для исследователя» может только коалиция единомышленников, действующая в рамках нацпроекта или лаборатории.

«Обращение к контексту» назвала главной целью цифрового архива Л. В. Хачатурян (Москва), выступившая с докладом «Электронный архив русской литературы XX века. Вопросы интеграции и взаимодействия». Прежде всего она подчеркнула междисциплинарный характер проекта, появившегося на стыке двух научных дисциплин: источниковедения и текстологии. В сфере источниковедения «Автограф» руководствуется этическим кодексом архивиста, сформулированным еще в 1920-е годы и до сих пор не реализованным в полной мере на практике. Суть его можно выразить короткой формулой: предоставить исследователю наиболее полную информацию в наиболее удобной для него форме. Именно эти возможности открывает для ученых «Автограф», позволяя масштабировать раритетную рукопись на рабочем столе персонального компьютера, одним кликом мыши открыть ту или иную редакцию, план, набросок, оригиналы которых находятся в разных хранилищах, а нередко — и в разных городах. Цифровая текстология использует растровое изображение рукописи, информативно превосходящее даже самую точную транскрипцию белового автографа. Если же мы говорим о черновых записях, а от них естественным образом продвигаемся к рабочим тетрадям, записным книжкам и дневникам, то разрыв между транскрибируемой информацией и фактически присутствующей в автографе становится все существеннее. Именно поэтому так важно предоставить специалисту возможность читать текст «так, как он написан» — во всей полноте контекстных связей. Докладчица напомнила, что «Автограф» начал свою работу в июне 2014 года, когда первый конкурс Российского научного фонда позволил дать старт начинаниям более значительного масштаба. Проект был создан по совместной инициативе РГАЛИ и Пушкинского Дома, где под руководством В. Е. Багно работал первые пять лет. Начав с пяти сайтов поэтов Серебряного века («Иннокентий Анненский», «Андрей Белый», «Борис Пастернак», «Федор Сологуб», «Марина Цветаева») и сравнительно небольшого количества оцифрованных рукописей (две тысячи страниц), к октябрю 2019 года портал более чем вдвое увеличил число сайтов-персоналий (сейчас их двенадцать) и в десять раз — представленный цифровой контент. Нынешний совокупный объем портала — 20 000 электронных изображений. С 2015 по 2018 год были созданы сайты «Александр Блок», «Владимир Маяковский», «Велимир Хлебников», «Николай Гумилев», «Валерий

Брюсов», «Константин Бальмонт». В 2019 году работа над электронным архивом продолжилась в НИУ ВШЭ. «Автограф» перешел на следующую ступень: от рубежа XIX–XX веков к архивам советской эпохи — рукописям 1920–1930-х годов. Первым среди новых стал сайт «Михаил Булгаков» (<http://bulgakov.literature-archive.ru>), на котором практически полностью опубликован находящийся в Пушкинском Доме архив Булгакова-драматурга: рукописи пьес, театральные альбомы, переписка с режиссерами и соавторами.

Тема электронного архива была органично продолжена в выступлении одного из кураторов проекта Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) «„Автограф“ в Пушкинском Доме. Итоги и перспективы». Она проанализировала процесс создания цифрового архива с точки зрения академического института, одновременно являющегося исследовательским центром и хранилищем рукописей. Пять лет сотрудничества позволили сформировать страховой фонд рукописного наследия Серебряного века — свыше 5000 изображений ценнейших раритетов, целенаправленно отобранных Рукописным отделом. Сюда, в частности, включены материалы, связанные с подготовкой полных академических собраний сочинений А. А. Блока и Ф. К. Сологуба: редакции и варианты, беловые тетради, дневники и записные книжки. Сейчас готовятся к оцифровке архивные комплексы советского периода — фонды М. М. Зощенко, М. А. Шолохова, А. П. Платонова.

В совместном докладе М. Н. Виrolайнен и Г. Н. Беляка (Санкт-Петербург) «Академическая наука и цифровая филология: проблемные зоны и практические решения» были выделены вопросы формирования DATA-информации. Базирующееся на основе академического Полного собрания сочинений Пушкина (выходит с 2004 года) «Электронное академическое издание», более известное как *Pushkin Digital*, в разделе «Рукописи» публикует копии черновиков поэта, соотношенные с распознанным текстом (<https://pushkin-digital.ru>). Для растрового изображения DATA представляет собой только код цифровой формы рукописи в программе, не влияющий на коммуникативные связи автографа. Однако при соотношении текстов в динамической транскрипции и переходе от растрового изображения к распознанному тексту публикатор использует DATA-информацию для идентификации слоев правки. Подобное вмешательство в коммуникативную структуру рукописного текста может представлять «ловушку» для текстолога и требует серьезного методического обоснования. Разработанные лучшими литературоведами XX века принципы публикации творческого наследия нуждаются в «новой филологии» и адаптации для цифрового издания.

Иной подход к транскрибированию рукописного текста был представлен в докладе Феклы Толстой (Москва) «Web-сервис „Текстограф“ и современные текстологические практики». «Текстограф» позволяет в полуавтоматическом

режиме фиксировать слои правки, составлять их редакции, сравнивать варианты и визуализировать «карту текста» — схематичное представление работы автора над произведением. Кроме профессионалов, работающих с рукописными материалами, «Текстограф» рассчитан и на широкий круг пользователей. Сейчас рукописный фонд состоит из 400 оборотных страниц романа «Война и мир» (около 800 изображений), а также рукописей других произведений. Часть из них находится в свободном доступе в Интернете (<http://textograf.ru/textograf#/>).

В докладе «Рукописи Ф. М. Достоевского: перспектива цифровой публикации» К. А. Баршт (Санкт-Петербург) продемонстрировал еще один метод публикации рукописи — цифровую дипломатическую транскрипцию. Перевод трудночитаемых страниц записных тетрадей Достоевского в формат стандартного шрифта делает рукопись читаемой при сохранении всех информационных слоев автографа — пространственного расположения записей, рисунков, каллиграфических прописей, пунктуационных знаков, подчеркиваний и проч. В качестве примера были показаны страницы «Записной тетради № 1», опубликованной в «Электронной библиотеке» Пушкинского Дома, а также первые результаты работы по переводу в эту форму четырех записных тетрадей к роману «Бесы» (проект РФФИ). В заключение исследователь обнаружил информацию о готовящемся «Объединенном цифровом архиве Ф. М. Достоевского», где впервые на предназначенном для этого сайте будут собраны все известные автографы писателя в виде выполненных в высоком разрешении электронных копий, качество которых исключает необходимость обращения к оригиналам.

Первая часть круглого стола завершилась выступлением М. Л. Спивак (Москва) «Оцифровка — презентация — публикация», подчеркнувшей крайнюю необходимость уточнения справочной информации при размещении архивных документов в Интернете. Архивные описи, из которых формируется легенда виртуальных архивов, составлены в прошедшие десятилетия, и содержащаяся в них информация о датировке, а нередко и авторстве документов закономерно устаревает.

Во второй части заседания состоялась развернутая дискуссия по широкому кругу поднятых в докладах проблем. В ней приняли участие текстологи, лингвисты, литературоведы, сотрудники рукописных отделов научных институтов и музеев: А. С. Акимова, Н. А. Богомол, А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Глухова, Л. В. Калужная, Д. Д. Новгорова, Н. В. Перцов, В. Н. Терехина, А. Б. Шишкин.

Важнейшим итогом круглого стола стало решение о создании профильного семинара для обсуждения текущих реалий, проблем и перспектив цифровой текстологии рукописи.

ПАМЯТИ ВАДИМА ДМИТРИЕВИЧА РАКА

12 октября 2019 года на 89-м году жизни скончался Вадим Дмитриевич Рак — один из авторитетнейших отечественных филологов. Его научные интересы отличались большой широтой: он занимался изучением русско-европейских литературных и культурных взаимосвязей XVIII века, творчеством А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, подготовкой академических изданий их сочинений.

Вадим Дмитриевич окончил в 1955 году английский отделение филологического факультета Ленинградского университета, затем в 1958 году — аспирантуру по кафедре зарубежных литератур; в 1967 году защитил кандидатскую диссертацию «Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стиля и литературная полемика их времени». В течение ряда лет работал в Отделе систематизации Государственной публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки). Тогда уже он начал разгадывать многие библиографические «загадки», связанные с атрибуцией или атезией. Его находки были высоко оценены и использованы составителями справочных изданий: «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» и «Сводного каталога русской книги. 1801–1825». С 1960-х годов В. Д. Рак принимал деятельное участие в заседаниях и коллективных трудах Группы по изучению русской литературы XVIII века (затем Сектора, ныне Отдела) и Сектора (ныне Отдела) взаимосвязей русской и зарубежных литератур.

Штатным сотрудником Пушкинского Дома Вадим Дмитриевич стал только в 1988 году, когда ему было уже 58 лет, однако если спросить о нем тех пушкинодомцев, которые пришли в институт, когда он в нем уже работал, они ответят, что наверняка он в нем трудится со студенческой скамьи или с аспирантских лет, настолько его творческий облик совпадает с представлениями о пушкинодомской науке.

Сочетание его научных интересов было нестандартным. Во многом они совпадали с интересами его выдающихся старших товарищей, как и он — англистов по образованию, Михаила Павловича Алексева и Юрия Давидовича Левина: Пушкин, русско-английские литературные связи, XVIII век. Неожиданным в этом ряду стал Достоевский, который (за исключением Пушкина) обычно предполагает совсем другой ряд научных, интеллектуальных и духовных пристрастий и сцеплений. Георгий Михайлович Фридендер пригласил Вадима Дмитриевича написать реальный комментарий к печатному и рукописному текстам «Дневника писателя» за 1876 год (т. 22–24,

опубликованы в 1981–1982 годах). Это была сложная работа, которую в предшествующих изданиях в таком объеме никто не предпринимал. Вадим Дмитриевич выполнил ее блестяще, внимательно изучив всю газетную и журнальную хронику 1870-х годов, являющуюся материалом для Достоевского при создании этого произведения, фактически — прочитав вслед за автором «Дневника» все, что в свое время интересовало или могло привлечь внимание писателя. Так в 1980-е годы началось плодотворное сотрудничество В. Д. Рака с Группой по подготовке первого академического издания Ф. М. Достоевского. Тогда же, в 1980-х, Вадим Дмитриевич впервые обратился к вопросам критического установления текста Достоевского — в 1988 году вышла его статья «Уточнение одной записи в тетради 1875–1876 гг.», написанная в связи с исправлением исследовательской ошибки чтения черновых набросков к «Дневнику писателя» и дополнением научного комментария к этому произведению (см.: Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 267–271).

Одновременно Вадим Дмитриевич продолжал свои замечательные разыскания и публикации по литературе XVIII столетия, приняв самое деятельное участие в работе над «Словарем русских писателей XVIII века» (Л.; СПб., 1988–2010. Вып. 1–3), выявляя новые сведения о биографии и творчестве десятков авторов. Из его словарных статей, написанных предельно лаконично, выростали затем развернутые исследования. Многие из них опубликованы в сборниках «XVIII век» (вып. 10–28, 1975–2017). В. Д. Рак был постоянным участником этого издания в качестве автора, а затем и члена редколлегии.

Неоценим вклад В. Д. Рака в пушкиноведение. Его наблюдения над рабочими тетрадями Пушкина приводили к самым разнообразным результатам — от уточнения датировок произведений до экспликации незамеченных прежде смыслов поэтических высказываний (см. статьи, собранные в его книге «Пушкин, Достоевский и другие» (СПб., 2003)). Прекрасный комментатор, чрезвычайно внимательный к мелочам и умевший ценить их значение, В. Д. Рак разрабатывал и крупные темы. Так, классической стала его работа, посвященная раннему этапу знакомства Пушкина с творчеством Байрона. К подготовленному под его редакцией тому 18–19 издания «Пушкин: Исследования и материалы: Пушкин и мировая литература: Материалы к „Пушкинской энциклопедии“» (СПб., 2004) пушкинисты обращаются постоянно, как и к целому ряду других научных трудов В. Д. Рака.

В 1990 году Вадим Дмитриевич защитил докторскую диссертацию «Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции». В виде книги этот труд был опубликован в 1998 году. Превосходно владея иностранными языками и используя нестандартные эвристические приемы, он разработал новый плодотворный подход к определению источников отечественных публикаций. Предметом его внимания были не только непосредственные источники переводов, но и весь путь какого-либо зарубежного сочинения к русскому читателю через переводы оригинала на другие языки, служившие посредниками. Многолетние разыскания исследователя послужили основой для подготовки и другой его книги — «Статьи о литературе XVIII века» (СПб., 2008). Каждая из вошедших в книгу статей содержит факты, по-новому освещающие характер целого ряда русских периодических изданий или деятельность отдельных авторов. Вадим Дмитриевич работал до последних дней своей жизни и успел завершить издание «Две повести Матвея Комарова, „жителя города Москвы“», подготовленное им для серии «Литературные памятники», — интереснейший образец «низовой» русской литературы XVIII века.

Работать с Вадимом Дмитриевичем бок о бок было поучительно и радостно. Он относится к числу тех ученых, кто настолько убежден сам и настолько страстно и увлеченно доказывает свою правоту, что вольно или невольно становишься его сторонником. Истинная наука, конечно же, — та же любовь; если она бесстрастна, она не наука, и Вадим Дмитриевич подкупал этой страстной, не терпящей иной раз возражений любовью к науке, стремлением глубоко и всесторонне изучить интересовавший его материал.

Замечательный ученый, преданный делу, Вадим Дмитриевич оказался не менее выдающимся руководителем и организатором науки. В непростых условиях возглавив небольшую группу по изданию второго академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, он сумел так организовать работу, что тома Собрания, исправленного и дополненного, требующего напряженного труда, выходят с завидной регулярностью, а коллектив стал пополняться молодыми кадрами.

**В. Е. Багно,
Н. Д. Кочеткова,
Н. А. Тарасова**

SUMMARIES

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tgivanova@inbox.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ БЫЛИННОГО ТИПИЧЕСКОГО МЕСТА «РАСПРОСЫ О РОДЕ-ПЛЕМЕНИ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

«QUESTIONING ABOUT THE CLAN-TRIBE»: TRANSFORMATIONS OF THE BYLINA'S *LOCUS COMMUNIS* IN A HISTORICAL SONG ABOUT STEPAN RAZIN

В статье рассматриваются трансформации типического места «род-племя» в исторических песнях о Степане Разине. Сформировавшись как формула в былине, в исторической песне оно может быть расширено в социальном или географическом аспекте. Процессы трансформации дают возможность осмыслить механизмы преемственности внутри фольклорной традиции и мотивируются формированием у русского народа исторического сознания.

Ключевые слова: историческая песня, былина, типическое место «род-племя», фольклорная традиция.

The article discusses the transformation of the *locus communis* «clan-tribe» in historical songs about Stepan Razin. Having emerged as a *bylina* formula, it is expanded in the historical song in a social or geographical aspect. Transformation processes aid to the comprehension of the mechanisms of continuity within the folk tradition, and are motivated by the formation of the history awareness among the Russian people.

Key words: historical song, *bylina*, *locus communis* «clan-tribe», folklore tradition.

Список литературы

1. Былины Мезени / Корпус текстов и комм. подг. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.; М., 2003 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 3).
2. Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 1, 2).
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.
4. *Иванова Т. Г.* Топоним *Рязань* в севернорусских былинах // Народная культура в слове и тексте: Сб. исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013.
5. Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подг. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
6. Исторические песни XVII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
7. Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971.
8. Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
9. *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

10. *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. Саратов, 1994.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
12. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3.
14. *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

References

1. Byliny Mezeni / Korpus tekstov i komm. podg. A. A. Gorelov, T. G. Ivanova, A. N. Martynova, Iu. I. Marchenko, Iu. A. Novikov, L. I. Petrova, A. N. Rozov, F. M. Selivanov. SPb.; M., 2003 (Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. T. 3).
2. Byliny Pechory / Korpus tekstov podg. V. I. Eremina, V. I. Zhekulina, V. V. Korguzalov, A. F. Nekrylova. SPb.; M., 2001 (Svod russkogo fol'klora. Byliny: V 25 t. T. 1, 2).
3. *Dal' V. I.* Tolkovyii slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. M., 1978. T. 1.
4. *Ivanova T. G.* Toponim *Riazan'* v severnorusskikh bylinakh // Narodnaia kul'tura v slove i tekste: Sb. issledovaniĭ i materialov pamiati Valentiny Viktorovny Filippovoi. Syktyvkar, 2013.
5. Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov / Izd. podg. B. N. Putilov, B. M. Dobrovol'skii. M.; L., 1960.
6. Istoricheskie pesni XVII veka / Izd. podg. O. B. Alekseeva, B. M. Dobrovol'skii, L. I. Emel'ianov, V. V. Korguzalov, A. N. Lozanova, B. N. Putilov, L. S. Sheptaev. M.; L., 1966.
7. Istoricheskie pesni XVIII veka / Izd. podg. O. B. Alekseeva, L. I. Emel'ianov. L., 1971.
8. Istoricheskie pesni XIX veka / Izd. podg. L. V. Domanovskii, O. B. Alekseeva, E. S. Litvin. L., 1973.
9. *Putilov B. N.* Metodologĭia sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia fol'klora. L., 1976.
10. *Skaftymov A. P.* Poetika i genezis bylin. Saratov, 1994.
11. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. M., 1976. Vyp. 3.
12. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. L., 1988. Vyp. 4.
13. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: V 4 t. M., 1987. T. 3.
14. *Chistov K. V.* Russkaia narodnaia utopiia (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend). SPb., 2003.

Марина Григорьевна Сальман

независимый исследователь

Marina Grigor'evna Sal'man

Independent Researcher

fontonro@yandex.ru

**ДВА УЧЕНИКА ПРОФЕССОРА С. А. ВЕНГЕРОВА
(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)****TWO STUDENTS OF PROFESSOR S. A. VENGEROV
(ARCHIVAL SOURCES)**

В работе, основанной на прежде не публиковавшихся архивных документах, содержатся неизвестные факты из жизни профессора С. А. Венгерова. В статье сделана попытка воссоздать судьбу двух его студентов родом из Архангельска, чьи имена включены в списки жертв политического террора, составленные «Мемориалом».

Ключевые слова: С. А. Венгеров, М. Н. Мартынов, А. А. Мартынова, переписка, биография, история России XX века, советский террор.

The article, based on the previously unpublished archival documents, contains unknown facts from the life of Professor S. A. Vengerov. An attempt is made to reconstruct the life stories of two of his students, originally from Arkhangelsk, whose names are to be found in the lists of political terror victims, compiled by Memorial.

Key words: S. A. Vengerov, M. N. Martynov, A. A. Martynova, correspondence, biography, history of Russia of the 20th century, Soviet terror.

Список литературы

1. Аграрное движение в 1917 г. по документам главного земельного комитета / Предисловие М. Мартынова // Красный архив. 1926. № 1 (14).
2. *Азадовский М. К.* Памяти С. А. Венгерова (Венгеров-библиограф). Чита, 1922.
3. Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 2015. Вып. 9: В 3 ч. Ч. 1, 2 / Сост. М. П. Лепехин; предисловие А. Н. Цамутали, М. П. Лепехина.
4. *Ананьич Б. В., Толстая Л. И.* Петербургский университет в январе–феврале 1911 г. (Власть и профессура) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2007.
5. *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
6. *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018.
7. *Баскаков В. Н.* Венгеров Семен Афанасьевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г.
8. *Берков П. Н. А. Г. Фомин (1887–1939).* Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949.
9. «Боролась за землю, за волю, за свободу народа». Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо / Вступ. статья, комм. и подг. текста Г. А. Салтык // Отечественные архивы. 2002. № 6.
10. *Брачев В. С.* «Дело» Я. М. Захера // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2.
11. *Брачев В. С.* Дело профессора С. В. Вознесенского // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1.
12. *Брачев В. С.* Дело профессора Самуила Горловского (1896–1936) // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3.
13. *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004.
14. *Венгеров С. А.* Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920.
15. *Вовина-Лебедева В. Г.* Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. Доклады и сообщения. СПб., 2015.
16. Восстание Емельяна Пугачева: Сб. документов / Подг. к печ. проф. М. Мартыновым. Л., 1935.
17. *Востриков А. В., Страхова Я. А. М. Ф. Щербакова.* «Революция в Петрограде» (воспоминания о событиях февраля–марта 1917 г.) // Новейшая история России. 2017. № 3 (20).
18. Высшая школа Санкт-Петербурга, XIX — начало XX века: Сб. документов. СПб., 2007.
19. *Гордон А. В.* Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // Французский ежегодник: Франция и Восток. 2014. Т. 5. Вып. 9 (32).
20. *Городецкий Б. М.* Профессор С. А. Венгеров / Публ. и комм. И. Д. Золотаревой // Библиография. 2014. № 2.
21. *Грин Ц. И., Третьяк А. М.* Публичная библиотека глазами современников (1917–1929). СПб., 2003.
22. *Груздева Е. Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб., 2008.
23. *Дойков Ю. В.* Свеча горит... Немецкие тени в архангельском ГУЛАГе (1920–2010). Архангельск, 2010.
24. *Журавлев С. В.* Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2003. № 3.
25. Запрещённая цензурой статья Н. В. Шелгунова / Предисловие М. Мартынова // Красный архив. 1926. № 1 (14).
26. *Золотарев В. П.* Яков Михайлович Захер (1893–1963) // Новая и новейшая история. 1993. № 4.
27. *Золотарева И. Д.* «Незабвенные друзья книги»: С. А. Венгеров и Б. М. Городецкий // Библиография. 2014. № 2.
28. *Иванов М. Н.* Из дневника политзаключенного / Сост. Г. А. Салтык. Курск, 2002.
29. *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк. СПб., 2006.
30. Из писем о Льве Николаевиче Толстом / Публ. И. М. Юдиной, Л. П. Архиповой // Русская литература. 1978. № 3.
31. *Ильин В. Н.* Каторга и ссылка на севере России в период интервентов и гражданской войны 1918–1920 гг. // Каторга и ссылка на Севере России: Сб. статей. Архангельск, 2006. Т. 2.
32. *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855–1920). М., 1964.
33. *Мартынов М. Н.* Экзаменует жизнь // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971.
34. *Мец А. Г.* Осип Мандельштам и его время. СПб., 2005.
35. *Михеева Г. В.* Николай Васильевич Яковлев: малоизвестные страницы биографии // Книга. Культура. Общество. Сб. трудов. СПб., 2000.
36. Новое уголовное уложение, выс<очайше> утв<ержденное> 22 марта 1903 г. СПб., 1903.
37. *Панченко Н. С.* Венгеров о встрече с Л. Толстым в 1882 году // Русская литература. 1961. № 1.
38. Политбюро и дело Берия: Сб. документов / Под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2012.

39. Поляков А. С. Труды профессора Семена Афанасьевича Венгерова: Библиографический перечень. М., 1916.
40. Поморская энциклопедия: В 5 т. Архангельск, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера.
41. Пушкинист. Историко-литературный сборник. СПб., 1914. [Вып.] I.
42. Пушкинист. Историко-литературный сборник. Пг., 1916. [Вып.] II.
43. Родюкова М. В. О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996.
44. Родюкова М. В. Обзор фонда С. А. Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007.
45. Салтык Г. А. Ивановы-Фонтейнесы: история рода // Вестник архивиста. 2006. № 2/3.
46. Сальман М. Г. К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Slavica Revalensia. 2016. Vol. III.
47. Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII. № III/IV.
48. Серова Е. А. Историко-археографический институт Академии наук СССР (1931–1936 гг.) // История и историки. Археографический ежегодник. 1976. М., 1979.
49. Синицына П. Т. Архангельск и Шенкурск в период революционной борьбы (1917–1920 гг.) в показаниях очевидца (по документам Нарьян-Марского УНКВД 1937 г.) // Каторга и ссылка на Севере России: Сб. статей. Архангельск, 2006. Т. 2.
50. Соминич Г. Е. Коллекция документов личного происхождения в РГИА как исторический источник по истории интеллигенции в России конца XIX — начала XX века // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2001. Вып. 1.
51. Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2.
52. «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы / Подг. текста и публ. Т. А. Угримовой и А. Г. Волкова; сост., авт. некоторых разделов и прим. Т. А. Угримовой. М., 2004.
53. Фомин А. Г. Избранное / Сост., вступ. статья и прим. М. Д. Эльзона. М., 1975.
54. Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной Палаты (ныне института книговедения). (К пятилетию со дня его смерти). Л., 1925.
55. Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922 (Пушкинист; [вып.] IV).
56. Чистиков А. Н. Будущие управленцы: студенты Коммунистического университета им. тов. Зиновьева в 1920-е гг. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2007.
57. Чухлий С. А. Историк в переломную эпоху: перипетии судьбы и зигзаги научного творчества профессора М. В. Ключкова // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10.
58. Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Предисловие, послесловие и публ. Б. В. Ананьича; прим. Е. А. Правилковой // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995.
59. Яковлев Н. В. Из воспоминаний о Пушкинском доме // Звезда. 1969. № 8.
60. Яковлев Н. В. К истории петербургского среднешкольного движения 1904–1909 годов: Из воспоминаний реалиста // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб. 1.

References

1. Agrarnoe dvizhenie v 1917 g. po dokumentam glavnogo zemel'nogo komiteta / Predislovie M. Martynova // Krasnyi arkhiv. 1926. № 1 (14).
2. Akademicheskoe delo 1929–1931 gg. SPb., 2015. Vyp. 9: V 3 ch. Ch. 1, 2 / Sost. M. P. Lepikhin; predislovie A. N. Tsamutali, M. P. Lepikhina.
3. Anan'ich B. V., Tolstaia L. I. Peterburgskii universitet v ianvare-fevrale 1911 g. (Vlast' i professura) // Otechestvennaia istoriia i istoricheskaia mysl' v Rossii XIX–XX vekov: Sb. statei k 75-letiiu A. N. Tsamutali. SPb., 2007.
4. Azadovskiy M. K. Pamiati S. A. Vengerova (Vengerov — bibliograf). Chita, 1922.
5. Bashakov V. N. Vengerov Semen Afanas'evich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskie slovar'. M., 1989. T. 1. A–G.
6. Bazanov P. N. «Petropol'skii Tatsit» v izgnanii. Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaia Ul'ianova. SPb., 2018.
7. Bazhanov B. G. Vospominaniia byvshego sekretaria Stalina. SPb., 1992.
8. Berkov P. N. A. G. Fomin (1887–1939). Ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti. M., 1949.
9. «Borolas' za zemliu, za voliu, za svobodu naroda». Iz vospominanii «babushki» kurskikh revoliutsionerov Pauliny Shaverdo / Vstup. stat'ia, komm. i podg. teksta G. A. Saltyk // Otechestvennye arkhivy. 2002. № 6.

10. *Brachev V. S.* «Delo» Ia. M. Zakhera // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* (Terra Humana). 2012. № 2.
11. *Brachev V. S.* Delo professora S. V. Voznesenskogo // *Noveishaia istoriia Rossii*. 2019. T. 9. № 1.
12. *Brachev V. S.* Delo professora Samuila Gorlovskogo (1896–1936) // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2015. № 3.
13. *Brachev V. S., Dvornichenko A. Iu.* Kafedra russkoi istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004). SPb., 2004.
14. *Chistikov A. N.* Budushchie upravlyentsy: studenty Kommunisticheskogo universiteta im. tov. Zinov'eva v 1920-e gg. // *Otechestvennaia istoriia i istoricheskaia mysl' v Rossii XIX–XX vekov: Sb. statei k 75-letiiu A. N. Tsamutali*. SPb., 2007.
15. *Chukhlii S. A.* Istorik v perelomnuu epokhu: peripetii sud'by i zigzagi nauchnogo tvorchestva professora M. V. Klochkova // *Kharkivs'kii istoriografichnii zbornik*. Kharkiv, 2010. Vip. 10.
16. *Doikov Iu. V.* Svecha gorit... Nemetskie teni v arkhangel'skom GULAge (1920–2010). Arkhangel'sk, 2010.
17. *Fomin A. G.* Izbrannoe / Sost., vstup. stat'ia i prim. M. D. El'zona. M., 1975.
18. *Fomin A. G. S. A.* Vengerov kak organizator i pervyi direktor Rossiiskoi Knizhnoi Palaty (nyne instituta knigovedeniia). (K piatiletiiu so dnia ego smerti). L., 1925.
19. *Fomin A. G. S. A.* Vengerov kak professor i rukovoditel' Pushkinskogo seminariia // *Pushkinskii sbornik. Pamiati professora Semena Afanas'evicha Vengerova*. M.; Pg., 1922 (Pushkinist; [vyp.] IV).
20. *Gordon A. V.* Lichnost' i sud'ba uchenogo: Iakov Mikhailovich Zakher // *Frantsuzskii ezhegodnik: Frantsiia i Vostok*. 2014. T. 5. Vyp. 9 (32).
21. *Gorodetskii B. M.* Professor S. A. Vengerov / Publ. i komm. I. D. Zolotarevoi // *Bibliografiia*. 2014. № 2.
22. *Grin Ts. I., Tret'iak A. M.* Publichnaia biblioteka glazami sovremennikov (1917–1929). SPb., 2003.
23. *Gruzdeva E. N.* Peterburgskii istorik Sergei Vasil'evich Rozhdestvenskii. SPb., 2008.
24. *Iakovlev N. V.* Iz vospominanii o Pushkinskom dome // *Zvezda*. 1969. № 8.
25. *Iakovlev N. V.* K istorii peterburgskogo sredneshkol'nogo dvizheniia 1904–1909 godov: Iz vospominanii realista // *Revoliutsionnoe iunoshestvo. Iz proshlogo sotsial-demokraticheskoi uchashcheisia i rabochei molodezhi*. L., 1924. Sb. 1.
26. *Il'in V. N.* Katorga i ssylka na severe Rossii v period interventov i grazhdanskoi voiny 1918–1920 gg. // *Katorga i ssylka na Severe Rossii: Sb. statei*. Arkhangel'sk, 2006. T. 2.
27. *Ivanov M. N.* Iz dnevnika politzakliuchennogo / Sost. G. A. Saltyk. Kursk, 2002.
28. *Ivanova T. G.* Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma. Istoricheskii ocherk. SPb., 2006.
29. Iz pisem o L've Nikolaeviche Tolstom / Publ. I. M. Iudinoi, L. P. Arkhipovoi // *Russkaia literatura*. 1978. № 3.
30. *Kalent'eva A. G.* Vliublennyi v literaturu. Ocherk zhizni i deiatel'nosti S. A. Vengerova (1855–1920). M., 1964.
31. *Martynov M. N.* Ekzamenuet zhizn' // *Na shturm nauki. Vospominaniia byvshikh studentov fakul'teta obshchestvennykh nauk Leningradskogo universiteta*. L., 1971.
32. *Mets A. G.* Osip Mandel'shtam i ego vremia. SPb., 2005.
33. *Mikheeva G. V.* Nikolai Vasil'evich Iakovlev: maloizvestnye stranitsy biografii // *Kniga. Kul'tura. Obshchestvo. Sb. trudov*. SPb., 2000.
34. *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys<ochaishe> utv<erzhdennoe> 22 marta 1903 g.* SPb., 1903.
35. *Panchenko N. S.* Vengerov o vstreche s L. Tolstym v 1882 godu // *Russkaia literatura*. 1961. № 1.
36. *Poliakov A. S.* Trudy professora Semena Afanas'evicha Vengerova: Bibliograficheskii perechen'. M., 1916.
37. Politbiuro i delo Beriia: Sb. dokumentov / Pod obshch. red. O. B. Mozokhina. M., 2012.
38. *Pomorskaia entsiklopediia: V 5 t.* Arkhangel'sk, 2001. T. 1. Istoriiia Arkhangel'skogo Severa.
39. *Pushkinist. Istoriko-literaturnyi sbornik*. SPb., 1914. [Vyp.] I.
40. *Pushkinist. Istoriko-literaturnyi sbornik*. Pg., 1916. [Vyp.] II.
41. *Rodiukova M. V.* O sud'be arkhiva Semena Afanas'evicha Vengerova // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1992 god*. SPb., 1996.
42. *Rodiukova M. V.* Obzor fonda S. A. Vengerova // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody*. SPb., 2007.
43. *Sal'man M. G.* K biografii Iu. G. Oksmana (Po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga) // *Slavica Revalensia*. 2016. Vol. III.
44. *Sal'man M. G.* Osip Mandel'shtam: gody ucheniia v Sankt-Peterburgskom universitete (po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga) // *Russian Literature*. 2010. Vol. LXVIII. № III/IV.
45. *Saltyk G. A.* Ivanovy-Fonteinesy: istoriia roda // *Vestnik arkhivista*. 2006. № 2/3.
46. *Serova E. A.* Istoriko-arkheograficheskii institut Akademii nauk SSSR (1931–1936 gg.) // *Istoriiia i istoriki. Arkheograficheskii ezhegodnik*. 1976. M., 1979.
47. *Shtakel'berg N. S.* «Kruzhok molodykh istorikov» i «Akademicheskoe delo» / Predislovie, posleslovie i publ. B. V. Anan'icha; prim. E. A. Pravilovoi // *In memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati F. F. Perchenka*. M.; SPb., 1995.

48. *Sinitsyna P. T.* Arkhangel'sk i Shenskursk v period revoliuttsionnoi bor'by (1917–1920 gg.) v pokazaniakh ochevidtstva (po dokumentam Nar'ian-Marskogo UNKVD 1937 g.) // Katorga i ssylka na Severe Rossii: Sb. statei. Arkhangel'sk, 2006. T. 2.
49. *Sominich G. E.* Kolleksiia dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia v RGIA kak istoricheskii istochnik po istorii intelligentsii v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka // Deiateli russkoi nauki XIX–XX vekov. SPb., 2001. Vyp. 1.
50. Sotrudniki Rossiiskoi natsional'noi biblioteki — deiateli nauki i kul'tury: Biograficheskii slovar'. SPb., 1999. T. 2.
51. «Stoi v zavete svoem...». Nikolai Konstantinovich Murav'ev. Advokat i obshchestvennyi deiatel'. Vospominaniia, dokumenty, materialy / Podg. teksta i publ. T. A. Ugrimovoi i A. G. Volkova; sost., avt. nekotorykh razdelov i prim. T. A. Ugrimovoi. M., 2004.
52. *Vengerov S. A.* Avtobiografiia Semena Afanas'evicha Vengerova. Pg., 1920.
53. Vosstanie Emel'iana Pugacheva: Sb. dokumentov / Podg. k pech. prof. M. Martynovym. L., 1935.
54. *Vostrikov A. V., Strakhova Ia. A. M. F. Shcherbakova.* «Revoliutsiia v Petrograde» (vospominiia o sobytiakh fevralia–marta 1917 g.) // Noveishaia istoriia Rossii. 2017. № 3 (20).
55. *Vovina-Lebedeva V. G.* Istoriko-Arkheograficheskii institut i Leningradskoe otdelenie instituta istorii v 1930-kh gg. // Iz istorii LOII. Doklady i soobshcheniia. SPb., 2015.
56. Vysshaia shkola Sankt-Peterburga, XIX — nachalo XX veka: Sb. dokumentov. SPb., 2007.
57. Zapreshchennaia tsenzuroi stat'ia N. V. Shelgunova / Predislovie M. Martynova // Krasnyi arkhiv. 1926. № 1 (14).
58. *Zhuravlev S. V.* Chelovek revoliuttsionnoi epokhi: Sud'ba esera-terrorista G. I. Semenova (1891–1937) // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 3.
59. *Zolotarev V. P.* Iakov Mikhailovich Zakher (1893–1963) // Novaia i noveishaia istoriia. 1993. № 4.
60. *Zolotareva I. D.* «Nezabvennye druž'ia knigi»: S. A. Vengerov i B. M. Gorodetskii // Bibliografiia. 2014. № 2.

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) RAS,
Professor, Institute of History, St. Petersburg State University

svetlanasm08@mail.ru

**ПОЧИТАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ ГАЛИЦКОГО И ОВИНОВСКОЙ
ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ: МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

**THE CULTS OF ST. PAISIUS OF GALICH AND OF THE OVINOVSKAYA
ICON OF THE MOTHER OF GOD: METAMORPHOSES OF HISTORICAL MEMORY**

В статье реконструируется процесс становления культа Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери на основе Повести об Овиновской иконе Богоматери, Жития Паисия Галицкого и Службы ему, иконописного подлинника, актов Успенского Галицкого монастыря и монастырской описи 1701 года и рассматривается вопрос о соотношении этого культа с историческими фактами.

Ключевые слова: Паисий Галицкий, Повесть об Овиновской иконе, агиография, исторический источник.

The article reconstructs the process of forming the cult of Paisius of Galich and the Ovinovsky Icon of Our Lady on the basis of *The Story of the Ovinovsky Icon of Our Lady*, *The Life of Paisius of Galich* and *The Service to him*, the icon-painter's guide, the acts of the Assumption Monastery in Galich and the monastery inventory of 1701 and considers the relationship between this cult and historical facts.

Key words: Paisius Galichsky, *The Story of the Ovinovskaya Icon*, hagiography, historical source.

Список литературы

1. Авдеев А. Г. Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV–XVII веков // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7.
2. Авдеев А. Г. Житие преподобного Паисия Галичского: Исследования и тексты. М., 2009.
3. Авдеев А. Г., Агарков А. А. О возможном иконографическом типе чудотворного образа Божией Матери Овиновской // Пространственно-временные перекрестки культуры: Сб. статей и материалов всероссийской научной конф. с международным участием «Человек и мир человека». Барнаул; Рубцовск, 2009.
4. Авдеев А. Г., Семячко С. А. Житие Паисия Галицкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4.
5. Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.
6. Антонов А. В. Перечни актов Переславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церквей XIV — начала XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1.
7. Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI века из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
8. Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.
9. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Ab Imperio. 2004. № 1.
10. Житие Паисия Галицкого / Подг. текста и комм. С. А. Семячко // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2013. Т. 17.
11. Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII века // Православный собеседник. 1898. Ч. 2.
12. Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853.
13. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 4.
14. Кожевникова Ю. Н., Романенко Е. В. Макарий // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 42.
15. Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.
16. Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 3.
17. Лурье В. М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.
18. Маркелов Г. В. Книга иконных образов: 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. СПб., 2006.
19. Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 1, 2.
20. Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4.
21. Преображенский И. Д., Альбицкий Н. А. Подробная опись 962 рукописям начала XVII до начала XIX столетий «Долматовского архива» (Голицынского и Куломзинского родов) с приложениями. СПб., 1895.
22. Семячко С. А. Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (К характеристике вымышленной летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48.
23. Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994.
24. Семячко С. А. К истории почитания преподобного Паисия Галицкого и Овиновской иконы Богоматери // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3.
25. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1; Т. 2. Ч. 1.
26. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
27. Сытин С. Д. [Палилов К. В.]. Древний город Галич Костромской губернии: Рассказы о его прошлом и настоящем. Бытовые очерки и обычаи жителей. Историческое, географическое положение. Промышленность и торговля. М., 1905.

References

1. Avdeev A. G. Galichskii Uspenskii Pais'ev monastyr' po dokumentam XV–XVII vekov // Russkii diplomatarii. M., 2001. Vyp. 7.
2. Avdeev A. G. Zhitie prepodobnogo Paisiia Galichskogo: Issledovaniia i teksty. M., 2009.
3. Avdeev A. G., Agarkov A. A. O vozmozhnom ikonograficheskom tipe chudotvornogo obraza Bozhiei Materi Ovinovskoi // Prostranstvenno-vremennye perekrestki kul'tury: Sb. statei i materialov vserossiiskoi nauchnoi konf. s mezhdunarodnym uchastiem «Chelovek i mir cheloveka». Barnaul; Rubtsovsk, 2009.
4. Avdeev A. G., Semiachko S. A. Zhitie Paisiia Galitskogo // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. SPb., 2004. Vyp. 3. Ch. 4.
5. Aver'ianov K. A. Kupli Ivana Kality. M., 2001.
6. Antonov A. V. Perechni aktov Pereslavskikh, Iaroslavskikh, Kostromskikh i Galichskikh monastyre i tserkvei XIV — nachala XVII vekov // Russkii diplomatarii. M., 1997. Vyp. 1.

7. Antonov A. V., Baranov K. V. Akty XV–XVI veka iz arkhivov russkikh monastyrei i tserkvei // Russkii diplomatarii. M., 1998. Vyp. 3.
8. Veselovskii S. B. Onomastikon. M., 1974.
9. Dzhadt T. «Mesta pamiaty» P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ia pamiat'? // Ab Imperio. 2004. № 1.
10. Zhitie Paisiia Galitskogo / Podg. teksta i komm. S. A. Semiachko // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2013. T. 17.
11. Zhitie prepodobnogo Paisiia Galichskogo po spisku pervoi poloviny XVIII veka // Pravoslavnyi sobesednik. 1898. Ch. 2.
12. Ivanov P. I. Alfavitnyi ukazatel' familii i lits, upominaemykh v boiarskikh knigakh, khra-niashchikhhsia v 1-m otdelenii Moskovskogo arkhiva Ministerstva iustitsii. M., 1853.
13. Karamzin N. M. Istorii gosudarstva Rossiiskogo. SPb., 1817. T. 4.
14. Kozhevnikova Iu. N., Romanenko E. V. Makarii // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2016. T. 42.
15. Komarovich V. L. Kitezhskaia legenda: Opyt izucheniia mestnykh legend. M.; L., 1936.
16. Leonid, arkhim. Sistematicheskoe opisaniie slaviano-rossiiskikh rukopisei sobraniia grafa A. S. Uvarova. M., 1893. Ch. 3.
17. Lur'e V. M. Vvedenie v kriticheskuiu agiografiu. SPb., 2009.
18. Markelov G. V. Kniga ikonnykh obraztsov: 500 podlinnykh prorisei i perevodov s russkikh ikon XV–XIX vekov. SPb., 2006.
19. Markelov G. V. Sviatye Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi i perevody, ikonopisnye podlinniki). SPb., 1998. T. 1, 2.
20. Mashtafarov A. V. Vnov' otkrytye monastyrskie akty XV — nachala XVII veka // Russkii diplomatarii. M., 1998. Vyp. 4.
21. Preobrazhenskii I. D., Al'bitskii N. A. Podrobnaiia opis' 962 rukopisiam nachala XVII do nachala XIX stoletii «Dolmatovskogo arkhiva» (Golitsynskogo i Kulomzinskogo rodov) s prilozheniiami. SPb., 1895.
22. Semiachko S. A. Iz kommentariia k tekstu «Letopisna Voskresenskogo Soligalitskogo monastyria» (K kharakteristike vymyshlennoi letopisi) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 1993. T. 48.
23. Semiachko S. A. Povest' o Tverskom Otroche monastyre: Issledovanie i teksty. SPb., 1994.
24. Semiachko S. A. K istorii pochitaniia prepodobnogo Paisiia Galitskogo i Ovinovskoi ikony Bogomateri // Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii. SPb., 2017. T. 3.
25. Sergii (Spasskii), arkhiep. Polnyi mesiatseslov Vostoka. Vladimir, 1901. T. 1; T. 2. Ch. 1.
26. Stroev P. M. Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi. SPb., 1877.
27. Sytin S. D. [Palilov K. V.]. Drevnii gorod Galich Kostromskoi gubernii: Rasskazy o ego proshlom i nastoiashchem. Bytovye ocherki i obychai zhitelei. Istoricheskoe, geograficheskoe polo-zhenie. Promyshlennost' i torgovlia. M., 1905.

Татьяна Александровна Исаченко

главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Tat'iana Aleksandrovna Isachenko

Chief Researcher, Russian State Library

isachenko33@yandex.ru

**ЗАТЕРЯВШИЙСЯ АВТОГРАФ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ
К АРХИМАНДРИТУ ФЕОДОСИЮ
ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)**

**THE LOST AUTOGRAPH OF THE SECOND EPISTLE
OF ST. PAISIUS VELICHKOVSKY TO THEODOSIUS**

Анализируется один из редких источников рукописного наследия старца Паисия (Величковского) — обнаруженный в собрании Е. В. Барсова (РГБ) автограф Второго Послания Феодосию в Софрониеву пустынь. Данное Послание важно для реконструкции афонского периода жизни старца Паисия. Объектом исследования является состав конволюта с вплетенным в него автографом, анализ владельческих записей, указывающих на перемещение рукописи, а также источник первой публикации Второго Послания.

Ключевые слова: Афон, Второе Послание Паисия Величковского архимандриту Феодосию (Маслову), собрание Е. В. Барсова в РГБ.

The article analyses a rare source of the manuscript legacy of St. Paisius Velichkovsky. The autograph of the Second Epistle to Theodosius, dispatched to the Sofroniev Monastery, was discovered in the collection of E. V. Barsov. This Epistle is an important text for the reconstruction of the Athos period of the life of St. Paisius. The research is focused on the pattern of the convolution with the autograph entwined into it, on the analysis of the owners' records tracing the relocations of the manuscript, and on the source of the first publication of the Second Epistle.

Key words: Holy Mountain, Athos, the Epistle of Paisius Velichkovsky to Archimandrite Theodosius (Maslov), Hesychasm, Athos book-learning, E. V. Barsov.

Список литературы

1. *Арсений, Иларий*. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры: В 3 ч. М., 1878–1879.
2. *Жгун П. Б.* Разночтения в списках Второго Послания прп. Паисия (Величковского) к архим. Феодосию (Маслову), проливающие свет на особенности перевода «паисиевской» школы // Каптеревские чтения. М.; Серпухов, 2017. Вып. 15.
3. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского: С присовокуплением предисловия на книгу св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия пресвитера и Нила Сорского, сочиненное другом его и сподвижником старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847.
4. *Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.
5. *Исаченко Т. А.* Святая Афонская Гора в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках Отдела рукописей Московского Публичного и Румянцевского музеев (МПиРМ) и монастырских собраний РГБ. М., 2019.
6. *Иустин (Юревич), иером.* Архимандрит Феодосий (Маслов) — основатель Григориев-Бизюкова монастыря // Христианское чтение. 2015. № 5.
7. *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4.
8. *Лисовой Н. Н.* Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России XI–XX века. М., 2002.
9. *Майнарди А.* «Slavia Orthodoxa» в эпоху Просвещения: литературная деятельность старца Паисия Величковского. СПб., 2007.
10. *Малицкий Г. Л., Щепкин В. Н.* Рукописи Елпидифора Васильевича Барсова. М., 1915.
11. *Никодим (Кононов), еп.* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков с портретами. М., 1906. Т. 1.
12. Общежительная мужская Брянская Белобережская пустынь. Историческое и современное обозрение. Одесса, 1909.
13. *Паисий (Величковский), преп.* Polemические произведения, поучения, письма / Сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; общ. ред. О. А. Родионова. https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/premaloe-sochinenie-o-krestnom-znamenii/.
14. *Паюл И.* Славянские ученики преподобного Паисия Величковского XVII — начала XIX веков. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001.
15. Переписка митрополита Гавриила с духовными лицами // Вопреки веку просвещения: Высокопреосвященный Гавриил (Петров), Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Жизнь. Творчество. Кончина / Подг. текста, сост. и послесловие П. В. Калитина. М., 2000.
16. *Попова Т. Г.* Лествица Иоанна Синайского в переводе Паисия Величковского // Афонское наследие: Научный альманах. Киев; Чернигов, 2016. Вып. 3–4.
17. *Попова Т. Г.* Русские рукописи «Лествицы» Иоанна Синайского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2016. Вып. 1 (46).
18. Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения / Пер. с церковнослав. и др.-греч. языка, комм. А. П. Власюк. Серпухов, 2014.
19. *Прохоров Г. М.* Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
20. Прп. Паисий Величковский: автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. М., 2004.
21. *Родионов О. А.* Рукописная традиция трактата Каллиста Ангеликуда «О божественном единении» // Византийские исихастские тексты / Сост., общ. и науч. ред. А. Г. Дунаева. М., 2012.
22. Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. 1917–1947.
23. *Сергий (Четвериков), свящ.* Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Paris, 1988.
24. *Цветаев Д. В.* Записка об ученых трудах Е. В. Барсова. М., 1887.
25. *Шумило С. В.* Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // Афонское наследие: Научный альманах. Киев; Чернигов, 2017. Вып. 5–6.

26. Шумило С. В. Прп. Паисий Величковский и попытка воссоздания Русика в монастыре Симонопетра: неизвестные письма с Афона // Русь — Святая Гора Афон: Тысяча лет духовного и культурного единства. Материалы Междунар. науч. конф. в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русского монашества на Афоне, 21–23 сентября 2016 г. М., 2017.
27. Яцимирский А. И. Славянские рукописи Нямецкого монастыря в Румынии. М., 1898.
28. Pelin V. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III): Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // Revue des Études Sud-Est Européennes. 1994. [Т.] XXXII. № 3–4.
29. Tachiaos A.-E. The Revival of Byzantine Mysticism Among the Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Thessaloniki, 1986.

References

1. *Arsenii, Ilarii*. Opisanie slavianskikh rukopisei Biblioteki Sviato-Troitskoj Sergievoi lavry: V 3 ch. M., 1878–1879.
2. *Zhgun P. B.* Raznochteniia v spiskakh Vtorogo Poslaniia prp. Paisiia (Velichkovskogo) k arkhim. Feodosiiu (Maslovu), prolivaiushchie svet na osobennosti perevoda «paisievskoi» shkoly // Kapterevskie chteniia. M.; Serpukhov, 2017. Vyp. 15.
3. Zhitie i pisaniia moldavskogo startsa Paisiia Velichkovskogo: S prisovokupleniem predislovia na knigu sv. Grigorii Sinaita, Filofeia Sinaiskogo, Isikhii presvitera i Nila Sorskogo, sochinennoe drugom ego i spostnikom startsem Vasiliiem Polianomerul'skim, o umnom trezvenii i molitve. M., 1847.
4. *Isachenko T. A.* Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniakh 80–90-kh gg. XVII v.: novye bibleiskie perevody v filologicheskikh shkolakh XVII v. M., 2015.
5. *Isachenko T. A.* Sviataia Afonskaia Gora v skazaniakh, vospominaniakh i zarisovkakh Otdela rukopisei Moskovskogo Publichnogo i Rumiantsevskogo muzeev (MPiRM) i monastyrskikh sobranii RGB. M., 2019.
6. *Iustin (Iurevich), ierom.* Arkhimandrit Feodosii (Maslov) — osnovatel' Grigorie-Biziukova monastyria // Khristianskoe chtenie. 2015. № 5.
7. *Kol'tsov A.* Beloberezhskaia Brianskaia muzhskaia pustyn' // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2002. T. 4.
8. *Lisovoi N. N.* Vosemnadsatyi vek v istorii russkogo monashestva // Monashestvo i monastyri v Rossii XI–XX veka. M., 2002.
9. *Mainardi A.* «Slavia Orthodoxa» v epokhu Prosveshcheniia: literaturnaia deiatel'nost' startsa Paisiia Velichkovskogo. SPb., 2007.
10. *Malitskii G. L., Shchepkin V. N.* Rukopisi Elpidifora Vasil'evicha Barsova. M., 1915.
11. *Nikodim (Kononov), ep.* Zhizneopisanie otechestvennykh podvizhnikov blagochestii XVII i XIX vekov s portretami. M., 1906. T. 1.
12. Obshchezhitel'naia muzhskaia Brianskaia Beloberezhskaia pustyn'. Istoricheskoe i sovremennoe obozrenie. Odessa, 1909.
13. *Paisii (Velichkovskii), prep.* Polemicheskie proizvedeniia, poucheniia, pis'ma / Sost. P. B. Zhgun, M. A. Zhgun; obshch. red. O. A. Rodionova. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/premaloe-sochinenie-o-krestnom-znamenii/.
14. *Paiul I.* Slavianskie ucheniki prepodobnogo Paisiia Velichkovskogo XVII — nachala XIX vekov. Dis. ... kand. bogoslovia. Sergiev Posad, 2001.
15. Perepiska mitropolita Gavriila s dukhovnymi litsami // Vopreki veku prosveshcheniia: Vysokopreosviashchennyi Gavriil (Petrov), Mitropolit Novgorodskii i Sankt-Peterburgskii. Zhizn'. Tvorchestvo. Konchina / Podg. teksta, sost. i posleslovie P. V. Kalitina. M., 2000.
16. *Popova T. G.* Lestvitsa Ioanna Sinaiskogo v perevode Paisiia Velichkovskogo // Afonskoe nasledie: Nauchnyi al'manakh. Kiev; Chernigov, 2016. Vyp. 3–4.
17. *Popova T. G.* Russkie rukopisi «Lestvitsy» Ioanna Sinaiskogo // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii III: Filologiya. 2016. Vyp. 1 (46).
18. Prepodobnyi Paisii Velichkovskii. Zhitie i izbrannye tvoreniia / Per. s tserkovnoslav. i dr.-grech. iazyka, komm. A. P. Vlasiuk. Serpukhov, 2014.
19. *Prokhorov G. M.* Keleinaia isikhastskaia literatura (Ioann Lestvichnik, Avva Dorofei, Isaak Sirin, Simeon Novyi Bogoslov, Grigorii Sinait) v biblioteke Troitse-Sergievoi lavry s XIV po XVII v. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1974. T. 28.
20. Prp. Paisii Velichkovskii: avtobiografiia, zhizneopisanie i izbrannye tvoreniia po rukopisnym istochnikam XVIII–XIX vv. M., 2004.
21. *Rodionov O. A.* Rukopisnaia traditsiia traktata Kallista Angelikuda «O bozhestvennom edinении» // Vizantiiskie isikhastskie teksty / Sost., obshch. i nauch. red. A. G. Dunaeva. M., 2012.
22. Rukopisnye sobraniia Gosudarstvennoi biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina: Ukazatel'. M., 1986. T. 1. Vyp. 2. 1917–1947.
23. *Sergii (Chetverikov), sviashch.* Moldavskii starets Paisii Velichkovskii: Ego zhizn', uchenie i vliianie na pravoslavnoe monashestvo. Paris, 1988.
24. *Tsvetaev D. V.* Zapiska ob uchenykh trudakh E. V. Barsova. M., 1887.

25. *Shumilo S. V.* Neizvestnoe pis'mo prp. Paisiia Velichkovskogo za 1763 g. i drugie dokumenty, kasaiushchiesia ego igumenstva v monastyre Simonopetra // Afonskoe nasledie: Nauchnyi al'manakh. Kiev; Chernigov, 2017. Vyp. 5–6.

26. *Shumilo S. V.* Prp. Paisii Velichkovskii i popytka vossozdaniia Rusika v monastyre Simonopetra: neizvestnye pis'ma s Afona // Rus' — Sviataia Gora Afon: Tysiacha let dukhovnogo i kul'turnogo edinstva. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. v ramkakh iubileinykh torzhestv, priurochennykh k prazdnovaniiu 1000-letiiia prisutstviia russkogo monashestva na Afone, 21–23 sentiabria 2016 g. M., 2017.

27. *Iatsimirskii A. I.* Slavianskie rukopisi Niametskogo monastyria v Rumynii. M., 1898.

28. *Pelin V.* The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III): Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // Revue des Études Sud-Est Européennes. 1994. [T.] XXXII. № 3–4.

29. *Tachiaos A.-E.* The Revival of Byzantine Mysticism Among the Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Thessaloniki, 1986.

Александра Юрьевна Веселова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandra Iur'evna Veselova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
aveselova@inbox.ru

Михаил Павлович Милютин

преподаватель Академической гимназии
Санкт-Петербургского государственного университета

Mikhail Pavlovich Miliutin

Teacher, Academic Gymnasium of Saint Petersburg State University
miljutin777@yandex.ru

О СОСТАВЕ КОРПУСА МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА

REGARDING THE COMPOSITION OF THE CORPS OF MEMOIRS OF A. T. BOLOTOV

В статье представлено описание дошедшего до нас мемуарного наследия А. Т. Болотова и прослежена судьба этого наследия после смерти автора. Проведенная работа показала, что мемуары состояли из 39 завершённых и незаконченной 40-й части; семь из них утрачены; значительное число частей продублировано копиями, которые составили основу корпуса мемуаров, опубликованных в «Русской старине» в 1870–1873 годах (хранятся в ОР РНБ). Соответствующие им оригиналы, большая часть которых была передана М. П. Киселеву и готовилась к публикации в «Русском архиве», находятся, главным образом, в ОПИ ГИМ.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, М. П. Семевский, М. П. Киселев, мемуары, дневники, «Русская старина», «Русский архив», русская литература XVIII века.

The article provides a description of A. T. Bolotov's memoir legacy and its destiny after the author's death. The research shows that the memoirs consisted of 39 completed parts, and the 40th unfinished one; seven of them have been lost, yet a number of parts were duplicated in copies, forming the basis of the corps of memoirs published in *Russkaya Starina* in 1870–1873 (now in the National Library of Russia). The corresponding originals, most of which were handed over to

M. P. Kiselev and prepared for publication in the Russkii Archive, are mostly located at the State Historical Museum.

Key words: A. T. Bolotov, M. P. Semevsky, M. P. Kiselev, memoirs, diaries, Russkaya Starina, Russkii Archive, Russian literature of the 18th century.

Список литературы

1. [Б. п.]. Андрей Тимофеевич Болотов // Земледельческий журнал. 1838. № 5.
2. *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988.
3. Биография А. Т. Болотова / Предисловие С. В. Михалевой. Тула, 1997.
4. *Болотов А. Т.* 65-ой год моей жизни, или Подробное описание всего происходившего со мною с 7 числа октября 1802 г. Часть 1. Письмо первое / Публ. И. Морозова и А. Кучерова // Лит. наследство. 1933. Т. 9/10.
5. *Болотов М. П.* Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // Русская старина. 1873. Т. 8. Ноябрь.
6. *Венгеров С. А., Щепкина Е. Н.* Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1897. Т. 5.
7. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1870–1873. Т. 1–4.
8. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. статья С. Н. Ронского; прим. П. Жаткина. М.; Л., 1931. Т. 1.
9. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. От редакции // Русская старина. 1895. Т. 84. Август.
10. Заявление Николая Киселева // Русский архив. 1870. № 12.
11. Звезда полей, или Усадебная жизнь бедного дворянина / Публ., предисловие и комм. В. Я. Лазарева и А. Л. Толмачева // Наше наследие. 1994. № 29/30.
12. *Козлов С. А.* Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006.
13. *Лазарчук Р. М.* Болотов Андрей Тимофеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1.
14. Продолжение описания жизни Андрея Болотова, описанное самим им для своих потомков / Предисловие М. И. Семевского // Русская старина. 1889. Т. 62. Июнь; 1892. Т. 76. Октябрь; 1895. Т. 84. Август.
15. *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991.
16. *Щеблыгина И. В.* Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. М., 2003.

References

1. [B. p.]. Andrei Timofeevich Bolotov // Zemledel'cheskii zhurnal. 1838. № 5.
2. *Berdyshev A. P.* Andrei Timofeevich Bolotov. M., 1988.
3. Biografiia A. T. Bolotova / Predislovie S. V. Mikhalevoi. Tula, 1997.
4. *Bolotov A. T.* 65-oi god moei zhizni, ili Podrobnoe opisanie vsego proiskhodivshago so mnoiu s 7 chisla oktiabria 1802 g. Chast' 1. Pis'mo pervoe / Publ. I. Morozova i A. Kucherova // Lit. nasledstvo. 1933. T. 9/10.
5. *Bolotov M. P.* Andrei Timofeevich Bolotov: zhizn' ego s 1796 po 1833 g. // Russkaia starina. 1873. T. 8. Noiabr'.
6. *Kozlov S. A.* Russkaia provintsiiia v dnevnikh Pavla Bolotova: «Nastol'nyi kalendar' 1787 goda». SPb., 2006.
7. *Lazarchuk R. M.* Bolotov Andrei Timofeevich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1.
8. Prodolzhenie opisaniia zhizni Andreia Bolotova, opisannoe samim im dlia svoikh potomkov / Predislovie M. I. Semevskogo // Russkaia starina. 1889. T. 62. Iiun'; 1892. T. 76. Oktiabr'; 1895. T. 84. Avgust.
9. *Shcheblygina I. V.* Andrei Timofeevich Bolotov: Garmoniiia mira i dushi. M., 2003.
10. *Tartakovskii A. G.* Russkaia memuaristika XVIII — pervoi poloviny XIX v. M., 1991.
11. *Vengerov S. A., Shchepkina E. N.* Bolotov Andrei Timofeevich // Vengerov S. A. Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh. SPb., 1897. T. 5.
12. Zaiavlenie Nikolaia Kiseleva // Russkii arkhiv. 1870. № 12.
13. Zapiski Andreia Timofeevicha Bolotova. Ot redaktsii // Russkaia starina. 1895. T. 84. Avgust.
14. Zhizn' i priklucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov. SPb., 1870–1873. T. 1–4.
15. Zhizn' i priklucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov / Vstup. stat'ia S. N. Ronskogo; prim. P. Zhatkina. M.; L., 1931. T. 1.
16. Zvezda polei, ili Usadebnaia zhizn' bednogo dvorianina / Publ., predislovie i komm. V. Ia. Lazareva i A. L. Tolmacheva // Nashe nasledie. 1994. № 29/30.

Вера Сергеевна Полилова

старший научный сотрудник Института мировой культуры
МГУ имени М. В. Ломоносова

Vera Sergeevna Polilova

Senior Researcher, Institute of World Culture, Moscow State University

vera.polilova@gmail.com

ДВА МАВРИТАНСКИХ РОМАНСА В ПЕРЕВОДЕ Р. Т. ГОНОРСКОГО

TWO MOORISH ROMANCES TRANSLATED BY R. T. GONORSKY

В статье установлено, что два перевода Р. Т. Гонорского из испанских мавританских романсов, опубликованные в 1816 году в «Украинском вестнике», были выполнены с испанских оригиналов, приведенных в пятом томе многотомного «Собрания примеров к теории и литературе, касающейся изящных искусств» (1788–1794) И. И. Эшенбурга. Таким образом, подтверждено предположение К. С. Корконосенко, согласно которому переводы Гонорского являются первыми выполненными с подлинника переводами испанской поэзии на русский язык. Также показано, что вслед за «Собранием старинной английской поэзии» (1765) епископа Томаса Перси текст романа «Rio verde, rio verde...» печатался (у Эшенбурга, 1790) и переводился (у И. Г. Гердера в «Народных песнях», 1778) без шести строк финального пассажа, поскольку Перси счел их лишними. Именно такая сокращенная редакция романа и была переведена Гонорским.

Ключевые слова: испанское романсеро в России, Р. Т. Гонорский, перевод, испанская поэзия в России.

The article argues that R. T. Gonsorky made his translations of two Spanish Moorish *romances* (1816) from the Spanish originals reproduced in the fifth volume of I. I. Eschenburg's anthology *Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften* (1788-94). This fact confirms K. S. Korokonosenko's hypothesis that Gonsorky's translations were the earliest translations of Spanish poetry into Russian made directly from the originals. It is important that, in his anthology, Eschenburg used the texts found in the book of ballads and popular songs *The Reliques of Ancient English* (1765) edited by Bishop Thomas Percy. Following Percy's edition, the Spanish *romance* «Rio verde, rio verde...» was published (e. g. in Eschenburg's anthology, 1790) and translated (e. g. in J. G. Herder's *Volkslieder*, 1778) without the six lines that Percy considered superfluous. Gonsorky also used this abbreviated version of the *romance*.

Key words: Spanish *Romancero* in Russia, R. T. Gonsorky, Spanish poetry in Russia.

Список литературы

1. Алексеев М. П. К литературной истории одного из романсов в «Дон Кихоте» // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985.
2. Гонорский [Р. Т.]. «Ток зеленый, Ток зеленый!..»: Романс (с Ишпанского) // Украинский вестник. 1816. Ч. 4. Кн. 11. Ноябрь.
3. Корконосенко К. С. Испанская литература в России первой четверти XIX в.: библиография // Из истории русской переводной художественной литературы: Сб. статей и материалов. СПб., 2017.
4. Корконосенко К. С. История перевода испанской литературы как процесс // Испанская литература в русских переводах и критике: Библиография. СПб., 2019.
5. Корконосенко К. С. Ранний перевод с испанского языка: романс «Зайд и Заида» (1816) // Русская литература. 2018. № 1.
6. Опыты в прозе Разумника Гонорского с присовокуплением двух Сонетов, двух Романсов и одной Фантазии. Харьков, 1818.
7. Полилова В. Белый четырехстопный хорей с окончаниями ЖЖЖМ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Т. 11.
8. Eschenburg J. J. *Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften: Lyrische Gedichte*. Berlin; Stettin, 1790. Bd 5.
9. Hoffmeister G. Exoticism: Granada's Alhambra in European Romanticism // *European Romanticism: Literary Cross-currents, Modes, and Models*. Detroit, 1990.
10. Perez de Hyta G. *Historia de los vandos de los Zegries y Abencerrages, caballeros moros de Granada, y las civiles guerras*. Sevilla, 1779.
11. Polilova V. Spanish *Romancero* in Russian and the semantization of verse form // *Studia Metrica et Poetica*. 2018. Vol. 5. № 2.

12. The Reliques of Ancient English Poetry collected by Bishop Thomas Percy. London; New York, 1910. Vol. 1.

References

1. *Alekseev M. P.* K literaturnoi istorii odnogo iz romansov v «Don Kikhote» // Alekseev M. P. Russkaia kul'tura i romanskii mir. L., 1985.
2. *Eschenburg J. J.* Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften: Lyrische Gedichte. Berlin; Stettin, 1790. Bd 5.
3. *Gonorskii [R. T.]*. «Tok zelenyi, Tok zelenyi!..»: Romans (s Ishpanskogo) // Ukrainskii vestnik. 1816. Ch. 4. Kn. 11. Noiabr'.
4. *Hoffmeister G.* Exoticism: Granada's Alhambra in European Romanticism // European Romanticism: Literary Cross-currents, Modes, and Models. Detroit, 1990.
5. *Korkonosenko K. S.* Ispanskaia literatura v Rossii pervoi chetverti XIX v.: bibliografiia // Iz istorii russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Sb. statei i materialov. SPb., 2017.
6. *Korkonosenko K. S.* Istoriiia perevoda ispanskoi literatury kak protsess // Ispanskaia literatura v russkikh perevodakh i kritike: Bibliografiia. SPb., 2019.
7. *Korkonosenko K. S.* Rannii perevod s ispanskogo iazyka: romans «Zaid i Zaida» (1816) // Russkaia literatura. 2018. № 1.
8. Opyty v proze Razumnika Gonorskogo s prisovokupleniem dvukh Sonetov, dvukh Romansov i odnoi Fantazii. Khar'kov, 1818.
9. *Perez de Hyta G.* Historia de los vandos de los Zegries y Abencerrages, caballeros moros de Granada, y las civiles guerras. Sevilla, 1779.
10. *Polilova V.* Belyi chetyrehstopnyi khorei s okonchaniiami ZHZHZHm // Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. 2017. T. 11.
11. *Polilova V.* Spanish *Romancero* in Russian and the semantization of verse form // Studia Metrica et Poetica. 2018. Vol. 5. № 2.
12. The Reliques of Ancient English Poetry collected by Bishop Thomas Percy. London; New York, 1910. Vol. 1.

Александр Валентинович Курочкин

сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина

Alexander Valentinovich Kurochkin

Staff Member, The National Pushkin Museum

alkurochkin@mail.ru

«...ПЛЕМЯННИК БЫЛ МОЛОД, А ДЯДЯ КРОТОК...»

(А. С. ПУШКИН И ЕГО ДЯДЯ
В ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ К ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ)

«...THE NEPHEW WAS YOUNG, AND THE UNCLE WAS GENTLE...»

(A. S. PUSHKIN AND HIS UNCLE
IN THE LETTERS OF THE CONTEMPORARIES TO COUNT D. I. KHVOSTOV)

Автор статьи на основе неизвестных свидетельств современников об А. С. Пушкине и его дяде вносит коррективы в ряд событий и приводит новые данные об их жизни и творчестве: устанавливает имя учителя русской словесности В. Л. Пушкина и, возможно, С. Л. Пушкина — В. С. Подшивалова; подтверждает существование несохранившихся произведений В. Л. Пушкина — стихотворения «Юродивый» и продолжения «Опасного соседа», содержание которого позволяет поставить вопрос о реминисценциях в «Евгении Онегине»; подтверждает знакомство А. С. Пушкина с матерью и отчимом В. Ф. Вяземской и устанавливает факт посещения их дома в июне 1830 года; приводит новые сведения о кончине В. Л. Пушкина и его похоронах; уточняет дату переезда А. С. Пушкина в квартиру на Фурштатской улице в мае 1832 года; раскрывает обстоятельства издания «Записок» В. Л. Пушкина, экземпляр которых приобрел А. С. Пушкин.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Д. И. Хвостов, архиепископ Смоленский и Дорогобужский Иосиф (И. Величковский), М. Н. Макаров, П. И. Шаликов.

Analyzing the unknown contemporary testimonies about A. S. Pushkin and his uncle, the author of the article iterates a number of events and offers new data on their lives and work: he establishes the name of the uncle's, as well as, possibly, of S. L. Pushkin's — teacher of Russian literature, V. S. Podshivalov; confirms the existence of V. L. Pushkin's lost works — poem «The Holy Fool» and the continuation of «The Perilous Neighbor», the content of which is supposedly echoed in «Eugene Onegin»; confirms the acquaintance of A. S. Pushkin with the mother and stepfather of V. F. Vyazemskaya and substantiates the fact of his visit to their house in June 1830; provides new data on the death of V. L. Pushkin and on his funeral; specifies the date of A. S. Pushkin's move to an apartment at Furshatskaya Street in May 1832; reveals the circumstances of the publication of *Notes* by V. L. Pushkin, copy of which was acquired by A. S. Pushkin.

Key words: A. S. Pushkin, V. L. Pushkin, D. I. Khvostov, Archbishop Smolensky and Dorogobuzhsky Iosif (I. Velichkovsky), M. N. Makarov, P. I. Shalikov.

Список литературы

1. Балакин А. Ю. Неизвестный отзыв современника о пушкинской «Полтаве» // Балакин А. Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб., 2017.
2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8.
3. Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3.
4. Дурьлин С. Н. Пушкин на сцене. М., 1951.
5. Кочеткова Н. Д. Подшивалов Василий Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2.
6. Курочкин А. В. «О, когда бы обратился он к нравственным и религиозным предметам...»: Неизвестные отзывы духовных лиц о Пушкине (по материалам архива графа Хвостова) // Русская литература. 2017. № 1.
7. Курочкин А. В. А. С. Пушкин в «Записках о словесности» графа Д. И. Хвостова // Русская литература. 2019. № 3.
8. Курочкин А. В. Заметка графа Д. И. Хвостова о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская литература. 2017. № 3.
9. Левина Ю. И. «Прадед мой Пушкин» (Из автобиографических записок) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13.
10. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский и Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 2, 3.
11. Макаров М. Н. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве) // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1.
12. Мануил (Лемешевский), митр. Иосиф (Величковский) // Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992–1892 гг.: В 3 т. М., 2003. Т. 2.
13. Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983.
14. Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин. М., 2012 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
15. Модзалевский Л. Библиотека А. С. Пушкина: Новые материалы // Лит. наследство. 1934. Вып. 16–18.
16. Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину // Лица. Биографический альманах / Публ. Т. Ф. Нешумовой. М.; СПб., 1993.
17. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 2. Кн. 1; Т. 8. Кн. 1; Т. 12, 13, 15.
18. Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001.
19. Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008.
20. Пушкин и Хвостов / Публ. А. В. Западова // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л., 1938.
21. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.

References

1. Balakin A. Iu. Neizvestnyi otzyv sovremennika o pushkinskoi «Poltave» // Balakin A. Iu. Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia. Stat'i 1997–2017 godov. SPb., 2017.
2. Chereiskii L. A. Pushkin i ego okruzhenie. 2-e izd., dop. i prererab. L., 1988.
3. Durylin S. N. Pushkin na stsene. M., 1951.
4. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. M.; L., 1952. T. 8.
5. Griboedov A. S. Poln. sobr. soch.: V 3 t. SPb., 2006. T. 3.
6. Kochetkova N. D. Podshivalov Vasilii Sergeevich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2.
7. Kurochkin A. V. «O, kogda by obratilsia on k npravstvennym i religioznym predmetam...»: Neizvestnye otzyvy dukhovnykh lits o Pushkine (po materialam arkhiva grafa Khvostova) // Russkaia literatura. 2017. № 1.
8. Kurochkin A. V. A. S. Pushkin v «Zapiskakh o slovesnosti» grafa D. I. Khvostova // Russkaia literatura. 2019. № 3.

9. *Kurochkin A. V. Zametka grafa D. I. Khvostova o tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov» // Russkaia literatura. 2017. № 3.*
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t. / Sost. M. A. Tsiavlovskii i N. A. Tarikhova. M., 1999. T. 2, 3.*
11. *Levina Iu. I. «Praded moi Pushkin» (Iz avtobiograficheskikh zapisok) // Pushkin. Issledovaniia i materialy. L., 1989. T. 13.*
12. *Makarov M. N. Aleksandr Sergeevich Pushkin v detstve (Iz zapisok o moem znakomstve) // Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1998. T. 1.*
13. *Manuil (Lemeshevskii), mitr. Iosif (Velichkovskii) // Manuil (Lemeshevskii), mitr. Russkie pravoslavnye ierarkhi. 992–1892 gg.: V 3 t. M., 2003. T. 2.*
14. *Mikhailova N. I. «Parnasskii moi otets». M., 1983.*
15. *Mikhailova N. I. Vasilii L'vovich Pushkin. M., 2012 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).*
16. *Modzalevskii L. Biblioteka A. S. Pushkina: Novye materialy // Lit. nasledstvo. 1934. Vyp. 16–18.*
17. *Pis'ma D. I. Khvostova k M. P. Pogodinu // Litsa. Biograficheskii al'manakh / Publ. T. F. Neshumovoi. M.; SPb., 1993.*
18. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1937–1959. T. 2. Kn. 1; T. 8. Kn. 1; T. 12, 13, 15.*
19. *Pushkin i Khvostov / Publ. A. V. Zapadova // Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia. T. 1. M.; L., 1938.*
20. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1828–1830 / Pod obshch. red. E. O. Larionovoi. SPb., 2001.*
21. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1834–1837 / Pod obshch. red. E. O. Larionovoi. SPb., 2008.*

Марина Юрьевна Коренева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Marina Iur'evna Koreneva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
marinakoreneva7@gmail.com

Екатерина Олеговна Ларионова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Olegovna Larionova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
elari@mail.ru

А. И. ТУРГЕНЕВ И Ф. В. ШЕЛЛИНГ. ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ

A. I. TURGENEV AND F. W. SCHELLING. ADDITION TO THE TOPIC

Статья посвящена неизвестному эпизоду из истории русско-немецких культурных связей XIX века. Введение в научный оборот фрагмента дневника А. И. Тургенева за 1825 год, содержащего стихотворение «Демагогическое», приписывавшееся Гете, позволяет реконструировать темы, которые затрагивались в разговорах А. И. Тургенева и Ф. В. Шеллинга при их первом знакомстве в Карлсбаде. Среди этих тем — политические гонения в немецких землях как результат Карлсбадских постановлений 1819 года, принятых не без участия России.

Ключевые слова: А. И. Тургенев, Ф. В. Шеллинг, И. В. Гете, русско-немецкие культурные связи XIX века, политические гонения, движение «демагогов».

The article discloses an unknown episode from the history of cultural relations between Russia and Germany in the 19th century. The A. I. Turgenev's diary of 1825 contains the poem *Demagogic*, that was attributed to Goethe. Integration of this diary fragment into the academic practices offers an opportunity to reconstruct the issues that were discussed in the conversations between A. I. Turgenev and F. W. Schelling when they first met in Carlsbad. One of the topics was political persecutions in the German lands as a result of the Carlsbad Decrees of 1819, adopted with the involvement of Russia.

Key words: A. I. Turgenev, F. W. Schelling, I. W. Goethe, Russian-German cultural relations in the 19th century, political persecution, the movement of the *Demagogues*.

Список литературы

1. *Азадовский К. М.* Русские знакомства Шеллинга // Азадовский К. М. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М., 2019. (Rossica. Россия и Запад. Литературные связи и контакты; вып. 2).
2. А. И. Тургенев и Шеллинг: по неизданным материалам / Публ., предисловие и прим. К. М. Азадовского и А. Л. Осовата // Вопросы философии. 1988. № 7.
3. *Гулыга А. В.* Шеллинг. 2-е изд. М., 1984.
4. *Д'Онт Ж.* Гегель = Hegel: Биография / Пер. А. Г. Погоняйло. СПб., 2012.
5. Дневники и письма Н. И. Тургенева. Путешествие в Западную Европу 1824–1825 / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подг. текста Е. О. Ларионовой; комм. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореневой, Е. О. Ларионовой. СПб., 2017 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 7).
6. *Коренева М. Ю.* Ускользящий «демагог»: перекрестки культур и тупики перевода (Из истории политической лексики) // Многоязычие и национальные культуры России в зеркале английского, французского, немецкого, русского и других языков. СПб., 2018.
7. *Лобойко И. Н.* Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подг. текста, сост. библиографического списка и комм. А. И. Рейтблата. М., 2013.
8. *Лямина Е. Э.* Новая Европа: мнения «деятельного очевидца» (А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов) // Россия = Russia. 1999. М., Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века.
9. *Мартин А. А. С.* Стурдза и «Священный Союз» (1815–1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 11.
10. «Письмо к барону де М<ерриану> о состоянии умов в Германии» С. И. Тургенева: Материалы к истории русско-европейской политической жизни 1810-х годов / Публ., вступ. статья и пер. с фр. Е. О. Ларионовой; прим. М. Ю. Кореневой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). М., 2019.
11. *Резвых П. В.* Ф. В. Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91).
12. *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М., 1964.
13. *Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. Н. Ман. М., 1981.
14. Acten-Stücke über die unter dem Namen des Männer-Bundes und des Jünglings-Bundes bekannten demagogischen Umtriebe / Hrsg. von C. Follenberg. Leipzig, 1833.
15. Aus Erik Gustav Geijers Erinnerungen // Morgenblatt für gebildete Stände. 1835. № 151. 25. Juni.
16. Aus Schellings Leben in Briefen. 3 Bde. / Hrsg. von G. L. Plitt. Leipzig, 1870. Bd 2.
17. *Beyte K. von.* Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300–2000. Wiesbaden, 2009.
18. *Brinkmann C.* Die Entstehung von Sturdza's «Etat actuelle de l'Allemagne». Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // Historische Zeitschrift. 1919. Bd 120.
19. Cäcilia. Eine Zeitschrift für die musikalische Welt. 1824. Bd 1.
20. Dämagogisch. Gedicht von Goethe, für eine Singstimme und vier Frösche, mit Begleitung des Pianoforte, in Musik gesetzt von G. M. Biery. Breslau, 1824.
21. Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz. 1821. № 166. 17. Oktober.
22. Die Entstehung von Goethes Werken in Dokumenten / Hrsg. von K. Mommsen. Berlin; New York, 2010. Bd 6.
23. *Fischer H.* «Hofdemagoge» und preußischer Patriot. Anmerkungen zu Friedrich Förster anlässlich eines unbekanntem Briefwechsels // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 2010. Vol. 20.
24. *Fischer K.* Hegels Leben, Werke und Lehre. Heidelberg, 1901. Bd 1.
25. *Fraenkel H.* Männerbund und Jünglingsbund. Freiburg, 1912.
26. *Frösche H.* Goethes Verhältnis zur Romantik. Würzburg, 2002.
27. *Goethe J. W.* Schriften zur Literatur und Theater / Hrsg. von W. Rehm // Goethe J. W. Gesamtausgabe der Werke und Schriften: In 22 Bde. Stuttgart, 1958. Abt. 2. Bd 15. Schriften.
28. *Gudde E.* Goethe und die politische Dichtung // Monatshefte. 1952. Vol. 44. № 4/5.
29. Handbuch: Deutscher Idealismus / Hrsg. von J. Sandkühler. Weimar, 2005.
30. *Hörscher-Lohmeyer D.* Johann Wolfgang Goethe. München, 1999.
31. Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825. Karlsbad, 1825.

32. *Kaupp P.* Goethe und die Burschenschaft // Für Burschenschaft und Vaterland. Festschrift für den Burschenschaftler und Studentenhistoriker Prof. (FH) Dr. Peter Kaupp. Nordstedt, 2006.
33. *Montgomery-Silfverstolpe M.* Das romantische Deutschland: Reisejournal einer Schwedin 1825–1826. Leipzig, 1912.
34. Morgenblatt für gebildete Stände. 1825. № 157. 2. Juli.
35. Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst. 1821. Bd 1. H. 5.
36. Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt a/M., 1831.
37. *Rothe W.* Der politische Goethe: Dichter und Staatsdiener im deutschen Spätabsolutismus. Göttingen, 1998.
38. *Sartori F.* Taschenbuch für Carlsbads Curgäste wie auch für Liebhaber von dessen Naturschönheiten. Wien; Prag; Carlsbad, 1817.
39. *Scheuch E.* Der Dichter und Historiker Dr. Friedrich Förster (1791–1868). Mit Besonderer Berücksichtigung seiner Dichtung. Wien, 1933.
40. *Schmiljun A., Thiel V.* Schelling und die antipolitische Moderne: Ist die parlamentarische Demokratie in Gefahr? Berlin, 2017.

References

1. Acten-Stücke über die unter dem Namen des Männer-Bundes und des Jünglings-Bundes bekanntesten demagogischen Umtriebe / Hrsg. von C. Follenberg. Leipzig, 1833.
2. Aus Erik Gustav Geijers Erinnerungen // Morgenblatt für gebildete Stände. 1835. № 151. 25. Juni.
3. Aus Schellings Leben in Briefen. 3 Bde. / Hrsg. von G. L. Plitt. Leipzig, 1870. Bd 2.
4. *Azadovsky K. M.* Russkie znakomstva Shellinga // Azadovsky K. M. Siuzhety i Sud'by: Nemetsko-russkie otrazheniia. M., 2019 (Rossica. Rossiia i Zapad. Literaturnye svyazi i kontakty; vyp. 2).
5. *Beyme K. von.* Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300–2000. Wiesbaden, 2009.
6. *Brinkmann C.* Die Entstehung von Sturdza's «Etat actuelle de l'Allemagne». Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // Historische Zeitschrift. 1919. Bd 120.
7. Cäcilia. Eine Zeitschrift für die musikalische Welt. 1824. Bd 1.
8. *D'Ont Zh.* Gegel' = Hegel: Biografiia / Per. A. G. Pogoniailo. SPb., 2012.
9. Dämagogisch. Gedicht von Goethe, für eine Singstimme und vier Frösche, mit Begleitung des Pianoforte, in Musik gesetzt von G. M. Biery. Breslau, 1824.
10. Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz. 1821. № 166. 17. Oktober.
11. Die Entstehung von Goethes Werken in Dokumenten / Hrsg. von K. Mommsen. Berlin; New York, 2010. Bd 6.
12. Dnevnik i pis'ma N. I. Turgeneva. Puteshestvie v Zapadnuuu Evropu 1824–1825 / Otv. red. M. Iu. Koreneva; podg. teksta E. O. Larionovoi; komm. R. Iu. Danilevskogo, N. L. Dmitrievoi, P. R. Zaborova, M. Iu. Korenevoi, E. O. Larionovoi. SPb., 2017 (Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 7).
13. *Ekkerman I. P.* Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni / Per. N. Man. M., 1981.
14. *Fischer H.* «Hofdemagoge» und preußischer Patriot. Anmerkungen zu Friedrich Förster anlässlich eines unbekanntenen Briefwechsels // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 2010. Vol. 20.
15. *Fischer K.* Hegels Leben, Werke und Lehre. Heidelberg, 1901. Bd 1.
16. *Fraenkel H.* Männerbund und Jünglingsbund. Freiburg, 1912.
17. *Frösche H.* Goethes Verhältnis zur Romantik. Würzburg, 2002.
18. *Goethe J. W.* Schriften zur Literatur und Theater / Hrsg. von W. Rehm // Goethe J. W. Gesamtausgabe der Werke und Schriften: In 22 Bde. Stuttgart, 1958. Abt. 2. Bd 15. Schriften.
19. *Gudde E.* Goethe und die politische Dichtung // Monatshefte. 1952. Vol. 44. № 4/5.
20. *Gulyga A. V.* Shelling. 2-e izd. M., 1984.
21. Handbuch: Deutscher Idealismus / Hrsg. von J. Sandkühler. Weimar, 2005.
22. *Hörscher-Lohmeyer D.* Johann Wolfgang Goethe. München, 1999.
23. Turgenev i Shelling: po neizdannym materialam / Publ., predislovie i prim. K. M. Azadovskogo i A. L. Ospovata // Voprosy filosofii. 1988. № 7.
24. Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825. Karlsbad, 1825.
25. *Kaupp P.* Goethe und die Burschenschaft // Für Burschenschaft und Vaterland. Festschrift für den Burschenschaftler und Studentenhistoriker Prof. (FH) Dr. Peter Kaupp. Nordstedt, 2006.
26. *Koreneva M. Iu.* Uskol'zaiushchii «demagog»: perekrestki kul'tur i tupiki perevoda (Iz istorii politicheskoi leksiki) // Mnogoiazychie i natsional'nye kul'tury Rossii v zerkale angliiskogo, frantsuzskogo, nemetskogo, russkogo i drugikh iazykov. SPb., 2018.
27. *Liamina E. E.* Novaia Evropa: mneniia «deiatel'nogo ochevidtsa» (A. S. Sturdza v politicheskom protsesse 1810-kh godov) // Rossiia = Russia. M., 1999. Vyp. 3 [11]: Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive: Rossiia, XVIII — nachalo XX veka.
28. *Loboiko I. N.* Moi vospominaniia. Moi zapiski / Vstup. stat'ia, podg. teksta, sost. bibliograficheskogo spiska i komm. A. I. Reitblata. M., 2013.
29. *Martin A. A. S.* Sturdza i «Sviashchennyi Soiuz» (1815–1823 gg.) // Voprosy istorii. 1994. № 11.

30. *Montgomery-Silfverstolpe M.* Das romantische Deutschland: Reisejournal einer Schwedin 1825–1826. Leipzig, 1912.
31. Morgenblatt für gebildete Stände. 1825. № 157. 2. Juli.
32. Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst. 1821. Bd 1. H. 5.
33. «Pis'mo k baronu de M<erianu> o sostoianii umov v Germanii» S. I. Turgeneva: Materialy k istorii russko-evropeiskoi politicheskoi zhizni 1810-kh godov / Publ., vstup. stat'ia i per. s fr. E. O. Larionovoi; prim. M. Iu. Korenevoi // Frantsuzskie i frankoiazychnye rukopisi v Rossii (XVIII — nachalo XX v.). M., 2019.
34. Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt a/M., 1831.
35. *Rezvykh P. V. F. V. I.* Shelling v dialoge s rossiiskimi intellektualami // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 3 (91).
36. *Rothe W.* Der politische Goethe: Dichter und Staatsdiener im deutschen Spätabsolutismus. Göttingen, 1998.
37. *Sartori F.* Taschenbuch für Carlsbads Curgäste wie auch für Liebhaber von dessen Naturschönheiten. Wien; Prag; Carlsbad, 1817.
38. *Scheuch E.* Der Dichter und Historiker Dr. Friedrich Förster (1791–1868). Mit Besonderer Berücksichtigung seiner Dichtung. Wien, 1933.
39. *Schmiljun A., Thiel V.* Schelling und die antipolitische Moderne: Ist die parlamentarische Demokratie in Gefahr? Berlin, 2017.
40. *Turgenev A. I.* Khronika russkogo. Dnevnik (1825–1826 gg.) / Izd. podg. M. I. Gillel'son. M., 1964.

Лев Аркадьевич Трахтенберг

доцент Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Lev Arkad'evich Trakhtenberg

Docent, Lomonosov Moscow State University

lev_a_t@inbox.ru

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «ЛЕЩИ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОЧНИК

«THE BREAMS», A FABLE BY I. A. KRYLOV, AND ITS FRENCH SOURCE

Установлен источник басни И. А. Крылова «Лещи» — басня французского поэта Ж.-Ж. Буазара «Щуки» («Les Brochets»). Исследован механизм структурно-семантической трансформации источника. Показано, как Крылов преобразует статическую ситуацию в динамический сюжет, выдвигает периферийный в тексте-источнике образ на первый план и наполняет юмористическую композиционную схему сатирическим содержанием.

Ключевые слова: русская литература XIX века, И. А. Крылов, Ж.-Ж. Буазар, басня, сатира, русско-французские литературные связи.

The article shows that I. A. Krylov's fable «The Breams» is based on J.-J. Boisard's fable «The Pikes». It demonstrates how Krylov transformed the source plot, turning a static situation into a dynamic story, spotlighting a minor image and supplementing humour with satire.

Key words: 19th-century Russian literature, I. A. Krylov, J.-J. Boisard, fable, satire, Russian-French literary connections.

Список литературы

1. *Абрамзон Т. Е.* Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск, 2006.
2. *Гордин М. А.* Крылов // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1994. Т. 3. К–М.
3. *Кеневич В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И. А. Крылова. СПб., 1878.
4. *Крылов И. А.* Басни. М.; Л., 1956.

5. Матяш С. А. Басенный и драматический вольный ямб (к проблеме генезиса стиха комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума») // Русская литература. 1984. № 1.
6. Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011.
7. Могилянский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни / Изд. подг. А. П. Могилянский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956 (сер. «Литературные памятники»).
8. Опыт русской анфологии, или избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, апологии и некоторые другие мелкие стихотворения / Собр. М. Яковлевым, изд. И. Слениным. СПб., 1828.
9. Падучева Е. В. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 9 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 422).
10. Степанов Н. Л. <Примечания> // Крылов И. А. Полн. собр. соч.: [В 3 т.] / Под ред. Демьяна Бедного. М., 1946. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / Ред. Д. Д. Благого; подг. текста и прим. Н. Л. Степанова (басни), Г. А. Гуковского (стихотворения), С. М. Бабинцева (письма).
11. Степанов Н. Л. Басни Крылова. М., 1969.
12. Тимофеев Л. И. Вольный стих XVIII века // *Ars poetica*: Сб. статей / Под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо. М., 1928. Вып. 2. Стих и проза.
13. Томашевский Б. В. Источники стихотворений «Все мое — сказало злато» и «Глухой глухого звал» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28.
14. Штокмар М. П. Вольный стих XIX века // *Ars poetica*: Сб. статей / Под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо. М., 1928. Вып. 2. Стих и проза.
15. Щеголев П. Е. Пушкинское // Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931.
16. Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Paris, 1816. Т. 2.
17. *A-t* [Audiffret H.]. Boisard // Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Nouvelle éd. / Sous la direction de M. Michaud. Paris, 1843. Т. 4.
18. *Babrius, Phaedrus*. Fables / Ed. and transl. by B. E. Perry. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2014 (Loeb Classical Library).
19. Boisard [J.-J.]. Fables. Paris, 1773.
20. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle éd. Paris, 1830. Т. 8. 1772–1776.
21. Faber J.-P. Boisard // Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours... / Sous la direction de M. le Dr Hoefler. Paris, 1853. Т. 6.
22. Manuel du bibliographe normand, ou Dictionnaire bibliographique et historique... / Par É. Frère. Rouen, 1858. Т. 1.
23. *Voltaire*. Œuvres complètes. Nouvelle éd.: [En 50 t.] Paris, 1882. Т. 48. Correspondance. Т. XVI. Années 1772–1774. Nos 8452–9091.

References

1. Abramzon T. E. Poeticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin). Magnitogorsk, 2006.
2. Anthologie française, ou choix d'épigrammes, madrigaux, portraits, épitaphes, inscriptions, moralités, couplets, anecdotes, bons-mots, réparties, historiettes. Paris, 1816. Т. 2.
3. *A-t* [Audiffret H.]. Boisard // Biographie universelle, ancienne et moderne, ou Histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Nouvelle éd. / Sous la direction de M. Michaud. Paris, 1843. Т. 4.
4. *Babrius, Phaedrus*. Fables / Ed. and transl. by B. E. Perry. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2014 (Loeb Classical Library).
5. Boisard [J.-J.]. Fables. Paris, 1773.
6. Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle éd. Paris, 1830. Т. 8. 1772–1776.
7. Faber J.-P. Boisard // Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours... / Sous la direction de M. le Dr Hoefler. Paris, 1853. Т. 6.
8. Gordin M. A. Krylov // *Russkije pisateli. 1800–1917: Biograficheski slovar'* / Gl. red. P. A. Nikolaev. M., 1994. Т. 3. К–М.
9. Kenevich V. F. Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniia k basniam Krylova. 2-e izd., s prilozheniem materialov dlia biografii I. A. Krylova. SPb., 1878.
10. Krylov I. A. Basni. M.; L., 1956.
11. Manuel du bibliographe normand, ou Dictionnaire bibliographique et historique... / Par É. Frère. Rouen, 1858. Т. 1.

12. *Matiash S. A.* Basennyi i dramaticheskii vol'nyi iamb (k probleme genezisa stikha komedii A. S. Griboedova «Gore ot uma») // Russkaia literatura. 1984. № 1.
13. *Matiash S. A.* Vol'nyi iamb russkoi poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh. SPb., 2011.
14. *Mogilianskii A. P.* Kommentarii // Krylov I. A. Basni / Izd. podg. A. P. Mogilianskii; otv. red. F. Ia. Priima. M.; L., 1956 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. Opyt russkoi anfologii, ili izbrannye epigrammy, madrigaly, epitafii, nadpisi, apologii i nekotorye drugie melkie stikhotvoreniia / Sobr. M. Iakovlevym, izd. I. Slëninym. SPb., 1828.
16. *Paducheva E. V.* O semanticheskikh svyaziakh mezhdru basnei i ee moral'iu (na materiale basen Ezopa) // Tr. po znakovym sistemam. Tartu, 1977. T. 9 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 422).
17. *Shchegolev P. E.* Pushkinskoe // Shchegolev P. E. Iz zhizni i tvorchestva Pushkina. 3-e izd., ispr. i dop. M.; L., 1931.
18. *Shtokmar M. P.* Vol'nyi stikh XIX veka // Ars poetica: Sb. statei / Pod red. M. A. Petrovskogo i B. I. Iarkho. M., 1928. Vyp. 2. Stikh i proza.
19. *Stepanov N. L.* <Primechaniia> // Krylov I. A. Poln. sobr. soch.: [V 3 t.] / Pod red. Dem'iana Bednogo. M., 1946. T. 3. Basni. Stikhotvoreniia. Pis'ma / Red. D. D. Blagogo; podg. teksta i prim. N. L. Stepanova (basni), G. A. Gukovskogo (stikhotvoreniia), S. M. Babintseva (pis'ma).
20. *Stepanov N. L.* Basni Krylova. M., 1969.
21. *Timofoev L. I.* Vol'nyi stikh XVIII veka // Ars poetica: Sb. statei / Pod red. M. A. Petrovskogo i B. I. Iarkho. M., 1928. Vyp. 2. Stikh i proza.
22. *Tomashevskii B. V.* Istochniki stikhotvoreniia «Vse moe — skazalo zlato» i «Glukhoi glukho-gozval» // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia. Pg., 1917. Vyp. 28.
23. *Voltaire.* Œuvres complètes. Nouvelle éd.: [En 50 t.] Paris, 1882. T. 48. Correspondance. T. XVI. Années 1772–1774. Nos 8452–9091.

Александр Александрович Панченко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
профессор факультета антропологии
Европейского Университета в Санкт-Петербурге

Aleksandr Aleksandrovich Panchenko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) RAS,
Professor, Department of Anthropology,
European University in St. Petersburg
apanchenko2008@gmail.com

О КАКИХ ДУХОБОРЦАХ ПИСАЛ А. И. ГЕРЦЕН В «БЫЛОМ И ДУМАХ»?

WHO WERE THE *DOUKHOBORS* DISCUSSED BY HERZEN IN *MY PAST AND THOUGHTS*?

В четвертой части «Былого и дум», вспоминая о своей жизни в Новгороде в 1841–1842 годах, Герцен рассказывает о встрече некоего «начальника духоборцев» с императором Павлом I. Эта история выглядит не вполне правдоподобно, однако у нее есть реальные источники: следствие 1800 года о религиозных диссидентах, живших в Новгородской губернии, а также некоторые эпизоды биографии Кондратия Селиванова — главы движения скопцов. В статье исследуется социально-исторический и религиозный контекст соответствующего пассажа из «Былого и дум».

Ключевые слова: духоборцы, «Былое и думы», Кондратий Селиванов, религиозные диссиденты в России XIX века.

In the 4th part of *My Past and Thoughts*, Herzen recalls his life in Novgorod in 1841–1842 and, *inter alia*, tells a story about a certain «Doukhorbor leader», allegedly imprisoned by the Emperor Paul I. Even though the story looks rather far-fetched, it seems to stem from real historical events — the 1800 investigation into the religious dissenters from the Novgorod Gubernia and certain episodes

from the life of Kondraty Selivanov, the leader of the Scoptsy (Castrates) movement. The article deals with the social, historical, and religious contexts of the narrative told by Herzen.

Key words: the *Doukhobors*, *My Past and Thoughts*, Kondraty Selivanov, Russian religious dissenters in the 19th century.

Список литературы

1. *Аристов Н. Я.* Русские народные предания об исторических лицах и событиях // Труды Третьего Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1.
2. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // Русский архив. 1872. Вып. I.
3. *Высоцкий Н. Г.* Материалы из истории духоборческой секты. Сергиевский Посад, 1914.
4. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9.
5. *Иникова С. А.* Духоборцы // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16.
6. *Иникова С. А.* Тамбовские духоборцы в 60-е годы XVIII века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 1997. № 1.
7. *Иникова С. А.* Цена «Царства Божьего» на Молочных Водах (1802–1841) // Религиоведение. 2003. № 3.
8. «Исповедь» В. И. Кельсиева / Подг. к печати Е. Кингисепп; вступ. статья и комм. М. Клевенского // Лит. наследство. 1941. Т. 41/42. Кн. II.
9. *Курута В. И.* Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена // Русская мысль. 1889. № 5.
10. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1850 / Ред. И. Г. Птушкина. М., 1974.
11. *Лурье Я. С.* Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964.
12. *Майнов В. Н.* Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов (Ссылка его в Спасо-Евфимиев монастырь) // Исторический вестник. 1880. № 4.
13. *Мельников И. А.* Русские религиозные диссидентские движения Новгородской губернии в п<ервой> пол<овине> XIX в.: «духовщина» // Новгородика — 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Междунар. науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Т. В. Шмелева. Новгород, 2018. Т. 2.
14. *Михайлов П. Б.* Духоборчество // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16.
15. *Новицкий О. М.* Духоборцы. Их история и вероучение. Киев, 1882.
16. *Новицкий О. М.* О духоборцах. Киев, 1832.
17. *Панченко А. А.* Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. 2004. № 2.
18. *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004.
19. Полный тропарион на каждый день года / Сост. монахиня Сергия (Рыбина). Сергиев Посад, 2008.
20. *Рождественский Т. С., Успенский М. И.* Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912 (Записки РГО по Отделению этнографии. Т. XXXV).
21. *Росовецкий С. К.* Устная проза XVI–XVII вв. об Иване Грозном-правителе // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20.
22. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. И. Кельсиевым. Выпуск третий о скопцах. Лондон, 1862.
23. Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2001. Т. 1.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
25. Собрание постановлений по части раскола, состоявшееся по ведомству св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. 1716–1800.
26. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1.
27. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. I.
28. *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge et al., 1987.

References

1. *Aristov N. Ia.* Russkii narodnye predaniia ob istoricheskikh litsakh i sobytiiakh // Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s'ezda v Rossii. Kiev, 1878. T. 1.
2. *Vospominaniia Fedora Petrovicha Lubianovskogo* // Russkii arkhiv. 1872. Vyp. I.
3. *Vysotskii N. G.* Materialy iz istorii dukhoborcheskoi sekty. Sergievskii Posad, 1914.
4. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. M., 1956. T. 9.
5. *Inikova S. A.* Dukhobortsy // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2007. T. 16.
6. *Inikova S. A.* Tambovskie dukhobortsy v 60-e gody XVIII veka // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 1997. № 1.
7. *Inikova S. A.* Tsena «Tsarstva Bozh'ego» na Molochnykh Vodakh (1802–1841) // Religiovedenie. 2003. № 3.

8. «Ispoved'» V. I. Kel'sieva / Podg. k pečati E. Kingisepp; vstup. stat'ia i komm. M. Kleven-skogo // Lit. nasledstvo. 1941. T. 41/42. Kn. II.
9. *Kuruta V. I.* Iz materialov dlia biografii Aleksandra Ivanovicha Gertsena // Russkaia mysl'. 1889. № 5.
10. Letopis' zhizni i tvorchestva A. I. Gertsena. 1812–1850 / Red. I. G. Ptushkina. M., 1974.
11. *Lur'e Ia. S.* Povest' o Drakule. M., L., 1964.
12. *Mainov V. N.* Skopcheskii eresiarkh Kondratii Selivanov (Ssylka ego v Spaso-Evfimiev monastyr') // Istoricheskii vestnik. 1880. № 4.
13. *Mel'nikov I. A.* Russkie religioznye dissenterskie dvizheniia Novgorodskoi gubernii v p<er-voi> pol<ovine> XIX v.: «dukhovshchina» // Novgorodika — 2018. Povsednevnaia zhizn' novgorodtsev: istoriia i sovremennost'. Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf.: V 2 t. / Otv. red. T. V. Shmeleva. Novgorod, 2018. T. 2.
14. *Mikhailov P. B.* Dukhoborchestvo // Pravoslavnaia entsiklopediia. M., 2007. T. 16.
15. *Novitskii O. M.* Dukhobortsy. Ikh istoriia i verouchenie. Kiev, 1882.
16. *Novitskii O. M.* O dukhobortsakh. Kiev, 1832.
17. *Panchenko A. A.* Peterburg kak stolitsa skoptsov // Otechestvennye zapiski. 2004. № 2.
18. *Panchenko A. A.* Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt. M., 2004.
19. Polnyi troparion na kazhdyi den' goda / Sost. monakhinia Sergiia (Rybina). Sergiev Posad, 2008.
20. *Rozhdestvenskii T. S., Uspenskii M. I.* Pesni russkikh sektantov-mistikov. SPb., 1912 (Zapiski RGO po Otdeleniiu etnografii. T. XXXV).
21. *Rosovetskii S. K.* Ustnaia proza XVI–XVII vv. ob Ivane Groznom-pravitele // Russkii fol'klor. L., 1981. T. 20.
22. Sbornik pravitel'stvennykh svedenii o raskol'nikakh, sostavlennyi V. I. Kel'sievym. Vypusk tretii o skoptсах. London, 1862.
23. Slovar' Akademii Rossiiskoi. 1789–1794. M., 2001. T. 1.
24. Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. M., 1977. Vyp. 4.
25. Sobranie postanovlenii po chasti raskola, sostoiavsheesia po vedomstvu sv. Sinoda. SPb., 1860. Kn. 1. 1716–1800.
26. *Sreznevskii I. I.* Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam. SPb., 1893. T. I.
27. *Sumarokov P. I.* Dosugi krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. SPb., 1803. Ch. I.
28. *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge et al., 1987.

Валентина Александровна Лукина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Valentina Aleksandrovna Lukina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
valentina_step@hotmail.com

**НОВОНАЙДЕННЫЙ БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА
«БРИГАДИР»: ХРОНОЛОГИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ**

**THE NEWLY DISCOVERED FAIR COPY OF I. S. TURGENEV'S SHORT STORY
THE BRIGADIER: CHRONOLOGY AND TEXTOLOGY**

Статья посвящена вновь найденному автографу рассказа И. С. Тургенева «Бригадир», который хранится в Гарварде и представляет собой первый беловой автограф с правкой, перебеленный с черновой рукописи (BNF) и послуживший впоследствии для изготовления наборной рукописи (ИРЛИ). Изучение полного комплекта рукописей рассказа и анализ имеющейся в гарвардском автографе правки позволили не только существенно дополнить творческую историю «Бригадира», но и внести уточнения в комментарии к нему в Полном собрании сочинений писателя.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Бригадир», творческая история, рукописи.

The article discusses the newly discovered manuscript of I. S. Turgenev's short story *The Brigadier*, kept at Harvard, which turns out to be the first fair copy with corrections and revisions, handwritten by the author from the rough draft (BNF) and later used for producing the second (typeset) fair copy (IRLI). Comprehensive study of the full set of *The Brigadier's* manuscripts, as well as the analysis of all the revisions in the Harvard copy, contributes to the understanding of the genesis of the story, and allows to improve the literary commentary in Turgenev's Complete Works.

Key words: I. S. Turgenev, *The Brigadier*, creative history, manuscripts.

Список литературы

1. Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993.
2. Лукина В. А. Неизвестный И. С. Тургенев: о новонайденных материалах в зарубежных архивах // Русская литература. 2018. № 3.
3. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 2, 3.
4. <Письма М. М. Стасюлевича к И. С. Тургеневу> / Публ. Н. Н. Мостовской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1967. Вып. 3.
5. Тургенев И. С. <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публ. и послесловие П. Уоддингтона // Русская литература. 2000. № 3.
6. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1965. Т. 10.
7. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8, 12; Письма. М., 1990. Т. 7, 8, 9, 15. Кн. 2.
8. *Du Camp M. Souvenirs d'un demi-siècle. Au temps de Louis-Philippe et de Napoléon III, 1830–1870.* Paris, 1949. Т. 1.
9. Fischer K. Une élève de Pauline Viardot: Aglaé Orgeni, 1842–1926 // Cahiers Ivan Tourguénev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1989. № 13.
10. Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: Notices et extraits. Paris, 1930.
11. Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite / Introduction et notes par A. Zviguilsky. Paris, 1972. Т. 2.
12. Waddington P. More Turgenev gleanings: II. A note on Turgenev's relations with Lamartine, arising from a letter to Madame Zographo // New Zealand Slavonic Journal. 1988. Part II.
13. Waddington P. Turgenev's notebooks for *Dym* // New Zealand Slavonic Journal. 1989–1990.
14. Žekulin N. G. The Story of an Operetta *Le Dernier Sorcier* by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 15).

References

1. Kel'ner V. E. Chelovek svoego vremeni (M. M. Stasiulevich: izdatel'skoe delo i liberal'naia oppozitsiia). SPb., 1993.
2. Lukina V. A. Neizvestnyi I. S. Turgenev: o novonaidennykh materialakh v zarubezhnykh arkhivakh // Russkaia literatura. 2018. № 3.
3. M. M. Stasiulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske: V 5 t. SPb., 1912. T. 2, 3.
4. <Pis'ma M. M. Stasiulevicha k I. S. Turgenevu> / Publ. N. N. Mostovskoi // Turgenevskii sbornik: Materialy k Polnomu sobraniuu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva. L., 1967. Vyp. 3.
5. Turgenev I. S. <Podgotovitel'nye materialy k romanu «Dym»> / Publ. i posleslovie by P. Waddington // Russkaia literatura. 2000. № 3.
6. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 28 t. Soch.: V 15 t. M.; L., 1965. T. 10.
7. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1981. T. 8, 12; Pis'ma. M., 1990. T. 7, 8, 9, 15. Kn. 2.
8. *Du Camp M. Souvenirs d'un demi-siècle. Au temps de Louis-Philippe et de Napoléon III, 1830–1870.* Paris, 1949. T. 1.
9. Fischer K. Une élève de Pauline Viardot: Aglaé Orgeni, 1842–1926 // Cahiers Ivan Tourguénev, Pauline Viardot, Maria Malibran. 1989. № 13.
10. Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev: Notices et extraits. Paris, 1930.
11. Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite / Introduction et notes par A. Zviguilsky. Paris, 1972. T. 2.
12. Waddington P. More Turgenev gleanings: II. A note on Turgenev's relations with Lamartine, arising from a letter to Madame Zographo // New Zealand Slavonic Journal. 1988. Part II.
13. Waddington P. Turgenev's notebooks for *Dym* // New Zealand Slavonic Journal. 1989–1990.
14. Žekulin N. G. The Story of an Operetta *Le Dernier Sorcier* by Pauline Viardot and Ivan Turgenev. München, 1989 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 15).

Константин Маркович Азадовский

действительный член Немецкой академии языка и литературы

Konstantin Markovich Azadovsky

Full Member, Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung

azadovski@mail.ru

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna PavlovaLeading researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

mmpavlova@gmail.com

**ВЕНСКИЙ АКЦЕНТ: ФЕДОР СОЛОГУБ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК
ПРИЛОЖЕНИЕ: АЛЕКСАНДР БРАУНЕР. ПИСЬМА ФЕДОРУ СОЛОГУБУ
1897–1912 ГОДОВ****THE VIENNA ACCENT: FYODOR SOLOGUB AND HIS TRANSLATOR
APPENDIX: ALEXANDER BRAUNER. LETTERS TO FYODOR SOLOGUB
1897–1912**

Статья посвящена восприятию раннего творчества Федора Сологуба (рассказ «Тени», роман «Тяжелые сны») в германоязычном мире. Основное внимание уделено венскому переводчику Александру Браунеру (1871–1937), причастному в 1890-е годы к кругу «Молодой Австрии» (А. Шницлер, Г. фон Гофмансталь и др.). С опорой на архивный материал в статье прослеживаются личные связи Браунера с И. А. и В. А. Венгеровыми, Л. Я. Гуревич, Л. Андреас-Саломе; исследуются статьи Браунера в журнале «Северный вестник» (1895), его переводы произведений Сологуба и отклики на них в немецкой печати. К статье прилагается публикация 18 писем А. Браунера к Сологубу (1897–1912).

Ключевые слова: группа «Молодая Австрия», семья Венгеровых, переводы, декадентство, журнал «Северный вестник», сборник «Russische Novellen», Клара Браунер, Р.-М. Рильке, русский и западноевропейский модернизм.

In this article, K. M. Azadovsky analyses the reception of Fyodor Sologub's early work (his short story *The Shadows*, and novel *Bad Dreams*) in the German-speaking world. Special attention is devoted to the Viennese translator Alexander Brauner (1871–1937), who in the 1890s was affiliated with the Young Austria group (A. Schnitzler, H. von Hofmansthal et al.). Relying on the archival data, the author traces Brauner's personal connections with I. A. Vengerova and V. A. Vengerov, L. Ia. Gurevich and L. Andreas-Salomé. The author discusses Brauner's articles in the journal *Severnii Vestnik* (The Northern Herald), his translations of Sologub's work, and the reviews of these translations in the German press. 18 letters from A. Brauner to Sologub (1897–1912) are published as the Appendix.

Key words: «Molodaia Avstriia» (Young Austria group), Vengerov family, translations, decadence, journal «Severnii Vestnik», «Russische Novellen» (a collection of short stories), Klara Brauner, R.-M. Rilke, Russian and West-European Modernism.

Список литературы

1. Азадовский К. «Россия была главным событием...» // Азадовский К. Рильке и Россия. Статьи и публикации. М., 2011.
2. Библиография Федора Сологуба: Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; М., 2004.
3. Браунер А. Густав Фрейтаг (1816–1895) // Северный вестник. 1895. № 6.

4. Браунер А. Современная «Молодая Германия» // Северный вестник. 1895. № 11, 12.
5. Брюсов В. Я. Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1960.
6. Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976.
7. Венгерова З. Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова / Послесловие, подг. текста А. Н. Николюкина. М., 2004.
8. Венгерова З. О Шницлере // Венгерова З. Литературные характеристики. СПб., 1910. Кн. 3.
9. Венгерова П. Воспоминания. Мир еврейской женщины в России XIX века. СПб., 2005.
10. Волынский А. В поисках за Леонардо да Винчи // Северный вестник. 1897. № 9–12; 1898. № 1–4.
11. Волынский А. В поисках за Леонардо да Винчи. СПб., [1899].
12. Волынский А. Русские женщины / Предисловие, комм., публ. А. Л. Евстигнеевой // Ми-нувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17.
13. Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.
14. Гуревич Л. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова / Послесловие, подг. текста А. Н. Николюкина. М., 2004.
15. Жеребин А. И. Новеллистика Артура Шницлера в России // Типология жанров и лите-ратурный процесс. Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 1994.
16. Жеребин А. И. От Виланда до Кафки: Очерки по истории немецкой литературы. СПб., 2012.
17. З. В. [Венгерова З. А.]. [Рец. на:] Arthur Schnitzler. Die Frau des Weisen // Вестник Ев-ропы. 1898. № 9.
18. Измайлов А. Загадка сфинкса // Измайлов А. Литературный Олимп. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911.
19. Ляпина А. А. Герман Банг. Рецепция личности и творчества в русской критике // Фило-логические науки. 2013. Декабрь. № 11 (41).
20. С. Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб., 1887.
21. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.
22. Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Са-пожкова; сост., подг. текстов С. В. Сапожкова и А. В. Сысоевой // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1 / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова.
23. Перцов П. П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002.
24. Соболев А. Л. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову // Соболев А. Л. Летейская библио-тека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Стран-нолюбовский перебарщивает: Сконопель истоар.
25. Сологуб Ф. Собр. соч.: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1910. Т. 10.
26. Сологуб Ф. Собр. соч.: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913. Т. 3. Земные дети.
27. Стрельникова А. Б., Сысоева А. В. «Ее Высочество» Г. Банга и «Королева Ортруда» Со-логуба: перевод как художественный материал // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 55.
28. Стрельникова А. Б., Филочева В. В. Библиография художественных переводов, выпол-ненных Ф. Сологубом. Незданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Ра-зыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.
29. Уральский М. Незвестный Троицкий: Илья Троицкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим; М., 2017.
30. Федор Сологуб. Тетради посещений / Вступ. статья, публ. и аннотированный указатель М. М. Павловой и А. Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Пав-ловой. М., 2016.
31. Чехов в переписке с переводчиками / Вступ. статья, публ. и комм. Е. М. Сахаровой; пер. с фр. Л. Р. Ланского; пер. с нем. Е. И. Нечепорука; пер. с чешск. А. П. Соловьевой // Лит. наслед-ство. 2005. Т. 100. Чехов и мировая литература. Кн. 3.
32. Штаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Незданный Фе-дор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.
33. Эренбург И. Портреты современных поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922.
34. Asadowski K. Geschichte und Geheimnisse des «Alten Enthusiasten». Akim Wolynskij — Lou Andreas-Salomé — Rainer Maria Rilke // Korrespondenzen. Festschrift für Joachim W. Störck aus Anlass seines 75. Geburtstag / Hrsg. von Rudi Schwenkert in Zusammenarbeit mit Sabine Schmidt. St. Ingbert, 1999.
35. Biografisches Lexikon österreichischer Frauen. Wien; Köln; Weimar, 2016. Bd 1. A–H.
36. Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 = International biographical dictionary of Central European emigrés 1933–1945 / Hrsg. vom Institut für Zeitge-

schichte München und von der Reasearch Foundation for Jewish Immigration, New York, unter der Gesamtleitung von Werner Röder und Herbert A. Strauss. München; New York; London, 1983. Vol. 2. P. 1.

37. *Brauner A.* Anton Tschechow // *Die Zeit*. 1898. № 170. 1. Jänner.
38. *Hofmannstahl H. von, Beer-Hofmann R.* Briefwechsel. Frankfurt a/M.: S. Fischer Verlag, 1972.
39. *Holzer R.* Schatten // *Wiener Zeitung*. 1901. № 48. 27. Februar (Beilage «Wiener Abendpost»).
40. *Messer M.* Ein russischer Roman // *Die Zeit*. 1897. № 159. 16. Oktober.
41. *Nathan P.* Der Reiz des Ungesunden // *Die Nation*. 1900/1901. Jg. 18. № 26.
42. *Schnitzler A.* Tagebuch. 1903–1908 / Hrsg. von Werner Welzig. Wien, 1991.
43. *Schnitzler A.* Tagebuch. 1917–1919 / Hrsg. von Werner Welzig und Peter Michael Braunwarth. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985.
44. *Sippl C.* Slavica der Hermann-Bahr-Sammlung an der Universitäts-Bibliothek Salzburg / Mit einem Geleitwort von Moritz Csáky. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2001 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext. Bd 3).
45. *Sologub F.* Die Welt Leo Tolstoi's. Zur Feier seines siebzigsten Geburtstags // *Die Zeit*. 1898. 10. September. № 206.
46. *Stößl O.* Zur neuen russischen Literatur // *Die Gegenwart*. 1899. Bd 56. № 49.
47. *Ziegler R.* «Severnyj vestnik» // *Die Wiener Moderne in slawischen Periodika der Jahrhundertwende* / Hrsg. von Stefan Simonek. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2006 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext / Hrsg. von Leopold R. G. Declodet, Stefan Simonek. Bd 10).
48. *Zweig St.* Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1992.

References

1. *Asadowski K.* Geschichte und Geheimnisse des «Alten Enthusiasten». Akim Wolynskij — Lou Andreas-Salomé — Rainer Maria Rilke // *Korrespondenzen. Festschrift für Joachim W. Storck aus Anlass seines 75. Geburtstages* / Hrsg. von Rudi Schwenkert in Zusammenarbeit mit Sabine Schmidt. St. Ingbert, 1999.
2. *Azadovsky K.* «Rossiia byla glavnyim sobytiem...» // *Azadovsky K. Ril'ke i Rossiia. Stat'i i publikatsii*. M., 2011.
3. *Bibliografija Fedora Sologuba: Stikhotvoreniia* / Sost. T. V. Misnikevich; pod red. M. M. Pavlovoi. Tomsk; M., 2004.
4. *Biografisches Lexikon österreichischer Frauen*. Wien; Köln; Weimar, 2016. Bd 1. A–H.
5. *Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 = International biographical dictionary of Central European emigrés 1933–1945* / Hrsg. vom Institut für Zeitgeschichte München und von der Reasearch Foundation for Jewish Immigration, New York, unter der Gesamtleitung von Werner Röder und Herbert A. Strauss. München; New York; London, 1983. Vol. 2. P. 1.
6. *Brauner A.* Anton Tschechow // *Die Zeit*. 1898. № 170. 1. Jänner.
7. *Brauner A.* Gustav Freitag (1816–1895) // *Severnyi vestnik*. 1895. № 6.
8. *Brauner A.* Sovremennaiia «Molodaia Germaniia» // *Severnyi vestnik*. 1895. № 11, 12.
9. *Briusov V. Ia.* Pis'ma k F. Sologubu / Publ. V. N. Orlova i I. G. Iampol'skogo // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1973 god*. L., 1976.
10. *Briusov V. Ia.* Pis'ma k P. B. Struve / Publ. A. N. Mikhailovoi // *Literaturnyi arkhiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia* / Pod red. K. D. Muratovoi. M.; L., 1960.
11. *Chekhov v perepiske s perevodchikami* / Vstup. stat'ia, publ. i komm. E. M. Sakharovoi; per. s fr. L. R. Lanskogo; per. s nem. E. I. Necheporuka; per. s cheshsk. A. P. Solov'evoi // *Lit. nasledstvo*. 2005. T. 100. Chekhov i mirovaia literatura. Kn. 3.
12. *Erenburg I.* Portrety sovremennykh poetov. Berlin: Argonavty, 1922.
13. *Fedor Sologub. Tetradi poseshchenii* / Vstup. stat'ia, publ. i annotirovannyi ukazatel' M. M. Pavlovoi i A. L. Soboleva // *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy* / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
14. *Grechishkin S. S.* Arkhiv L. Ia. Gurevich // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god*. L., 1978.
15. *Gurevich L.* Istoriia «Severnogo vestnika» // *Ruskaia literatura XX veka. 1890–1910* / Pod red. S. A. Vengerova / Posleslovie, podg. teksta A. N. Nikoliukina. M., 2004.
16. *Hofmannstahl H. von, Beer-Hofmann R.* Briefwechsel. Frankfurt a/M.: S. Fischer Verlag, 1972.
17. *Holzer R.* Schatten // *Wiener Zeitung*. 1901. № 48. 27. Februar (Beilage «Wiener Abendpost»).

18. *Izmailov A. Zagadka sfinksy // Izmailov A. Literaturnyi Olimp. M.: Tip. t-va I. D. Sytina, 1911.*
19. *Liapina A. A. German Bang. Retseptsiia lichnosti i tvorchestva v russkoi kritike // Filologicheskie nauki. 2013. Dekabr'. № 11 (41).*
20. *Messer M. Ein russischer Roman // Die Zeit. 1897. № 159. 16. Oktober.*
21. *Nathan P. Der Reiz des Ungesunden // Die Nation. 1900/1901. Jg. 18. № 26.*
22. *Pavlova M. Pisatel'-inspektor. Fedor Sologub i F. K. Teternikov. M., 2007.*
23. *Perepiska Z. N. Gippius s N. M. Minskim (1891–1912) / Vstup. stat'ia, prim. S. V. Sapozhkova; sost., podg. tekstov S. V. Sapozhkova i A. V. Sysoevoi // Lit. nasledstvo. 2018. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius. Kn. 1 / Sost. N. A. Bogomolov i M. M. Pavlova.*
24. *Pertsov P. P. Literaturnye vospominaniia 1890–1902 gg. / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 2002.*
25. *S. Ia. Nadson. Sbornik zhurnal'nykh i gazetnykh statei, posviashchennykh pamiati poeta. SPb., 1887.*
26. *Schnitzler A. Tagebuch. 1903–1908 / Hrsg. von Werner Welzig. Wien, 1991.*
27. *Schnitzler A. Tagebuch. 1917–1919 / Hrsg. von Werner Welzig und Peter Michael Braunwarth. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985.*
28. *Shatalina N. N. Biblioteka F. Sologuba. Materialy k opisaniiu // Neizdannyy Fedor Sologub / Pod red. M. M. Pavlovoi i A. V. Lavrova. M., 1997.*
29. *Sippl C. Slavica der Hermann-Bahr-Sammlung an der Universitäts-Bibliothek Salzburg / Mit einem Geleitwort von Moritz Csáky. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2001 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext. Bd 3).*
30. *Sobolev A. L. Pis'ma Fedora Sologuba V. Ia. Briusovu // Sobolev A. L. Strannoliubskii perebarshchivaet: Skonopel' istoar. M., 2013.*
31. *Sologub F. Die Welt Leo Tolstoi's. Zur Feier seines siebenzigsten Geburtstags // Die Zeit. 1898. 10. September. № 206.*
32. *Sologub F. Sobr. soch.: V 12 t. SPb.: Shipovnik, 1910. T. 10.*
33. *Sologub F. Sobr. soch.: V 20 t. SPb.: Sirin, 1913. T. 3. Zemnye deti.*
34. *Stöbl O. Zur neuen russischen Literatur // Die Gegenwart. 1899. Bd 56. № 49.*
35. *Strel'nikova A. B., Filicheva V. V. Bibliografiia khudozhestvennykh perevodov, vypolnennykh F. Sologubom. Neizdannyye i nesobranneye poeticheskie perevody // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.*
36. *Strel'nikova A. B., Sysoeva A. V. «Ee Vysochestvo» G. Banga i «Koroleva Ortruda» Sologuba: perevod kak khudozhestvennyi material // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya. 2018. № 55.*
37. *Ural'skii M. Neizvestnyi Trotskii: Il'ia Trotskii, Ivan Bunin i emigratsiia pervoi volny. Ierusalim; M., 2017.*
38. *Vengerova P. Vospominaniia. Mir evreiskoi zhenshchiny v Rossii XIX veka. SPb., 2005.*
39. *Vengerova Z. Avtobiograficheskaia spravka // Russkaia literatura XX veka. 1890–1910 / Pod red. S. A. Vengerova / Posleslovie, podg. teksta A. N. Nikoliukina. M., 2004.*
40. *Vengerova Z. O Shnitslere // Vengerova Z. Literaturnye kharakteristiki. SPb., 1910. Kn. 3.*
41. *Volynskii A. Russkie zhenshchiny / Predislovie, komm., publ. A. L. Evstigneevoi // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. M.; SPb., 1994. Vyp. 17.*
42. *Volynskii A. V poiskakh za Leonardo da Vinchi // Severnyi vestnik. 1897. № 9–12; 1898. № 1–4.*
43. *Volynskii A. V poiskakh za Leonardo da Vinchi. SPb., [1899].*
44. *Z. V. [Vengerova Z. A.]. [Rets. na:] Arthur Schnitzler. Die Frau des Weisen // Vestnik Evropy. 1898. № 9.*
45. *Zherebin A. I. Novellistika Artura Shnitslera v Rossii // Tipologiya zhanrov i literaturnyi protsess. Mezhvuzovskii sb. nauch. trudov. SPb., 1994.*
46. *Zherebin A. I. Ot Vilanda do Kafki: Ocherki po istorii nemetskoj literatury. SPb., 2012.*
47. *Ziegler R. «Severnyj vestnik» // Die Wiener Moderne in slawischen Periodika der Jahrhundertwende / Hrsg. von Stefan Simonek. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt a/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2006 (Wechselwirkungen. Österreichische Literatur im internationalen Kontext / Hrsg. von Leopold R. G. Declodt, Stefan Simonek. Bd 10).*
48. *Zweig St. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers. Frankfurt a/M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1992.*

Андрей Васильевич Крусанов

независимый исследователь

Andrei Vasil'evich Krusanov

Independent researcher

irliran@mail.ru

Татьяна Владимировна Мисникевич

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Vladimirovna MisnikevichResearcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tamisnikevich@yandex.ru

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БИОГРАФИИ ВАДИМА БАЯНА:
ПИСЬМА К ФЕДОРУ СОЛОГУБУ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ****SOURCES FOR VADIM BAYAN'S BIOGRAPHY:
LETTERS TO FYODOR SOLOGUB AND AN. N. CHEBOTAREVSKAYA**

В публикации представлены письма поэта Вадима Баяна (Владимир Иванович Сидоров; 1888–1966), известного в основном в связи с литературной биографией В. В. Маяковского, к крупнейшему писателю-символисту Федору Сологубу и его жене Ан. Н. Чеботаревской. Письма дают возможность составить психологический портрет провинциального литератора-любителя, пытающегося обрести свое место в кругу столичной литературной элиты, а также документируют нюансы взаимоотношений различных литературных группировок в 1913–1914 годах.

Ключевые слова: русский символизм, русский футуризм, провинциальные литераторы, Федор Сологуб, Игорь Северянин, Вадим Баян.

The article presents the letters of the poet Vadim Bayan (Vladimir Ivanovich Sidorov; 1888–1966), remembered mostly in connection with the literary biography of V. V. Mayakovsky, to the prominent symbolist writer Fyodor Sologub and his wife An. N. Chebotarevskaya. The letters outline the psychological portrait of a provincial amateur writer, who tries to penetrate the circle of the metropolitan literary elite, as well as document the nuances of the relationships between the various literary groups in 1913–1914.

Key words: Russian Symbolism, Russian Futurism, provincial writers, Fyodor Sologub, Igor Severyanin, Vadim Bayan.

Список литературы

1. Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994.
2. Галанина Ю. Е. Кабаре Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской // Русская литература. 2004. № 1.
3. Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб., 2005.
4. Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Кн. 2.
5. Письма Вадима Баяна к Б. В. Смиренскому / Публ. А. Л. Дмитренко и А. В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. [Вып.] 23.
6. Северянин И. Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5.
7. Северянин И. Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 704–710.
8. Соболев А. Л. Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9.
9. Соболев А. Л. К истории журнала «Дневники писателей» (1914) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / Под ред. М. М. Павловой. М., 2016.

10. *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов. Вадим Баян и русский авангард в Крыму // Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисловие и комм. С. Шаргородского. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2011.
11. «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 2. 1906–1907 (Лит. наследство. Т. 90).

References

1. *Burliuk D. D.* Fragmenty iz vospominanii futurista. Pis'ma. Stikhotvoreniia. SPb., 1994.
2. *Galanina Iu. E.* Kabare F. Sologuba i An. Chebotarevskoi // Russkaia literatura. 2004. № 1.
3. *Igor' Severianin.* Tsarstvennyi paiats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika. SPb., 2005.
4. *Krusanov A. V.* Russkii avangard. 1907–1932. Istoricheskii obzor. M., 2010. Т. 1. Кн. 2.
5. Pis'ma Vadima Baiana k B. V. Smirenskomu / Publ. A. L. Dmitrenko i A. V. Krusanova // Minuvshee. Istoricheskii al'manakh. SPb., 1998. [Vyp.] 23.
6. *Severianin I.* Perepiska s Fedorom Sologubom i An. N. Chebotarevskoi / Publ. L. N. Ivanovoi i T. V. Misnikevich // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody. SPb., 2009. S. 704–710.
7. *Severianin I.* Soch.: V 5 t. SPb., 1996. Т. 5.
8. *Shargorodskii S.* Sobachestvo vselenskikh kataklizmov. Vadim Baian i russkii avangard v Krymu // Obvaly serdtsa. Avangard v Krymu / Sost., predislovie i komm. S. Shargorodskogo. B. m.: Salamandra P.V.V., 2011.
9. *Sobolev A. L.* K istorii zhurnala «Dnevnik pisatelei» (1914) // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy / Pod red. M. M. Pavlovoi. M., 2016.
10. *Sobolev A. L.* Vadim Baian i reklamnye tekhnologii // Literaturnyi fakt. 2018. № 9.
11. «Iasnopolianskie zapiski» D. P. Makovitskogo. M., 1979. Кн. 2. 1906–1907 (Lit. nasledstvo. T. 90).

Татьяна Анатольевна Пахарева

профессор кафедры мировой литературы и теории литературы
Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Украина)

Tat'iana Anatol'evna Pakhareva

Professor of The Department of World Literature and the Theory of Literature,
National M. P. Dragomanov Pedagogical University (Ukraine)

paharevata@ukr.net

**НЕСКОЛЬКО ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ О СТИХОТВОРЕНИИ
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «НА КАМЕННЫХ ОТРОГАХ ПИЭРИИ...»**

**A FEW INSIGHTS INTO THE POEM BY O. E. MANDELSTAM
ON THE STONE SPURS OF PIERIA...**

В статье выявлены и прокомментированы киевские реалии начала XX века, которые могут быть включены в число источников образности стихотворения О. Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии...», а также обнаружены аллюзии на драму Лопе де Веги «Овечий источник» и ранее не отмеченные комментаторами этого стихотворения элементы интертекстуального диалога со стихами Вяч. Иванова, Н. Гумилева, В. Маккавейского, В. Нарбута.

Ключевые слова: О. Э. Мандельштам, «На каменных отрогах Пиэрии...», киевский контекст, литературный контекст, претекст.

The article identifies and discusses the Kiev realities of early 20th century which can be included among the sources of imagery of poem O. Mandelstam's *On the stone spurs of Pieria...* An allusion to Lope de Vega's drama *The Sheep's Well* and the elements of the intertextual dialogue with the poems by Vyach. Ivanov, N. Gumilyov, V. Makkaveysky, V. Narbut, unaccounted for by the previous commentators of this poem, were also discovered.

Key words: O. Mandelstam, *On the Stone Spurs of Pieria (Na kamennykh otrogakh Pierii...)*, Kiev context, literary context, pretext.

Список литературы

1. *Бальмонт К. Д.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2010. Т. 7.
2. *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 4.
3. *Буслаев Ф. И.* Об эпических выражениях украинской поэзии (По поводу «Сборника украинских песен», изданных г. Максимовичем. Киев, 1849) // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990.
4. *Гумилев Н.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 2.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4.
6. *Демуцький П.* Ліра і її мотиви. Київ, 1903.
7. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: [В 4 т.]. Брюссель, 1974. Т. 2.
8. *Левинтон Г. А.* Гермес, Терпандр и Алеша Попович (эпизод из истории отношений Гумилева и Мандельштама?) // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994.
9. *Левинтон Г. А.* К вопросу о статусе «литературной шутки» у Ахматовой и Мандельштама // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: Тезисы конференции. М., 1989.
10. *Левинтон Г. А.* «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 2.
11. *Левинтон Г. А.* «На каменных отрогах Пиэрии» Мандельштама: материалы к анализу (продолжение) // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3.
12. *Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама* / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубянской, П. Мицнера. 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016.
13. *Маккавейский В.* Стилы Александрии: Сонеты и поэмы. Киев, 1918.
14. *Мандельштам Н. Я.* Вторая книга: Воспоминания / Подг. текста, предисловие, прим. М. К. Поливанова. М., 1990.
15. *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 1, 2, 3.
16. *Мочульский К. В.* Письма к В. М. Жирмунскому / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1999. № 35.
17. *Нарбут В. И.* Собр. соч.: Стихи. Переводы. Проза / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. Р. Р. Кожухарова. М., 2018.
18. *Петровский М. С.* Горodu и миру. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 2008.
19. *Православная энциклопедия.* М., 2003. Т. 6.
20. *Руссова С. Н.* К истории одного кощунства (О. Мандельштам и В. Маккавейский) // Смерть и бессмертие поэта: Материалы науч. конф. / Сост. М. З. Воробьева, И. Б. Делекторская, П. М. Нерлер, М. В. Соколова, Ю. Л. Фрейдин. М., 2001.
21. *Тарановский К.* Пчелы и осы. Мандельштам и Вячеслав Иванов // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. М., 2000.
22. *Тименчик Р. Д.* Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1988.
23. *Шиндин С.* Мандельштам и кинематограф // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 60.

References

1. *Bal'mont K. D.* Sobr. soch.: V 7 t. M., 2010. T. 7.
2. *Bunin I. A.* Sobr. soch.: V 9 t. M., 1966. T. 4.
3. *Buslaev F. I.* Ob epicheskikh vyrazheniiakh ukrainskoi poezii (Po povodu «Sbornika ukrainskikh pesen», izdannyykh g. Maksimovichem. Kiev, 1849) // Buslaev F. I. O literature: Issledovaniia. Stat'i. M., 1990.
4. *Gumilev N.* Poln. sobr. soch.: V 10 t. M., 1998. T. 2.
5. *Dal' V. I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. M., 1980. T. 4.
6. *Demuts'kii P.* Lira i ii motivi. Kii'v, 1903.
7. *Ivanov Viach.* Sobr. soch.: [V 4 t.]. Briussel', 1974. T. 2.
8. *Levinton G. A.* Germes, Terpandr i Alesha Popovich (epizod iz istorii otnoshenii Gumileva i Mandel'shtama?) // Nikolai Gumilev. Issledovaniia. Materialy. Bibliografiia. SPb., 1994.
9. *Levinton G. A.* K voprosu o statuse «literaturnoi shutki» u Akhmatovoi i Mandel'shtama // Anna Akhmatova i russkaia kul'tura nachala XX veka: Tezisy konferentsii. M., 1989.
10. *Levinton G. A.* «Na kamennykh otrogakh Pierii» Mandel'shtama: materialy k analizu // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 2.
11. *Levinton G. A.* «Na kamennykh otrogakh Pierii» Mandel'shtama: materialy k analizu (prodolzhenie) // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3.
12. *Letopis' zhizni i tvorchestva O. E. Mandel'shtama* / Sost. A. G. Mets pri uchastii S. V. Vasilenko, L. M. Vidgofa, D. I. Zubareva, E. I. Lubiannikovoi, P. Mitsnera. 2-e izd., ispr. i dop. Toronto, 2016.
13. *Makkaveiskii V.* Stilos Aleksandrii: Sonety i poemy. Kiev, 1918.
14. *Mandel'shtam N. Ia.* Vtoraia kniga: Vospominaniia / Podg. teksta, predislovie, prim. M. K. Polivanova. M., 1990.

15. *Mandel'shtam O. E.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2010. T. 1, 2, 3.
16. *Mochul'skii K. V.* Pis'ma k V. M. Zhirmunskomu / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. № 35.
17. *Narbut V. I.* Sobr. soch.: Stikhi. Perevody. Proza / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. R. R. Kozhukharova. M., 2018.
18. *Petrovskii M. S.* Gorodu i miru. 2-e izd., pererab. i dop. Kiev, 2008.
19. *Pravoslavnaia entsiklopediia*. M., 2003. T. 6.
20. *Russova S. N.* K istorii odnogo koshchunstva (O. Mandel'shtam i V. Makkaveiskii) // *Smert' i bessmertie poeta: Materialy nauch. konf. / Sost. M. Z. Vorob'eva, I. B. Delektorskaia, P. M. Nerler, M. V. Sokolova, Iu. L. Freidin*. M., 2001.
21. *Taranovskii K.* Pchely i osy. Mandel'shtam i Viacheslav Ivanov // *Taranovskii K. O poezii i poetike / Sost. M. L. Gasparov*. M., 2000.
22. *Timenchik R. D.* Tynianov i «literaturnaia kul'tura» 1910-kh godov // *Tynianovskii sbornik: Tret'i Tynianovskie chteniia / Otv. red. M. O. Chudakova*. Riga, 1988.
23. *Shindin S.* Mandel'shtam i kinematograf // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 60.

**Мария Эммануиловна Баскина
(Маликова)**

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

**Mariia Emmanuilovna Baskina
(Malikova)**

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
maria.e.malikova@gmail.com

**К ОПИСАНИЮ «ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА» 1930-х ГОДОВ:
КАК СДЕЛАН ПЕРЕВОД «ЖИЗНИ» БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ М. Л. ЛОЗИНСКИМ**

**TOWARDS THE DEFINITION OF «PHILOLOGICAL TRANSLATION» OF THE 1930s:
HOW M. L. LOZINSKY'S TRANSLATION
OF BENVENUTO CELLINI'S *LA VITA* IS MADE**

В статье анализируются подготовительные материалы к переводу М. Л. Лозинским «Жизни» Бенвенуто Челлини (1931), сохранившиеся в личном архиве переводчика. Свообразие филологического в своих основаниях подхода Лозинского к переводу этого прозаического текста, написанного на языке флорентийского *volgo* XVI века, заключается прежде всего в том, ориентируясь на анализ стиля Челлини в работах немецкого филолога Карла Фосслера, Лозинский подверг первоначальный вариант своего перевода скрупулезному ретроспективному анализу, направленному на то, чтобы добиться систематической точности в передаче по-русски синтаксических солецизмов Челлини, понимаемых как доминанта его стиля. Материалы «мастерской переводчика» позволяют приблизиться к собственно научному описанию переводческого метода Лозинского.

Ключевые слова: художественно-филологический перевод, архив переводчика М. Л. Лозинского, школа Карла Фосслера.

The article analyzes drafts and preparatory materials for Mikhail Lozinsky's translation of Benvenuto Cellini's *La Vita* (1931), preserved in the translator's archive. The specifics of Lozinsky's essentially philological approach to the translation of this prose work written in the dialect of Florentine 16th century *volgoliae*, is the fact that, benefiting from the analysis of Cellini's style in the works by Karl Vossler, Lozinsky had subjected his complete draft translation to scrupulous retrospective analysis, aimed at achieving systematic exactitude in reproducing the dominant of Cellini's style — his syntactic solecisms. Materials of the «translator's workshop» open up the path to the academic description of Lozinsky's translation method.

Key words: literary and philological translation, archive of translator M. L. Lozinsky, Karl Vossler school.

Список литературы

1. *Абдуллаев Е.* «Образы наш метафизический язык»: история одного пушкинского термина в контексте литературно-философских дискуссий 1820-х годов // Вопросы литературы. 2014. № 1.
2. *Азов А. Г.* Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.
3. *Алексеев М. П.* Проблема художественного перевода. Иркутск, 1931.
4. *Ахматова А. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5.
5. *Вахтина П., Громова Н., Позднякова Т.* Дело Бронникова. М., 2019.
6. *Гете И. В.* Западно-восточный диван / Изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. М., 1988 (сер. «Литературные памятники»).
7. *Густав Шпет и шекспировский круг.* Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисловие, комм., археографическая работа и реконструкция Т. Г. Щедриной. М.; СПб., 2013.
8. *Дашевский Г.* Пропasti перевода // Коммерсант Weekend. 2008. 17 окт.
9. *Дневник Ал. Блока. 1917–1921* / Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928.
10. Доклад О. М. Брига о новых переводах «Германии» Гейне и его обсуждение на секции переводчиков Союза писателей (1934) / Подг. текста, публ. и прим. Т. Ф. Нешумовой // Philologica. 2012. Т. 9. № 21/23. С. 280–333.
11. *Земскова Е. Е.* Стратегии лояльности: Дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г. // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35).
12. *Иванов Г. В.* Китайские тени // Иванов Г. В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3.
13. *Ивановский И. М.* Воспоминания о Михаиле Лозинском // Нева. 2005. № 7.
14. *Кашкин И. А.* Для читателя-современника. М., 1977.
15. *Лозинский М. Л.* Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасунского» // Мастерство перевода: Сб. статей. М., 1959.
16. *Лозинский М. Л.* Введение // Бенвенуто Ч. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931.
17. *Лозинский М. Л.* К переводу «Гамлета» // Шекспир В. Трагедия о Гамлете принце Датском / Пер. М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1937.
18. *Лозинский М. Л.* Тезисы доклада М. Лозинского «Искусство стихотворного перевода». М.: Стеклогр. Цедрама, 1935.
19. *Лозинский С. М.* История одного перевода «Божественной комедии» // Дантовские чтения. 1987 / Под общ. ред. И. Балзы. М., 1989.
20. *Магов [Гуковский М. А.]*. Academia и Возрождение // Литературный Ленинград. 1934. 6 февр. № 8 (30).
21. *Маликова М. Э.* К описанию «филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // Studia Literarum. 2017. Т. 2. № 3.
22. *Маликова М. Э.* О переводчике Адриане Антоновиче Франковском по материалам его архива // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017.
23. *Н. Л <ернер>.* [Рец. на:] Леконт де Лиль. Эрини. Пг., 1922 // Книга и революция. 1922. № 9–10 (21–22).
24. *Пинский Л. Е.* Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер. с итал. М. Лозинского. М.: ГИХЛ, 1958.
25. *Тименчик Р. Д.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2008.
26. *Усов Д. С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011.
27. *Федоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983.
28. *Фінкель О.* Теорія й практика перекладу. Харків, 1929.
29. *Фосслер К.* Эстетический идеализм: избранные работы по языкознанию / Пер. с нем. Сост. В. Д. Мазо. М., 2007.
30. *Челлини Б.* Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции / Пер., прим. и послесловие М. Лозинского. М.; Л.: Academia, 1931.
31. *Шекспир В.* Трагическая история о Гамлете принце Датском / Пер. М. Лозинского. М.; Л.: ГИХЛ, 1933 (сер. «Школьная библиотека»).
32. *Эткинд Е. Г.* Архив переводчика (Из творческой лаборатории М. Л. Лозинского) // Мастерство перевода: Сб. статей. М., 1959.
33. *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. М.; Л., 1963.
34. *La vita di Benvenuto Cellini: scritta da lui medesimo, restituita esattamente alla lezione originale con osservazione filologiche e brevi note di Brunone Bianchi.* Firenze: Successori Le Monnier, 1891.
35. *Vossler K.* Über grammatische und psychologische Sprachformen // Logos. 1919. Bd 8.

References

1. *Abdullaev E.* «Obrazui nash metafizicheskii iazyk»: istoriia odnogo pushkinskogo termina v kontekste literaturno-filosofskikh diskussii 1820-kh godov // *Voprosy literatury.* 2014. № 1.
2. *Akhmatova A. A.* *Sobr. soch.:* V 6 t. M., 2001. T. 5.
3. *Alekseev M. P.* Problema khudozhestvennogo perevoda. Irkutsk, 1931.
4. *Azov A. G.* Poverzhennye bukvalisty. Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody. M., 2013.
5. *Chellini B.* Zhizn' Benvenuto, syna maestro Dzhovanni Chellini, florentinca, napisannaya im samim vo Florencii / Per., prim. i posleslovie M. Lozinskogo. M.; L.: Academia, 1931.
6. *Dashevskii G.* Propasti perevoda // *Kommersant Weekend.* 2008. 17 okt.
7. *Dnevnik Al. Bloka.* 1917–1921 / Pod red. P. N. Medvedeva. L., 1928.
8. *Doklad O. M. Brika* o novykh perevodakh «Germanii» Geine i ego obsuzhdenie na sekcii perevodchikov Soiuza pisatelei (1934) / Podg. teksta, publ. i prim. T. F. Neshumovoi // *Philologica.* 2012. T. 9. № 21/23. S. 311–365.
9. *Etkind E. G.* Arkhiv perevodchika (Iz tvorcheskoi laboratorii M. L. Lozinskogo) // *Masterstvo perevoda: Sb. statei.* M., 1959.
10. *Etkind E. G.* Poeziia i perevod. M.; L., 1963. S. 185–197.
11. *Fedorov A. V.* Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury. L., 1983.
12. *Finkel' O. T.* Teoriia i praktika perekladu. Xar'kiv, 1929.
13. *Fossler K.* Esteticheskii idealizm: izbrannye raboty po iazykoznaniiu / Per. s nem. Sost. V. D. Mazo. M., 2007.
14. *Gete I. V.* Zapadno-vostochnyi divan / Izd. podg. I. S. Braginskii, A. V. Mikhailov. M., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. *Gustav Shpet* i shekspirovskii krug. Pis'ma, dokumenty, perevody / Otv. red.-sost., predislovie, komm., arkhograficheskaiia rabota i rekonstruktsiia T. G. Shchedrinoi. M.; SPb., 2013.
16. *Ivanov G. V.* Kitaiskie teni // *Ivanov G. V. Sobr. soch.:* V 3 t. M., 1994. T. 3.
17. *Ivanovskii I. M.* Vospominaniia o Mikhaile Lozinskom // *Neva.* 2005. № 7.
18. *Kashkin I. A.* Dlia chitatelia-sovremennika. M., 1977.
19. La vita di Benvenuto Cellini: scritta da lui medesimo, restituita esattamente alla lezione originale con osservazione filologiche e brevi note di Brunone Bianchi. Firenze: Successori Le Monnier, 1891.
20. *Lozinskii M. L.* K perevodu «Gamleta» // *Shekspir V. Tragediia o Gamlete printse Datskom* / Per. M. Lozinskogo. M.; L.: Academia, 1937.
21. *Lozinskii M. L.* Tezisy doklada M. Lozinskogo «Iskusstvo stikhotvornogo perevoda». M.: Steklogr. Tsedrama, 1935.
22. *Lozinskii M. L.* Valerii Briusov i ego perevod «Davida Sasunskogo» // *Masterstvo perevoda: Sb. statei.* M., 1959.
23. *Lozinskii M. L.* Vvedenie // *Chellini B. Zhizn' Benvenuto, syna maestro Dzhovanni Chellini, florentintsa, napisannaia im samim vo Florentsii* / Per., prim. i posleslovie M. Lozinskogo. M.; L.: Academia, 1931.
24. *Lozinskii S. M.* Istoriia odnogo perevoda «Bozhestvennoi komedii» // *Dantovskie chteniia.* 1987 / Pod obshch. red. I. Belzy. M., 1989.
25. *Magov* [Gukovskii M. A.]. Academia i Vozrozhdenie // *Literaturnyi Leningrad.* 1934. 6 fevr. № 8 (30).
26. *Malikova M. E.* K opisaniiu «filologicheskogo perevoda» v 1930-e gg.: A. A. Frankovskii — perevodchik angliiskogo romana XVIII v. // *Studia Literarum.* 2017. T. 2. № 3.
27. *Malikova M. E.* O perevodchike Adriane Antonoviche Frankovskom po materialam ego arkhiva // *Ezhgodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2016 god.* SPb., 2017.
28. *N. L. <erner>.* [Rets. na:] *Lekont de Lil'. Erinii.* Pg., 1922 // *Kniga i revoliutsiia.* 1922. № 9–10 (21–22).
29. *Pinskii L. E.* Benvenuto Chellini i ego «Zhizneopisanie» // *Chellini B. Zhizn' Benvenuto, syna maestro Dzhovanni Chellini, florentintsa, napisannaia im samim vo Florentsii* / Per. s ital. M. Lozinskogo. M.: GIXL, 1958.
30. *Shekspir V.* Tragicheskaiia istoriia o Gamlete printse Datskom / Per. M. Lozinskogo. M.; L.: GIKHL, 1933 (ser. «Shkol'naia biblioteka»).
31. *Timenchik R. D.* Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka. M.; Ierusalim, 2008.
32. *Usov D. S.* «My svedeny pochti na net...»: V 2 t. / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. T. F. Neshumovoi. M., 2011.
33. *Vakhtina P., Gromova N., Pozdniakova T.* Delo Bronnikova. M., 2019.
34. *Vossler K.* Über grammatische und psychologische Sprachformen // *Logos.* 1919. Bd 8.
35. *Zemskova E. E.* Strategii loial'nosti: Diskussiia o tochnosti khudozhestvennogo perevoda na Pervom vsesoiuznom soveshchanii perevodchikov 1936 g. // *Novyi filologicheskii vestnik.* 2015. № 4 (35).

Екатерина Ильинична Ляпушкина

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Ekaterina Iľ'inchna Liapushkina

Associate Professor, St. Petersburg State University

**«КАРУСЕЛЬ ИСТИНЫ»
(СМЫСЛ ЭПИГРАФА В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «ДАР»)**

**«CAROUSEL OF TRUTH»
(THE MEANING OF THE EPIGRAPH IN V. V. NABOKOV'S NOVEL *THE GIFT*)**

Статья представляет собой анализ смыслового наполнения набокковского эпиграфа через соотнесение его с ведущими темами и композиционной организацией романа. Эпиграф к «Дару» — своего рода энигма, его кажущаяся тривиальность служит прямым указанием на необходимость отыскания скрытого в нем смыслового объема.

Ключевые слова: В. В. Набоков, «Дар», эпиграф, П. Смирновский, энигматический текст, паратекст, тема бессмертия.

The article offers the analysis of the semantic content of Nabokov's epigraph via its correlation with the leading themes and compositional structuring of the novel. The epigraph to *The Gift* is a kind of an enigma, its apparent triviality serves as a direct indication that it should be carefully searched for the full scope of its hidden semantic significance.

Key words: V. V. Nabokov, *The Gift*, epigraph, P. Smirnovsky, enigmatic text, paratext, theme of immortality.

Список литературы

1. Букс Н. Роман-Оборотень: о «Даре» В. Набокова // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. № 4.
2. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб., 2004.
3. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4.
4. Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2000. Т. 4.
5. Паперно И. Как сделан «Дар» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1997.
6. Смирновский П. Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений. 17-е изд. М., 1903.
7. Шульман М. Ю. Набоков, писатель: Манифест. М., 1998.

References

1. Buks N. Roman-Oboroten': o «Dare» V. Nabokova // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. № 4.
2. Davydov S. «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova. SPb., 2004.
3. Dolinin A. Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina // Nabokov V. V. Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. SPb., 2000. T. 4.
4. Nabokov V. V. Dar // Nabokov V. V. Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t. SPb., 2000. T. 4.
5. Paperno I. Kak sdelan «Dar» Nabokova // V. V. Nabokov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya. SPb., 1997.
6. Shul'man M. Iu. Nabokov, pisatel': Manifest. M., 1998.
7. Smirnovskii P. Uchebnik russkoi grammatiki dlia mladshikh klassov srednikh uchebnykh zavedenii. 17-e izd. M., 1903.

Галина Николаевна Боева

профессор кафедры рекламы и связей с общественностью
Института бизнес-коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета промышленных
технологий и дизайна

Galina Nikolaevna Boeva

Professor in the Department of Advertisement and Public Relations,
Institute of Business Communications,
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
g_boeva@rambler.ru

**КЛЮЧИ К ЦВЕТОЧНОМУ ШИФРУ
В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

**KEYS TO THE FLOWER CODE
IN WORLD LITERATURE OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Рец. на: *Шарафадина К. И.* «Селам, откройся!»: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.; ил.

[Review]: *Sharafadina K. I.* «Selam, otkroisia!»: Floropoetika v obraznom iazyke russkoi i zaru-bezhnoi literatury. SPb.: Nestor-Istoriia, 2018. 544 s.; il.

Елизавета Геннадьевна Маслова

доцент кафедры иностранных языков № 1
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Elizaveta Gennad'evna Maslova

Associate Professor, Department of Foreign Languages № 1,
Plekhanov Russian University of Economics
Maslova.EG@rea.ru

Екатерина Владимировна Чернецова

доцент Департамента иностранных языков,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ekaterina Vladimirovna Chernetsova

Associate Professor, School of Foreign Languages,
National Research University *Higher School of Economics*
echernetsova@hse.ru

**МОНОГРАФИЯ О СМЕХОВОМ СЛОВЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

**MONOGRAPH ON LAUGHTER IN THE WORKS OF THE RUSSIAN WRITERS
OF THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY**

Рец. на: *Дубровская С. А.* От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х — начала 1840-х гг. Саранск: Издательство Мордовского ун-та, 2018. 256 с.

[Review]: *Dubrovskaja S. A. Ot «Arzamasa» do Gogolia: smekhovoe slovo v prostranstve russkoi literatury 1810-kh — nachala 1840-kh gg.* Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo un-ta, 2018. 256 s.

Вера Петровна Киржаева

профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Vera Petrovna Kirzhaeva

Professor, Department of Russian Language,
National Research Mordovia State University

kirzhaeva_vera@mail.ru

Олег Ефимович Осовский

главный научный сотрудник
Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева

Oleg Efimovich Osovsky

Chief Researcher, Department of Linguistics and Translation,
Mordovia State Pedagogical Institute

osovskiy_oleg@mail.ru

**«В НАШЕЙ БОЕВОЙ И НАПРЯЖЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ...»:
ДВУХТОМНИК П. Н. МЕДВЕДЕВА КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ**

**«IN OUR LIFE FULL OF IDEOLOGICAL COMBAT AND SUSPENSE...»:
P. N. MEDVEDEV'S TWO-VOLUME EDITION AS A DOCUMENT OF THE EPOCH**

Рец. на: *Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т.* СПб.: Изд-во «Росток», 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.

[Review]: *Medvedev P. N. Sobr. soch.: V 2 t.* SPb.: Izd-vo «Rostok», 2018. T. 1: Istoriiia literatury. 848 s.; T. 2: Poetika i psikhologiya tvorchestva. 928 s.

Ольга Александровна Линдеберг

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Aleksandrovna Lindeberg

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В 1919 ГОДУ:
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ»**

RUSSIAN LITERATURE IN 1919: TEXT AND CONTEXT RESEARCH SEMINAR

[Meeting Abstract]

Елена Дмитриевна Конусова

научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Elena Dmitrievna Konusova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

yelka22@gmail.com

XLIII МАЛЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XLIII MALYSHEV CONFERENCE

[*Meeting Abstract*]

Наталья Аркадьевна Прозорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Akrad'evna Prozorova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

arhivistka@mail.ru

ТРЕТИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

RUSSIAN LITERATURE IN THE SOVIET ERA THIRD RESEARCH SEMINAR

[*Meeting Abstract*]

Дмитрий Михайлович Буланин

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

dmitriibulanin@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В СЕГОВИИ

«ОТ СКРИПТОРИЯ К БИБЛИОТЕКЕ» И ОБРАЗОВАННОСТЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

**FROM SCRIPTORIUM TO THE LIBRARY INTERNATIONAL CONFERENCE
IN SEGOVIA AND THE EDUCATION OF ANCIENT SLAVS**

[*Meeting Abstract*]

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Professor, St. Petersburg State University

kibalnik007@mail.ru

**XVII СИМПОЗИУМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В США****XVII SYMPOSIUM OF THE INTERNATIONAL SOCIETY
OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE USA**

[*Meeting Abstract*]

Любовь Валерьевна Хачатурян

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Liubov' Valer'evna Khachaturian

Associate Professor,
Higher School of Economics National Research University

rgali2010@yandex.ru

**ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ТЕКСТ КАК DATA: РУКОПИСЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»****TEXT AS DATA: MANUSCRIPTS IN THE DIGITAL SPACE
FOURTH ROUND TABLE DISCUSSION**

[*Meeting Abstract*]

От редакции: Автор опубликованной в № 1 журнала «Русская литература» за 2019 год статьи «Бен, Тата и Кика: эпизод из истории семьи Бенедикта Лившица» (DOI: 10.31860/0131-6095-2019-1-170-178) Павел Маркович Нерлер, обозначенный в Summaries как независимый исследователь, является профессором и директором Мандельштамовского центра НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

Учредители:

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 09.01.20. Подписано к печати 31.01.20. Дата выхода в свет 28.02.20
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 27. Тираж 330 экз.
Тип. зак. № 17/1а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»